

**лавянская
Библия
в эпоху раннего
книгопечатания**

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Библиотека Российской академии наук

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

К 510-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ БИБЛЕЙСКОГО СБОРНИКА
МАТФЕЯ ДЕСЯТОГО

Ответственный редактор А. А. Алексеев

Издательство Пушкинского Дома
Санкт-Петербург
2017

УДК 27-23(002.2:003.349)

ББК 86.37:89

С47

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук А. А. Алексеев (ответственный редактор),

кандидат искусствоведения Ф. В. Панченко,

кандидат филологических наук В. Г. Подковырова,

кандидат филологических наук В. А. Ромодановская

Рецензенты:

доктор филологических наук М. В. Рождественская

кандидат исторических наук О. В. Чумичева

*Утверждено к печати Ученым советом Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН и Ученым советом Библиотеки Российской академии наук*

Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания
С47 **Библейского сборника Матфея Десятого** / Отв. ред. А. А. Алексеев; ред. колл.:
Ф.В. Панченко, В.Г. Подковырова, В.А. Ромодановская; Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН; Библиотека Российской академии наук. – Санкт-Петербург:
Издательство Пушкинского Дома, 2017. – 460 с., илл.
ISBN 978-5-87781-054-9

Сборник составлен из статей участников прошедшей в Санкт-Петербурге в июне 2017 г. международной научной конференции «Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания». Научные разработки отечественных исследователей Санкт-Петербурга, Москвы, Ростова Великого, а также зарубежных ученых из Беларуси, Великобритании, Польши, Италии посвящены самым разнообразным аспектам изучения рукописей и старопечатных изданий Священного Писания: книговедению, археографии, лингвистике, текстологии, источниковедению, искусствоведению, а также проблемам так называемых смежных дисциплин.

Книга рассчитана на историков, филологов, искусствоведов, культурологов и всех интересующихся историей Библии и книжной и духовной культуры в целом.

*Издание выпущено в свет при финансовой поддержке РГНФ,
проект «Русская рукописная Библия Матфея Десятого 1507 г.
Подготовка издания» (№ 16-04-00276).*

УДК 27-23(002.2:003.349)

ББК 86.37:89

ISBN 978-5-87781-054-9

© Институт русской литературы

(Пушкинский Дом) РАН, 2017

© Библиотека РАН, 2017

© Коллектив авторов, 2017

Содержание

От составителей	5
А. А. Алексеев. Эволюция славянской Библии от рукописной книжности к печатному станку	6
Н. А. Елагина. «Историческая Библия» Гийара де Мулена в Российской национальной библиотеке	17
О. Н. Блескина. Библии для «бедных» в собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки	27
Г. Н. Питулько. Западноевропейские издания Библии конца XV – первой половины XVI в. в собрании БАН	39
С. А. Семячко. Предисловия к библейским песням: новые материалы, старые вопросы	50
М. Гардзанити. Перевод и использование Библии в творчестве Максима Грека	57
Т. В. Пентковская. Беседы на Евангелие от Матфея и Иоанна в переводе старца Силуана и Максима Грека в контексте раннего периода переводческой деятельности Максима Грека в России	66
А. А. Пичхадзе. «Řecko-staroslověnský index» как инструмент исследования кирилло-мефодиевских переводов	74
В. С. Томеллери. Молитва Господня с толкованиями Брунона в переводе Дмитрия Герасимова: Интерлинейное издание текста	82
М. Б. Плюханова. Цитирование Ветхого Завета в Многосложном свитке	97
С. А. Французов. Полный список Библии на арабском языке в Санкт-Петербурге: Проблема датировки	110
Ф. В. Панченко. Концепт художественного оформления Библейского сборника Матфея Десятого	124
В. В. Калугин. Указатель Матфея Десятого «От пророчеств пословицы» и его русские источники	137
А. Е. Жуков. Были ли у Матфея Десятого ученики? К характеристике письма Супрасльского сборника 1507 г.	149
В. А. Ромодановская. Типология маргиналий в Библейском сборнике Матфея Десятого	158
В. Г. Подковырова. Откровение Иоанна Богослова в Сборнике Матфея Десятого (БАН, Срезн. II.75)	177
Л. В. Осинкина. О ветхозаветной книге Екклесиаст в Сборнике Матфея Десятого в сравнении с другими коллекциями библейских книг	202
А. А. Романова. Комплекс календарно-астрологических таблиц в Супрасльском сборнике	208

А. В. Миронович. Супрасльский монастырь в конце XV –середине XVI в. как религиозный и культурный центр.....	213
И. Д. Соловьева. Цикл миниатюр с образами евангелистов и их символов – новый памятник новгородской миниатюры XV века	235
Е. И. Серебрякова. Об особенностях иллюминации псковских рукописей Священного Писания XVI в.: мотивы орнамента и «иконография» инициалов	242
Е. И. Морозова. Об одном малоизвестном Четвероевангелии конца XV в. из собрания Государственного Исторического музея (Чуд. 30).....	251
Е. В. Гусарова. Художественные традиции оформления библейских книг в Эфиопии (на примере парадного Восьмикнижия Эф. 100 из собрания ИВР РАН).....	260
О. С. Сапожникова. От миниатюр немецких изданий XVI в. «Liber de arte distillandi» к «чудищам»русского Травника	267
Э. А. Гордиенко. Роспись церкви Успения на Волотовом поле в системе богослужения	283
Э. С. Смирнова. О времени создания Симоновской Псалтири (ГИМ, Хлуд. 3). Взгляд искусствоведа.....	296
Т. В. Анисимова. История Иосифа и его братьев в Тихонравовском хронографе	304
А. Г. Бобров. Новгородско-литовские отношения и судьба Виленского списка Летописи Авраамки.....	314
А. Г. Мельник. Избранные общехристианские святые, почитавшиеся в Троице-Сергиевом монастыре XV–XVI вв.	323
М. В. Корогодина. Канонические книги Супрасльского монастыря XVI века.....	330
У. А. Павлучук. Православные монастыри на территории Великого Княжества Литовского в XVI веке как культурные и духовные центры	337
А. И. Алексеев. Источники по истории религиозных движений на Руси в конце XV – начале XVI в.: Новый взгляд	349
Е. Остапчук. Евангелие от Марка в старопечатных изданиях богослужебных Четвероевангелий	357
А. В. Соколович. Брестская и Острожская Библия: влияние национальной традиции при переводе священных текстов (на примере античной реалии гиматий в Четвероевангелии Брестской и Острожской Библий)	368
Е. И. Титовец. Книги Библии в коллекции кириллических изданий XVI в. Центральной научной библиотеки НАН Беларуси	374
Summary	381
Список сокращений.....	397

С 13 по 17 июня 2017 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Библиотека Российской академии наук проводили международную научную конференцию «Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания». Конференция была посвящена 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого. Сборник библейских книг (рукопись БАН Срезн. II.75, или 24.4.28), созданный в 1502–1507 гг. книжником Матфеем Десятым из Торопца в Супрасльском монастыре на западе восточнославянского региона, является уникальным свидетелем разнообразия существовавших книжных традиций. Вместе с тем, в нем четко выражены новые тенденции рубежа XV–XVI вв. к созданию полного библейского кодекса, которые были порождены европейским книгопечатанием. Художественное оформление рукописи и состав текста обусловлены одновременно славянскими и западноевропейскими культурными традициями. Изучение Сборника 1507 г. сталкивает исследователя с широким кругом вопросов бытования библейских рукописей, археографии, взаимосвязей различных видов художественного оформления, истории раннего книгопечатания. Являясь ярким выразителем своей эпохи, Сборник ставит вопросы о формировании выразившихся в нем культурно-исторических феноменов и их дальнейших судьбах в культуре.

Круг проблем, определяемых феноменом Библейского сборника Матфея Десятого, вызвал широкий интерес как у российских, так и зарубежных ученых. На конференции были представители университетской и академической науки, сотрудники библиотек, архивов и музеев России, Беларуси, Литвы, Великобритании, Польши, Италии и Германии. Конференция объединила вокруг себя специалистов разных областей гуманитарных знаний: филологов, библеистов, текстологов, лингвистов, историков, искусствоведов, книговедов.

Конференция представила возможность специалистам разных областей знаний собраться вместе, обсудить проблемы, связанные с созданием Сборника и особенностями его содержания, обозначить специфику современных Библии Матфея книжных памятников, а также осветить сложившуюся в этот период на Северо-Западе Европы историческую ситуацию. Освоение научной общественностью представленных на конференции исследований позволит на новом уровне рассматривать проблемы бытования славянской Библии в эпоху раннего книгопечатания.

Материалы конференции предлагает читателю настоящий сборник статей.

Эволюция славянской Библии от рукописной книжности к печатному станку*

Памяти Ольги Петровны Лихачевой

д-р филол. наук

СПбГУ

e-mail: alexeev.anatoly@gmail.com

За отсутствием читательской среды сборники четырех библейских книг не были востребованы у славян XI–XIV вв. Библия выступала с толкованиями (Толковая паея), что соответствовало интересам самих писцов-книжников. Развитие общежительных монастырей с общественными библиотеками и влияние европейского книгопечатания привели к появлению с XIV в. библейских сборников, рассчитанных на читателя. Сборник Матфея Десятого соответствует переходному моменту от одного типа книжности к другому.

Ключевые слова: рукописная книжность, сборник, компиляция, Библия.

Вопреки своему ведущему назначению в идеологии и культуре средневекового общества Библия занимает скромное положение в системе письменных жанров эпохи. Это видно по количеству рукописей, в которых она сохранилась. Статистика славянских рукописей XI–XIII вв. с распределением по жанрам и темам приблизительно такова.¹ Из почти 500 единиц две трети приходится на богослужебные книги триодь, служебник, требник, ирмолой, параклитик, служебную mineю, а также устав и другие канонические тексты. Одна треть приходится на сборники. Среди сборников центральное место занимает пролог и четья mineя, за ними следуют собрания проповедей и поучений отдельных авторов вроде Златоструя, Лествицы. Как и в случае служебных рукописей, организация материала в четырех сборниках носит преимущественно календарный характер. Большая часть из них привязана ко времени великого поста, когда в Византии проводилась массовая катихизация. Отдельные жития также

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ, проект «Русская рукописная Библия Матфея Десятого 1507 г. Подготовка издания» (проект № 16-04-00276).

¹Используем [23]. В каталоге рукописи расположены в хронологической последовательности.

объединялись в сборники по календарному принципу и включались в четыре литургические подборки, вроде майского Успенского сборника XII в.

Что касается собственно библейских рукописей, то в их число входит 90 списков Евангелия и Апостола в форме лекционария (апракоса), они назначены исключительно для литургического использования. Но 30 списков Четвероевангелия тоже за малым исключением имеют литургический характер, поскольку с XIII в. богослужение развивалось под определяющим влиянием иерусалимского устава, который не знал лекционария (апракоса), а пользовался исключительно Четвероевангелием (тетром) [6: 173–174]. Среди этих списков находятся четыре рукописи Евангелия, которые могут считаться главными свидетелями кирилло-мефодиевского перевода (Мариинское, Зографское, Галицкое, Типографское) [11: 8–9, 19–21], но также имеют литургическую разметку или ее остатки [6: 21]. Что касается прочего объема библейского текста, то только 9 списков из 500 содержат части Ветхого Завета в сопровождении толкований и один список содержит Апокалипсис. Таким образом, не более пяти процентов сохранившихся рукописей приходится очевидным образом на Библию.² Конечно, в этой картине есть черты случайности и закономерные искажения. Так, мы сегодня знаем, что рукописи более позднего времени действительно сохранили основной корпус кирилло-мефодиевских переводов, и их историческая достоверность сомнений не вызывает. Следовательно, в древний период также существовали соответствующие документы, которыми обусловлено сохранение традиции. Так, из 500 древних рукописей лишь 10 приходится на Псалтырь, зато позже их общее количество достигает 3750 (согласно неопубликованному каталогу И. Е. Евсева³). И все же в целом жанровое распределение древнерусских рукописных источников таково, что литургика и сборник воплощают в себе базовые черты письменной культуры в эпоху первоначального развития письменности.⁴

Письменность возникает и организуется в связи с задачами христианской миссии, с нею связан круг необходимых переводов и набор

² Таковы же пропорции в дополнении к «Сводному каталогу», опубликованному в [22]. Приложение 2 перечисляет 69 рукописей XI–XIII вв., в их числе один список Четвероевангелия (№ 26).

³ СПбФ АРАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 21.

⁴ Из каталога сербских рукописей Д. Богдановича можно извлечь некоторые дополнительные данные, которые согласны с приведенными оценками. Из 2222 учтенных рукописей на Четвероевангелие приходится 333 единицы и лишь 14 – на Евангелие-апракос: это значит, что большая часть списков Четвероевангелия использовалась для богослужения (так называемый «сербский литургический тетр»). Служебная Псалтырь представлена, однако, всего 177 единицами. На собственно библейские рукописи приходится 3 толковых Апокалипсиса, 7 толковых Евангелий, 5 толковых Апостолов, 10 толковых Псалтырей, 2 книги Иова с толкованиями и Лесневская Библия XVI в. См.: [7].

литургических и агиографических текстов. Сама Библия оказывается востребована лишь в своем литургическом качестве, то есть частично, не полностью. Со временем появляются оригинальные по происхождению тексты (Жития Вячеслава, Бориса и Глеба и др.), которые создаются по внешним образцам и встраиваются в общую жанровую и календарную схему. Литургическое назначение текстов требует календарной организации отдельных произведений письменности, что всякий раз воплощается в форме сборника. Сборник сам по себе является центральной жанровой формой древнерусской письменности [10]. Сборник может охватывать разнородный материал, его идеалом становится энциклопедия или библиотека, то есть собрание в себе всего, что существует.⁵ Это объясняется двумя главными причинами, хотя их может быть названо больше. 1) Рукописный кодекс состоит из отдельных тетрадей, его размеры могут варьироваться в значительном диапазоне, и если подбор материала не ограничен какой-либо тематикой, сборник становится библиотекой. 2) В допечатную эпоху писатель и читатель в большинстве случаев совмещаются в одном лице. Сборник не рассчитан на внешнего, постороннего читателя, еще нет читательской аудитории. Тиража издания не существует, и каждая копия является в известной мере самостоятельным произведением.⁶

Форму сборника имеет толковая версия Св. Писания, полученная через переводы из греческой письменности, а именно Толковая псалтырь Афанасия Александрийского, Толковые пророки Феодорита Кирского, катены на Песнь Песней, Шестоднев Василия Великого, Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского и т. д. Объем библейского текста и толкований может в каждом случае произвольно изменяться. В каталоге рукописей XI–XIII вв. на эти произведения приходится 10 единиц. Просто четий – «голый» – ветхозаветный текст отсутствует. Таким образом, Библии в том виде, как мы понимаем это теперь, Древняя Русь не знала. Это не мешало ей жить в библейском мире. Слово Владимира Мономаха в части поучения представляет собою центон из Псалтыри и книг Премудрости. Автора не смущает то, что его поучение содержит целиком чужой материал. Это тоже входит в природу сборника – автор выступает не столько как писатель, сколько усердный читатель и компилятор, он делится плодами своей начитанности с миром (нельзя сказать: с читателем).

⁵ В качестве примера см. [16].

⁶ Эта ситуация отмечена интересным суждением Д. С. Лихачева: «В древней литературе рукопись и произведение едины... Переписчик как бы выступает за автора, говорит с читателем... Чтобы по-настоящему почувствовать текст древнерусского литературного памятника, надо читать его в рукописи» [18: 297].

Сходным по жанру является моление Даниила Заточника. И то, и другое может быть названо флорилегием и антологией.

Таким образом, главным приемом авторской работы в это время является компиляция. По замечанию В. М. Истрина, наклонность к компиляции составляет одну из отличительных особенностей древнерусской литературы от современных ей южнославянских литератур.⁷ Усилиями местных книжников на северо-восточной Руси в XIII в. появляется нечто новое – Толковая палея. Здесь к библейскому тексту в объеме Пятикнижия и старших пророков прибавляются три рода комментариев: 1) библейские апокрифы, 2) пассажи из Пролога, 3) анти-иудейские инвективы. Текст неустойчив, все четыре его ингредиента меняют свой объем практически в каждом списке – в большей или меньшей степени. Толковая палея представляет собою славянскую параллель к европейским библейским комментариям, называемым глоссы. Возникнув в IX в., они приняли со временем форму больших толкований к библейскому тексту – *Glossa ordinaria*. Более систематические толкования, так называемые *Postilla litteralis super totam Bibliam*, Николая Лиранского, созданные в 1322–1331 гг., завершили процесс. Другой сборник сходного типа – хронограф в виде своих весьма объемных форм – Еллинского и Римского, Иудейского – и нескольких более мелких – Троицкого, Академического, Тихонравовского и других – воспроизвел византийские всемирные хроники, которые появляются с V в. и восходят в «Древностям иудейским» Иосифа Флавия. Именно Иосиф превратил Библию иудаизма в историографическое повествование. Вовсе не случайно, что только восточнославянский хронограф сохранил древний «мефодиевский» перевод пророческих книг Иеремии и Даниила, который не известен по другим источникам кириллического письма и лишь фрагментарно представлен в глаголическом бревиарии. Ранние списки Палей и Хронографа относятся к XIV в., но происхождение обеих компиляций в XIII в. со времени В. М. Истрина [15] не вызывает сомнений. Возможно, несколько позже, но все же в ту же самую эпоху появляются такие смешанные компилятивные формы как Хронографическая палея, которая к толкованиям на священное писание прибавляет исторический материал, снабжая повествование библейской хронологией. *Biblia historiale* Петра Коместора (†1178) является параллельным образованием в средневековой Европе. Наконец, следует отметить, что сами летописные своды по своей структуре сборника и методу компиляции также принадлежат той же группе текстов и той же эпохе.

⁷ [14: 5]. На роль компиляции как творческого приема средневековой литературы обращено внимание в европейской науке: [34; 27].

Строгое цитирование в этих условиях невозможно, представление о канонической форме библейского текста отсутствует [1; 5]. Вариантность связана не только с технологией ручного копирования, но и с отсутствием ясного представления о каноне. Почти все, что входит в природу библейского текста, по нашим представлениям сегодня, в ту историческую эпоху было ему чуждо.

Первым движением в сторону новой ситуации является так называемый Чудовский Новый Завет. Этот славянский перевод возник в XIV в. и отражает хорошее знакомство с греческим текстом и греческой рукописной традицией, где полные списки Нового Завета получили к тому времени широкое распространение: от эпохи IX–XVI вв. таких дошло около 170, все почти на пергамене, но лишь немногие содержат Апокалипсис (см.: [26]). Их распространение было вызвано, прежде всего, появлением убористого почерка – минускула (курсива) и, во-вторых, доступностью бумаги, более дешевого писчего материала. Чудовский Новый Завет сохранился в четырех копиях XV–XVI вв., но не всегда переписывался в полном объеме, почему известен один список Апостола и три Апокалипсиса, извлеченные из него [6: 191–195]. На славянском юге тогда же в 1404 г. был изготовлен полный новозаветный сборник с добавлением Псалтыри – сборник Хвала (Болонья. Библиотека университета, № 3537 В).

Кроме того, в XIV в. в Болгарии был создан известный сборник ветхозаветных книг (РНБ, F.I.461), своим составом похожий на второй том полной Библии (пандекты), он содержит книги младших пророков и писания, без псалмов [22: № 64].

В эту же эпоху и позже появляются сборники, объединяющие в рамках одного бумажного кодекса несколько библейских книг. Это списки Восьмикнижия (у южных славян), Пятикнижия (у восточных славян), Премудрости и Пророков (последние с толкованиями). От предшествующей эпохи имеется лишь один лист XII в. из пророка Исаии с толкованиями [23: № 123], потому количественный рост числа библейских сборников в XV–XVI вв. должен иметь свои причины. Вне сомнений, книгоиздательская революция 1455 г. в Европе не осталась незамеченной у славян, само появление Геннадиевской Библии говорит об этом. Но следует отметить одну важную причину внутреннего характера, а именно – развитие общежительных монастырей Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского, что повело к созданию монастырских книжных собраний, ради чего книга из храмовой ризницы переносится в библиотеку,⁸ и первого сообще-

⁸ В эпоху первого европейского ренессанса XII в. книга из церковного гардероба (*armarium*) перемещается в библиотеку. См.: [28: 71].

ства читателей из монахов. Действительно, уже в конце XIV или начале XV в.⁹ в Троице-Сергиевом монастыре появляются два библейских сборника нелитургического характера: это Пятикнижие (РГБ, ф. 304/1, № 1) и сборник трех оставшихся книг Восьмикнижия – Иисуса Навина, Судий, Руфи – с прибавлением Есфири (РГБ, ф. 304/1, № 2).¹⁰

Списки Восьмикнижия, которыми пользовался греческий мир и балканские славяне [31; 32], стали у восточных славян основой Толковой палеи и Хронографа, так что утратили самостоятельное функционирование. Поэтому писцу в Троицком монастыре пришлось обратиться к спискам Пятикнижия, которыми пользовались на восточнославянских землях евреи в синагогах. Полученный таким путем экземпляр он сравнил с паримийником и заменил там, где это было возможно, соответствующий четый текст паримийным [19: XLVIII–LXIII], который охватывает чуть больше четверти объема Бытия и незначительные пассажи из прочих четырех книг Пятикнижия [2: 177, 183]. Правка Пятикнижия по паримийнику свидетельствует о том, что нормативный характер приписывался в это время именно литургическим библейским текстам. Об этом же говорит тот факт, что вкладные рукописи (то есть дарения церквям и монастырям) всегда содержали литургический текст Писания, каковы, например, Остромирово и Мстиславово Евангелия. Многие другие восточнославянские списки Пятикнижия последующего времени сохраняют следы еврейского употребления в виде глосс на полях и деления на субботние чтения (парашот) [6: 182–184]. Второй Троицкий сборник также отражает влияние еврейской среды, ибо добавленная к его составу книга Есфирь возникла в результате еврейского синагогального перевода.¹¹ Следующий по времени написания сборник библейских книг РНБ, Q.I.2 совпадает по составу с РГБ, ф. 304/1, № 2.

В 1489 г. новгородский архиепископ Геннадий в послании Иоасафу, бывшему ростовскому епископу, перечисляет книги новгородских еретиков, называя среди них Бытие, Царства, Пророчества, Притчи, Иисуса Сирахова, – это почти полный состав Ветхого Завета [17: 320]. Это письмо часто цитируется в научной литературе в связи с ересью жидовствующих, почему внимание обращается на упомянутую в этом ряду «Логик» Маймонида.¹² Важнее в данном случае то, что названные Геннадием книги были в его распоряжении, а в письме проявлена забота о развитии

⁹ Датировки см.: [22: 170, 175, 556].

¹⁰ О целенаправленной работе по формированию библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, в частности библейскими рукописями, см.: [20: 237–272].

¹¹ Литература вопроса значительна, см.: [3].

¹² Все списки «Логики» имеют монастырское происхождение и с ересью не связаны, см.: [36; 4].

книжного фонда вообще и библейской письменности в частности.¹³ Архиепископ Геннадий следил за положением дел в Европе [24; ср. 17: 114], так что начатая в Новгороде работа по созданию полного библейского кодекса носила целенаправленный характер. Безусловно, предполагалось его печатное издание [21]. Вовсе не случайно в списке Геннадиевской Библии проведено отчетливое словоделение, которое стало отличительным признаком типографских изданий.

Библия, в нашем понимании, – тоже сборник, но построенный по другим правилам, чем рукописные сборники XI–XIII вв. Состав библейского сборника закреплён: известны количество книг, образующих библейский корпус, порядок их следования. Разделение латинской Библии на главы в начале XIII в. и на стихи в XVI в. постепенно выдвинуло строгие требования к стабильности библейского текста. А следовательно – и к строгости цитирования.¹⁴ Этот библейский сборник нового типа уже предполагает читателя, но не писателя. Записи в рукописях XV–XVI вв. говорят о случаях продажи и дарения библейских сборников, что тоже нуждается в читателе. Библия вообще не средневековая книга, это книга нового времени.

В истории литературы основная задача, которую решает рукописная эпоха, заключается в сохранении текста, но в эпоху книгопечатания задача состоит в обеспечении читателя текстом. Это положение справедливо само по себе, хотя имеет определенные исторические ограничения и модификации. В Европе книжный рынок стал складываться в XII в., задолго до книгопечатания, в ответ на развитие школьного образования и университетов. До XII в. копирование осуществлялось в монастырях, со времени появления университетов копирование стало частью книготорговли. Так, во Франции накануне введения книгопечатания было больше 10 тысяч копиистов только в Париже и Орлеане [35: 21]. О размахе этой работы говорит и тот факт, что от XIII–XIV вв. дошло более 2 тысяч копий сочинений Аристотеля [29: 75] и около 8 тысяч рукописных Библий на латыни (так называемая Парижская Библия или *Vulgata*). Книгопечатание выдвинуло запрос на корректный текст,¹⁵ на словари и грамматики, а в отдельных случаях – на создание целых научных институтов для решения такой задачи, как издание многоязычной Библии (полиглотты). На Руси книгопечатание стало заметным фактором обще-

¹³ Этот взгляд И. Е. Евсеева [12: 4] старается опровергнуть Я. С. Лурье [17: 136–137, 142–143]. Серьезную поддержку позиции И. Е. Евсеева см.: [21].

¹⁴ Деление на главы мы видим в Геннадиевской Библии, а стихи появились впервые лишь в петербургском издании Нового Завета 1728 г.

¹⁵ О текстовом авторитете печатных изданий говорит требование Патриарха Филарета Никитича (1619–1633) сверять рукописные литургические книги с печатными [9: 275].

ственной жизни лишь в конце XVI в., но и тогда ее главными потребителями были не частные лица, а приходы, почему основной продукцией была литургия.¹⁶

Печатная эпоха открыла новые условия для культурных контактов. Инструментом контактов стала книга, которая, как всякий товар, легко перемещалась по свету. То, что в Новгороде работу по подготовке Геннадиевской Библии осуществлял бенедиктинский монах, хорват Вениамин из пражского монастыря Эммаус, в общем-то случайность, принципиальным было то, что в наличии оказался печатный текст латинской Библии немецкого издания. Дореволюционная наука в лице талантливого и яркого И. Е. Евсеева рассматривала этот исторический эпизод как капитуляцию православия перед католицизмом «в этой существенной области вероисповедных разногласий» [13: 13], то есть в Библии. Следует со всей решительностью сказать, что И. Е. Евсеев в этом вопросе заблуждался. В средние века и в условиях империи пограничные линии не проходили по языку, языковые границы и нетерпимость возникают в эпоху формирования наций. Средневековая культура многоукладна и многоязычна, каждый ее регион и каждый уровень может обходиться своим собственным языком. С наступлением нового времени бурный ход национального развития подминает под себя культурное разнообразие и сложившееся конфессиональное согласие. Папская конгрегация пропаганды веры, на происки которой ссылался И. Е. Евсеев, была создана только в 1622 г., а сама Библия стала ареной религиозной борьбы прежде всего и даже исключительно в результате появления переводов Лютера – Нового Завета в 1522 г. и полной Библии в 1534. Формальной реакцией на них стало решение Тридентского собора (1546) о канонизации латинской Вульгаты. *Veritas hebraica*, которую Иероним старался передать своим латинским переводом, остается все-таки свойством самого еврейского текста и не может быть чертой только одного из переводов. Книгопечатание сделало Библию самой распространенной и читаемой книгой на свете и за последующий раскол и враждебное противопоставление разных версий ответственности не несет. Канонизация состава библейского текста возникла в конце концов как вынужденный компромисс в борьбе национальных амбиций. В XVI–XVII вв. печатный славянский текст развивается в значительной мере под влиянием латинского, так в XVII в. в него попадает известная добавка латинского текста в Ин. 5:7 о трех свидетелях на небе (*comma Iohanneum*) [33: 715–717]. Это сопровождается экзальтированным восхвалением Септуагинты,¹⁷

¹⁶ Это видно из истории изданий Псалтыри [8].

но завершается в конце концов почти полным отказом от нее при изготовлении Синодального перевода в XIX в.

В сборнике Матфея Десятого (БАН, Срезн. П.75) отразились черты переходной эпохи от рукописной книжности к печатной. Это безусловно Библия в том смысле, что другие тексты кроме библейских в этот сборник не входят. Последовательность вошедших в сборник книг в значительной мере соответствует тому порядку, какой принят для библейских кодексов Ветхого и Нового Заветов. Некоторые особенности в расположении и характере текста отдельных книг обусловлены тем, что Матфей не располагал широким кругом источников для своей работы, некоторые его решения носили вынужденный характер. Включение книги Менандра в состав кодекса отвечает обычной для восточных славян практике помещения Менандра, а иногда и Пчелы среди библейских книг премудрости [1: 179]. При этом Матфей проявил исключительное усердие, чтобы извлечь из паримийника, который был у него под рукой, все фрагменты Премудрости Соломона. О том, что эта книга является частью Библии, он мог знать только из печатного латинского издания, и скорее всего до него доходили сведения из Новгорода о Геннадиевском кодексе и его составе (братья и сестры Матфея были насельниками новгородских монастырей). Самым интересным в структуре этого кодекса является то, что Апокалипсис помещен тотчас после Евангелия от Иоанна. В славянской письменности еще известен лишь один случай такого рода: после Иоанна Апокалипсис находится в сборнике Хвала 1404 г. Эта черта композиции Хвала давно привлекла внимание ученого мира, начиная с Павла Шафарика ее объясняют какими-то боснийскими ересями [6: 174–175]. В чем заключаются ереси, не ясно. Известно, что Апокалипсис пользовался большим вниманием в первые века христианства, но в середине VII в. Максим Исповедник объяснил в своей «Мистагогии» страстным чаятелям конца света, что Царство Небесное открывается в храме при чтении Евангелия на литургии. В результате Апокалипсис был забыт. О нем вспомнили в X в., когда Арефа Кесарийский выпустил новое издание толкований на Апокалипсис своего предместника по кафедре Андрея [2: 128–137]. Известны четыре греческие рукописи с расположением Апокалипсиса сразу за Евангелием от Иоанна.¹⁸ В древности подобным образом помещали Евангелие от Луки на четвертое место, чтобы Деяния шли непосредственно за ним. И в том, и в другом случае была мысль расположить рядом творения одного ав-

¹⁷ О сочинениях в защиту Септуагинты см.: [25: 390–435].

¹⁸ Это следующие рукописи: Афины, Нац. библ., № 107 (XIII в.), Визант. музей, № 155 (1292 г.), Музей Бенаки, № 46 (XII–XIII вв.), Иерусалим, м-рь св. Саввы, № 101 (XIV в.). См.: [26: № 792, 1328, 1685, 2323].

тора. Действительно, в руках у Матфея Десятого был сербский список Четвероевангелия (тетра) с добавленным после Иоанна Апокалипсисом. Его принесли сербские монахи, которые приняли участие в основании Супрасльского монастыря; дальнейшая судьба этой рукописи неизвестна. Эта черта Библии Матфея Десятого отражает традиции рукописной эпохи, когда культурные контакты осуществлялись исключительно через непосредственное личное соприкосновение участников культурного обмена. Роскошное оформление кодекса, выполненное самим Матфеем и никем другим, что видно из его записи на л. 476–477 об., типично для вкладных рукописей. Труд Матфея не предполагает никакого другого использования кроме благочестивого почитания. Книга все еще орудие спасения души. И это даже для канцелярского писаря, каким был Матвей Иванович.

Литература

1. *Алексеев А. А.* Библейский канон на Руси // ТОДРЛ. Т. 61. СПб., 2010. С. 171–193.
2. *Алексеев А. А.* Библия в богослужении: Византийско-славянский лекционарий. СПб., 2008.
3. Алексеев А. А. Еще раз о книге Есфирь // Русский язык в научном освещении. 2003. Т. 1 (5). С. 185–214.
4. *Алексеев А. А.* Логика Псевдо-Маймонида в славянском переводе XV века // Русский язык в научном освещении. 2017. Т. 1 (33). С. 272–281.
5. *Алексеев А. А.* Рождение Библии // Священное Писание как фактор языкового и литературного развития. СПб., 2011. С. 7–29.
6. *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
7. *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI–XVII века). Београд, 1982.
8. *Вознесенский А. В.* К истории славянской печатной Псалтыри. М.; СПб., 2010.
9. *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки. Т. 1. М., 1855.
10. *Дмитриева Р. П.* Четыре сборники XV в. как жанр // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1972. С. 150–180.
11. Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998.
12. *Евсеев И. Е.* Геннадиевская Библия 1499 года. М., 1914.
13. *Евсеев И. Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.
14. *Истрин В. М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). Пг., 1922.
15. *Истрин В. М.* Редакции Толковой палеи. СПб., 1905
16. *Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Т. 35. Л., 1980. С. 3–300.
17. *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XV века. М.; Л., 1955.
18. *Лихачев Д. С.* Судьба рукописи Изборника 1073 г. в XIV в. // ТОДРЛ. Т. 49. СПб., 1996. С. 297–299.
19. *Михайлов А. В.* Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в славянском переводе. Варшава, 1912.

20. *Новикова О. Л.* Лихачевский «Летописец от 72-х языку»: К истории создания и бытования // Летописи и хроники. Новые исследования: 2009–2010. М.; СПб., 2010. С. 237–272.
21. *Ромодановская В. А.* О целях создания Геннадиевской Библии как первого полного русского библейского кодекса // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 278–305.
22. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век. Вып. 1. М., 2002.
23. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984.
24. *Седельников А. Д.* Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV – начале XVI века // Доклады АН СССР. Сер. В. 1929. № 1. С. 16–19.
25. *Сменцовский М.* Братья Лихуды. СПб., 1899.
26. *Aland K.* Kurzgefasste Liste der griechischen Handschriften des Neuen Testaments. Berlin, 1963.
27. *Bahr A.* Fragments and Assemblages: Forming Compilation of Medieval London. Chicago; London, 2013
28. *Haskins C. H.* The Renaissance of the Twelfth Century. Harvard, 1927.
29. *Kiglour F. G.* The Evolution of the Book. Oxford, 1998.
30. *Marti R.* Handschrift, Text, Textgruppe, Literatur: Untersuchungen zur inneren Gliederung der frühen Literatur aus dem ostslavischen. Wiesbaden, 1989.
31. *Mathiesen R.* Handlist of manuscripts containing Church Slavonic translations from the Old Testament // Polata knigopisnaja. 1983. № 7. P. 3–48.
32. *Mathiesen R.* The typology of Gyrillic manuscripts: East Slavic versus South Slavic Old Testament manuscripts // American Contributions to the IXth International Congress of Slavists. Vol. 1: Linguistics. Ohio, 1983. P. 193–202.
33. *Metzger B. M.* A Textual Commentary on the Greek New Testament. Stuttgart, 1971.
34. *Parkes M. B.* The Influence of the Concepts of ordinatio and compilatio on the Development of the Book // Medieval Learning and Literature: Essays presented to R. W. Hunt. Oxford, 1976. P. 115–141.
35. *Plant M.* The English Book Trade: An Economic History of the Making and Sale of Books. London, 1974.
36. *Taube M.* The Logika of the Judaizers: A 15th-Century Ruthenian Translation from Hebrew. Jerusalem, 2016.

«Историческая Библия» Гийара де Мулена в Российской национальной библиотеке

РНБ

e-mail: manuscripts@nlr.ru

Статья посвящена одному из наиболее значимых памятников средневековой французской литературы – «Исторической Библии» Гийара де Мулена. Оригинальное произведение, созданное пикардийским клириком, получило широкое распространение в период позднего средневековья, поскольку оказалось единственным иллюстрированным произведением на французском языке, основанным на Библии и полностью отвечающим запросам состоятельного светского читателя. В XIV в. главным центром по производству «Исторических Библий» был Париж. Одна из изысканно иллюстрированных парижских Библий, датируемая 1350–1355 гг., хранится в Отделе рукописей РНБ. Автор дает описание кодекса, отмечает особенности его иллюстративного цикла, останавливается на истории рукописи, в XIV–XVI вв. принадлежавшей влиятельному гасконскому роду д'Альбре, представители которого вззошли на престол Наварры, а позднее и Франции. Статья содержит также краткую информацию о хранящихся в РНБ печатных изданиях «Исторической Библии» второй четверти XVI в.

Ключевые слова: Российская национальная библиотека, иллюминированная рукопись, «Историческая Библия», Гийар де Мулен, «Схоластическая история», Петр Коместор, «Библия XIII в.», «Дополненная Историческая Библия», миниатюры, Жан Ле Нуар, история рукописи, Дом д'Альбре, П. П. Дубровский, Музей Императорского Эрмитажа.

Французская Библия в эпоху Средневековья

«Количество, древность и разнообразие французских переводов Библии способны поразить воображение...», – отмечал архиепископ Парижский в своем предисловии к вышедшему в свет в 1991 г. новому обобщающему труду по истории французской Библии [8: 5].

В действительности начало этой истории восходит к рубежу IX/X–XI вв., когда были сделаны первые шаги по переводу библейских текстов на народный язык. Свидетельства переводческой активности этого периода сохранили для нас древние глоссарии. В дальнейшем за ними последовали частичные адаптации отдельных книг Библии на романский (французский) язык, а также различные версии священной истории,

сначала стихотворные, затем прозаические. Первой из библейских книг, полностью переведенной в прозе, была Псалтирь. Понадобилось более двух столетий, в течение которых происходило формирование и становление старофранцузского языка, прежде чем в XIII в. появились два замечательных литературных памятника эпохи средневековья. Один из них, так называемая «Библия XIII века», первый полный перевод Библии на французский язык, был создан, как считают ученые, во второй половине столетия на основе Вульгаты. Инициатором появления этого перевода иногда называют Людовика Святого (1214–1270). Вторым выдающимся произведением «золотого века средневековой французской литературы» стала «Историческая Библия», главное сочинение в ряду сохранившихся средневековых французских переводов библейских текстов.¹

Автором «Исторической Библии» был пикардийский клирик Гийар де Мулен (1251–1312/1322), каноник церкви Св. Петра в Эр-сюр-ла-Лис, небольшом городке провинции Артуа, расположенном в самом северном регионе тогдашней Франции (рис.1). По наблюдениям ученых лингвистов, наиболее активно народные языки развивались на территориях, удаленных от центра латинского мира. Возможно, именно поэтому большинство переводов библейских текстов появляется именно на севере Франции. Духовное лицо и уроженец Пикардии, Гийар де Мулен должен был хорошо владеть как латынью, так и региональным языком, а также тем текстом, который он взялся переводить и которому посвятил пять лет своей жизни с 1291 по 1295 г. Существует гипотеза, что его решение было принято под влиянием Маго д'Артуа (1268–1329), дочери графа Робера II д'Артуа. Известно, что в 1316 г. она являлась владелицей Библии на французском языке.²

В течение долгого времени традиционная историография видела в «Исторической Библии» перевод или свободную адаптацию «Схоластической истории» Петра Коместора, французского теолога и церковного историка XII в. (рис. 2). Произведение Коместора, получившее невиданное распространение (до наших дней сохранилось около 800 списков этого сочинения), представляло собой краткое изложение священной истории в ее сопоставлении с событиями мировой истории, но не содержало дословного подлинного текста Вульгаты. По оценке современных исследователей, «Историческую Библию» следует рассматривать скорее как перевод «Вульгаты» Иеронима, сопровождающийся глоссами, которые составлены в соответствии с учеными комментариями Коместора [22:

¹ О средневековых переводах Библии на французский язык (*langue d'oïl*) см.: [8: 14–35].

² О Гийаре де Мулене см.: [16: 440–455]; см. также: [7: 157–186; 19].

149]. Опираясь в своем труде на два сочинения, получившие наибольшее распространение и особенно популярные для образования средневековых клириков, Гийар де Мулен разработал собственную оригинальную версию священной истории.

О большом успехе «Исторической Библии», и прежде всего у светского читателя, свидетельствуют 144 рукописи, полные или фрагментарные, выявленные в книгохранилищах и частных собраниях различных стран мира. Все они датируются XIV – нач. XVI в. [14]. Два кодекса хранятся в Санкт-Петербурге: один в Библиотеке Академии наук, второй в фондах Российской национальной (ранее Императорской публичной) библиотеки.

Рукопись Академии наук (БАН, F 149) введена в научный оборот в 1978 г. Л. И. Киселевой [4: 38–39]; в [14] она не учтена. Первое сообщение о рукописи РНБ (РНБ, Fr. F.v.I.1/1-2) появилось в печати в 1860 г. [15: 35]. В дальнейшем ее описания приводились во многих исследованиях и каталогах. Каждое последующее обращение к кодексу дополняло сведения о нем новой информацией [7: 434; 18: 13–17; 1: 82–87; 3: 124–127; 11].

Рукопись РНБ Fr.F.v.I.1/1-2. Внешнее описание

Экземпляр «Исторической Библии» РНБ представляет собой двухтомный фолиант, содержащий 548 пергаменных листов (299 в первом томе, и 249 во втором) размером 45,5 × 31,5 см. Пергамен прекрасной выделки, эластичен, средней толщины, с легкой желтизной. Несмотря на большую площадь двойных листов, использованных при создании книги, они почти не имеют повреждений в виде естественных отверстий или разрезов (рис. 3).

Текст (29,0 × 21,5 см), расположенный в три столбца по 48 строк на странице, выполнен четким, красивым книжным готическим письмом. Исправления, если таковые имеются, незаметны глазу, что позволяет говорить о высоком профессиональном мастерстве переписчика.

По замыслу автора, текст Вульгаты должен был быть воспроизведен более крупным письмом, чем глоссы, заимствованные у Коместора или, в редких случаях, составленные самим Гийаром. Исторические интерпретации и параллели, привносимые в текст, предполагалось размещать внизу страницы или на полях [11]. В действительности средневековые писцы далеко не всегда следовали этим указаниям. Так, в кодексе РНБ весь текст выполнен письмом одного размера. Глоссам всегда предшествует соответствующая рубрика («glose»), а их текст подчеркнут красным. Какие-либо дополнения на полях отсутствуют.

Рукопись украшают две большие миниатюры-фронтисписа в начале каждого тома, 40 малых миниатюр в первом томе и 12 во втором. Эле-

ментами декора являются также три историзованных инициала, многочисленные большие и малые орнаментированные инициалы, бюрдюры, выполненные красками и золотом, красные и синие колонтитулы с золотом и филигранным орнаментом. Переплет XV в. – доски в коричневой коже со слепым тиснением. Позднее (возможно, в XVII в.) крышки были обтянуты двухцветной, малиновой с желтым, тканью. Видны проколы для застежек, в настоящее время утраченных.

По формату, расположению текста на странице, богатству изобразительного цикла «Историческая Библия» разительно отличается от небольших портативных Библий, столь типичных для XIII в., и воспринимается скорее наравне с хрониками и романами, весьма модными в ту эпоху, с которыми она сопоставима по своим внешним параметрам.

Содержание рукописи

Первоначальная версия сочинения Гийара де Мулена доподлинно неизвестна. До наших дней не дошли ни автограф, ни оригинальная рукопись «Исторической Библии». Возможно, существовали два авторских варианта текста: ранняя редакция 1291–1295 гг. и более поздняя, переработанная, созданная ок. 1297 г. и снабженная предисловием. На основании анализа манускриптов, которые представляются наиболее близкими к первоначальной версии «Исторической Библии», С. Берже реконструировал исходный состав и структуру произведения, содержавшего, как он полагал, Пятикнижие и большинство книг исторических [7: 166–177].

Однако уже при жизни Гийара его сочинение, благодаря второму успешному предприятию того времени – «Библии XIII в.», стало дополняться переводами других библейских текстов. В результате этого процесса в начале XIV в. возникло новое произведение – «Дополненная историческая Библия», состоявшая, как правило, из двух томов. Первый том включал тексты от книги Бытия до Псалтири и, в основном, соответствовал сочинению Гийара с некоторыми дополнениями. Содержание второго тома (от Парабол Соломона до Апокалипсиса) совпадало с «Библией XIII в.».

«Дополненная историческая Библия» существует в трех редакциях.

Малая «Дополненная Историческая Библия» возникла в Париже в 1310–1315 гг. и сохранилась в 21 списке. Все выявленные рукописи парижского происхождения.

Средняя «Дополненная Историческая Библия», по сравнению с предыдущей, содержит больше текстов, заимствованных из «Библии XIII в.». Известно 18 рукописей этой редакции. За единственным исключением, все они относятся к XIV в. и созданы в Париже между 1320 и 1375 гг.

Большая «Дополненная Историческая Библия», пополнившаяся книгами Хроник (Паралипоменон), Ездры и Неемии, также извлеченными из «Библии XIII в.», стала доминирующей во второй половине XIV – начале XV столетия.³

Рукопись РНБ содержит эту последнюю, наиболее полную и распространенную, редакцию средневекового текста.⁴ Первый том открывается прологом и авторским предисловием 1297 г. Далее следуют книги Ветхого Завета от Бытия до Псалтири. Второй том включает продолжение ветхозаветных книг от Парабол Соломона до Маккавеев и книги Нового Завета от Евангелия от Матфея до Апокалипсиса. В целом такой состав и распределение текста по томам можно считать общепринятым для настоящей редакции. Однако каждая рукопись в пределах рассматриваемой группы может отличаться наличием или отсутствием отдельных книг, их версиями, порядком следования внутри тома, полнотой текста и пр.

В петербургском экземпляре обращает на себя внимание тот факт, что оглавление, помещенное в первом томе, не отражает реальное содержание рукописи. Это касается текстов как Ветхого, так и Нового Завета. Возникает вопрос и в связи с книгами пророков Иеремии, Иезекииля и Даниила. Они присутствуют в первом томе кодекса, а затем повторяются во втором. Следует признать, что тексты «Исторической Библии» РНБ пока мало изучены, что, впрочем, справедливо для многих списков этого произведения. До настоящего времени рукопись привлекала внимание главным образом специалистов в области средневековой книжной живописи.

Миниатюры рукописи

Из более чем 140 сохранившихся экземпляров «Исторической Библии» только 7 не являются иллюстрированными и тем самым составляют исключение из общего правила [14]. При этом миниатюрами украшены все рукописи, наиболее близкие к первоначальной версии текста. Это дает основание предполагать, что наличие иллюстраций не только определялось характером литературного произведения, но и соответствовало авторскому замыслу.

Создание изобразительных циклов к произведению Гийара де Мулена внесло ряд существенных изменений в традицию иллюстрирования библейских текстов, которая сложилась в XIII в. Первое из этих изменений коснулось размеров иллюстраций, второе – числа миниатюр.

³ О «Дополненной Исторической Библии» и ее редакциях см.: [7: 186–220; 14].

⁴ С. Берже относил рукопись РНБ к средним «Дополненным Историческим Библиям», см.: [7: 215]. По мнению Э. Фурнье, петербургский кодекс представляет собой большую «Дополненную Историческую Библию» [11].

Французский исследователь Ф. Авриль, превосходный специалист в области средневековой книжной живописи, отметил, что в рукописях «Исторической Библии» и «Библии XIII в.» иллюстрации значительно больше по своим размерам, нежели в латинских Библиях этого периода. Историзованные инициалы, характерные для последних, уступили место миниатюрам, форма которых приближается к квадрату со стороны равной ширине текстового столбца [10: 258]. С одной стороны, такое замещение было обусловлено гораздо большими размерами самих французских Библий. С другой, свидетельствовало об ослаблении и жесткой связи между текстом и иллюстрациями, которые приобрели заметную самостоятельность. Если ранее в латинских Библиях место иллюстрации было строго предопределено: она вписывалась в инициал в начале той или иной книги, то теперь каждая книга могла содержать несколько иллюстраций, относящихся к различным эпизодам повествования. С увеличением числа миниатюр изменилась и иконография библейских текстов: в иллюстративных циклах появились новые оригинальные сюжеты, открывающие возможность для новых теологических интерпретаций [14].

Изобразительный ряд петербургского кодекса вполне соответствует этим общим тенденциям. Миниатюры, украшающие рукопись, имеют если не квадратную, то близкую к квадрату форму. Их ширина равна 6 см для двух крайних столбцов текста и 5,5 см для среднего столбца. Высота колеблется от 6 до 8 см, в большинстве случаев соответствуя 7–7,2 см. Иллюстрации свободно располагаются в тексте. Только один относительно небольшой фрагмент книги Бытия, посвященный сотворению мира, проиллюстрирован здесь 7-ю миниатюрами по числу дней творения (рис. 4) вместо единственного инициала в начале текста со вписанными в него в медальонах 7-ю сюжетами, как это традиционно принято в латинских Библиях.⁵ Отдельные иллюстрации посвящены и другим эпизодам той же книги. В их числе искушение Адама и Евы, история Каина и Авеля, всемирный потоп, жертвоприношение Авраама и др.⁶

Миниатюры «Исторической Библии» РНБ отличаются особым изяществом и благородством рисунка. Мягкий колорит превосходно сочетается с техникой гризайли, в которой выполнены грациозные немного вытянутые вверх фигуры. Над иллюстрациями рукописи работало несколько художников, чьи имена остались неизвестными. Некоторые из них принимали участие в создании миниатюр «Морализованной Библии», принадлежавшей королю Франции Иоанну II Доброму и датиров-

⁵ См. описание двух латинских Библий из собрания РНБ (Lat.Q.v.I.227 и Lat.O.v.I.174): [5: 94, 98, 192, 196].

⁶ Сюжеты всех миниатюр и историзованных инициалов рукописи РНБ приведены в: [11].

емой 1350–1355 гг. [6: 110]. Великолепные фронтисписы петербургского кодекса атрибутируют предположительно Жану Ле Нуару, талантливому ученику и последователю выдающегося французского художника-миниатюриста XIV в. Жана Пюсселя (рис. 5). Активная творческая деятельность Ле Нуара также совпадает по времени с указанным периодом. Таким образом, на основании искусствоведческого анализа миниатюр можно говорить о пятилетии между 1350 и 1355 гг. как о вероятной дате создания кодекса [1: 82].

Еще в начале XX в. А. де Лаборд охарактеризовал иллюминацию петербургской рукописи как «блестящее произведение парижских мастеров». В настоящее время убедительно доказана связь между различными хронологическими периодами расцвета в производстве «Исторических Библий» и определенными художественными центрами, отличающимися собственным ярко выраженным стилем. В XIV в. таким центром безусловно являлся Париж.⁷

История рукописи

Созданная духовным лицом «Историческая Библия» приобрела огромную популярность в светских кругах средневекового общества, поскольку в XIV–XV вв. оказалась единственным иллюстрированным произведением на французском языке, основанном на Священном Писании. Она всецело отвечала запросам состоятельных читателей, которые не владели или плохо владели латынью и стремились найти для себя библейскую историю полную и доступную, написанную на народном языке и несущую образовательную функцию. Произведение, возникшее в монастырской среде, оказалось глубоко светским по своему предназначению. С начала XIV в. парижские мастерские, преследуя коммерческие цели, создают многочисленные списки сочинения Гийара де Мулена с изысканным художественным оформлением [21: 11].

Читателями «Исторической Библии» являлись царствующие особы, представители высшей знати, лица, принадлежавшие к их ближайшему окружению. Имена или родовые гербы владельцев часто можно обнаружить как на крышках переплета, так и на страницах книг. Интерес библиофилов к этому сочинению сохранялся в течение всего периода позднего средневековья. «Историческая Библия» (иногда не в одном, а в нескольких списках) неизменно присутствовала в книжных собраниях французских королей и принцев крови, порой переходя из одного собрания в дру-

⁷ В XV в. между 1440 и 1480 гг. «Исторические Библии» активно производились в северных регионах Франции. Иллюстрации этих кодексов значительно отличались от парижских по своей иконографии, см.: [17].

гое. Экземплярами сочинения Гийара де Мулена располагали Иоанн II Добрый (1319–1364), Карл V Мудрый (1338–1380), его брат Жан, герцог Беррийский (1340–1416), а также герцоги Бургундские Жан Бесстрашный (1371–1419) и Филипп Добрый (1396–1467), король Англии Эдуард IV (1442–1483) и многие другие.

Владельческие пометы и гербы позволяют проследить за судьбой «Исторической Библии» РНБ на протяжении нескольких столетий, красноречиво свидетельствуя о том, что в XIV–XVI вв. рукопись принадлежала влиятельному гасконскому дому д'Альбре, со временем возвысившемуся до наваррского, а затем и французского престола. На первом и последнем чистых пергаменных листах второго тома кодекса (л. I и II) сохранились подписи многих представителей этого рода. Две подписи в конце тома (л. II) принадлежат Карлу I д'Альбре (1368–1415), коннетаблю Франции, кузену французского короля Карла VI (1368–1422), и, возможно, его младшей сестре Изабелле.⁸ В 1389 г. с дозволения венценосного родственника Карл д'Альбре объединил на одном щите свой родовой герб с королевским [20: 79]. Изображение этого герба (рис. 6) можно увидеть на многих листах рукописи. Расположение гербовых щитов, которые композиционно не связаны с декором книги, говорит о том, что они появились уже после ее создания.

В начале тома (л. I) оставили свои подписи Мария д'Альбре, дочь Жана I д'Альбре (1425–1468), в 1480 г. сочетавшаяся браком с графом де Кастр († 1502), и ее племянник Жан д'Альбре (1469–1516), первым в роду вступивший на наваррский престол. Далее следуют подписи наваррских королей и королев: Генриха II д'Альбре (1503–1555), Жанны д'Альбре (1528–1572) и ее сына Генриха III Наваррского (1553–1610), с 1589 г. короля Франции Генриха IV. На обороте листа I расписалась супруга Генриха Маргарита Валуа (1553–1615; рис. 7).

В XVII в. «Историческая Библия» д'Альбре хранилась в библиотеке канцлера Франции Пьера Сегье (1588–1672), которую унаследовал его внук епископ Меца герцог де Куален (1665–1732). По завещанию последнего после его смерти богатейшее книжное собрание Сегье-Куалена поступило в библиотеку парижского аббатства Сен-Жермен-де-Пре. Однако никаких признаков пребывания петербургской рукописи в Сен-Жермен (старых шифров, наклеек, записей) не обнаружено. В конце XVIII в. ее владельцем стал П. П. Дубровский, страстный коллекционер, сотруд-

⁸ Представители дома д'Альбре, оставившие свои подписи в рукописи РНБ, были определены А. де Лабордом, см.: [18: 11]. По мнению ученого, подпись, которая стоит рядом с подписью Карла I д'Альбре (л. II), принадлежит Изабелле д'Альбре (1512–1555), внучке Алена Великого. Такая атрибуция вызывает сомнение, поскольку обе подписи несомненно близки по времени.

ник русской посольской миссии в Париже. В 1805 г. по указу Александра I собрание рукописей Дубровского было приобретено для Императорской Публичной библиотеки. Лишь однажды «Историческая Библия» на длительный срок покинула книгохранилище. В 1851–1862 гг. она находилась в Эрмитаже, где вместе с другими иллюминированными рукописями ИПБ составила одну из экспозиций музея.⁹

Печатные издания «Исторической Библии»

«Дополненная историческая Библия», изданная Антуаном Вераром в Париже без указания даты, хотя и не является первым печатным библейским текстом на французском языке, на законном основании может рассматриваться как первая печатная французская Библия. В начале книги имеется посвящение Карлу VIII (1470–1498), автором которого называют духовника короля Жана де Рели. Это единственное издание конца XV в. вышло в свет, как полагают, в 1498–1499 г. Вслед за ним за период с 1505 по 1545–1546 гг. появилось еще 26 изданий, созданных в Париже и Лионе.¹⁰ В собрании инкунабулов РНБ нет первого издания Верара. Сотрудниками иностранного книжного фонда выявлено 2 экземпляра «Исторической Библии», изданные во второй четверти XVI в.¹¹ Один из них неполный, не имеет титульного листа и требует дальнейшего изучения. На титульном листе второго, вышедшего в Париже и украшенного многочисленными гравюрами, от руки проставлена дата «1541» (рис. 8). Этот экземпляр учтен в каталоге Э. Фурнье [12]. Не исключено, что впоследствии в фондах РНБ удастся выявить еще какие-либо издания «Исторической Библии» XVI в.

Литература

1. Воронова Т. П., Стерлигов А. Б. Западноевропейская книжная миниатюра VIII–XVI веков. Бурнемут; СПб., 1996.
2. Зимица О. Г. История коллекций западноевропейских рукописей Государственного Эрмитажа и Российской национальной библиотеки // Искусство западноевропейской рукописной книги: Каталог. СПб., 2005. С. 22–26.
3. Искусство западноевропейской рукописной книги: Каталог. СПб., 2005.
4. Киселева Л. И. Латинские рукописи Библиотеки Академии наук: Описание рукописей латинского алфавита X–XV вв. Л., 1978.
5. Мокрецова И. П., Романова В. Л. Французская книжная миниатюра XIII в. в советских собраниях: 1200–1270. М., 1983.

⁹ О передаче рукописей из ИПБ в Эрмитаж см.: [2].

¹⁰ О печатных изданиях «Исторической Библии» XV–XVI вв. см.: [8: 36, 38–40; 13].

¹¹ Печатные издания «Исторической Библии» XVI в. выявлены ведущим библиотекарем иностранного фонда РНБ О. Э. Фроловой. Автор статьи приносит ей глубокую благодарность за помощь в работе.

6. Avril F. Un chef-d'oeuvre de l'enluminure sous le règne de Jean le Bon: La Bible moralisée ms. fr. 167 de la Bibliothèque nationale // Monuments et mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 1973. Vol. 58. P. 91–125.
7. Berger S. La Bible française au Moyen Âge: Étude sur les plus anciennes versions de la Bible écrites en prose en langue d'oïl. Paris, 1884.
8. Bogaert P.-M. Les Bibles en français: Histoire illustrée du moyen âge à nos jours. Brepols, 1991.
9. Bibles imprimées du XVe au XVIIIe siècle conservées à Paris: Catalogue collectif. Paris, 2002.
10. Dupuigrenet-Desroussilles F. Dieu en son royaume: La Bible dans la France d'autrefois, XIIIe–XVIIIe siècle. Paris, 1991.
11. Fournié E. Catalogue des manuscrits de la «Bible historique» (3/3) // L'Atelier du Centre de recherches historiques (<http://acrh.revues.org/1469>; дата обращения 28.07.2017).
12. Fournié E. Catalogues des éditions de la «Bible historique» // L'Atelier du Centre de recherches historiques (<http://acrh.revues.org/1839>; дата обращения 31.07.2017).
13. Fournié E. Les éditions de la «Bible historique»: Présentation et catalogue raisonné d'éditions de la première moitié du XVIe siècle // L'Atelier du Centre de recherches historiques (<http://acrh.revues.org/1832>; дата обращения 31.07.2017).
14. Fournié E. Les manuscrits de la «Bible historique»: Présentation et catalogue raisonné d'une œuvre médiévale // L'Atelier du Centre de recherches historiques (<http://acrh.revues.org/1408>; дата обращения 06.06.2017).
15. Gille F. Musée de l'Ermitage impérial: Notice sur la formation de ce musée et description des diverses collections qu'il renferme avec une introduction historique sur l'Ermitage de Catherine II. Saint-Petersbourg, 1860.
16. Histoire littéraire de la France. Paris, 1881. T. 28.
17. Komada A. Particularités des manuscrits de la «Bible historique» enluminés dans le Nord: Le cas de la «Bible» de Philippe de Croÿ, comte de Chimay // Richesses médiévales du Nord et du Hainaut. Valenciennes, 2002. P. 185–198.
18. Laborde A. de. Les principaux manuscrits à peintures conservés dans l'ancienne Bibliothèque Impériale Publique de Saint-Petersbourg. Paris, 1936. Pt. 1.
19. Mc Geer R. P. Guyart Desmoulins, the Vernacular Master of Histories, and his Bible Historiale // Viator: Medieval and Renaissance studies. 1983. № 14. P. 211–244.
20. Oeuvres de Froissart / Ed. Kervyn de Lettenhove. Réimpression de l'édition de 1867–1877. Osnabrück, 1967. T. 14.
21. Rouse R. H., Rouse M. A. Manuscripts and their makers: Commercial book producers in Medieval Paris 1200–1500. Londres, 2000.
22. Salvador X.-L. Vérité et Écriture(s). Paris, 2007.

Библии для «бедных» в собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки

канд. ист. наук

РНБ

email: bleskon@mail.ru

В позднее средневековье в Западной Европе появился новый вид иллюстрированных книг морально-дидактического жанра, основанных на библейских текстах. В Отделе рукописей РНБ хранятся списки двух таких сочинений – «Speculum humanae salvationis» и «Biblia pauperum». Пергаменный кодекс «Зерцала» Lat. O.v.XIV.7 из коллекции П. П. Дубровского XIV в. происходит из Англии. Особенность этого списка в том, что в нем нет иллюстраций, при этом ссылки на иллюстрации есть. Второй список «Зерцала» Lat. F.I.694 на бумаге создан в Германии в XV в. Он иллюстрирован 192 рисунками, выполненными пером и минеральными красками. Две рукописи (Lat. F.I.650, 651) скопированы с голландских ксилографов в 1779–1780 гг. знаменитым парижским мастером Леклабаром. Каждый кодекс представляет интерес благодаря индивидуальным особенностям и нуждается в дальнейшем текстологическом и искусствоведческом исследовании.

Ключевые слова: Рукописная книга, блокбук, ксилография, «Biblia pauperum», «Speculum humanae salvationis», Леклабар, иллюстрация, Российская национальная библиотека.

В XIV–XV вв. в Западной Европе появился новый вид произведений морально-дидактического жанра, основанных на библейских текстах. К их числу принадлежат «Biblia pauperum» («Библия бедных»), «Cantica canticorum» («Песнь песней»), «Apocalypsis» («Апокалипсис») (рис. 1), «Ars moriendi» («Искусство умирать») и, прежде всего, – «Speculum humanae salvationis» («Зерцало человеческого спасения»). Отличительной особенностью этих книг в сравнении с распространенными в средние века историческими, морализованными Библиями и разнообразными пересказами библейской истории является наличие больших иллюстративных циклов, в большинстве случаев в несколько раз превосходящих по объему площадь, занимаемую текстом.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранятся списки двух произведений этого жанра на латинском языке – «Зерцало человеческого спасения» и «Библия бедных» (ф. 955, оп. 1. Собрание латинских

рукописей). Оба эти сочинения были чрезвычайно популярны в Западной Европе в эпоху позднего средневековья: активно переписывались, иллюстрировались и распространялись в большом числе списков, были переведены на основные европейские языки (немецкий,¹ французский, английский, голландский, чешский), неоднократно печатались как ксилографическим способом, так называемые «блокбухи», так и подвижными литерами вскоре после изобретения Гутенберга. Столь широкое распространение в массах они приобрели не только потому, что содержали облегченные компиляции и комментарии библейской истории, адаптированные для более широкого восприятия населением, но, главным образом, благодаря сопровождающим текст иллюстрациям, которые наглядно поясняли сюжеты и предназначались не только грамотным, свободно ориентирующимся в сложном библейском повествовании, но и тем, кто практически не умел читать и тем более не мог разобраться в грамматических тонкостях ученой латыни.

С Божьей помощью компиляция мирской книги сделана для того, чтобы мирянин, как и клирик, смог познать учение Божие (из предисловия «Зерцала человеческого спасения»):²

В собрании латинских рукописей РНБ хранятся 3 списка «Зерцала человеческого спасения» (Lat. O.v.XIV.7, Lat. F.I.694, Lat. F.I.650).³ Это произведение создано между 1309 и 1324 гг.⁴ Начальная дата – 1309 г. фигурирует в связи с упоминанием в прологе сочинения Авиньонского пленения пап. 1324-м годом датированы два самых ранних сохранившихся списка «Зерцала» из Национальной библиотеки Франции (Ms. lat. 9584) и библиотеки Арсенала (Ms. lat. 593). Авторство компиляции окончательно не установлено. Среди наиболее вероятных претендентов на авторство называют доминиканца Лудольфа Саксонского († 1378) и средневекового ученого, автора «Великого Зерцала» Винсента из Бове (1190–1264). Источниками «Зерцала человеческого спасения», помимо Библии, считают «Схоластическую историю» Петра Коместора, «Золотую легенду» Якоба Ворагинского, «Иудейские древности» Иосифа Флавия и даже труды Фомы Аквинского.

Сочинение морально-дидактического характера на варваризованной латыни в рифмованной прозе содержит обширный текстовый коммента-

¹Фрагменты рукописи «Зерцала человеческого спасения» на немецком языке из Кенигсбергской библиотеки хранятся в РГБ, ГМИИ и двух частных собраниях Москвы, см.: [2: 268–271; 5].

²Cum dei adiutorio de creni co[m]pila[tion]e libru[m] laycoru[m], ut aut[em] tam clericis q[uam] laicis possit doctrina dare (РНБ, Lat. F.I.694, л. 1).

³Описание рукописей см.: [1; 3: 229–230; 4: 88, 94].

⁴Публикация средневековых «Зерцал человеческого спасения» началась в XIX в., литература о них обширна; материалы исследований обобщены в: [13].

рий жития и страданий Иисуса Христа с параллелями из ветхозаветной истории, предсказывающими события Нового Завета. Зарубежные исследователи насчитывают около 500 сохранившихся списков «Зеркала», в том числе около 350 на латинском языке [13: 24]. Среди них встречаются как роскошные пергаменные кодексы с миниатюрами, выполненные по заказу знатных и состоятельных клиентов, так и скромные рукописи, переписанные для личного пользования. Рукописные списки РНБ в поле зрения зарубежных ученых не попали и в число известных рукописей не вошли.⁵

Кодекс Lat. O.v.XIV.7 из коллекции П. П. Дубровского принадлежит к ранним спискам «Зеркала», по письму и декору (сине-красные филигранные инициалы) датируется серединой XIV в. и может быть отнесен к мастерским Англии. Он написан на пергамене, состоит из 10 тетрадей по 8 листов и полностью переписан одним писцом. Сигнатуры тетрадей начинаются с буквы «f», что указывает на неполноту состава кодекса. В нем отсутствуют 5 первых тетрадей (40 листов), и что находилось на этих листах пока неизвестно.

Особенность этого списка состоит в том, что в нем нет иллюстраций, а как отмечалось ранее, «Зерцало человеческого спасения» – произведение иллюстрированное, рассчитанное на зрительное сопровождение повествования. Текст эпизодов из Ветхого и Нового Заветов в этом списке расположен последовательно в один столбец, подобно стихотворному произведению, в то время как в большинстве рукописей традиционно по два столбца на каждой странице. Вспомогательный аппарат: номера глав, колонтитулы, ссылки на книги и главы Священного Писания размещены на полях и сделаны одновременно с текстом тем же писцом. Здесь же указаны номера иллюстраций – «Prima figura, secunda figura, tertia figura» (рис. 2), причем нумерация иллюстраций не сквозная, а дана к тексту каждой главы Ветхого и каждой главы Нового Заветов, начиная с первого номера. Первая ссылка на иллюстрацию расположена на поле в конце второй главы; всего таких ссылок 119.

Номера иллюстраций на полях рукописи свидетельствуют о том, что иллюстративный цикл (минимум 119 изображений), отсутствующий в кодексе в настоящее время, был или, по крайней мере, предполагался. Возможно, что иллюстрации заказывались и существовали отдельно от текста либо могли располагаться в начале кодекса на отсутствующих ныне 40 листах. Рисунки также могли находиться в верхнем поле над текстом и быть срезанными при позднейших переплетениях.⁶ Но в таком

⁵ К настоящему времени опубликовано только кодикологическое описание рукописей РНБ, см.: [1].

⁶ Настоящий переплет рукописи – картон, оклеенный розовой бумагой с корешком и уголками из красной кожи, изготовлен в Императорской Публичной библиотеке в начале XIX в. по заказу П. П. Дубровского.

случае кодекс, листы которого в настоящее время размером в большую октаву (25 × 17 см), должен был быть размером в фолио.

Текст рукописи Lat. O.v.XIV.7 состоит из 45 глав, имеет алфавитный указатель сюжетов и предисловие с росписью содержания глав, но в ней отсутствует пролог. На последнем листе книги (л. 80–80 об.) помещены дополнения, написанные тем же писцом, – письмо Бернарда Клервоского (1091–1153) монахине, желающей жить благочестиво, изречения и заметки.

Эти знания ученые могут из Священного Писания иметь,
А неученые – в мирских книгах, то есть в картинках рассмотреть
(из предисловия «Зерцала человеческого спасения»).⁷

Второй список «Зерцала человеческого спасения» из собрания РНБ (Lat. F.I.694) происходит из Германии и датируется второй половиной XV в. Рукопись поступила в ГПБ в 1929 г. из Павловского дворца. Она написана на бумаге и состоит из 108 листов (9 тетрадей). В пользу немецкого происхождения этого кодекса свидетельствует как его внешний вид, иллюстрации, декор, письмо (готический курсив с элементами немецкой бастарды), так и немецкая бумага. Текст написан в одну колонку двумя писцами (первый почерк: л. 4 об.–85 об., второй почерк: л. 1–4 об., 86–102 об.) и иллюстрирован 192 рисунками, расположенными в правом верхнем поле. На каждой странице рукописи размещена одна иллюстрация за исключением неиллюстрированных пролога, предисловия с кратким содержанием глав и небольшого заключения в конце книги.

Состав текста традиционен и состоит из трех циклов (45 глав). Первые две главы (4 развернутых листа с текстом и 8 иллюстраций, л. 6 об.–10) содержат краткую историю сотворения мира из книги Бытия – от падения Люцифера, истории Адама и Евы до всемирного потопа. С третьей главы (л. 10 об.) начинается повествование о деве Марии, житие и страдания Христа. На развернутых листах кодекса представлены: слева – новозаветный эпизод с соответствующей иллюстрацией, на правой и на двух следующих страницах – три сюжета из Ветхого Завета, связанные с данным событием либо предсказывающие его. Например: на л. 38 об. размещен иллюстрированный рассказ о том, как Иисус поверг своих врагов словом (рис. 3). А на противоположной странице (л. 39) дан текст сходного содержания о Самсоне с соответствующим изображением (Суд. 15:15): «Нашел он свежую ослиную челюсть и, протянув руку свою, взял ее, и убил ею

⁷ Hanc [con]dic[i]o[n]em po[ss]unt literati h[abe]re ex sc[ri]pturis,
Rudes aut[em] eruderi [sic!] in lybris laycor[um] i[d est] in pictur[is]
(РНБ, Lat. F.I.694, л. 1).

тысячу человек». Далее следуют еще два подобных иллюстрированных сюжета из той же книги: «После него [Аода] был [судьей] Самегар, сын Анафов, который 600 человек Филистимлян побил воловьим рожном; и он также спас Израиля» (Суд. 3:31), и «Давид, поднявший копье свое и убивший 800 человек за один раз» (2Суд. 23:8). В конце «Зеркала» помещены 3 главы с названиями: «Чудо о страданиях Христа» (*Miraculum de passione Christi*, л. 90 об.–94), где рассказывается о семи часах страстей и остановках на крестном пути (рис. 4), «Чудо о скорби Христа и его матери Девы Марии» или «7 скорбей Марии» (*Miraculum de dolore Christi et sue gloriose matris*, л. 94 об.–98) и «Чудо о семи радостях Святой Девы» (*Miraculum de vii gaudiis beate virginis*, л. 98 об.–102). Текст каждой из этих глав занимает 8 страниц и соответственно иллюстрирован 8 рисунками.

Рисунки в рукописи выполнены пером и раскрашены акварелью. Несмотря на простоту, а порой и примитивизм изображений, они обладают притягательностью и передают своеобразие эпохи позднего средневековья: библейские персонажи в средневековых одеждах и доспехах сосуществуют на страницах рукописи с включенными в композицию рисунка рыцарями, миннезингерами, бюргерами и крестьянами. Рукопись такого типа могла быть выполнена в мастерской, специализировавшейся на изготовлении иллюстрированных книг для непритязательных клиентов среднего достатка. Подобные мастерские существовали в Западной Европе с начала XV в., главным образом в районе Верхнего Рейна.

Предисловие о содержании этой книги я составил
И ради бедных проповедников сюда добавил.
Те кто не в состоянии себе полную книгу достать,
Могут из этого предисловия, если умеют, истории толковать
(из предисловия «Зеркала человеческого спасения»).⁸

Третий список «Зеркала» (Lat. F.I.650) в Отделе рукописей РНБ представлен кодексом размером в лист, в красном сафьяновом переплете XVIII в. с золотым тиснением и золотым обрезом.

На его титульном листе в декоративной раме с изображением новозаветных сцен и евангелистов и инициалами «E G» читаем: «Зерцало человеческого спасения. Первое издание высокой печати, без места

⁸ *Predictu[m] p[ro]hemiu[m] huius libri de contentis compila
Et p[ro]pter paup[er]es p[re]dicatores hoc apponere curavi,
Qui se forte nequieri[n]t totum librum sibi [com]p[ar]ere
Possunt ex ipso p[ro]hemio si sciu[n]t historias p[rae]dicare
(РНБ, Lat. F.I.650, л. 5).*

и года, но отпечатано примерно около 1440 г.» (рис. 5).⁹ При внимательном рассмотрении текста и иллюстраций очевидно, что это – не печать, а рукописная копия, мастерски имитирующая ксилографию. Текст и рисунки скопированы с издания пером и чернилами, с большой точностью до мельчайших деталей, штрихов, завитков и знаков сокращений.

В настоящее время известны 4 ксилографических издания «Зерцала человеческого спасения» (2 на латинском и 2 на голландском языке), так называемые блокбухи, и 16 инкунабул.¹⁰ Текст с иллюстрациями в рукописи расположен только на одной стороне листов, а стороны без текста склеены подобно технике блокбуха, где текст отпечатывался (притирался) с доски только на одной стороне листа. На этом основании, а также исходя из надписи на титульном листе, очевидно, что рукопись Lat. F.I.650 скопирована именно с блокбуха, а не с инкунабулы.

В конце XIX в. ксилографы «Зерцала» датировали 1420 и 1438–1439 гг. и считали печатником Лоренса Костера (1405–1484) из Гаарлема на основании рукописной записи в блокбухе Баварской библиотеки о том, что Костер напечатал «Зерцало» ок. 1440 г. [11; 10; 13: 111–112]. В 1568 г. Адриан Юниус написал, что Костер финансировал это издание ок. 1440 г. Видимо на основании этих источников дата 1440 г. и была внесена на титульный лист рукописи Lat. F.I.650. В настоящее время ксилографы латинского «Зерцала» датируют довольно широко: первый ок. 1468 г. и второй ок. 1474 г. Время их создания примерно то же, что и для инкунабул.¹¹

Визуальное сопоставление рукописной копии с факсимильными изданиями и воспроизведениями ксилографических «Зерцал» показало, что рукопись РНБ наиболее близка голландскому изданию, датируемому ок. 1468 г. В пользу голландского блокбуха свидетельствуют особенности шрифта и наличие большого числа сокращений.¹²

Что касается датировки рукописи Lat. F.I.650 то, если руководствоваться данными титульного листа, датой «post quem» можно считать 1440 г., а датой «ante quem» середину XIX в., когда кодекс внесли в инвентарь ИПБ. Анализ филиграней бумаги ограничил время создания копии второй половиной XVIII в.¹³

⁹ *Speculum humane salvacionis. Editio primae vetustatis. Tentamen astis impressoriae. Absque loco et anno. Sed circa annum M.CCC.XXXX. Impressa (Lat. F.I.650, л. 1).*

¹⁰ О ксилографических изданиях «Зерцала» см.: [13: 111–128].

¹¹ Первое издание «Зерцала» вышло в 1473 г. в Аугсбурге в типографии Гюнтера Цайнера.

¹² Сравнение проводилось по указанным выше факсимильным изданиям. При этом полного соответствия рукописной копии блокбуху нет. Они различаются мельчайшими деталями в тексте (в основном это знаки сокращений), которые могли быть внесены копиистом при неудачном расположении текста на строке.

¹³ Датировку филиграней см.: [1: 268].

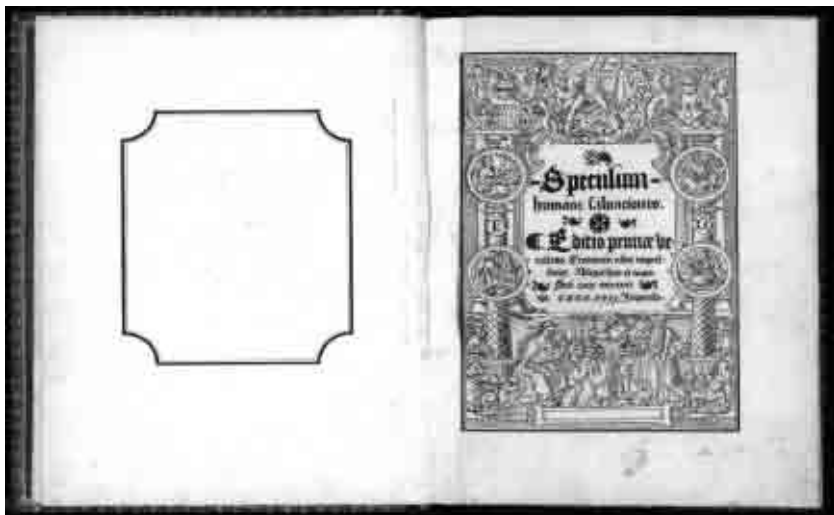

Рис. 5. *Speculum humane salutatio.* Ок. 1780 г., Франция (Париж). РНБ, Lat. F.1.650, л. I. Рукописная копия ксилографа работы Леклабара. Титульный лист

Определенный интерес вызывает и сам титульный лист рукописной копии ксилографического «Зеркала», ведь, как известно, блокбухи и первые инкунабулы титульных листов не имели.¹⁴ Скорее всего, данный титульный лист является творческой фантазией художника-копииста. По декору и композиции многофигурной рамки он мог бы принадлежать книге XVI в., а не инкунабуле.

По объему блокбухи «Зеркала человеческого спасения» меньше, чем рукописные книги: обычно они состоят из 58 листов и 116 иллюстраций. Текст в них традиционно расположен в два столбца с двумя иллюстрациями и на развернутых листах представлена вся глава с параллелями (по 4 сюжета; рис. 6).

Имя мастера, изготовившего эту копию, много лет назад удалось отыскать в многотомном «Руководстве для книгопродавцев и библиофилов» Жака Шарля Брюне 1864 г. [6: 477]. В конце статьи о «Зеркале человеческого спасения» значилось, что опытный каллиграф по фамилии Леклабар копировал старинные издания и ксилографы в Париже. Около 1780 г. он выполнил пером несколько копий «Зеркала», которые продавались в Париже и в Луаре.

¹⁴ Впервые полный титульный лист появился лишь в 1476 г. в венецианском издании Эрхарда Ратдольта.

Рис. 6. *Speculum humanae salvationis*. Ок. 1780 г., Франция (Париж). РНБ, Lat. F.I.650, л. 36–37. Сцены: тайная вечеря, манна небесная, пасхальный агнец, Мелхиседек встречает Авраама вином и хлебом

Последний исследуемый кодекс Lat. F.I.651 – рукописная копия блокбуха «Библии бедных» – внешне не отличим от рукописи «Зерцала»: тот же сафьяновый переплет, формат и рисунки пером, имитирующие гравюру. На таком же, как у копии «Зерцала» титульном листе значится: «40 фигур Ветхого и Нового Заветов с перекрестным комментарием. Первое издание высокой печати, без места и года, но отпечатано примерно около 1440 г. Сделано пером, Леклабаром» (рис. 7).¹⁵ На первом титульном листе, датированном 1783 г., приведены те же данные на французском языке, а также добавлены сведения о дате, месте и мастере, изготовившем копию, – 1779 г., Париж, «Леклабар, член Академии письма, копиист печатных изданий на иностранных языках, как старинных, так и современных, для сохранности старых книг».¹⁶ Из данных книготорговых каталогов и каталогов частных библиотек известно, что Леклабар копировал не только редкие издания, но и ро-

¹⁵ *Figurae xl veteris et noui Testamenti se se mutuo interpretantes. Editio primae vetustatis, Tentamen artis impressoriae, absque loco et anno, sed circa annum M.CCC.xl. impressa. A la plume, par Leclabart (Lat. F.I.651, л. II).*

¹⁶ *Figures de l’Ancien et du Nouveau Testament, gravées en planches de bois. Edition de l’Année 1440. Copié a la plume, en 1779. Par Leclabart, Membre de l’Académie d’Ecriture, Ecrivain imitateur de caracteres d’Imprimerie, tant pour les Langues étrangères, que pour les anciennes impressions & modernes, pour l’entretien des vieux Livres, & c. A Paris. MDCCLXXXIII (Lat. F.I.651, л. I).*

Рис. 7. Biblia pauperum. 1779–1783 гг., Франция (Париж). РНБ, Lat. F.I.651, л. II. Рукописная копия ксилографа работы Леклабара. Титульный лист

скошные иллюстрированные кодексы на пергамене, например иллюминированные часовники, книгу по кабалистике (BL, Ms Lansdowne 1206), пергаменную рукопись XV в. «La penitence d'Adam» Колара Мансиона (Национальная библиотека Франции, Fr. 13257). Изготовленные им рукописные копии блокбухов входили в состав библиотек французского дипломата Антуана-Рене д'Аржансона маркиза де Польми (1722–1787), обладателя 2,5 тысяч манускриптов (библиотека Арсенала, Ms. 40, причем в таком же красном марокене); английского натуралиста и коллекционера старинных книг Стэнби Элкорна (1727–1800). Пергаменная копия «Зерцала» работы Леклабара упоминается в каталоге драгоценных книг г-на Шерера, продававшихся в Париже в 1813 г. и др. [7: 2–3; 9: 86; 8: 290]. Интересен факт, что все, кто говорит о работах Леклабара, называют его знаменитым копиистом, но при этом никто не называет его имени, и нам оно пока неизвестно.

Несмотря на то, что экслибрисов П. П. Дубровского в рукописных копиях блокбухов нет, вполне вероятно, что они могли быть приобретены коллекционером в Париже в два последних десятилетия XVIII в. и поступили в ИПБ в 1805 г. в составе его собрания. Первоначально они могли храниться среди печатных книг в другом отделении библиотеки и поэтому быть без экслибриса владельца.

Часто «Библию бедных» путали с одноименным сочинением средневекового теолога Бонавентуры и датировали XIII в. В действительности эта иллюстрированная кратчайшая компиляция текстов Ветхого и Нового Заветов появилась позднее. Самые ранние из сохранившихся рукописей датируются XIV в. и относятся к баварским и австрийским мастерским. Чаще всего, они написаны на бумаге и насчитывают около 32–36 сюжетов. Бытует мнение, что эта книга предназначалась для бедных клириков, которые не могли купить полную Библию.¹⁷ Однако это не совсем так. Известны дорогие пергаменные списки «Библии бедных» с большим числом миниатюр либо рисунков, изготовленные совсем не «для бедных» клиентов (рис. 8). А простые и дешевые бумажные «Библии бедных» действительно стали более доступны населению и пользовались спросом. Они были изданы как ксилографическим способом, так и подвижными литерами, и распространялись наряду с рукописными бумажными книгами с простыми рисунками. В XV в. вышло 11 изданий латинской «Библии бедных»: первая инкунабула была напечатана в Бамберге Альбрехтом Пфистером ок. 1462 г. Самый ранний блокбук датируется примерно этим же временем – ок. 1460–1463 гг. и происходит из Нидерландов. Название «Библия бедных» дано произведению Готхольдом Эфраимом Лессингом в XVIII в. [12: 6]. В оригинале эта книга называлась «История Ветхого и Нового Заветов».

Издания XV в. обычно содержат от 40 до 60 гравированных листов с изображениями и краткими подписями, поясняющими сюжет. В кодексе РНБ, Lat. F.I.651 на сорока листах (досках) размещены 120 сюжетов и 80 изображений пророков. В центре каждого листа представлена сцена из Нового Завета, по сторонам – два сюжета из ветхозаветной истории. В отличие от обычных Библий, где иллюстрации сопровождают текст, в «Библии бедных» они играют главную роль, заменяя текст, и располагаются в центре листа (рис. 9). Библейский текст здесь сокращен до минимума – отдельных цитат и подписей к иллюстрациям, изречения пророков помещены на лентах, даны отсылки к книгам и главам Библии. Текстологически и иконографически список РНБ наиболее близок к голландскому раннему блокбуку, датируемому ок. 1460–1463 гг.

Как и «Зерцало человеческого спасения», «Библия бедных» служила наглядным пособием для проповедей и обучения паствы. Спрос на книги такого рода был не только у тех, кто читал, но и у тех, кто слушал, и относительно недорогая тиражированная ксилографическая иллюстрация способствовала их распространению. Расцвет блокбухов

¹⁷ Основой такого мнения также могла быть цитируемая выше запись из предисловия «Зерцала человеческого спасения», непосредственно относящаяся к этому тексту.

Рис. 9. Biblia pauperum. 1779–1783 гг., Франция (Париж). РНБ, Lat. F.I.651, л. 17–18. Сцены: слева – продажа Иосифа измаильтянам, Иуда получает 30 серебрянников, продажа Иосифа Потифару; справа – Мелхиседек встречает Авраама вином и хлебом, тайная вечеря, манна небесная

пришелся на 60–70-е гг. XV вв. – интереснейший период сосуществования рукописной и печатной книги двух видов. Учеными отмечена тесная связь блокбухов с бумажными рукописями, украшенными простыми рисунками пером.

Пик популярности Библий «для бедных» в Европе в XIV–XV вв. подтверждают многочисленные рукописные и печатные копии, сохранившиеся до наших дней. В основном это книги немецкого, нидерландского и северо-французского происхождения – стран так называемого Северного Возрождения, и адресовались они, прежде всего, простому населению – среднему городскому сословию, проповедникам нищенствующих орденов «Pauperes Christi» и малоимущим горожанам, не связанным ни с университетской схоластикой, ни с церковной литературой. Многие рукописные копии изготавливались в монастырях, религиозных общинах и конвентах, часто для личного пользования не профессиональными писцами. Появлению и распространению книг такого рода также способствовало религиозно-просветительское движение «Новое благочестие» («Devotio moderna») и активная преподавательская и проповедническая деятельность братьев и сестер «общей жизни» и монастырей августинских уставных каноников Виндесгеймской конгрегации, в обязанности которых входила переписка книг.

Хранящиеся в собрании Отдела рукописей РНБ четыре рукописных списка Библий «для бедных» созданы в разных европейских странах (Англия, Германия, Франция) в XIV, XV и XVIII вв. Они представляют рукописную книгу разного вида, качества и предназначения – на пергамене и на бумаге, с различными по технике иллюстрациями – книгу, ориентированную на разного читателя. Каждый из кодексов представляет значительный интерес благодаря индивидуальным особенностям и ряду вопросов, которые предстоит разрешить при дальнейшем текстологическом и искусствоведческом исследовании.

Литература

1. Блескина О. Н. «Зерцало человеческого спасения» в собрании Российской национальной библиотеки // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 25. СПб., 1994. С. 256–269.
2. Золотова Е. Ю. Книжная миниатюра Западной Европы XII–XVII веков: Каталог иллюстрированных рукописей в библиотеках, музеях и частных собраниях Москвы. М., 2012.
3. Каталог собрания латинских рукописей: Право, философия, наука, литература и искусство / Сост. О. Н. Блескина. СПб., 2011.
4. Каталог собрания латинских рукописей: Теология / Сост. М. Г. Логутова. СПб., 2015.
5. Рогов М. А. Иконографический анализ миниатюр «Зерцала человеческого спасения» из собрания Н. В. Угодиной // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2016. № 6. С. 333–343.
6. Brunet J.-Ch. Manuel du Libraire et l'amateur de livres. Paris, 1864. Т. 5.
7. Catalogue des livres précieux et de la plus belle condition, de M. [Scherer] la vente se fers dans le courant du mois de janvier 1813. Paris, 1812.
8. Catalogue of the Lansdowne manuscripts in the British Museum. Pt. 2. 1819.
9. Dibdin Th. F. The bibliographical Decameron; or, Ten days pleasant discourse upon illuminated manuscripts, and subjects connected with early engraving, typography, and bibliography. London, 1817.
10. Speculum humane salvationis. Ein niederländisches Blockbuch / Hrsg. von Ernst Kloss. München, 1925.
11. Speculum humane salvationis: Le plus ancien monument de la xylographie et de la typographie reunies / Reproduit en fac-simile par J. Ph. Berjeau. Londres, 1861.
12. Suckale R., Suckale-Redlefsen G. Speculum humanae salvationis, un nouveau chef-d'oeuvre de l'enluminure colonaise de la fin du XIVE siècle conservé à la Bibliothèque du Vatican // Art de l'enluminure. № 49, juin/août 2014. Dijon, 2014.
13. Wilson A., Lancaster Wilson J. A medieval mirror: Speculum humanae salvationis 1324–1500. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1985.

Западноевропейские издания Библии конца XV – первой половины XVI в. в собрании БАН

*канд. ист. наук
БАН
email: pitulgal@yandex.ru*

Статья посвящается обзору наиболее редких изданий Библии конца XV – первой половины XVI в. В статье содержатся некоторые примеры наиболее интересных изданий, включая Библию Иоганна Гутенберга и Антона Кобергера. Отмечается, что печатная Библия играла важную роль в период Реформации и Контрреформации в Европе. Автор рассматривает данную тему на основе книжной коллекции БАН.

Ключевые слова: инкунабулы, Антон Кобергер, Biblia Latina, палеотипы, раритеты.

Эпоха второй половины XV – первой половины XVI в., как известно, знаменита фундаментальными изменениями в политической и духовной жизни всей Европы, включая и славянский мир. Лишь простое перечисление важнейших событий убеждает в том, насколько насыщенной могла быть и наверняка была жизнь Матфея Десятого и его современников: падение Византии, расцвет Ренессанса и гуманизма, начало Великих географических открытий, становление национальных монархий, Реформация и Контрреформация. Практически все эти процессы и события в той или иной мере нашли свое отражение в книжных памятниках. Несомненно и то, что именно Библия пользовалась наибольшей популярностью и у издателей, и у читателей, и у книгопродавцев первопечатных книг. Особый интерес в этой связи представляют западноевропейские редкие издания Библии, находящиеся ныне в собрании Отдела редкой книги БАН.

Согласно «Сводному каталогу инкунабулов» [12], во второй половине XV в. вышло 130 полных изданий Библии. И несмотря на довольно крупные тиражи на раннем этапе книгопечатания, в силу прежде всего огромной востребованности такого рода памятников до нашего времени дошло не так много полных текстов Библий. Так, среди примерно 800

экземпляров книг XV в. в собрании редких изданий Отдела редкой книги БАН насчитывается чуть более 20 «колыбельных» Библий [4]. Без всякого преувеличения каждая инкунабула заслуживает особого внимания и интереса. Любой экземпляр нашего собрания интересен с нескольких позиций: во-первых, с точки зрения содержания текста и имеющихся к нему маргиналий, во-вторых, с точки зрения типографского искусства и качества печати, наконец, в-третьих, с точки зрения бытования книги и ее происхождения.

Так, предметом особой гордости нашего собрания является сборник майнцской печати XV столетия, ранее принадлежавший почетному члену Петербургской Академии наук Григорию Ивановичу Фишеру фон Вальдгейму (1771–1853) [4: 37]. Позднее этот памятник оказался в составе библиотеки графа А. К. Разумовского, а затем был приобретен известным ценителем рукописных и печатных книжных раритетов Федором Алексеевичем Толстым (1758–1849) [5: 47]. Специально отметим и то обстоятельство, что примерно четвертая часть инкунабульных изданий Библии в БАН происходит из собрания графа Ф. А. Толстого. Редкие издания были получены Библиотекой АН в 1854 г. в дар от московского купца Семена Петровича Алексева [4: 45].

Уникальный сборник майнцской печати XV столетия состоит из четверти пергаменного листа 42-строчной Библии Иоганна Гутенберга (1450–1456), одного листа из Псалтири, отпечатанной в 1457 г. шрифтами Гутенберга его преемниками – Фустом и Шеффером,¹ двух листов латинской грамматики Доната, изданной Петером Шеффером,² и фрагмента майнцской Библии 1462 г.³ Известно, что самое первое издание Библии Гутенберга состояло примерно из 200 экземпляров,⁴ в том числе 35 было отпечатано на пергамене. 42-строчная Библия считается подлинным шедевром полиграфического искусства. По данным ученых-инкунабуловедов, на сегодняшний день сохранился всего лишь 41 экземпляр этой Библии, в том числе 14 пергаменных и 27 бумажных. Знаменитый немецкий первопечатник попытался с помощью 290 разнообразных литер, включая лигатуры и сокращения, а также с помощью инициалов и рубрик, воссоздать красоту рукописной книги. В нашем фрагменте Библии содержатся 2 отрывка из ветхозаветной книги про-

¹ *Psalterium latinum*. Mainz, 1457.

² *Donatus. Ars minor, seu De octo partibus orationis*. [Mainz, s. a.].

³ *Biblia*. T. 2. Mainz, 1462.

⁴ Есть и другие данные. Так, согласно мнению А. Х. Горфункеля, немало сделавшего для отечественного инкунабуловедения, тираж Библии Гутенберга составлял 180 экземпляров и до наших дней дошло 48 экземпляров, в том числе отдельных фрагментов [2: 277].

рока Михея (5:1–6, с начала 1-го стиха «nunc vastaberis filia latronis...» до «...pascent terram Assur in gladio et terram»). Все листы сборника сплетены в один владельческий конволют, имеющий кожаный переплет из сафьяна XVIII в. с золотым тиснением.

К числу виднейших немецких издателей второй половины XV – первой половины XVI в., немало сделавших для европейского книгопечатания, несомненно, принадлежит Антон Кобергер (1445–1513), основавший в 1470 г. в Нюрнберге свою первую книгоиздательскую мануфактуру. Некоторые вехи его биографии позволяют говорить о значимости данной фигуры для истории раннего периода европейского книгопечатания и всей ренессансной культуры. В течение более 40 лет этот предприниматель сумел организовать множество филиалов в различных городах Европы, работавших на его издательскую фирму. Кроме того, ему принадлежали две бумажные мельницы, позволявшие печатать книги на собственной бумаге и достаточно большими тиражами в 1000 и даже 1500 экземпляров.

Сам Антон Кобергер обладал разносторонними знаниями и привлекал к работе в собственной фирме только профессионалов. Среди его ближайшего окружения было немало талантливых и даже гениальных творцов. Достаточно упомянуть одно имя Альбрехта Дюрера (1471–1528), крестника Кобергера, работавшего в течение трех лет у знаменитого нюрнбергского художника и гравера Михаэля Вольгемута (1434–1519). Примечательно, что к этому творческому союзу был напрямую причастен и сам Антон Кобергер. Впоследствии при подготовке «Всемирной хроники» Гартмана Шёделя в качестве граверов-иллюстраторов книги принимали самое активное участие Михаэль Вольгемут, его приемный сын и ученик Вильгельм Плейденвурф, а также, согласно некоторым данным, Альбрехт Дюрер [8: 219–220].

Всемирную славу этому книгопечатнику и книготорговцу, на которого работало целое сообщество специалистов, в том числе наборщиков, корректоров, граверов, словолитчиков, конечно же, принесла вышеупомянутая «Всемирная хроника» Гартмана Шёделя в немецкой и латинской редакции 1493 г. Примерно такой же подход Кобергер использовал в своей работе и над изданием библейских текстов, то есть ориентируясь на европейского читателя в латинской версии Библии, а также на немецкоязычного потребителя, когда речь шла о немецкой печати. Кстати говоря, Кобергер совершенствовал свой опыт книгопечатника прежде всего на изданиях Библии, прежде чем обратить свое внимание на популяризацию «Хроники», основанной на библейских христианских сюжетах, начиная от сотворения мира. Совершенно спра-

ведливо специалистами отмечалось, что этот книжный памятник является одним из «величайших достижений гуманистической культуры..., знаменующий собой новый этап в истории книги» [9]. Важно отметить, что в колофоне указывались имена Вольгемута и Плейденwurфа. Как считала Ц. Г. Нессельштраус, это свидетельствовало «о рождении авторской книжной графики» [8: 219–220]. В фондах Отдела редкой книги БАН хранится шесть латинских и четыре немецких экземпляра «Хроники» Шёделя и Кобергера, каждый из которых по-своему интересен с точки зрения бытования книги [4: 78–81].

Как отмечали исследователи творчества Кобергера, этот издатель вместе со своими помощниками прилагал немало усилий, чтобы найти самые надежные библейские тексты. За период 1473–1513 гг. издательским домом Антона Кобергера была отпечатано более 250 изданий, среди которых было множество крупноформатных Библий [1: 120]. В течение нескольких десятилетий инкунабульного периода Кобергер выпустил 15 изданий латинской Библии (*Biblia Latina*), первое из которых вышло в 1475 г. Мы располагаем тремя экземплярами латинской Библии Кобергера XV в., включая нюрнбергское издание 1478 г., и двумя экземплярами Библии, напечатанной в Нюрнберге 12 апреля 1493 г. К счастью, в собрании БАН представлена знаменитая немецкоязычная двухтомная Библия 1483 г., прозванная *Koberger Bibel* в честь своего издателя. Именно в этом издании мастер использовал особый тип готического шрифта – швабахер. Кроме того, тираж немецкоязычной Библии 1483 г. был весьма солиден – около 1500 экземпляров.

Хранящаяся в БАН Библия Кобергера 1478 г. имеет интересную историю бытования. Отпечатанная готическим типом латинского шрифта в Нюрнберге – одном из крупнейших издательских центров Германии, наш экземпляр, судя по имеющемуся записям и другим владельческим признакам, почти сразу же оказался в Англии, а именно – в 1479 г. Согласно данным, содержащимся на аукционной наклейке, книга стала одной из так называемых «семейных Библий» дома Оливеров, хранивших ее в течение длительного периода XV–XVII вв. Начиная с переплета и первого форзацного листа нашего экземпляра Библии 1478 г., можно получить представление о членах семьи Оливеров Лорнкоутов из Кента. Так, на верхней крышке переплета сохранились некоторые геральдические признаки суперэкслибриса. Также ждут своего пристального изучения и все владельческие записи, сделанные на английском языке, в том числе и следующая инскрипция, датированная 18 сентября 1479 г.: «*This Holye Booke was given to me my most revered unkell and father in God John Olyver Clerke on my anniverssarie of my fiftyeth byrthdaie...*» («Это Священное Писание

было подарено мне многоуважаемым дядей и крестным отцом Джоном Оливером в честь моего пятидесятилетия...»; рис. 1). В более поздней по времени владельческой и одновременно заверительной записи, оставленной Стефеном Оливером, уточнялось, что на полях первых листов Библии содержатся рукописные сведения о членах семьи Оливеров, начиная с 1479 до 1529 г. Сама же запись Стефена Оливера была датирована 1699 г. (рис. 1а). К сожалению, мы пока не располагаем точными сведениями о первых владельцах из Оливеров, живших некогда в английском приморском графстве Кент. Наиболее известен из Оливеров XVII в. Джон Оливер (1601–1661), выпускник Оксфорда и наставник Эдварда Хайда, графа Кларендона [10: 1041]. Также был довольно известным поэтом XIX в. один из потомков Оливеров, уже имевший титул маркиза де Лёйвиля, которого знали и в Европе, и в Америке [13].

Подобная традиция ведения фамильных записей, располагавшихся на чистых листах или полях книг Св. Писания, в которых отражались важнейшие события, начиная с рождения и заканчивая кончиной членов семьи, была характерна не только для западноевропейского, но и для славянского мира.

В дальнейшем Библия 1478 г., долгие столетия находившаяся в Великобритании, оказалась на лондонском аукционе 1913 г., где ее и приобрел Н. П. Лихачев [4: 78–79]. Судя по вырезке из каталога аукциона «Henry Sotheran and Co. Cat. № 740, London, 1913, № 257», приклеенной к верхнему форзацному листу нашего экземпляра, первоначальная стоимость «семейной Библии» Оливеров составляла 15 фунтов стерлингов. Кстати говоря, до сих пор в центре Лондона, на Пиккадили, располагается один из старейших в Англии антикварных салонов Генри Сотерэна, существующий уже более 250 лет.

Как справедливо в свое время подметил В. С. Люблинский, Николай Петрович Лихачев «был коллекционером сказочного размаха», и хотя инкунабулы занимали далеко не первое место среди экспонатов его коллекции, тем не менее ученый-палеограф «умел по достоинству различать и приобрел ряд по-настоящему ценных экземпляров» [6: 38]. Несомненно, «семейная Библия» 1478 г. относилась к их числу. В БАН книга поступила в 1938 г. в составе других ценных рукописей и печатных изданий, принадлежавших русскому академику и библиофилу [3: 409–410]. Эта «семейная Библия» Лорнкоутов была представлена на выставке в Эрмитаже в 2012 г., посвященной 150-летию со дня рождения Н. П. Лихачева. В каталоге выставки содержится достаточно полное описание нашего экземпляра (авторы-составители Д.Д. Гальцин и Е.А. Савельева) [3: 409–410].

Следует отметить и то обстоятельство, что, несмотря на то, что редакторы, работавшие в издательском доме Кобергера, скрупулезно выверяли тексты для латинской Библии, в основу данного издания была положена запрещенная папской цензурой вальденская Библия XIV в. Вообще существует небезосновательное мнение, что наличие различных версий и вариантов латинской Библии, а также переводов библейских текстов на национальные европейские языки, помимо важнейших общественно-политических процессов конца XV – начала XVI в., вольно или невольно способствовало началу Реформации в Европе. Далеко не случайно и то, что Мартин Лютер использовал при переводе Библии на немецкий язык новый гуманистический латинский перевод Нового Завета Эразма Роттердамского, впервые изданный в Базеле в 1516 г. Иоганном Фробеном.

Что касается более поздних интересных примеров латинских Библий начала XVI в., вышедших из-под пресса фирмы Антона Кобергера, то среди них можно выделить три лионских издания, вышедшие соответственно в 1512, 1516 и 1518 гг. форматом «ин фолио», а также лионское издание 1521 г. форматом «ин гросс фолио», ныне хранящиеся в собрании БАН. Подчеркнем, что все эти издания осуществлялись на средства дома Кобергера в Лионе, хотя подобные предприятия работали на фирму нюрнбергского книгоиздателя и книгопродавца и в других городах Европы, в том числе в Венеции, Милане, Вене и в некоторых других центрах.

Примечательно, что как раз лионское издание Библии 1521 г., отсутствовавшее в фондах РНБ, было подарено А. Х. Горфункелем в Отдел редкой книги РНБ перед его отъездом в США [2: 317].

Судя по внешнему виду нашего экземпляра лионского издания Библии 1521 г., становится очевидным тот огромный путь, который проделала европейская печатная книга всего лишь за несколько десятилетий – от времени Гутенберга до времени Лютера. В отличие от латинской Библии 1478 г., имеющей многочисленные рукописные киноварные инициалы, в палеотипическом издании 1521 г. в качестве художественного приема мастерами использовалась двуцветная печать. Важнейшие для смыслового значения книги инципиты набраны готическим шрифтом красного цвета. Помимо красивых шрифтов Библию украшают гравированные инициалы и сюжетные черно-белые гравюры на дереве. Так, например, перед началом текста Ветхого Завета «Genesis Mundialis» расположена иллюстрация с изображением сцены сотворения Евы из ребра Адама, а перед инципитом Нового Завета, набранного шрифтом красного цвета (л. 245), на обороте листа 244 – гравюра, изображающая Рождество Христово, с монограммой художника в левом нижнем

углу «ISK».⁵ Что касается происхождения нашего палеотипа, то он имеет очевидные немецкие владельческие признаки: на титульном листе стоит печать монастыря Рот («Vom Kloster Roth»; рис. 2), а на обороте верхней крышки переплета имеется пространная владельческая запись на немецком языке, датированная 1542 г., и епископский экслибрис с монограммой «H.A.Z.R.». Вероятнее всего, речь идет о книгах из средневекового бенедиктинского монастыря, основанного в XI–XII столетиях и расположенного в Баварии, примерно в 30 км к северу от Мюнхена. Е. И. Боброва упоминает в предисловии к «Каталогу инкунабулов» о том, что еще в первой половине XIX в. в БАН поступили 32 инкунабулы с печатью этого немецкого монастыря и владельческими пометами каноника этого монастыря. Судя по всему, лионская Библия 1521 г. оказалась в наших фондах вместе с книгами XV в. [4: 44–45].

Что касается Библий конца XV – первой половины XVI в., изданных на национальных языках, то наше внимание привлекло еще несколько интересных экземпляров, в той или иной мере отвечающих основным принципам эпохи сосуществования рукописной и печатной традиции. Прежде всего остановимся на немецких раритетах. Речь идет о любекском издании 1494 г. Библии, осуществленном печатником Стеффеном Арндесом (1486–1516). Биография самого типографа убеждает нас в том, что он был мастером европейского масштаба уровня Антона Кобергера. Он, родившись в ганзейском Гамбурге, по-настоящему прославился как знаменитый книгопечатник, переехав в другой не менее знаменитый немецкий купеческий и торговый город Любек. Как раз здесь в 1488 г. была издана на нижнемецком языке первая иллюстрированная книга Арндеса «Пассиональ», а несколько позже, 19 ноября 1494 г., – Библия [8: 241–242]. Это издание являлось в действительности одной из последних больших иллюстрированных Библий инкунабульного периода. Как считают специалисты, текст любекской Библии основан на нижнесаксонском варианте немецкого языка. В основу этого издания была положена так называемая кельнская Библия 1478–1479 гг.⁶ Примечательно и то, что любекская Библия была напечатана на немецком, несмотря на всяческие запреты со стороны римско-католической церкви издавать Св. Писание на национальных языках. Папа Римский Иннокентий VIII боролся с разного рода еретиками, в том числе с последователями вальденсов. И одним из проявлений этой борьбы стал указ 1485 г. архиепископа Майнцкого Бертоль-

⁵ Biblia cum concordantijs veteris et novi testament et sacrorum canonum... Lugduni [Lyon], per M. Jacobum Sacon, expensis Antonij Koberger Nürenbergensis, Anno 1521, 24 Julij.

⁶ Biblia: in dialecto Germaniae inferioris. Köln, [Heinrich Quentell und Bartholomaeus von Unkel, ca 1478–1479].

да, который запрещал переводить Библию на немецкий язык. Основанием для этого указа стала булла папы Иннокентия VIII «*Summis desiderantes affectibus*» от 5 декабря 1484 г.⁷ Любопытно, что среди 48 экземпляров инкунабулов издательского дома Антона Кобергера, хранящихся в собрании БАН, есть и небезызвестный труд двух инквизиторов-доминиканцев – Генриха Инститориса и Якова Шпренгера – «*Malleus maleficarum*» («Молот ведьм»), в предисловии к которому воспроизводился текст буллы Иннокентия VIII [4: 127].

Гравюры любекской Библии по своему художественному уровню принадлежат к числу высших достижений немецкой книжной графики конца XV – XVI в. *Biblia germanica* включает 152 гравюры на дереве, в основу которых также была положена иконография кельнской Библии 1478–1479 гг. Как и было принято, при орнаментике библейского текста неоднократно использовались одни и те же рисунки и доски, поэтому многие из гравюр повторяются. Как полагают искусствоведы, в оформлении любекской Библии принимали участие два художника. В частности, рисунки для «Пятикнижия Моисея» выполнены известным немецким художником и скульптором Бернтом Нотке (1435–1509). Имя другого художника осталось неизвестным. Существует довольно устойчивая точка зрения, что иллюстрации по иконографии в любекской Библии Стеффена Арндеса 1494 г., хотя и восходят к кельнской Библии 1478–1479 гг., но некоторые сюжеты гравюр все-таки отличны. Так, одной из прекраснейших гравюр, по мнению исследователей, является «Гибель Содома». Помимо многочисленных гравюр, в нашем экземпляре раскрашенных от руки, к отличительным художественным характеристикам Библии можно отнести и превосходные раскрашенные гравированные инициалы. В БАН любекское издание Библии Стеффена Арндеса поступило в 1772 г. Судя по описанию Е. И. Бобровой, до поступления в БАН книга находилась в Несвижской библиотеке Радзивиллов [4: 81]. В дальнейшем экслибрис, который был одним из элементов принадлежности к этому книжному собранию, был, к сожалению, утрачен. Об этом свидетельствует карандашная помета на обороте верхней крышки переплета. Определенным ориентиром времени бытования данного экземпляра в составе этого собрания могут служить рукописные подсчеты владельцев, расположенные после колофона с выходными данными. Они относятся к 1517, 1626 и 1658 гг. соответственно. Любопытно, что первую дату сопровождает и рукописное имя Лютера. Следовательно, несколько поколений Радзивиллов вла-

⁷ Innocentius VIII. *Summis desiderantes affectibus*. Papae bulla // https://la.wikisource.org/wiki/Summis_desiderantes_affectibus

дело любекской Библией Стеффена Арндеса 1494 г., пережив катаклизмы эпохи Реформации и Контрреформации. Более того, Николай Радзивилл Черный, основав в Брест-Литовске собственную типографию, издал в 1563 г. Брестскую Библию на польском языке.

Еще одним примером новых переводов Библии на немецкий язык может служить майнцкое издание 1534 г. Этот перевод был сделан довольно известным современником Мартина Лютера доктором теологии и одним из участников Контрреформации из Франкфурга-на Майне доминиканцем Иоганном Дитенбергером (1475–1537).⁸ Библия в переводе Дитенбергера была издана в типографии Питера Йордана, который использовал при оформлении титульного листа двцветную печать. К несомненным достоинствам данного издания можно отнести гравированные инициалы, а также ксилографические сюжетные иллюстрации к отдельным частям Библии. Правда, стоит отметить, что инициалы имеют разного качества оттиски, что, вероятнее всего, свидетельствует о высокой степени изношенности оборудования. В нашем экземпляре есть несколько интересных владельческих помет. Так, начиная с л. 1, идет полистная владельческая запись «Wilhelm Meesema». На л. 462 об. расположена пространная владельческая помета на немецком языке, представляющая собой комментарий к тексту Евангелия от Матфея.

Как отмечали многие авторы, работа Дитенбергера далеко не во всем была успешной и представляла собой пример одного из тяжеловесных переводов Библии. Вообще же до выхода в печать знаменитой Библии Лютера увидело свет 18 печатных переводов Священного Писания на различные немецкие диалекты. Следует отметить, что Майнц не случайно стал городом не только Гутенберга, но и Дитенбергера, поскольку это был один из значимых духовных центров Священной Римской империи, начиная с XIV в. Архиепископ Майнца был официальным главой имперской канцелярии. В первые десятилетия Реформации идея протестантизма не оказалась доминирующей в этом городе, поэтому появление здесь нового печатного варианта немецкой Библии в 1534 г. далеко не случайно.

К числу несомненных старопечатных раритетов, хранящихся в нашем собрании, относится и венецианское издание Библии на чешском языке 1506 г. Об огромном влиянии этого издания на славянский книжный мир XVI в. писал еще в 1946 г. историк-славист А. В. Флоровский [11: 226–242]. Как известно, чешский язык стал одним из первых славянских языков, на который было полностью переведено Св. Писание. Специалисты неоднократно указывали, что при подготовке этих книг

⁸ Biblia [German by]. Maintz, printed by Peter Jordan, 1534.

к печати Франциск Скорина использовал опыт многих европейских, в том числе немецких печатников [1: 203]. Именно венецианское издание Библии на чешском языке 1506 г. оказало наиболее сильное влияние на Фр. Скорину, который в первые годы европейской Реформации отпечатал в Праге некоторые книги Библии на белорусском изводе церковнославянского языка.⁹

Уже ко второй половине XVI в., а именно к 1563 г., относится упоминавшаяся выше Брестская Библия на польском языке. В Отделе редкой книги БАН хранятся четыре экземпляра этого издания. Это был полный перевод Библии на польский язык, отпечатанный в Брестской типографии Николая Радзивилла «Черного» (1515–1565), хотя еще в 1561 г. была напечатана польская Библия Миколаем и Станиславом Шарффенбергами. Главным отличием двух вариантов Библий на польском языке было то, что Шарффенбергова Библия была выдержана в духе католицизма в отличие от кальвинистской Брестской Библии. Не случайно существует легенда, что уже после смерти Николая Радзивилла-старшего его сын Николай Радзивилл «Сиротка» (1549–1616), перешедший в католицизм, приказал собрать все брестские Библии и сжечь их во дворе Несвижского замка.

Таким образом, если ранние печатные издания Библий конца XV в., в том числе представленные в собрании БАН, явно тяготели к рукописной книжной традиции, то уже в первой половине XVI в. постепенно формируются новые черты, которые будут характерными только для печатных изданий. Наши раритеты довольно ярко характеризуют переломный характер эпохи второй половины XV – первой половины XVI в. и отражают новые потребности читающей аудитории эпохи Реформации и Контрреформации.

Литература

1. *Владимиров Л. И.* Всеобщая история книги. М., 1988.
2. *Горфункель А. Х.* Моя школа, мои университеты...: Воспоминания. СПб., 2017.
3. «Звучат лишь письма». К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева: Каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб., 2012.
4. Каталог инкунабулов / Сост. Е. И. Боброва. М.; Л., 1963.
5. *Киселева Л. И.* Редкие книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1987.
6. *Люблинский В. С.* Научное значение инкунабулов // Каталог инкунабулов / Сост. Е. И. Боброва. М.; Л., 1963. С. 3–40.
7. *Малеин А. И.* «Донаты», принадлежащие Библиотеке Академии наук СССР // Доклады Академии наук СССР. 1926. С. 9–12.

⁹ *Biblia Czeska w Benátskách tísstena. Venezia, in aedibus Petri Liechtenstein Coloniensis Germani, 5.XII.1506.*

8. *Нессельштраус Ц. Г.* Немецкая первопечатная книга: Декорировка и иллюстрации. СПб., 2000.
9. *Цеханович А. А.* «Всемирная хроника» Шеделя // Книжные сокровища: К 275-летию Библиотеки АН СССР. Л., 1990. С. 227–239.
10. Dictionary of National Biography. Vol. 14. New York, 1888.
11. *Florovskij A. V.* Češskaja Biblija v istorii Russkoj kul'tury i pis'mennosti. Praha, 1946.
12. Gesamtkatalog der Wiegendrucke. Bd. 4. Leipzig, 1930.
13. *Leuville W. R. O. de.* Poems and Aelia... from «Entre-nous». New York, [1884].

Предисловия к библейским песням: новые материалы, старые вопросы

д-р филол. наук

ИРЛИ

email: svetlanasm08@mail.ru

В статье вводятся в научный оборот новые списки предисловий к библейским песням и определяется их место в текстологической схеме. На основе анализа новонайденных списков поставлен ряд вопросов, связанных с бытованием предисловий к библейским песням в иллюминированных Псалтырях.

Ключевые слова: Библейские песни, предисловия, Простая Псалтырь, Следованная Псалтырь, иллюминированные Псалтыри, Киевская Псалтырь, Углицкая Псалтырь, Годуновские Псалтыри.

История предисловий к библейским песням недавно была описана в довольно обширной статье [13], повторять заключения которой нет никаких оснований. Есть смысл рассмотреть те аспекты этой истории, которые остались за пределами предшествующей публикации.

Первый такой аспект касается количества списков предисловий к библейским песням. Сейчас невозможно определить их точное число в силу обширности неисследованного рукописного материала. Нет никаких сомнений, что новые списки будут обнаруживаться по мере просмотра новых рукописей. После выхода предшествующей статьи были обнаружены еще три сборника, имеющие в своем составе те или иные предисловия к библейским песням:

1) РГБ, ф. 37 (собр. Большакова), № 432; XVI в.; Простая Псалтырь; л. 126 об. – предисловие ко второй песни;

2) РНБ, Соловецкое собр., № 1048/1157; XVIII в.; Толковая Псалтырь; л. 302 – предисловие к первой песни;

3) РГБ, ф. 755 (собр. Маркушевича), № 31; XIX в.; Простая Псалтырь, копия с Годуновской Псалтыри, вложенной в Соловецкий монастырь; л. 466–467 – предисловие к первой песни.

Таким образом, общий счет рукописей с предисловиями к библейским песням доходит до 41.¹

¹ Перечень списков см.: [13: 63–66].

Новонайденные рукописи в целом подтверждают наблюдения, сделанные ранее. Одно из них касалось связи предисловий к библейским песням с традицией иллюминированной Псалтыри. Две из трех вводимых в научный оборот рукописей имеют самое непосредственное отношение к этой традиции. И если одна из них представляет собой весьма позднюю копию одной из Годуновских Псалтырей² и в силу этого для нас не слишком информативна, то другая – Больш. 432 – представляет несомненный интерес.

Эта рукопись еще ждет своего кодикологического исследования, ее датировка весьма условна.³ Однако ее место на текстологической схеме, сложившейся в результате предшествующей работы,⁴ определяется достаточно легко. Рисунки, расположенные, по преимуществу, на ее полях, а иногда занимающие целую страницу, связывают ее с такими Псалтырями, как Онежская и Киевская, с одной стороны, и с Годуновскими, с другой. Надо думать, что она восходит к какой-то Псалтыри типа Онежской и Киевской с первоначальным блоком из предисловий к трем первым песням и заимствует из этого блока предисловие ко второй песни.⁵ Хотя у этой Псалтыри был не один протограф. Свидетельством этому в части библейских песней служит тот факт, что в Онежской и Киевской Псалтырях первая песнь атрибутирована сестре Моисея и Аарона Мариам, в Больш. 432 – самому Моисею.⁶

Предисловие ко второй песни (рис. 1) и сама вторая песнь в Больш. 432 имеют самостоятельные заголовки, при этом заголовок предисловия отсылает читателя к библейской книге Исход («Пѣснь 2 Моисеова Исхода и како завѣща Иисусу Наввину и всему сонму израилеву» – л. 126.),⁷ а заголовок самой второй песни, как и полагается, – к Второзаконию («Пѣснь 2 Моисеова Второго закона, являет Моисей отпадение жидовско, и благо-

² Тот факт, что Маркуш. 31 является воспроизведением Псалтыри, вложенной Дмитрием Ивановичем Годуновым в Соловецкий монастырь, следует из полностью воспроизведенной вкладной записи протографа (см. Маркуш. 31, л. 600). Сама соловецкая Годуновская Псалтырь хранится сейчас в РНБ (Соловецкое собр., № 748/858).

³ В описании Г. П. Георгиевского она датирована концом XVI – началом XVII в.: [2: 376]. На сайте Троице-Сергиевой лавры, где размещена электронная копия рукописи, она датирована XVI в.: <http://old.stsl.ru/files/manuscripts/new2016/37/0037-0432/0037-0432-0006.jpg>

⁴ Стемму см.: [13: 77].

⁵ Или же связь с первоначальным комплексом из трех предисловий происходит опосредованно. Вполне допустимо наличие промежуточного звена, в котором уже произошло вычленение предисловия ко второй песни, так как известен по крайней мере один случай независимого от других предисловий бытования предисловия ко второй песни в Следованной Псалтыри (но неиллюминированной!) первой половины XV в. РНБ, Q.I.979; см.: [13: 65].

⁶ Подробно о проблемах атрибуции первой песни см.: [13: 69].

⁷ При этом текст предисловия, как я уже неоднократно писала, заимствован из Второзакония (см., напр.: [13: 71].

стыня Божиа, яже подасть имъ въ въжение языкъ» – л. 127). Создается впечатление, что составитель Больш. 432 воспринимает предисловие не как предисловие, а как другую вторую песнь. Сводя два протографа, писец маркирует предисловие как вторую песнь Моисееву от Исхода, а собственно вторую песнь – как вторую песнь Моисееву от Второзакония.

Косвенным образом Псалтырь Больш. 432 оказывается связанной и с Годуновскими Псалтырями. И дело вовсе не в том, что одиннадцать из двенадцати дошедших до нас Псалтырей, созданных по заказу боярина Дмитрия Ивановича Годунова, имеют предисловие к библейской песни. В отличие от Больш. 432, они включили в свой состав предисловие к первой песни.⁸ Необходимо отметить, что, по крайней мере, в части библейских песней эти одиннадцать Псалтырей, как и Больш. 432, имели два протографа: один традиционный, с атрибуцией, первой песни Моисею, второй – с предисловиями и с атрибуцией первой песни сестре Моисея и Аарона Мариам, причем, судя по миниатюрам рукописей, протограф типа Киевской Псалтыри.⁹ Однако сходный набор протографов может быть случайным совпадением. Интереснее другое. Больш. 432 имеет одну очень важную характеристику, общую со старшей из Годуновских Псалтырей, ММК, № Кн.-136¹⁰ – толкования, сопровождающие миниатюры (рис. 2).¹¹

В связи с введением в рассматриваемый круг проблем Псалтыри Больш. 432 встает целый ряд задач, которые необходимо разрешить. И среди них – палеографический анализ самой рукописи, ее точная датировка и, по возможности, локализация; конечно же, вопросы о связи / несвязи миниатюр Большаковской и Годуновских Псалтырей, о связи / несвязи толкований ММК, № Кн.-136 и Больш. 432. Как кажется, Большаковская Псалтырь становится еще одним игроком на поле, где решается вопрос о месте создания Годуновских Псалтырей.

Еще один вопрос, выходящий на поверхность в связи с введением в научный оборот трех новых списков предисловий, касается Толковой Псалтыри. Рукопись Солов. 1048/1157 – Псалтырь с толкованиями Афанасия Александрийского,¹² так же как и уже известная рукопись XVI в. РГБ, ф. 344 (собр. Шибанова), № 131, тоже имеющая предисловие к первой песни (л. 314 об.–315) [13:63]. Библейские песни в такого типа Псалтырях

⁸ Годуновские Псалтыри с предисловием к первой песни указаны: [13: 63–65].

⁹ О следах двух протографов в Годуновских Псалтырях см.: [13: 72].

¹⁰ Это Псалтырь 1591 г., вложенная Д. И. Годуновым в Ипатьевский монастырь, см. о ней: [5: 4].

¹¹ Еще раз отмечу, наличие толкований к миниатюрам не делает саму Псалтырь толковой. И в том и в другом случае мы имеем дело с Простой Псалтырью, в которой библейская книга Псалтырь представлена в ее служебном варианте. Подробнее об этом см.: [13: 63–64].

¹² Фактически псевдо-Афанасия Александрийского; см.: [1: 35].

подвергаются толкованию так же, как и текст псалмов (за исключением 151-го). Присоединение предисловия к толковому типу текста не представляется органичным. Хотя предисловие предназначено для того, чтобы «объяснить» песнь, это объяснение дается отнюдь не с богословской, а скорее с исторической точки зрения: где, когда, кем и по какому поводу песнь воспевалась. Появление второго списка Толковой Псалтыри с предисловием к первой песни намекает на существование некой традиции, пусть и не слишком явно выраженной; во всяком случае, стало очевидным, что не следует исключать Толковые Псалтыри из зоны поисков предисловий к библейским песням.

В сферу изучения предисловий к библейским песням неожиданно попадает и Следованная Псалтырь ГИМ, собр. Уварова, № 569-4^о. Неожиданно – потому что сама она этих предисловий не имеет. Однако эта Псалтырь представляет несомненный интерес в связи с вопросом об источниках предисловий.

Как следует из обширной писцовой записи на л. 474 об.,¹³ книга написана в Угличе в 1491 г. «многогрѣшною рукою Феодорца Климова сына Шарапова», что сближает ее с кругом иллюминированных Псалтырей, поскольку ее писец в то же самое время является писцом и знаменитой Углицкой Псалтыри 1485 г. (РНБ, F.I.5). И в связи с этим Увар. 569 попадала в поле зрения исследователей [14; 10: 37–41; 7], но не в связи со своими текстами. Архимандрит Леонид, описывая рукопись, попутно заметил: «Статей особенных нет» [8: 48]. Однако, как минимум, одна «особенная» для состава Следованной Псалтыри статья в этой рукописи присутствует. Поскольку она весьма невелика, приведу ее полностью.¹⁴

О нравѣ Матери Божии Богородици

Бѣаше бо отлучено мѣсто въ храмѣ Господни при лѣвой странѣ близ жрътовника, идѣже стояху дѣвии токмо единии. И убо иные дѣвии по скончании пѣнниа и по отшествии челоуѣк вси отхожаху въсвоисии, Марія же остааше, блюдущи церкви жрътовника и служаще ерѣом. Нрав же ее сице бѣ: тиха по всему, малоглаголива, скоропослушлива, благопривѣтлива, стыдлива къ всякому челоуѣку, несмѣхлива, несмутлива, негѣвлива, почтита, почитаюши и кланяющиися всемь. Възрастом средним, паче же и болѣ средняго възраста имущии, смугла^а лицом, руси власи, руси очи благолѣпнии, чрѣни брови, носъ похил, руцѣ^б длѣзѣ. Благодатию Божию

¹³ Запись воспроизведена: [8: 48–49; 10: 37–38].

¹⁴ Публикую текст по правилам ТОДРЛ, отмечаю лишь случаи нестандартного использования юса малого.

^а В рукописи смугла.

^б В рукописи рацѣ.

исполнена, небуява, невеличава ризами, благоумна, смирение имущи и носящи, и любящи. Сирѣчь якоже волна будеть агньцемь, а не цвѣти. Хитростию обагрена или осинена, якоже свидѣтельствуеть святыи еа омофорь, рекше мантиа. Считають же ся лѣта пречистыа владычица нашаа Богородица сице. Трилѣтну сущу, принесоста ею родителя Господеви, и створи в церкви 6 лѣт и 6 месяць, и благовѣщение прият 15 лѣтом, и своим Сыномь Господемь нашим Исус Христомь сътвори лѣт 33, у Иоана у Богослова пребысть лѣт 24, дондеже преставися. Живши же всѣх лѣтъ 72. Богу нашему слава и вѣки вѣком. Аминь.

ГИМ, собр. Уварова, № 569-4°, л. 140 об.–141

У нас есть основания рассмотреть эту статью в связи с вопросом об источниках предисловия к девятой песни. Девятая песнь – это единственная новозаветная песнь в составе цикла библейских песней, закрепившегося в русской рукописной традиции. Она состоит из двух частей: песни Богоматери и песни (молитвы) Захарии. Иногда песнь Захарии получает свой номер и обозначается как десятая. Предисловие к песни Богоматери¹⁵ основано не только на канонических (Лк. 1:39–46), но и на апокрифических источниках. В частности, среди источников этого предисловия – статья, приведенная выше.

Увар. 569 – не единственный список этого сочинения, оно достаточно широко распространено в русской рукописной традиции. Среди ранних его списков есть принадлежащий руке известного кирилловского книжника Олешки Павлова РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 10/1087 40-х гг. XV в.,¹⁶ текст которого озаглавлен как «Елифания мниха и прозвитера о знаменнихъ и взраста Пресвятыя Владычица нашаа Богородица и Приснодѣв Марья» (л. 189 об.).¹⁷ Под тем же названием этот текст фигурирует в сборнике XV в. РГБ, ф. 304/1 (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 760 (л. 278–278 об.) и в сборнике XVI в. из того же собрания № 793 (л. 25–26). Можно назвать и другие рукописи, но все это будут сборники, весьма разнообразного содержания, далекие от Следованной Псалтыри.

Полный комплект предисловий известен в составе шести рукописей, две из которых Простые Псалтыри, три – Следованные Псалтыри, одна – сборник неустойчивого состава [13: 67]. Закономерен вопрос, в составе какого сборника сформировался полный комплект. Ответа на него пока

¹⁵ Опубликовано мною в: [3: 216–217, 224–225].

¹⁶ Рукопись была закончена в 1446 г., о чем свидетельствует запись Олешки Павлова на л. 282. Лист с записью воспроизведен в: [15: 153]. Этот список относится к числу ранних. В XIV в. бытование этого текста пока не отмечено, и в [6] он не попал.

¹⁷ Л. 190 с частью текста статьи воспроизведен: [15: Ил. 31].

нет. Однако Следованная Псалтырь Увар. 569 дает возможность порассуждать на эту тему.

Федор Шарапов так или иначе был связан с книгописным центром, в котором создавалась Киевская Псалтырь.¹⁸ Вряд ли, Углицкая Псалтырь была «скопирована» с Киевской, как полагал А. Н. Свириин [12: 22, 70], между ними есть серьезные расхождения не только в иллюстративной части, что было подробно разобрано Н. Н. Розовым [11: 229–233], но и в части текста. Так, например, в Углицкой Псалтыри отсутствуют предисловия к библейским песням. Г. В. Попов обнаружил связь между Киевской и двумя миниатюрами второй Псалтыри Федора Шарапова (Увар. 569) [10: 39]. Скорее всего, между двумя углицкими Псалтырями и Киевской были «промежуточные звенья» [11: 233], будь то прориси [10: 39] или другие экземпляры Псалтыри. В любом случае, между Федором Шараповым и этим трудноопределимым¹⁹ книгописным центром существовала связь: углицкий писец получал оттуда материалы. Можно думать, что статья «О нравѣ Матери Божии Богородици» попала в Псалтырь Федора Шарапова из этого книгописного центра. Основания для этого таковы. Как я уже писала ранее, ключевой для определения места формирования полных редакций предисловий является рукопись РНБ, F.I.738, в состав которой входят наиболее ранние списки двух полных редакций предисловий [13: 80–81]. Поскольку она включает в себя два цикла миниатюр, возникает целый ряд вопросов. Формировались ли полные редакции предисловий (и текст предисловия к песни Богоматери в том числе) в том же месте, где создавались миниатюры? Или хотя бы один из циклов миниатюр? Наличие статьи, послужившей одним из источников предисловия к девятой песни, в Следованной Псалтыри Федора Шарапова является косвенным свидетельством в пользу предположения, что в том месте, где шла работа над миниатюрами и, возможно, создавались образцы (прориси), шла работа и над текстом Псалтырей. В одном случае, статья, рассказывающая об облике и нраве Богоматери, была использована для создания предисловия к песни Богоматери и предисловие попало в другие Простые и Следованные Псалтыри, в другом – была взята (вместе с иллюстративными образцами) и вставлена в Следованную Псалтырь.²⁰

¹⁸ Связь Углицкой и Киевской Псалтырей отмечалась еще Ф. И. Буслаевым; см.: [9: 13, 25–27].

¹⁹ Проблемы локализации этого книгописного центра и разные точки зрения по этому поводу рассмотрены в: [13: 78–83].

²⁰ Наличие этого текстового заимствования заставляет заподозрить, что Федор Шарапов имел не только прориси. Точно так же в Годуновские Псалтыри был заимствован в той или иной мере из Киевской Псалтыри, возможно опосредованно, не только изобразительный ряд, но и текст предисловия к первой библейской песни.

Между целым рядом иллюминированных Псалтырей устанавливаются связи не только посредством миниатюр, но и посредством текста. И одним из звеньев этой связи оказываются предисловия к библейским песням. Новые материалы, привлекаемые в данном случае к их исследованию, не дают пока никаких определенных ответов, однако расширяют источниковую базу для решения давно поставленных вопросов.

Литература

1. *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
2. *Георгиевский Г. П.* Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в императорском Московском и Румянцевском музее. Пг., 1915.
3. *Гордиенко Э. А., Семячко С. А., Шibaев М. А.* Миниатюра и текст: К истории Следованной псалтири из собрания Российской национальной библиотеки F.I.738. СПб., 2011.
4. *Исаева Е. В.* Годуновская псалтирь 1591 г. М., 2015.
5. *Исаева Е. В.* «Годуновская» Псалтирь 1591 года: К вопросу о создании и бытовании памятника // Православные святыни Московского Кремля в истории и культуре России (к 200-летию Музеев Московского Кремля). М., 2006. С. 260–269.
6. Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: Рукописные книги. СПб., 2014.
7. *Куницына Ю. Б.* Две Псалтири из Углича // Книжная культура Ярославского края – 2012. Ярославль, 2013. С. 27–32.
8. Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Вып. 2.
9. Отчеты о заседаниях Императорского общества любителей древней письменности в 1884–1885 гг. СПб., 1885.
10. *Попов Г. В.* О судьбе Киевской Псалтири 1397 г. в конце XV столетия // *Попов Г. В.* Рукописная книга Москвы: Миниатюра и орнамент второй половины XV – XVI столетия. М., 2009. С. 35–45.
11. *Розов Н. Н.* О генеалогии русских лицевых Псалтырей XIV–XVI веков // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970. С. 226–257.
12. *Свирин А. Н.* Древнерусская миниатюра. М., 1950.
13. *Семячко С. А.* Предисловия к библейским песням как историко-литературный феномен // ТОДРЛ. Т. 65. СПб., 2017. С. 62–83.
14. *Смирнова Э. С.* Миниатюры Псковского апостола начала XVI века // Древний Псков: История. Искусство. Археология: Новые исследования. М., 1988. С. 155–170.
15. *Шibaев М. А.* Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века: Историко-кодинологическое исследование. М.; СПб., 2013.

Перевод и использование Библии в творчестве Максима Грека*

проф.
Флорентийский университет (Италия)
email: marcello.garzaniti@unifi.it

В переводах Священного Писания и его толкования как в использовании библейских цитат в своих оригинальных сочинениях Максим Грек опирается на знания, полученные им во время пребывания в Италии, и демонстрирует свою осведомлённость о полемике той эпохи по поводу обращения к источникам эллинистической культуры и по вопросу оригинальных текстов Ветхого Завета. Библейские цитаты используются, прежде всего, в качестве полемических доводов, с целью нравственного назидания русскому обществу и монашеству.

Ключевые слова: Перевод Священного Писания, библейские цитаты, Максим Грек, русская публицистика XV–XVI веков.

Когда почти пятьсот лет тому назад, в 1518 г., Максим Грек прибыл в Москву, чтобы заниматься славянским переводом Священного Писания и экзегетических произведений Отцов Церкви,¹ он не предполагал, что до конца жизни его судьба будет связана с этой деятельностью. В России афонский монах выполнял напряжённую работу, которая поначалу, согласно предписаниям церковных властей, исходила из версии Толкового Апостола²

* В настоящей статье излагаются лишь некоторые направления исследования относительно идеи и использования Библии в творчестве Максима Грека, которые будут развиты впоследствии.

¹ Об этом свидетельствует послание от игумена Ватопеда Анфимия, адресованное великому князю Василию III, которое сопровождало Максима в его путешествии в Москву и в котором объясняется, что данный монах был избран, «потому что он искусен в Божественном Писании и способен на сказание всяких книг, и церковных, и тех, которые называют эллинскими» [18: 100].

² В период с 1519 до 1520 г. Максим, с помощью Власа Игнатов, создал на основе греческого языка и при посредстве латыни версию некоторых недостающих отрывков из Толкового Апостола [17].

и Толковой Псалтыри.³ Задачей этой работы было создание для русской церкви и, в более широком масштабе, для всего православного славянского мира экзегетических пособий, необходимых для понимания наиболее часто цитируемых библейских книг вместе с Евангелием.⁴ Кроме того, уже с первых лет своего пребывания на Руси Максим пишет оригинальные сочинения, в основном послания в форме кратких трактатов, в которых обнаруживает глубокое знание Священного Писания и его мудрое применение в своей аргументации.⁵

Однако чтобы понять учение о Священном Писании и его практическое использование в творчестве Максима, необходимо вернуться к периоду его образования в Италии (1492–1506), когда он был известен под именем Михаила Триволиса, и принять во внимание новые отношения к Священному Писанию и его различным версиям, сформировавшееся в среде религиозных течений и гуманизма конца XV в. Следует выйти за рамки распространенного убеждения о том, что образование Максима, особенно в течение флорентийского периода, якобы сосредоточивалось почти исключительно на философии гуманизма и возрождении классической культуры, впоследствии им покинутых в пользу радикальной ориентации на Священное Писание и патристическое учение во время его десятилетнего пребывания на Афоне (1506–1516).⁶

Прежде всего, следует отметить, что Псалтырь фигурирует в творчестве Максима уже с первых лет проживания в Италии, причем как в текстуальном плане, так и в толковательном. Действительно, в период его пребывания в Венеции (1503/4–1506) и совместной деятельности с Альдом Мануцием выходит второе греческое издание Псалтыри (1505), которое сопровождалось кратким «*Introductio ad litteras graecas*», содержащим некоторые важные религиозные тексты греческой и латинской традиции [19: 221]. До этого Максим находился в Мирандоле (1498–1502) и служил секретарем у графа Джованни Франческо Пико, занимающегося правкой

³ Ср. «Послание московскому великому князю Василию III о переводе Толковой Псалтыри» [13: 151–166]. В этом послании, которое датируется 1521–1522 гг., Максим кратко излагает свои убеждения и методологический подход к искусству перевода [13: 162–164]. О продолжительной работе Максима над славянской редакцией Псалтыри, которая сопровождала всю его деятельность в России, см.: [3; 11]. О его определении различных смыслов Священного Писания в отношении переводческой деятельности вокруг архиепископа Геннадия см.: [25].

⁴ Что касается евангельского текста, до своего ареста (1525) Максим возглавлял или, во всяком случае, редактировал перевод Бесед Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея и Иоанна, наставляя своих помощников, см.: [18: 142–143; 16].

⁵ Сегодня в нашем распоряжении есть научное издание его сочинений начального периода (1518–1525), написанных до первого судебного процесса, см.: [13].

⁶ Об истории этих изысканий и явной тенденции к строгому разграничению в трактовке его жизненного пути см.: [20].

неоконченного текста «Expositiones in Psalmos» своего более знаменитого дяди Джованни Пико, который использовал имевшиеся в его распоряжении экзегетические комментарии и еврейский текст Псалтыри.⁷ Впрочем, сам Максим, находясь в России, не преминул предложить свое толкование Псалтыри, как доказывает его послание некоему «господину Ивану», посвященное аллегорической и нравственной интерпретации псалмов 1–3, 25, 31, 141.⁸

Как правило, в своих оригинальных сочинениях афонский монах демонстрирует способность четко отличать библейские тексты, то есть «Богодухновенные Писания», Ветхий и Новый Завет, от патристических толкований в рамках традиционного комплекса «священных книг», отграничивая и те и другие от античной философии и применяя их к своей современности. Речь идет о явном новаторстве по отношению к укоренившейся на Руси тенденции использовать «священные книги» византийско-славянской традиции в их целостности и избегать любых ссылок на философские размышления древних. В восточнославянской письменности Священное Писание занимало центральное место и, что наиболее важно, использовалось, особенно на свете литургического контекста, для иллюстрирования индивидуального или общественного опыта в духовном и дидактическом ключе; ср.: [5].

Во Флоренции Михаил получил возможность ознакомиться с созревшим в схоластике и средневековой проповеднической деятельности новым подходом к Священному Писанию, благодаря живому голосу одного из самых ревностных толкователей той эпохи – Джироламо Савонаролы, чтобы затем освоить его более систематически во время своего краткого пребывания в монастыре Св. Марка (1502–1503/4). Сам Максим прямо говорит об этом в сочинении «Повесть страшна и достопамятна», подчеркивая центральную роль Священного Писания в учении Савонаролы и глубокую экзегетическую компетентность феррарского проповедника («разум искусства Святых Писаний») и внося одновременно ценные указания об унаследованном от него использовании Библии.⁹ Сказание о вдове, которая передает

⁷ Джованни Пико начал писать комментарии к псалмам около 1488 г., поощряемый Лоренцо де Медичи и движимый стремлением защитить греческую версию Септуагинты от обвинений в несоответствии тексту оригинала, предъявленных евреями, ориентируясь, главным образом, на нравственное толкование, то есть в соответствии с тропологическим смыслом Священного Писания, и демонстрируя влияние Савонаролы [22].

⁸ Ср. «Послание к некоему другу его, в нем же толкование неких речений неудоборазумяемых в Божественном Писании» [14: 319–325].

⁹ «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жительстве» [12: 3: 145–167, особ. с. 158–167]. Н. В. Сеницына датирует произведение временным отрезком между концом 1540-х и началом 1550-х годов [18: 220].

доминиканцу потерянный законным владельцем кошелек, свидетельствует о центральном месте нравственного (и социального) толкования Священного Писания и его актуализации во Флоренции того времени.¹⁰ В общем контексте деятельности Савонаролы на глазах Максима его наставление представляется нацеленным на моральное возрождение общества и приобретает сильное пророческое значение, что подтверждается подробным описанием приговора и казни доминиканца. Такой подход к Библии является превалирующим в творчестве Максима, который, хотя и не имел доступа к проповеднической деятельности, с самого начала был вдохновлен нравоучительными побуждениями, направленными на преобразование русского общества и прежде всего монашества.

Главное место в творчестве Максима занимает, в частности, осуждение традиции русского монастырского землевладения, сопровождаемое суровым обвинением в ростовщичестве в ущерб крестьянскому населению. В Иоасафовском собрании, самом древнем собрании сочинений Максима Грека, списки которого хранят его автографы,¹¹ содержится прения между двумя персонажами, названными греческими именами Актимон и Филоктимон, которые олицетворяют главные группировки в самой значительной полемики в России той эпохи.¹² Внимательное прочтение диалога позволяет с ясностью увидеть, что прения развивается на основе библейских цитат как из Ветхого, так и Нового Завета, и что их толкование приобретает очевидный пророческий характер; см.: [6].

В его сочинениях центральная роль отводится Ветхому Завету, в особенности пророческим писаниям, которые не часто цитировались в восточнославянской письменности. Вероятно, незадолго до судебного процесса над Максимом, он занимался редактированием краткой антологии библейских извлечений на основе одной из славянских версий толкования пророков (к которой добавилось несколько отрывков из исторических книг), обнаруживая предпочтение Пророчеству Исаии и апологетических выражений в речах пророков.¹³ Свидетельством процесса

¹⁰ Это уже было отмечено А. И. Ивановым, но не в экзегетическом, а в общественно-политическом ключе [8].

¹¹ См. введение Н. В. Синицыной к 2 тому нового издания [14: 9–45], содержащему тексты из Иоасафовского собрания [14: 51 и след.].

¹² «Стязание о извѣстном иночьском жительствоѣ, лица же стязующихся Филоктимон да Актимон, сирѣчь любостязательный да нестязательный» [14: 219–230].

¹³ Рукописной традиции антологии, присутствующей, помимо прочего, в одном из списков Иоасафовского собрания, посвящено исследование Х. М. Олмстеда, в котором сделаны и некоторые важные замечания о присутствии этих текстов в оригинальных сочинениях афонского монаха [21]. К сожалению, как мне известно, многообещающее исследование не получило дальнейшего развития. В данной перспективе следует изучить – в плане содержания – также собрание псаломских стихов Максима «Изъявление о псалмех»; ср.: [11: 102].

самоидентификации с пророком по модели Савонаролы служит «Ответ вкратце к святому Собору о них же оклеветан бываю», где автор говорит о пророке Амосе и его призвании.¹⁴ Спустя годы, в той же необычной манере в послании князю П. И. Шуйскому Максим сравнивает свою судьбу с участью Иосифа, проданного фараоном и спасенного Богом.¹⁵

Не менее важными представляются аллегорические олицетворения, в которых не всегда легко улавливается библейское происхождение. Обстоятельные доказательства этому предоставлены в «Слове пространнѣм, излагающем с жалостию нестроения и бесчиния цареи и властелѣх послѣдняго вѣка сего».¹⁶ Главное лицо, Василия, вызывает образ «непорочной девы», происходящий из Посланий св. Павла (2Кор. 11:1–2) и уже присутствующий в песне Савонаролы «De Ruina ecclesiae». Этот образ относится к ветхозаветным текстам, и в особенности к образу жены Откровения, олицетворению воинствующей церкви.¹⁷ Ее долгий плач содержит постоянные ссылки на суровые предсказания ветхозаветных пророков.

В своей деятельности Максим обнаруживает осведомленность о наиболее актуальных вопросах толкования Священного Писания, что явствует из полемиического сочинения против гуманиста Иоанна Людовига Вивеса: «Словеса супротивна ко Иоанну Лодовику, толковнику священных книги св. Августина, епископа Иппонскаго» [12: 3: 167–183; ср. 7]. В критике испанского толкователя центральную роль играет греческая версия Септуагинты в непосредственной связи с масоретским еврейским текстом как свидетельством «hebraica veritas». Убежденно подчеркивая, что греческие переводчики Ветхого Завета следовали божественному вдохновению, Максим в то же время не исключает, что в этом переводе могут быть погрешности, порожденные возможными описками или ошибочной передачей текста, и приводит в качестве примера число дней поста (3/40) ниневийцев (Ион. 3:4). Впрочем, уже в последние годы пребывания во Флоренции, особенно в период послушничества в монастыре Св. Марка, Михаил-Максим уяс-

¹⁴ Ср. Ам. 7:14–15 в [21: 35–36].

¹⁵ «Послание к князю Петру Шуйскому» (1542); [12: 3: 415–420, особ. 416–417].

¹⁶ [14: 64–271]. Согласно редактору, сочинение было написано уже в середине XVI в.

¹⁷ Ср. [4: 8: 223–224]. Важное значение для толкования имеет глосса самого автора, который отождествляет Василия с «царством» – «толк: сирѣчь царство, а тлъкуется утверждение людем» [14: 390] – и который в очередной раз упоминает Священное Писание (Прем. 6:26 или 24). На основе образа св. Павла и модели Савонаролы возможно толковать аллегорию соотнеся ее с Царством Небесным, а не с земным царством, как, кажется, предлагает Синицына [14: 30]. Дополнительный материал для размышлений предоставляет Г. Казимова, анализируя цитаты из псалмов, но не указывая при этом посредничество св. Павла и Савонаролы [9].

нил важность спора между теми, кто защищал традицию Септуагинты и Вульгаты, и теми, кто предпочитал обращаться к масоретскому тексту.¹⁸ Его бóльшая верность Септуагинте широко доказывается в осуществленном им переводе книги Есфирь, который впоследствии стал, благодаря Острожской Библии, наиболее авторитетным.¹⁹ Приверженность Максима Септуагинте доказывается также в редакции 4Мак., которая, хотя и не входит в библейский канон, содержится в приложении.²⁰

Такой подход позволяет точнее оценить деятельность Максима как переводчика и исправителя славянских переводов Священного Писания, патристических и литургических книг, учитывая, что в его деятельности перевод, переписывание, исправление и толкование составляют разные грани общего сложного процесса.²¹ Тесная связь между этими гранями является предметом теоретических размышлений, которые Максим излагает в двух других сочинениях, вошедших в Иоасафовское собрание: «Слово отвѣщательно о исправлении книг русских, в нем же и на глаголющих, яко плоть Господня по въскресении из мрътвых неописана бысть» и «Словцо отвѣщательно о книжном исправлении» [14: 136–149]. В этих текстах рассуждение ведется в апологетическом ключе с опорой на Священное Писание, начиная с Послания Иакова (Иак. 1:17), уже упомянутого в Послании великому князю. С одной стороны, усиленно подчеркивается, что деятельность переводчика зиждется на истинном божественном даре, который, если принять во внимание различные дары христианской общины, мог отсутствовать у переписчиков и переводчиков прошлого, хотя они и пользовались славой

¹⁸ Согласно Й. Шнитцеру, в эпоху Савонаролы в монастыре Св. Марка, помимо греческого и латинского, изучались восточные языки, и в целом обучение твердо опиралось на библейские тексты. В тот период среди братьев находился один из наиболее крупных знатоков еврейской Библии того времени Санте Пьяннини; ср. [23: 1: 373–374; 23: 2: 926].

¹⁹ Ср.: [24]. Неудовлетворенность предшествующими версиями, выявленными в Геннадиевской Библии, и, как нам представляется, их сходство с еврейским текстом, видимо, подтолкнуло Максима к созданию новой версии, вероятно, на основе *Editio princeps* греческой Библии, которую издал в Венеции Андреа Торрезани (1518).

²⁰ См.: [15]. В соответствии с тематикой, оба этих перевода явно восходят ко времени преследования Максима, непосредственно перед периодом его вынужденного бездействия или сразу после него.

²¹ Это подчеркивает Т. В. Пентковская, отмечая, что в переводе Евангелия от Матфея «ситуацию sprawy близку к так называемой контролируемой традиции работы над текстом» [16] и подчеркивая посредническую роль латыни, а также влияние русской редакции, связанное с посредничеством помощников Максима [17]. Очевидное доказательство этому предоставляет И. В. Вернер, восстанавливая различные этапы филологической работы афонского монаха над Псалтырью, в том числе в педагогическом ключе, вплоть до реализации подстрочного перевода в 1552 г., в котором греческий текст представляется особенно схожим с изданием Альда Мануция в 1498 г. [3]. К сожалению, не упоминается второе издание (1505), в котором наверно принимал участие Михаил-Максим (см. выше).

святых. В то же время, по мнению Максима, требовалось владение техникой перевода, которую он называет *искусством* и которая требует освоения и кропотливого труда [5: 43–44]. В связи с этим его усилия направлены не только на собственную экзегетическую и переводческую деятельность, но и, как мы видели, на подготовку и воспитание новых поколений переводчиков и исправителей.

В этой деятельности существуют ограничения, которые должны строго соблюдаться. Максим, напоминая о средневековых спорах, сурово клеймит тех, кто возносит разум с его силлогизмами к основным положениям экзегетической практики, о чем свидетельствует пересказ легенды о Раймонде Диокресе, профессоре Сорбонны.²² Это соблюдение ограничений возможно только в том случае, если в центре внимания прочно сохраняется «евангельская нелестная истина», которая противопоставляется «безбожной прелести» классической культуры и философии. Последняя ни в коем случае не может приобретать роль основополагающего критерия, как он аргументирует в сочинении «Слово обличительно на еллинскую прелесть».²³

По этим причинам было важно, по его мнению, чтобы русская церковь и, в более широком масштабе, весь православный славянский мир имели в своем распоряжении, вместе с патристическими комментариями, конкретные экзегетические пособия для толкования библейских *realia* в непосредственной связи со сложным иудейским и классическим культурным наследием. Именно в этом ключе следует рассматривать создание славянской редакции авторитетного византийского энциклопедического словаря Суда [2: 53–81, 128–180], а также Толкования именам – словаря еврейских, греческих и латинских имен, расположенных в алфавитном порядке.²⁴

В заключение следует отметить, что Максим во время своего пребывания в России не ограничивался предписаниями русской митрополии, направленными на восстановление и увеличение переводческого и экзегетического церковнославянского наследия, а заботился о возвышении искусства перевода и толкования Священного Писания, с сохранением прочной связи с «евангельской истиной» и со старанием сформировать – в пределах возможностей – школу, которая скрупулезно следовала бы его филологическому подходу. Вся эта деятельность была

²² См. первую часть текста «Повѣсть страшна и достопамятна» (см. выше).

²³ [14: 71–77]. Сочинение сохранилось также в греческой редакции, в которой автор подражает языку Гомера [14: 78–80, 416–421]. Согласно Д. М. Буланину, славянская версия должна восходить к концу 30-х или началу 40-х г. XVI в. [1: 230].

²⁴ Л. С. Ковтун исследовала сочинение в контексте филологической деятельности греческого монаха и, более широко, в общем контексте русской культуры XVI в. [10].

нацелена не только на более глубокое познание Священного Писания, но и, в особенности, на актуализацию его наставлений в связи с нравственной и общественной ситуацией в России и в пространстве богословских и философских спор той эпохи.

Пер. М. Гасановой-Мийат

Литература

1. Буланин Д. М. Максим Грек, «Слово о покаянии» и «Слово обличительно на эллинскую прелесть» (перевод Д.М. Буланина) // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993. С. 229–240.
2. Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984.
3. Вернер И. В. К истории перевода Псалтыри Максимом Греком в 1522–1552 годах: Хронология, текстология, методология // Славяноведение. 2017. № 2. С. 40–54.
4. Висковатый К. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека // Slavia: Časopis pro slovanskou filologii. R. 17. 1939–1940. Ses. 1–2. S. 128–133.
5. Гардзанини М. Священное Писание и auctoritates у Максима Грека // ТОДРЛ. Т. 64. СПб., 2016. С. 33–46.
6. Гардзанини М. «Стязание о извъстном иночьскомъ жительствѣ»: Библейские источники и их толкования в полемическом произведении Максима Грека о монашеской нестяжательстве. [В печати].
7. Журова Л. И. «Словеса против Иоанна Людовига Вивеса» Максима Грека в рукописной традиции // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 26–35.
8. Иванов А. И. Максим Грек и Савонарола // ТОДРЛ. Т. 23. Л., 1968. С. 217–227.
9. Казимова Г. А. Псалтырные цитаты в «Слове пространнем, излагающем с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последнего века сего» Максима Грека // Герменевтика древнерусской литературы. Т. 13. М., 2008. С. 495–521.
10. Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л., 1974.
11. Ковтун Л. С., Синицына Н. В., Фонкич Б. Л. Максим Грек и славянская Псалтырь (сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в.) // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М., 1973. С. 99–127.
12. Максим Грек, преп. Сочинения. Казань, 1894–1897. Т. 1–3. 2-е изд.
13. Максим Грек, преп. Сочинения. М., 2008. Т. 1.
14. Максим Грек, преп. Сочинения. М., 2014. Т. 2.
15. Олмстед Х. М. К изучению библиистики Максима Грека: Перевод четвертой книги Маккавеев на церковнославянский язык // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 91–100.
16. Пентковская Т. В. Евангелие от Матфея в составе перевода бесед старца Силуана: К вопросу об источниках комментируемого текста // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2015. № 2. С. 7–41.
17. Пентковская Т. В. «Послания берестяные» в Толковом Апостоле (Деян. 28:22) // Slovĕne = Slověne: International Journal of Slavic Studies. 2015. Т. 4. № 1. С. 348–355.
18. Синицына Н. В. Максим Грек. М., 2008.
19. Flogaus R. Aldus Manutius and the Printing of Greek Liturgical Texts // Miscellanea Marciana. Т. 20. Venezia, 2005–2007. P. 207–230.

20. *Garzaniti M.* Maxime le Grec dans l'historiographie russe des XIXe–XXe siècles: Un Ulysse de l'orthodoxie byzantine face aux sirènes de la culture occidentale // *Écrire et réécrire l'histoire russe, d'Ivan le Terrible à Vasilij Ključevskij (1547–1917)*. Paris, 2013. P. 183–191.
21. *Olmsted H. M.* A Learned Greek Monk in Muscovite Exile: Maksim Grek and the Old Testament Prophets // *Modern Greek Studies Yearbook*. 1987. № 3. P. 1–73.
22. *Pico G.* *Expositiones in Psalmos*. Firenze, 1997.
23. *Schnitzer J.* *Savonarola: Ein Kulturbild aus der Zeit des Renaissance*. München, 1924.
24. *Taube M., Olmsted H.* «Povest' o Esfiri»: The Ostroh Bible and Maksim Grek's Translation of the Book of Esther // *Harvard Ukrainian Studies*. 1987. № 11. P. 100–117.
25. *Tomelleri V. S.* I quattro sensi della Scrittura in Russia // *Forma formans: Studi in onore di Boris Uspenskij*. Napoli, 2010. P. 199–217.

Беседы на Евангелие от Матфея и Иоанна в переводе старца Силуана и Максима Грека в контексте раннего периода переводческой деятельности Максима Грека в России

*д-р филол. наук
МГУ*

email: pentkovskaia@gmail.com

В статье дается обзор лингвистических особенностей переводов Бесед, которые в большинстве случаев разделяются предшествующими переводами Максима Грека и его сотрудников и восходят к переводческой практике XIV в. Целенаправленный выбор группы экзегетико-гомилетических текстов для коллективного перевода мог явиться первым этапом подготовки масштабной библейской sprawy. Параллелью здесь может служить ситуация второй половины XVII в., когда библейская справа, результатом которой стал Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого, начинается с перевода Епифанием Толковых Посланий.

Ключевые слова: Максим Грек, экзегетико-гомилетические тексты, группировка переводов, лингвистические особенности, афоно-тырновская книжная справа, раннее Новое время.

Ранний период книжной деятельности Максима Грека в России достаточно четко ограничен хронологически: с 1518 г. (приезд в Москву по приглашению великого князя Василия III) по 1525 г. (осуждение на поместном соборе и ссылка в Иосифо-Волоцкий монастырь). В этот период деятельности Максима появляются следующие переводы экзегетико-гомилетических текстов:

1. Восполнение утраченного на Руси фрагмента толкований на апостольские Деяния (1519 или 1520 г.), перевод которых был сделан в XIV в. в Болгарии [1: 188, 202; 13: 209–221].

2. Перевод Толковой Псалтыри 1522 г. (из последних работ см. [4]). Сотрудниками Максима в это время были Дмитрий Герасимов и Влас Игнатов, переводившие с языка-посредника (латыни) на церковнославянский.

3. Беседы на Евангелие от Матфея Иоанна Златоуста 1524 г.

4. Беседы на Евангелие от Иоанна Иоанна Златоуста 1525 г. Два эти перевода были выполнены совместно учеником Максима старцем Силуаном в сотрудничестве с учителем [2; 12]. Греческие оригиналы Бесед, судя по всему, были рукописными, так как первое издание Иоанна Златоуста на греческом языке появилось только в 1526 г. в Базеле, трудами Эразма Роттердамского (*De fato et Providentia Dei*), а издания корпуса сочинений с оригинальным греческим текстом появляются уже в XVII в. [22: 32–34].

Обращает на себя внимание целенаправленный выбор текстов для перевода. В своей статье, представленной в настоящем сборнике, М. Гардзанити отмечает, что отношение Максима к библейскому тексту формировалось «в среде реформационных течений и гуманизма к. XV в.» и предполагало, в частности, четкое различие между собственно Библией и патристическими толкованиями [5: 58]. Раннее Новое время активизировало интерес к библейской экзегезе. Часть из переведенных Максимом Греком и его сотрудниками экзегетических произведений отсутствовала в предшествующей русской традиции (Беседы Иоанна Златоуста), и выбор их для перевода диктовался заполнением существовавшей здесь лакуны. Кроме того, не исключено, что перевод такого рода текстов являлся первым этапом подготовки более масштабной библейской справы. Справа эта не осуществилась в силу известных исторических обстоятельств (выдвинутые против Максима обвинения). Отметим, что во второй половине XVII в. именно перевод толковых посланий лег в основу перевода Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого, а Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие и Апостол использовались в качестве дополнительных источников: в Новый Завет книжного круга Епифания оттуда вошли не только прямые лексические заимствования, но и выписки, содержащие выдержки из комментариев. Все вместе это привело к созданию нового в русской традиции типа новозаветного текста, ориентированного на западноевропейские критические издания [18].

Еще одно важное обстоятельство, свидетельствующее в пользу такого предположения, – то, что все эти тексты Максим Грек переводил не один, а работал с коллективом книжников (сотрудничество с Дмитрием Герасимовым и Власом Игназовым принято объяснять слабым знанием церковнославянского языка Максимом). Коллективный перевод (при привлечении нескольких языков) также характерен для библейской справы раннего нового времени.

Между четырьмя названными переводами существуют и определенные различия, позволяющие разделить их на две подгруппы: 1. Толковые

Деяния и Псалтырь; 2. Беседы. Общий принцип работы над сочинениями первой подгруппы состоял в том, что основной библейский текст (так называемое «сущее») не переводился и практически не редактировался, переводились только толкования. В обоих случаях в основном тексте представлены версии, восходящие к афонским (киприановская в толковой Псалтыри) [4: 45; 13: 209–219]. При переводе Бесед редактированию подлежал и сам евангельский текст, работа над которым подчинялась принципам так называемого перевода-редактуры, а целью было добиться единства в переводческой технике комментариев и основного текста. Как это было характерно для контролируемой традиции, при создании «сущего» сводились несколько источников, прежде всего афонская и Чудовская редакции Евангелия [13: 37–39; 20: 21–34].

Второе различие между подгруппами заключается в том, что при создании Бесед латынь как язык-посредник не использовалась.

Переводы Бесед на Евангелие мало привлекались для изучения творчества Максима Грека в лингвистическом аспекте, так что их язык нуждается в сопоставлении достаточно хорошо изученными другими работами Максима и его книжного круга (см., в частности, работы Е. В. Кравец, И. В. Вернер, К.-М. МакРоберт).

К особенностям переводов Бесед в области лексики следует отнести немалое число лексических регионализмов, которые отмечаются, как правило, в области реалий. Региональный характер этих лексем хорошо осознавал сербский монах Иов Шишатовец, который в 1615 г. на Афоне адаптировал совместный перевод Силуана и Максима к сербскому варианту церковнославянского языка. Так, он глоссировал характерными для сербской языковой нормы лексемами ряд регионализмов русско-церковнославянского перевода: **свороборинные цвѣты – шипков, кѣкшины – тас сиреч медь, на телигахъ – на колах, шелковые платы – свилкнѣ, данцики – приетели, казначей – хазнадри, о ростех – о довитцех** и нек. др. [16: 34–38; ср. 7: 275–287]. Регионализмы отмечаются и в глоссах русских списков Бесед: **сѣктопаственикѡмъ – нагаѣ^М** (τοὺς νομάδας), **сложеніе – кабалѣ** (συμβόλαιον) [16: 33].

И в Беседах на Евангелие от Матфея (Беседа 87-я), и в Беседах на Евангелие от Иоанна (Беседа 13-я) встречается характерный для текстов русского происхождения грецизм **оѹксосѹсъ** (в ориентированной на греческую орфографию форме **ѡксосѹсъ**), который в предшествующий период употребляется, например, в переводе Студийско-Алексиевского устава [13: 35–36; 9: 99].

Специфические русизмы находятся и в восполнении толкового Апостола: **закладники** ‘заложенники’ (ἔμψρα) и **послания берестяные**, которым

в оригинале соответствуют ἐπιστολάς βυβλίνας ‘послания на папирусе’ [14: 350–352]. Подобного рода данные для Толковой Псалтыри отсутствуют. Очевидно, все эти русизмы должны быть отнесены к деятельности русских сотрудников Максима.

Перевод отдельных лексических единиц Бесед находит соответствие в южнославянских переводах предшествующего периода (афоно-тырновских), а также в Чудовской редакции Нового Завета. Так, в переводе бесед на Евангелие от Иоанна четко разграничиваются лексемы τὸ πλῆθος – **множество** и ὁ λαὸς – **люди** [20: 15]. Ср. то же в Чудовской редакции Нового Завета [10: 20].

Для Бесед на Евангелие от Иоанна характерна передача лексемы τὴ περὶστῆρά как **голоубница**, а не **голоубь**, с сохранением соответствия по роду (Беседа 17-я, Ин. 1:32–34) [20: 30–31]. Такой же прием последовательно применяется и в Толковом Евангелии Феофилакта Болгарского на Евангелие от Матфея во втором, южнославянском, переводе XIV в. [12: 382].

В Беседах последовательно различается употребление лексем τὸ ἱερόν – **святилище**, ὁ ναὸς – **храмъ**, ἡ ἐκκλησία – **цркъы** [13: 27; 20: 16–17]. Это словоупотребление отмечается и в переводе Псалтыри 1552 г., сопоставляясь с аналогичной практикой никоновских справщиков [8: 262–264]. Следует отметить, что и в данном случае Максим Грек и его сотрудники следуют здесь разграничению, кодифицированному в трудах переводчиков и редакторов XIV в.: так, данное разделение частичных синонимов характерно, в частности, для Норовской Псалтыри и для южнославянского перевода Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского на Евангелие от Матфея [12: 388–389].

В области грамматики Беседы на Евангелие от Матфея отличает наличие в основном тексте нерегулярно употребляемого настоящего исторического (для Бесед на Евангелие от Иоанна пока нет данных) [13: 16, 22, 26, 31]. С чем может быть сопоставлена такая практика в отношении данной грамматической формы? В афонской редакции Нового Завета настоящее историческое не используется. Напротив, в Чудовской редакции Нового Завета оно употребляется последовательно. Как уже отмечалось, оба этих текста были непосредственными источниками Бесед. Однако аналогичное спорадическое употребление настоящего исторического, в количественном отношении напоминающее ситуацию в Беседах, характерно для толковых переводов Евангелия. Так, в древнейшем переводе Толкового Евангелия настоящее историческое используется нерегулярно в комментируемом евангельском тексте (в отличие от толкований, где оно частотно) [21: 217–245]. Та же ситуация характеризу-

ет и второй, южнославянский перевод Толкового Евангелия от Матфея XIV в. [12: 394–395].

Следующие черты грамматической системы объединяют переводы Бесед с переводами первой подгруппы.

1. Для Бесед характерно нерегулярное употребление форм двойственного числа с тенденцией к его замещению формами множественного числа [13: 19; 20: 35–37]. Эту черту в переводе Псалтыри 1552 г. Е. В. Кравец рассматривала в качестве особенности позднего периода переводческой деятельности Максима и связывала ее с установкой на сближение с разговорным языком [8: 259]. Однако в ранний период она отмечается не только в Беседах, но и в Псалтыри 1522 г. [3: 18–19] и должна связываться в первую очередь с ориентацией на греческий язык, в котором двойственное число отсутствует. Колебания в выборе формы числа в различных типах контекстов, требующих двойственного числа, характерны уже для так называемых правленных редакций XIV в. (в том числе и Чудовской и афонской редакций Нового Завета), а также для переводов Иерусалимского Типикона [11: 333–337, 357–361, 428–430]. Таким образом, Максим Грек и его окружение опирается в данном случае на сложившуюся книжную традицию употребления двойственного числа и его заместителей, то есть их переводы отражают синхронный им узус весьма опосредованно.

2. Та же ситуация складывается в Беседах и с употреблением форм винительного падежа = родительного падежа. Формы эти у Силуана и Максима Грека употребляются системно и объясняются, как и в предыдущем случае, следованием не разговорному языку, а сложившемуся книжному употреблению [13: 12–13; 19: 38–40], вопреки [8: 266–267]. В переводе Псалтыри 1522 г. это явление объясняется следованием грамматическим предписаниям Доната в переводе Дмитрия Герасимова, касающимся совпадения окончаний винительного падежа и родительного падежа во множественном числе [3: 119–120].

3. Употребление форм перфекта 2 л. в качестве заместителей аориста неоднократно констатировалось исследователями в переводах Максима Грека. Данная тенденция обусловлена желанием избежать омонимии между формами 2 и 3 лица простых прошедших времен в церковнославянском при отсутствии подобной омонимии в греческом [6; 8: 27; 22; 3]. Альтернативное объяснение для переводов первой подгруппы (сделанных при посредничестве латинского подстрочника) было предложено видеть в отсутствии аориста в латыни [19: 232–238]. Латинское посредничество, однако, могло стать здесь лишь дополнительным фактором (ср., например, двойную соотнесенность грамматических конструкций одновременно с польским и греческим в Новом Завете книжного круга

Епифания Славинецкого [17: 208–210]). Этот принцип, как и предыдущие, также восходит к афонской практике, причем такие формы в Беседах могут обнаруживать и текстологические совпадения с предшествующими редакциями Евангелия [13: 11, 17, 29].

Помимо отмеченных черт, к общим чертам, объединяющим всю группу ранних переводов Максима Грека и восходящим к правленным редакциям XIV в., относится одинарное отрицание [13. С. 22], передача констукции *èv + Dat.* с помощью **въ** + местный падеж [3: 112; 8: 13: 29], калькирование субстантивированного инфинитива [13: 35]. Во всех этих случаях применяется уже давно утвердившийся в церковнославянском языке принцип поэлементного соотнесения, однако конкретная его реализация (например, для субстантивированного инфинитива) может текстологически не совпадать с тем, что читается в правленных редакциях.

По многим признакам перевод Бесед на Евангелие от Матфея Максима Грека и старца Силуана может быть сближен с толковым переводом на Евангелие от Матфея южнославянского происхождения XIV в. В этом переводе также отмечаются нестандартные индивидуальные чтения (в числе которых общее для этих двух переводов решение перевести *περιούρι* как **голоубица**), регионализмы, перевод *ναός* как **храмъ**, спорадически встречающееся настоящее историческое, буквализм [12]. Близость этих двух текстов, переведенных в разное время и в разной языковой среде, вероятнее всего, не генетическая, а типологическая, обусловленная общностью жанровой природы и уже кодифицированных в XIV в. принципов перевода.

Примечательно, что общие признаки первой группы переводов Максима Грека в целом также восходят к афоно-тырновской практике. При этом регионализация лексики Бесед и Толкового Апостола – традиция, идущая еще от домонгольских переводов. Таким образом, в переводах первой группы в целом представлено соединение нескольких составляющих: влияние классических языков, с одной стороны, и региональных вариантов церковнославянского языка – с другой. Под этими региональными вариантами подразумевается южнославянская система (которая, в свою очередь, может быть как непосредственно афонского происхождения – Максим Грек как выходец с Афона, так и опосредованно-книжной – широкое распространение восходящих к афоно-тырновской книжной справе редакций богослужебных книг на Руси) и собственно русская, носителями которой на первом этапе деятельности Максима Грека в России были его сотрудники – Влас Игнатов, Дмитрий Герасимов и старец Силуан. Этот сложный синтез определяет своеобразие не только перевода Бесед, но и всей переводческой деятельности Максима Грека в целом.

Литература

1. *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
2. *Буланина Т. В.* Силуан // Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2. Л., 1988. С. 321–323.
3. *Вернер И. В.* Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 г. // XIV Международный съезд славистов: Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. М., 2013. С. 104–127.
4. *Вернер И. В.* К истории перевода Псалтыри Максимом Греком в 1522–1552 годах: Хронология, текстология, методология // Славяноведение. 2017. № 2. С. 40–54.
5. *Гардзантии М.* Перевод и использование Библии в творчестве Максима Грека // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. СПб., 2017. С. 57–65.
6. *Живов В. М., Успенский Б. А.* Grammatica sub specie theologiae: Претеритные формы глагола быти в русском языковом сознании XVI–XVIII веков // Russian Linguistics. 1986. Vol. 10. № 3. С. 259–279.
7. *Загребин В. М.* Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.; СПб., 2006.
8. *Кравец Е. В.* Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI в. // Russian linguistics. 1991. Vol. 15. P. 247–279.
9. *Пентковская Т. В.* Грецизмы и их славянские эквиваленты в южнославянских и восточнославянских переводах XI–XIV вв. // Славяне и их соседи: Славянский мир между Римом и Константинополем. Вып. 11. М., 2004. С. 95–110.
10. *Пентковская Т. В.* К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М., 2009.
11. *Пентковская Т. В.* Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII–XIV вв.: Чудовская и Афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский типикон / Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
12. *Пентковская Т. В.* Тырновский перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского в русской традиции (на материале Евангелия от Матфея) // Тырновска книжовна школа. Т. 9: Тырново и идеята за християнския универсализъм XII–XV в. Велико Тырново, 2011. С. 381–397.
13. *Пентковская Т. В.* Евангелие от Матфея в составе перевода бесед старца Силуана: К вопросу об источниках комментируемого текста. // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2015. № 2. С. 7–41.
14. *Пентковская Т. В.* Толковый Апостол в переводе-восполнении Максима Грека и в среднеболгарском переводе: Принципы и характер работы над текстом // Круги времен: В память Е. К. Ромодановской. Т. 2. М., 2015. С. 209–220.
15. *Пентковская Т. В.* «Послания берестяные» в Толковом Апостоле (Деян 28:22) // Slověne. 2015. № 1 (4). С. 348–355.
16. *Пентковская Т. В.* С русского на сербский, с сербского на русский: Два опыта редактуры церковнославянского текста в XVII в. // Стефанос. 2016. № 3 (17). С. 28–58. <http://stephanos.ru/index.php?cizd=36>. Дата обращения 31.07.2017.
17. *Пентковская Т. В.* Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: Перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1 (31). С. 182–226.
18. *Пентковская Т. В.* Толкования на Послания апостола Павла в переводе Епифания Славинецкого как источник Нового Завета последней четверти XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2017. № 2. С. 27–52.

19. Ромодановская В. А. «Седе одесную отца» или «сидел еси»? К вопросу о грамматической правке Максима Грека // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 232–238.

20. Тверскова Я. А. Анализ переводческой техники Бесед на Евангелие от Иоанна книжного круга Максима Грека / Дипломная работа. М., 2017.

21. Федорова Е. В. Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского в древнейшем славянском переводе: Лингвотекстологический анализ / Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017.

22. Хлынова И. Л. К вопросу о сложении корпуса творений святителя Иоанна Златоуста // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2007. Вып. 2 (18). С. 31–54.

23. Olmsted H. M. Recognizing Maksim Grek: Features of his Language // Palaeoslavica. 2002. Vol. 10. № 2. P. 1–26.

«Řecko-staroslověnský index» как инструмент исследования кирилло-мефодиевских переводов

*д-р филол. наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
email: rusyaz@yandex.ru*

Статья посвящена вопросу о том, какие сведения о группировке библейских старославянских переводов можно извлечь из данных пражского «Греческо-славянского указателя» к каноническим старославянским памятникам. Анализ показал, что материалы «Указателя» подтверждают выводы, к которым пришла в своих недавних исследованиях Э. Благова: перевод Евангелия отличается от остальных библейских переводов, сохранившихся в памятниках старославянского канона, причем ближе всего к Евангелию стоит Псалтырь, дальше всего отстоят от него Апостол и Паримейник. Показательны совпадения Апостола и Паримейника с дополнительными частями евангельских тетров в противоположность переводу, характерному для апракосов. Полученные данные свидетельствуют о том, что первоначальный славянский перевод библейских книг либо осуществлялся разными переводчиками, либо установки переводчиков эволюционировали в процессе работы.

Ключевые слова: кирилло-мефодиевские переводы

Греческо-славянский указатель к каноническим старославянским памятникам был задуман коллективом составителей пражского «Словаря старославянского языка» около 30 лет тому назад. Публикация собственно словарных статей «Греческо-славянского указателя» началась в 2010 г. и стала значительной вехой в изучении старославянских переводов. На сегодняшний день это самый совершенный инструмент для определения переводческих особенностей, характеризующих памятники старославянского канона. До выхода «Указателя» в распоряжении исследователей кирилло-мефодиевских библейских переводов был лишь греческо-славянский конкорданс к Евангелию, составленный И. Люсен [1]. По сравнению с ним пражский «Указатель» имеет существенное преимущество: в нем указываются все списки памятника, в которых зафик-

сирован тот или иной перевод, для каждого отдельного места. Применительно к Евангелию это позволяет легко отделить перикопные (то есть входящие в апракосы) участки текста от дополнительных, не читающихся за богослужением. Благодаря этому, например, теперь можно пополнить приведенный в [2] перечень различающихся переводов одного и того же греческого слова в перикопных и дополнительных частях: ἀποθήκη переводится как **хранилище** только в дополнительной части Евангелия, в перикопных местах – как **житьница** [14: 390–391]; ἀνάγκη переводится как **потрѣба** только в дополнительной части Евангелия, в перикопных местах – как **нѣжда**, причем перевод **потрѣба** характерен для Апостола [13: 323] (см. ниже).

«Указатель» прежде всего наглядно иллюстрирует очень большую близость Евангелия, Апостола, Псалтыри и Паримейника, которая, разумеется, осознавалась учеными давно, но теперь видна еще отчетливее (ср.: [4: 292]). Если в конкордансе к Евангелию И. Люсен перевод некоторых греческих производных выглядел изолированно, то в «Указателе» образования от одной греческой основы оказываются в непосредственной близости, и легко заметить, что в разных славянских памятниках они передаются однокоренными производными. Так, ἀναγκάτω встречается в Евангелии и переводится как **негодovati**, а существительное ἀναγκάτης – в Апостоле и переводится как **негодованик**; ἄωβν переводится как **подвигъ** в Апостоле, а ἄωβνῖα имеет точно такой же славянский эквивалент в Евангелии [12: 243, 255], и т. п.

В «Указателе» приводятся разночтения как греческих, так и славянских списков одного памятника. Благодаря этому без труда определяются случаи, в которых славянское соответствие относится не к заголовочному слову, а к одному из вариантов греческой леммы, что в свою очередь позволяет оценить надежность и область распространения того или иного греческо-славянского соответствия.

Еще на стадии разработки «Указателя» Э. Благова [4] указывала на то, что его данные приводят к разделению старославянских памятников на группы в зависимости от способа передачи того или иного греческого слова или выражения. Прежде всего Э. Благову интересовала группировка библейских текстов. Уже 100 лет назад И. В. Ягич довольно подробно описал разницу в словоупотреблении Евангелия и Апостола [10; 11]. Э. Благова на основе анализа лексики и синтаксиса пришла к выводу, что вместе с Апостолом по многим позициям Евангелию противостоит и Паримейник, а в ряде случаев к Апостолу и Паримейнику оказывается близка Псалтырь. Опубликованные тетради «Указателя» позволяют проверить и дополнить наблюдения И. В. Ягича и Э. Благовой.

Евангелие vs. Апостол

И. В. Ягич указал на ряд отличий в переводе одних и тех же греческих слов в Евангелии и Апостоле [11]. Пересмотр данных И. В. Ягича с учетом материалов «Указателя» заставляет сократить число позиций, которые могут служить надежной иллюстрацией характерных для Апостола способов перевода, поскольку в некоторых позициях обнаруживается вариативность как в греческой части, так и в славянских соответствиях. Кроме того, по материалам «Указателя» видно, что те или иные соответствия характерны не только для Апостола, но и для других памятников – в первую очередь Паримейника. Материалы «Указателя» показывают, что некоторые из перечисленных Ягичем оппозиций не являются жесткими. Это касается, в частности, разного перевода греч. ἀνάγκη, ἀναγκάζω: если в Евангелии представлен перевод **вѣда**, (**оу**)**вѣдити**, то Апостол (а вместе с ним и Паримейник), используя эти эквиваленты, предпочитает тем не менее синонимы **нжда**, **нждити**, которые при переводе Евангелия были использованы только один раз [13: 322–323]. Другими словами, в Апостоле встречаются как те же способы передачи определенных греческих лексем, что и в Евангелии, так и новые эквиваленты, чуждые Евангелию (ср. [4: 302]).

В то же время во многих случаях «Указатель» подтверждает значимость выделенных Ягичем оппозиций. Так, статья ἀγορά иллюстрирует употребление разных словообразовательных вариантов при переводе этого слова: Евангелие знает только **тръжище**, Апостол – только **тръгъ** [12: 252]. Ниже перечисляются другие отличия, установленные по материалам вышедших тетрадей «Указателя».

Греческий глагол ἀπιστέω ‘не верить’ в Евангелии переводится как однословным соответствием **невѣровати**, так и идиоматическим выражением **не ѡти / имѣти вѣры** [14: 382]. В Апостоле отмечен только более буквальный способ перевода **невѣровати**.

Местоимение ἀλλήλων в Евангелии обычно имеет соответствие **дрюгъ / дрюга**; лишь изредка и только в предложных сочетаниях отмечены сочетания **между собожъ, къ себѣ, съ собожъ** [13: 299–300]. В Апостоле перевод **дрюгъ / дрюга** тоже употребителен, однако местоимение **са**, как в разнообразных падежных формах, так и в предложных сочетаниях используется весьма активно – как в Деяниях, так и в Посланиях. В Паримейнике встречаются оба способа перевода, но фиксации единичны. В Псалтыри греческое местоимение не засвидетельствовано.

В апостольских посланиях ἀμελέω, наряду с другими синонимами, получает эквивалент **лѣнитиса**, который не употребляется в Евангелии и Паримейнике [13: 309]. В Псалтыри греческое слово не встречается. Аналогичным образом в Апостоле, наряду с **хщеник** (**въ хщеник**, **рас-**

хыщеник), распространенными в других библейских переводах, в соответствии с греч. ἀρπαγή один раз фиксируется **разграбленик**, характерное для восточноболгарских памятников [15: 422].

Поскольку в «Указателе» приводятся все разночтения входящих в канон славянских списков, становятся заметны позиции, где несколько синонимов употребительны в разных памятниках, но в каждом из памятников только один из синонимов поддерживается всеми списками, которые учтены в «Указателе». Так обстоит дело с синонимами **отъпоущеник**, **оставакник** и **отъданик** (грѣховъ), передающими греч. ἄφεσις ‘прощение’. В Евангелии эквивалентом, который по крайней мере в некоторых местах употребляется без разночтений по спискам, является **отъпоущеник**, в Апостоле – **отъданик**. Один раз, в Деян. 26.18, в Апостоле отмечен перевод **оставакник** без разночтений по спискам, в списках Евангелия это слово выступает только как вариант наряду с **отъпоущеник**. В Псалтыри представлены способы перевода, характерные для Апостола: **оставакник** и **отъданик** [15: 456].

В Апостоле отсутствуют грецизмы, хорошо представленные в Евангелии, – **власфимниа** ‘богохульство’ и **власфимисати** ‘богохульствовать’ [16: 483–484], хотя в Апостоле неоднократно заходит речь о богохульстве, ср. Рим. 2:24, 1Тим. 6:1 и др. Апостол в этом отношении отличается и от Апокалипсиса, где отмечен грецизм **власфимниа**.

Обращает на себя внимание случай, когда перевод Апостола совпадает с переводом тетров в дополнительной части евангельского текста, в то время как апракосы не знают соответствующего эквивалента. Как было сказано выше, греч. ἀνάγκη в Евангелии переводится как **потрѣва** только один раз в дополнительной части (Лк. 23:17), в остальных случаях – как **бѣда** или **нѣжда**. Перевод **потрѣва** (наряду с **бѣда** и **нѣжда**) встречается в Апостоле, здесь он используется и для перевода прилагательного ἀναγκαῖος [13: 322–323]. На другие схождения Апостола с дополнительными частями Евангелия указывала З. Хауптова [8: 28–29].

Евангелие vs. Апостол и Паримейник

Ярких расхождений между Евангелием и Паримейником в том объеме «Указателя», который уже опубликован, не наблюдается. Можно отметить лишь, что наречие ἄνω один раз переводится в Паримейнике как **горѣ** – как в Супрасльской рукописи; из евангельских старославянских списков такой вариант засвидетельствован только в Саввиной книге и Остромировом Евангелии и является явно вторичным по отношению к первоначальному **выспрь**. Но в других местах в Паримейнике используется **выспрь**, как в Евангелии и Апостоле, таким же образом переводится и наречие ἄνωθεν [14: 366–367].

Однако есть случаи, когда Паримейник противостоит Евангелию вместе с Апостолом, – к ним относится перевод ἀνάγκη, ἀναγκάζω и местоимения ἀλλήλων (см. выше). Число примеров можно увеличить.

Для передачи греч. ἀνέχομαι ‘выдерживать’ Евангелие использует только глагол **трьпѣти**, в то время как Апостол и Паримейник не знают такого соответствия¹ и предпочитают синоним **отъраднѣти** / **отъраждати** или более буквальный способ перевода – **прѣнати** / **прѣимати** [14: 345].

И. В. Ягич отмечал, что Апостол отличается от Евангелия употреблением существительного **боязнь**, в то время как Евангелие предпочитает **страхъ** [11: 16; 1: 236]. В этом противопоставлении участвует и Паримейник – ожидаемым образом, на стороне Апостола: в соответствии с греч. ἀφοβία, ἄφοβος, ἀφόβως в Евангелии и Псалтыри употребляются только образования от **страхъ**, в Апостоле и Паримейнике – как от **страхъ**, так и от **боязнь** [16: 460]. Как обычно, противопоставление оказывается нежестким: в Апостоле и Паримейнике представлен и вариант Евангелия, и альтернативный способ перевода.

Показателен случай совпадения Апостола и Паримейника с переводом в дополнительной части Евангелия, представленной только в тетрах. Существительное γεωργός переводится как **тѣжатель** только в Мк. 12:1, 2 (второй раз), 7, 9, в остальных случаях оно передается как **дѣлатель**. В Паримейнике зафиксирован эквивалент **тѣжарь** / **тѣгарь** [6: 240], а γεωργιον ‘плод’ в Апостоле и Паримейнике переводится как **(сѣ)тѣжаник** [16: 506]. В Учительном Евангелии Константина Преславского, ученика Кирилла и Мефодия, γεωργός переводится как **дѣлатель** (107614, 107г2, 15, 108г11), а γεωργία ‘земледелие’ – как **дѣланик** (193617).²

Способы перевода, объединяющие Апостол и Паримейник и противопоставляющие их Евангелию, особенно показательны. Апостол сохранился в сравнительно поздних списках, древнейшие из которых не старше середины XII в.; текстуальные отношения между ними довольно сложные, многие списки содержат следы позднейших редактур. В результате восстановление исходного текста памятника часто проблематично. Принимая это во внимание, отличия Апостола от Евангелия в переводе тех или иных греческих слов можно было бы объяснять тем, что славянская рукописная традиция хуже сохранила первоначальный перевод Апостола, чем перевод Евангелия. Однако текст славянского Паримейника реконструируется достаточно однозначно, и в случаях, когда Апостол противостоит Евангелию вместе с Паримейником, мож-

¹ Варианты Христинопольского Апостола **трьпѣти** в 1Кор. 4:12 и **прѣтрьпѣвати** в Евр. 4:2 выглядят вторичными на фоне данных остальных списков.

² Здесь и ниже Учительное Евангелие цитируется по изданию [3].

но утверждать, что различие восходит ко времени перевода соответствующих памятников.

Из схождений Апостола с Паримейником интересно отметить необычный перевод существительного ἀρετή ‘добродетель, доблесть, достоинство’ как **изволкниик** [15: 418] в контекстах, где речь идет о Боге. Такой перевод характерен для первой части Учительного Евангелия Константина Преславского: **изволкниик** 7a21, **добро(к) изволкнык** 43a7–8, 76b19–20, 116a18–19, 124b17, 160b14, **благо изволкниик** 58b5, **добро волкниик** 67b2–3; однако в последней части Учительного Евангелия соответствием ἀρετή служит **добра(та) дѣтѣль** 142b3–4, 20–21, 162b13–14, 162b4, 10–11, 172g10–11, 176b3, 204b21–204g1, 208a13–14, 209a2 или **дѣтѣль** 161b15; 161g15, как в Супрасльской рукописи. В Евангелии ἀρετή не встречается. Возможно, перевод ἀρετή как **изволкниик** возник из-за сближения с глаголом ἀρέσκω ‘нравиться’, ср. передачу образованного от него прилагательного ἀρεστός причастием **изволкнѣ** в Паримейнике (но также и прилагательным **оугоднѣ**, как в Евангелии) [15: 417].

Евангелие vs. Псалтырь и другие тексты

Различия между Евангелием и Псалтырью систематизированы гораздо хуже, чем между Евангелием и Апостолом. Судя по опубликованным материалам «Указателя», их существенно меньше. По характеру дискурса Псалтырь сильно отличается от Евангелия, поэтому позиций для сравнения здесь меньше, чем для сравнения Евангелия с Апостолом. В Евангелии ἄμπελος ‘виноград, виноградная лоза’ последовательно переводится как **лоза**, а ἄμπελών ‘виноградник’ – как **виноградъ**, в то время как в Псалтыри оба греческих слова обычно переводятся как **виноградъ** и лишь однажды (Пс. 127:3) ἄμπελος передается как **лоза** [13: 312]. Если в кантике во Втор. 32:32 передача ἄμπελος славянским **виноградъ** объясняется тем, что **лоза** передает греч. κληματίς в этом же стихе, то в других контекстах (Пс. 79:9, 15; 104:33) причина употребления эквивалента **виноградъ** для греч. ἄμπελος неясна. Такое словоупотребление характерно не только для Псалтыри, но и для Паримейника, а также Учительного Евангелия Константина Преславского (108b15, 108g10).

Греческие наречные сочетания ἀπ’ ἀρχῆς, ἐν ἀρχῇ, ἐξ ἀρχῆς в Евангелии передаются наречием **искони** – за исключением Ин. 16:4, где употреблено синонимичное наречие **испрѣва** [15: 427]. Вариант **искони** хорошо сохраняется в тетрах, в то время как краткие апракосы иногда заменяют его на **испрѣва**. В Апостоле и Паримейнике употребляются оба наречия (в Апостоле также прилагательное **исконнѣ**). Псалтырь знает только перевод **испрѣва** (хотя здесь фиксируется существительное **поконѣ** ‘начало’).

В Учительном Евангелии Константина Преславского используется только эквивалент **испрѣва** (207а7, 225б13) наряду с **запѣрва** (115г20, 116а4).

Предлог **ѡло** в Евангелии изредка передается как **из**, хотя синоним **отъ** решительно преобладает [14: 427]. В Псалтыри соответствие **из** не фиксируется (кроме явно вторичных вариантов Лобковской и Парижской Псалтырей в кантике в Лк. 1:52). В Апостоле отмечен один надежный пример в Деян. 16:18, в остальных случаях предлог **из** появляется только там, где хотя бы в некоторых греческих списках имеется чтение **ἐκ**.

Регулярным соответствием греч. **ἀσθενεῖα** в Евангелии является **недѣжъ** вместе с прилагательным **недѣжънъ**, реже встречается также **болѣзнь**; глагол **ἀσθενέω** переводится как **болѣти** или **недѣжънъ**, и лишь для прилагательного **ἀσθενής** в Евангелии, наряду с **болънъ** и **недѣжънъ**, дважды зафиксирован эквивалент **немоцънъ** [15: 432–433]. В Апостоле дважды используется эквивалент **недѣжъ**, но обычным соответствием служит **немоцъ** [9: 327]; вариант **болѣзнь** в Апостоле не представлен. Точно так же прилагательное **ἀσθενής** в Апостоле не переводится как **болънъ**, но как **недѣжънъ** или – регулярно – как **немоцънъ**. Глагол **ἀσθενέω** в Апостоле трижды переводится как **болѣти**, хотя чаще используются **изнемагати**, **изнемоци**, **немоцъноу быти**, **немоцъствовати**. В Псалтыри существительное **ἀσθενεῖα** встречается только один раз и переводится как **немоцъ**; глагол **ἀσθενέω** последовательно передается как **немоци**, прилагательное **ἀσθενής** – как **немоцънъ**. Псалтырь, таким образом, предпочитает перевод, поморфемно передающий соответствующие греческие лексемы; те же предпочтения очевидны и для Апостола, хотя он следует им не так строго. В Учительном Евангелии Константина Преславского представлены эквиваленты **недѣжъ**, **недѣжънъ** (15а6, 15в21, 67а19) и **немоцъ**, **немоцънъ**, **немоцъевати** (46в3, 81б2, 85а4, 89б9, 102б10, 193г7, 228б16).

Греческое название саранчи **ἀκρίς** передается в Евангелии грецизмом **акридъ**, в то время как Псалтырь, Паримейник и Апокалипсис этого заимствования не знают и переводят греческое слово славянским **пржгъ** [13: 289]. Впрочем, Евангелие тоже использует эквивалент **пржгъ**, а к грецизму прибегает, только когда речь идет о пище Иоанна Крестителя.

Интересно отметить расхождения Псалтыри и Паримейника – например, в передаче названия насекомого **βροῦχος** ‘кузничик’ (**гжсѣница** в Псалтыри, **хржстъ** в Паримейнике [16: 492]) или существительного **βακτηρία** (**палица** в Псалтыри, **жъзлъ** в Паримейнике [16: 467]).

Материал «Указателя» подтверждает выводы, к которым пришла в своих исследованиях Э. Благова. Перевод Евангелия отличается от остальных библейских переводов, сохранившихся в памятниках ста-

рославянского канона, причем ближе всего к Евангелию стоит Псалтырь, дальше всего от него – Апостол и Паримейник [7: 29–35; 5: 55, 62]. Показательны совпадения Апостола и Паримейника с дополнительными частями евангельских тетров в противоположность переводу апракосов; интересно, что при этом словоупотребление Учительного Евангелия оказывается ближе к словоупотреблению апракосов, хотя в других местах перевод Константина сходен с Апостолом и Паримейником. Все эти данные свидетельствуют о том, что перевод библейских книг, который принято датировать великоморавским периодом, либо осуществлялся разными переводчиками, либо установки переводчиков эволюционировали в процессе работы.

Литература

1. *Люсен И.* Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий. Uppsala, 1995.
2. *Пичхадзе А. А.* К вопросу о взаимоотношении перикопных и дополнительных частей славянского перевода Евангелия // *Cyrrilomethodiana 2005: Ad honorem Z. Ribarova et L. Pacnerova* (= *Slavia* 74/2-3). Praha, 2005. С. 205–211.
3. Старобългарското Учително Евангелие на Константин Преславски. Изд. от М. Тихова с детайлно описание от Е. Уханова на най-стария препис (ГИМ Син. 262). Weiher; Freiburg-i.-Br., 2012. (*Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris*. Т. 58).
4. *Bláhová E.* Die Bedeutung des griechisch-altkirchenslavischen Index für die Erforschung des altkirchenslavischen Wortschatzes // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1992. Vol. 38. S. 287–306.
5. *Bláhová E.* K překladu řeckých infinitivních konstrukcí v staroslověnském apoštolu // *Varia slavica: Sborník příspěvků k 80. narozeninám Radoslava Večerky*. Praha, 2008. S. 53–64.
6. *Bláhová E.* Lexikální specifika staroslověnského parimejníku // *Slavia* 1999. Vol. 68. S. 235–249.
7. *Bláhová E.* Shody jazyka staroslověnského parimejníku s ostatními staroslověnskými biblickými texty (lexikon a syntax) // *Česká slavistika 2003. České přednášky pro XIII. mezinárodní kongres slavistů, Ljubljana 15.–21.8.2003*. Praha, 2003. S. 27–35.
8. *Hauptová Z.* Vývoj textu staroslověnského apoštola z hlediska lexikální analýzy // *Slavia* 1978. Vol. 47/1. S. 23–29.
9. *Jagić V.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.
10. *Jagić V.* Zum altkirchenslawischen Apostolus. II. Lexikalisches (1). Wien, 1919. (= *Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse*. Bd. 193. № 1).
11. *Jagić V.* Zum altkirchenslawischen Apostolus. III. Lexikalisches (2). Wien, 1920. (= *Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse*. Bd. 197. № 1).
12. *Řecko-staroslověnský index*. T. 1. Fasc. 4. Praha, 2010.
13. *Řecko-staroslověnský index*. T. 1. Fasc. 5. Praha, 2011.
14. *Řecko-staroslověnský index*. T. 1. Fasc. 6. Praha, 2012.
15. *Řecko-staroslověnský index*. T. 1. Fasc. 7. Praha, 2013.
16. *Řecko-staroslověnský index*. T. 1. Fasc. 8. Praha, 2014.

Молитва Господня с толкованиями Брунона в переводе Дмитрия Герасимова Интерлинейное издание текста

*д-р филологии, проф.
Университет Мачерата (Италия)
email: vittorio.tomelleri@unimc.it*

Среди текстов, входящих в Толковую Псалтирь Брунона, епископа Вюрцбургского, как в латинском подлиннике XI в., так и в церковнославянском переводе, осуществленном Дмитрием Герасимовым в первой половине XVI в., имеется и Молитва Господня с толкованиями самого составителя латинской компиляции. Именно наличие довольно простого и часто тавтологического комментария, явно преследовавшего наставительно-катехизическую цель, делает этот памятник богословской литературы чрезвычайно интересным на восточнославянской почве. Подстрочное издание обоих текстов предваряет краткая вступительная статья, в которой в сжатой форме излагаются некоторые вопросы текстологического и лингвистического характера.

Ключевые слова: Бруно, Толковая Псалтирь, латынь, Дмитрий Герасимов, церковнославянский перевод, Молитва Господня.

Вступление

Молитва Господня («Отче наш»), произнесенная Иисусом Христом во время Нагорной проповеди (Мф. 5–7), стоит у истоков христианского учения и литургической практики. В западном средневековом христианстве она, по постановлению Карла Великого, вошла в корпус основных катехизических текстов [15: 235] и обязательных молитв при крещении [32: 28, 59–60], используя также в процессе обучения грамоте начинающих школьников, так называемых *tabulistae* [18: 158]. На восточнославянской почве более поздние элементарные «детские учебники», как например Азбука Ивана Федорова 1474 г., для закрепления навыков чтения включали наиболее известные молитвы, взятые из Часослова и расположенные по принципу нарастающей сложности [8: 39]; среди них, естественно, важное место занимал и обсуждаемый здесь текст.

Возникновению старославянской версии Молитвы Господней предшествовал, возможно, моравский [4: 67–68] или словенский [36: 118]

устный вариант, лексико-грамматические следы которого, по предположению некоторых ученых, сохранились в кирилло-мефодиевском переводе,¹ засвидетельствованном в наидревнейших списках Тетраевангелия и / или Апракоса, а также в чешской традиции текста [16]. Достаточно спорным является вопрос о том, имеем ли мы дело в случае таких лексических единиц, как **неприазнь** (греч. *πονηρός*), **напасть** (греч. *πειρασμός*), **отъпоустити** (греч. *ἀφίημι*), с первоначальным кирилло-мефодиевским чтением Молитвы Господней [24: 369, 376] или же с более поздним напластованием, возникшим во время моравской миссии первоучителей [6: 330; 5: 82–83; 10: 179–182; 12: 49–53]. Таким образом, «Отче наш» явно показывает взаимодействие устной и письменной традиций [14: 93], связанных как с западным, так и с восточным христианским миром; это обстоятельство существенно осложняет изучение отношений между разными вариантами текста [12: 41–42].

Предмет исследования

Не будем здесь заниматься вопросом о возникновении и развитии старославянской Молитвы Господней (об этом см.: [10; 28;² 12]; наше внимание будет сосредоточено на гораздо более позднем славяно-русском варианте текста, созданном Дмитрием Герасимовым в рамках работы над переводом латинской Толковой Псалтири Брунона Вюрцбургского. Молитва Господня, приписанный свв. Амвросию Медиоланскому и Августину гимн «Тебе Бога хвалим» (*Te Deum*), Апостольский символ веры с толкованием и так называемый Афанасьевский Символ веры (*Symbolum quicumque*) с толкованием составляют конечную часть Толковой Псалтири Брунона, как она представлена по печатным изданиям конца XV в. [34: 35].

Большой интерес и важность изучаемого здесь церковнославянского перевода заключаются прежде всего в том, что текст Молитвы Господней снабжен кратким толкованием, построенным в вопросно-ответной форме: ученик спрашивает, а учитель объясняет значение каждого имеющегося в Молитве прошения; дидактической целью изложения является доступный и удобопонятный комментарий/пересказ отдельных слов или мест [20: 466–467]; содержание текста излагается в очень простой диалогической форме, согласно распространенной катехизической практике

¹ Предположение Й. Вайса и А. В. Исаченко о том, что глагольная форма в прошении **не въведе насъ** (ср. лат. *ne nos inducas* vs. греч. *μη εισενέγκης ἡμᾶς*) представляют собой латинизм [4: 68; 22: 36], была убедительно опровергнута Д. Г. Хангли, считающим старославянский перевод шестого прошения «an excellent idiomatic translation from the Greek» [23: 435].

² Предыдущая статья [27] того же автора, носящая тождественное название, осталась нам недоступной.

[30: 70–71]. Для латинского текста мы пользовались 142 томом Латинской патрологии [17: 557–559] с учетом печатного издания Антона Кобергера 1494 г.³ Размещение текста и толкований в латинском издании Кобергера [31: 86, 88] представляет так называемую рамочную структуру (см. рис.): основной текст занимает срединную часть страницы, а два столбца с толкованиями окружают его со всех сторон, тогда как в издаваемом здесь церковнославянском переводе текст и толкования чередуются (разные виды размещения толкования по отношению к тексту описаны в [29]).

О тексте «Отче наш»

В церковнославянском переводе Дм. Герасимова сам текст Молитвы Господней приводится два раза, с одной лишь разницей в пятом прошении «толкового» варианта, в котором наблюдается смешение глагольных лексем: *ѡставлѣѣтъ*^м vs. *ѡпѣщаѣмъ*;⁴ в списке U (сокращения см. ниже), напротив, в обоих случаях выступает одна и та же глагольная форма *ѡставлѣѣтъ*:

«Толковый» вариант	Текст без толкования
(а) Ѡче нашъ ѡже еси на нѣсехъ	Ѡче нѣшъ ѡже еси на нѣсехъ
(б) Да свѣтитсѧ ѡма твоѡ	Да свѣтитсѧ ѡма твоѡ
(в) Да прїидеть цѣтвїѣ твоѡ	Да прїидеть цѣтвїѣ твоѡ
(г) Да вѣдетъ вола твоѡ. ѡакѡ на нѣси ѡ на землїи	Да вѣдетъ вола твоѡ ѡакѡ на нѣси ѡ на землїи
(д) Хлѣбъ нашъ всѣднѣвнїи даждь намъ днѣ	Хлѣбъ нѣшъ в'сѣднѣвнїи даждь намъ днѣ
(е) Ѡи ѡпѣсти намъ длѣги наша ѡакѡ ѡ мы ѡставлѣѣтъ дождникомъ нашимъ	Ѡи ѡпѣсти намъ длѣги наша ѡакѡ ѡ мы ѡпѣщаѣмъ дождникомъ нашимъ
(ж) Ѡи не вѣ насъ во искѣшенїѣ	Ѡи не вѣведи насъ въ искѣшенїѣ
(з) Но ѡзбави насъ ѡ лѣкаваго ѡминъ	Но ѡзбави насъ ѡ лѣкаваго ѡминъ

Сразу же бросается в глаза в пятом прошении различие *всѣднѣвнїи*,⁵ дословно передающее временное значение латинского имени при-

³ <http://reader.digitale-sammlungen.de/resolve/display/bsb11303153.html>; дата обращения 21.11.2017.

⁴ Подобная неувязка встречается также в древнесербской рукописной традиции [10: 179; 12: 49]. А. С. Новикова [9: 231] отметила десять основных текстологических различий, представленных в тексте молитвы у апостола Матфея, тогда как у И. Христовой выявлено всего пять [12: 42].

⁵ Здесь очевидно влияние латинского подлинника; подобная сложная форма, *всѣднѣнъ*, засвидетельствована в хорватских глаголических миссалах [12: 48].

лагательного *quotidianus*, в отличие от обычной и в XVI в. господствовавшей формы **насоуцный**;⁶ за исключением этой лексемы, а также формы повелительного наклонения глагола «дать», представленный текст Молитвы Господней полностью совпадает с редакцией, засвидетельствованной в Азбуке Ивана Федорова 1578–1580 гг., которая повторяет текст предыдущего издания 1574 г.:

Ўче нашъ, ѡже еси на | небѣхъ. да стѣтса ѡмнѣ | твоѣ. да прїидеѣ
 црѣвїе | твоѣ. да вѣдетъ вола | твоѡ ѡко на небси и на зе|мли. хлѣбъ
 нашъ на|сѣщныи, даиже намъ | днѣсь. и остави намъ | долги наша,
 ѡкоже и | мы оставлѣемъ долъ|жникомъ нашим. и не | въведи насъ
 въ ѡскушенїе. но избави насъ | ѡ лѡкаваго. [21: Taf. XXII]; см. также
 факсимильное издание на сайте <http://litopys.org.ua/fedorovych2/cf34.htm>;
 текст по Азбуке 1574 см.: [21: Taf. IV].

В тексте Молитвы Господней по более ранней Геннадиевской Библии 1499 г. (Мф. 5–7), которую приводим ниже для текстологического сравнения, кроме выше упомянутого разночтения **насоуцный** обнаруживаются еще лексема **напасть** для гр. *πειρασμόν* (лат. *tentationem*) и заключительное славословие, связанное с литургической практикой:⁷

Ўче нашъ ѡже еси на небсехъ. да стѣтса ѡмнѣ твоѣ. да прїидеть
 црѣвїе твоѣ. да вѣдетъ вола твоѡ. ѡко на небси | и на землїи. хлѣбъ нашъ
 насоуцный даиже намъ днѣ. и | остави намъ долги наша. ѡко и мы
 оставлѣемъ до|лжникомъ нашим, и не въведи насъ въ напасть. но |
 избави на ѡ лѡкаваго. ѡко твоѣ е црѣвїе и сила и слава | въ вѣкы аминь.
 (Геннадиевская Библия 1499 г., Евангелие от Матфея, цит. по: [2: 28]).

В Евангелии от Луки, напротив, заключительное славословие отсутствует; кроме этого имеются следующие разночтения: **ѡже на небсехъ**; **подаван намъ | на всакъ днѣ**; **грѣхы, наша. ѡбѡ и сами оста|влѣемъ всакомоу должникуу нашемуу; въ искоу|шение [2: 236].⁸**

⁶ Эта калька загадочного греческого термина *ἐπιούσιος* [16: 410; 9: 234], представлявшая собой «искусственный церковнославянизм» [7: 76], вошла в словарный состав русского и других славянских языков уже в профанном значении [35: 402]; история этого термина изучается в [7], которая была подвергнута критике в [19].

⁷ Доксология вошла и в текст первого полного чешского перевода Библии, Bible kralická, 1579–1593 [25: 569; 13: 150].

⁸ Такое же распределение разночтений находим и в Синодальном тексте: [1: *дсѣча, дѣтѡг*].

Рукописная традиция текста

В качестве основного списка для нашего издания выбрана рукопись РНБ, Соловецкое собр., № 1148 (1039), Толковая Псалтирь Брунона, л. 765–766 об., сокр. Sol [33: 90–91]. Эта рукопись в 1552 г. была пожертвована Соловецкому монастырю известным священником Благовещенского собора в Московском Кремле Сильвестром и его сыном Анфимом [3: 58; 11: 193].

Разночтения приводятся по следующим полным спискам Толковой Псалтири Брунона:

– ГИМ, собр. Барсова, № 105, Толковая Псалтирь Брунона, л. 592–593 об. (G);

– ГИМ, Синодальное собр., № 305, Толковая Псалтирь Брунона, л. 648 об.–650 (Sin);

– ГИМ, Синодальное собр., № 997, Толковая Псалтирь Брунона (в составе августовского тома Великих Миней Четых митрополита Макария, Успенский список), л. 853а–854а (U);

– ГИМ, собр. Хлудова, № 47, Толковая Псалтирь Брунона, л. 430–431 (X);

– РГБ, ф. 304.I (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 87 (834), Толковая Псалтирь Брунона, л. 433 об.–434 об. (Tr);

– БАН, 16.12.7 (Осн. 1287), Толковая Псалтирь Брунона, л. 333 об.–334 (B);

– РНБ, Софийское собр., № 1255, Толковая Псалтирь Брунона, л. 588 об. – 589 об. (Sof).

Не учитывается список РГБ, ф. 722, № 108, Толковая Псалтирь Брунона, который, судя по текстологическим признакам, выявленным при сравнении других частей Толковой Псалтири Брунона, тесно примыкает к списку G.

Дальнейшая традиция

Прежде чем перейти к издательской части настоящей работы, стоит обратить внимание на две рукописи Соловецкого собрания: № 494/513 (сокр. P) и № 496/515 (сокр. R) – сборники сочинений Максима Грека. В их заключительной части имеется другая, несколько сокращенная редакция текста Молитвы Господней с толкованием, которая вводится следующими словами: **рѣмѣскѣ цркви толкованіе г҃на моленіа | вопрѡсы ѿ ѡвѣтъ.** При сохранении диалогической формы изложения ключевые слова **оѹченикъ** и **оѹчитель** заменяются более нейтральными и в славянской традиции обычными формами **вопрѡсъ** и **ѡвѣтъ**. В тех немногочисленных местах, когда вопрос ученика пропущен, то есть с третьего вопроса по седьмой, вместо сокращения для ответа в списке P появляет-

ся (или, скорее, сохраняется) лигатура двух букв Ѹ и выносное л, тогда как в списке R обнаруживается сочетание лигатуры Ѡ с выносной буквой л, по-видимому в качестве сокращения термина **толкованіѣ**. Кроме того, в обоих списках нет на полях кириллических букв, указывающих на последовательность вопросов. Для восстановления первоначального текста эти два списка, естественно, никакой текстологически ценной информации не дают; зато, они предоставляют нам возможность проследить историю распространения и развития текста на восточнославянской почве, и поэтому мы решили включить их в критический аппарат. Интересно при этом, что в них имеются некоторые разночтения и пропуски, общие с Успенским списком Великих Миней Четих митрополита Макария (список U).

В одном сборнике XVII–XVIII вв., РНБ, Софийское собр., № 1461 [33: 96], читается, вместе с другими отрывками из Толковой Псалтири Брунона (л. 236 об.–247 об.), и существенно сокращенный вариант Молитвы Господней с толкованием (л. 244–244 об.); свидетельство этой поздней рукописи не принимается здесь во внимание.

Разночтения

Церковнославянский перевод Молитвы Господней с толкованием в общем содержит незначительное количество разночтений, носящих в подавляющем большинстве случаев механический характер (пропуски и перестановки слов). В некоторых случаях первичное чтение основного списка противостоит чтению всех остальных:

тáко ѿ прáведнѣи на земли творѣ. | ѿ ѿакоже во стѣхъ тáко ѿ въ грѣшнѣхъ, | твоя воля ѿполнѣтсѧ – *ita et iusti in terra faciant. Et sicut in sanctis, ita et in peccatoribus tua voluntas impleatur* (стих 7)

Соединительный союз ѿ, соответствующий латинскому подлиннику (*Et*) отсутствует во всех списках кроме Sol.

Иногда очень сложно выбрать между двумя вариантами:

Въвести въ глѣ|тсѧ бѣ, егда помощь свою ѿимет – *Inducere enim dicitur Deus, cum auxilium subtrahit* (стих 5)

В данном предложении латинское имя существительное *Deus* выполняет две синтаксические функции: функцию подлежащего придаточной инфинитивной конструкции и одновременно функцию подлежащего страдательной формы глагола. Славянский именительный падеж **бѣ** в

SoI противопоставляется дательному падежу **бѣѡ** во всех других списках. В первом случае синтаксическая конструкция подлинника копируется в славянском переводе; во втором, напротив, дательный падеж относится лишь к придаточному предложению, тогда как страдательная глагольная форма **гѣѣ | тѣсѣ** становится безличной.

зане ѡже нѣсть ѡскѡшенъ. не ѡскѡсенъ ѣсть – quia qui non est tentatus non est probat (стих 5)

В остальных списках вместо имени прилагательного **ѡскѡсенъ** читается причастие страдательного залога **ѡспытанъ**.

Бывают также случаи, когда предпочтительно чтение, засвидетельствованное в остальных списках:

Не прѡси^м | ѡкѡ ѡскѡшаѣмѣсѣ – Non petimus ut non tentemur (стих 5)

Во всех остальных списках: **да**. Мы склонны отдать предпочтение подчинительному союзу **да**, хотя нельзя считать разночтение основного списка вторичным или ошибочным. Перед нами, возможно, переводческая ошибка в церковнославянском переводе (или в передаче текста?), так как отсутствует отрицание после придаточного союза.

Об издании

При воспроизведении текста сохраняются, за исключением киноварных инициалов, орфография и знаки препинания основного списка и воспроизводятся надстрочные знаки (придыхания, ударения, сокращения слов с титлами и выносные буквы). Следует при этом отметить, что довольно часто в рукописи, при чередовании двух гласных букв, например в часто встречающихся словах **ѡучитель** и **ѡученикъ**, тонкое придыхание (спиритус) и оксия ´ проставлены на отдельных буквах: спиритус ставится над первой гласной слова, написанной киноварью, тогда как оксия появляется над второй гласной: **ѡѡ**. В подобных случаях мы воспроизводим комбинацию через исо: **ѡѡ**. Сокращения под титлами не раскрываются, инициалы и заглавные буквы передаются прописными буквами. Конец строки обозначается одной вертикальной чертой |, конец страницы двумя ||; в последнем случае указывается, в круглых скобках, на лицевую (r) или оборотную (v) сторону листа.

В соответствии с латинской моделью текст разбит на стихи, каждый из которых обозначен буквой кириллического алфавита. Таким образом организована рамочная структура латинского подлинника, в котором бук-

вы ссылают на соответствующее место в комментарии. В славянском же тексте она проводится (или сохраняется?) последовательно исключительно в основном списке Sol, хотя с одной ошибкой при маркировке второго стиха; в остальных рукописях, напротив, она почти полностью утрачена или сохранилась лишь фрагментарно, как в случае четвертого стиха, в котором маргинальная буква *д* в списках Sof, U, Sin, Tr была вставлена в текст. Естественно предполагать, что подобная бессмысленная путаница произошла на уровне общего им протографа.

В критическом аппарате приводятся исключительно те разночтения, которые мы считаем релевантными для выявления взаимоотношений между отдельными списками и для их группировки на основе общих ошибок или инноваций; фонетико-орфографические варианты, как правило, не берутся во внимание.

Литература

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М., 1993 [Репр. изд.: СПб., 1900].
2. Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе с иллюстрациями в десяти томах. Т. 7: Четвероевангелие. М., 1992.
3. *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958.
4. *Исаченко А. В.* К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян // Вопросы славянского языкознания. Вып. 7. М., 1963. С. 43–72.
5. *Львов А. С.* Варьирование средств выражения в памятниках старославянской письменности // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 68–90.
6. *Львов А. С.* Чешско-моравская лексика в памятниках древнерусской письменности // Славянское языкознание. VI международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.): Доклады советской делегации. М., 1968. С. 316–338.
7. *Мурьянов М. Ф.* Семантическая эволюция словосочетания *насуцный хлеб* // Вопросы языкознания. 1980. № 1. С. 76–82.
8. *Немировский Е. Л.* Азбуки Ивана Федорова, его учеников и последователей. Пятигорск, 2015.
9. *Новикова А. С.* Из истории перевода с греческого первой славянской книги // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004. С. 230–245.
10. *Родич Н.* Съпоставка на «Отче наш» в най-старите сръбски Евангелия и в каноническите текстове // Втори международен конгрес по българистика. Доклади, 21: Симпозиум по кирилometодиевистика, София, 1989. С. 174–183.
11. *Розов Н. Н.* Библиотека Сильвестра (XVI век) // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 191–205.
12. *Христова И.* О славянских переводах Господней молитвы // *Palaeobulgarica*. Т. 15. 1991. № 3. С. 41–56.
13. *Adler B.* Die Übersetzung Bible, překlad 21. století: Eine neue tschechische Bibel im Kontext der Geschichte der tschechischen Bibelübersetzungen. München; Berlin; Washington, 2013. (Specimina Philologiae Slavicae. Bd 175).
14. *Bartoň J.* Česká tvář modlitby Páně // *Communio: Mezinárodní katolická revue*. Т. 74. 2015. № 1. S. 92–101.

15. *Boretius A.* Capitularia regum Francorum. T. 1. Hannoverae, 1883.
16. *Cibulka J.* Επιστολόν – старосл. **нажърънын** quotidianus – vezdějši // *Slavia*. T. 25. 1956. № 3. S. 406–415.
17. *Denzinger H.* Brunonis opera. Parisiis, 1880. (Patrologia Latina. T. 142).
18. *Diehl A.* Die Zeit der Scholastik // Geschichte des humanistischen Schulwesens in Württemberg. Bd 1: Bis 1559. Stuttgart, 1912. S. 18–256.
19. *Đurovič L.* Еще раз насущный // *Russian Linguistics*. Vol. 5. 1980. № 2. С. 175–179.
20. *Evans G. R.* The academic study of the Creeds in twelfth-century schools // *Journal of theological studies*. N. S. Vol. 30. 1979. № 2. P. 463–480.
21. *Grasshoff H., Simmons J. S. G.* Ivan Fedorovs griechisch-russisch / kirchenslavisches Lesebuch von 1578 und der Gothaer Bukvar' von 1578/1580, mit einem Beitrag von H. Claus Zur Geschichte der deutschen Besitzer des Gothaer Bändchens. Berlin, 1969. (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Jg 1969. № 2).
22. *Horálek K.* Zur Frage der lateinischen Einflüsse in der altkirchenslavischen Bibelübersetzung // Cyrillo-methodianische Fragen, slavische Philologie und Altertumskunde. Acta Congressus historiae Slavicae Salisburgensis in memoriam SS. Cyrilli et Methodii anno 1963 celebrati. Wiesbaden, 1968. S. 29–42. (Annales Instituti slavici. Bd 1/4).
23. *Huntley D. G.* Is Old Church Slavonic 'Lead us not into temptation...' a Latinism? // *Slavia*. T. 35. 1966. S. 431–435.
24. *Jagič V.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, neue berichtigte und erweiterte Ausgabe. Berlin, 1913.
25. *Novotný A.* Biblický slovník. Praha, 1956.
26. *Paulsen Fr.* Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. Mit besonderer Rücksicht auf den klassischen Unterricht. Dritte, erweiterte Auflage herausgegeben und in einem Anhang fortgesetzt von Dr. Rudolf Lehmann. Bd 1. Leipzig, 1919.
27. *Petrov-Slodnjak M.* Zur Geschichte des Vaterunser-Textes in den slawischen Sprachen // *Die slawischen Sprachen*. Vol. 17. 1989. S. 85–118.
28. *Petrov-Slodnjak M.* Zur Geschichte des Vaterunser-Textes in den slawischen Sprachen // *Palaeobulgarica*. T. 14. 1990. № 1. S. 16–38.
29. *Powitz G.* Textus cum commento // *Codices manuscripti: Zeitschrift für Handschriftenkunde*. Vol. 5. 1979. Is. 3. P. 80–89.
30. *Probst F.* Geschichte der katholischen Katechese. Breslau, 1886.
31. *Smith M. M.* The typography of complex texts: How an early printer eliminated the scribes' red // *Typography papers*. 1996. № 1. P. 75–92.
32. *Specht Fr. A.* Geschichte des Unterrichtswesens in Deutschland von den ältesten Zeiten bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts. Stuttgart, 1885.
33. *Tomelleri V. S.* Il Salterio commentato di Brunone di Würzburg in area slavo-orientale: Fra traduzione e tradizione. Con un'appendice di testi. München, 2004. (Slavistische Beiträge. Bd 430).
34. *Tomelleri V. S.* Kritisch-historische Ausgabe der Tolkovaja Psaltr' Brunona (1535) // *Studi Slavistici*. 2008. № 5. S. 31–48.
35. *Wissemann H.* Die altkirchenslavischen Versionen der vierten Bitte des Vaterunser // *Die Welt der Slaven*. Vol. 14. 1969. Is. 5. S. 393–405.
36. *Zagiba Fr.* Das Geistesleben der Slaven im frühen Mittelalter: Die Anfänge des slawischen Schrifttums auf dem Gebiete des östlichen Mitteleuropa vom 8. bis 10. Jahrhundert. Wien; Köln; Graz, 1971.

Oratio dominica cum commentario –
Молитва Господня с толкованием¹

(765г) Млоленіѣ го|споскоѣ.² въ маѣѣнѣ. глава шестаа.³ | а в лѣцѣ. аї.⁴
Oratio dominica Math. vi et Lucae xi

въпросы. ѿ ѿвѣты; |

(а)⁵ Оученикъ; Въ моленіи господскомъ,⁶ | колика⁷ прѣшенія имѣются;
(a) Discipulus In oratione dominica quot petitiones habentur?

оучи|тель. седмь оученикъ.
Magister septem. Discipulus

(б)⁸ Коѣ естъ | пер'воѣ; оучитель да сватитса ѿма твоѣ. оученикъ.
Quae est prima? Magister Sanctificetur nomen tuum. Discipulus

а еже въ главѣ естъ. ѿче | нашъ ѿже еси⁹ на нбсѣ. како
Hoc quod in capite est Pater noster qui es in coelis quomodo

раумѣетса. | оучитель; Тамо бо прѣзваніе досто|инства естъ.
intelligitur? Magister Ibi enim invocatio dignitatis est

ѣгда мы ѿца имѣти | исповѣдаемъ¹⁰ бга. зане вси¹¹ братіа |
dum patrem nos habere confitemur deum, quia omnes fratres

ѣсмы.¹² ѿ бга ѿца¹³ ѿмамы на нбсѣхъ;¹⁴ |
sumus et deum patrem habemus in coelis.

¹ Основной список: Sol 765г–766в; разночтения: В 333в–334; Х 430г–431г; Г 592г–593в; Sof 588в–589в; Tr 433в–434в; U 853а–854а; Sin 648в–650г; P 763г–764г; R 524г–525г.

² го|споскоѣ] U гдѣско.

³ шестаа.] В, X, Tr 5.

⁴ Млоленіѣ го|споскоѣ. въ маѣѣнѣ. глава шестаа. | а в лѣцѣ. аї.] Р, R римскіѣ цркви толкованіе гла моленія.

⁵ (а)] om. X, B, Tr, P, R.

⁶ господскомъ] G госпоцкомъ.

⁷ колика] В егг. коллика.

⁸ (б)] sic Sol, om. X, B, Tr, P, R; Sof, U, Sin, G in marg. (a).

⁹ еси] om. P, R.

¹⁰ исповѣдаемъ] P, R изповѣдонемъ.

¹¹ вси] P, R всѣ.

¹² братіа | есмы] transp. P, R есмь братіа.

¹³ ѿца] P, R anteponunt ѿ.

¹⁴ на нбсѣхъ] om. P, R.

о̀ученикъ. Въ первомъ про̀шенїи еже | рекль еси что разумѣаетъ сѧ.
(b) Discipulus In prima petitione quam dixisti quid intelligendum est?

о̀учи́тъ. | W̄ х̄а̄ бѡ х̄р̄тїанинъ¹⁵ исх̄одитъ. и¹⁶ сего ра^{AN} |
Magister A Christo enim christianus derivatur, et ideo

понеже х̄р̄тїане нарицаемъ сѧ¹⁷ х̄во̄ има | дер̄жимъ и м̄лимъ сѧ.
dum christiani vocamur, Christi nomen tenemus et supplicamus

да дѣла х̄ва̄ тво|рити возможемъ. и има̄ егѡ дѣлы | (765v)
ut opera Christi facere valeamus, et nomen suum per opera

бл̄гыми нашими в[?] насъ¹⁸ свѣтитъ сѧ.¹⁹ |
bona nostra in nobis sanctificetur.

(в)²⁰ о̀ученикъ; Коѡ²¹ второе про̀шенїе;
(c) Discipulus Quae secunda petitio?

(в)²² о̀учи́ | тель; Да прїидетъ цр̄твїе твоѡ; | о̀ученикъ; Что тамо
Magister Adveniat regnum tuum. Discipulus Quid ibi

разумѣваемо̄ естъ;²³ | о̀учи́тель; Млимъ бѡ да х̄с̄ цр̄твѣтъ |
intelligendum est? Magister Oramus enim ut Christus regnet

в насъ, а не дїаволь. иже естъ, це|рковь х̄ва̄. всегда²⁴
in nobis et non diabolus, id est ecclesia Christi semper

да²⁵ растетъ в немъ | цр̄твѣтъ б̄. и дн̄ь сѡда прїидетъ. | зане
crescat in qua regnat Deus, et dies iudicii adveniat | quia

тогда дїаволь цр̄твovati въ | мирѣ престанетъ.²⁶ и х̄с̄
tunc diabolus regnare in mundo desistit, et Christus

¹⁵ х̄р̄тїанинъ] G х̄р̄тїанинъ.

¹⁶ и] om. X, G.

¹⁷ нарицаемъ сѧ] P, R на | ричемъ сѧ.

¹⁸ в[?] насъ] om. P, R.

¹⁹ свѣтитъ сѧ] G егг. сѣтѣтъ сѧ.

²⁰ (в)] om. X, B, G, Sin, Sof, Tr, U, P, R.

²¹ Коѡ] P, R Како.

²² (в)] om. X, B, G, Sin, Sof, Tr, U, P, R.

²³ Что тамо разумѣваемо̄ естъ] P, R Како разумѣетъ сѧ.

²⁴ всегда] G егг. в̄негда.

²⁵ да] om. U, P, R.

²⁶ цр̄твovati въ | мирѣ престанетъ] transp. P, R престанетъ цар̄ствовати [sic] в̄ мире.

съ стѣми | своимъ въ вѣкъ²⁷ въцрѣтса;
cum sanctis suis in aeternum regnabit.

(г)²⁸ оуче|никъ. Коѣ естъ третьѣе;
(d) Discipulus Quae est tertia?

(г)²⁹ оучите^а;³⁰ Да б'детъ вола твоа. ꙗкѡ на нѣси |
Magister Fiat voluntas tua sicut in coelo

и на землѣ; оученикъ; Како естъ ра|зѡмѣваемо;³¹
et in terra. Discipulus Quomodo est intelligenda?

оучитель;³² ꙗкѡ аггѣл | на нѣси твоѣи повиноуютса воли³³ |
Magister Sicut angeli in coelo tuae oboediunt voluntati,

тако и праведнѣи на землѣ творѣ^т.³⁴ | и³⁵ ꙗкоже
ita et iusti in terra faciant. Et sicut

во стѣхъ тако и въ грѣшны, | твоа вола исполнѣтса;
in sanctis, ita et in peccatoribus tua voluntas impletur.

(д)³⁶ оучени. | коѣ³⁷ естъ четвѣртоѣ;
(e) Discipulus Quae est quarta?

(д)³⁸ оучитель;³⁹ | Хлѣбъ нашъ вседнѣвныи⁴⁰ даждь⁴¹ намъ |
Magister Panem nostrum quotidianum da nobis

днь; оученикъ; Что в томъ ра|зѡмѣ|ваѣтса;⁴² оучитель;⁴³
hodie Discipulus Quid in ea intelligitur? Magister

²⁷ вѣкъ] P, R вѣки.

²⁸ (г)] om. X, B, G, Sin, Sof, Tr, U, P, R.

²⁹ (г)] om. X, B, G, Sin, Sof, Tr, U, P, R.

³⁰ оучите^а] G егг. оучители.

³¹ оученикъ; Како естъ ра|зѡмѣваемо:] om. P, R.

³² оучитель] G егг. оучители.

³³ на нѣси твоѣи повиноуютса воли] transp. P, R на нѣси аггѣл воле твоѣи | повиноуютса.

³⁴ на землѣ творѣ^т] transp. U тво|ратъ на землѣ; transp. P, R творѣ^т | на землѣ.

³⁵ и] om. X, B, G, Sin, Sof, Tr, U, P, R; recte Sol sicut lat.

³⁶ (д)] om. X, B, G, Sin, Sof, Tr, U.

³⁷ коѣ] P, R Како.

³⁸ (д)] Sof, U, Sin, Tr in textu ante verbum оучитель; om. X, G, P, R.

³⁹ оучитель] G егг. оучители.

⁴⁰ вседнѣвныи] Tr все|днѣвны.

⁴¹ даждь] P, R данже.

⁴² оученикъ; Что в томъ ра|зѡмѣ|ваѣтса:] om. U, P, R.

⁴³ оучитель] G егг. оучители.

В' сѣмъ **мѣстѣ** | **хлѣбъ** **за** **в'са** **бращна** **примлет'са.** |
Nos loco panis pro omnibus cibus accipitur

ѡ **ниже** **жити** **имамы.** **молн^м же** **и (766г)** **ѡ** **прилтн⁴⁴**
de quibus vivere debeamus; precamur etiam pro assumptione

тѣла **хѣ** **прѡснмъ** **оубѡ.** **д^а** | **намъ** **себѣ** **самого**
corporis Christi, petimus denique ut nobis se ipsum

воздастъ **иже** **ѣсть** | **хлѣбъ** **живыи⁴⁵**
tribuat qui est panis vivus.

(ε)⁴⁶ оученикъ. **коѣ** **ѣсть⁴⁷** | **патоѣ;**
(f) Discipulus Quae est quinta?

(ε)⁴⁸ оучитель; **И** **ѡпоустн** **наъ** | **длъги** **наша.** **ѡакw**
Magister Et dimitte nobis debita nostra sicut

и **мы** **ѡставлаѣ^м** | **должникомъ** **нашимъ.** **оученикъ.** |
et nos dimittimus debitoribus nostris. Discipulus

что **в'** **то** **познаваѣмо** **ѣсть⁴⁹** **оучите^а⁵⁰** | **Молнмъ,** **и⁵¹**
Quid in illa sentiendum est? Magister Precamur etiam

да⁵² **сице** **ѡпоуститъ⁵³** **наъ** | **грѣхи** **наша.** **ѡакw** **и** **мы**
ut sic dimittat nobis peccata nostra, sicut et nos

ѡставлаѣ^м | **должнико^м⁵⁴** **нашимъ⁵⁵**
dimittimus debitoribus nostris.

(ѕ)⁵⁶ оученикъ. | **коѣ** **ѣсть** **шестоѣ;**
(g) Discipulus Quae est sexta?

⁴⁴ прилтн] P, R прил | тѣ.

⁴⁵ живыи] G животный.

⁴⁶ (ε)] om. X, B, G, Sin, Sof, Tr, U, P, R.

⁴⁷ коѣ ѣсть] Sin Коѣ.

⁴⁸ (ε)] om. X, B, G, Sin, Sof, Tr, U, P, R.

⁴⁹ оученикъ. | что в' то^м познаваѣмо ѣсть;] om. P, R.

⁵⁰ оучите^а] G err. оучители.

⁵¹ и] om. Ch.

⁵² и да] transp. P, R да | и.

⁵³ ѡпоуститъ] B, Tr ѡпоустн.

⁵⁴ должнико^м] Tr долни | кw^м.

⁵⁵ нашимъ] B err. наъ.

⁵⁶ (ѕ)] om. X, B, G, Sin, Sof, Tr, U, P, R.

(с)⁵⁷ ОУЧИТЕЛЬ.⁵⁸ И НЕ ВЕ^{В^А} | НАСЪ ВО ИСКЪШЕНІЕ; ОУЧЕНИКЪ.
Magister Et ne nos inducas in tentationem. Discipulus

КАКО | СІЕ РАЗУМѢТЪСА.⁵⁹ ОУЧИТЕЛЬ. НЕ ПРѢСИ^М | ДА⁶⁰ [НЕ]
Quomodo hoc intelligitur? Magister Non petimus ut non

ИСКЪШАЕМЪСА ЗАНЕ ИЖЕ НѢСТЬ И | СКЪШЕНЪ. НЕ ИСПЫТАНЪ⁶¹ ЕСТЬ.
tentemur, quia qui non est tentatus non est probatus.

НѠ МЛН^М | ДА НЕ ВЪВЕДЕТЬ⁶² НАСЪ ВО ИСКЪШЕНІЕ | ЁГОЖЕ
Sed precamur ne nos inducat in tentationem quam

ПОНЕСТИ НЕ МОЖЕМЪ. СИРѢ^Ч | ДА НЕ ПОПОУСТИТЬ⁶¹ НАСЪ
sufferre non possumus, id est non sinat nos

ВЪ ИСКЪШЕ | НИИ⁶³ СОГРѢШАТИ. ВЪВЕСТИ^И ВѠ ГЛѢ | ТЪСА БЪ,⁶⁴
in tentatione peccare. Inducere enim dicitur Deus,

ЁГДА ПОМОЩЬ СВОЮ ѠИМЕ. |
cum auxilium subtrahit.

(з)⁶⁵ ОУЧЕНИКЪ. КОЕ⁶⁶ ЕСТЬ СЕМОЕ.
(h) Discipulus Quae est septima?

(з)⁶⁷ ОУЧИТЕ. | НѠ ИЗБАВИ НАСЪ Ѡ ЛЖКАВАГО. ОУЧЕНИКЪ |
Magister Sed libera nos a malo. Discipulus

КАКО ЕСТЬ РАЗУМѢВАЕМО.⁶⁸ ОУЧИТЕЛЬ.⁶⁹ | ИЖЕ ЕСТЬ Ѡ ДІАВОЛА.
Quomodo est intelligendum? Magister Id est a diabolo

⁵⁷ (с) om. X, B, G, Sin, Sof, Tr, U, P, R.

⁵⁸ ОУЧИТЕЛЬ] G err. ОУЧТИ.

⁵⁹ ОУЧЕНИКЪ. КАКО | СІЕ РАЗУМѢТЪСА.] om. P, R.

⁶⁰ ДА] takw Sol, em. X, B, G, Sin, Sof, Tr, U sicut lat.; ДА НЕ P, R.

⁶¹ ИСПЫТАНЪ] Sol var. ИСКЪСЕНЪ, em. codd.

⁶² ВЪВЕДЕТЬ] P, R err. ВВЕДІ.

⁶³ ИСКЪШЕ | НИИ] X err. ИСКЪШЕННЕ.

⁶⁴ БЪ] Sof, B, X, B, G, Sin, Tr, U, P, R БЪЪ; Sol nominativus cum infinitivo fortasse sicut lat.

⁶⁵ (з) om. X, B, G, Sin, Sof, Tr, U, P, R.

⁶⁶ КОЕ] G err. КТО.

⁶⁷ (з) om. X, B, G, Sin, Sof, Tr, U, P, R.

⁶⁸ ОУЧЕНИКЪ | КАКО ЕСТЬ РАЗУМѢВАЕМО] om. P, R.

⁶⁹ ОУЧИТЕЛЬ] G err. ОУЧТИ.

Ѡ⁷⁰ грѣха. ѿ Ѡ въ|сѧкого злаго ѿскѣшенїа;⁷¹ ѡученикъ. (766v)
a peccato et ab omni malo tentamento. Discipulus

ѧмїнь. ѿже на концѣ⁷² ѣсть, какъ | раѡмѣтѣсѧ.
Amen quod in fine est, quomodo intelligitur

ѿли коѣго ѧзыка гѧтсѧ. | Оучитель.⁷³ ѧмїнь,
vel cuius linguae dicitur? Magister Amen

ѣврѣиски глѣтъ | ѣже на латыньскоѣ преложено⁷⁴ верѣ.⁷⁵
hebraice dicitur quod in latinum versum vere

ѧ по рѣски въ ѿстинѣ, ѿ вѣрѣнѣ раѡмѣтѣсѧ;
et fideliter intelligitur.

Моленїе господскоѣ. сѣще⁷⁶ | ѣдино⁷⁷. ве² росказанїа;

(а)⁷⁸ Ѡче ншь ѿже | ѣси на нѣсехъ;

(б) Да свѧтитсѧ ѡмѧ | твоѣ;

(в) Да прїидеть црѣвїе твоѣ; |

(г) Да вѣдетъ вола твоѡ ѧкъ на нѣси ѿ | на землїи;

(д) Хлѣвъ ншь вѣсѣдневный | даждь намъ день;

(е) ѿ ѡпѣсти намѣ | длѣги наша ѧкъ ѿ мы ѡпѣцаемъ⁷⁹ до¹ жннкомъ нашимъ;

(ж) ѿ не вѣведи на | въ ѿскѣшенїе.

(з) Но⁸⁰ ѿзбави насъ Ѡ лѣ|каваго. ѧмїнь.

⁷⁰ Ѡ] anteposunt ѿ P, R.

⁷¹ Нїс expliciunt P, R. Далее в рукописи Р идет новый текст: стрѡки сѣвѧлы прорѡчницы ѡ вторѡмъ | преслѧвномъ пришѣствїи сѣса хѧ, ѿ ѡ стрѧ | шнемъ сѣдѣ. ѿже краѣгранїе сїцево е | нѣзѣтъ хрїстѡсѡ вѣжн снѣ сїсѣ. В рукописи R читается: Ѡ ѣланїскаго лѣтѡписца; сказанїе флѡртѣнѧта рїмскаго гранѡграфѧ ѡ ѧдаме. Текст о Сивилле читается ранее, до Молитвы Господней, на л. 514 об.–515.

⁷² концѣ] У конци.

⁷³ Оучитель] G оучители.

⁷⁴ преложено] Sof err. преложенїе.

⁷⁵ верѣ] G вѣрѣ, B вѣре.

⁷⁶ сѣще] Tr, U сѣще.

⁷⁷ ѣдино] om. Sin, G, X.

⁷⁸ (а)...(ж)] litterae in marg. absunt in codicibus Sof, U, B, Tr, X, G, Sin.

⁷⁹ ѡпѣцаемъ] U оставѧл | емъ

⁸⁰ Но] U о.

Цитирование Ветхого Завета в Многосложном свитке

*канд. филол. наук, проф.
Университет Перуджи (Италия)
email: maria.plioukhanova@unipg.it*

Многосложный свиток (или Многосложное послание) – славянское переложение греческого Послания патриархов императору Феофилу – содержит большее количество библейских цитат, чем в известных греческих редакциях. В статье проанализирован отступающий от греческого оригинала фрагмент вводной части Многосложного свитка, в котором содержатся цитаты из Псалма 44 и Книги пр. Исаяи. Автор предполагает, что новые относительно оригинала ветхозаветные цитаты были введены при переводе, чтобы подчеркнуть и усилить образы величия царской власти. Не случайно соответствующие фразы из Многосложного свитка перешли в Послание на Угру и в другие тексты, образовавшие русское учения о царской власти.

Ключевые слова: Псалом 44, Книга Исаяи в славянской традиции, Многосложный свиток, Послание патриархов, Послание на Угру, русская идеология царской власти.

Многосложный свиток (или Многосложное послание) – славянская версия греческого Послания восточных патриархов императору Феофилу против иконоборческой ереси (далее – ПП) – появляется в русских списках со второй половины XV в.¹ Первым этим произведением заинтересовался В. Н. Малинин, обнаруживший зависимость титульных формул знаменитых посланий Филофея о Третьем Риме от вводной части Многосложного свитка/послания (далее – МС).² Работы последнего времени демонстрируют исключительное влияние МС на процесс формирования русского образа царской власти и на полемику против еретиков.³ Параллельно Д. Афиногенов исследует соотношение славянского текста с сохранившимися версиями греческого ПП. Расхождения между греческим

¹ Подробно о трех ранних списках см.: [9]. В новейшей работе М. В. Корогодиной [4] указан целый ряд рукописей, содержащих МС, и подробно охарактеризована рукопись второй пол. XV в., содержащая особый вариант перевода начальной части греческого ПП.

² [5: 539–540]. О последующем развитии этих исследований см.: [12: 135–138].

³ [10; 9; 19]. О влиянии МС на «Просветитель» Иосифа Волоцкого см.: [18] и другие работы того же автора.

и славянским текстами привели его к мысли, что славянский МС сохранил более древнюю версию ПП, чем те, которые отражены в имеющихся греческих списках. Расхождения между ними заключаются преимущественно в наличии в славянском тексте дополнительных цитат из Писания. В монографическом издании автор предлагает реконструкцию греческого текста, дополнив его этими цитатами [15].

По мнению Д. Афиногенова, язык славянских цитат указывает на древность перевода, представленного МС, поскольку он соотносим с южнославянской традицией. Имеются в виду цитаты в МС из Книги Иезекииля, в которых усмотрена близость тексту по списку РНБ F.I.461, опубликованному Л. Тасевой, М. Йовчевой и Т. Илиевой (2003), представляющему южнославянскую традицию Пророков, несколько отличающуюся от той, которая сохранилась в восточнославянских списках.

В этой работе мы не претендуем на какую-либо полемику с положениями Д. Афиногенова. Подчеркнем только, опираясь на труды по славянской библеистике, специально по книгам Пророков,⁴ что принадлежность к той или иной традиции не может служить для датирования перевода, поскольку переводы Пророков – как паремийных, так и толковых, как сохранившиеся в восточнославянских списках, так и в южнославянских – все древнего южнославянского происхождения, ни одна из традиций не застыла в каком-либо архаическом слое, все они имеют длительную временную протяженность. Метод, предложенный Д. Афиногеновым, хотя и не способствует, как нам кажется, доказательству древности перевода МС, но интересен и продуктивен. Если бы удалось доказать, что МС в цитатах из Пророков имеет систематические отличия от широко распространенной на Руси традиции Толковых Пророков, идущих от списка Упыря Лихого, это означало бы, что переводчик был не местный, а из южных славян – характеристика, относимая к большинству переводов, сделанных на Руси в XV в., но обычно имеющая самые общие, неопределенные обоснования. Хотя вряд ли такая стройность выводов вообще может быть достигнута на материале церковнославянской словесности с ее пересекающимися и уходящими к единым корням традициями. Прежде чем оставить совсем тему славянских переводов Писания, которую здесь не место углублять, хотим обратить внимание специалистов на интересный казус, обнаружившийся в ходе наших небольших исследований. В МС один из стихов книги Исаяи –

⁴ [2; 21: 846–867; 1: 133–140]; ряд новых работ Л. Тасевой и других о Книге Иезекииля – см. о них [16], здесь же представлено современное состояние изучения славянских переводов Пророков.

Ис. 43:16, об изведении по дну моря народа и коней – цитируется в полной версии, в то время как в списках восточнославянской традиции Толковых Пророков была принята усеченная версия этого стиха. Сходный, но не тот же самый текст, что и в МС, – полная версия стиха – находится в Геннадиевской Библии (см. ниже сегмент № 13).

Рассмотрим здесь один фрагмент из вводной части славянского МС, проследивая его соотношения с оригинальным ПП (используем [17], но проверяем также по [20] и [15]) и с текстами Писания по спискам XV в. Не ставя перед собой больших задач изучения традиций перевода, хотим с помощью такого микроанализа посмотреть, как вводятся и как функционируют цитаты из Писания – дополнительные относительно оригинала. Фрагмент наш хотя относительно не велик, но весьма интересен и представителен для нашей темы. В нем работа с цитатами из славянского Писания служит и для следования оригиналу, и для отступлений, и для полного ухода от него. Начальная часть этого фрагмента, как в оригинале, так и в славянском МС, основана на цитировании Пс. 44, во второй половине преобладают цитаты из Книги пророка Исаяи. Эти тексты на слуху у исследователей литературы и идеологии Московского царства, поскольку именно они перешли в Послание на Угру (далее – ПнаУ) и в другие важные документы периода становления московской царской идеологии, или вернее будет сказать – риторики Московского царства [9]. А. И. Филюшкин именно на этом материале составил таблицу, показывающую совпадения ПнаУ с посланиями новгородского архиепископа Феодосия, благовещенского попа Сильвестра и митрополита Макария [14: 69]. Исследователь полагал, что эти «общие места» создавались за счет непосредственного обращения к библейским источникам.

Пользуемся для цитирования списком МС по рукописи РНБ, Софийское собр., № 1444. Разночтения с другими доступными нам ранними списками – РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 53/1130 и ИРЛИ, собр. Величко, № 1 – мало существенны, и для целей этой небольшой работы их можно не принимать во внимание (за исключением одного случая – ошибки в нашем списке, которой нет в двух других). Цитаты из Пс. 44 сверяем по славянской Псалтири (РГБ, ф. 304/1, № 3). Приводим и параллельный текст из Послания на Угру (по Софийской II летописи). Для удобства сопоставлений делим текст на сегменты, подобные библейским стихам, и нумеруем их. Передаем тексты в упрощенной форме, сохраняя только ъ и некоторые сокращенные слова под титлами, выносные буквы помещаем в скобках. Текст из Софийской II летописи воспроизводим как в издании.

Многосложный свиток РНБ, Софийское собр., № 1444, л. 5–5 об.	Комментарии о соотношении с греческим оригиналом по [17]	Соотношение со славянской Псалтирью	Послание на Угру. Софийская П летопись. Стб. 305
1. (л. 5) Тѣтъм же прр(о)чески реши, <u>бѣоутверженныи</u> вл(д)ко.	Соответствует греческому оригиналу: [17: 232]		Тѣм же и прор(о)-чески реши б(о)г(о)мъ утверженныи ц(а)рю
2. напязи, спѣи. цр(с)твиуи и истинны ради, кротости, (и) правды.	[17: 232]	Пс. 44:5 (л. 60 об.–61): И напязи и спѣи и цр(с)твиуи, истинны ради и кротости и правды	напязи и спѣи и ц(а)рстввиуи истинны ради, и кротости и правды
3. и наставить тя чюд(д)нѣ десница твоя.	Этого стиха нет в оригинале по [17].	Пс. 44:5: и наставит тя дивно десница твоя	наставит тя чюдне десница твоя.
4. пр(с)тль твои правдою и кротостию. и судо(м) истинны(м). съвершень есть,	[17: 232]	Нач. Пс. 44:7: «Прѣстоль твои, бѣ, в вѣкъ вѣка». В ПП расширено за счет повторения слов из № 2.	Пр(е)ст(о)ль вои правдою и кротостию <u>суд</u> . Вероятно, следует читать: су(домъ) <u>истиннымъ</u> свершен ес(ть)
5. жезль правды. и жезль царьства твоего.	[17: 232]	Пс. 44:7	В ПнаУ это снято, видимо, поскольку царственность представлена как данность
6. сего ради помаза тя бже бѣ твои, елео(м) радости, паче причастни(к) твои(х).	[17: 232]	Соответствует Пс. 44:8	
6а. Отсюда в МС начинается отступление от текста оригинала	[17: 232], цитата из Пс. 109:2. Она пропущена в известных нам списках славянского перевода ПП, но сохранена в Послании на Угру.	В ПнаУ текст как в оригинале цитирует Пс. 109:2, точно следует славянскому тексту псалма: и жезль силы послеть ти гѣ о(т) Сиона, и оудолѣши посредѣ врагъ твоихъ (по [7])	и жезль силы послет ти г(оспод)ь от Сиона, и удовлѣши посреди враг твоих.

7. яко малыи юнии давы(д) в дому о(т)ца своего. паче стареишиа братиа твоеса.	Этой фразы нет в оригинале.	Похоже на Пс. 151:1 (цит. по [7]): Маль бѣхъ в брѣтии моеи и юнеишии в дому о(т)ца моего. Пс. 151:4 И помаза мя елео(м) помазаниа своего.
8. Бгѡмъ нареченъ еси црѣ, великии самодержецъ, и хр(с)тианъ. (л. 5 об.) иже скипетры римскаго цр(с)тва великаго, по закону приимъ Хр(с)мъ, црѣя црѣмъ, и гѣ гдѣмъ.	отдаленно напоминает текст оригинала о качествах властителя, в греческом ПП, находящийся ближе к началу рассматриваемого фрагмента. [17: 231].	
9. Црѣ еси предобрь, и разумень въ все(м), и на супротивныа храбрь.	В оригинале приблизительно, исходя из итальянского перевода [17]: «кротчайший, светлейший, добрейший император и владыка, которого Бог избрал и короновал славой и встретил его благословениями благодати» (последнее – Пс. 20:4).	
10. яко да покорени будутъ врази под ногама твоима. и да одолѣние поставиши а ратны(х) по(в) среди.	Этого фрагмента нет в оригинале, за исключением Пс. 109:2 «и да одолѣешь среди ратных», который есть в ПП в другом контексте, см. ба.	Из Пс. 109:1–2: «и да одолѣешь среди ратных».
		яко да покорени будутъ врази ваши под ногами вашими, и да одолѣешь среди ратных,

<p>11. и да раз(д) рушатся языци хоташчи бране(м), <u>омрачени да буду(т)</u> о(т) бѣиа мо(л)νια, яко пси гладнии <u>полижую(т) землю</u> языки своими, и агѣ(л) гнь буди <u>помагаа и.</u></p>	<p>Нет в оригинале.</p>	<p>Пс.71:9: Расточи языци хотящие брани. Пс. 67:30: И врази его персть полижут.</p>	<p>да разсыплются поганная хотящаа брани от б(о)жиа молониа омрачаеми, яко пси гладнии, языки своими лижют землю и агг(е)ль г(о)с(поде)нь буди поганяя их.</p>
---	-------------------------	---	--

Прервем воспроизведение фрагмента, чтобы проанализировать эту его часть, основанную на цитировании псалмов. Словами «пророчески рещи» вводятся стихи 5, 7, 8 из Пс. 44. Пс. 44 хотя и мог толковаться как пророчество о Царстве Христовом, воспринимался и как хвала властителю земного царства. Само греческое ПП применяет цитаты из псалма для восхвалений власти царя. До № 6 включительно МС следует оригиналу, воспроизводя текст славянского Пс. 44. Царь в псалме наделен могуществом, но мирен, и царство его – царство кротости и радости. Уже в оригинале Пс. 44:7 несколько переделан, чтобы укрепить эту тему (у нас № 4). То же – в МС и в ПнаУ, которое точно следует за МС (см. № 3 – чю(д)не в МС и в ПнаУ, дивно – в псалме.) Затем – поразительное явление – МС пропускает сегмент оригинала, в котором цитируется Пс. 109:2, а ПнаУ использует его (№ 6а). Это не единственный случай, когда ПнаУ проявляет больше верности оригиналу, чем славянский перевод МС (см. подробнее [10; 9]). По-видимому, при составлении ПнаУ использовался и МС, и греческий оригинал, или какие-то специальные заготовки – формулярники, не полностью соответствующие МС. Можем несколько авантюристически предположить, что заготовка для будущего ПнаУ делалась параллельно работе над МС.

Вместе Пс. 109:2 МС вставляет в этом же месте текст (№ 6) про юного Давида. Последний стих не имеет соответствия в ныне известной оригинальной версии ПП. Он и не цитирует ни ПП, ни Писание, лишь отчасти может быть соотнесен с Пс. 151. Здесь как бы развивается предыдущий период о преимуществах перед «причастниками» в сторону большей конкретности, почти биографической – ты, как юный Давид. Соотнесенность с Феофилом, адресатом древнего ПП, таким образом теряется, ведь тот был единственным сыном императора Михаила II, наследником и даже соправителем его. Уместней кажется такая вставка, если принять гипотезу, что манипуляции с текстом совершались на Руси во времена Василия Темного. Он был самым младшим из пяти детей великого князя Василия Дмитриевича, единственный из сыновей дожил до смерти отца

и в возрасте 10 лет в первый раз занял великокняжеский престол через голову своего дяди Юрия Дмитриевича; затем последовала долголетняя война за власть между потомками Дмитрия Ивановича (Донского), из которой в конце концов Василий Темный вышел победителем.

К наследнику его, Ивану III, это сравнение снова не подходит. Таким образом, можно предположить, что над переводом-переделкой работа шла в период торжества Василия Темного на московском великом княжении († 1462). Но это не обязательно.

Сосредоточенность на образах императорской власти в Московской Руси в период до 1462 г. перестанет казаться уникальной, странной и неуместной, если вспомнить панегирик тому же вел. князю Василию, которым завершается компилятивное «Слово на латыню». В компиляции соединены различные материалы, касающиеся Ферраро-Флорентийского собора, она обычно датируется временем после поставления Феодосия в митрополиты Московские, здесь описываемого; в последнее время, правда, возникают предположения, что «Слово на латыню», особенно в риторической части, могло обрабатываться в более поздние периоды [6: 72–78]. Конечно, маленькая вставка о юном Давиде – материал недостаточный для серьезных заключений по истории славянской версии ПП. Вставка о юном Давиде с элементами Пс. 151 могла проникнуть в традицию ПП и на некоем неизвестном этапе ее эволюции.

Далее, с № 7, наш фрагмент отходит и от ПП, и от мирного духа Пс. 44 – в сторону конкретности и воинственности. Появляется формула «скипетры римского царства» с идеей наследования, которая, как кажется, в оригинале нигде не встречается. Фигура царя становится все более воинственной, все более очевидной – необходимость схватки с врагами («языцы») и жестокой расправы с ними (№ 9–11). ПнаУ, сохраняя свирепую картину желанного поражения врагов, переименовывает их в поганных.

Вслед за рассмотренной частью нашего фрагмента, опирающейся на Пс. 44 и другие, в славянском тексте – Многосложном свитке/послании – следует период, преимущественно ориентированный на Книгу пророка Исаии. В известной версии греческого ПП аналогичного текста в соответствующей позиции нет, хотя вообще ПП иногда цитирует Пророка Исайю и некоторые из цитат, образующих рассматриваемый период, в сокращенном виде встречаются в нем в других местах. В этом фрагменте с помощью стихов из Исаии развивается тема богоизбранности царя правды, которого ведет за руку всемогущий Бог.

Цитаты из Ис. предварены фразой, вводящей тему правды, которая, хотя и содержит те же слова, что становятся ключевыми в последующих

цитатах из Ис., не может считаться цитатной: «Да въсияеть гѣ въ днь тво-
рящаа правдою, и множествомъ мира судити люде(м) своимъ въ правду
и нищимъ свои(м) в соу(д)» (л. 5 об).

Здесь создается идея господства правды, близкая Книге Исайи в принципе, где правда – одно из центральных понятий. Во фразе присутствует некоторая грамматическая неопределенность, которая мешает ясно понять, в чем ведении находится правда и суд правды, в отличие от пророческих текстов Писания, где правда отнесена к Богу и Мессии. Эта фраза, как и предыдущий и последующий более цитатные фрагменты, была перенесена в послание, приписываемое благовещенскому попу Сильвестру, содержащее наставления царю Ивану IV о правде, кротости, суде и прочем. Сильвестр (или Макарий, или кто-то третий; проблема авторства нас здесь не касается) обошелся с ней довольно свободно наставляя царя: «...судити людем своим в правду и нищим твоим истинною и судом праведным»,⁵ но все-таки связь с источником, МС, очевидна. В ПнаУ. такой фразы нет. Другие части текста автор этого наставления Ивану IV переносил почти без изменений, вероятнее всего, из ПнаУ. Не беремся здесь за детальные сопоставления, которые позволили бы точнее расписать, что автор брал из вторичного источника, а что из МС. Здесь достаточно в общих чертах отметить, что он пользовался и текстом ПнаУ, и для дополнений – непосредственно источником ПнаУ – МС.

Цитаты из Ис. сверяем с текстом Толковых Пророков по рукописи РГБ, ф. 304/1, № 90. Здесь содержится обычная для этой рукописной традиции приписка Упыря Лихого. Рукопись датируется 1489 г.

Многосложный свиток РНБ, Софийское собр., № 1444, л. 5 об.–6 об.	Соотношение с оригинальной версией	Соотношение с Толковыми Прочествами	Послание на Угру. Софийская II летопись. Стб. 305
12. Тако глѣть гѣ, азъ въз(д)виго(х) тя, црѣя правды. и призва(х) тя (л. б) правдою, приах тя за руку,... и оукрѣпи(х) тя.	Точно такого текста нет в оригинале.	Ис. 42:6: Азь гѣ бѣъ призва(х) тя правдою, и прииму тя по руку и оукрѣплю тя	12. Тако пл(аголе)тъ г(оспод)ь: «Азь въздвигох тя, ц(а)ря правды, призвах тя правдою и приях тя за руку десную, и укрепих тя

⁵ Послание Сильвестра цит. по: [3: 60]. Текст послания Сильвестра – [3: 69]. А. А. Зимин, размышляя о смысле учения Сильвестра, думал, что сочетание кротости и правды Сильвестр мог взять у Максима Грека. Автор наставления свои основные формулы перенес из МС.

13. Тако гѣ
сѣтворивыи нбо
и оутвердивъ е,
и землю основа
на тверди. и
яже на неи даа
дыхание люде(м). и
животнымъ и всѣ(м)
ходямы по неи.

В оригинальном
ПП есть период
о сотворении
мира [17: 227],
использующий Ис.
40:12; Прем. 14:3,
Ис. 40:22, но в
другом контексте.

Ис. 42:5: Сице глеть
гѣ бгѣ, сѣтворивыи
нбо, и потькнѣвыи е,
утверж(д)ии землю,
и еже е на неи , и
дааи дыханіе людемъ
иже на неи, и дхѣ
ходящимъ по неи.
[7]: сѣтворивыи нбо
и прставлен' е, и
оутвержеи землю
Паремийник РНБ
Q.I.178, л. 83: створе
нбо и поставле е и
оутвержу землю...

и в морѣ даа поуть,
в водѣ твѣрдя без
блазна. изводя
ору(ж)е, и наро(д). и
коная крѣпки.

Об изведение народа
в оригинале ПП нет.
Слов об оружии и
конаях нет

Ис. 43:16: Сице
глеть гѣ, дааи путь
по морю, и по
водѣ силнѣ стезю,
изводиаи оружіе,
но оуспоша и не
въстаноуть
Так же в ряде других
рукописей Толковых
Пророков XV в.
[7] – близкий текст:
Сице глеть гѣ, дааи
путь по морю, и по
водѣ силнѣ стеза,
изводиаи оружие
и коня и наро(д)
многѣ.

14. азъ примъ та за
руку десную. да
послушаю(т) тебе
языци.

14, 15, 16, 17 нет в
греческом ПП. Здесь
в слав. МС включен
Ис. 45:1–3.

Ис. 45:1: Его
же дрѣжа(х) по
десницу...
Так же [7].

да послушаютъ тебя
языци,

15. и крѣпость
цѣремъ разрушу.
и отворю двери
и грады
не затворя(т)гися.

Ис. 45:2: и крѣпость
црѣску раз(д)рушу.
О(т)врѣзу пре(д)
нимъ врата и гради
не затворятся.

и крепость ц(а)ремъ
разрушу, отворю
ти двери, и гради не
затворятся.

16. азъ предъ тобою
пойду и горы
поравняю. двери
мѣдныя съкрушу. и
за(т)воры желѣзныя
сломлю.

Азь пре(д) нимъ
пойду и горы
уравняю, врата
мѣданая съкрушу,
и веряя желѣзныя
сломлю,

Азь предъ тобою
пойду, и горы
поравнаю, и двери
мѣденыя съкрушу,
и затворы желѣзныя
сломлю

17. и да(м) ти с(о)
кровища таинна.
и невидимья о(т)
верзу ти. азь есмь гѣ
призывааи имя твое.

и дамъ ти
имѣнїа темная,
и съкровеная,
невидимья о(т)връзу
тебѣ, да увѣси яко
азь гѣ бѣ, прозывая
има твое.
[7] почти точно так
же.

18. ра(д)уемса
убо (л.б об.) и
веселимся. слышаште
храборство твое.
и бѣгомъ дан(н)ую
побѣду.

Такой же период
есть в греч. ПП [17:
232],
но там он следует
после сегмента
№ 6а по нашей
нумерации.

<..аггель господень
буди погоняя и.– см.
выше в ПнаУ эти
фрагменты в ином
порядке, чем в МС>
18. Радуем бо ся и
веселимся, слышаше
доблести твоя
крѣпость и твоего
с(ы)на Б(ого)мъ
данную ему побѣду,
и великое мужество
и храбрость, и твоего
брата, г(о)с(у)д(а)реи
наших, показавших
противу безбожных
силь агарянь...

Сегменты 12 и 13 близко соответствуют Ис. 42:6, 5. То есть, при аккуратном следовании тексту Писания, стихи переставлены местами. В библейском источнике по рукописи Толковых Пророков этим стихам предпослано богослужебное указание на использование: в четверг 5 недели [поста]. У Ис. сначала идет стих от имени Бога, сотворившего все, с обращением к «Тебе», не названному царем, но определенному как призванный правдой, то есть Мессия; в продолжении этого периода, не использованного в МС, разъяснено, что призванный дан странам для просвещения, «в свет», чтобы отверзлись очи слепых. Этот же стих в Паремийнике приводился в краткой форме, но с дополнением, имевшим смысл прямого пророчества о Христе; цит. по Паремийнику РНБ Q. I.178, л. 83: «Азь гѣ бѣгъ призвах тѣ правдою, оукрѣплю тѣ, и да(х) тѣ за родъ».

В МС вместо призванного правдою является царь правды, образ, синтезирующий разные выражения Исайи: Яко азь бѣгъ твои, дрѣжаи тѣ за десницу твою (обращение к Израилю); Ис. 41:2: Муж правды. То есть в МС как синтез из разных стихов и слов Исайи выстраивается образ царя правды, воздвигнутого всемогущим Богом. Образ этот развивается не как у Исайи в следующих стихах главы 42, где в нем открываются

мессианские черты. В МС – это и властитель, и избранный народ, Израиль, Бог выводит его из плена через море с оружием и конями. Потом следуют Ис. 45:1–3. Теперь Божье всемогущество обращено на Божьего помазанника (в Книге Исаяи – Кира), перед которым Господь сокрушит все препятствия и которому откроет тайны. К этим стихам примыкает простой, отнюдь не библейский текст с выражением радости по поводу царской победы, имеющийся в ПП, но в другом месте, в ином контексте. Тексты Ис. переставляются, перекраиваются; и полные стихи, и малые словосочетания совмещаются, образуя нечто вроде мозаики. Получившаяся фигура царя украшена библейской риторикой больше, чем фигура императора в ПП, хотя казалось бы больше невозможно.

У этих усердных манипуляций с текстом Ис. была, по-видимому, некая цель, которая не совпадала с целями красноречия восточных патриархов в оригинальном послании Феофилу.

Уверения, обращенные к властителю, что он богоизбран и богозащищен, подводят к идее, что Божьим всемогуществом обеспечивается чудесное прохождение через море, вывод из плена, победа. После чего победа властителя и упоминается.

В ПнаУ здесь добавлены подробности о победе на Угре, но в части, соотносящейся с ПП, в нем, кажется, греческий оригинал передан точнее, чем в славянском МС. «Доблести твоя и крепость» в ПнаУ передает пару: «le prodezze e geste gloriose»; «the acts of bravery and prowess», лучше чем единственное «храбрство» в МС. Весь этот период оказался весьма уместен в ПнаУ и был завершён похвалами великому князю, его сыну и брату за победу над безбожными агарянами. В этом случае, как и в некоторых других, текст МС настолько вращается в обстоятельства конкретного времени и места – Москвы времен Угры, что кажется и созданным для них, однако это совершенно невозможно, поскольку мы твердо знаем, что списки Многосложного свитка/послания имелись уже в 70-е годы. Разве что допустить, что составитель этой мозаики имел в виду цели пропаганды какого-то усилия со стороны властителя по преодолению плена и уже в процессе перевода ПП следовал этой цели. Могли иметься в виду и борьба с местными «погаными», и преодоление более великих пленов – восточный православного мир почти весь был в плену.

ПП вместе со славянским МС оставалось живым и действенным в русских условиях в течение столетия с середины XV до середины XVI в.

Автор ПнаУ пользовался и МС, и, для дополнений, греческим оригиналом ПП. Подобного детального анализа требует и произведение Сильвестра или Макария, по-видимому использовавшего не только ПнаУ, но и первоисточник, который был ему известен. Мы определили в дру-

гой работе, что составитель Послания к властителю, вошедшего в цикл Филофея о Третьем Риме, использовал МС, но несколько слов взял непосредственно из оригинального ПП.

Такое активизирование древнего памятника при переводе и вращение его в молодую словесность было в значительной степени обеспечено обильным цитированием в нем Писания, в частях его, составлявших самую суть языка письменной культуры.

Итак, рассмотрев, как составлен фрагмент Многосложного свитка/ послания, приходим к заключению, что перевод в данном случае не был простым следованием за оригиналом. И этот и разборы более пространственных фрагментов [10; 9] показывают, что вводная часть ПП с ее пышными обращениями к императору и описаниями величия и ответственности императорской власти была специально выделена, укреплена, переделана так, чтобы дать новое направление мысли, новое сознание ответственности, новые цели властям и тем, кто мог оказывать влияние на власти. Мы не можем знать с точностью, какие адресаты имелись в виду в процессе работы, но зато достоверно знаем, что парадигма власти московского царя вскармлена этим текстом.

Литература

1. *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
2. *Евсеев И. Е.* Книга пророка Исаяи в древнеславянском переводе. Ч. 1: Славянский перевод Книги пророка Исаяи по рукописям XII–XVI вв. СПб., 1897.
3. *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.
4. *Корогодина М. В.* Неизвестный славянский перевод фрагмента «Послания трех патриархов императору Феофилу» в сборнике русского книжника XV века // *Slověne*. 2017. Vol. 6. № 1. S. 307–332.
5. *Малинин В. Н.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев. 1901.
6. *Новикова О. Л.* Формирование и рукописная традиция «Флорентийского цикла» во второй половине XV – первой половине XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 14. М.; СПб., 2010. С. 3–208.
7. Острожская Библия: Фототипич. переизд. с изд. 1581 г. М.; Л., 1988.
8. *Пичхадзе А. А.* Библия. IV. Переводы: Церковнославянский // Православная энциклопедия. Т. 5. М., 2002. С. 139–147.
9. *Плюханова М. Б.* «Многосложное послание/свиток» как лаборатория идей // *ТОДРЛ*. Т. 62. СПб., 2014. С. 343–374.
10. *Плюханова М. Б.* «Послание на Угру» и вопрос о происхождении московской имперской идеологии // *ТОДРЛ*. Т. 61. СПб., 2010. 452–488.
11. *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против лагитян. М., 1875.
12. *Синицына Н. В.* Третий Рим. М., 1998.

13. Софийская II летопись. М., 2001. (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2).
14. *Филошкин А. И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.
15. *Afinogenov D.* *Mnogosložnyj Svitok: The Church Slavonic Translation of the Letter of the Three Oriental Patriarchs to Emperor Theophilus.* Paris, 2014.
16. *Bruni A.* *Old Church Slavonic Translations // Textual History of the Bible: The Hebrew Bible. Vol. 1B: Writings.* Leiden; Brill, 2017. P. 714–722.
17. *Duchesne L.* *L'iconographie byzantin dans un document grec du IXe siècle // Roma e l'Oriente. 1912–1913. № 5.*
18. *Kriza A.* *A középkori orosz képvédő irodalom. I: Bizánci források = Древнерусские тексты в защиту икон. Ч. 1: Византийское наследие.* Budapest, 2011.
19. *Pliukhanova M.* *Le letture per la festa del Trionfo dell'Ortodossia come fonte della letteratura politica del regno di Mosca // I testi cristiani nella storia e nella cultura: Prospettive di ricerca tra Russia e Italia. Atti del convegno di Perugia – Roma, 2006. Roma, 2013. P. 169–184.*
20. *The Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilus and Related Texts / Ed. J.A. Munitiz, J. Chrysostomides, E. Harvalia-Crook, C. Dendrinis.* Camberley, 1997.
21. *Thomson Fr. J.* «The Slavonic Translation of the Old Testament» // *Interpretation of the Bible.* Ljubljana, 1998. P. 605–920.

Полный список Библии на арабском языке в Санкт-Петербурге: Проблема датировки

д-р ист. наук, проф.

Институт восточных рукописей РАН

email: serge.frantsouzoff@yahoo.fr

В статье рассматривается старейший полный список Библии на арабском языке (шифр D 226, т. 1–3) из собрания Института восточных рукописей РАН, переданный в дар антиохийским патриархом Григорием IV ал-Хаддāдом Николаю II в 1913 г., с его текстологическими и кодикологическими особенностями, включая приписки и пагинацию. На основании изучения колофонов переписчика Пимена Дамасского, выявленных в конце 6 ветхозаветных книг, обосновывается датировка данной рукописи рубежом 20-х гг. XVI в., а не 2-й половиной 30-х гг. XIII в., как полагали отечественные арабисты И. Ю. Крачковский и Вал. В. Полосин.

Ключевые слова: Библия, Ветхий и Новый Завет, переводы Библии, арабо-христианская литература, арабо-православная традиция, Антиохийская Церковь, патриарх Григорий IV, И.Ю. Крачковский, колофоны, датировка рукописей.

Среди 41 рукописи, преподнесенной в дар Антиохийским Патриархом Григорием IV ал-Хаддāдом в дар Николаю II по случаю 300-летия Дома Романовых, особое место занимает трехтомный список Библии (шифр – D 226) значительного объема (252 + 233 + 268 л.¹), в который входят практически все ее книги в арабском переводе (за исключением нескольких девтероканонических²). И. Ю. Крачковский, трудами которого это собрание попало из библиотеки Зимнего дворца в Азиатский музей, посвятил рукописи Библии отдельную статью, в которой датировал ее на основании шести колофонов известного переписчика Пимена Дамасского, помещенных после Бытия, Левита, всего Пятикнижия, книг Больших и Малых Пророков, Иова и Второй книги Макквейской, концом 1235 – началом 1238 г., а также установил, что именно с нее был перепи-

¹ Не считая защитных листов в каждом томе.

² Например, Первой книги Макквейской, которая никогда не переводилась на арабский.

сан в 1579 г. аналогичный список, хранящийся в Ватикане (под шифром Vat. ar. 468 – Ветхий завет, Vat. ar. 467 – Новый) [1].

Выводы академика поддержал Вал. В. Полосин, уточнив, что «колофоны этой рукописи показывают, что Пимен переписывал ее в течение трех лет» [2: 79].³ Для того, чтобы объяснить, зачем профессиональному писцу потребовался столь несообразно долгий срок для переписки чуть более полусотни листов,⁴ ему пришлось прибегнуть к ничем не обоснованному предположению о том, «что в 1235–1238 гг. Пимен бывал в Дамаске лишь наездами (раз в год) – например, по монастырским делам, приуроченным, может быть, к церковным праздникам».⁵ Кроме того, Вал. В. Полосин, получив возможность бегло просмотреть микрофильм ватиканской рукописи Vat. ar. 468, обнаружил в ней писцовую ошибку, называемую «перескоком через строку» (в данном случае через три строки), что подтверждает копирование ватиканского списка с петербургского [2: 90–91].

Следует отметить, что оказалась опровергнутой выдвинутая им гипотеза о том, что постраничная нумерация каждой библейской книги⁶ арабскими (индийскими) цифрами с последовательным суммированием получавшегося результата была связана «с обчетом рукописи D 226 лицом, решившим снять с нее копию и прикидывавшим предстоящий ему расход бумаги (вероятно, и денег) – и в целом, и по каждому отделу рукописи» [2: 89–90]. В процессе детального кодикологического и текстологического изучения D 226 выяснилось, что для восполнения текста, находившегося на двух утраченных листах в самом начале книги Иисуса Навина,⁷ был использован один лист (л. 118), на оборотной стороне которого заглавие и текст были записаны более убористо и без разделения на столбцы. При этом по-арабски (по-индийски) эта сторона листа (л. 118б) была пропагинирована как ١ (1), лицевая сторона следующего листа (л. 119а) – как ٢ (2) и далее до последней страницы этой книги (л. 133а), обозначенной как ٣٠ (30). Таким образом, вклейка в рукопись л. 118 является *terminus post quem* для арабской постраничной пагинации. В отличие от основной массы листов этой рукописи, изготовленных из восточной бумаги,

³ Точнее, около двух лет и трех месяцев (см. ниже точные датировки колофонов).

⁴ С учетом того, что книга Товита и Новый Завет выполнены другими почерками (явно не Пименом, ср. [2: 82]), получалось, что в среднем он переписывал в день две трети листа: 538 л. (252 + 233 + 53) : 820 дн. ≈ 0,66.

⁵ [2: 79]. Место переписки Пименом библейских книг указано в ряде колофонов (см. ниже).

⁶ Следует отметить, что девять малых пророков оказались пронумерованы вместе; см.: [2: 89].

⁷ На то, что их было именно два, указывает сохранившаяся греческая пагинация в левом верхнем углу лицевой стороны предыдущего и последующего листов: на л. 117 ρκ (120), на л. 119 ρκΓ (123).

ЪВ

Рис. 1а. Бумага *tre lune*
с контрмаркой РВ
(рисунок автора)

для л. 118 была использована европейская бумага с филигранью *tre lune* и контрмаркой РВ (см. рис. 1а–в).⁸ Как известно, бумага *tre lune* производилась в течение продолжительного периода, с XVI по XIX в. включительно; что касается контрмарки, то по доступным альбомам обнаружить ее на образцах бумаги с данной филигранью не удалось. К счастью, в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится полная рукопись православных Четий Минеей на арабском языке из собрания Порфирия Успенского, переписанная на бумаге *tre lune* с контрмаркой РВ и датированная 1849 г. (РНБ, Араб. н. с. 92, т. 1–8).⁹ Таким образом, лист такой бумаги был вклеен в том I D 226 в первой половине

XIX в., когда о подготовке полного списка арабской Библии к копированию не было и речи.¹⁰ Зачем же была произведена данная пагинация? По всей видимости, для того, чтобы предотвратить дальнейшую утрату ее листов, ибо нумерация листов греческими и коптскими цифрами к тому времени была в значительной мере утрачена из-за подравнивания истрепавшихся листов по краям.

Сторонником сравнительно поздней датировки D 226 являлся непревзойденный знаток арабо-христианской рукописной традиции Георг Граф, автор пятитомной «Истории христианской арабской литературы», который был знаком с петербургской рукописью по фотографиям листов из тома 3,¹¹ а также по упоминавшейся выше статье И. Ю. Крачковского. По его мнению, XIII в. как время ее переписки «должен быть полностью исключен», а время ее создания следует определить, исходя из наиболее ранней владельческой приписки, относящейся к 1539 г.¹²

⁸ На выполненной автором этих строк копии контрмарка помещена в том положении, в каком лист вклеен, то есть вверх ногами.

⁹ Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность Екатерине Валентиновне Гусаровой, которая обратила мое внимание на это обстоятельство.

¹⁰ В противном случае об этом было бы известно.

¹¹ Попытки заказать фотографии из томов 1 и 2 этого списка успехом не увенчались, по поводу чего он не скрывал досады; [4: 92].

¹² [4: 92]. Так полагал Г. Граф, опираясь на статью нашего крупнейшего арабиста [1: 476]. На самом деле она восходит к 02.11.1538 г. [3: 53]. Одним из наиболее серьезных аргументов в пользу поздней датировки D 226 является лагуна в три столетия между датами колофонов и самой ранней приписки, тогда как интервал между самими приписками не превышает 41 год [3: 38].

سفر يشوع بن نون
وبالعبارة المصحح
الاصحاح الاول

فكان بعد وفاة موسى عبد الرب كما في الرب يشوع بن نون هام موسى وقال له موسى
 عبيد قد ماتتم فم من هذا الورد انت وجميع الشعب معك ارض التي اعطيت
 بني اسرائيل كل موضع بطه ارضكم كما اعطيه كما كنت موسى اهلون البرية وبيوت
 الجبال والكبد من المراثي كل ارض الخبيثين وفي العرا الكبير التي في وجه مفر من
 الشمس تكون فيكم لا يستطيعت احد انكم كل ايام حياتك كما كنت مع موسى كذلك
 اخوان معك لو احدثك ولو افرقت . انشدت ونايت فانك انت تقسم بالفرقة لهذا
 الشعب ارض التي جعلت تدبارهم بافظها لهم . شفق واقترحت الجحش والعمل
 جميع الضيعة التي اوصالك بها موسى فيك تسيد عهدهم والوسع ليرشد في جميع
 موضع ما تصحح . والاصحاح بعد هذه السنة فيك كنت ارضه الميلا والتم بالارض والقر
 جميع ما كتب به جسد فلح بل يفك وتفتحن بها . فها هو امرتك شفق واقتر
 فخر ولا تشع ان الرب الذهبك معك حيث ما توجهت . فاحر
 يشوع ولادة الشعب وقال لهم جوزوا في وسط العسكر وامرو الشعب
 وقولوا لهم . ههناكم واذا من اجل ان بعد اليوم الثالث تجوزون الورد
 وتدخلون لارض التي يعطيكم الرب الذهب . وينو تدليل وسوا حارة
 سلم منا فالدهم اذكروا القول الذي امركم به موسى عبد الرب قبل ان يرد
 الذهب فم اراكم واعطاكم الورد فسواكم ويخرج وموشيك في كفتك الورد
 التي اعطاكم موسى في قلب الورد . واتا لهم محوروا نسوا ان اهل ارضكم
 ابطالكم روى القوة وقالوا من اجسام . حتى يربح الرب اهل ارضكم
 وينزلوا . ايضا الورد التي يعطيكم الرب الذهب لم ارجعوا اليه ارضكم
 ونكروا الورد التي اعطاكم موسى عبد الرب غير الورد بل باطية سوا
 الشمس . فاجابوا يشوع وقالوا له ما امرنا . من سوا فعلنا . وصوت
 لرسلا لطلان

Рис. 16. Начальный лист книги Иисуса Навина на бумаге tre lune (D 226, т. 1, л. 118).

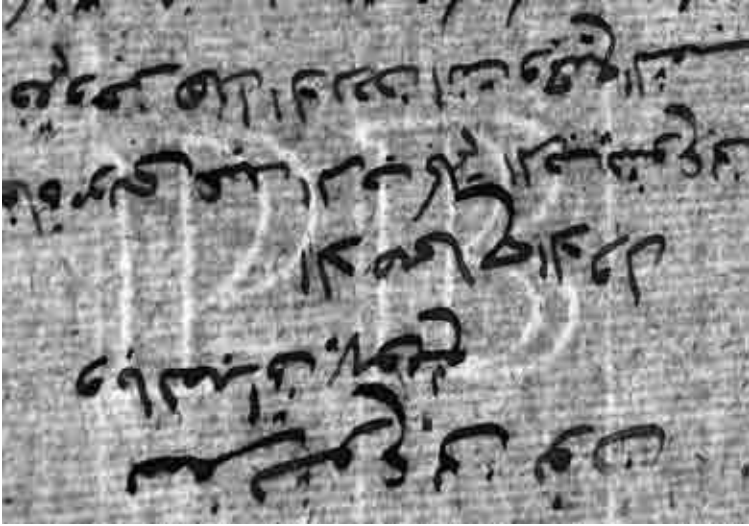

Рис. 1в. Контрмарка РВ на начальном листе книги Иисуса Навина (D 226, т. 1, л. 118: фрагмент).

Следует отметить, что мнения о датировке трехтомной рукописной Библии серединой XIII в. придерживались ее последние хранители-арабы, о чем свидетельствует выполненная карандашом анонимная приписка на л. 046 тома 1.¹³ Однако ее составители не всегда адекватно понимали более ранние приписки, о чем свидетельствует появление в ее тексте крепости Мармартийā вместо родового имени Бар Мартйнā / Мартйнā («Мартыныч»), которое носил заказчик рукописи ‘Йсā (Иисус), сын Мўсы (Моисея), из Триполи [3: 41]. В том, что именно для него были переписаны книги Ветхого и Нового Заветов, не оставляет сомнения содержание двух приписок на л. 576 тома 1, от 02.11.7047 (= 1538) г., на дату которой как на самую раннюю обратил внимание еще Г. Граф [4: 92], и от 27.05.7069 (= 1561) г.¹⁴ Впрочем, древнейшей записью на полях D 226 следует признать выполненную плохим почерком в нижнем левом углу л. 1а тома 1 краткую заметку о взятии османским султаном Селимом I Алеппо 25 августа 1516 г. и о мятеже мамлюкского военачальника Джāн-бирдī ал-Газāлī и его гибели в начале февраля 1521 г.¹⁵ Поскольку она была сделана явно по горячим следам упомя-

¹³ См. ее издание и перевод, в котором «для Афрандия» следует заменить на «для Лаврентия», в: [3: 40–41].

¹⁴ См. их издание и перевод в: [3: 42–45].

¹⁵ Ей планируется посвятить отдельную статью.

Рис. 2. Колофон книги Бытие (D 226, т. 1, л. 33а).

нутых в ней событий, то наиболее вероятное время переписки D 226 приходится на рубеж 20-х гг. XVI в.

Что касается колофонов Пимена Дамасского, то для взвешенного суждения о том, представляют они собой оригиналы или копии, снятые вместе с текстом соответствующих книг с более ранних списков, необходимо тщательно рассмотреть их текст, приводимым ниже с русским переводом.

I. Колофон книги Бытие, основная часть (т. 1, л. 33а.13–16; см. рис. 2):

وكتب الفقير¹⁶ إلى رحمه الله / سابا السيفي / المسمى يومئذ¹⁷ بيمين¹⁸ الدمشقي¹⁹ / والسبح لله دائماً* /

И написал бедняк по милости Божьей Савва Лавриот,²⁰ называвшийся в ту пору Пименом Дамасским. Слава же Богу присно.

Колофон книги Бытие, добавление (т. 1, л. 33а, левое поле напротив стк. 13–16, под 90 ° концом вверх; см. рис. 2):

¹⁶ Без точек под *īā*’.

¹⁷ Без точек под первым *īā*’.

¹⁸ Все слово без диакритических точек.

¹⁹ Без точек над *qāfom*.

²⁰ О заимствованном из греческого термине *saik* «лавра» (ср. σηκόζ) см.: [5: 248].

Рис. 3. Колофон книги Левит (D 226, т. 1, л. 74а)

وذلك السابع²¹ عشر كانون²² الاول / سنة ستالف وسبعماية²³ لتوليد²⁴ العالم /

А это – семнадцатое декабря года шесть тысяч семисотого (так!) от Сотворения мира (67[44] = 1235 г.).²⁵

II. Колофон книги Левит (т. 1, л. 74а, стб. 2.13–19, см. рис. 3):

وكتب الفقير الى رحمة الله / سآبا السيقى بيمين²⁶ / وَالسَّبْحُ لِلَّهِ دَائِمًا *
 / وَعَلَيْنَا رَحْمَتُهُ آمِينَ / * / وذلك يَوْمَ الجمعة الرابع من²⁸ شهر كانون الثانى
 / سنة ستالف وسبعماية²⁹ واربعة واربعمائة³⁰ للعالم³¹ //

²¹ Без точки под *bā*'.

²² Без точки над вторым *nūn*.

²³ Так в оригинале (все эти числительные написаны в одно слово); без точки над *phā*' и под *bā*'.

²⁴ Все слово без диакритических точек.

²⁵ Обе части этого колофона были опубликованы в: [3: 39]. У И. Ю. Крачковского *لتوليد* неверно прочитано как *اربعة اربعين* [1: 476].

²⁶ Без точек под вторым *yā*'.

²⁷ Слово вписано над строкой.

²⁸ Без точки над *nūn*.

²⁹ Так в оригинале (все эти числительные написаны в одно слово).

³⁰ Все слово без диакритических точек.

³¹ Слово вписано над строкой.

Рис. 4. Колофон Пятикнижия (D 226, т. 1, л. 117а)

И написал бедняк по милости Божьей Савва Лавриот – Пимен. Слава же Богу присно, а нам – милость Его. Аминь. А это – пятница, четвертый [день] месяца января года шесть тысяч семьсот сорок четвертого от [Со-творения] мира (=1236 г.).

III. Колофон Пятикнижия (т. 1, л. 117а.12–16, см. рис. 4):

وكتب الفقير الى رحمة الله³² سبأ السقي³³ المسمي انفا بيمين³⁴ الدسفي³⁵ طالب³⁶ المعرفه
 من³⁷ الله مجان وذلك بمدينه دمشق³⁸ / بكنيسه السيده الثا طوقس³⁹ القا تولىكي للاب الروحاني ابا
 لفرنديوس⁴⁰ الانطاكي المقيم على كرسي حنيننا الرسول / احد السبعين وكان على كرسي انطاكيه سيمان

³² Слово вписано над строкой.

³³ Без точек под *yā*’.

³⁴ Без точек под вторым *yā*’.

³⁵ Без точек над *shīn*ом и с одной точкой над *kāf*ом который тем самым превратился в *fā*’.

³⁶ Без точки под *bā*’.

³⁷ Без точки над *nūn*ом.

³⁸ Без точек над *shīn*ом и *kāf*ом.

³⁹ Без точек над *kāf*ом.

⁴⁰ Без точки над *nūn*ом и без точек под *yā*’.

البطريق⁴¹ بن ابو شبويه الشروى وذلك في 42 العشر الاوسط كانون / للثاني 43 سنه
ستالفوسبعماية⁴⁴ اربعة واربعون لابينا ادم الموافق جمادى الأول سنه 45 ثلثه وثلثون⁴⁶ وستمايه⁴⁷
للهجره * / ولله الهادى الي الحقايق البادي بنفع الخلايق⁴⁸ الشكر كما هو له اهل * //

И написал бедняк по милости Божьей Савва Лавриот, называвшийся прежде Пимен Дамасский, ищущий знания у Бога бескорыстно. А это – в городе Дамаске, в соборе Госпожи Богородицы духовного отца Аввы Лаврентия, пребывающего на престоле апостола Анании, одного из семидесяти,⁴⁹ а на престоле антиохийском был патриарх Симеон, сын Абū Шайбы аш-Шаравй.⁵⁰ А это – в среднюю декаду января года шесть тысяч семьсот сорок четвертого от отца нашего Адама (= 1236 г.), соответствующую [месяцу] джумадā первая года шестьсот тридцать третьего по хиджре. А Богу, ведущему верным путем к истинам, являющемуся с пользой для тварей, благодарность, как Он того достоин.

IV. Колофон Пророков, основная часть (т. 2, л. 144a.20–21, см. рис. 5):

وكان⁵¹ فراغ من نسخه يوم⁵² السبت الرابع وعشر من شهر كانون الثاني سنه⁵⁴ ستالفوسبعماية⁵⁵
وحمسه⁵⁶ وأربعين لابينا ادم أبو البشر * / الموافق العشر الاخير حمادي⁵⁷ الأول سنه حمسه⁵⁸ وثلثين
وستمايه للهجره⁵⁹ الحنيفيه * وكتب الفقير⁶⁰ الى رحمة الله بيمين سبابا السيقى /

⁴¹ Без точек под *īā'*.

⁴² Без точки над *ḫā'*.

⁴³ Так, вместо الثاني

⁴⁴ Так в оригинале (все эти числительные написаны в одно слово).

⁴⁵ Без точки над *nūnom*.

⁴⁶ Оба слова без диакритических точек.

⁴⁷ Без точек под *īā'*.

⁴⁸ Без точек под *īā'*.

⁴⁹ Речь идет о благочестивом иудее из числа 70 учеников Христа, который по воле Божьей исцелил наложением рук Савла (будущего апостола Павла) от слепоты (Деян. 9:10–18, 22:12), затем стал первым епископом Дамаска и священномучеником.

⁵⁰ Патриарх Симеон II, предстоятель Антиохийской Церкви с 1206 г. до середины XIII в. (последнее упоминание – 1242 г.). Что касается его *нисбы* (имени относительного, указывающего на происхождение его или его предков), то она, очевидно, восходит к известному со времен раннего средневековья горному району аш-Шарāt, расположенному на территории южной Иордании и северо-запада Саудовской Аравии.

⁵¹ Без точки над *nūnom*.

⁵² Без точек под *īā'*.

⁵³ Без точки над *nūnom*.

⁵⁴ Без точки над *nūnom*.

⁵⁵ Так в оригинале (все эти числительные написаны в одно слово); без точек над *mā'* и с двумя точками над *ḫā'* который тем самым превратился в *ḫāḫ*.

⁵⁶ Без точки над *ḫā'*.

⁵⁷ Без точки под *ḏjīmom*.

⁵⁸ Без точки над *ḫā'*.

⁵⁹ Без точки под *ḏjīmom*.

⁶⁰ Оба слова без диакритических точек.

Рис. 5. Колофон Пророков (D 226, т. 2, л. 144а)

И произошло завершение переписки в субботу четырнадцатого [дня] месяца января года шесть тысяч семьсот сорок пятого от отца нашего Адама, отца рода людского (= 1237 г.), соответствующего последней декаде [месяца] джумāдā первая года шестьсот тридцать пятого по хиджре ханифитской.⁶¹ А написал бедняк по милости Божьей Пимен – Савва Лавриот, ... (см. добавление)

Колофон Пророков, добавление (т. 2, л. 144а, левое поле напротив стк. 18–20, под 90 ° концом вверх; см. рис. 5):

طالب الرحمة مجان فليسامح⁶² / بالغلط فكل انسان يجب الزلل⁶³ / والكمال لله *

...ищущий милости бескорыстно. Пусть будут прощены ему ошибки, ибо всякий человек склонен к грехам, а совершенство – у Бога.

V. Колофон книги Иова (т. 2, л. 158а.17–22, см. рис. 6):

وكتب الفقير⁶⁴ الى رحمة⁶⁵ سآبا الشيقى⁶⁶ المسما انفا بيمين⁶⁷ / الدمشقى وذلك بكنيسه⁶⁸ السيده
القائل ليكى يوم الخميس⁶⁹ / نصف سباط سنة⁷⁰ ستالفو سبعماية⁷¹ واربعة واربعين⁷² / لابينا ادم المواقف
حمامى⁷³ الاخر سنة ثلثة وثلثين⁷⁴ / وستمايه هجرية⁷⁵ * / والسيح لله دايماً وعلينا رحمته امين *

⁶¹ То есть мусульманской. Как известно, пророк Мухаммад считался одним из ханифов, богоискателей в доисламской Аравии.

⁶² Без точек под *īā*’.

⁶³ Оба слова без диакритических точек.

⁶⁴ Без точек под *īā*’.

⁶⁵ Здесь явно пропущено слово *الله*; см.: [3: 39–40].

⁶⁶ Так, с *шйном* вместо *сйна*; без точек под *īā*’.

⁶⁷ Без точек под вторым *īā*’.

⁶⁸ Без точек под *īā*’.

⁶⁹ Без точек под *īā*’ в обоих словах.

⁷⁰ Слово без диакритических точек.

И написал бедняк по милости [Божьей] Савва Лавриот, называвшийся прежде Пимен Дамасский. И это – в соборе Госпожи Богородицы в четверг, в середине февраля года шесть тысяч семьсот сорок четвертого от отца нашего Адама (= 1236 г.),⁷⁶ соответствующего [месяцу] джумадā последняя года шестьсот тридцать третьего по хиджре. Богу же слава присно, а нам – милость Его. Аминь.

VI. Колофон Второй книги Маккавейской (т. 3, л. 136.11–17, см. рис. 7):

إلى هاهنا كان الفراغ⁷⁸ من⁷⁹ السفر⁸⁰ الثاني ولربنا ولالهنا الحمد والمنه على ذلك / كثير⁸¹ دايماً / ونقل من⁸² نسخه كتبت⁸³ بمدينه انطاكيه الرسوليّه⁸⁴ الشرقيه * / بتاريخ سنه⁸⁵ ستة الف وخمسماية⁸⁶ وتلثين⁸⁷ لابينا دم / وكان الفراغ من⁸⁸ هذه النسخه⁸⁹ في⁹⁰ العسر⁹¹ الاوسط من سباط سنه / ستة الف⁹² وسبعماية⁹³ سنه⁹⁴ واربعين لابينا دم / والسبح⁹⁵ لله دايماً وعلينا رحمته أمين /⁹⁶

Здесь была завершена Вторая книга [Маккавейская], а нашему Господу и нашему Богу слава и признательность за это многожды и присно. А она передана со списка, который был написан в апостольском горо-

⁷¹ Так в оригинале (все эти числительные написаны в одно слово); диакритические точки не проставлены.

⁷² Оба слова без диакритических точек.

⁷³ Без точки под *джймом*.

⁷⁴ Все три слова без диакритических точек.

⁷⁵ Слово без диакритических точек.

⁷⁶ 14 февраля 6744 (= 1236) г. как раз пришлось на четверг.

⁷⁷ Этот колофон опубликован в: [3: 40].

⁷⁸ Так, без точки над *гайн*ом.

⁷⁹ Без точки над *нун*ом.

⁸⁰ Без точки над *фа́*'.

⁸¹ Без точек под *йа́*'.

⁸² Без точки над *нун*ом.

⁸³ Слово без диакритических точек.

⁸⁴ Без точек под *йа́*'.

⁸⁵ Слово вставлено под строкой.

⁸⁶ Оба числительных написаны слитно, второе – без точек под *йа́*'.

⁸⁷ Без точек над обоими *са́*' и под *йа́*'.

⁸⁸ Без точки над *нун*ом.

⁸⁹ Без точки над *ха́*'.

⁹⁰ Без точки над *фа́*'; слово вставлено над строкой.

⁹¹ Без точек над *шйн*ом.

⁹² Оба числительных без диакритических точек.

⁹³ Без точки под *ба́*'.

⁹⁴ Без точек над *та́*'.

⁹⁵ Без точки под *ба́*'.

⁹⁶ Текст этой приписки (без перевода) опубликован в: [1: 473–474]

Рис. 6. Колофон книги Иова (D 226, т. 2, л. 158а)

де Антиохии Восточной, будучи датирован годом шесть тысяч пятьсот тридцатым от отца нашего Адама (= 1022 г.). И состоялось завершение этого списка в среднюю декаду февраля года шесть тысяч семьсот сорок шестого от отца нашего Адама (= 1238 г.). Слава же Богу присно, а нам – милость Его. Аминь.

Дефекты в текстах колофонов, прежде всего пропуски ключевых слов, таких как «Бог» или числительные в номере года, ранее отмеченные в колофонах I и V, служат косвенным указанием на их вторичный характер [3: 39–40]. Присутствуют же они практически в каждом колофоне, за исключением, может быть, лишь VI, да и нем слово «год» и предлог *fi* оказались вставлены соответственно под и над строкой. В колофоне I не только числительные для единиц и десятков пропущены, но и сама датировочная формула вписана позже на полях. В колофоны II и III пришлось вставлять слово «Бог», в колофоне V его отсутствие вообще не было замечено,⁹⁷ в колофон IV вставлено имя «Савва», а на полях – его заключительная часть, характеризующая переписчика. Сомнительно, чтобы

⁹⁷ В колофонах III и V пропуск الله после رحمه можно объяснить тем, что رحمه перепутали с رحمته «милость Его».

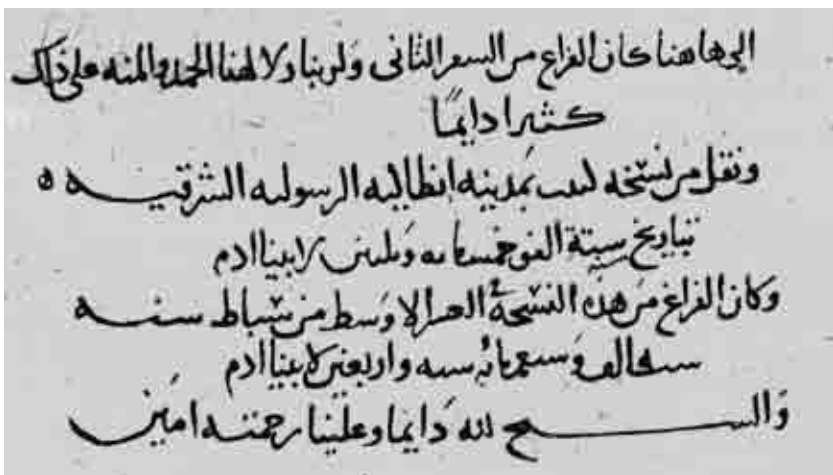

Рис. 7. Колофон Второй книги Маккавейской (D 226, т. 3, л. 136)

Пимен (в монашестве Савва) столь часто проявлял небрежность именно в тех строках, которые непосредственно к нему относились. Другое дело – вторичное копирование.

Кроме того, эти колофоны (в особенности VI) четко указывают, что в основу D 226 были положены выполненные рукой Пимена списки лишь некоторых ветхозаветных книг: Пятикнижия,⁹⁸ Пророков, Иова, Второй Маккавейской, причем копия с переписанных 24.01.1237 г. Пророков была помещена в том 2 перед копией датированной серединой февраля 1236 г. Книги Иова.⁹⁹ Следует признать, что никаких доказательств существования переписанной Пименом в середине XIII в. полной рукописи арабского перевода Ветхого Завета не выявлено.

Литература

1. Крачковский И. Ю. Оригинал ватиканской рукописи арабского перевода Библии // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 6. М.; Л., 1960. С. 472–477.

⁹⁷ В колофонах III и V пропуск الله после رحمه можно объяснить тем, что رحمه перепутали с رحمته «милость Его».

⁹⁸ Наличие в этой части Библии колофонов Пимена также у книг Бытия и Левита может связано с его желанием отметить этапы в работе над списком Пятикнижия.

⁹⁹ И. Ю. Крачковский связывал этот сбой с ошибкой в дате колофона Книги Иова (6744 г. вместо 6745 г.; см.: [1: 476]; Вал. В. Полосин, также обративший внимание на этот феномен, сколь-нибудь убедительного объяснения ему не дал [2: 79].

2. *Полосин Вал. В.* Старейшая рукопись полной Библии на арабском языке (возвращение к давнишней дискуссии) // *Христианский Восток*. Т. 5 (9), 2003–2008. Новая серия. М., 2009. С. 71–91.

3. *Французов С. А.* Приписки к арабской рукописной Библии (D 226) из собрания Института восточных рукописей РАН как исторический источник // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 3: Филология. 2009. Вып. 3 (17). С. 38–57.

4. *Graf G.* Geschichte der christlichen arabischen Literatur. Bd 1: Die Übersetzungen. Città del Vaticano, 1944. (Studi e testi, 118).

5. *Graf G.* Verzeichnis arabischer kirchlicher Termini (Fortsetzung) // *Zeitschrift für Semitistik und verwandte Gebiete*. Bd 8. 1932. S. 235–265.

Концепт художественного оформления Библейского сборника Матфея Десятого*

*канд. искусствоведения
ИРЛИ, БАН
email: pflorentina@mail.ru*

В статье, посвященной художественному убранству Библейского сборника Матфея Десятого, приводятся аргументы, основанные на кодикологическом изучении Сборника, которые подтверждают мнение о Матфее Десятом как авторе программы оформления кодекса и непосредственном ее исполнителе. Проведенные исследования приемов и методов работы над оформлением рукописи показали, что целостное представление о нем у Матфея Десятого сформировалось после завершения работы по переписке текстов. При оформлении рукописи Матфей Десятый использовал богатый арсенал выразительных средств, синтезирующих традиции орнаментирования славяно-византийских книг с современными тенденциями ренессансного искусства.

Ключевые слова: Матфей Десятый, кодикология, орнаментика средневековых рукописей, Супрасльский монастырь, литургические книги.

Библейский сборник Матфея Десятого, как рукописный памятник выдающегося художественного убранства, привлекал внимание многих исследователей. Наиболее точная и полная характеристика декора рукописи представлена в статье А. А. Алексева и О. П. Лихачевой [1], на материалах и выводах которой основывались исследователи книжной культуры Великого Княжества Литовского, касавшиеся темы Супрасльского сборника. Однако до недавнего времени ярко выраженная индивидуальность книжного декора Сборника Матфея Десятого детально не рассматривалась, не была определена идея художественного оформления кодекса, заложенная его создателем.

Между тем само богатство и разнообразие художественного облика Супрасльской рукописи позволяют поставить ряд ключевых вопросов, которые не получили разрешения до настоящего времени. Одним из них является вопрос об авторе многогранного оформления рукописи: им был

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 16-04-00276 «Русская рукописная Библия Матфея Десятого 1507 г. Подготовка издания».

сам Матфей Десятый, переписчик текста, или он привлекал к этой работе мастеров орнаментики, травщиков, миниатюристов. Нерешенной проблемой остается вопрос об этапах сложения кодекса, о последовательности при переписке частей сборника, о том, как и на каком этапе в переписку текста вторгались элементы декора, или же они создавались параллельно. Важной для понимания истоков декора Сборника является проблема использования конкретных образцов в оформлении как кодекса в целом, так и его отдельных частей. Правомерен вопрос и о наличии у создателя рукописи предварительного единого замысла составления и оформления ее.

Обратимся к словам самого Матфея Десятого, оставленным автором в пространной записи, помещенной в конце основного корпуса текстов. В ней Матфей свидетельствует о своем замысле создания книги для вклада на помин души, о начале и завершении своего пятилетнего труда: «Послѣди же прїидохъ въ память, еже не съкрыти таланта от Бога, преданнаго ми, въсхотѣхъ написати своєю ржкою книгоу, И идежъ Богъ въсхощетъ души отъ тѣла разлучитиса, и тоую книгжъ вдати къ тои церкви, идеже будетъ положено мое оубогое тѣло, на память своєї души и своихъ родителей. И Господь Богъ не прѣзрѣ желанїя моего и исплнїи похотѣнїе мое обрѣтохъ бо врѣмя благополоучно на писанїе сеа книги...» (л. 476 об.), «...и начахъ писати сїю книгоу въ Великомѣ Княжествѣ Литовскомъ въ градѣ, нарицаемемъ Вилни... И кончаю за пять лѣтъ отъ нелѣже начахъ писати... И написаша же съ сїа книги... въ лѣто седмь тысячъ пятное на десатъ» (л. 477), «Азь бо отъ оусрѣдїа моего сїе дѣло сътворити въсхотѣхъ и сътворихъ» (л. 477), «Но азъ сїце записываю и придаю церкви Божїи тои идеже Богъ восхочетъ души моеї отъ тела разлучитиса и тело мое оубогое положено быти и дабы и душа моя оубогаа и грешна в тои церкви поминана была в службѣ Божїи за просфирою и души родителей моих...» (л. 477), «А азъ честь есмь отъ своего обѣта еже обѣщахся церкви Божїи послужити, еже ми Господь Богъ поможе и вразоуми. Толико могохъ сътворити по моеї грубости, сїце и съврѣшихъ» (л. 477 об.).

Слова о том, что работа им завершена, как видно из приведенных цитат, Матфей неоднократно повторяет в разных местах записи. В этих повторах можно усмотреть не только свойственный писцовым записям риторический прием, но и нарочитое подчеркивание Матфеем самого факта завершения большой работы. В этом видится возвышенное, эмоциональное состояние человека, отдавшего пять лет своей жизни кропотливому труду написания книги. Согласно записи, переписчик завещал рукопись в Супрасльский монастырь для поминания по себе и своим родителям. Трудно представить, что книга, являющаяся по сути итогом всей

жизни Матфея, его христианской жертвой, не имела к этому времени завершенной оформленности в написании буквиц, инициалов, заголовков, которые предстают не только неотъемлемой частью текста, но и элементами декора.

Об участии других книжников в декорировании книги Матфей ничего не сообщает. Надо полагать, что если бы к оформлению сборника был привлечен кто-либо из искусных мастеров, работавших под властью церковных иерархов или светских правителей, то этот факт Матфея непременно запечатлел бы в выходной записи, ведь имя известного мастера могло бы придать книге еще большую авторитетность. Но Матфей пишет лишь о своем личном «обетном» труде, в котором он ставит точку 21 февраля 1507 года.

Возможно, палеографические особенности кодекса могли бы дать основания полагать, что вместе с Матфеем трудились еще какие-либо помощники. Однако филигранологическое и подчерковедческое исследования, предпринятые А. Е. Жуковым [2; 3], позволяет с достаточной уверенностью считать, что сборник Матфей создавал самостоятельно и последовательно и именно в том порядке, в котором сборник существует в настоящее время. И хотя раздел сборника с богослужебными последованиями на господские и богородичные праздники, который следует в рукописи после основного корпуса текстов (л. 478–550 об.), еще вызывает некоторую неуверенность в атрибуции почерка Матфею Десятому, тем не менее никому из исследователей не удалось в этом разделе найти четкую границу между существующими манерами письма. На нескольких страницах книги можно видеть, как одна манера трансформируется в другую. Наблюдения показывают, что хорошо узнаваемый по библейскому своду изысканный каллиграфический почерк Матфея Десятого формируется из достаточно простого писцового почерка. Здесь он постепенно обретает все больше характерных черт: тонкость и вытянутость линий, плотность в написании букв в словах, использование лигатурных приемов и др. Обособленность этого раздела можно наблюдать и в оформлении: оно самое скромное во всем кодексе. Закономерно поставить вопрос: не является ли письмо этого раздела первоначальным опытом Матфея Десятого, в котором он находит свой стиль письма, вырабатывает свой особый почерк для написания библейского свода.

Обратимся к оформлению основного корпуса книги. Весь текст рукописи написан в одну колонку и выровнен по левому краю, то есть отсутствует красная строка, нет специально отведенных мест для написания орнаментированных инициалов. Этот прием позволял писцу ограничиться небольшими киноварными буквицами, разместив их слева

от столбца текста. Подобное оформление текста характерно для рукописей конца XV – начала XVI в., в частности, для письма Геннадиевской Библии. Однако, в отличие от скромного декора Геннадиевской Библии, рукопись Матфея Десятого изобилует разнообразными орнаментальными формами. В ней имеется 250 больших полихромных инициалов, 19 цветных заставок, множество малых киноварных инициалов с орнаментальными отростками, золотые и синие буквы, разнообразные маргинальные знаки на полях.

Следует заметить, что в 12 случаях Матфей все же подготовил место для крупных инициалов. Четыре из них маркируют тексты отдельных притчей Соломона, два находятся в разделе предисловий к Псалтири (Слово Евсевия о псалмах и молитва из чина перед чтением Псалтири), следующие три относятся к Евангелию (Предисловие Феофилакта Болгарского к Евангелию от Матфея, начало Евангелия от Матфея и начало Евангелия от Марка), еще два – в начале Деяний апостолов и Послания к Тимофею. Последний инициал, вписанный в текст, находится в начале авторской записи Матфея Десятого. Декорирование текстовых начал Евангелий и Апостола отражают устойчивую традицию оформления литургических книг большими инициалами. Другие примеры, возможно, связаны с конкретными списками текстов, с которыми работал Матфей, или с особым намерением писца выделить то или иное начало раздела. Однако и в этих случаях инициалы, как правило, не вписываются в отведенные места, а большей частью оказываются на поле листа слева от текста.

Уже при беглом взгляде на кодекс Матфея Десятого заметна разноразмерность инициалов, как полихромных, так и киноварных. Инициалы отличаются своими размерами, даже находясь на одном листе. Они по-разному размещены относительно строк текста. В этом отношении наиболее показательна Псалтирь, в которой содержится самое большое число – 157 – полихромных инициалов. Часть из них вписана между колонкой текста и столбцом с номерами псалмов на полях. Иногда инициалы буквально втиснуты в это пространство. В тех случаях, когда инициал оказывался слишком велик, он писался поверх уже имевшейся на поле киноварной надписи с номером псалма. Отмечены случаи, когда мешавший киноварный текст забеливался и выписывался вновь слева от инициала. При таком переносе маргиналий нарушалась первоначально заданная организация текста на листе (рис. 1). Отметим, что новые маргинальные номера псалмов выполнены почерком Матфея Десятого, что подтверждает наше мнение о его непосредственном участии в декорировании рукописи, а также о том, что декор осуществлялся уже после написания текста.

Подобным образом Матфей вставлял и заставки. Большинство заставок размещены очень близко к тексту, нередко они закрывают надстрочные знаки в заголовках, а отдельные элементы буквально наползают на строки. Например, заставка к Евангелию от Матфея заполняет все свободное пространство между концом предыдущего текста, записанного воронкой, и киноварным заголовком (рис. 2). Такие приемы не характерны для славянской рукописной традиции. Судя по всему, у Матфея Десятого не было четких представлений о том, как в итоге будут выглядеть декоративные элементы, когда он переписывал текст и отводил места для заставок.

Очевидное несоответствие форматов полихромных декоративных элементов общей схеме организации текстового пространства можно наблюдать во всех частях кодекса. По всей видимости, оформление шло не последовательно книга за книгой, а параллельно в разных ее частях, через подбор и распределение готовых орнаментальных форм, имевшихся в распоряжении декоратора. В нашей статье о художественном оформлении Сборника Матфея Десятого [7: 194–195] было высказано предположение об использовании мастером набора готовых образцов. На это указывал широкий круг источников книжной орнаментики, послуживших образцами для рукописи Матфея. Среди них назовем зооморфные и антропоморфные инициалы, известные по Остромирову Евангелию, по роскошным московским Евангелиям XV века и Псалтири из собрания Фадеева; плетеный орнамент славянских рукописей; западноевропейский позднеготический и ренессансный орнамент; ренессансный растительный орнамент; неовизантийские орнаментальные формы.

Многообразие стилистически разнородных элементов, восходящих к различным по времени и месту создания кодексам, которые Матфей Десятый свободно использует в своем сборнике, свидетельствует о богатой подборке образцов, которой располагал писец. Она, надо полагать, была подобна тем, которые собирали профессиональные писцы-орнаментальщики и иконописцы. Для русской традиции мы можем наблюдать это явление только опосредованно в самих кодексах, декорированных с помощью образцов [5; 6]. В западноевропейской традиции сохранились специальные книги образцов, среди которых наиболее известна рукопись конца XV в. Стефана Шрайбера из Баварской государственной библиотеки (*Spätgotisches Musterbuch des Stephan Schriber. Urach, 1494. BSB, Cod. icon. 420*). Представленные в ней образцы инициалов и бордюров являются типичными для западноевропейского книгописного искусства конца XV в. Важно отметить, что нам удалось установить в стилистике и в отдельных элементах образцов из книги Шрайбера соответствие

в декоративных элементах кодекса Матфея Десятого. Например, группа инициалов Р, П, Е, Б и Х (рис. 3а, б, в, г) с мотивами тонких ветвей с листьями и цветами в Псалтири Сборника Матфея Десятого восходит к позднеготическому типу инициалов, помещенных в Книге образцов Шрайбера (л. 4, 14; рис. 3д, е). При этом композиция и стилистика инициала Р с сидящей на цветке сорокой (л. 196) (рис. 3г) близка изображениям птиц в Книге образцов (внутренняя сторона верхней крышки переплета, л. 3, 12, 13). Подобные параллели можно видеть и в крупных инициалах с орнаментальными отростками, занимающими свободное поле листа в виде стилизованных широколиственных трав с завитками и золотыми круглыми плодами с усиками.

В рукописи Матфея Десятого имеются и более явные следы образцов-моделей. В разных частях сборника можно наблюдать использование одних и тех же моделей для инициалов. Так, в рукописи имеется три пары графически и стилистически близких инициала С. Первая пара помещается на л. 180 об. (Псалтирь) и на л. 379 об. (Апостол) (рис. 4а, б). Другая пара близких инициалов С на л. 3 (Книги пророков) и 304 об. (Апостол) (рис. 4в, г). Третья – на л. 158 об. (Книга Иисуса Сираха) и на л. 354 об. (Апостол) (рис. 4д, е). В Апостоле повторены литеры П ренессансного стиля на л. 331 об. и л. 389 об. (рис. 5а, б) и литеры П, стиль которых опирается на западноевропейские позднеготические инициалы на л. 197 и л. 364 (рис. 5в, г). Близки по стилистике и приемам литеры В в Пророчестве Аггея на л. 23 об., в Премудрости Иисуса Сираха на л. 163, в Псалтири на л. 205 и 213 и литеры Б на л. 199 (рис. 5д, е, ж, з, и). Во всех «параллельных» инициалах использована одна и та же схема рисунка, но сами инициалы не идентичны: они различаются отдельными дополнительными элементами и цветовым решением.

Орнаментальные композиции заставок имели в своей основе, по-видимому, так же, как и инициалы, конкретные образцы. Схемы неовизантийских заставок, использованных в Сборнике Матфея Десятого, имеют аналоги во множестве рукописей византийского ареала, в том числе в Остромировом Евангелии и в русских рукописях XV–XVI вв. Заставки растительного орнамента в рукописи Матфея очевидно ориентированы на западноевропейские образцы. При этом их исполнение оказывается ближе не к литургическим книгам эпохи Возрождения, отличающимся орнаментальной виртуозностью, а скорее к рукописям гуманистического содержания, в которых и текст и оформление выполнял один человек. Ярким примером такого подхода, удивительно близким и по рисунку и по манере исполнения Сборнику Матфея Десятого, является венецианская рукопись первой половины XV в. «Риторика для Геренния» Псев-

до-Цицерона, хранящаяся в Британской библиотеке (BL, Arundel 271, f. 3). Бордюр, расположенный в рукописи по левому полю листа, если его развернуть горизонтально, мог бы вполне служить одной из заставок Библейского сборника Матфея Десятого (рис. ба, б, в, г). В целом же страница рукописи Псевдо-Цицерона представляет собой готовый образец композиции с большим инициалом, от которого в двух направлениях отходят орнаментальные отростки (рис. 7). Именно таким образом Матфей формирует подобные композиции в своей рукописи (см. рис. 2). Близость этих двух рукописей, несмотря на большой временной и географический разрыв, исключающий возможность знакомства Матфея Десятого с рукописью Псевдо-Цицерона, может быть объяснена тем, что оба писца, не являясь художниками-орнаменталистами, пользовались общими готовыми образцами.

В Сборнике Матфея Десятого находятся прямые свидетельства использования готовых образцов. Обратимся к заставкам растительного орнамента. В двух из них сохранились следы первоначального контура, по-видимому, предварительно нанесенного путем плоской печати. В другой заставке на л. 242 (начало Евангелия от Марка) просматриваются не обведенные кистью элементы орнамента, а заставка на л. 478 (начало службы Благовещению) представляет собой слабый контур, полученный также путем оттиска, без разделки красками (см. рис. бг). При работе с красками Матфей Десятый не всегда полностью следовал рисунку, заданному прорисью, и следы первоначального отпечатавшегося контура видны в следующих инициалах: Б (л. 30), В (л. 32), И (л. 61), Г (л. 90), Б (л. 108), Ч (л. 122), Б (л. 138), Г (л. 141), В (л. 146 об.) и др.

Без сомнения, большая часть орнаментальных элементов все же нарисована от руки, и под красочным слоем проступает предварительный рисунок, выполненный тонкой кистью. Рисунок, как правило, имеет характер наброска, скетча, линии его неровные. Иногда, особенно в заставках растительного орнамента, возникают прерывистые и двойные «выравнивающие» линии рисунка.

В создании многокрасочного облика рукописи Матфей Десятый использует один и тот же набор красок для написания текстов и для оформления орнаментики, применяя разные способы нанесения. Зеленая (травяная), бордовая (малиновая), синяя краска и охра наносились или тонким прозрачным слоем, или в несколько слоев для придания плотности тону. Отдельные пигменты использовались в смеси с белилами. Зеленая краска, смешанная с белилами, создавала более холодный и светлый тон, меняя колорит всей орнаментальной композиции. Для нанесения пробелов использовались белила как в чистом виде, так и с добавлением красок.

В настоящее время в некоторых инициалах частично осыпался красочный слой (особенно нестойкой оказалась синяя краска), отчего оказалась утрачена их первоначальная яркость. Золото в рукописи используется в двух видах. Более плотной смесью твореного золота с клеем писался текст, в полихромных инициалах и заставках обводка киноварного контура наносилась разбавленной краской (рис. 8а, б, в, г, д, е, ж, з, и).

В способах нанесения рисунков орнаментики и их красочной разработки в Сборнике Матфея Десятого есть свои закономерности. Постепенные изменения в технике рисунка на протяжении всего кодекса, на наш взгляд, отражают этапы работы над книгой, при этом характер этих изменений связан с содержанием разделов библейского Сборника.

Рассмотрим изменения творческой манеры писца последовательно по блокам, на которые можно разделить кодекс Матфея Десятого, исходя из его состава и характера оформления.

Первый блок – корпус ветхозаветных книг от книги Пророков до Премудрости Иуса Сирахова. Здесь текст написан чернилами, в заголовках и буквицах использована киноварь. В этом блоке имеется лишь одна заставка растительного орнамента, которой открывается пророчество Иосиево (см. [2: рис. 1]), и 36 полихромных инициалов, маркирующих начала ветхозаветных книг. Рисунок инициалов имеет контур, выполненный коричневой краской, а в 14 инициалах можно увидеть следы оттиска или предварительного карандашного рисунка. Начиная с л. 152 об. и до конца рукописи все контуры инициалов нарисованы киноварью. Из всех библейских книг эта часть сборника оформлена наиболее скромно. Широкие поля рукописи оживляют многочисленные отсылки и уставные ремарки, выписанные со всех сторон от текста, как по горизонтали, так и по вертикали. Особенно изобилует маргиналиями текст Пророчества Исайи.

Второй блок рукописи составляет Псалтирь. Все тексты Служебной Псалтири в соответствии с рукописной традицией разделены на синтагмы киноварной точкой, на полях киноварью выписаны номера псалмов, кафизм, зачал. Псалтирь заметно выделяется среди книг Сборника обилием полихромных украшений. Она открывается выходной страничной миниатюрой, заставкой неовизантийского стиля и цветными инициалами, образующими собой орнаментальный бордюр (рис. 9, 10). На 49 листов Псалтири приходится 157 полихромных инициалов, что составляет более половины от общего числа инициалов Сборника. В Псалтыри несколько инициалов поверх киноварного контура обведены золотой краской. Золото использовано также в заставке и в миниатюре. Псалтирь из Сборника Матфея Десятого может быть сопоставима по роскоши и своеобразию оформления с такими уникальными кодексами, как, например, Псалтирь

из собр. Фадеева (РГБ, ф. 312, № 1) или Буслаевская Псалтирь (РГБ, ф. 304/1, № 308).

Третья часть Сборника – Евангелие и Апокалипсис. В оформлении Евангелия обнаруживается стройная продуманная система. Основное внимание Матфей Десятый уделил текстам четырех Евангелий, в написании которых, помимо чернил, он использовал золото, киноварь и синюю краску. Золотом написаны цитаты из Ветхого Завета, прямая речь (слова и поучения) Иисуса Христа, синей краской – вводные слова перед прямой речью, киноварью – заголовки и уставные ремарки, чернилами – основное повествование (рис. 11). Особым образом написаны заголовки Евангелий: в Евангелии от Матфея (л. 221) заголовок выполнен киноварью с элементами вязи; заголовок Евангелия от Марка (л. 242) – синей краской, почерком, стилизованным под латинские письмо (см. рис. 6в); в заголовке Евангелия от Луки (л. 255) буквы, чередуясь, пишутся синей и золотой красками, а над славянским текстом киноварью надписан заголовок по-гречески (см. рис. 6 д); в заголовке Евангелия от Иоанна (л. 275 об.) чередуются киноварные, золотые, синие и черные буквы. Игра синим и красным цветом применена в заголовке к главам Евангелия от Марка (л. 241), синим и черным – к главам Евангелия от Луки (л. 254). Золотом обведены контуры восьми инициалов и двух заставок. Посредством декора и красок Матфей организует пространство книги, визуальное и функционально напоминающее музыкальную партитуру, в которой согласуются зрительный и интонационный ряды. Текст Евангелий, в зависимости от типа изложения (повествование, прямая речь, ремарки и пр.), делается «звучащим на разные голоса» посредством чередования цвета текста. Своеобразным контрапунктом выстраиваются многочисленные маргиналии на полях, а части этого «произведения» маркируются различным образом выписанными заголовками и красочными орнаментальными формами – заставками и инициалами.

Несколько особняком стоит следующий за Евангелием Апокалипсис, в котором возвращается принцип строго оформления ветхозаветных книг.

В четвертом блоке Сборника – Апостоле – поддерживается идея написания текстов разными цветами. Помимо чернил и киновари здесь используется золото в цитатах из книг Ветхого Завета и синяя краска в подводящих к ним словах. Примечательно, что в текстах, написанных золотым, малые инициалы выполнены синей краской, иногда с золотой разделкой. В заглавии к Посланию апостола Павла к евреям использован прием чередования букв разных цветов, как в Евангелии, но в иной комбинации: киноварь и синий цвет (л. 395). Существенно обогащают пространство Апостола тринадцать полихромных заставок и 44 инициала,

большинство из которых имеет обводку золотом. В этой части кодекса, как и в предыдущих книгах, разработана система маргиналий со своими художественными формами (рис. 12)

Пятая часть Сборника Матфея Десятого включает церковный Устав и богослужебные праздничные последования. Этот блок занимает последнюю часть рукописи (с л. 403). Здесь нет полноцветных инициалов и заставок, но строгое оформление текста изобилует мелкими деталями. Более 100 киноварных буквиц и малых инициалов с неповторяющейся орнаментикой создают особый ритм, визуально оживляя текст. Наряду с киноварью в написании заголовков, некоторых инициалов и отдельных фрагментов текста используется синяя и золотая краски. Идея выделения цветом определенных участков текстов реализована в праздничных богослужебных последованиях: киноварью написаны ирмосы канонов, а ирмосы канонов, исполняемые на пасхальной службе, написаны поочередно светло зеленой и синей красками, в соответствии с авторством творцов канонов Феофана и Иосифа. Аналогичным способом переданы тексты ирмосов двух канонов Пятидесятнице – киноварью и синей краской. В конце рукописи помещена служба Богородицы Акафиста (суббота пятой недели Великого поста).¹ Матфей в этой службе использовал еще один прием игры разными цветами: слово «радуйся» (хайретизм), многократно повторяющееся в песнях канонов, кондаках и икосах, записано поочередно красными, синими и золотыми чернилами. Золотом же написан текст 13-го кондака «О, всепѣтая мати...» (рис. 13). Подчеркнутое внимание к оформлению службы Акафиста или Похвалы Богородицы было вызвано восприятием этого праздника, как одного из самых торжественных богослужений Православной Церкви. Раздел со службами господским и богородичным праздникам в Сборнике Матфея Десятого, в отличие от традиционного календарного последования, начинается службой Благовещения, а завершается службой Богородицы Акафиста.² Эти праздники имеют общие исторические корни и сохраняют образную и текстуальную связь. В том, как расположены службы этим праздникам в Сборнике Матфея Десятого, видится нарочитость, обу-

¹ При переплете рукописи в XIX в. в конце листы со службой были перепутаны, правильный порядок службы таков: л. 545 об., 546–546 об., 547–547 об., 543–543 об., 549–549 об.

² После Благовещения следуют господские праздники от Рождества до Преображения, их продолжает триодная часть от Лазаревой субботы до Пятидесятницы и далее идут службы праздниками Успения, Рождества Богородицы, Воздвижения и Введения Богородицы во храм. В настоящее время остается открытым вопрос какое место в богослужебном блоке рукописи мог занимать лист рукописи, содержащий начало Великого канона Андрея Критского. При переплете рукописи XIX в. он был вклеен в конец книги.

словленная посвящением книги Супрасльскому монастырю, в котором Благословение являлось главным престольным праздником.

В системе оформления Библиейского сборника, включающей многоцветность текстов, вариативность типов письма в заголовках, полистилистику в орнаментике и др., Матфей Десятый определенно преследовал не только эстетическую цель. Не менее важно для него было передать литургическую сущность запечатленных в книге текстов. В этом отношении нам близка позиция Н. Н. Розова, отмечавшего, что «уже древнейшие из сохранившихся русских литургических книг свидетельствуют о том, что почти каждая из них была задумана и воспринята как произведение, возникшее в результате синтеза словесного, изобразительного, а в отдельных случаях и музыкального искусства» [8: 429–430]. Н. Н. Розов особо подчеркивал специфику восприятия текстов Священного Писания непосредственно профессионалами-книгописцами, которые, безусловно, обладали слуховым опытом восприятия *звучащих* за богослужением текстов, а многие из них, бывшие в чине дьякона, и исполнительским. Литургическое восприятие текстов находило отражение в иерархическом принципе распределения элементов при оформлении книги. Этот подход в осмыслении Библиейского сборника Матфея Десятого вполне уместен, если учесть познания Матфея в области церковно-певческого дела, которые наглядно проявились в последовательном использовании Матфеем музыкальных знаков из словаря экфонетической и знаменной нотаций в качестве маргинальных знаков к текстам Евангелия и Апостола [7: 195–208].

Ориентируясь на славянскую традицию оформления ветхо- и новозаветных библиейских книг при создании собственного кодекса, Матфей Десятый унаследовал идею литургичности текстов Священного Писания. Сложность задачи, стоявшая перед Матфеем, в оформлении не одной книги, а целого комплекса, требовала осмысления всей композиции. В книге, как разворачивающемся во времени художественном произведении, содержание раскрывается постепенно и проходит стадии от экспонирования материала, его развития и кульминации до завершения.³ Этому принципу следует и логика построения кодекса Матфея Десятого: от Ветхого к Новому Завету и, в завершении, к гимнографии. Этот принцип полностью выдержан в художественном оформлении: от орнаментированных инициалов, маркирующих разделы ветхозаветных текстов, к кульмина-

³ Весьма убедительное сравнение принципов оформления лицевой книги с композицией музыкального произведения предложил Б. П. Журавский в своем исследовании, посвященном лицевому списку «Повести о Зосиме и Савватии Соловецких» (ГИМ, собр. Вахромеева, 71) [4].

ционной точке – Псалтыри. В Псалтыри гимничность текстов псалмов вступает во взаимодействие с многокрасочным убранством. В большой сложной по составу миниатюре (см. рис. 9), которой Псалтырь открывается, привлекают внимание яркие, очень динамичные изображения групп танцующих, поющих и играющих на музыкальных инструментах людей. Эти изображения, иллюстрирующие Пс. 105,⁴ визуально и эмоционально вводят читателя в иное состояние, нежели предыдущие тексты ветхозаветных книг, а «звучание» текстов самих псалмов в соединении с цветовой насыщенностью орнаментики фактически создают образ всего кодекса – яркий, празднично-торжественный. Так Псалтырь, с ее исключительной ролью в христианском богослужении, осуществляет переход от Ветхого к Новому Завету. В Евангелиях и Апостоле Матфей Десятый существенно расширяет арсенал художественных средств, расцветивая текст в соответствии с христианской символикой цвета. Частая смена цветовых рядов текста и орнаментального декора, подчеркивающего дробность строения книг, учащают ритм книги, наполняя ее событиями. Уставно-богослужбная часть в композиции книги выполняет функцию завершения, и декор в этой части ограничивается «малыми формами».

Подведем некоторые итоги наших наблюдений.

С полным основанием можно считать Матфея Десятого единоличным создателем библейского кодекса. В нем Матфей выступил и составителем, и переписчиком и декоратором. Не вызывает сомнения, что художественное оформление Сборника Матфея Десятого является осуществлением его собственного замысла, который, вероятно, складывался постепенно. Декорирование рукописи осуществлялось после переписки текстов. При этом процесс декорирования мог осуществляться параллельно во всех книгах. В своем замысле Матфей Десятый опирался на церковнославянские книжные традиции, при этом был очень свободен в выборе выразительных средств. Полистилистика орнаментики присуща всему кодексу, вне зависимости от содержания и структуры книг, и выполняет организующую и объединяющую функцию.

Библейский сборник Матфея Десятого являет собой уникальный образец древнерусской книжности, сочетающий стройную архитеконику, опирающуюся на сакральную иерархию книг священного писания, и исключительную творческую свободу художественного выражения.

⁴ «Хвалите Бога во святых его, хвалите его во утверждении силы его; хвалите его в силах его, хвалите его по множеству величества его; хвалите его во гласе трубнем, хвалите его во псалтыри и гуслех; хвалите его в тимпане и лице, хвалите его во струнах и органе; хвалите его в кимвалех доброголасных, хвалите его в кимвалех восклицания. Всякое дыхание да хвалит Господа».

Литература

1. *Алексеев А. А., Лихачева О. П.* Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 54–88.
2. *Жуков А. Е.* Были ли у Матфея Десятого ученики? К характеристике письма Супрасльского сборника 1507 г. // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. СПб., 2017. С. 149–157.
3. *Жуков А. Е.* Водяные знаки Супрасльского сборника 1507 года: Предварительные наблюдения // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX Междунар. науч. конф. М., 2017. С. 138–140.
4. *Журавский Б. П.* О системе организации рукописного кодекса повести о Зосиме и Савватии // Повесть о Зосиме и Савватии: Факс. воспроизв. Т. 2. М., 1986. С. 158–175.
5. *Маркелов Г. В.* Книгописный подлинник Строгановых 1604 г. // ТОДРЛ. Т. 54. СПб., 2003. С. 684–899.
6. *Маркелов Г. В.* Налепные образцы в традиционном книгописании // ТОДРЛ. Т. 53. СПб., 2003. С. 264–288.
7. *Панченко Ф. В.* «Еже не скрыти таланта от Бога преданного ми»: Материалы к творческому портрету Матфея Десятого // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 2. М., 2015. С. 171–208.
8. *Розов Н. Н.* Об особенностях художественного оформления литургических и певческих рукописных книг // ТОДРЛ. Т. 38. Л., 1985. С. 424–433.

Указатель Матфея Десятого «От пророчеств пословицы» и его русские источники*

д-р филол. наук

МГУ

email: vasilykalugin@mail.ru

Указатель Матфея Десятого заключает в себе результаты его текстологических и лексикографических наблюдений над списками Толковых Пророчеств. Матфей Десятый привел в указателе наиболее значимые, с его точки зрения, разночтения, включая даже несомненные ошибки. Он перенес туда и многие маргиналии, стоящие на полях в других рукописях Толковых Пророчеств. Матфей Десятый использовал в качестве основного списка не южнославянскую (сербскую), а русскую (скорее всего, новгородскую) рукопись не ранее конца XV в. Она восходила через общий восточнославянский протограф к Толковым Пророчествам 1047 г. Упыря Лихого.

Ключевые слова: Библейские книги в списке Матфея Десятого, Толковые Пророчества, рукописные источники, протограф, антиграф, список, разночтения, глоссы, указатель-словарь.

По мнению П. А. Лаврова, в библейском сборнике Матфея Десятого перевод Толковых пророчеств (далее – ТП) «тот же, что и в рукописи с записью Упыря Лихого (1047 г.)» [7: 104]. В отличие от этого А. А. Алексеев полагает, что у Матфея Десятого текст Пророков «не восходит к протографу Упыря Лихого» [1: 201], а, «как кажется, представляет собою промежуточную форму между южнославянской и восточнославянской ветвями» [1: 165]. В доказательство приводится тот факт, что «южнославянский список РНБ, F.I.3, а также сербский список XVI в. Хлудова 1 и сборник 1502–1507 гг. Матфея Десятого (восточнославянская копия с сербского оригинала) содержит начало Книги пророка Иеремии (1:1–2:12), отсутствующее в других рукописях Толковых пророков. Создается впечатление, что этот пассаж относится к числу четых мифодиевских переводов...» [1: 165].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Русская рукописная Библия Матфея Десятого 1507 г. Подготовка издания» (проект № 16-04-00276).

Теоретические рассуждения так и остаются в области теории, пока не подтверждаются конкретными доказательствами, извлекаемыми из источников. Они же свидетельствуют о том, что рукопись F.I.3 с пермскими глоссами не южно-, а восточнославянская с сильно болгаризированной орфографией. Она была переписана в первой четверти XVI в. с русского оригинала книжником из Литовской Руси. Там она бытовала и переписывалась в дальнейшем [5: 104–107; 6: 46–72]. По мнению Р. Злагановой, эта книга украинская [8: 40, 41]. Сербская рукопись Хлуд-1 60-х – 80-х гг. XVI в. намного моложе сборника Матфея Десятого и, самое главное, ведет свое происхождение от русского протографа вроде ТП в русском библейском кодексе Рум-28 [5: 107–109]. Матфей Десятый не пользовался ни списком F.I.3, ни рукописью Хлуд-1, ни даже их непосредственными оригиналами.

У Матфея Десятого язык пророческих книг обычного древнерусского извода без сербизмов. И если что выделяется в языке Пророков, так это остатки древней четырехюсовой орфографии (сербское правописание безюсовое) и яркие восточнославянские гиперкорректные формы **плáннѣнькѣ**, дважды аорист **плани** (Сказания Пророчества Амоса и Наума) [Срезн-75: 10, 19]. Оба антирусизма образованы из разговорного **полон**-по образцу, например, пары **холодъ** – **хладъ**, хотя по-южнославянски должно быть **плѣн**-.

У Матфея Десятого Книги пророков обнаруживает прямую зависимость от их русских списков, сохранившихся с последней четверти XV в. Все они восходят через восточнославянский протограф к кодексу 1047 г. Упыря Лихого. От общего предка русские рукописи ТП и список Матфея Десятого унаследовали одинаковые особенности. Очень показательны вторичные изменения текста: ошибки, перестановки и дополнения.

Уже в древнем протографе отрывок Иез. 45:12–25 и вся глава 46 были вставлены в Иез. 48:4. Эту путаницу, вызванную, очевидно, ошибкой переплетчика при подборе листов, знают все без исключения русские списки ТП.¹ Матфей Десятый повторяет ее [Срезн-75: 87–88 об.], так как у него не было источника вроде сербских ТП Хлуд-1, где первоначальный порядок был восстановлен позднее [5: 107].

У Матфея Десятого, как и во многих русских рукописях (ТСЛ-63: 268–268 об.; Син-576: 263–263 об.; Пог-80: 103 об. и др.), опущено по-

¹ В поздней Полной редакции ТП, появившейся в XVII в. [Сол-695/803], первоначальный порядок древнеболгарского перевода восстановлен: Иез. 45 (л. 547 об.–549 об.), Иез. 46 (л. 549 об.–552), Иез. 47 (л. 552–556), Иез. 48:1 – нач. 4 (л. 556–556 об.). Однако далее начинается старая вставка в Иез. 48:4 [Сол-695/803: 556 об.–561 об.].

слесловие 1047 г. Упыря Лихого, но оставлен ономастикон «Пророком имена» [Срезн-75: 123 об.]. В протографе ономастикон находился в самом конце книги, после выходной записи 1047 г. Южнославянским рукописям он неизвестен. Матфей Десятый поместил ономастикон перед указателем «От пророчеств пословицы», собрав вместе лексикографические и текстологические материалы. Во всех русских списках ономастикона имя Ионы приводится с ошибочным толкованием **глоубина** вм. **голоубь**. Конъектуру сделал писец древнего протографа, очевидно, под влиянием рассказа о трехдневном пребывании Ионы во чреве кита. Матфей Десятый повторяет это неудачное исправление вслед за своим русским источником [Срезн-75: 123 об.; 7: 95].

В греческом оригинале древнеболгарского перевода в Иер. отсутствовали первые двадцать четыре главы и часть двадцать пятой (до Иер. 25:15). В среднеболгарском сборнике 70-х гг. XIV в., как и в архетипе памятника, Иер. начинается с 25:15 [F.I.461: 140]. Русские списки Основной редакции, а их меньшинство, также сохраняют первоначальный пропуск до Иер. 25:15. Это геннадиевские списки [Чуд-184; ТСЛ-89; F.I.460], восходящий к Чуд-184 гермогеновский экземпляр [Ег-25] и его старообрядческая копия [Прян-187], а кроме того, иосифо-волоколамская книга [ТСЛ-90], московский кодекс до правки [КБ-9/134], Барс-95, Рог-708, Сол-1132/1242 и др. В подавляющем большинстве восточнославянских рукописей пропуск восполнен, но не весь, а только в маленькой части, да и то с лакунами (Иер. 1:1–8, 11–17, Иер. 2: кон. 1–12).

Это добавление появилось впервые, вероятно, в Московской редакции ТП 1489 г., подготовленной для дьяка Василия Мамырева [МДА-20: 288–289]. Тогда ТП пытались исправить своими силами, без обращения к иноязычным оригиналам. Источником вставки был не «четий мефодиевский перевод», а богослужебный Паримийник, где ветхозаветные книги представлены в отрывках [5: 103]. В Паримийнике главы Иер. 1–2 даны с пропусками: нет Иер. 1:9–10, 18–19, почти всего стиха Иер. 2:1 и более двух третей второй главы (Иер. 2:13–37). Границы этих пропусков приходятся на три разных паримийных чтения. Поэтому и во вставке в ТП главы Иер 1–2 приводятся с точно такими лакунами. У Матфея Десятого этот отрывок полностью совпадает по тексту с русскими списками и вместе с ними отличается в ряде случаев от сербской рукописи [Срезн-75: 90–90 об.; Хлуд-1: 253–254 об.].

Таблица 1. Разночтения во вставке Иер. 1–2 по Паримийнику

Библия Матфея Десятого и восточнославянские ТП	Сербская рукопись Хлуд-1	Списки Паримийника
1. <i>к' неиу гѣа</i> (Иер. 1:4) [Срезн-75: 90; КБ-9/134: 274 об.; МДА-20: 288; Муз-4094: 302 об.; Рум-28: 373а; Син-117: 192; Син-300: 286б; Чуд-182: 273г; F.I.3: 176 об.].	<i>кѣ мнѣ гѣа</i> , л. 253.	<i>кѣ неиоу гѣа</i> [Хлуд-142: 168 об.]; <i>кѣ мнѣ гѣа</i> [Григ-2: 102; Пог-451: 176; Сев-2: 13], греч. πρὸς αὐτὸν λέγων и более распространенное чтение πρὸς με λέγων, соответствующее масоретскому тексту.
2. <i>вѡдрѣлѣвъ азѣ</i> (Иер. 1:12) [Срезн-75: 90; КБ-9/134: 274 об.; МДА-20: 288; Муз-4094: 303; Рум-28: 373а-б; Син-117: 192; Син-300: 286в; Чуд-182: 274а; F.I.3: 176 об.].	<i>вѣдрѣлѣвъ ѣси</i> , л. 253 об.	<i>вѣдрѣлѣвъ</i> [далее <i>ѣ</i> в Сев-2] <i>азѣ</i> [Григ-2: 102; Сев-2: 13; Хлуд-142: 168 об.]; <i>добрѡлѣвъ азѣ</i> [Пог-451: 176], греч. εὐρήγορα ἐγὼ.
3. <i>ѣ рѣ гѣ ко мнѣ. ѡ лицѣ сѣвера</i> (Иер. 1:14) [Срезн-75: 90; КБ-9/134: 274 об.; МДА-20: 288; Муз-4094: 303; Син-117: 192; Син-300: 286в; Чуд-182: 274а; F.I.3: 176 об.].	Пропущено (л. 253 об.) так же, как и в русском списке [Рум-28: 373б].	<i>и рѣ кѣ мнѣ ѡ лица сѣверѣ</i> [Григ-2: 102; Сев-2: 13 об.]. Пропущено [Пог-451: 176; Хлуд-142: 168 об.], так как писец или его предшественник перескочил глазами с одного слова <i>сѣвера</i> (Иер. 1:13) на такое же в следующем стихе.
4. <i>в' сѣни смѣртнѣ. ѣ в' землѣ в' неже не придетъ в' нен мѡжь</i> (Иер. 2:6) [Срезн-75: 90; КБ-9/134: 275; МДА-20: 288 об.; Муз-4094: 303 об.–304; Рум-28: 373в; Син-117: 192 об.; Син-300: 286г; Чуд-182: 274б; F.I.3: 177].	<i>въ сѣни смѣртнѣи въ нѣиже не придетъ мѡжь</i> , л. 254.	<i>в сѣни смѣртнѣи. ѣ в землѣи в неже не придетъ в ѣа мѡжь</i> [Хлуд-142: 169 об.]; <i>въ сѣни смѣртнѣ, ѣ в землѣи в' нѣиже не придетъ мѡжь</i> [Сев-2: 14].

Позднее, в XVI в., один из «литовских» читателей сборника Матфея Десятого обнаружил пропуски в паримийных чтениях и восполнил лакуны.

У Матфея Десятого Книги пророков связаны с южнославянской традицией опосредованно, через русские списки. Так, среднеболгарская рукопись ТП 70-х гг. XIV в. и ее славяно-молдавская копия 1474 г. восполняют киноварью пропуск Иер. 52:1 (добавлено после Иер. 45:1–5, толк.) [F.I.461: 166 об.; Щук-507: 24 об.]. Эту вставку по южнославянскому источнику знают только немногие русские списки ТП конца XV в. и Сборник Матфея Десятого. Замечательно, что и в них Иер. 52:1 также

написан киноварью [Пог-80: 77; Син-576: 215–215 об.; Срезн-75: 100; ТСЛ-63: 326 об.; Чуд-183: 440 об.].

Южно- и восточнославянские ТП расходятся между собой только в указании на возраст последнего иудейского царя Седекии. Иер. 52:1 совпадает с 4Цар. 24:18. Согласно обеим библейским книгам, Седекии был 21 год, когда он воцарился. Этот возраст и называют южнославянские ТП: **сѣциѸ второѡмоу [второѡмоу, Щук-507: 24 об.] лѣтоу. ти ѣдиномоу** [21 год] **седекїинѸ** [F.I.461: 166 об.; Щук-507: 24 об.]. Русские же списки считают иначе: **сѣциѸ ѣдиномоу лѣтоу ти** [синонимичная замена архаизма на **и** в Син-576: 215] **ѣдиномоу на десате** [1 год и 11 лет] **седекїиноу** [Чуд-183: 440 об.; Пог-80: 77; Син-576: 215; Срезн-75: 100; ТСЛ-63: 326 об.]. Особое редкое чтение, отличительный признак немногих русских рукописей, повторяет и Матфей Десятый.

Важно, что в болгаро-молдавских ТП [F.I.461: 166 об.; Щук-507: 24 об.] и русском списке [Чуд-183: 440 об.] есть киноварное восполнение лакуны, но нет многочисленных общих маргиналий (в том числе еврейских глосс конца XV в. [3]), бывших в протографе русских рукописей ТСЛ-63, Син-576 и Пог-80. Поздее Матфей Десятый включил эти маргиналии в небольшой указатель «От пророчеств пословицы» в приложении к Книгам пророков [Срезн-75: 123 об.–124]. Этот ценный источник издал еще П. А. Лавров [7: 96–98]. Однако до сих пор он оставался неизученным: никто не сравнивал его чтений с показаниями других рукописей ТП.

Статья «От пророчеств пословицы» представляет собой любопытный образец древнерусской критики текста. Это первая известная ныне подборка разночтений, составленная древнерусским писцом-редактором. Она заключает в себе результаты его текстологических и лексикографических наблюдений над списками ТП. Матфей Десятый привел в указателе наиболее значимые, с его точки зрения, разночтения, включая даже несомненные ошибки. Он перенес туда и многие маргиналии, стоящие на книжных полях в других рукописях ТП (в некоторых списках глоссы переставлены в текст, но это их вторичное положение). Маргиналии имеют по преимуществу толковый характер. Они объясняют слова и выражения древнего перевода, главным образом устаревшие и малопонятные, а также некоторые библейские реалии. При редактировании Дан. в указатель были включены два чтения из Летописца еллинского и римского Второй редакции [4: 37].

В указателе всего 126 пронумерованных статей. Иногда одинаковыми номерами отмечено от двух до четырех разных примечаний: Ис. № 21 (2), 35 (4), 36 (2), 40 (2), 58 (2); Иез. № 5 (2), 10 (3). Однажды под одним номером (Иер. № 15) помещены две разные статьи (Иер. 31:39 и 40). Система сносок хорошо продумана. В Книгах пророков на полях

указаны номера, относящиеся к комментируемому библейскому тексту. Внутри каждой пророческой книги нумерация отдельная. В указателе под соответствующим номером приводятся объясняемое место и примечание к нему. В словарных статьях двоеточие (иногда с росчерком) указывает на окончание статьи, а точка с запятой означает запятую.

У Матфея Десятого в Книгах пророков толкования («сказы») опущены. С конца XV в. известны русские списки памятника с сокращенными полностью или частично толкованиями. Примечательно, что в указателе некоторые комментарии представляют собой выписки из толкований на Иез., исключенных в основном тексте (Иез. № 10 – третье примечание, № 11, 13–15). Эти выдержки сделал не Матфей Десятый. Он нашел их на полях своего источника и только перенес в указатель. В его распоряжении находилась рукопись с пропущенными, хотя и не везде толкованиями. Так было в общем протографе списков с так называемыми приложениями ТСЛ-63 и Син-576, близких к чтениям Матфея Десятого. В этих рукописях толкования сокращены, но не все: они оставлены, например, начиная с окончания «сказа» после Иер. 27 [Син-576: 189 об.; ТСЛ-63: 233], а извлечений из толкований на полях в них больше, чем у Матфея Десятого.

Ниже, в таблице 2, чтения в указателе Матфея Десятого сравниваются сначала с соответствующими местами в ТСЛ-63 и Син-576, а затем – с показаниями других списков, русских и южнославянских. В примерах курсивом нами выделены правильные чтения. В таблице в правой колонке до тире приводятся извлечения из основного текста у Матфея Десятого, а после тире под кирилловскими номерами – соответствующие комментарии из указателя.

Таблица 2. Разночтения в указателе «От пророчеств пословицы»

ТСЛ-63	Син-576	Матфей Десятый
1. не кланайтѣйсѧ гмѣ живы ^ѡ (Ос. 4:15), л. 3 об.; так [Син-915: 614 об.; Барс-95: 6; ТСЛ-90: 7; МДА-19: 5 об.; ТСЛ-89: 4]; гмѣ живы ^ѡ вѣмъ [Сол-694/802: 7 об.; Арх-Д63: 7; Син-577: 4 об.; Унд-1297: 6; Хлуд-1: 5; Чуд-183: 7]. ²	не кланайтѣ. гмѣ живы ^ѡ , но перед ж сверху приписана л, л. 4; гмѣ живыиѣ, но слева сверху от ж добавлено редактором ѡ [КБ-9/134: 5 об.]; гдѣемъ ѡживымъ [МДА-20: 7]; гмѣ ѡживымъ вѣомъ [ТСЛ-91: 102а]; богѡ живоумъ [Рум-28: 229г].	не кланайтѣса богѡ ѡживы – г живы ^ѡ ; ѡживы; чюжѡ, л. 4 об., 123 об.а.

² В тексте Муз-4094 (л. 5): ѡ не кланайтѣса гмѣ живы^ѡ вѣмъ ѡко. ѡкы ѡница стрѣкъмъ (Ос. 4:15–16) и две маргиналии: ѡ не кланайтѣ ѡживы богѡ ѡко гѡу. ѡкы ѡница стрѣкъмъ и ѡкы гѡ ѡживы вѣо. Почти также в Ув-334 (л. 5 об.), где в тексте: не кланайтѣса гмѣ живы^ѡ вѣмъ (Ос. 4:15) и две глоссы: не кланайтѣ гмѣ ѡживы богѡ ѡко гѡу и ѡкы гѡу ѡживы богѡ.

ТСЛ-63	Син-576	Матфей Десятый
<p>2. Ѡ дрьговѣ ѿго (Иона 3:7), л. 25 об.; так [Син-915: 627; Пог-80: 123]; дрегъвъ [ТСЛ-90: 47; КБ-9/134: 42], но в КБ-9/134 є исправлена на ѿ; дрѿговѣ [Сол-694/802: 51 об.; Арх-Д63: 33 об.; Барс-95: 42; МДА-20: 41; Муз-4094: 39; Ув-334: 38 об.; Унд-1297: 33; Рум-28: 250а; Хлуд-1: 30 об.; Чуд-183: 49 об.].</p>	<p>Ѡ воіарѣ ѿго, л. 24; волѣрь [F.I.461: 207; Щук-507: 63; 8: 187].</p>	<p>Ѡ дрьговѣ (позднее другой рукой сверху между рг была написана ѿ) ѿго – ѿ... Ѡ дрьговѣ ѿго; Ѡ дръгѡвъ ѿ, л. 15 об., 123 об.а.</p>
<p>3. Ѡтрокъ іѡвѣъ, затем исправлено на Ѡтѣѡкъ (Ис. 4:2), л. 69 об.; так же, как до правки [Син-915: 482; Сол-694/802: 123 об.; ТСЛ-90: 111 об.; Унд-1297: 75]; ѡстанокъ и глосса ѡтрокъ [Арх-Д63: 69]; ѡстатокъ и глосса ѡтрокъ [Муз-4094: 99 об.; Ув-334: 96; Син-118: 93 об.]; ѡстанокъ [МДА-20: 99; Сол-1132/1242: 160б; Чуд-183: 123]; ѡстѣтъкъ [Хлуд-1: 79 об.]; ѡстанкъ и ѿзрѣбы [Рум-28: 285а].</p>	<p>ѡтрѡ иіѡвѣъ, л. 61 об.; так [КБ-9/134: 23]; ѡтроки иіѿрайлевы [Барс-95: 100]; ѡтрока іѿѡва [F.I.461: 316 об.; Щук-507: 174].</p>	<p>Ѡтрокъ – іѣ Ѡтрѡкъ; ѡстанокъ, л. 33 об., 123 об.б.</p>
<p>4. заповѣди члѣскаѡ члѣкы и оученіѡ (Ис. 29:13), л. 100; заповѣди члѣскаѡ [маргиналия члѣкы] и ѡченна [Пог-80: 184]; заповѣди члѣкы, и оученіѡ [МДА-20: 134 об.; Арх-Д63: 48; Барс-95: 144 об.; Соф-1321: 337б]; заповѣди члѣкы [редакторская маргиналия члѣкы] и оученіѡ [КБ-9/134: 126]; заповѣди члѣкы и оученіѡ [ТСЛ-90: 161; МДА-19: 118; Муз-4094: 133 об.; Рум-28: 312а; Син-577: 112; Син-915: 493 об.; Сол-694/802: 177; Соф-1321: 298в; ТСЛ-89: 86 об.; Унд-1297: 109 об.; Хлуд-1: 109; Чуд-183: 178].³</p>	<p>заповѣди члѣкаѡ. члѣкы и оученіѡ, л. 82 об.</p>	<p>зѡповѣѣ члѣскаѡ и оученіѡ – лѡ члѣкы; члѣкаѡ, л. 43 об., 124а.</p>

³ В тексте Ув-334 (л. 140) заповѣди члѣкы, и оученіѡ и маргиналия ко второму слову другим, манерным почерком того же времени: члѣкаѡ.

ТСЛ-63	Син-576	Матфей Десятый
<p>5. въѣа ѣзекїа книгы ѿ сьльъ и ѿ ѿврѣзе а [затертая маргиналия и растерѣа а] и ѿ растрѣѣа а – со знаками сноски или сокращения из текста (Ис. 37:14), л. 110; так до и ѿврѣзе а включительно, но дальнейшего нет [ТСЛ-90: 170; Арх-Д63: 130; Барс-95: 148; КБ-9/134: 132; МДА-20: 141; Муз-4094: 146; Син-915: 498; Сол-694/802: 186 об.; Сол-1132/1242: 215а; Соф-1321: 301в, 339в; Ув-334: 147 об.; Унд-1297: 115; Хлуд-1: 120; Чуд-183: 188].</p>	<p>въѣа ѣзекїа книги ѿ посолъ. и растерѣа іа, л. 90; так с различием взятъ [Рум-28: 316в].</p>	<p>въѣа ѣзекїа книгы ѿ сьльъ. и ѿврѣзе а – аъ и ѿврѣзе а; и растрѣѣа а, л. 47, 124а.</p>
<p>6. страны запѣстѣнїемъ запѣстѣнїю пѣстынею (Ис. 60:12), л. 138; страны пѣстынею [маргиналия [з]апѣстѣнїе] опустѣнїю [Пог-80: 92 об.]; так, но без глоссы [ТСЛ-90: 204; Арх-Д63: 122 об.; Барс-95: 179 об.; КБ-9/134: 155 об.; МДА-20: 164 об.; Муз-4094: 181 об.; Рум-28: 328г; Сол-694/802: 225 об.; Сол-1132/1242: 248г; Соф-1321: 309г, 349г; Син-915: 510; Ув-334: 176 об.; Унд-1297: 140; Хлуд-1: 151; Чуд-183: 228 об.; Щук-507: 187].</p>	<p>страны запѣстѣнїе. запѣстѣнїю. пѣстынею, л. 112 об.</p>	<p>страны пѣстынею опустѣнїю – ми пѣстынею; запѣстѣнїе, л. 57 об., 124а.</p>
<p>7. къ црїю мотитскѣ къ црїю сїньскѣ (Иер. 27:3), л. 232; къ црїю моавитскоу. и къ црїю сїновъ амонь. и къ црїю тїрьскоу. и къ црїю сидонскоу [Чуд-183: 411].</p>	<p>ко црїю мотитскѣ, и ко црїю сидонскѣ, л. 188 об.</p>	<p>к' црїю моавитску. і к' црїю сїновъ ам'монь. и к' црїю тїрьску. і к' црїю сидонску – з' мотитскж; моавитскж, л. 91 об., 124г.</p>

Ближе всего чтениям указателя геннадиевская рукопись 90-х гг. XV в. [ТСЛ-63]. В ней наиболее полно представлены маргиналии, переписанные по преимуществу рукой писца. Будучи новгородской по происхождению, она обнаруживает в некоторых случаях связь с Московской редакцией ТП 1489 г., причем эти особые чтения не вошли в Геннадиевскую Библию 1499 г. Меньше совпадений в указателе со списком

Син-576. Так, в первом примере в табл. 2 чтение Ѡ **вогаръ ёго** (Иона 3:7) в Син-576 (л. 24) отражает знакомство с болгаро-молдавскими ТП. Матфей Десятый не знает этого чтения. Ведь он пользовался рукописью вроде ТСЛ-63, где стояла гиперкорректная форма Ѡ **дърговъ** с ложным слоговым плавным на месте **-роу-** (так же и в Пог-80).

Матфей Десятый использовал рукопись ТП, близкую, но не тождественную ТСЛ-63. Она была без переводов из Вульгаты, выполненных в кружке архиепископа Геннадия Новгородского в начале 90-х гг. XV в. Латинских переводов нет в Син-576 и у Матфея Десятого. Да и в саму ТСЛ-63 они, написанные другим почерком, попали в последний момент, перед переплетанием книги (Иер. 1–25, 46–48: нач. 17 и 48:17–52: 3) [ТСЛ-63: 272–301 об., 301 об. – 303 об., 350–358; 8. С. 59–60]. Причем в спешке или по недосмотру переплетчик перепутал листы. Все три источника (ТСЛ-63, Син-576 и рукопись Матфея Десятого) имеют в своей родословной общий протограф и связаны друг с другом не прямо, а через промежуточные близкие списки.

Из материалов указателя ясно видно, что Матфей Десятый работал не с одним источником, а с разными рукописями ТП и сравнивал их. В последнем примере в табл. 2 ошибку **мѡтѣтъскѡ** вм. **мѡавѣтъскѡ** с дальнейшим пропуском нескольких слов знают многие русские рукописи [МДА-20: 290 об.; Барс-95: 331 об.; КБ-9/134: 277; МДА-19: 277; Муз-4094: 308; Рум-28: 369в; Син-915: 531 об.; Сол-694/802: 479–479 об.; Соф-1321: 14а, 41в; ТСЛ-89: 210; Ув-334: 337 об.; Q.1.643: 338], то же самое с позднейшей глоссой **мѡавѣскѡ** [Син-577: 268 об.], дальнейшее искажение **мѡтѣтъскѡ** [ТСЛ-90: 396] и **мѡтѣтъскѡ** [Хлуд-1: 257 об.]. В некоторых списках русских [Сол-1132/1242: 426; Унд-1297: 260]⁴ и болгаро-молдавских [F.1.461: 142; Щук-507: 3] такая же лакуна, но **мѡавѣтъскѡ** передано верно. Матфей Десятый устранил пропуск по другому списку ТП. Им был источник вроде Чуд-183. Здесь стих Иер. 27 приведен полностью и без ошибки, но нет таких маргиналий, как в ТСЛ-63, Син-576 и Пог-80.

Чтобы лучше оценить работу Матфея Десятого с разными списками ТП, надо принять во внимание, что он располагал ограниченным числом ветхозаветных книг. По этой причине многие из них не вошли в его библейский сборник (даже такие известные, как Исх., Нав., Суд., Цар. и т. п.) или представлены в извлечениях из Паримийника (Быт., Иов. и др.).

В статье «От пророчеств пословицы» встречается неправильное соотнесение комментария с объясняемым библейским местом. Впрочем,

⁴ В Арх-Д63 (л. 232), оригинале Унд-1297, по стертой полууставной маргиналии восполнен пропуск в тексте перед **сидонскѡ** скорописью конца XV – начала XVI в.: **къ црѣю мѡавѣскѡ. ѿ къ црѣю.**

это вина не столько Матфея Десятого, сколько его источника. В списках ТП маргиналии далеко не всегда четко привязаны к конкретному слову или выражению, и разобраться в этих связях бывает порой непросто (особенно в трудных контекстах с архаизмами, заимствованиями и библейскими реалиями). И некоторые другие ошибки в указателе идут от его русского источника [3: 18, 21]. Иногда рукопись Матфея Десятого представляет собой следующий шаг в развитии погрешности. У него искажено начало толковой маргиналии к Зах. 9:9: **Дѣ сѣ црѣь твоѣ градѣ** [далее в основном тексте **ти.**] **прѣвнѣи спсала; сѣи глѣть прѣходацимь** [Срезн-75: 28, 123 об.а]. Другие списки дают правильное чтение: **О гѣи глѣ прѣходацимь** [Син-915: 640 об.; МДА-19: 64; Муз-4094: 79 об.; Син-577: 65; ТСЛ-89: 45 об.; Чуд-183: 94 об.; Ув-334: 73]. Очевидно, в оригинале Матфея Десятого был пропущен предлог *о*. Такой пропуск знают некоторые более ранние русские рукописи: **гѣи глѣть прѣходацимь** [ТСЛ-90: 85 об.; Син-576: 49; ТСЛ-63: 54]. Причем в двух последних списках маргиналия перенесена в текст и разрывает стих Зах. 9:9. Затем форма мест. п. ед. ч. имени существительного **гѣи** была переосмыслена в указательное местоимение **сѣи**.

В Вильне Матфей Десятый взял за основу своего труда не южнославянскую, а русскую (скорее всего, новгородскую) рукопись ТП не ранее конца XV в. Среди ее предков были кодекс 1047 г. Упыря Лихого и протограф, общий с генадиевским списком ТСЛ-63 и Син-576. Матфей Десятый, уроженец Торопца, мог получить ТП из Новгорода по своим каналам. Один из его братьев, Нектарий (в миру Никифор), постригся в Хутыньском монастыре под Новгородом и впоследствии стал иеромонахом [Срезн-75: 476 об.]. По месту написания Книги пророков в сборнике Матфея Десятого являются «литовским» списком, но по источникам и языку – это памятник русской письменности, созданный за пределами России.

Сокращения рукописных источников

Арх-Д63 – ТП Особой редакции с дополнением из Вульгаты и комментариев на Дан. 1490-е гг. БАН, Архангельское собр., № Д63.

Барс-95 – ТП Основной редакции. Нач. XVI в. ГИМ, собр. Барсова, № 95.

Григ-2 – Григоровичев (Хиландарский) паримийник. Кон. XII – нач. XIII в. Среднеболг. РГБ, ф. 87, № 2 (М. 1685).

Ег-25 – ТП Основной редакции. 1599/1600 г. РГБ, ф. 98, № 25.

КБ-9/134 – ТП Основной редакции (до правки). 70-е–80-е гг. XV в. РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/134.

МДА-19 – Сборник с ТП (л. 1–340). Кон. XV в. РГБ, ф. 173.1, № 19.

МДА-20 – Лицевые ТП В. Мамырева. 1489 г. РГБ, ф. 173.1, № 20.

Муз-4094 – ТП (толкования опущены). Кон. 80-х – нач. 90-х гг. XV в. РГБ, ф. 178, № 4094.

Пог-80 – ТП. Неполный список (нач. с Иез. 17:19) с сокращенными толкованиями. Кон. XV в. РНБ, собр. Погодина, № 80.

Пог-451 – Паримийник. Нач. XVI в. РНБ, собр. Погодина, № 451.

Прян-187 – Лицевые ТП. 1887–1888 гг. РГБ, ф. 242, № 187.

Рог-708 – ТП Основной редакции. 1-я пол. XVI в. РГБ, ф. 247, № 708.

Рум-28 – Книги Ветхого Завета (до Сир. включительно) с толкованиями на Книги Иова и Пророков (л. 227–413б). Сер. XVI в. РГБ, ф. 256, № 28.

Сев-2 – Ляпуновский паримийник. 1510/11 г. РГБ, ф. 270, раздел 2, № 2 (М. 1439).

Син-117 – ТП с пермскими глоссами (почти все толкования опущены). 2-я четв. XVI в. ГИМ, Синодальное собр., № 117.

Син-118 – ТП. 2-я четв. XVII в. ГИМ, Синодальное собр., № 118.

Син-300 – ТП М. Я. Морозова. Сер. XVI в. (до марта 1556 г. или 1555 – нач. 1556 г.). ГИМ, Синодальное собр., № 300.

Син-576 – Сборник с ТП (л. 1–266 об.) (толкования сокращены, но не везде). Кон. XV – нач. XVI в. ГИМ, Синодальное собр., № 576.

Син-577 – ТП (толкования опущены). 1-я треть XVI в. ГИМ, Синодальное собр., № 577.

Син-915 – Геннадиевская Библия. 1499 г. ГИМ, Синодальное собр., № 915.

Сол-694/802 – ТП Геннадиевской редакции с дополнениями из Вульгаты. 1492 г. РНБ, Соловецкое собр., № 694/802.

Сол-695/803 – ТП. Сер. XVII в. РНБ, Соловецкое собр., № 695/803.

Сол-1132/1242 – ТП с апокрифом Паралипомен Иеремии (л. 84в–91г). 80-е гг. XV в. РНБ, Соловецкое собр., № 1132/1242.

Соф-1321 – Великие Четию Минеи. 30-е гг. XVI в. (не позднее 1541 г.). РНБ, Софийское собр., № 1321.

Срезн-75 – Библия Матфея Десятого (Книги пророков, л. 3–122). 1502–1507 гг. БАН, Срезн. II.75.).

ТСЛ-63 – ТП Геннадиевской редакции с дополнениями из Вульгаты. 90-е гг. XV в. (толкования опущены, но не везде). РГБ, ф. 304.1, № 63.

ТСЛ-89 – ТП Геннадиевской редакции с дополнениями из Вульгаты. 90-е гг. XV в. РГБ, ф. 304.1, № 89.

ТСЛ-90 – ТП Основной редакции. 1488–1489 гг. РГБ, ф. 304.1, № 90.

ТСЛ-91 – Сборник с отрывком Иез. 26:7–36:23, начало толк. (л. 1а–40г) и Книгами малых пророков, кроме Зах. и Мал. (л. 97а–162б). Кон. XV в. РГБ, ф. 304.1, № 91.

Ув-334 – ТП. Кон. XV – нач. XVI в. ГИМ, собр. Уварова, № 334-1^о.

Унд-1297 – ТП Особой редакции с дополнением из Вульгаты и комментариев на Дан. 1-я четв. XVIII в. РГБ, ф. 310, № 1297.

Хлуд-1 – ТП (толкования опущены) и Апокалипсис с комментариями Андрея Кесарийского. 60-е–80-е гг. XVI в. Серб. ГИМ, собр. Хлудова, № 1.

Хлуд-142 – Лобковский паримийник. Кон. XIII – нач. XIV в. (1294–1320 гг.). Среднеболг. ГИМ, собр. Хлудова, № 142.

Чуд-182 – ТП. Кон. XV в. ГИМ, Чудовское собр., № 182.

Чуд-183 – ТП. Кон. XV в. ГИМ, Чудовское собр., № 183.

Чуд-184 – ТП Основной редакции. Нач. 90-х гг. XV в. ГИМ, Чудовское собр., № 184.

Щук-507 – Библейский сборник с ТП. 1474 г. Славяно-молдав. ГИМ, собр. Щукина, № 507.

Ф.1.3 – ТП с пермскими глоссами (почти все толкования опущены). 1-я четв. XVI в. РНБ, Ф.1.3.

Ф.1.460 – ТП Геннадиевской редакции с дополнениями из Вульгаты. 90-е гг. XV в. РНБ, Ф.1.460.

Ф.1.461 – Ветхозаветный сборник с ТП (л. 140–337 об.). 70-е гг. XIV в. (Тырновская Библия). Среднеболг. РНБ, Ф.1.461.

Q.1.643 – ТП. 1506 г. РНБ, Q.1.643.

Литература

1. *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

2. *Арсений, Иларий, иеромонахи.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878.

3. *Калугин В. В.* Еврейские кирилловские глоссы конца XV в. в русских списках Толковых пророчеств и Библии Матфея Десятого // *Palaeoslavica*. 2017. Vol. 25. №1. С. 13–24.

4. *Калугин В. В.* Книги пророков в Библии Матфея Десятого 1502–1507 годов // *Славяноведение*. М., 2017. № 2. С. 26–39.

5. *Калугин В. В.* Толковые пророчества в восточнославянской и сербской письменности XV–XVI веков // *Вестник РГНФ*. М., 2016. № 2. С. 99–115.

6. *Калугин В. В.* Толковые пророчества в Литовской Руси (списки первой половины XVI века с пермскими глоссами) // *Вестник Московского университета*. Сер. 9: Филология. 2016. № 1. С. 46–72.

7. *Лавров П. А.* Библейские книги 1507 года // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. Praha, 1933–1934. Roč. 12. S. 85–112. (С примеч. и послесловием М. Н. Сперанского и Б. М. Ляпунова. На с. 102–104 исследование Д. В. Айналова о художественных особенностях рукописи.)

8. Старобългарският превод на Стария Завет / Под общ. ред. и с въведение от С. Николова. София, 1998. Т. 1: Книга на Дванадесетте пророци с тълкования / Изследване, текст, речници Р. Златанова.

Были ли у Матфея Десятого ученики? К характеристике письма Супрасльского сборника 1507 г.*

канд. ист. наук

БАН

email: artemnovgor@inbox.ru

В статье рассматривается вопрос об особенностях почерка Супрасльского сборника 1507 г., содержащего свод библейских книг, созданных известным книжником Матфеем Десятым. В историографии утвердилось мнение о том, что работа над рукописями велась двумя писцами: самим Матфеем и его учеником. Проанализировав особенности почерка на всем протяжении рукописи, автор пришел к выводу о том, что над манускриптом работал один писец. Это был Матфей Десятый, почерк которого претерпевал некоторые изменения в процессе работы над Сборником. Достаточных оснований для предположения о существовании второго писца нет. Кроме того, автор пришел к выводу о том, что полуустав не был системой письма, привычной для Матфея Десятого. Автографы данного писца следует искать не среди памятников рукописной книжности, а среди документов и делопроизводственных материалов Великого Княжества Литовского.

Ключевые слова: Матфей Десятый, Библия, палеография, почерк, полуустав.

Матфей Иванович Десятый – знаменитый книжник и каллиграф, работавший на рубеже XV–XVI вв. в Великом Княжестве Литовском. Известен лишь один памятник рукописной книжности, созданный им, – Супрасльский сборник 1507 г. Данный манускрипт представляет собой свод библейских книг Ветхого и Нового Заветов, подобный Геннадьевской Библии,¹ сформировавшийся, однако, независимо от последней. Матфей Десятый работал над рукописью в течение пяти лет, с 1503 г. по 1507 г., после чего вложил ее в Супрасльский монастырь на вечную память о себе и о своих родственниках. В подробнейшей вкладной записи книжник указал ключевые моменты своей биографии, а также сообщил

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 16-04-00276 «Русская рукописная Библия Матфея Десятого 1507 г. Подготовка издания».

¹ Следует, однако, отметить, что еще П. А. Лавров признал наименование «книги библейские» не вполне точным для Супрасльского сборника, поскольку под одним переплетом объединены не все книги Ветхого и Нового Заветов [7: 85–86].

ценные сведения, касающиеся создания манускрипта. Матфей Десятый приводит имена своих родителей, братьев и сестер, пишет, что все они приняли монашество, и лишь он один остался в миру на боярской службе. Сокровенным его желанием было написание книги с целью вклада на вечную память о себе и своих родных. Однако возможность для осуществления данного замысла у Матфея появилась только во время службы у писаря Федора. Последний был христороубом и благословил Десятого на богоугодное дело.²

Несмотря на обилие подробностей, сообщаемых во вкладной записи, некоторые обстоятельства создания Супрасльского сборника 1507 г. не ясны. В частности, не понятно, работал Матфей над манускриптом в одиночку или совместно с другими писцами. Сам книжник о каких-либо помощниках ничего не сообщает. Однако в историографии существует мнение, что сподвижник у Матфея Десятого все-таки был. Впервые предположение об участии другого писца в создании Супрасльского сборника было сформулировано М. Н. Сперанским в его примечаниях к статье П. А. Лаврова.³ По мнению исследователя, большую часть рукописи переписал сам Матфей Десятый. Исключение составляют л. 299–303 об. (кроме последних 6 строк л. 303 об.) и 478–542 об., написанные другим человеком. Этот второй писец, по мнению М. Н. Сперанского, был помощником Матфея Десятого [7: 92]. А. А. Алексеев и О. П. Лихачева развили данные наблюдения. Исследователи атрибутировали второму писцу, кроме указанных М. Н. Сперанским листов, также л. 544 и 545. Кроме того, А. А. Алексеев и О. П. Лихачева обратили внимание на то обстоятельство, что почерк второго писца сходен с почерком Матфея Десятого, можно сказать, подражает ему. На этом основании ученые выдвинули предположение, что второй каллиграф был учеником Матфея [1: 57]. Однако ни М. Н. Сперанский, ни А. А. Алексеев и О. П. Лихачева не обозначили те критерии, на основании которых письмо на указанных листах следует приписывать другому писцу. Действительно, почерк на л. 299–303 об. и л. 478–542 об. резко контрастирует с почерком Матфея Десятого на ближайших листах. Однако визуальное впечатление не является достаточным условием для выделения почерка второго писца. Таким образом, вопрос о том, работали ли над Супрасльским сборником другие писцы, остается открытым. Поиску ответа на него и посвящена настоящая статья.

² БАН, Срезн. II.75, л. 476 об.–477.

³ П. А. Лавров не успел завершить статью о Супрасльском сборнике 1507 г. Она была опубликована после смерти автора († 1929 г.) М. Н. Сперанским, который внес в текст некоторые дополнения, сделав необходимые пометы. О характере своего вмешательства в текст П. А. Лаврова исследователь писал в послесловии к статье [7: 111].

Прежде всего, рассмотрим почерк самого Матфея Десятого. Весьма точную его характеристику дали А. А. Алексеев и О. П. Лихачева. Исследователи отметили, что почерк Матфея представляет собой мелкий полуустав с большим количеством лигатур, типичных для XV–XVI вв. и размером букв, колеблющимся от 2 до 3 мм [1: 56–57]. Кроме того, А. А. Алексеев и О. П. Лихачева обратили внимание на изменчивость почерка Матфея Десятого. На л. 1–173 он мельче и изящнее, на л. 174–225 – крупнее и грубее [1: 56–57]. Вывод исследователей о вариативности письма Матфея Десятого имеет большое значение для понимания особенностей каллиграфического стиля данного писца. Однако наблюдения А. А. Алексеева и О. П. Лихачевой нуждаются в некоторых уточнениях. Прежде всего, необходимо охарактеризовать изменения почерка Матфея Десятого на всем протяжении рукописи. Кроме того, представляется, что письмо на л. 1–225 также нуждается в более детальной характеристике.

Почерк Матфея Десятого на л. 3–173 представляет собой классический образец русского полуустава с малым количеством графических вариантов⁴ тех или иных букв (рис. 1).⁵ Здесь почти отсутствуют лигатуры. Количество грецизированных и южнославянских вариантов написания графем также не велико. Чаще всего Матфей Десятый применяет их при оформлении заголовков, колонтитулов и в окончаниях строк.⁶ Первые двадцать листов написаны менее уверенным почерком: линии букв здесь не всегда ровные и четкие. На последующих листах почерк Матфея Десятого выравнивается. С л. 124 об., на котором начинаются «Притчи царя Соломона», буквы становятся несколько мельче, а линии – тоньше. Однако основные особенности писцового стиля Матфея Десятого, перечисленные выше, остаются неизменными.

Письмо Матфея Десятого на л. 174–298 об. (рис. 2) отличается от почерка на л. 3–173 прежде всего более интенсивным использованием графических вариантов некоторых графем, которые ранее почти не при-

⁴ О понятии «графический вариант» см.: [9: 38; 2: 45]. Вслед за Р. В. Бахтуриной мы подразумеваем под данным понятием разные начертания одной и той же буквы, выполненные равным количеством приемов с общими отличительными элементами буквы и их одинаковой пропорциональной зависимостью.

⁵ Характеризуя восточнославянский или русский полуустав, Л. М. Костюхина отметила, что данный тип письма является продолжением традиций устава и «переходных почерков». Для него характерна небольшая вариативность начертаний, прямое положение букв в строке, сравнительно малое количество закругленных начертаний [4: 13].

⁶ Так, Матфей Десятый почти не пишет в строке на л. 3–173 об. букву *e* в форме *e*. Однако на полях и в окончаниях строк он использует последний графический вариант (л. 5 об., вторая строка снизу). В большинстве случаев на л. 3–173 об. пишет стандартную букву *y*. Однако окончания строк Матфей нередко использует *ŷ*. В данной позиции иногда встречается также вариант начертания буквы *m* с волнообразной перекладной, выходящей за строку.

менялись. Так, кроме стандартного способа написания буквы *з* двумя дугообразными элементами, причем нижний длиннее верхнего и уходит под строку, писец начинает использовать вариант с нижним элементом, резко уходящим вправо и имеющим форму «хвоста». На л. 3–173 Матфей применял последний способ написания графемы *з* крайне редко. Кроме того, на л. 174–298 об. книжник довольно часто использует графические варианты букв *т* и *ь* с высокой горизонтальной волнообразной перекладиной, расположенной над строкой. Ранее он использовал подобный способ написания указанных графем только в окончаниях строк. Наконец, на л. 174–298 об. буква *ѣ* часто используется Матфеем Десятым внутри строки.⁷ В предыдущей части рукописи она не ставилась в данной позиции практически никогда. Более интенсивное применение различных графических вариантов нескольких графем сделало почерк Матфея Десятого богаче в стилистическом отношении.

На л. 290–298 об., содержащих Откровение Иоанна Богослова, почерк Матфея становится несколько мельче (рис. 3). В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что Апокалипсис занимает лишь одну тетрадь (№ 37 по нумерации, выполненной самим Матфеем Десятым) из семи листов, причем текст заканчивается на обороте седьмого листа (л. 298 об.). Расположение водяных знаков свидетельствует о том, что в тетради отсутствует последний восьмой лист. Он должен был оставаться пустым, поскольку текст Апокалипсиса завершался уже на седьмом листе тетради. Вероятно, Матфей Десятый просто удалил его на финальном этапе работы над рукописью. Сразу после Откровения Иоанна Богослова начинается новая книга – Деяния Апостолов. Почерк, которым написаны первые ее листы (299–303 об., кроме последних шести строк), существенно отличается от письма Апокалипсиса.⁸

Почерк Матфея Десятого на л. 303 об.–477 об. также наделен рядом отличий от письма в других частях рукописи (рис. 4). Начертания букв становятся ровнее и изящнее. Увеличивается количество лигатур и грецизированных начертаний. Появляются лигатуры *ед* и *ѣь*, ранее не фиксировавшиеся. Кроме того, вновь начинает применяться графема *ъ*, которая на л. 174–298 об. не встречается. Матфей Десятый использует сразу несколько ее графических вариантов. Кроме стандартного способа написания, близкого к печатной букве *ъ*, книжник применяет варианты с закругленной в верхней части мачтой, выходящей за пределы строки, а также с высокой угловой мачтой и с мачтой в форме крючка. В це-

⁷ См. л. 179 об., строки 1, 2; л. 180 об. и др.

⁸ Как было отмечено выше, в историографии существует мнение, что указанные листы написаны другим писцом. Некоторые исследователи считают его учеником Матфея Десятого.

лом увеличивается количество надстрочных знаков и выносных букв.⁹ На л. 407–474 об., 475 об.–476 письмо Матфея Десятого сохраняет указанные особенности, однако размер букв становится несколько меньше. Кроме того, на них Матфей Десятый начинает использовать выносную *и* в форме лежащей *и* (рис. 5).

Следует заметить, что текст на л. 1–1 об. (Оглавление) и 2 об. выполнен в манере, сходной с письмом на л. 303 об.–477 об., хотя они расположены в начале рукописи. На наш взгляд, связано это с тем, что л. 1–1 об. и 2 об. являются вставными. Подтверждением данной гипотезы служат следующие особенности Супрасльского сборника 1507 г. Во-первых, в рукописи видны следы подшивки первых двух листов. Во-вторых, на л. 3 присутствуют следы загрязнений. Следовательно, изначально он был первым листом в рукописи.

Обособленно стоит почерк Матфея Десятого на л. 365 об.–366, 384 об., 389 (в нижней части листа), 391 об., 393, 394 (рис. 6). На указанных листах книжник начинает активно использовать закругленные и размашистые движения. Увеличивается количество лигатур, прямые линии становятся длиннее в пропорциональном отношении. Почерк сближается с канцелярским письмом, приобретает некоторые характерные особенности, присущие скорописи. О причинах возникновения подобной каллиграфической эклектики будет сказано ниже. Здесь же ограничимся констатацией того факта, что стиль работы писца на рассматриваемых листах не похож на письмо в других частях рукописи.

В процессе создания Супрасльского сборника 1507 г. почерк Матфея Десятого претерпевал некоторые изменения. Книжник вводил в активный оборот новые графические варианты тех или иных букв, увеличивал количество лигатур и грецизированных начертаний, оттачивал технику письма. В результате, письмо на л. 3–173 об. визуально отличается от почерка на л. 303 об.–477 об. Однако общие его особенности, характер и набор движений остаются неизменными.

Теперь, когда установлена динамика развития полуустава Матфея Десятого, рассмотрим почерк на л. 299–303 об. и 478–542 (рис. 7), который исследователи приписывают другому книжнику, ученику Матфея Десятого. Для письма на указанных листах характерно малое количество лигатур, грецизированных и южнославянских начертаний, а также низкая вариативность в написании отдельных графем. Визуально оно существенно

⁹ Указанные особенности почерка на некоторых листах проявляются более ярко, на других – менее. Вообще, предложенное нами выделение блоков листов на основании изменений почерка Матфея Десятого имеет обобщенный характер: внутри них для почерка также свойственна некоторая вариативность.

отличается от почерка Матфея Десятого на л. 303 об.–477 об. Ощущение контрастности усиливается также за счет того, что текст на л. 299–303 об., 478–542 об. написан более светлыми чернилами, а линии начертаний на них несколько толще. Однако если сопоставить почерк на листах, приписываемых второму писцу, с почерком на л. 3–173 об. (ср. рис. 1 и 7), то указанные выше различия исчезают. В обоих случаях отдельные буквы пишутся сходно графически и технически, лигатуры и грецизированные начертания применяются редко, движения несколько скованные, наклон почти отсутствует. Кроме того, при изучении каллиграфии Супрасльского сборника 1507 г. в научной литературе не было уделено должного внимания тому обстоятельству, что почерк, атрибутируемый «второму» писцу, также претерпевает некоторые изменения в процессе письма. Постепенно книжник начинает использовать более темные чернила, линии букв становятся тоньше. В результате отличить письмо, например, на л. 545, который, как считается, был написан вторым писцом, и на л. 546, выполненном Матфеем Десятым, крайне затруднительно. На л. 546 присутствуют графемы *m* и *ŕ* с высокой зигзагообразной мачтой, расположенной над уровнем строки, и *z* с нижним элементом, уходящим вправо. На л. 478–542 об., 544, 545 подобные начертания не встречаются. Однако указанные варианты написания графом сам Матфей Десятый использовал не всегда. На некоторых листах они могли отсутствовать. В частности, указанные графические варианты букв *m*, *ŕ* и *z* почти не встречаются в первой части рукописи на л. 3–173. Других отличий между письмом на л. 545 от почерка Матфея Десятого на л. 546 выявить не удалось. Возможно, именно с постепенным изменением письма на л. 478–542 и связано то обстоятельство, что исследователи определяли границы работы второго писца по-разному.¹⁰

Таким образом, почерк на л. 299–303 об., 478–542 об. по своим графическим и техническим особенностям сопоставим с письмом Матфея Десятого на л. 3–173 об. Следовательно, рассматриваемые листы также были выполнены Матфеем Десятым. По крайней мере, достаточными основаниями для того, чтобы атрибутировать их другому писцу, мы не располагаем. Отличия от письма л. 299–303 об., 478–542 об. от письма л. 303 об.–477 об. объясняются тем, что для почерка Матфея Десятого вообще свойственна высокая изменчивость.

В заключение хотелось бы остановиться на проблеме выявления автографов Матфея Десятого вне Супрасльского сборника 1507 г. Несомненно, он был писцом весьма квалифицированным. Однако другие автографы

¹⁰ Напомним, что П. А. Лавров ограничивал почерк второго писца л. 542 об. А. А. Алексеев и О. П. Лихачева приписывали ему также л. 544, 545.

Матфея Ивановича до сих пор не выявлены. Не удалось обнаружить образцы письма данного книжника и нам. Однако хотелось бы поделиться некоторыми соображениями относительно перспектив их поиска. С этой целью считаем необходимым обратить внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, сам Матфей сообщает во вкладной записи, что работал на бояр, в частности – на некоего писаря Федора (л. 476 об.). Во-вторых, отдельные образцы начертаний почерка Матфея Десятого близки к канцелярскому письму, что мы отмечали выше (рис. 6). В-третьих, монокондил Матфея Десятого на л. 477 об. (рис. 8) выполнен на высочайшем уровне. Следовательно, лигатурным письмом, для которого характерно большое количество закругленных движений, книжник владел блестяще. Вышеизложенные факты свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что автографы Матфея Десятого следует искать не в памятниках богослужебной книжности, а среди делопроизводственных документов рубежа XV–XVI вв.

Правомерность нашей догадки подтверждается также некоторыми особенностями полууставного почерка Матфея Десятого. Во-первых, хотя с точки зрения каллиграфии Супрасльский сборник 1507 г. выполнен на весьма высоком уровне, качество письма в данном манускрипте все же уступает ярчайшим образцам рубежа XV–XVI вв.¹¹ Во-вторых, в историографии неоднократно отмечалась антиграфоцентричность библейских книг, то есть писец ориентировался на орфографию тех рукописей, которые послужили для него источником, не пытаясь внести в нее изменений, приспособить к орфографической норме, привычной для него.¹² Анти-

¹¹ На более высоком уровне с каллиграфической точки зрения выполнены Геннадьевская Библия (ГИМ, Синодальное собр., № 915), а также рукописи, переписанные в окружении Михаила Медоварцева (напр., БАН, Арханг. Д. 193. Л. 389–477; о других рукописях, переписанных в кругу Медоварцева см.: [8]), также написанные мелким полууставом.

¹² В частности, в послесловии к статье П. А. Лаврова Б. М. Ляпунов писал о языках оригиналов, которые использовал Матфей Десятый, следующее: «Проверяя по поручению М. Н. Сперанского присланные из Праги корректурные листы статьи П. А. Лаврова по оригиналу 1507 г., я пришел к убеждению, что кроме указанных МН-ем л. 299–303 и 478–542 об. и остальные части рукописи 1507 г. не вполне однородны, если не по почерку, то по правописанию и языку, что может указывать на различие источников, бывших под рукою Матфея Десятого, а именно, соглашаясь с П. А., что текст первоначального оригинала, с которого списывал Матфей, был болгарский, я думаю, однако, что это относится не ко всей рукописи 1507 г., и что часть ее (л. 174–298), заключающая Псалтирь и Новый Завет, могла быть списана с текста сербской или смешанной редакции. Так думаю о ней из-за почти исключительного *ь* вместо *ъ*, удвоения *ь* в формах родит. множ. ...и почти отсутствия буквы *ж*» [7: 93]. Соответствие орфографии Супрасльского сборника 1507 г. правописанию его антиграфов было отмечено также А. А. Алексеевым и О. П. Лихачевой [1: 59–60]. Мысль об антиграфоцентричности Матфея Десятого прозвучала также в докладе С. Ю. Темчина «Книжная деятельность Матфея Десятого и история рукописного собрания Супрасльского благовещенского монастыря», прочитанном 14 июня 2017 г. на конференции «Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания» (СПб., 2017).

графоцентричность Матфея, возможно, связана с тем, что он не владел в полной мере орфографией различных языковых изводов. Чтобы избежать неточностей в передаче текста, он решил сохранить правописание оригиналов.¹³ Указанные моменты свидетельствуют о том, что составление богослужебных сборников не было для него привычным родом деятельности, а полуустав – привычной системой письма.

Таким образом, Матфей Десятый работал над созданием Супрасльского сборника 1507 г. в одиночку. У него не было ни помощников, ни учеников. По крайней мере, достаточными основаниями для того, чтобы говорить об их наличии, мы не располагаем. Единоличная работа над составлением свода библейских книг кажется на первый взгляд явлением парадоксальным. Однако, как было отмечено выше, называть Супрасльский сборник 1507 г. сводом можно лишь с некоторыми оговорками.¹⁴ Памятник был создан не по заказу кого-либо из духовных или светских владык, однако возник как плод частной инициативы одного единственного книжника. Сам Матфей не ставил перед собой каких-либо просветительских целей. По крайней мере, в записи на л. 476 об.–477 об. он таковых не декларирует. Его задача сводилась к созданию парадной рукописи, которая могла бы послужить вкладом для поминовения. Учитывая указанные обстоятельства, имеем основания утверждать, что отсутствие у Матфея Десятого помощников является вполне закономерным. Работу над вкладом «на память своей души и своих родителей» (л. 476 об.) предпочтительно было вести одному. В процессе составления манускрипта почерк Матфея совершенствовался. Первоначально письмо Десятого было весьма «аскетичным», движения при письме – несколько неуверенными. Впоследствии книжник преодолел эти недостатки. На финальном этапе работы над рукописью его почерк стал ровнее, приобрел целую гамму различных элементов, делающих письмо более изящным. Матфей активно применяет лигатуры, грецизированные начертания. Движения становятся более плавными и уверенными. Несовершенство начертаний на первом этапе работы можно объяснить тем, что полуустав не был графической системой, привычной для Матфея Десятого. Работая на протяжении долгих лет на бояр, данный книжник, вероятно, привык писать канцелярским письмом. Возможно, его автографы удастся обнаружить среди документов рубежа XV–XVI вв.

¹³ Данная мысль была высказана А. А. Алексеевым во время обсуждения доклада «К характеристике почерка Супрасльского сборника 1507 г. или был ли Матфей Десятый основателем скриптория», по материалам которого подготовлена настоящая статья.

¹⁴ См. примеч. 1.

Литература

1. *Алексеев А. А., Лихачева О. П.* Супрасльский сборник 1507 г. // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги.* Л., 1978. 54–88.
2. *Бахтурина Р. В.* Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов // *Лингвистическое источниковедение* М., 1964. С. 35–57.
3. *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. М., 1979.
4. *Костюхина Л. М.* Палеография русских рукописных книг XV–XVII вв.: Русский полуустав. М., 1999.
6. *Лавров П. А.* Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма Пг., 1916.
7. *Лавров П. А.* Библейские книги 1507 г. // *Slavia.* 1933. № 12. С. 82–112.
8. *Синицына Н. В.* Книжный мастер Михаил Медоварцев // *Древнерусское искусство.* М., 1972. С. 286–318.
9. *Филиппова И. С.* Идентификация писцов на основании анализа письма скорописных рукописей // *Древнерусское искусство: Рукописная книга.* Сб. 2. М., 1974. С. 38–57.

Типология маргиналий в Библейском сборнике Матфея Десятого*

канд. филол. наук
ИРЛИ
email: romodan@list.ru

В статье анализируются пометы на полях Библейского сборника Матфея Десятого и предпринимается попытка их классифицировать. Состав маргиналий, содержащих отсылки к параллельным чтениям библейского текста, позволяет определить источники, бывшие в руках супрасльского книжника

Ключевые слова: Библия, источники, параллельные чтения, маргиналии.

Опыт создания восточнославянского библейского кодекса как книги, объединяющей отдельные тексты Священного Писания, начинается в XIV в., к этому времени относится Чудовский Новый Завет, объединяющий Евангелия, Деяния и Послания апостолов и Апокалипсис. Этому же времени принадлежат и древнейшие сборники ветхозаветных книг. Как правило, эти сборники объединяли библейские книги по тематическому принципу (Пятикнижие, исторические книги Ветхого Завета, книги Премудростей и Пророчества), однако возможен был и индивидуальный состав, как, например, состав болгарского сборника 1350–1370 гг. (РНБ, F.I.461), созданного, вероятно, в кружке Евфимия Тырновского и включающего 1–4Цар., Пророчества, Песнь Песней, Притчи, Премудрость Иисуса Сирахова и книгу Иова, или состав Виленского сборника начала XVI в. (Центральная библиотека АН Литвы, ф. 19, № 262), объединяющего древнейшие переводы книг Ветхого Завета и переведенные в западно-русских землях, по всей вероятности, во второй половине XV в. с еврейского оригинала книги Иова, Руфь, Псалтирь, Песнь Песней, Екклесиаст, Притчи, Плач Иеремии, Есфирь и Пророчество Даниила. Можно привести еще несколько подобных примеров.¹

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-04-00276 «Русская рукописная Библия Матфея Десятого 1507 г. Подготовка издания».

¹Подробнее см.: [1].

На рубеже XV–XVI вв. тенденция к составлению полного библейского кодекса становится еще более очевидной. В 90-е гг. XV в. создается Геннадиевская Библия, десятилетием позже – Сборник Матфея Десятого.

В основу Геннадиевской Библии была положена латинская Вульгата – единственный к концу XV в. выверенный и отредактированный текст Библии на латинском языке, после начала книгопечатания получивший широкое распространение не только в Западной Европе, но и в восточных землях, в том числе и в Новгороде. В соответствии с Вульгатой был составлен перечень библейских книг; древние славянские тексты были сверены с латинским, выстроены в порядке расположения книг Вульгаты и разбиты на главы, соответствующие современным. Недостававшие ранее у славян второканонические библейские книги (1–2Пар., 1–3Езд., Неем., Тов., Иуд., Прем., 1–2Мак.) и отдельные части канонических книг (1–25 и 46–52 главы Иер., 45–46 главы Иез., 10–16 главы Есф.) были переведены с латыни. Толковые тексты Пророчеств и Апокалипсиса включены в кодекс освобожденными от толкований.²

Несколькими годами позже, в 1502–1507 гг., уроженец Торопца Матфей Десятый создает свой вариант библейского кодекса, включивший одну паримью из кн. Бытия, книги 16 пророков, кн. Иова, Притчи, Премудрость, три паримьи из книг Царств, Екклесиаст, Песнь Песней, «Менандр», Премудрость Иисуса Сирахова, Псалтирь, Четвероевангелие, Апокалипсис и Апостол (БАН, Срезн. II.75).³ Составитель Библейского сборника завершил свою работу в Супрасльском монастыре,⁴ однако, возможно, он и был наслышан о работе над кодексом в Новгороде: один из его братьев, Нектарий (в миру Никифор), был монахом Хутынского монастыря.⁵ Таким образом, хотя, как отметили А. А. Алексеев и О. П. Лихачева, «не может быть и речи о какой-либо зависимости текста ССб от ГБ» [2: 85] и «Супрасльский сборник 1507 г. представляет собою одновременную и параллельную с составлением ГБ попытку создания свода библейских книг» [2: 85], возможно, что Матфей и был знаком с современной ему обстановкой. При анализе маргиналий я не принимаю во внимание приведенные на полях исправления ошибок, а также многочисленные исследовательские пометы XIX–XX вв.: очевидно, что эти записи не влияют на текст рукописи.

Как отмечали исследователи, «Матфей Десятый делал свой свод самостоятельно, без каких-либо готовых образцов» [2: 86] – и это сказалось

² Подробнее см.: [4].

³ О Сборнике Матфея Десятого см.: [2].

⁴ См. приписку об авторе сборника: БАН, Срезн. II.75, л. 476–477 об.

⁵ БАН, Срезн. II.75, л. 476 об.

и на определенной неполноте кодекса,⁶ и на специфическом порядке библейских книг. Попробуем проследить, какие библейские книги сопровождаются определенными типами помет на полях.

Открывает Супрасльский сборник фрагмент книги Бытия, полностью свободный от маргиналий (рис. 1).

Далее, на л. 3–121 об., следуют Пророчества. Порядок их – такой же, как в Толковых Пророчествах, то есть начинается этот блок с Книги пророка Осии и заканчивается Пророчеством Даниила; в кодексе первой идет книга пророка Исаяи, а последней – пророка Малахии. Однако, несмотря на соответствующий Толковым Пророчествам порядок книг, в Сборнике Матфея Десятого тексты, как и в Геннадиевской Библии, освобождены от толкований. Но если в Геннабиевской Библии толкования удалены, если можно так сказать, «гладко», текст не имеет дополнительного деления, то у Матфея (рис. 2) сохранены киноварные выделения начал фрагментов текста, между которыми находились толкования, и фрагменты эти пронумерованы на полях; нумерация их сплошная для каждой книги. Кроме того, как в Геннадиевской Библии и рукописях, относящихся к ее кругу, в Пророчествах Супрасльского сборника присутствует разделение текста на главы в соответствии с делением в Вульгате. На полях Пророчеств присутствуют многочисленные отсылочные глоссы к книгам Ветхого и Нового Заветов, как, например, на рис. 2 – к Рим. 9, или – в книге Пророка Амоса (рис. 3) – к Тов. 2, к 1Мак. 1, Пс. 138 и к Иер. 44. Ссылки на книги, впервые переведенные на славянский язык для Геннадиевской Библии, а именно в этом примере – на Товита и 1Мак., равно как и деление текста на главы, подталкивают к мысли, что создатель Супрасльской рукописи был знаком с новгородским кодексом, однако в Геннадиевской Библии и других библейских рукописях круга архиепископа Геннадия ни отсылочных маргиналий в Ветхом Завете, ни сплошной нумерации фрагментов пророческих книг нет. Значит, Матфей самостоятельно обращался к печатному латинскому тексту Библии и переносил из него маргинальную разметку в свой Сборник. Это подтверждается и фонетическим обликом слова «Макавеи» – «Махав», с выносной «в», что соотносится со средневековым названием «Liber Machabeorum» (в современном написании – «Liber Macchabeorum»).

Интересно отметить, что ссылки на Пятикнижие Моисеево приводят Матфеем Десятым в Пророчествах не по названиям книг, а по их порядковым номерам (рис. 4). На представленной иллюстрации – 1 глава Пророчества Авдии, где находится ссылка на 1 книгу Моисееву, 27 – то есть на 27

⁶ В частности, в Сборнике Матфея Десятого отсутствует Пятикнижие.

Рис. 1. БАН, Срезн. II, 75, л. 2 об.

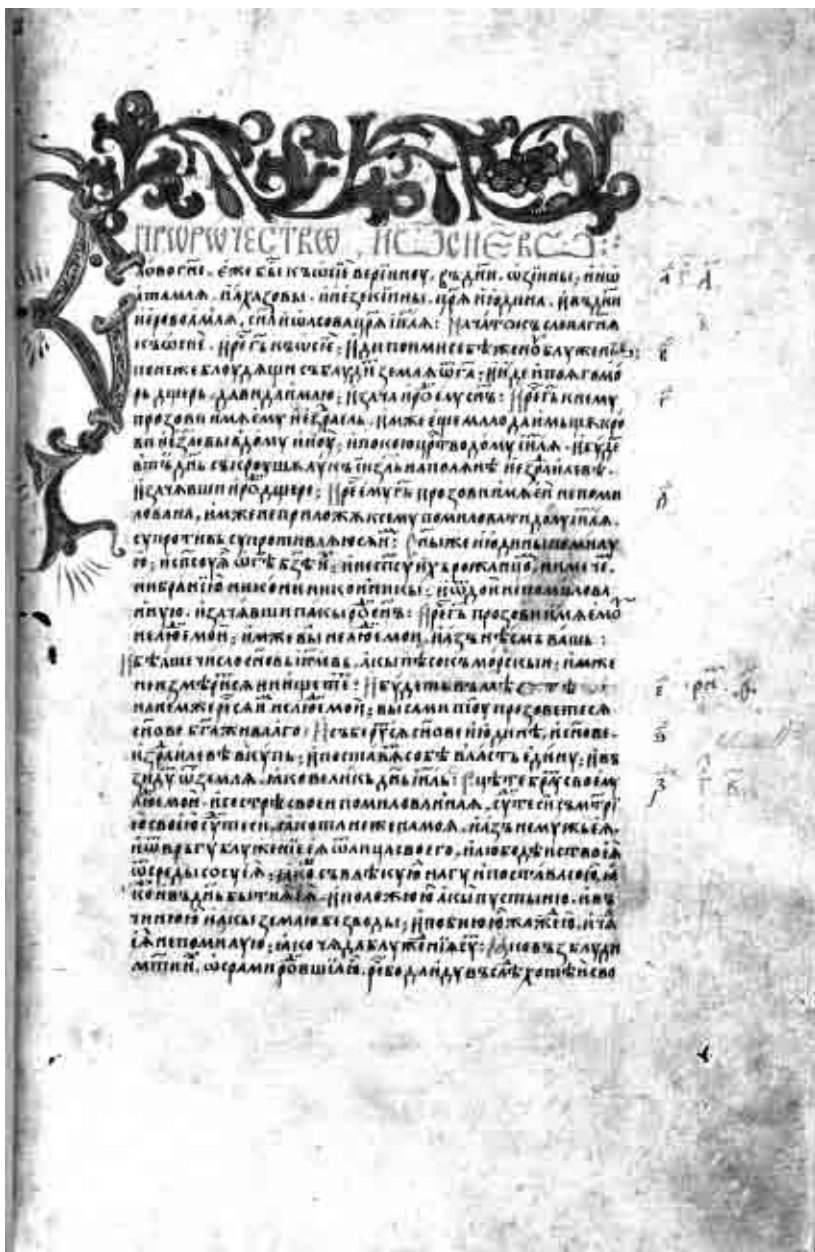

Рис. 2. БАН, Срезн. II.75, л. 3

главу книги Бытия. Это наименование не соотносится ни со славянской, ни с греческой, ни с латинской традициями, где 1-я книга Моисея именуется соответственно Γένεσις и Genesis. Возможно, в этом случае мы встретились со следами сверки текста с какой-то рукописью Торы, в которой могло быть «порядковое» наименование книги פסוק ראשון («Первая книга»). «Порядковые» наименования в Супрасльской рукописи имеют и остальные книги Пятикнижия: Второзаконие – 5-я книга Моисея – в Пророчестве Михея, там же 2-я книга Моисея – Исход, 4-я – Числа, в Пророчестве Малахии 3-я книга Моисея – Левит, и т. д. В Геннадиевской Библии подобных явлений нет. Очевидно, источник их – так же какое-то европейское издание Вульгаты, хотя мы не можем исключить работы Матфея Десятого и с еврейскими источниками. Между тем, практически все отсылочные маргиналии в Пророчествах Сборника соответствуют таковым современных критических изданий.

Кроме того, в Пророчествах Супрасльского сборника зачастую находятся киноварные заглавия к фрагментам текста (рис. 5 – Пророчество Исаии), эти заглавия извлечены из относившихся к этим фрагментам толкований. Еще один «рудимент», сохранившийся от текста Толковых Пророчеств, – несистематически присутствующее деление текста на зачала.

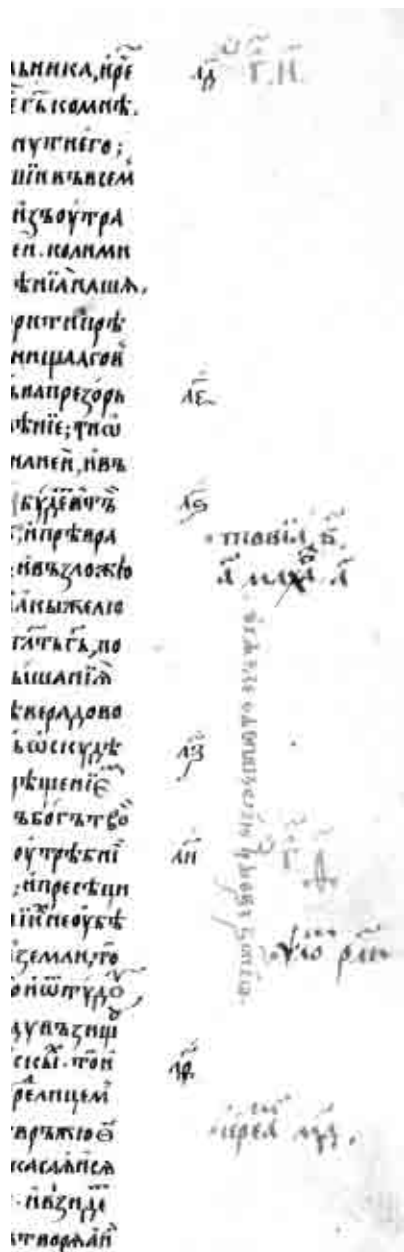

Рис. 3. БАН, Срезн. II.75, л. 13, фрагм.

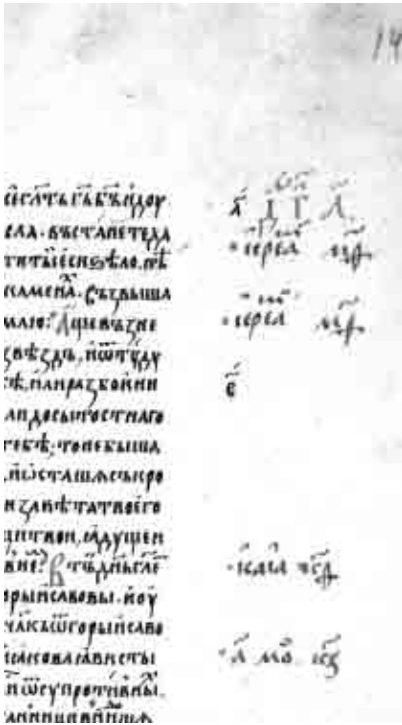

Рис. 4. БАН, Срезн. II.75, л. 14, фрагм.

В Книге Иова (рис. 6), следующей за Пророчествами, поглавное деление текста отсутствует, но есть нумерация фрагментов текста, в соответствии с разделением его на отрезки киноварной разметкой. Сохраняется тут также деление на зачала.

Деление текста на зачала с киноварными отсылками к паремейнику на верхнем и нижнем полях – далее, в книгах Соломоновых – Притчах и Премудрости, а также следующем за ними фрагменте 3Цар. (рис. 7).

Лишены каких бы то ни было маргиналий Екклезиаств, Песнь Песней, не принадлежащий библейскому канону Менандр.

В Премудрости Иисуса Сирахова обозначены первые две главы и к ним приведены параллельные места (рис. 8), однако далее каких бы то ни было помет на полях нет.

Текст Псалтири разделен более крупными пометами на фрагменты, мелким почерком приведены параллельные места исключительно из Псалтири (рис. 9), ссылок на другие книги в Псалтири нет.

В Евангелиях система отсылочных маргиналий ориентирована на Аммониевы главы. Согласно легенде, приводимой Евсевием Кесарийским (ок. 260 – ок. 340) в письме к его другу-христианину Карпиану, христианский писатель Аммоний Александрийский (III в.) сопоставил четыре канонических Евангелия и на основе Евангелия от Матфея составил синопсис четырех евангелистов («Диатессарон»). Для удобства сопоставления тексты были разбиты на фрагменты, их размер зависит от наличия параллелей в остальных Евангелиях. Фрагменты были пронумерованы последовательно от начала к концу каждого Евангелия и получили название Аммониевых глав; они были использованы Евсевием Кесарийским для сопоставительных таблиц, по которым легко можно найти параллельные чтения каждого из четырех Евангелий. Подробно отсылки

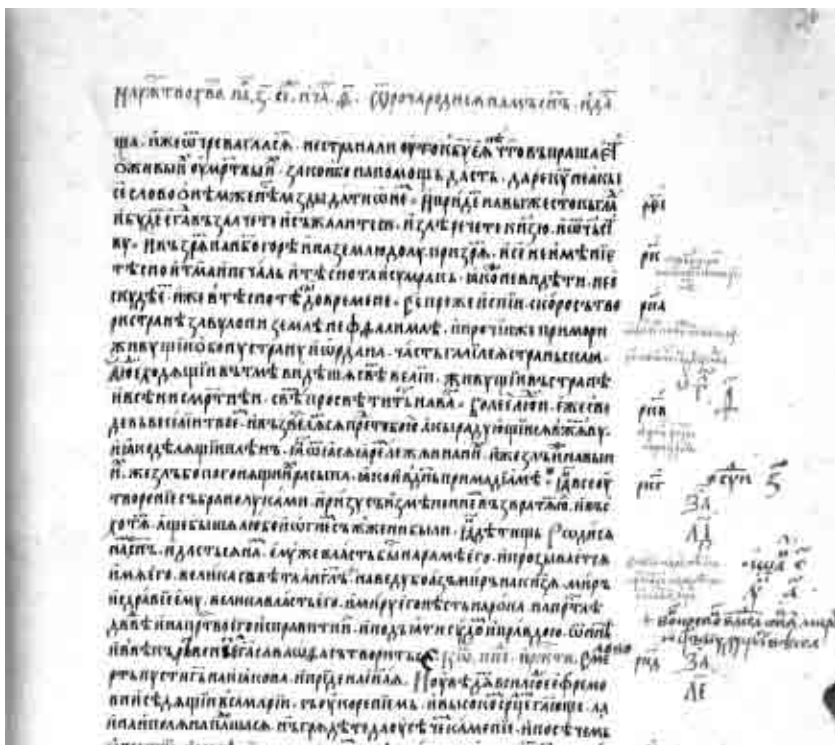

Рис. 5. БАН, Срезн. II, 75, л. 36, фрагм.

на параллельные места по Аммониевым главам в русских рукописях описаны мною в [5], поэтому сейчас только проиллюстрирую один фрагмент Евангелия от Матфея (рис. 10). Здесь в первой строке маргиналии указывается порядковый номер Аммониевой главы Евангелия, к которому приводится отсылка, чуть ниже, между столбцами – киноварью номер таблицы канонов, в последующих строках – указания на параллельные места данного чтения. Границы Аммониевых глав обозначены в тексте двумя киноварными косыми чертами. На л. 215–215 об. приведены письмо Евсевия Карпиану и Канон Евсевия (рис. 11).⁷ Подобные отсылочные маргиналии есть в древнейших Галицком и Зографском Евангелиях, а на рубеже XV–XVI вв. они уже нередко встречаются в русских рукописях. Подобного рода отсылки есть так же в греческих и латинских рукописях, сохранили их и некоторые печатные издания Вульгаты.

⁷ Подробно об этом см.: [3: 21–23].

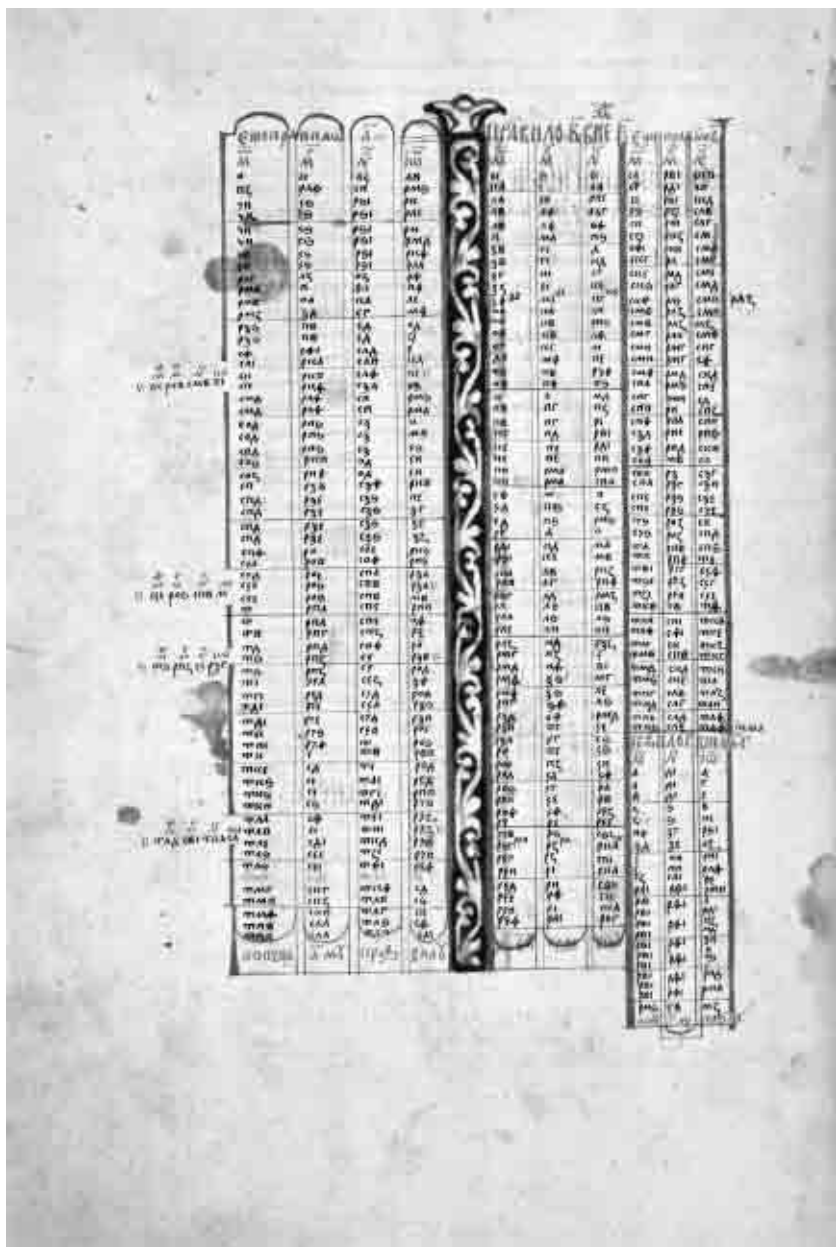

Рис. 116. БАН, Срезн. II.75, л. 215 об.

НЕВЕРНОУЮ ВЪЗЕМАН МАДАМАСТЪ. И ДЖЕ СЪ СПАДВА - ПИСПА
 ПИШАСА ДѢТО И, ИВНЕСАМУ ВЪ ПОСТЫНИ ГОРЫ СПАШИСЬ КЪ АГГЕ
 ГИ. ВЪ ПЛАМЕННОГНАПЪ ВЪ КЪ ДИНИ. МОУСИ ВЪ ДѢВЪ ДНАВЪ
 ШЕ ВНАДЪ ПИО - ПИСЪ ПАИОШЪ ЖЕ МОРАСОМЪ ТИ. КЪ АГГА ПЪ КЛЕМО.
 АТЪ И ВЪ СЦѢ ТВОИ, И ЧЛВРЛА МОВЪ - НЕ ЧІААКОВЪ - НЕ ЧІАКЕ
 БЪА. ТРИ ПЪ ТИ ЖЕ КЪ ВЪ МШУСИ, ПАСМЪ АШЕ СЪ МО ЧРИ. РЕЖЕ
 СМУРЪ. РАМУШЕ И СПОГЪ ПОГЖУ ДВОЮ. МШЕ ТОВО МА ПЕМЖЕ
 СЛОШИИ, СЕМА ЖЕ ТАЕ - ВНАД ВНАДЪ ЧЪ ОУЛОВЕ ПІАТО ПЛОИ,
 И ВЪ ЕГЪ ПТЪ ИСТЪ ПАНИ И ДСАШІА ИСИ ДО ПЪ СЪ ТИ. И ПІЕ
 ГЛА, И ПОСАВІА ВЪ ЕГЪ ПІ. (ЕГО МОУ СЕЛГО ЖЕ ШР ПІОША РІ
 ШЕ - ПІОТЪ ПОСТАВИ КЪ ПЪ ИСКЪ ДІО. СЕГО БЪ КЪ ПІА ПІ СКА И ТЕ
 А ПІО СЛА - РЪ КОЮ АГІА, ІА ВЪ ШАГО СЕМА БЪ КЪ ПІО ПІ. СЕ ПІ
 КЕ ДІ СЪ БОРНІА ЧІО СЕА, ПІ ПАМЕНІА ВЪ СЕМА И ЕГЪ ПІ СЪ ТИ. И
 ВЪ ЧЪ МПЪ МОРИ, ПІА ПІ ЖЕ ТЫ ПІА ЧЪ ТЪ М. СЪ ЕМОУ ЧЕ
 ІСЫ И СПОМЪ ПІА ВЪО. ПІРКАВА КЪ ВЪ ПІ ПЕГЪ БЪ ВЪ АШЪ, ШО ДА
 ЧІА ВЪ АШЪ. ІА МЕНЕ ТОВО ПО СЪ ШАНІЕ. СЪ Е КЪ ВЪ ВЪ ЧРІ СЪ
 ВЪ ПІ СЪ ТИ ПІ. СЪ АГІА ГЛА ВЪ ШЕ МЪ ВЪ ГОРЪ СІ ПІА ПІ СЪ ТИ,
 И ШО СЕМА ПІАШІ - И ЖЕ ПІА ЧЪ СЛОВЕСА, Ж ПІА ДІ ПІА. ЕГО
 ПЕ ВЪ СХОТЪ ШЪ, ПОСУШИИ ШІ ПІАШІ ПЪ ШР ПІОША. ПІО
 БРАШІА СЕ СЪ МЪ СВОИ ВЪ ЕГЪ ПІЕ - РЕКШЕ ААРО П. ЧЪ БОРН
 ПІА МЪ БОГИ И ЖЕ ПІРІА Д ОУ ПІРІА МІА ПІ. МОУ СЕГО СЪ ПІ ЖЕ
 И ЗВЕ ДІА ШЪ СЕМА МІЕ ПІ ПІ СЪ СІА - ПЕ ВЪ МЫ ТОВО БІ ЕМУ. ПІ ЧЕ
 А СЪ СЪ БОРНІА ВЪ ДІ ПІОШЪ, И ВЪ З ПЕ СІА ШЪ ПРЪ ЧЪ ВЪ ПІ
 ДОЛО - ПІ СЕ СЕ А ЧЪ СЪ ВЪ ДЪ БЪ РІ ДІ СВОЕГО. Ш ВРАТИ ЖЕ БЪ
 ПІРІА ДІА СЪ ЖИТИ И БОЕМЪ ПІА ПІ. ІА КЪ ЖЕ ПІ ПІ ШЕ ВЪ КІ ПІ
 СЪ ПІРІА КЪ. ЕДА ЗА КО СЕ ПІА И ЖРЪ ЧЪ БЫ ПІ ПІ СЕ СЪ ТИ ПІ,
 А ЧЪ ТЪ МЪ КЪ ПІ ЖЕ СІ ПІА ДО МІ ПІА СЕ ВЪ. ПІ ВЪ З ПІ ПІ ВЪ СЕ ГЕ КЪ
 ПІ МІО ЛО ЧОВЪ, И З ВЪ СЪ ДЪ БОГА ВЪ АШЕ ГО СЕМА ФІА ПІ. О БО
 ЗЪ ЖЕ ІА ЖЕ СЪ ТЪ ВОРНІЕ ПІО СІА ПІА ГІ ПІА МЪ. ПІ ПРЪ СЕЛО
 ПІА ДА СЕ ВЪ А ЧЪ МО ПІА. СЪ ПІ СЪ СЪ ПІА ВЪ ШІ О СЕМА ПІАШІА
 ПІ ЖЕ ТЫ ПІИ. ІА КЪ ПОВЕЛЪ ГЛА ПІА МШУ СІА ВЪ ПІ. СЪ ТЪ ВОРНІА
 ПІО БРАУ И ЖЕ ВІА ДЪ. ІА ЖЕ ВЪ ПІО СІА ПІ ПІ МІ ШІ ПІ ПІ ПІ ПІ,
 СЪ ІА ЧЪ СЪ МЪ, ВЪ ОДЪ ЖІ ПІЕ А ГІА КЪ. ІА ЖЕ И ЖРІ ПІО БЪ ШІА ЦА
 ШІ ПІА ПІАШІ, ДО ПІ ПІА ДІА - ПІ ЖЕ ОУ РЪ ТЕ БА ГЪ ПРЪ КЪ СЪ МЪ, И ПІ СГО
 СІО ПРЪ СЪ ТИ СІА ПІ ПІ БОУ ІА КЪ О ВЪО. ПІ ПІ ПІ СЪ МЪ. ПІ ОДО СЪ

Рис. 13. БАН, Срезн. II.75, л. 312 об.
174

полным справочным аппаратом, но несмотря на это, принципы деления текста и отсылочных маргиналий были совершенно разными для разных книг, а сами они распределены по кодексу крайне неравномерно. Это еще раз подтверждает сделанный уже ранее вывод о том, что у создателя этой уникальной рукописи не было единого образца для своего творения – и он собрал наиболее полные из доступных источники, особенности каждого из них и нашли свое отражение в библейском сборнике.

Литература

1. *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
2. *Алексеев А. А., Лихачева О. П.* Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 54–88.
3. *Мецгер Б. М.* Текстология Нового Завета: Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. М., 1996.
4. *Ромодановская В. А.* Геннадиевская Библия // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 584–588.
5. *Ромодановская В. А.* К истории Нового Завета Геннадиевской библии и Евангелий XV в. Развитие систем отсылок. Часть II // ТОДРЛ. Т. 62. СПб., 2014. С. 3–20.

Откровение Иоанна Богослова в Сборнике Матфея Десятого (БАН, Срезн. II.75)*

канд. филол. наук

БАН

email: vera.podkovyrova@gmail.com

В статье ставится проблема общей тематики Сборника БАН, Срезн. II. 75 (1507 г.) и его соотношенность с составом Библии. Текст Откровения Иоанна Богослова рассматривается в контексте как особая семантическая доминанта и связывается со спецификой структуры кодекса, его письма и декора. В связи с происхождением, определяется место списка Апокалипсиса из рукописи среди редакций текста памятника.

Ключевые слова: Сборник Матфея Десятого, Апокалипсис, Библия, текстология.

Несмотря на незначительную распространенность списков Апокалипсиса в русской средневековой письменной культуре к началу XVI в. на Руси сложились и переписывались несколько редакций этой книги [2: 11–14; 19: 182–183; 14]. Единственный пророческий новозаветный текст был включен и в Сборник Матфея Десятого, в котором большую часть объема составляют ветхозаветные пророческие тексты [8: 141]. Эта рукопись (БАН, Срезн. II.75) привычно воспринимается как кодекс, в котором осуществлена подборка прежде всего библейских текстов. Поэтому общеизвестным для рукописи является название «Библейский Супрасльский сборник». Составлен и переписан Сборник в Вильно и в Супрасльском монастыре писцом Матфеем Ивановичем Десятым в период с 1502 по 1507 г. (БАН, Срезн. II.75, л. 476 об.), когда в Западной Европе уже был напечатан целый ряд полных библейских сводов. На Руси первый такой единый полный кодекс – Геннадиевская Библия – совсем не задолго, в 1499 г., был составлен и переписан в Новгороде. Кроме того в славянской письменности того периода наблюдался очевидный интерес

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Русская рукописная Библия Матфея Десятого 1507 г. Подготовка издания» (№ 16-04-00276).

к составлению сборников библейского содержания [17: 29]. Но как именно воспринимал сам Матфей Десятый выполняемую им работу? Брал ли он за образец некую печатную Библию, которые наверняка были ему доступны на территории Западной Руси и Великого Княжества Литовского в начале XVI в.? Или основывался на Геннадиевской Библии [3: 12], о которой мог слышать от своих братьев и сестры, занимавших не последнее место среди монашествующих Новгородской и ближних северо-западных епархий.¹ Имел ли вообще писец-составитель в виду существовавшие полные своды книг Священного Писания при составлении своей книги? Или раб Божий Матфей просто получил благословение на написание рукописи, а уже в процессе работы избрал в качестве основы самое главное для христианина – Священное Писание, извлекая библейские тексты, в том числе, из богослужебных книг?

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к словам, написанным самим писцом-составителем. Хорошо известна его пространная автобиографическая запись (БАН, Срезн. II.75, л. 476 об.–477 об.), но в рукописи есть и еще одна. В небольшом вступлении к сборнику Матфей предваряет оглавление следующими словами: «Сиа книги подобны быша глубине морстей – яко же понираще въ глубину морскую износят бисер драгий, тако и въ сиа богодухновенныя книги причинюще, износят драгое учение и душеполезное спасение. И яко же бчела събирает съ всякого цвета въединъ сотъ и изливаеть та ядь сладку, тако и сиа книги изложены от всех въ едину...» (БАН, Срезн. II.75, л. 1; рис.1). Далее перечисляется частично содержание кодекса. Нет в предисловии Матфея Ивановича никакой конкретизации или разъяснения по поводу состава сборника – просто некое красивое предварение оглавления, в котором говорится о том, как из разных источников собираются статьи. Такое, самое обычное для любого сборника предисловие не согласуется с глобальностью предварительно поставленной задачи составления единого библейского кодекса, одного из первых в истории русской книжности. Можно сравнить процитированное предисловие хотя бы с тремя фундаментальными предисловиями к Геннадиевской Библии, которые неукоснительно воспроизводились в списках и в издании 1663 г. (см.: ГИМ, Синодальное собр., № 915, 21, 30, л. 1–5).

Также и в развернутой вкладной записи-автобиографии Матфей Десятый называет себя просто человеком, «написавшим книги сия», никак не обозначая специальный характер составляемого сборника. И в даль-

¹ Один из его братьев, Нектарий был постриженником и, позже, иеромонахом Хутынского монастыря, где и подвизался именно в конце XVI в., другой брат – игуменом Евфимием монастыря во имя Иоанна Предтечи в Торопце, одна из сестер Ефросиния – игуменией в Торопце. Об этом см.: БАН, Срезн. II.75, л. 476 об.–477.

ГЛАВЫ В ПЛАТОШЕН КНИЗЬСЬ.
ІАКНИГЫ. ПСѢБНЫ КЫША ГЛОУ
КНИПЪ МОРЕСЪТЪН. ІАКО ПОНИРА
ЮЩЕ КЪ ГЛОУБИНѢ МОРЕСЪХЮ, И
ЗНОСѢ КНИСЕРЪ ДРАГЫН. ТАКО И ВЪ
СІА БГОДУ ПОВЕПНЫ ІАКНИГЫ ПРИ
ПИТЮЩЕ, ИЗНОСѢ ДРАГОЕ УТЕПІЕ.
НАЩЕ ПОЛЕЗНОЕ СПЕСЕМІЕ. ІІАКОЖЕ
Б ТЕЛАСЪ БИРАЕ СЪ В СІА КОГОЦЪ БГА,
ВЪ ЕДИНЪ СѢТЪ. НИЗЛИКАЕТЪ ТА
ІАДЪ СІА КОУ. ТАКО И СІА КНИГЫ И
ЗЛОЖЕНЫ, ѠВЪСЪ КЪ ЕДИНѢ КОУ. ІІЖЕ
СОУТЪ СІА; СІА ПРѢСІАКЪ.

Рис. 1. Сборник Матфея Десятого (БАН, Срезн. II.75), л. 1

нейшем в подробном тексте ни разу не сказано о некоем заранее намеченном плане по составлению сборника определенного содержания. Хотя еще не один раз писец-составитель обозначит свою задачу. Например, называя всю прожитую жизнь служением не Богу, а боярам, он пишет: «Последи же прииде в память, еже не съкрыти талант от Бога, преданнаго ми. И въсхоте написати своею рукою книгу», чтобы оставить до-

Таблица 1. Ветхозаветная часть Сборника Матфея Десятого

№ п/п книги в Библии	Перечень библейских книг	Перечень статей с порядковыми номерами и особенностями состава в Сборнике Матфея Десятого
		Предисловие с содержанием
1.	Бытие	1. Паремийный фрагмент (Быт.1, 1-13)
		2. «Епифаниево о пророках и пророчицах»
2.	Исход	нет
3.	Левит	нет
4.	Числа	нет
5.	Второзаконие	нет
6.	Иисуса Навина	нет
7.	Судей	нет
8.	Руфь	нет
9.	Первая книга Царств	нет
10.	Вторая книга Царств	нет
11.	Третья книга Царств	24. Два паремийных чтения (пр. Илье)
12.	Четвер. книга Царств	24. Одно паремийное чтение (пр. Илье)
		25. Таблица паремийных чтений
13.	Паралипоменон книга первая	нет
14.	Паралипоменон книга вторая	нет
15.	Первая книга Ездры	нет
16.	Книга Неемии	нет
17.	Вторая книга Ездры	нет
18.	Товит	нет
19.	Иудифь	нет
20.	Есфирь	нет
21.	Иова	20. Паремийная ред.: 5 паремий
		21. Словарь к пророчествам
		31. Предисловия к псалтыри 4: <u>Василия Великого, Иоанна Златоустого, Афанасия Александрийского, Никиты Ираклийского</u>
		32. <u>Беседа о первом псалме</u>
		33. <u>Повесть о псалмах археп. Евсевия</u>
		34. <u>«О шести ликах Давидовых и 25 главах»</u>
		35. <u>Указание молитв перед чтением Псалтыри</u>
22.	Псалтирь	36. <u>Псалтирь</u>
		37. <u>Таблица отсылок к стихам по темам, данным для 25 глав (к пред. «О шести ликах Давидовых и 25 главах»)</u>
		38. <u>Словарик «О неразумных словесех»</u>
		39. <u>Библейские песни: часть текстов полностью, часть в виде отсылок на места в книгах пророков</u>

№ п/п книги в Библии	Перечень библейских книг	Перечень статей с порядковыми номерами и особенностями состава в Сборнике Матфея Десятого
		40. Указание молитв после чтения Псалтири
23.	Притчи Соломоновы	22. Порядок следования текстов изменен
24.	Екклесиаст	26.
25.	Песнь Песней Соломона	27.
		28. Менандр
		29. Словарь толкований
26.	Премудрость Соломона	23. Не вся, паремийная ред.
27.	Премудрость Инсуса сына Сирахова	30. Порядок следования текстов изменен
28.	Исаия	15.
29.	Иеремия	17. Избранное: 1-13,1, 25.15-45, 52
30.	Плач Иеремии	18.
31.	Послание Иеремии	нет
32.	Варух	нет
33.	Иезекииль	16.
34.	Даниил	19. без деления на главы
35.	Осия	3.
36.	Иоиль	4.
37.	Амос	5. (с лакунами)
38.	Авдий	6. (с лакунами)
39.	Иона	7.
40.	Михей	8.
41.	Наум	9.
42.	Аввакум	10.
43.	Софония	11.
44.	Аггей	12.
45.	Захария	13.
46.	Малахия	14.
47.	Книга Маккавейския первая	нет
48.	Книга Маккавейския вторая	нет
49.	Книга Маккавейския третья	нет
50.	Книга Ездры третья	нет

стойный вклад по себе и всем своим сродникам (БАН, Срезн. II.75, л. 476 об.–477 об.). Во всем последующем тексте нет указаний о намерении Матфея создать некую конкретную по содержанию книгу. А это наводит на мысль, что специальной цели создать именно определенного содержания библейский сборник у писца-составителя не было. Попробуем в какой-то мере представить себе исходный замысел Матфея Ивановича, анализируя состав получившегося у него кодекса.

Начнем с того, что определим кодекс как единый Сборник, а не как владельческий конвюлот. Рукопись действительно формально распадается на две части: л. 1–477 об. и 478–550 об. Первая часть включает книги Ветхого и Нового Завета и ряд небиблейских статей (табл. 1 и 2, № 1–50). Вторая – Службы праздникам по Минее и Триоди на Благовещение, предпразднство Рождества, Рождество, Сретение, предпразднство Крещения, Богоявление, Преображение, Лазареву субботу, Неделю светлую, Великую пятницу и Великую субботу, 1–6 недели по Пасхе, Вознесение, Троицу, Успение и Рождество Богородицы, Воздвижение, Введение; Великий Акафист и Канон Андрея Критского (табл. 2, № 51–53). Об этом делении, обусловленном кодикологически (нумерацией тетрадей, которая есть только в первой части; особенностью почерка²), а также наличием в первой части своего рода обрамляющей рамки: введения с содержанием и некоторого заключения в форме объемной автобиографической записи, не раз писали исследователи [3: 60–61; 17: 27–28].

Однако вся рукопись, несомненно, представляет собой единый сборник, созданный одним составителем. Вторая часть кодекса не включает ни одной книги Священного Писания, но при этом состав первой части также никак нельзя назвать чисто библейским, так как в его конце переписаны единым блоком несколько текстов, не имеющих связи со Святым Писанием: Типикон с предисловием и росписью содержания, Таблицы солнечного и лунного круга, Месяцеслов (табл. 2, № 45–49). Интересно с этой точки зрения и то, что по результатам исследований А. Е. Жукова использованная во всей рукописи бумага одинаково разнородна (на ней встречается порядка 100 различных водяных знаков) и является, вероятно, комплексом остатков бумаги, возможно полученных Матфеем Ивановичем у своего прежнего работодателя «писаря Феодора» [5: 138–140]. Бумага с разными водяными знаками практически равномерно распределена по всей рукописи, в том числе и во второй ее части, где встречаются не особые водяные знаки, а те же, что на листах бумаги первой части.³ Таким образом, у нас нет оснований говорить о существовании двух независимо создававшихся аллигатов, впоследствии механически соединенных составителем в единый кодекс. Кроме того, на первых-последних листах двух частей (л. 1 и 477 об.; 478 и 550 об.) нет следов загрязнения и ранее существовавшего отдельного переплета. Таким образом, у нас нет оснований называть рукопись конвюлотом и сомневаться в том, что рукопись является единым целым, образованным волей писца-составителя.

² Об это подробнее см.: [6].

³ Автор благодарит А. Е. Жукова за предоставленную возможность ознакомиться с полной потетрадной таблицей-росписью всех водяных знаков рукописи.

**Таблица 2. Новозаветная часть Сборника Манфея Десятого
с прибавлением «Второй части»**

№ п/п книги в Библии	Перечень текстов Нового Завета	Наличие и порядковое место в Сборнике Манфея Десятого
		1. Послание Евсевия Кесарийского о разделении Аммонием Александрийским текстов на главы и таблицы конкордации мест Евангелий, составленные Евсевием Кесарийским
		2. «Сказание, преемлющего всего лета число евангелиям» с таблицами - это о порядке чтения Евангелий в течении года
		3. Молитва перед ежедневным чтением Евангелий
		4. Предисловие Феофилакта Болгарского к каждому из четырех Евангелий
		5. Оглавление на каждое Евангелие
1.		Евангелие от Матфея
2.		Евангелие от Марка
3.		Евангелие от Луки
4.		Евангелие от Иоанна
		10. О символах евангелистов
		12. Поучение к Феофилу (из толкований Иоанна Златоуста)
		13. Сказание книг деяний апостольских (из Синописа Афанасия Александрийского)
		14. Предисловие Ивфалия диакона
		15. Отшествие Павла апостола в страны на учение
		16. Написание глав апостольских (деление на 40 глав мч. Памфилия)
		17. Настоящая сея книги главы
		18. Сказание о 12 апостолах, Нач.: «Се блажений Давид дхмь учим...» – отличается от печатного варианта
		19. Сказание Дорофея Тирского о 70 апостолах.
		20. «Таблица свидетельств» ветхозаветных к Апостолу
5.		Деяния святых апостолов
6.	Собор. посл. Иакова	22.
7.	Собор. посл. Петра 1	23.
8.	Собор. посл. Петра 2	24.
9.	Собор. посл. Иоанна 1	25.
10.	Собор. посл. Иоанна 2	26.
11.	Собор. посл. Иоанна 3	27.
12.	Собор. посл. Иуды	28.
13.	Послание Павла римлянам	29.

№ п/п книги в Библии	Перечень текстов Нового Завета	Наличие и порядковое место в Сборнике Матфея Десятого
14.	Послание Павла коринфянам 1	30.
15.	Послание Павла коринфянам 2	31
16.	Послание Павла галатам	32.
17.	Послание Павла ефесянам	33.
18.	Послание Павла филиппийцам	34.
19.	Послание Павла колососянам	35.
20.	Послание Павла фессалоникийцам 1	36.
21.	Послание Павла фессалоникийцам 2	37.
22.	Послание Павла Тимофею 1	38.
23.	Послание Павла Тимофею 2	39.
24.	Послание Павла Титу	40.
25.	Послание Павла Филимону	41.
26.	Послание Павла евреям	42.
27.	Откровение Иоанна Богослова	11.
		43. «Слово черница Исайи о разделении Апостола» полнее чем в печатном тексте
		44. Указатель чтений из Апостола на дни всего года
		45. Предисловие к Типикону: «О еж съ всеким тщанием хранити игумену ... устав»
		46. Содержание из 148 глав
		47. Типикон
		48. Таблицы солнечного и лунного круга
		49. Месяцеслов
		50. Биографическая запись Матфея
		51. Службы праздникам: выписки из Минеи и Триоди
		52. Великий Акафист
		53. Канон Андрея Критского (конец утрачен)

Вернемся к проблеме общей тематики рукописи, которую часто называют библейским сборником. Для правомерности подобного определения сравним стандартный состав Библии – Вульгаты с библейской частью Супрасльского сборника и определим количественное соотношение входящих в состав библейских и небиблейских текстов. Делая это, нужно принять во внимание, что книги Священного Писания часто переписывались, издавались и издаются с объемным конвоем служебного характера. В написанном самим Матфеем содержании обозначено 68 позиций (л. 1 об.), а всего в сборнике 92 текста. Часть из них не включена в оглавление, потому что была написана позднее его составления [3: 60]; часть, вероятно, поскольку имеет служебный, подчиненный основному библейскому тексту, характер; еще часть, возможно, потому, что первоначально входила в состав самостоятельной второй части.

Всего в ветхозаветном разделе Сборника находится 40 текстов (табл. 1), среди них из Библии взято 27. Из 27 библейских 7 происходят из богослужебных книг (в таблице выделено жирным шрифтом) и являются перекопами. При этом 23 (в таблице курсив) книги Ветхого Завета вообще не переписаны, а больше половины переписаны не полностью или с перестановкой частей, что чаще всего связано с их происхождением из богослужебных источников. 13 текстов первой части (в таблице подчеркнуты) – не библейские. Важно понимать, что из них только Менандр является совершенно самостоятельным произведением, а многие, вспомогательные по отношению к библейским, тексты переписаны не только в Сборнике Матфея, но повторяются и в других списках и изданиях Священного Писания. Но их набор не является постоянным, а канонические Библии не включают все такие «служебные» статьи.

Состав этих текстов связан с источниками, с которыми работал Матфей Иванович, и содержит очень интересные, иногда редко встречающиеся произведения. В этой связи обозначим особо Словари-справочники из Ветхозаветной части [9], а из Новозаветной – Послесловие к Апостолу 1183 г. монаха Исаяи, переписанное из ранней сербской рукописи [16: 103–136], и сопровождающую это Предисловие статью «Толковники Апостолу быша Дидим, Златоуст, Ориген, Севир, Исихии, Апполинарии, Кирилл, Максим, Феодорит...» [16: 172]. По наблюдению С. Ю. Темчина эти два текста в последующей рукописной традиции создали целую традицию бытования,⁴ причем не только в приложении к Апостолу,

⁴ Здесь можно осторожно высказать предположение, что именно это предисловие монаха Исаяи, содержащее подробную автобиографическую запись, стало тем примером, благодаря которому Матфей Десятый порадовал нас своей детальной автобиографической припиской к тексту.

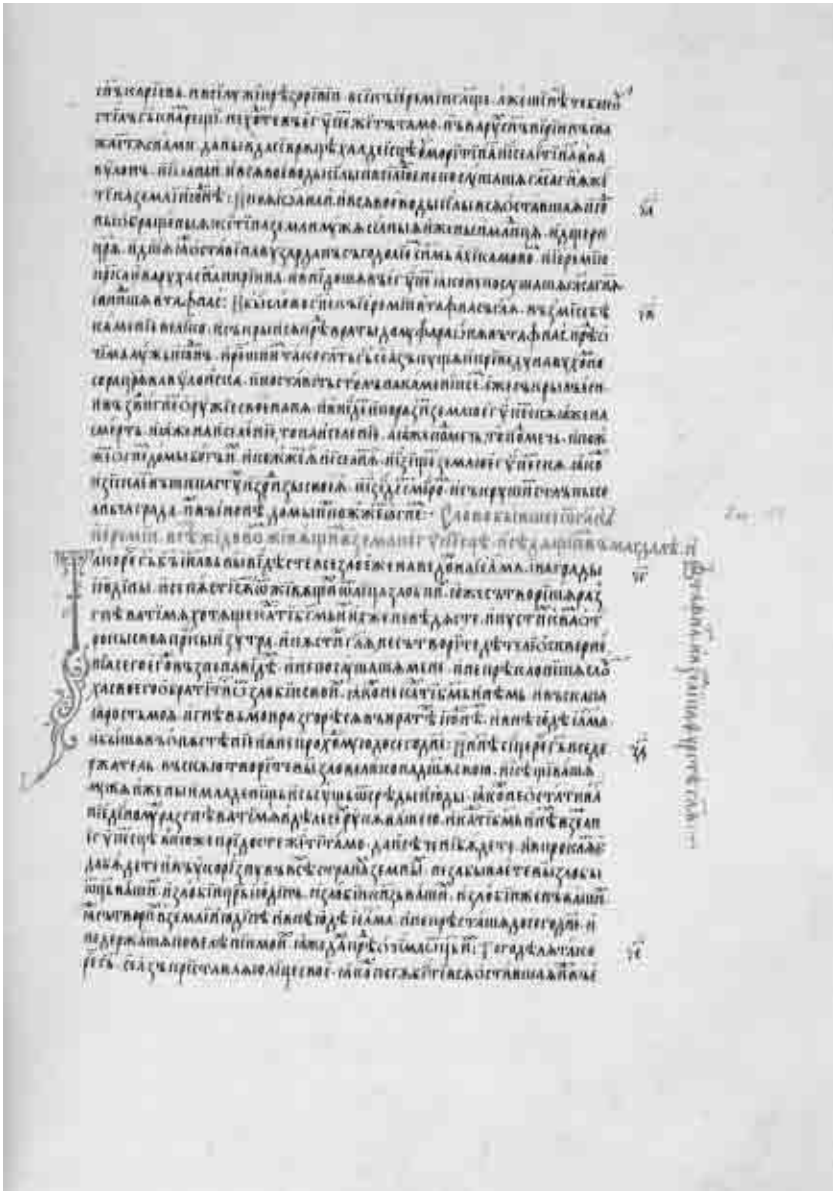

Рис. 3. Сборник Матфея Десятого (БАН, Срезн. II. 75), л. 99

**Таблица 3. Перечень инципитов глав Толкового Откровения
Иоанна Богослова, определяющих три основные редакции
славянского текста для периода XIII – нач. XVI в.**

№ главы	Инципиты определяющие для Боснийско-супрасльской редакции	Инципиты определяющие для Новгородской редакции	Инципиты определяющие для Московской (чудовской) редакции
3	«Андлу етеские цркви напиши глет, тако глтъ дръже 7 звыздь въ десныцы...»	«Англмь къ цркви глтъ, яко же се кто учителемь къ учимому обячай бо имать учитель...»	«Агглу ефесьския цркви напиши глтъ дръжай 7 звездъ десници своей...»
11	«И вдыхъ Сьдещаго на престлы въ десници книги, написане въ ниюду...»	«И видехъ въ десници Седяи на престоле книги, исписаны вьнутрь уду...»	«И видехъ въ десници Седящаго на прстле книги, написаны утрь уду...»
12	«И гла ми единъ от старецъ не плачися, се победиль естъ от колена иудова ...»	«И видехъ посреде престола и 4 животныхъ и посреде старць Агньць стоящъ яко заколень...»	«И видехъ посреди прстла и 4рь животныхъ и посреде старць Агнець стоящъ яко заколень...»
14	«И егда отвързе другу печать и слышашъ друго животно глуше: греды и виждь...»	«И егда отвързе втоую печат слышаш второе животное глуше гряди и виждь...»	«И егда отвързе вторую печать слышаш второму животну глючю: гряди и изыде...» + вариант
17	«И егда отвързе печать 5 и вдыхъ подь олтаремь дшъ члвчскихъ избьенихъ за слово Бжые и за свдѣтельство ИСХВо, еже имиаху...»	«И егда отвързе 5-ю печать, видехъ подь алтаремь дша члвкъ избьенныхъ за слово Бжие, за свдѣтельство еже имиаху...»	«И егда отвързе печат пятую и видехъ пред олтарем дшъ члчскихъ избьенихъ за слово Бжие и за свдѣтельство IV X во еже имае...» + вариант
18	«И егда отвързе 6 печать, быст трусь великъ, и слыце быст мрачно, еко вретисце...»	«И видехъ, егда отвързе печат шестую, и быст трусь велии, и слнце омрачено быст, яко вретисце...»	Нач.: «И видехъ егда отвързе печат 6-ю, и трусь великъ быст, и слнце черно быст, яко мехъ власянь...»
46	«И 1 англъ изыде излые пьель свою на землю и быст гнои заль и луть на члвцыхъ...»	«Изыде 1 англъ изиде излия фиаль свою на землю и быст гнои зьль и лютъ на оступницехъ члвцехъ, имущихъ начартание зверино и кланяющихся телеси его ...»	«И слышаш великъ глсь глщъ седми аггломъ идете и излейте 7 фиаль ярости Бья на землю. И отиде пръввий и излия фиалу свою на землю и быст гной золь...»

№ главы	Инципиты определяющие для Боснийско-супрасльской редакции	Инципиты определяющие для Новгородской редакции	Инципиты определяющие для Московской (чудовской) редакции
49	«И 4 андль излье пиель свою на слнце, и дано быст ему озноиты члвки...»	«И 4 англъ излия фиаль свою на слнце, и дано быст ему опалити члвки огнмъ и озноишася члвци зноемъ велиемъ...»	Нач.: «И четвертый агглъ излия фиалу свою на слнце, и дася ему ожещи огнемъ члвки...»
60	«И вдих инь андль сходяещъ с нбсе имущъ ключъ бездни и железно уже...»	«И видехъ англъ сходящъ с небесъ имущъ ключъ бездны и железно уже...»	«И видех инь аггла сшедша от нбси имуща ключъ бездны и веригу велику...»
63	«И аспис же Петра сказаетъ 2. Самыипирь...»	«И показа ему реку чсту и воды животныя...»	«И показа ми реку воды животныя светлу и кристалну исходящу от прстла Бья и Агньча...»
69	«И рче ми: Си словеса верна истова суть и Гь Бь стих проркъ...»	«Гь Бь прркъ англа своего посла показати рабомъ своимъ им же есть быти въскоре...»	Нач.: «И глтъ ми: Си словеса верна и истинна и Гь Бь дхмъ проркъ...»
70	«Азь Иоан видех и слышах си и падох поклонитися на ногу агглу...»	«Азь Иоан видевь и слышавъ си егда слышахъ и видехъ падохъ поклонитися на ногу англу...»	«И азь Иоанъ слышавый видевь сия и егда слышах и видех падох поклонитися пред ногама агглу...»
72	«Ване пси и чародеице и лубоице и убице идололатры и всаки скврвнитель...» + вариант	«В не пси и чародеици и любодей и убица, идолокатри и всяк творя и любя лжу...»	«В не пси и чародеи и блудници и идолслужители и всяк творяй и любяй лжу...»

но и в составе других сборников, например – в Измарагде [15: 170–171]. История других небиблейских текстов Сборника Матфея Десятого пока недостаточно изучена и может принести еще не одно открытие аналогичного характера. В любом случае, мы, несомненно, можем говорить о делении статей Сборника на собственно библейские и небиблейские.

С этой точки зрения важно, что тексты Священного Писания внутри рукописи расположены в порядке, отличающемся от принятого в Вульгате (табл. 1 и 2): на своем месте располагается только самое начало – паремийный фрагмент из книги Бытия, да и то лишь одна паремья (л. 2 об.). Остальные части стоят в порядке, определенном самим составителем [8: 141].

В новозаветную часть входят 44 статьи (учитываются только книги, переписанные в условно первой части, то есть до л. 478, во второй

части находятся девять небиблейских текстов; табл. 2). Здесь переписаны все 27 библейских книг, что, разумеется, связано с лучшей, по сравнению с ветхозаветными, распространенностью и доступностью текстов. Таким образом, всего из 77 книг Библии в сборник включены 54, при этом по крайней мере 10 Ветхозаветных текстов переписаны фрагментарно. Помимо 54 текстов Священного Писания (по 27 в каждой части – не специально ли составитель сделал количество книг в обеих частях одинаковым?) в сборнике переписаны 38 текстов не библейских: 13 в ветхозаветной и 25 в евангельской частях.

В Новом Завете, помимо ряда дополнительных статей, наибольшим отступлением от привычной композиции книг является положение Апокалипсиса. Об этом писали в базовой для исследования Сборника работе 1978 г. А. А. Алексеев и О. П. Лихачева. Они объяснили композиционное положение Апокалипсиса достаточно просто и точно – аналогичным положением в предполагаемом протографе [3: 80]. В качестве рукописи, имеющий такое же расположение Апокалипсиса, был назван известный Сборник попа Хвала 1404 г. (Пергамен. 359 л. Болонья, Университетская библиотека, № 3573В). Рукопись эта состоит из новозаветных текстов, Псалтири и дополнительных статей, и Откровение здесь следует именно за Евангелием от Иоанна. Аналогичным образом Апокалипсис расположен в Венецианском сборнике кон. XIV – нач. XV в. (пергмен. II + 287 л.; Национальная библиотека Марциана, *cod.Orient.* 227 (=168)).

Подобное положение привычно завершающего Библейский свод текста имеет логическое объяснение: Откровение Иоанна Богослова следует непосредственно за Благовествованием этого же апостола. Известна определенная традиция подобного размещения Апокалипсиса. Например, в двух сирийские рукописи XII–XIII вв., а также в комментарии на Новый Завет Дионисия бар Салиби († 1171) [7: 705]. Видимо, аналогично было положение Апокалипсиса в знаменитом Кодексе Безы V–VI вв., в котором этот текст не сохранился, но оставил следы [7: 705]. Известны четыре греческие рукописи, содержащие Новый Завет, где Апокалипсис расположен после Евангелия от Иоанна. Это рукописи *Athen Byzant Mus* № 155, 1292 г.; *Athen Muz Venaki* № 46, XII–XIII вв.; *Athen Nat Bibl* № 107, XIII в. и *Jerusalem Saba* № 101, XIV в.⁵ Таким образом, положение Апокалипсиса в Сборнике Матфея Десятого не является чем-то совершенно необычным и определяет-ся пусть не очень распространенной, но достаточно устойчивой традицией.

В настоящее время мы не можем говорить о том, что история славянской рукописной традиции текста Откровения Иоанна Богослова

⁵ Автор благодарит А.А. Алексеева за указание на перечисленные греческие рукописи.

хорошо изучена,⁶ но оно продвинулось достаточно серьезно. Принципиально новый шаг в обобщении материала был сделан А. А. Алексеевым и О. П. Лихачевой, которые выделили четыре редакции. Именно эти ученые впервые текстологически подтвердили близость редакций текста в сборнике Хвала (Болонья, Университетская библиотека, № 3573В) и сборнике Матфея Десятого [3: 80–83; 2: 12–13]. В настоящее время исследования Откровения ведутся целым рядом ученых [19: 177–180; 14: 20–23]. Для нашего исследования важно, что, кроме обозначенных в [2] двух рукописей, выявлены еще два боснийских списка Апокалипсиса XV в., относящихся к единой редакции [19: 183]. Эти тексты находятся в Радославове сборнике, сер. XV в., (Библиотеки Ватикана, Borg. Illir., № 12) и в Венецианском сборнике кон. XIV – нач. XV в. (Национальная библиотека Марциана, cod. Orient. 227 (=168)).⁷ Болгарская исследовательница И. Трифонова подтвердила признаки редакции дополнительным текстологическим материалом [19: 183–186].

Текст Откровения в Сборнике переписан Матфеем Десятым на л. 290–298 в типичном для православной традиции виде: он поделен на 72 главы, как это сделано свт. Андреем Кесарийский для толкования. Сами толкования отсутствовали, по всей видимости, уже в протографе [2: 11–12]. Толкований нет и в остальных списках Откровения, принадлежащих к боснийско-супрасльской редакции: в Сборнике Хвала, Венецианском, Радославовом сборнике и Ватиканском списке.⁸ Однако на полях Сборника 1507 года видны номера каждой главы (рис. 2), а также номера стихов – сущих (от 1 до 311), отрывков библейского текста, выделенных для толкования. Во всех списках боснийско-супрасльской редакции отсутствуют развернутое самоназвание, предисловие Андрея Кесарийского и оглавление, которые, как правило, имеются во всех толковых списках и оставлены, например, в нетолковом тексте Геннадиевской Библии (ГИМ, Синодальное собр., № 915, л. 878). Но в Сборнике Матфея Десятого сохранены названия глав из толкового варианта (в подавляющем большинстве совпадающие с основной новгородской редакцией и сохранившиеся в Геннадиевской Библии; рис. 2 и 6), которые написаны в тексте киноварью, что, также как и деление на 72 главы, говорит о изначально толковом протографе текста.

Последовательное сравнение частей текста Апокалипсиса (вне зависимости от того, толковым или нетолковым он является) – название 72 глав, их инципитов и экслицитов – является хорошим мето-

⁶ В [7] текстология славяно-русской традиции не представлена, а рукописи рассматриваются только иллюминированные (7: 740–745). Кратко историю изучения см.: [12].

⁷ О рукописях см.: [4: 215–217].

⁸ О принадлежности Сборника Матфея Десятого к боснийско-супрасльской редакции см.: [21; 19].

ВЪТРЕ
НА В

КНО. ПАШМЪ. ДЪДШВЪ.

АГ
АДАН
31

А СЪСАШИ ВЪ СКАЛѢНЪ ОУСТНЫ ПЛАН ПРАСЪУ. И ТУДА БЪ СЕБЪ.
СТРПРА ПІШІНЪ ПЪВЪ ЗЪ ХА ПЛОУ БЪ ГЫН. ПІКЪ ВЪ СЪРПЪ ГЪ ТЪ ГЪ.
ПЛОЖУ СЪАДЪ СЕ ПІЕ ПЕ. ПЕ ОБІ ПУ СЪ О ПЕ? СЛОВЕСА Г ПЪ. СЛОВЕСА ТЪ ГЪ.
СРЕ БРОРА ЖЪ ЖЕНО ПЕ СЪУШЕ ПО СЪ МАН. О ТІШЕ ПЕ СЪДЪ МОРИЩЕНО.
ТЪ С ПЕ СЪ ХРА ПІШІНЫ ПЕ СКАЛО ДІШІНЫ. О РОДА СТО ПІВЪ СЪ СЪ. О П
СЪ ПЪ СЪ ТІ ВІ ПУ ДЪ Д. ПОВЫСО ЧЪ ТЪ ВО ПІ ОУ МЛОЖІ ПІ С ПІ СЪ ТЫА.
О С О ЛЪ Г ПІ С А К У Д Е Ш І М М Д О С О П І А. Д О С О ЛЪ О К Р А Ц І А Ш І Л І Ц Е
ТЪ В О Ш М Е П Е. Д О С О ЛЪ П О Л О Ж У С Ы КЪ Т Ы ПЪ Д Ш І М О П. Б О ЛЪ
Т П І ВЪ С Р П І М О Г Д Ы П П О Ш Ы. Д О С О ЛЪ ВЪ П Е С Е С А В Р А ГЪ М О П І А
МЪ. П Р І С Р П І ОУ С А Ш І М М Г І К Е М О П. П Р О С В Ъ Т П О Т І М О П І А
П Е С О Г Л ОУ С П У В Ы С Р А ТЪ. Д А П Е С О Г Д Р Е Т Е К Р А ГЪ М О П. ОУ К Р І К
П І П У С А П А ПЪ С ТЪ Ж А Ц Е П М І Н ВЪ С ОУ Ч Е Д А Ш Е С А П О Д І Ж О
А Д Ж Е П А М А ТЪ ТЪ К О Т О ОУ П І А. ВЪ С Р А Ч Е ТЪ С Р Е М О П. СЪ С П Е Н ТЪ В О
П А С О П О Г І В І Е О Д Ъ В І Ш О М А П ТЪ. П І В І П А М І П П І П О В Ы Ш І П Е АУ. П І С Е П О Д Ъ

СЪ К Е С ОУ М П І ВЪ С Р П І С Т О В І А ПЪ К А ТЪ Р А ТЪ Ш А П О М Р А С Ш А
С А В Ы П А П І П А П І. ПЪ Т В О Р А П К А Т Ы П І П О. ГЪ С П К С Е П Р І П І Т Е П А П І
Т А Т Ы К Ы А. В І ДЪ Т І А Ш Е С Р А С ОУ М Ъ В А А П А П І ВЪ С Е С А П Е А.
В Ы П ОУ К Р О П І Ш А С А В І С У П Е П Е С А О Т І М П Е Ш І А. ПЪ С Т А ТЪ В О Р А
П К А Г О Т Ы П І П О. ПЪ Д О Е Д І П О Г А. П І П Р А С ОУ МЪ К А П І В І С ДЪ К А Л І О П І
К Е С А К О П І Е. С ПЪ Д А Ц І П Е П А С О М А ВЪ Х А Б А МЪ С ТЪ Г А П Е П І СЪ В А
Ш А. Т ОУ ОУ Б О А Ш А С А К О Л А П І П Д А С Е П Е КЪ Б О А С П І. І А К О ГЪ ВЪ
Р О ДЪ П Р В Ы П І П. С Ы ПЪ ТЪ П І П І Г А В П О С Р А М І С Т Е. ГЪ Ж Е ОУ П І П А П І
С Е М У С Т А. П Т О Д А ОУ С Е П А С П І П І Е І С Р А П І Ш О. Н Е Г А ВЪ С Р А Т П І ПЪ
П А КЪ П Е П І С А О Д І П С О П І. ВЪ С Р О СЪ А П І С О ВЪ П І ВЪ К А ГЪ Т Ы П І А. С А
П І С Т О К І Т А П І ВЪ К І А Ш І П Т В О Е. А П І С Т О С Е А П ТЪ В Ы С ТЪ П І Г О РЪ
Т В О П. Х О Д А П К Е Т П О Р О С А. П А ЧЪ Д А П Р А В У. Г А Д І П Е Т І П У П О Р І
П О Е. П І К Е П Е Д Ы С Т П А С Ы С О С О П І. П І С Т В О Р П П Е С Р Ы П Е М У С О П І
С А А. П П О П О Ш Е П І П Е П Р І А ТЪ П А К А П І Ж П А Д Е В О А. ОУ П І П І П І П А П Е
П РЪ П І П У К А В Ы П. Б О А П А П І ВЪ С Р А С А П О. І С А П І П І С А П І С Р Ы П Е М У
С О П І М У П І П О Ш МЪ Т А І А С А. С Р Е Б Р А В О О Г О П Е Д А П А Х В У. П А МЪ Д М
П А П Е П О В І П І П І П І П І П. Т В О Р А П І С А П О П І К І ТЪ В А П І П І П І. О П І
П А Х Р А П І М А П І П. І А С О Н А ТЪ ОУ Ч І В А. СЪ Г І П І Г Е М О П С Е С Т Ы. І А К А Г Ы
П ХЪ М О П П Е Т РЪ К У Ш І П. С Т Ы П І П І С У П А С Е М І П О Г О. ОУ Д І П І П ГЪ ВЪ
С А Х У ГЪ П І А С О В І П І П. ОУ М П О Ж І Ш А С А П Е М О Ш І П І П. П О С І ОУ С О Р П І
Ш Е С А. П Е СЪ К Е Р У СЪ Б О Р П І П І С Р А П І П І. П І П А М А П У Ж Е М І П І П А Х

А П І ПЪ А П І П І П А П І. П Л О МЪ. Д Ъ В Ы.

Рис. 5. Сборник Матфея Десятого (БАН, Срезн. II.75), л. 176 об.

дом для проведения компаративного исследования, не применявшегося в предшествующих исследованиях [14].⁹ Сопоставление текста Откровения Иоанна Богослова в Сборнике Матфея Десятого с текстом Сборника Хвала и текстами рукописей еще двух редакций (Новгородской и Чудовской) было проведено способом сплошного сличения всех глав текста по обозначенным позициям. В результате был выявлен целый ряд отличий, характерных только для рукописей боснийско-супрасльской редакции (табл. 3). Принадлежность текста Апокалипсиса из Сборника 1507 г. именно к этой редакции очень важно, так как на настоящий момент это единственный известный пример бытования варианта боснийско-супрасльской редакции на Руси до нач. XVI в.

Однако еще А. А. Алексеев и О. П. Лихачева отметили существование достаточного количества разночтений, не позволяющего говорить о том, что Апокалипсис из сборника Хвала мог быть антиграфом текста Откровения из Сборника Матфея Десятого [2: 12]. Полное сравнение всех названий глав, инципитов и эксплицитов выявляют признаки, отличающие текст в списках Апокалипсиса в Сборнике Хвала от Апокалипсиса в Сборнике Матфея Десятого. Эти различия особенно явны в главах 3, 11, 12, 13, 14, 17, 18, 46, 49, 60, 63, 69, 70, 72. Например, так выглядит инципит главы 72 в Сборнике Хвала: «Ване пси и чародеице и лубоице и убице идололатры и vsаки сквр̑ньитель...», а так у Матфея Десятого: «Въ не псы и чародеица и любодеица и идололатрее (отсылка на полях: идолоделатели) и всякьи сквр̑ну любви и лжу...». Рукописи написаны на разных языках – боснийском и русском изводах старославянского. Совершенно различно и художественное оформление кодексов [11]. Кроме того, сложно себе представить, что богомильский Сборник попа Хвала 1404 г. [3: 82] мог быть в начале XVI в. в составе богатейшей библиотеки Супрасльского монастыря, хранившей рукописи, принесенные из лучших православных книжных центров России, Болгарии, Сербии, Афона.

Существование значительных различий в списках Апокалипсиса в двух сборниках дает возможность предположить существование некоторого неизвестного или не дошедшего до наших дней списка текста, относящегося к той же редакции. Можно предположить сербское происхождение этого антиграфа [3: 81–82], в котором как раз и могло находиться сербское предисловие 1183 г. монаха Исаяи, отсутствующее в Сборнике Хвала 1404 г. Все это позволяет добавить еще несколько штрихов к истории боснийско-супрасльской редакции Откровения Иоанна Богослова. Мы можем предположить, что это мог быть сам список или копия

⁹ О значении структуры Апокалипсиса – деления на 72 или 22 главы см.: [13].

списка Нового Завета 1183 г. В любом случае, в распоряжении Матфея Ивановича был, вероятно, некий сербский достаточно ранний список (или его копия), в состав которого входили, кроме Евангелий и Апокалипсиса, расположенного после текста Благовествования от Иоанна, Апостол с особым составом подборкой дополнительных статей.

Но, кроме комплекса новозаветных текстов, у текста Апокалипсиса мог быть и какой-то источник другого типа. Известно, что существует традиция включать Апокалипсис, как единственный пророческий текст Нового Завета, в библейские сборники, в которые входили также ветхозаветные пророческие тексты, сборники афоризмов, Менандр и Пчела. Таковы, например, сборники XV–XVI вв. РНБ, собр. Погодина, № 227 (Откр., Менандр, Песнь, Притч), РГБ, ф. 113, № 13, РГБ, ф. 98, № 891 (то же) и др. [1: 28]. Таким образом, дополнительным источником, в соответствии с правилами контролируемой традиции, мог быть некий библейский сборник подобного состава. Сама рукопись дает нам некоторые кодикологические основания для подобного предположения. Обратимся к таким важным характеристикам, как оформление, бумага и почерк.

С точки зрения общего характера декора Сборник Матфея Десятого [10] можно условно разделить на две части: более парадную и изысканную и несколько более простую. Последняя манера характеризуется менее сложными инициалами в начале разделов библейских книг и отсутствием заставок перед началом текстов (рис. 3).¹⁰ Именно так, попроще, без заставок, особого декора инициалов и буквиц, написаны Пророческие книги и Апокалипсис (рис. 2 и 6). Такая особенность декора контрастирует с непосредственно предшествующими Откровению текстами четырех Евангелий. Разница в оформлении Евангелий и Откровения перекликается с аналогичной ситуацией в декоре заставок и красочных инициалов в начале каждого псалма и простых киноварных в начале каждой главы Пророческих книг (рис. 3 и 5). Согласно характеру декора Откровение Иоанна Богослова входит в некоторую условно более скромно иллюминированную группу текстов, к которым относятся не Новозаветная, а Ветхозаветная часть сборника, прежде всего – Книги Пророков. Апокалипсис, таким образом, мог переписываться одновременно не с книгами Нового Завета, а с книгами Ветхого Завета. Другим объяснением может служить предположение, что составитель сборника просто выработал определенные правила для оформления разных типов книг, и когда переписывал пророческие книги, применял именно их.

¹⁰ Исключение составляет заставка перед всем комплексом Книг Пророков: БАН, Срезн. П. 75, л. 3, но это одновременно и первая заставка, открывающая основную часть рукописи.

Таблица 4. Потетрадная роспись водяных знаков в Сборнике Матфея Десятого с указанием номера тетради, названия книги, номера листа и типа водяного знака Голова быка¹²

Тетрадь 20 Менандр

№ листа	148	149	150	151	152	153	154	155
Тип ВЗ	Б-17		Б-18		Б-18		Б-13	

Тетрадь 21 Иисус Сирахов

№ листа	156	157	158	159	160	161	162	163
Тип ВЗ	Б-18		Б-13	Б-15			Б-15	

Тетрадь 27 Псалтирь

№ листа	204	205	206	207	208	209	210	211
Тип ВЗ	Б-21	Б-23	Б-23		Б-20			

Тетрадь 29 Евангелие от Матфея

№ листа	220	221	222	223	224	225	226	227
Тип ВЗ				Б-18		Б-18	Б-18	Б-27

Тетрадь 30 Евангелие от Матфея

№ листа	228	229	230	231	232	233	234	235
Тип ВЗ	Б-28	Б-29	Б-30	Б-28				

Тетрадь 31 Евангелие от Матфея

№ листа	236	237	238	239	240	241	242	243
Тип ВЗ		Б-23	Б-18	Б-23				Б-31

Тетрадь 32 Евангелие от Марка

№ листа	244	245	246	247	248	249	250	251
Тип ВЗ		Т-6			Б-33	Т-7		Б-23

Тетрадь 38 Апокалипсис

№ листа	290	291	292	293	294	295	296	297
Тип ВЗ		Б-18		Б-23		Б-30		Б-28

¹² Выбраны тетради, где использована та же бумага, что и в тетради с Апокалипсисом.

Несколько слов скажем о бумаге. Благодаря труду А. Е. Жукова, мы имеем полную полистную роспись водяных знаков кодекса. И здесь нам представляется следующая картина: Апокалипсис занимает целую отдельную тетрадь № 38 (табл. 4). На последнем ее листе 39 строк вместо обычных 34, и хорошо видно, что писец явно писал мельче, несколько отличающимся от предшествующего текста и более убористым почерком, чтобы уместить все окончание на последнем листе (рис. 2 и 6). При этом в тетради нечетное количество листов, то есть последний лист тетради, на котором можно было бы спокойно дописать текст Апокалипсиса, не нарушая разлиновку и размер букв, просто вырван. Это можно объяснить только одним образом: текст Апокалипсиса переписывался отдельно. При соединении тетрадей в кодекс он был просто вставлен на отведенное ему место. Если бы переписывание шло последовательно книга за книгой Нового Завета, без сжатия и более убористого форматирования конца Откровения, то после последнего листа Апокалипсиса (л. 298 об.), должен был следовать последний листа тетради л. 299, на котором был бы переписан последний фрагмент текста Апокалипсиса, а за ним начался бы текст Деяний апостольских. Так что структура кодекса позволяет говорить о том, что вставка Апокалипсиса на то место, где он находится сейчас, стала следствием специальных рассуждений составителя, а не была изначально предопределена при переписывании.

Что касается водяных знаков, то здесь складывается ситуация, не позволяющая сказать ничего особенного о последовательности работы писца над Апокалипсисом: все четыре разновидности филигрانی голова быка, встречающиеся на бумаге в тетради с текстом Апокалипсиса, встречаются еще несколько раз, хотя и не часто (табл. 4). Они разбросаны по разным тетрадям и попадают в тексте Менандра, Псалтири, Евангелий от Матфея и Марка. Такая бумага не встречается ни разу после текста Апокалипсиса. Никакой прямой подсказки подобное распределение бумаги нам сделать не позволяет.

Аналогично обстоит дело и с почерками. Исследователи последовательно пишут о том, что в Сборнике можно обнаружить два разных почерка Матфея Ивановича: один более мелкий, узкий и второй – покрупнее. В Пророческих книгах и Псалтири он одного типа, в Новозаветной части, включая Апокалипсис, – несколько другой [6]. Если принять во внимание этот факт, с которым нельзя не согласиться (рис. 2, 3, 4, 5, 6), то ни бумага, ни почерк не дают нам пока возможности сказать что-то особое о нарушении последовательности написания книг Нового Завета, в том числе и Откровения Иоанна Богослова, которая бы отличалась от последовательности расположения книг в кодексе.

Но вот что можно сказать определенно. Матфей Десятый принял решение и уже после составления оглавления переписал и вставил паремью из книги Бытия в самое начало своего сборника (л. 2 об.), желая начать книгу с начала – с момента сотворения мира. Едва ли такой книжник, как Матфей Иванович, никогда не видел ни одной печатной Библии и не понимал значения текста, завершающего изложение истории человечества. Однако он не считал необходимым поставить Апокалипсис в конец книги, что было бы совершенно логично, если бы он составлял библейский сборник. С одной стороны, это можно объяснить тем, что он руководствовался неким образцом, где текст Откровения был помещен после текста Евангелия от Иоанна. Возможно, Апокалипсис воспринимался составителем прежде всего как тип пророческой книги. Не исключено, что он специально не хотел следовать латинскому образцу в знак неприятия насильственно навязывавшейся в Великом Княжестве Литовском православному населению западной культуры и религии.

Кроме того, если Матфей Десятый не ставил цели составить законченной подборки библейских книг, у него не было и цели завершить сборник концом истории. Писец считал возможным соединить в один кодекс две очень различные по составу части: одну, по большей части состоящую из текстов Священного Писания и Типикона, и вторую, преимущественно по составу богослужebную, включившую большие выписки из Следованной Псалтири, Минеи, Триоди, такие важные и любимые тексты, как Великий акафист, Канон Андрея Критского. Матфей Десятый пытался собрать под одним переплетом не просто все доступные ему библейские книги, а составить сборник, в котором было бы переписано все самое для него важное и необходимое для молитвы и келейного чтения. Завершая ветхозаветную часть, он прибавил к пророкам еще несколько книг, доведя их общее количество до 27, выровняв число текстов из Священного Писания в новозаветной и ветхозаветной частях, причем начал сборник с первой книги Библии. Но не считал нужным в Новом Завете закончить ее рассказом о конце света и Страшном суде. Возможно, именно положение Апокалипсиса все-таки свидетельствует о том, что Матфей Иванович не пытался составить именно библейский свод книг, а произвольно собирал некоторый сборник из наиболее важных и интересных для него текстов.

Литература

1. *Алексеев А. А.* Текстология славянской библии. СПб., 1999.
2. *Алексеев А. А., Лихачева О. П.* К текстологической истории древнеславянского Апокалипсиса // *Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР.* 1985. Л., 1987. С. 8–22.

3. *Алексеев А. А., Лихачева О. П.* Супрасльский сборник 1507 г. // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги.* Л., 1978. С. 54–88.

4. *Вялова С. О.* Памятники средневековой боснийской письменности XII–XV вв. в хранилищах Санкт-Петербурга // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. 31. СПб., 2010. С. 209–249.

5. *Жуков А. Е.* Водяные знаки Супрасльского сборника 1507 года: Предварительные наблюдения // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIX Междунар. науч. конф. Москва, 13–15 апреля 2017 г.* М., 2017. С. 138–140.

6. *Жуков А. Е.* Были ли у Матфея Десятого ученики? К характеристике письма Супрасльского сборника 1507 г. // *Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания.* СПб., 2017. С. 149–157.

7. *Иоанна Богослова Откровение* // *Православная энциклопедия.* Т. 24. М., 2010. С. 705–745.

8. *Калугин В. В.* Книги пророков в Библии Матфея Десятого 1502–1507 годов // *Славяноведение.* 2017. № 2. С. 26–39.

9. *Калугин В. В.* Указатель Матфея Десятого «От пророчеств пословицы» и его русские источники // *Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания.* СПб., 2017. С. 137–148.

10. *Панченко Ф. В.* «Еже не скрыты таланта от Бога преданного ми»: Материалы к творческому портрету Матфея Десятого // *Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской.* М., 2015. Т. 2. С. 171–208.

11. *Панченко Ф. В.* Концепт художественного оформления кодекса Матфея Десятого // *Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания.* СПб., 2017. С. 124–136.

12. *Подковырова В. Г.* История изучения Новозаветного Апокалипсиса: Несколько слов о тексте // *Подковырова В. Г.* Лицевые апокалипсисы второй половины XVII – начала XX века. М.; СПб., 2016. (Описание рукописного отдела Библиотеки РАН. Т. 10. Вып. 2). С. 20–23.

13. *Подковырова В. Г.* Стенопись монастырей Афона и иконография русских лицевых Апокалипсисов // *Афон и славянский мир. Сб. 1: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 1000-летию присутствия русских на Святой Горе. Святая Гора Афон, 2014.* С. 292–314.

14. *Подковырова В. Г.* Указатель инципитов Откровения Иоанна Богослова как поисковый аппарат и основа для изучения редакций текста // *Материалы Международной конференции «Средневековнине славянски литератури в дигиталнага ера: таксономия на термините и реален текст в ръкописите», 25–26 октябрия 2017, Ин-т литератур-ы Болгарской Академии наук. София, [в печати].*

15. *Темчин С. Ю.* Матвей Десятый и составление третьей (литовской) редакции Измарагда // *Slavicavilensis 2005–2009.* Kalbotyra 54 (2). 2010. P. 169–178.

16. *Темчин С. Ю.* Послесловие к четъему Апостолу 1183 г. монаха Исаяи в супрасльском списке Матвея Десятого 1502–1507 гг. // *Piśmienni ctwockerkiewno słowi-аńskiej sztukacer kiewnaw kulturze Wielkiego Księstwa Litewskiegoi Korony Polskiej. Krakovsko-Wilenskie studia slawistyczne 6.* Krakov, 2011. P. 103–136.

17. *Темчин С. Ю.* Роль Матфея Десятого в православной культуре Великого Княжества Литовского // *Latopisy Akademii Suprraskiej. Vol. 1: Prawoslawni w dziejach Rzeczy pospolitej.* Bialystok, 2010. С. 27–35.

18. *Трифопова И. К.* Книга Откровение на св. Йоан Богослов в Кирило-Методиевската книжовна традиция / Автореф. на дисертация за присъждане на образователната и научна степен «доктор». София, 2007.

19. *Трифопова И. К.* Откровение св. Иоанна Богослова среди православных славян и в южнославянской письменности // *Studia Cerania. Journal of the Ceran Research Center for the History and Cultural of the Mediterranean area and South-East Europe.* 2016. № 6. P. 177–204.

20. *Трифопова И.К.* Южнославянската редакция на Тълковния апокалипсис (речник-индекс и издание на запазената част от Националната библиотека «Св. Кирилл и Мефоди», София, № 101. XVI в.) // *Paleoslavica.* 2014. Vol. 22. № 1. P. 119–163.

21. *Grünberg K.* Diekirchen slavische Überlieferung der Johannes-Apokalypse. Frankfurt/M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1996. (Heidelberger Publikationen zur Slavistik. A: Linguistische Reihe. Bd. 9.).

О ветхозаветной книге Екклесиаст в Сборнике Матфея Десятого в сравнении с другими коллекциями библейских книг

*канд. филол. наук
Оксфордский университет (Великобритания)
email: lyubov.osinkina@wolfson.ox.ac.uk*

В данной заметке говорится о текстологической истории ветхозаветной книги Екклесиаст в славянской традиции. Кириллические рукописи с церковнославянским переводом Екклесиаста по времени датируются XV–XVI вв. Они сохранились в виде четьего текста, отрывков толкового текста и интерполяции из библейских стихов с толкованиями в составе некоторых списков с четвым текстом. Проведенный текстологический анализ полного текста Екклесиаста говорит о том, все сохранившиеся кириллические рукописи содержат один перевод, сделанный между X – началом XV в.

Ключевые слова: Сборники библейских книг, церковнославянский, средневековый перевод, восточнославянские рукописи.

Ветхозаветная книга Екклесиаст входит в книги премудростей, которые были получены славянами из византийских источников. В византийской традиции известны два типа текста книги Екклесиаст: четий и толковый. В общей сложности существует около ста рукописей этой книги, датируемых временем 300 г. н. э. – XVII в. Среди сохранившихся копий 5 папирусов, 6 рукописей, написанных унциалом и около 92 рукописей, написанных минускулом.

Что касается древнеславянской традиции, то четий текст сохранился в 32 восточнославянских рукописях XV–XVII вв. В 8 рукописях XV–XVI вв. имеется вставка в четьем тексте из 38 стихов той же самой книги с толкованиями. Помимо этого имеются отрывки толкового текста в 1 рукописи XVI в. Сохранился хорватский церковнославянский текст в переводе с латинского в глаголических бревиариях 17 рукописей XIII–XVI вв.

В византийских флорилегиях Екклесиаст обычно сопровождается книгами Притч, Иова, Иисуса Сирахова, Песни Песней и Премудрости

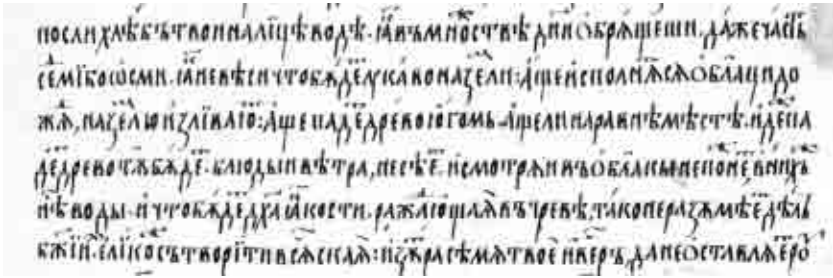

Рис. 1. Еккл. 11:1–5 (Супрасльський збірник Матфея Десятого, БАН, Срезн. II.75).

Соломона. В полном составе этот набор книг сохранился в 25 греческих рукописях IX–XV вв., иногда их сопровождают Книги Пророков. Схожая картина наблюдается и в сохранившихся восточнославянских рукописях, где Екклесиаст имеет тот же конвой, иногда сюда включается и Менандр, как, например, в сборнике Матфея Десятого.

Все вышесказанное дает достаточно оснований ожидать, что Екклесиаст окажется в составе книг премудростей и в южнославянских рукописях, но по каким-то неизвестным причинам Екклесиаст не включен в их состав. Так например, хорошо известная рукопись конца XIV в. (РНБ ГЛ.461) не включает в себя Екклесиаст, хотя и содержит другие книги премудростей: Притчи, Песнь Песней, Иуса Сирахова и Иова. Подобно многим текстам, возникшим, по всей видимости, в Болгарии, перевод Екклесиаста сохранился исключительно в восточнославянских списках.

Невозможно датировать время перевода с какой-либо степенью точности при отсутствии рукописей ранее XV в. В дополнение, на лингвистический анализ именно данного текста накладываются определенные ограничения, вызванные весьма стандартизованным характером церковнославянского языка. Его лексикон кажется нейтральным, в результате чего его невозможно связать с каким-либо определенным периодом ввиду того, что один и тот же словарный состав использовался на протяжении всего периода с X по XV в. Славистами были составлены списки слов, содержащих преславские и охридские выражения/лексемы [4; 5].

Однако в переводе Екклесиаста недостаточно отражен набор этих слов, несмотря на то, что несколько преславских лексем, таких как *источник*, *велик*, *масло*, *лукавыи* читаются в тексте. Замечу, что уже к XV в. «преславские» и «охридские» чтения считались вполне стандартными, из чего следует, что в нашем случае такие чтения совсем не обязательно окажутся надежными и достоверными свидетельствами времени перевода. Причина заключается в том, что если текстологическая традиция

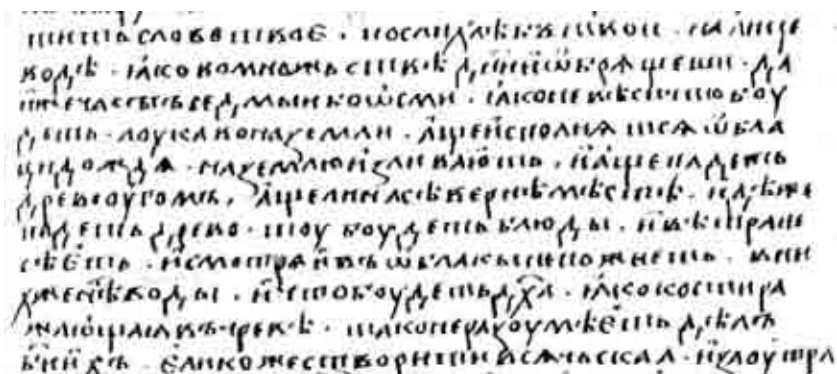

Рис. 2. Еккл. 11:1–5 (сборник библейских книг, РГБ, ф. 310, № 1).

достаточно консервативная, то слова, признанные характеризовать ранние переводы, могут быть использованы и в более поздних по времени рукописях.

Интересно сравнить текст Екклесиаста из Супрасльского сборника Матфея Десятого 1502–1507 гг. с двумя другими коллекциями библейских книг, а именно сборником библейских книг (РГБ, ф. 310, № 1, последняя четверть XV в.), редактировавшимся Иваном Черным, и Геннадиевской Библией 1499 г., составленной в Новгороде архиепископом Геннадием (ГИМ, Синодальное собр., № 915). Составители этих сборников были современниками, трудились приблизительно в одно и то же время, выполняя одни и те же задачи, живя в разных местах: Вильне – Супрасле, Москве и Новгороде. Как заметил С. Ю. Темчин, Матфей Десятый приступил к работе всего на 16 лет позже Ивана Черного [3].

Рукописи Матфея Десятого, Ивана Черного и Геннадиевской Библии в отношении книги Екклесиаст подразделяются на три группы, а именно: у Матфея Десятого четый текст простой без интерполяции и лакуны, у Ивана Черного текст с интерполяцией и лакуной 8:16–9:14, в то время как в Геннадиевской Библии в интерполяции удалены толкования и заполнена лакуна. Матфей Десятый, как и составители Геннадиевской Библии, имел доступ к спискам простого неинтерполированного текста, в отличие от Ивана Черного. Возможно, Матфею могли оказать помощь в этом его родные, которые жили в монашеских обителях Новгорода, Полоцка и Торопца. Об этом остается только гадать. Вместе с тем, его Супрасльский сборник в части Екклесиаста демонстрирует полную независимость от Геннадиевской Библии, поскольку содержит в некоторых стихах более исправные чтения на месте порченных в ГБ [1: 71]

Нижe приводится отрывок из 11 главы Екклесиаста, стихи 1–5 по тексту Геннадиевской Библии с разночтениями из Ундольского 1 и Су-прасельского сборника Матфея Десятого.

11:1 ἀπόστειλον τὸν ἄρτον σου ἐπὶ πρόσωπον τοῦ ὕδατος ὅτι ἐν πλήθει τῶν ἡμερῶν εὐρήσεις αὐτόν 2 δὸς μερίδα τοῖς ἑπτὰ καὶ γὰρ τοῖς ὀκτώ ὅτι οὐ γινώσκεις τί ἔσται ποιηρὸν ἐπὶ τὴν γῆν 3 ἕαν πληρωθῶσιν τὰ νέφη ἕκτου ἐπὶ τὴν γῆν ἐκχέουσιν καὶ ἕαν πέση ξύλον ἐν τῷ νότῳ καὶ ἕαν ἐν τῷ βορρᾷ τόπῳ οὐ πεσεῖται τὸ ξύλον ἐκεῖ ἔσται 4 τηρῶν ἄνεμον οὐ σπερεῖ καὶ βλέπων ἐν ταῖς νεφέλαις οὐ θερίσει 5 ἐν οἷς οὐκ ἔστιν γινώσκων τίς ἡ ὁδὸς τοῦ πνεύματος ὡς ὅσα ἐν γαστρὶ τῆς κυοφοροῦσας οὕτως οὐ γνώση τὰ ποιήματα τοῦ θεοῦ ὅσα ποιῆσει σὺν τὰ πάντα

11:1 Посли хлѣвъ твои на лице водѣ. како въ мнѡжествѣ и веращещи. 2. Дажь часть седми и воиса како не вѣси что вѣдетъ лѣкво на земли. 3. аще испльнат са облаци дождѣ , на землю изливаетъ. и аще падет древо дрѡм. аще ли на вѣрнем мѣстѣ. идеж падеть древо. тоу вѣдетъ, 4. влюды вѣтра не сѣет и смотри в облаки не пожнет. 5. в ниже нѣсть воды. и что вѣдетъ аха. како кости разжающа въ чревѣ. тако не размѣть дѣлъ бжѣихъ. еликоже сотворити всащскаа.

1: и] дѣии Und.1, Supr. ||

2: даждь] даи же Und.1 даже Supr., || седми] вои са]

во всми Und.1, Supr. ||

3: и аще] и om. Supr. || || вѣрнем] сѣвернѣ Und.1, равнѣ Supr. ||

Кажется, что следует говорить об ограниченном числе копий ветхозаветной книги Екклесиаст, которые циркулировали одновременно в Москве и Новгороде и которые восходили к одному единственному источнику (с лакуной и интерполяцией). Рукопись же РГБ, ф. 310, № 1 являлась самой полной коллекцией библейских книг во время, предшествующее появлению Геннадиевской Библии, так как она содержала все библейские книги за исключением тех, которые были переведены с латыни. Остается неизвестным, по чьему приказу эта рукопись была скопирована, но из коллофона другой книги, так называемого Еллинского летописца, мы знаем, что последняя была переписана Иваном Черным в 1485 г. по приказу великого князя Ивана [2: 70]. Опираясь на данный пример, можно высказать предположение, что по всей вероятности и РГБ, ф. 310, № 1 также предназначалась для тех же самых высоких московских кругов.

Необходимо обратить внимание на местоположение Екклесиаста в Геннадиевской Библии. Книга не была переведена с латыни или же специально для ГБ. Взамен этого текст был скопирован с существующей рукописи. Кажется наиболее вероятным, что копия, используемая соста-

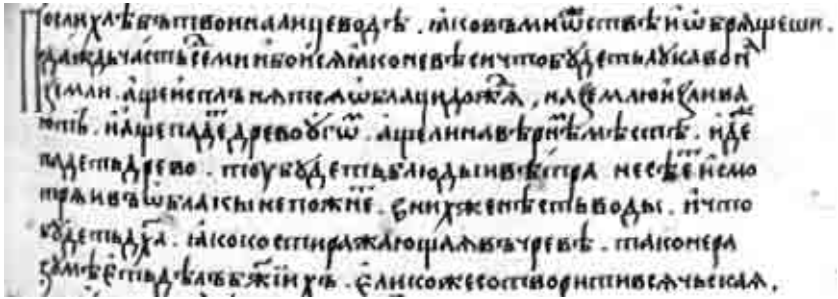

Рис. 3. Еккл. 11:1–5 (Геннадиевская Библия, ГИМ, Синодальное собр., № 915).

вителями, содержала в себе интерполяцию и лауну. В результате исследования было установлено, что в экземпляре, находившемся у составителей, текст Екклесиаста сохранил интерполяцию, содержащую библейские стихи с толкованиями. Текстологические данные свидетельствуют о том, что составители инициировали удаление толкований на Екклесиаст в интерполяции, но при этом оставили в целости библейские стихи

Отсутствие каких-либо маргинальных заметок на полях текста Екклесиаста в рукописи РГБ, ф. 310, № 1 и Супрасльского сборника, вероятно, служит указанием того, что текст этой книги не представлялся особо важным в еклезиастических спорах. Иван Черный, писец сборника, внес глоссы и исправления в тексты некоторых других ветхозаветных книг. Вместе с тем, некоторые описки, встречающиеся в данной рукописи в тексте Екклесиаста, могут указывать на то, что текст переписывался с меньшей внимательностью. Возможно, что в то время просто не существовало другой копии Екклесиаста, с которой Иван Черный мог бы сравнить свой текст. Рукопись РГБ, ф. 310, № 1 переписывали несколько писцов. К сожалению, у нас нет возможности сказать, переписывался ли текст Екклесиаста непосредственно самим Иваном Черным или же кем-то другим. Отсутствие специального интереса к тексту Екклесиаста демонстрирует и Матфей Десятый, на полях Супрасльской рукописи нет каких-либо глосс, хотя составитель сборника оставил довольно обширные маргиналии к другим библейским книгам. Все это указывает на достаточно «маргинальный» статус книги Екклесиаст в славянской традиции.

Литература

1. Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги. Л., 1978. С. 54–88.

2. *Клосс Б. М.* Книги, редактированные и писанные Иваном Черным // Записки Отдела рукописей. Т. 32. М., 1971. С. 61–72.

3. *Темчин С. Ю.* Роль Матфея Десятого в православной культуре Великого Княжества Литовского // *Latopisy Akademii Supraskiej*. Vol. 1: Prawoslawni w dziejach Rzeczypospolitej. Bialystok, 2010. С. 27–35.

4. *Karačorova I.* Kām vaprosā za Kirilo-Metodievskija starobālgarski prevod na psaltira // *Kirilo-Metodievski studii*. 1989. № 6. S. 130–245.

5. *Slavova T.* Preslavska redakcija na Kirilo-Metodievija starobālgarski evangelski prevod // *Kirilo-Metodievski studii*. 1989. № 6. S. 15–129.

Комплекс календарно-астрологических таблиц в Супрасльском сборнике

д-р ист. наук

БАН

email: anastasiya_roman@mail.ru

Рассматриваются статьи комплекса календарно-пасхальных и астрологических таблиц Супрасльского библейского сборника 1507 г., помещенного на л. 474 об.–476 рукописи. Приводится сравнение с таблицами Геннадиевской Библии 1499 г. и славянской традицией составления календарных комплексов XIV – начала XVI в.

Ключевые слова: Славянские рукописи, календарь, расчет пасхи, календарные таблицы, Библия, средневековая хронология и астрология.

В Супрасльском библейском сборнике, или Сборнике Матфея Десятого (БАН, Срезн. II.75) прослеживаются самые разнообразные интересы составителя [1].

В состав Сборника, помимо всего прочего, вошли святцы, состав которых может стать предметом отдельного исследования, календарно-пасхальные и астрологические таблицы. Этот комплекс расположен на л. 474 об.–476, то есть непосредственно перед началом писцовой записи.

Помещение пасхальных таблиц в сборники библейских текстов встречается нечасто, пасхальные и календарные таблицы и тексты чаще всего можно увидеть в составе Псалтирей с воследованием и церковных уставов [4: 158–181].

Впрочем, наиболее известным образцом размещения в славянских библейских рукописях таблиц обретения подвижных праздников, лунного течения и астрологических таблиц является Геннадиевская Библия – ГИМ, Синодальное собр., № 915, л. 904–908 об., календарные приложения к которой неоднократно становились предметом изучения, в частности, в неизданном докладе А. М. Пентковского [3].

Комплекс таблиц в Геннадиевской Библии и комментарии к ним шире, чем в Сборнике Матфея Десятого, однако календарно-хронологический раздел Геннадиевской Библии и Сборника Матфея Десятого сбли-

жают две достаточно редкие таблицы, одна из которых астрологическая, а другая – таблица пасхалии.

В частности, и в Геннадиевской Библии и в Сборнике Матфея Десятого (рис. 1, л. 475 об.) имеется таблица на 19 «золотых чисел» (номеров лунного цикла) с указанием знаков зодиака, известная также в ряде других списков календарных таблиц в рукописях конца XV – начала XVI в., однако более традиционного состава для помещения календарно-хронологических комплексов [4: 132]. В сборнике Матфея Десятого эта таблица помещена под заголовком «рука законная» – заголовок, который обычно располагается у таблиц 19 кругов луны и пасхальных полнолуний.

Данная таблица всегда вызывала наибольший интерес у тех, кто занимался историей астрологии [2].

Собственно, здесь перед нами таблица из 27 строк, которые, вероятно, можно связать с «лунным зодиаком». В таблице использована кириллическая азбука (не целиком, только 27 букв, до буквы Ш), повторяющаяся в определенном порядке в каждом столбце, что позволяет сделать предположение о наличии в этой таблице условных данных о так называемых «лунных стоянках» (связанных символично с неподвижными звездами, благодаря чему возможно указать их расположение относительно знаков Зодиака). В колонке слева помещены данные о частях человеческого тела, в 19 колонках – данные о круге луны, в колонке справа – указание на знак зодиака. Существенное отличие таблицы в Геннадиевской Библии (и аналогичной ей таблицы в рукописи нач. XVI в. – РГБ, ф. 304.1, № 315, л. 500) от таблицы в Супрасльском сборнике является отсутствие в Геннадиевской Библии колонки слева (указания на части тела) и разночтения в используемом алфавите.

Так, в Синод. 915 алфавитный ряд следующий:

а б в г д е ж з з и ѿ ї к л м н ѓ о п р с т у ф х џ ѡ,

тогда как в Срезн. II.75 порядок следования и отдельные буквы выглядят иначе:

а б в г д е ж з з и ї к л м н о п р с т у ф х ѡ ц ч ш

Указанные разночтения свидетельствуют о том, что, несмотря на внешнее сходство, в Геннадиевской Библии и Супрасльском сборнике присутствуют разные редакции таблицы, возможно, разные переводы. Однако в настоящее время автор данной заметки не располагает сведениями о западноевропейских изданиях библейских книг, содержащих подобные дополнения. Некоторые аналогии зодиакальной таблице известны в западноевропейских календарях конца XV в., например, в календаре Йорга Глокендона 1491 г. [7: 96–102].

Еще одна таблица, которая известна и в Библии 1499 г., и в Супрасльском сборнике – это достаточно характерная малая таблица Великого Ин-

диктиона, размещенная на л. 475 (рис. 2). Она представляет собой сокращенный вариант хорошо известной таблицы обращения пасхалии – Великого Индиктиона на 532 года, образуемой из умножения 28 кругов солнца и 19 кругов луны. Громоздкая таблица может быть сокращена в четыре раза – до таблицы из 133 клеток (получаемой умножением 7 вруцелет, каждому из которых соответствуют 4 круга солнца и 19 кругов луны). «Миротворным кругом» или «Великим индиктионом» такая таблица в источниках не именуется, но суть ее остается той же: в 133 полях этой таблицы, описанной, в частности, в «Учении отроком хотящим учиться ведению ключа границы азбучные», созданном около 1496 г. [5], помещается ключевая буква года, то есть зашифрованная дата Пасхи. Определить эту букву, или дату Пасхи, возможно, зная или рассчитав круг луны (19 строк) и вруцелето (7 столбцов).

Условно называемая малая таблица Великого Индиктиона встречается в разных славянских традициях (наиболее ранний известный автору данной заметки в настоящее время список – сербский список Устава последней четверти XIV в. – РГБ, ф. 270. II, № 27, л. 1 об.).

В Супрасльском сборнике таблица Великого Индиктиона сочетается с данными зрячей пасхалии – то есть со сведениями о сроках переходящих постов и праздников, что оправданно с точки зрения экономии места, но осложняет поиск данных. В каждой клетке рядом с ключевой буквой бுவально втиснуты данные о количестве недель и дней мясо-ястия, о неделе о мытаре и фарисее, мясопусте, Пасхе, мясопусте Петрове и продолжительности Петрова поста. Каждый хронологический термин сокращен до 1–2 букв, что свойственно календарным таблицам. Названа эта таблица «Рука Иоа(нна) Дамаскина». В колонках справа и слева приведены все возможные данные о лунном цикле, применяемые в христианской пасхалии: собственно, «круг луны», фемелио (основание, или возраст луны на 1 марта), «пасха жидом» (пасхальное полнолуние), пост жидом (время от условного «еврейского мясопуста» до «пасхи жидом» [6]), епакта лунная (данные о возрасте луны), а также указание на «день луне».

Много более часто в славянской рукописной традиции встречаются вспомогательные таблицы пасхалии, которые в Супрасльском сборнике имеют, впрочем, отдельный комментарий, что встречается далеко не всегда.

На л. 474 об. (рис. 3) помещены традиционные таблицы расчета круга солнца (в литературе они именуется «трехтабличным комплексом»), это:

1) таблица соотношения кругов солнца и вруцелета (в данном случае названа «Рука Иоанна Дамаскина», как и рассматривавшаяся ранее таблица на л. 474), но чаще именуется «Рукой Иоанна Богослова»),

2) таблица кругов луны и дат пасхального полнолуния (или «еврейской фаски») (в русской календарной традиции иногда именуется «рукой Моисея законодавца»),

3) таблица солнечных регуляров («месячных чисел» или «прикладов»; в Супрасльском сборнике размещена внизу под комментарием к первым двум таблицам) при сложении с вруцелетом года и вычитании числа, превышающего восемь, позволяет определить день недели первого числа месяца.

Четвертая таблица, постоянно встречающаяся в календарно-хронологических комплексах в рукописях XV–XVII вв., – это таблица 35 ключевых букв (обозначающих дату Пасхи – с 22 марта по 25 апреля). Она именуется обычно «Границей мудрой первого собора святых отец», но иногда, как и в случае со Сборником Матфея Десятого, «Границей мудрой седмаго събора святых отец 318». Содержание ее также подробно указано в комментарии: «еуж считается, когда бывает Рожество Христово, и колико недель бывает мяс(а) ясти, и колико дни к тым неделям. В которой любо клетце учтется азбучное слово чръное, то ту есть настоашаго году слово [то есть ключевое слово. – *А. Р.*]. А еже точки, то ти есть дни, толко к вышеписаным неделям еже есть выше граници мясаясти [в верхней строке для каждого столбца указано количество недель. – *А. Р.*]. А еже чрълении числа в граници, то есть месяца книжнаго числа, марта или априля, того числа Пасха христианом бывает. А Рожество Христово или святого апостола Петра по краю дни их писаны, в которой любо клетце будет, тот тот день дръжит тыи клеткы против себе».

Завершает эту часть комментариев практическое указание о быстром расчете дней в неделе: «Число како считати в месяци недели: 1 неделя 8 неделя 15 неделя 22 неделя 29 неделя 30 31 злишок».

Разворот л. 474 об.–475 – единственный в сборнике, имеющий прямое отношение к церковному календарю. В принципе, его можно было бы дополнить данными «зрячей пасхалии» – то есть дополнительными сведениями о переходящих праздниках, зависящих от сроков Пасхи, но такой распространенный вид пасхальных таблиц в Сборнике Матфея Десятого отсутствует.

Еще одна календарная таблица – «круг лунный на 19 лет» на л. 476, как и астрологическая таблица на л. 475 об. (на поле помещено указание на номер условной главы в рукописи – «67»), не имеет прямого отношения к церковному календарю (рис. 4). В ней помещены данные о «настатии» небесных месяцев применительно к «книжным», то есть календарным месяцам. Здесь особый интерес представляет комментарий, позволяющий сразу понять, что именно содержится в каждой клетке та-

блицы (а это далеко не всегда очевидно в случае со славянскими календарно-хронологическими комплексами): «черлении числа крузи луннии, а чернии числа часы вказуеть, в который час в котором числе книжном наставет».

Таблицы в Сборнике Матфея Десятого включают, таким образом, как собственно таблицы пасхалии, так и календарно-астрологические сведения, особый же интерес представляют комментарии к отдельным частям таблиц, возможно, составленные составителем Супрасльского сборника. Подробные комментарии к календарным таблицам и отсутствие комментариев к астрологической части таблиц оставляют открытым вопрос о том, какую цель преследовал составитель библейского сборника, помещая в его состав таблицу астрологического содержания.

Литература

1. *Алексеев А. А., Лихачева О. П.* Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги. Л., 1978. С. 54–88.
2. *Гайдук Г. В.* Доклассическое естествознание Восточной Европы конца XV – середины XVIII в. Минск, 2010.
3. *Пентковский А. М.* Календарные таблицы в Геннадиевской Библии // Пятьсот лет Геннадиевской Библии, Москва, 14–17 декабря 1999 г. Доклад (отчет см.: *Palaeobulgarica*. 2000. № 1).
4. *Романова А. А.* Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002.
5. *Романова А. А.* «Учение отроком, хотящим учиться ведению ключа границы азбучные» – древнерусское произведение 1496 г. по расчетной хронологии // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2000. С. 567–581.
6. *Ромодановская В. А.* Пасха в древней славянской письменности: Из истории формирования богословской терминологии // ТОДРЛ. Т. 58. СПб., 2008. С. 74–86.
7. *Pfaff A.* Aus alten Kalendern. Augsburg, 1946.

Супрасльский монастырь в конце XV – середине XVI в. как религиозный и культурный центр

*д-р ист. наук
Университет г. Белостока (Польша)
email: amir@uwb.edu.pl*

Супрасльский монастырь в XVI в. поддерживал тесные контакты с ведущими православными центрами в стране и за рубежом. Тесные контакты монастыря с Киевом, Слуцком, Москвой, Сербией, Валахией, Болгарией и Грецией дали возможность сосредоточить в нем культурное наследие многих народов. Супрасльская лавра стала важным местом богословской мысли. Супрасльские монахи, отстаивая каноны Православной Церкви, оставались открытыми для новых философских и религиозных течений. На открытый характер монастыря влияло его расположение на границе Литвы и Короны и, следовательно, на стыке различных религиозных и философских течений восточного и западного христианства. Влияние восточнославянской и балканской культур видимо в обители в коллекциях монастырской библиотеки, архитектуре и иконописи. Монастырская библиотека при архимандрите Сергии Кимбаре в 1532 г. состояла из 129 книг, включая 5 печатных.

Ключевые слова: Супрасльский монастырь, религиозный центр, культурные контакты, книжная коллекция.

Супрасльский монастырь в XVI в. был одним из наиболее значительных религиозных центров на территории Великого Княжества Литовского. Относительно его истории и возникновения в польской и зарубежной историографии было издано множество исследований. Основываясь на многочисленных источниках, мы знаем об основателях монастыря и его первых настоятелях. Согласно с новейшими исследованиями, история основания монастыря относится к 1495 (1492?) году, когда новогрудский воевода и одновременно господарский маршал Александр Ходкевич (ок. 1457–1549) создал монашескую обитель поблизости Грудка. Эта дата представляется наиболее достоверной, учитывая, что ранее из татарского плена была освобождена жена Ивана Ходкевича Агнешка с сыном Александром и дочерью Аграфией. Во время возвращения из Золотой Орды Ходкевичи пригласили в свои земли монахов, которые искали убе-

жища от турок. Согласно устной традиции, эти монахи ранее пребывали на Святой Горе Афон и в Киево-Печерской Лавре [24: 71–72]. Эту теорию подтверждает факт богатого духовного опыта насельников монастыря уже в начале XVI в., наличие в обители богатой религиозной литературы и литургических книг, написанных на Балканах, а также позднейшие контакты супрасльского монастыря с Афоном [85]. Особую роль при создании монашеской обители над рекой Супрасль сыграли Пафнутий Сегень и Александр Ходкевич [68; 72]. По просьбе игумена Пафнутия Сегена, Александр Ходкевич около 1497 г. в Грудке построил или отремонтировал замок, который должен был оборонять монастырь.

С первых лет своей деятельности супрасльский монастырь поддерживал контакты с иными монастырями, в том числе и зарубежными, а вскоре стал одним их наиболее значительных религиозных центров в Великом Княжестве Литовском в XVI в. Тесные связи супрасльского монастыря с Киевом, Слуцком, Вильно, Москвой, Сербией, Валашией, Болгарией и со Святой Горой Афон позволили сконцентрировать в нем культурные достижения многих славянских народов. Этот наиболее западный православный монастырь во второй половине XVI в. стал религиозным и культурным центром общеславянского значения.

Создание монастыря было связано с личностью Пафнутия Сегеня, первого супрасльского игумена и автора «Субботника или Поминника» [77: 533–543; 81: 10–12]. Из содержания записей в супрасльском «Субботнике или Поминнике» следует, что основателем монастыря был Пафнутий Сегень, родом из Бельска. Игумен Пафнутий сознательно записал в «Субботнике или Поминнике» свой мещанский род среди митрополитов, епископов, правящих, православных князей и других знатных лиц в Великом Княжестве Литовском. «Здѣ родъ Пахнотіевъ и пана Ивана Сегеневичъ и зъ братією его» (Lietuvos Mokslų Akademijos Vrublevskių Biblioteka, ф. 19, № 180); см.: [32: 7]. Сегены были поставлены в один ряд с духовной и светской знатью. Возникает вопрос: подобное выделение своего рода было следствием только того факта, что первым супрасльским игуменом был его представитель Пафнутий, или же причиной было то, что впоследствии он стал епископом двух богатейших православных епархий: Владимиро-Брестской (1512–1522) и Луцко-Острогской (1523–1528) [78: 41–59]. Особым уважением и признанием род Сегенов пользовался также и по другим причинам.

Пафнутий Сегень стал не только основателем монастыря, но и его первым настоятелем. Не вызывает сомнений, что именно род Сегенов принял на себя финансовую ответственность при основании монашеской обители в Грудке. Трудно предположить, что такими средствами обла-

дали недавно освобожденные из турецкого плена Ходкевичи. Отсутствуют также данные относительно других благотворителей в деле создания этого монастыря. Выбор на место настоятеля Пафнутия Сегена, родом с близлежащего Бельска, а не опытного монаха с Афона или из Киева, наводит на мысль, что в строительстве первых зданий монастыря финансово участвовали представители рода Сегенов. «Субботник или Поминник» однозначно свидетельствует, что монастырь был основан «верою и любовію, желаніем и трудом многогрешнаго священноинока Пафнотія, родом из Бельска». Следовательно, неслучайно представители этого рода были записаны в этом источнике после православных митрополитов, епископов и наиболее знатных мирян. Возможно, что в финансировании основания монастыря участвовал бурмистр Бельска Иван Сегеневич, который сотрудничал с Ходкевичами, Радзивиллами, Сапегами и другими господарскими служащими.

«Субботник или Поминник» супрасльского монастыря, в котором первый игумен Пафнутий начал записывать имена умершей братии, появился в первые годы после основания обители. Для изучения обстоятельств возникновения монастыря и роли в этом процессе первого игумена обители Пафнутия Сегеня существует два источника: «Хроника Супрасльской Лавры», которая была составлена около 1748 г., то есть два с половиной столетия после основания монастыря [3: IV; 23: 72; 11: 71] и вышеупомянутый «Субботник или Поминник». О игумене Пафнутии, основателе супрасльского монастыря и первом его настоятеле, говорила запись в оригинальном «Субботнике или Поминнике» [3: 454–455; 14: 789; 27: 75–76; 25: 128–131; 4: 5–6]. Информация «Субботника или Поминника» о игумене Пафнутии как об основателе обители могла отразиться в упомянутой в «Описи» надписи на таблице, помещенной в иконостасе: «Летописецъ церковный, што на тьябле» [3: 52; 58: 35].

Информацию о игумене Пафнутии как об основателе супрасльского монастыря можно найти также в повествовании о создании обители в «Хронике Лавры Супрасльской»: «Najprzód roku 1498 w Gródku tę ławrę albo monaster fundować zaczął Pan Miłościwy Aleksander Chodkiewicz, wojewoda nowogródzki i marszałek wielki W. X. Lit. w dobrach swoich dziedzicznych, stąd o mil cztery i tam na pierwszym tym funduszu osadził był zakonników św. Bazylego Wielkiego, żadnych jeszcze nie czyniąc im zapisów, i pierwszy był superior albo hegumen Paphnutiusz Sieheń. A gdy się te miejsce w lat dwie nie podobało zakonnikom... prosili fundatora (Александра Ходкевича. – *A. M.*), aby na innym spokojniejszym miejscu ich ufundował. Ten Pan świętobliwy, pozwolił im onego samym upatrywać i obrać. A tak już mając fundatora konsens, zrobili krzyż drewniany i puścili z Gródka rzeką Supraślęm,

тą intencją, gdzie na którym miejscu stanie, tym się mieli kontentować». Традиция гласит, что монахи, помолвившись, опустили в воду крест с частицей «святого древа» [3: 1–2]. Согласно этому источнику, сначала была построена небольшая деревянная церковь св. Иоанна Богослова и келии для насельников. В хронике есть информация, что при игумене Пафнутии в 1503 г. было начато строительство большой церкви. Упомянутые записи, касающиеся строительства церкви, указывают на то, что они касались храмов в Грудке. «У пана Александра Ивановича Ходкевича у отчинной пуци Блудовской, на край реки Супрасли» (Archiwum Państwowe na Wawelu, Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów, ф. 36, № 29, к. 1, л. 80–84); см.: [3: 17]. По случаю освящения новой церкви смоленский епископ Иосиф Солтан (1504–1507) пожертвовал монастырю богато украшенное Евангелие, а митрополит Иона III (1502–1507) – крест с частицей Святого Креста [61: 242; 90: 71–72]. Из надписей на боковых гранях креста следует, что дар митрополита Ионы имел место в присутствии смоленского епископа Иосифа, владыки владими́ро-брестского Вассиана II (1500–1512), предстоятеля холмской епархии Александра (1503–1504) [39: 32; 59: 103; 99: 618], а также многих других представителей духовенства и мирян.

Факт присутствия на торжествах множества духовных и светских сановников указывал на значение этого монастыря. Было ли возможна подобная встреча в неприготовленном для этого месте, в самой пуци? Прибытие митрополита Ионы с тремя епископами (Иосифом, Вассианом, Александром) было важным событием и имело место в замке Александра Ходкевича. Не менее ценным был другой дар смоленского архиерея. Епископ передал монастырю копию Смоленской иконы Богородицы, которая вскоре стала широко почитаться верующими [4: 19; 32: 455–456, 464]. Пожертвование монастырю митрополитом киевским Ионой креста с частицей Древа Креста Господня могло иметь место в день освящения большой церкви в 1503 г., о чем вспоминает «Субботник или Поминник» [3: 454–459; 4: 5–6; 12: 180; 14: 789; 32: 7]. Этот факт подвергает сомнению достоверность легенды о опущении креста в реку Супрасль в 1500 г., так как в этом году монахи обители в близости Грудка еще не обладали этой святыней.

Если дословно придерживаться записи из копии «Субботника или Поминника» от 1631 г., то возникновение монастыря в Грудке стоило бы отнести к 1492 г. «По благодати Святого Духа и Божественнѣй и Живожданнѣй Троицы славимому Богу въ лѣто от начала мира 7000-го, индикта 3-го, дозволениемъ вельможного пана Александра Ивановича Ходковича начасл съзидати сій монастыр оу его отчинной пуци Блоу-

довской, на край рѣки Супрасль, вѣрую и любовию, желаніемъ и трудомъ многогрѣшнаго священно-инока игумена Пафнотїа, родомъ изъ Бѣльска» (Lietuvos Mokslų Akademijos Vrublevskių Biblioteka, ф. 19, № 180, л. 8); см.: [44: 547; 4: 5–6; 27: 75–76; 32: 7]. Согласно вышеприведенной записи, можно сделать вывод, что монастырь был создан уже в 1492 г. Возникает вопрос, было ли это только ошибкой переписчика монаха Стефана Коханевича, ошибались ли другие исследователи изучая оригинал «Субботника или Поминника» начала XVI в.? Монастырь в Грудке над рекой Супрасль действительно мог быть основан в 1492 г, т. к. жена Ивана Ходкевича Агнешка, дочь князя Ивана Бельского, освободилась из плена вместе с сыном Александром и дочерью Аграфией при помощи Казимира Ягелончика. Король умер в 1492 г., а следовательно, это событие имело место между 1484 и 1492 гг. [68: 361; 77: 529–550; 79].

Функционирование монастыря поблизости двора в Грудке над рекой Супрасль оказалось неудобным. Жизнь двора затрудняла духовную практику, а в особенности – отшельническую жизнь монахов. По этой причине игумен с монахами попросил Александра Ходкевича перенести монастырь в другое место [26: 71–73; 8: 2; 71: 143]. Монахи попросили перенести обитель вниз по течению реки Супрасль. По просьбе игумена Пафнутия Сегеня Александр Ходкевич, «намовившись» с духовными лицами, выразил согласие на новое местоположение монастыря. Это событие имело место не ранее, нежели в 1507 г., когда другой благотворитель монастыря, епископ смоленский Иосиф Солтан, стал киевским митрополитом. Его епископская хиротония имела место в мае 1507 г. Смена местоположения монастыря привела к тому, что часть монахов возвратилась в Киев, а оставшиеся переселились в место, называемое «Сухы Груд», дав, таким образом, начало Супрасльской Лавре [3: 2, 42; 79: 12–18; 91: 11–50]. Если идея перенесения монастыря появилась в 1507 г., то обитель не могла сразу начать функционировать на новом месте. Необходимо было строительство новых храмов на месте «Сухы Груд». Вероятнее всего, монахи оставались вблизи замка в Грудке до конца 1507 г.

Источники, касающиеся супрасльского монастыря до его перенесения на новое место, не указывают его локализации, так как определяющим фактором был замок Ходкевичей. Только лишь позднейшие документы указывают точное расположение монастыря на берегу реки Супрасль, на месте Сухой Груд, между реками Березовка и Грабовка. Первоначально, в Грудке, монахи подвизались согласно с уставом святогорских скитов. Монахи проживали в своих келиях в лесу, собираясь в церкви только в субботу и воскресенье на совместные богослужения. Источники не указывают, в честь кого была освящена церковь, но вероят-

но, это был храм в честь св. Иоанна Богослова, о чем говорит «Субботник или Поминник» [4: 12; 32: 6].

Московско-литовская война, имевшая место в начале XVI в., охватила преимущественно восточные рубежи Великого Княжества Литовского, особенно Смоленскую область. Слуги Ходкевича поинформировали смоленского епископа Иосифа Солтана о создании православного монастыря на реке Супрасль. Смоленский архиепископ прекрасно понимал значение нового монастыря, и в 1504 г., когда он получил от польского короля Александра часть земельной службы в Суражской области за заслуги в войне с Московским княжеством и как компенсацию за утраченные владения, передал ее монастырю [9: 1–6; 66: 61]. Формально эта передача имела место 11 мая 1506 г., когда епископ Иосиф наладил непосредственный контакт с Александром Ходкевичем (Archiwum Państwowe na Wawelu, Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów, ф. 36, № 29, к. 1, л. 81–83); см.: [11: 6–9; 3: 6–9]. На основании доступных источников трудно определить, какую роль в этом пожертвовании сыграл игумен Пафнутий Сегень.

С уверенностью можно сказать, что настоятель монастыря сотрудничал с епископом смоленским. Вероятно, с его помощью, а может быть, и по его просьбе, епископ Солтан вместе с ктиторм составил новый устав обители. Он заслуживает особого внимания, потому что определяет принципы выбора нового настоятеля монастыря. В этом случае не ктитормы, как было принято в Великом Княжестве Литовском, принимали решение о выборе игумена, а сами насельники монастыря. Монахи выбирали настоятеля в своей среде. Такой принцип выбора настоятеля свидетельствовал о высоком духовном опыте насельников обители. Численность монашествующих должна была быть высокой, а большинство из них должны были иметь большой опыт иноческой жизни [21: 168].

Пафнутий Сегень достиг высокой организации монашеской жизни обители. Строгие правила жизни в новом монастыре должны были, по мнению ктиторов, привести к созданию обители, в которой пребывали бы иноки, обладающие высокой нравственностью и ведущие аскетическую жизнь. Своим обликом монахи должны были духовно привлекать к себе не только православных, но и иноверцев. Правила иноческой жизни в монастыре, составленные Александром Ходкевичем и Иосифом Солтаном, были высланы Патриарху Иоакиму I для утверждения [3: 3–5; 10: 1–3; 82: 54–56, 136]. Король Александр лично поинформировал Константинопольского Патриарха о создании Александром Ходкевичем монастыря в своих владениях, Блудовских лесах, на берегу реки Супрасль. Так же и сам владелец Грудка написал письмо патриарху, в котором информировал адресата о постройке «знаменитой церкви» в честь Пресвя-

той Богородицы и передачи средств для деятельности монастыря [11: 12–13; 4: 16–17].

Патриарх Иоаким I с радостью принял вышеупомянутые письма, поблагодарил ктиторов монастыря Александра Ходкевича и еп. Иосифа Солтана за их труды и прислал благославление монастырю призывая на него благодать Святого Духа. Патриарх утвердил также устав монашеской жизни монастыря [11: 11; 3: 3–5; 4: 17]. В оригинальном патриаршем томосе, хранившемся в монастыре еще в 1867 г., можно было прочесть очень знаменательные формулировки, которые отличались от копии, написанной на латинском языке. «Иоакимъ милостью Божою Архіепискп Константинопольскій, Новаго Рима вселеньскій Патіярх. Понеже славный краль и превеликій князь всей Литвы в своихъ писанихъ показаномъ и нашой сиренности, како маршалокъ его державы Благочестивый и православный и великолепный Панъ Александро, сынъ Пана Ивана Ходкевича, отъ своего имѣнія и отъ своего скарбу и отъ своего труда, на своей властной отчизне и дѣдине у пущи блудовской у скрай рѣки Супраслы, и сфудоменту созида и вьнесе честный монастырь по имени Пречистыя Владичица наша Богородица, Честнаго Ея Благовѣщенія. Такъ же своимъ посланіемъ воспомяну намъ той православный Панъ Александро, Еже и сфудоменту воздвигну тую пречистыю обитель, и приложи к ней, отъ своее отчизны о чемъ бы мѣла церково божия на вѣки стояти, и живущимъ в ней чимъ бы мѣли поживитися во славу Христу Богу и родителемъ его в память вѣчную. Помеже онъ есть ктиторъ и смирение наше видячи его сердечную любовь еже имати к Богу, ижъ отъ своего труда и отъ своего скарбу, постави боголюбезно отъ фудомента честыю обитель. За то благославлаемъ ктитору, Пана Александра і епископа смоленского Юсифа и труды ихъ, да есть жертва ихъ совершена къ Богу, и отъ Господа Бога милости на нихъ да есть в сий вѣкъ и в будущий» [10: 3].

Пафнутий Сегень старался обеспечить правовой статус и материальное положение своего монастыря. Иосиф Солтан и Александр Ходкевич 26 февраля 1507 г. получили в Вильне от короля Сигизмунда Старого подтверждение передачи монастырю шести земельных служб, полученных смоленским епископом в 1504 г. (Archiwum Państwowe na Wawelu, Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów, ф. 36, № 29, к. 1, л. 80–84); см.: [3: 22–24]. В другом документе еп. Иосиф Солтан просил Александра Ходкевича, господарского маршала, пуньского наместника, позаботиться о переданных монастырю владениях и об охране обители: «Нижли в опеку и от кривд боронити того имения и людей и земли полецаю и приказую пану Александру Ивановичу Ходкевичу, и по нем его детем и его счадком и их бояром и слугам, для того, иж тот монастырь у его отчизне сто-

ит. Понежь они суть ктиторы того монастыря, они мают от всех кривд боронити» (Archiwum Państwowe na Wawelu, Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów, ф. 36, № 29, к. 1, л. 80–82, 129–134); см.: [3: 7].

Нареченный в феврале 1507 г. на митрополичью кафедру Иосиф Солтан поддержал намерения монахов перенести обитель на новое место. В 1507 г. еп. Иосиф поддержал перед Александром Ходкевичем просьбу игумена Пафнутия и монахов перенести монастырь из Грудка на новое место. Епископ Иосиф прекрасно понимал положение монастыря из личного опыта и убедил белорусского магната выразить свое согласие на новое местонахождение обители. Анализируя первые записи Александра Ходкевича, касающиеся предоставления леса для строительства новых монастырских зданий, можно заключить, что первые строения на месте Сухой Груд были деревянные. Однако вскоре появилась идея строительства каменного храма. Ввиду действующего на территории Великого Княжества Литовского официального запрета строительства каменных церквей, необходимо было согласие короля на строительство такого храма. Игумен Пафнутий Сегень обратился с такой просьбой к королю в начале 1509 г. В середине марта 1509 г. Сигизмунд Старый выразил свое согласие на строительство каменного храма. «Бил нам челом игумен Супрасльскій Пафнутій о том, что ж он працою своею... будовати монастырь в пуци пана Александра Ходкевича на реце Супраслы и просил нас о том, чтоб дозволили церковь и монастырь муровати. Ино мы з ласки нашею на его чолобите дозволили ему церковь и монастырь муровати в той пуци пана Александра Ходкевича, где ся будет видеть ему угодно будовати» (Archiwum Państwowe na Wawelu, Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów, ф. 36, № 29, к. 1, л. 1); см.: [1: 3; 82: 55; 4: 21; 27: 75; 32: 45; 40: 72].

Только после получения такого согласия игумен Пафнутий мог приступить к реализации своих планов. Строительство церкви началось в октябре 1510 г. В 1509 и в первые девять месяцев 1510 г. приготавливались необходимые материалы. В середине октября 1510 г. митрополит Иосиф Солтан посетил монастырь. Из грамоты Александра Ходкевича следует, что митрополит был «у монастыри на реке Супраслы» (Biblioteka Muzeum Narodowego im. Czartoryskich w Krakowie, Zbiór dokumentów pergaminowych, № 66 (MNK 541/1)); см.: [3: 13–16; 8: 9–14]. В своем привилее от 15 октября 1510 г. митрополит написал, что «нашею доброю волею и накладом соружити монастырь иноком общаго равножительства у пана Александра Ивановича Ходкевича, у отчизной пуци Блудовской, на край реки Супраслы, на острове межи источников водных – речок Грабовки и Березовки» [33: 19–23; 4: 22].

При настоятельстве Пафнутия Сегеня монастырь на реке Супрасль удостоился специального патриаршего внимания, а его игумен именовался: «игуменом Благовещенской патриаршей обители». Трудно определить причины такого внимания Константинопольского Патриарха к недавно созданному монастырю. Определенно для распространения на монастырь патриаршего патроната не достаточно было только просьбы его ктиторов.

Участие игумена Пафнутия в поместном соборе в Вильне имело существенное значение для монастыря и его настоятеля. Виленский Собор, заседавший в конце 1509 – начале 1510 г., определил 15 принципов, которые должны были регулировать взаимоотношения духовной и светской власти. Целью было ослабление влияния мирян на церковные назначения и укрепление престижа духовной власти. Во время заседаний были приняты постановления, касающиеся отношения духовенства к светской власти, определены принципы избрания кандидатов на церковные должности, были урегулированы вопросы, касающиеся жизни клира и церковного суда [48: 5–18; 74: 223, 225].

Виленский Собор рассматривал дело супрасльского монастыря, который получил подтверждение своего статуса в специальном томосе Константинопольского Патриарха Иоакима (Archiwum Państwowe na Wawelu, Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów, ф. 36, № 29, к. 1); см.: [3: 3–5; 11: 1–3, 15; 21: 168; 2: 524–529; 82: 57, 139; 32: 24–27]. Не вызывает удивления также тот факт, что на Соборе игумен Пафнутий упоминается вторым после Ионы, настоятеля Киево-Печерской Лавры, т. к. монастырь на реке Супрасль находился в непосредственной юрисдикции Константинопольского Патриарха [4: 16–17; 79: 34–35].

На Виленском Соборе 1509–1510 гг. было принято решение о выборе супрасльского игумена Пафнутия Сегеня на епископскую кафедру. Несколько епархиальных архиереев Киевской митрополии были уже в преклонном возрасте. Особенно это касалось владими́ро-брестского епископа Вассиана II. По мнению митрополита Иосифа Солтана, наиболее подходящим кандидатом на эту кафедру был игумен Пафнутий. Таким образом, супрасльский игумен стал «нареченным» епископом и принял управление епархией после смерти епископа Вассиана II. Его кандидатура была поддержана не только митрополитом Иосифом, но и мирянами, православной элитой: князем Федором Ярославовичем, князем Константином Острожским, княжной Еленой Иоанновной и Александром Ходкевичем [80: 71–82].

После выбора игумена Пафнутия владими́ро-брестским епископом митрополит Иосиф Солтан 15 октября 1510 г. составил новый устав для супрасльского монастыря [13; 28]. Совпадение по времени этих двух событий указывает на то, что оба иерарха стремились к сохранению контроля

над развивающимся монастырем. В свете нового устава новый игумен уже не имел таких прав, как Пафнутий Сегень. Устав определял роль монастыря в тогдашней церковной жизни. Митрополит желал, чтобы монастырь суровым правилом внутренней жизни возбуждал уважение в среде православных и иноверцев. Задачей монахов было укрепление веры в среде православных жителей западных областей Великого Княжества Литовского, а в среде иноверцев развитие уважения к Церкви. В Уставе обращает на себя внимание запись, относящаяся к монашеской келии. Можно было в ней держать только одежду, книги и предметы, необходимые для монастырской работы. Митрополит Иосиф знал насельников монастыря, в среде которых было много образованных людей, умеющих читать, писать, переписывать и объяснять литургические тексты.

Возникает вопрос, с какой целью монастырь получил новый устав, имея уже правило монашеской жизни подтвержденное специальным томоном Константинопольского Патриарха Иоакима от 1505 г. Новый устав определял принципы общежительного монастыря на месте нового расположения обители. Предыдущий устав определял полуотшельнические принципы монашеской жизни, которую иноки проводили в окрестностях Грудка. Следует обратить внимание на строгость первого устава монашеской жизни в Супрасле. Многие иноки прошли все степени монашеского пострига и стали схимниками. В их среде было несколько отшельников, проживающих в отдельных келиях в лесу, вне монастыря. Изменение местоположения монастыря привело не только к перемене характера монашеской жизни с анахоретского (полуотшельнического) на ценобитическое (общежительное), но и уходом части иноков в Киево-Печерскую Лавру и на Святую Гору Афон.

Устав митрополита Иосифа от 15 октября 1510 г. не упоминал о построенной каменной церкви. Следовательно, только после этой даты было начато либо продолжено строительство храма Благовещения Пресвятой Богородицы. Из этого следует, что игумен Пафнутий Сегень начал, но не закончил строительство каменной Благовещенской церкви. С большой долей вероятности можно утверждать, что супрасльский игумен построил деревянную церковь св. Иоанна Богослова, которая была освящена 25 мая 1511 г. С этого момента уже как нареченный владими́ро-брестский епископ Пафнутий не пребывал в монастыре, местом его резиденции был Брест, где, по всей вероятности, он и находился. Пафнутий оставил монастырь в очень хорошем духовном и материальном состоянии. Несколько десятков иноков с большим опытом монашеской жизни гарантировали стабильность обители. Широкие инвестиции, собрание богатой коллекции рукописей, начало строительства Благовещенской церкви были возможны

благодаря получению Пафнутием многочисленных даров и пожертвований со стороны таких представителей православной элиты, как княжна Елена, Александр Ходкевич, господарский маршал (1506–1509), Иван Сапега, подляшский воевода, или Иосиф Солтан, киевский митрополит [32: 62]. Первый игумен супрасльского монастыря, уже неся архипастырское служение владимиристо-брестского и луцко-острожского епископа, не забывал о своем монастыре [78: 41–59, 84–98]. О его близких отношениях с монастырем свидетельствуют присланные им в монастырскую библиотеку рукописи и многочисленные записи в супрасльском «Субботнике или Поминике» имен людей проживавших на Воляни и Полесье.

Супрасльский монастырь, как один из наиболее значительных центров монашеской жизни в Великом Княжестве Литовском в XVI в., поддерживал тесные контакты с подобными центрами в самом Княжестве и за границей. Близкие отношения монастыря с Киевом, Слуцком, Вильно, Москвой, Сербией, Валахией, Болгарией и Святой Горой Афон позволили сконцентрировать в нем культурные достижения многих славянских народов. Супрасльский монастырь занимает бесспорное место в истории Православной Церкви, своего региона и культуры многих народов. Этот самый западный православный монашеский центр во второй половине XVI в. преобразовался в культурный центр общеславянского значения. Трудно указать другой центр, в котором в такой степени были сконцентрированы лучшие достижения различных областей культуры и в котором так интенсивно развивались контакты с культурой других славянских народов, а глубокие древние традиции органически вошли в жизнь последующих веков. Влияние культур восточнославянских и балканских народов проявилось на территории монастыря в архитектуре и в иконографии, внутреннем убранстве храмов и в собраниях монастырской библиотеки.

В библиотеке было множество примеров того, что супрасльская обитель поддерживала близкие контакты с сербскими и болгарскими монастырями [45; 89; 58: 23–35; 57]. Традиция тесных контактов монастырей Великого Княжества Литовского с Сербией и Болгарией существовала уже в 1415 г., когда киевским митрополитом стал Григорий Цамблак [98]. Из переписанных в Супрасле рукописей большим интересом пользовались похвальные слова Климента Охридского, «Поучение Дорорея и з житием Саввы Освещенного и Иоана Злотоустого» (Lietuvos Mokslų Akademijos Vrublevskių Biblioteka, ф. 19, № 61); см.: [3: 54; 30: 131], или же сочинения митрополита Григория Цамблака («Похвала трем отрокам», «Толкование о кубке Соломона» и «Житие славянского святого»), а в особенности

его праздничные проповеди: «На рождество Иоанна Предтечи», «На Успение» и «Похвальное слово Евфимию Тырновскому» [12: 106–107, 117, 122–123, 224–227]. Эти книги находились в монастырской библиотеке уже в первой половине XVI в. (Lietuvos Mokslų Akademijos Vrublevskių Biblioteka, ф. 19, № 61); см.: [30: 131]. Сочинения Григория Цамблака «Похвальное слово митрополиту Киприану» и «Похвальное слово Евфимию Тырновскому» содержат церковную сербскую и болгарскую терминологию.

Подтверждением связей монастыря с Сербией было включение в «Кодекс» XVI в. Жития св. Саввы Сербского, а в богослужебную минею на февраль (сер. XVI в.) – Службы св. Симеону Сербскому [12: 286]. В минее на октябрь (сер. XVI в.) помещена служба св. Арсения Сербского с характерной записью: «В сей же день святого Уроша караля ктитора места сего, паче же новые сей церкви». Это замечание было переписано с сербской рукописи, которая находилась, по всей вероятности, в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Неродимле на Косовом Поле, либо в монастыре Рождества Пресвятой Богородицы в Скопье [46: 330–331; 33: 196–205], ктитором которых был канонизированный король Стефан IV Урош Душан (1308–1355). Рукописи, которые попадали в супрасльский монастырь, теряли свой южнославянский характер и приобретали старорусские черты [53; 51]. В новой версии они были переписываемы, а часто и редактируемы, и распространяемы на землях Великого Княжества Литовского и Короны [67: 13–127; 84: 541–542].

Примеров влияний балканской литературы в супрасльских рукописях можно привести больше; например, «Книга Великого Василия Кесарийского, новописанная», слово Георгия Писиды «Похвала Богу о сотворении всея твари» [12: 68]. Рукописи являются видимым доказательством южнославянского влияния на русскую письменность [54: 131].

В кодексе, хранящемся в библиотеке киевского монастыря св. Михаила, находилось восемь супрасльских памятников XVI в. [38; 85]. Большинство из них подтверждают тесные связи супрасльского монастыря с Афоном и балканскими монастырями. Этими памятниками являются:

1) Письмо к неизвестному по имени латинскому архиепископу от 1511 г. (Центральная научная библиотека Академии наук Украины, 475п/1656, л. 1–21); см.: [3: 54; 38: 169–170; 67: 123–127; 4: 34; 84; 86: 15; 75];

2) Послание венгерского короля Януша к монахам Св. Горы Афон от 1534 г. (Центральная научная библиотека Академии наук Украины, 475п/1656, л. 21v–26); см.: [38: 170–171; 84: 541; 86: 15; 76: 146–147];

3) Ответ Афонских монахов на послание короля венгерского Яна Заполи от 1534 г. (Центральная научная библиотека Академии наук Украины, 475п/1656, л. 26v–29); см.: [38: 170–171; 84: 541; 86: 15; 76: 147];

4) Повесть о разорении Афона латиномудрствующими в 1276 году, переписанная в Супрасльском монастыре в 1546 г. (БАН, собр. Доброхотова, № 31, л. 41; Lietuvos Mokslų Akademijos Vrublevskių Biblioteka, ф. 19, № 57, № 103); см.: [7; 36; 84: 541; 86: 15; 76: 147];

5) Разговор христианина с жидом о вере и иконах (Центральная научная библиотека Академии наук Украины, 475п/1656, л. 157–169); см.: [38: 171–173; 37; 84: 542; 86: 16; 76: 145];

6) Послание латинникам от 1581 г. (Центральная научная библиотека Академии наук Украины, 475п/1656, л. 157–169); см.: [38: 171–173; 37; 84: 542; 86: 16; 76: 146];

7) Сказание на богомерзскую, на поганую латину, которую папежи, кто в них вымыслили в их поганой вере (Центральная научная библиотека Академии наук Украины, 475п/1656, л. 205–208); см.: [16: 56–74; 38: 173–174; 41: 86; 84: 542; 86: 16; 76: 146];

8) Новоизложенное поучение во Литвании нарицаемым Логофетом [38: 174–175].

Некоторые фрагменты пяти первых сочинений повторяются во второй редакции, бывшей в супрасльском монастыре в 1578 г. и переписанной в 1580 г. [43; 20: 168; 16: 58–59]. В них содержится острая полемика с учениями протестантизма, иудаизма, католичества и ислама. На землях Великого Княжества Литовского приобрело популярность составленное в Супрасле в 1570 г. «Списание против лютров», направленное против сторонников Реформации [49]. Переписчиком этой книги был священноинок Евстафий [43; 84; 89: 108]. Он привез в монастырь пергаменное Евангелие XIII в. и хранил его в своей келии, когда был еще архидиаконом [84: 542; 86: 16; 76: 146; 6: 26; 64: 71].

Другим примером постоянных контактов супрасльских монахов с сербскими монастырями может служить деятельность инока Арсения. В 1530 г. супрасльский монах Арсений, священник, носивший ранее имя Алексей, переписал труд св. Иоанна Лествичника «Лествица». «Книга Лествица в полдесть» находилась в монастыре до 1530 г. Рукопись была дважды переписана в середине XVI в. (Lietuvos Mokslų Akademijos Vrublevskių Biblioteka, ф. 19, № 246, № 247). В результате возникшего конфликта с архимандритом Кимбаром иеромонах Арсений забрал переписанную им «Лествицу» и ушел в сербский монастырь Хиландар на Афоне¹ [5: 104; 64: 61, 111; 30: 133]. Это не был единичный случай

¹ «В лето 7038 (1530), индикта 3, списана бысть книга Лествичникъ у монастыри общомъ в обители Благовещения пресвятыя Богородица и свягата Иоанна Богослова иже на реци Супрасле, желаниемъ и рукою многгрешнаго инока Арсения, бывшаго въ мирском житии Алексеа недостойнаго попа».

вывоза рукописи из монастырской библиотеки. Во время настоятельства Сергия Кимбара также другие книги были вывозимы в балканские монастыри (Vilniaus universiteto biblioteka, ф. F58-7, к. 4); см.: [3: 55; 63: 38].

Контакты супрасльской обители с Сербией подтверждает хранившаяся в монастырской библиотеке древнейшая сербская редакция Жития святых виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. Белорусская версия Жития виленских мучеников появилась позднее, хотя и была по форме и содержанию приближена к сербской. Подтверждением влияния южнославянской культуры на белорусскую был факт пребывания в Супрасле сербских редакций многочисленных религиозных произведений, например, «Хождения Арсения Солунского» [46: 330–331; 33: 196–205]. В Супрасле также был известен сербский оригинал Повести о Тристане и Изольде. На происхождение рукописи указывает ее название: «Починается повести о витезях с книг сербских» [45: 190–194].

В супрасльской библиотеке находились также памятники светской старобелорусской литературы, которые создавались под сербским и болгарским влиянием. «Жизнь Александра Великого», изданная в Кракове в 1550 г., на белорусских землях дополнялась сербскими записями [45: 187–189]. Приведенные примеры свидетельствуют не только об исключительности супрасльской библиотеки, но и указывают на интенсивное влияние сербской и болгарской религиозной и светской литературы на белорусских землях. Сербские и болгарские влияния проявлялись в тематике, форме и словесности литературных произведений. Сербское культурное влияние в XVI в. пришлось на период развития ренессанса, интеллектуального оживления общественности в Великом Княжестве Литовском. Собрания библиотеки супрасльского монастыря именно этого периода указывают на сербские влияния в тематике, форме и терминологии литературных произведений.

Непосредственные связи Супрасля с сербской культурой подтверждаются внутренним убранством Благовещенской церкви. Наиболее значительной инвестицией монастыря был именно этот храм Благовещения Пресвятой Богородицы. Оригинальность замковой архитектуры храма заключалась в соединении готического и византийского стилей. Реализация этого проекта привела к созданию редко встречающейся конструкции церковного свода, строительству четырех миниатюрных угловых башен и многочисленных стрельниц в главном карнизе. Конструкция храма напоминает крепостные церкви св. Софии в Полоцке, Сынковичах, Маломожейкове [65: 19–22; 17; 62: 88–90; 18: 48–52; 69; 88; 42; 96]. В ар-

хитектуре Благовещенской церкви в Супрасле были отражены влияния русско-византийского и готического строительства. Это исключительный пример взаимного проникновения восточной и западной культур.

Внутреннее убранство храма также указывает на сильное византийско-русское культурное влияние в западных областях Великого Княжества Литовского. При архимандритстве Сергия Кимбара группа иконописцев под руководством «Сербина Нектария» украсила интерьер церкви фресками² [3: 52]. Краткое упоминание о выплате иконописцу соответствующей суммы за работу при иконостасе не позволяет точно определить авторство фресок. Часто на русских землях те же самые иконописцы были авторами икон и росписи на стенах. Вероятнее всего, такая же ситуация была в Супрасле. Фрески были написаны группой иконописцев под руководством мастера из Сербии. С. Ставицки отождествляет Нектария, который расписывал Супрасль, с автором известного «Типика Ермини», руководства по фресковой росписи. Согласно данным польского исследователя, в техническом плане фрески во многом согласуются с рекомендациями «Типика Ермини» [94; 34; 35: 255-281; 92: 38-48; 93]. Если принять эту гипотезу, то автор супрасльских фресок был не только художником, но и теоретиком искусства, рекомендации которого широко использовали на Балканах.

Стилистика фресок напоминает памятники сербской монументальной живописи, а в особенности роспись монастыря Манасии 1418 г. [47: 345–371]. Они являются одним из немногих примеров византийской иконографии в польских и белорусских землях, не имеющих непосредственной или опосредованной связи с Суздальской Русью или с традиционными центрами иконописи в Галицко-Волынской Руси. Иконографический тип супрасльских фресок аналогичен с поздневизантийским искусством начала XV в. периода так называемого ренессанса Палеологов. Сербская школа стеной живописи имела большое влияние на соседних землях по причине обилия иконографических сцен и доступность ее упрощенных форм. Она пользовалась большой популярностью в монастырской среде. Это была уже вторая, после имевшей место в XIII в., волна переселения сербских художников на север и на русские земли. Сравнение супрасльских фресок с известными сербскими росписями в Охриде, Каленице, Любостине, Раванице, Манасии указывают на общую традицию и схожие образы [95]. Типы некоторых фигурных композиций в художественной декорации Супрасля были заимствованы из сербской монументальной живописи.

² «Сербину Нектарію, маларю, за Денсусец тепле церкви дано коп 6 грошей, а золото церковное. За две святости, што он же робил трех святителей и трех преподобных 9 коп грошей, а золото церковное».

тальной живописи. Примером балканского влияния в супрасльских фресках может служить богатый горный и архитектурный пейзаж как фон композиции образа [70: 26]. Фрески относили к сербской средневековой иконографии, находящейся под влиянием западноевропейской живописи, в особенности же итальянской. Детали одежды и вооружения, туники, плащи, ремни, формы мечей и щитов носят византийско-сербский характер. В росписи Благовещенской церкви имело место соединение различных элементов живописи, как это имело место на Балканах и в Греции.

Подробное описание композиции фресок, с приведением аналогий с росписью в других храмах, составили А. И. Рогов и А. Семашко [47: 343–358; 93; 92]. Иконографический цикл был характерным для традиционной сербской монументальной живописи. Развитие сербской иконографии опиралось преимущественно на византийский канон, и поэтому большинство сербских и болгарских иконописцев учились иконографии под руководством греческих мастеров. Немногих из них с начала XVI в. можно наблюдать на русских землях Великого Княжества Литовского. Одним из приехавших с Балкан иконописцев был Нектарий, создавший фрески и иконостас Благовещенской церкви в Супрасле.

Отдельное место в контактах супрасльской обители с сербскими монастырями занимает св. мученик Антоний Супрасльский, который с именем Онуфрий пришел в супрасльский монастырь в начале XVI в. [56; 100: 11–49; 87; 83]. После нескольких лет жизни в монастыре монах Онуфрий принял постриг в великую схиму с новым именем Антоний и попросил у игумена Пафнутия благословения на удаление на Афон, в оккупированные турками христианские земли, чтобы отдать свою жизнь за Христа. После прибытия на Св. Гору Антоний поселился в башне св. Саввы Сербского. Возникает вопрос: где именно поселился супрасльский инок на Афоне? В то время было три башни св. Саввы Сербского. Первая была построена в старом русском монастыре, там, где жил св. Савва во время своего первого пребывания на Афоне. Вторая башня находилась в сербском монастыре Хиландар, а третья – в столице афонской республики, городе Кариес [101: 619; 31: 21–23; 19: 58–62]. Согласно А. А. Турилову, монах Антоний поселился в келлии в Кариесе, называемой *Τυλιχαρίο*, которая имела свой устав и башню [55; 100: 30]. Келлия была построена св. Саввой, сыном сербского короля Симеона Немани (1167–1196), около 1199 г. [22: 14–15; 102: 107]. После того, как св. Савва поселился в Хиландаре в 1197 г., сербский монах через два года составил собственный типикон, опираясь на устав св. Саввы Иерусалимского [97; 15: 91–102;

50]. Келлия и проживающие в ней монахи пользовались большим уважением в афонской республике, в особенности в конце XV – начале XVI в. Келлия признавалась как отдельный монастырь, а проживающая в ней братия имела своего представителя в агиоритском соборе [60: 266–267; 100; 31]. Св. Антоний прибыл на Афон до 1507 г., а его мученическая кончина произошла 17 февраля 1508 г., уже после мученичества св. Иоанна из сербского города в Македонии Серрес.

Житие св. Антония Супрасльского было составлено в одном из афонских монастырей на основании свидетельства монахов. Это Житие было известно супрасльским инокам, т. к. множество монахов с Афона пребывало в православных монастырях на территории Великого Княжества Литовского. Добавление в Пролог XV в. Жития св. Антония Супрасльского указывает на то, что личность мученика вызывала у монахов общее почитание. Супрасльского мученика включили в лоно древних святых, которые в своих странах повсеместно почитались. Автор последней версии кодекса стремился придать новому мученику ранг, равный святым чешским, сербским и московским (Biblioteka Litewskiej Akademii Nauk, f. 19, № 100); см.: [91: 61–62; 52: 134].

Вероятнее всего составителем Жития св. Антония был вышеупомянутый супрасльский монах Арсений, который прибыл в сербский монастырь Хиландар после 1536 г. В 1530 г. Арсений, священник, носивший ранее имя Алексей, переписал труд св. Иоанна Лествичника «Лествица. Книга Лествица в полдесть», которая находилась в монастыре до 1530 г. В результате возникшего конфликта с архимандритом Сергием Кимбаром [73], иеромонах Арсений забрал переписанную им «Лествицу» и направился в сербский монастырь Хиландар на Афоне. Услышав о мученичестве схимника Антония, Арсений мог составить его Житие и выслать в Супрасльский монастырь.

С середины XVI в. супрасльский монастырь стал важнейшим монашеским центром в Великом Княжестве Литовском. Открытость монастыря новым религиозным и философским веяниям не ослабили его положения в Православной Церкви. По-прежнему поддерживались тесные связи с традиционными православными центрами в Княжестве и за границей, в том числе на землях Сербии и Болгарии. С супрасльским монастырем были связаны выдающиеся религиозные деятели из княжества Московского, Болгарии, Сербии и Византии. Среди них были о. Артемий, князь Андрей Курбский, Матфий Чехович, Исаия Каменчанин, Остафий Воллович, Матфий Стрыйковский и Патриарх Сербский и Болгарский Гавриил, который даровал архимандриту Тимофею в 1582 г. право ношения митры [3: 82–83]. В 1589 г. Супрасльскую

Лавру посетил возвращающийся из Москвы Константинопольский Патриарх Иеремия II [3: 88]. Он реорганизовал монашескую общину, преобразовав ее в важнейший бастион Православной Церкви на западе Литвы. Значение монастыря повлияло на выбор его как места своего погребения многими духовными и светскими сановниками [3: 65, 73–74]. Благодаря своим международным связям, монастырь приобрел значение общеславянского религиозно-культурного центра.

Литература

1. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 7. Вильна, 1874.
2. Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841.
3. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Т. 9. Вильно, 1870.
4. *Белецкий А.* Митрополит Иосиф II Солтан и отношение его к Супрасльскому монастырю. Вильна, 1899.
5. *Богданович Д.* Каталог кирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978.
6. *Бубнов Н. Ю., Лихачева О. П., Покровская В. Ф.* Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1976.
7. *Буланин Д. М.* Чудо с грибом в Ксиропотаме // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение. СПб., 2012. С. 734–738.
8. Вестник Западной России. Г. 4. Кн. 7. Т. 3. Отд. 1. Вильно, 1866.
9. Вестник Западной России. Г. 4. Кн. 7. Т. 3. Отд. 2. Вильно, 1865/1866.
10. Вестник Западной России. Г. 5. Кн. 1. Т. 1. Отд. 2. Вильно, 1867.
11. Вестник Западной России. Г. 5. Кн. 7. Т. 1. Отд. 2. Вильно, 1867.
12. *Добрянский Ф. Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильна, 1882.
13. Древнерусские иноческие уставы: Русский типик / Подг. текста Т. В. Суздальцева. М., 2001.
14. *Е. Н. [Епископ Никанор].* Старый Синодик Супрасльского монастыря // Гродненские епархиальные ведомости. 1904. № 27. С. 789.
15. *Живоиновић М.* Светогорске келије и пиргови у средњем веку. Београд, 1972.
16. *Зема В. С.* Полеміко-догматичні збірки XVI – початку XVII ст. // Український історичний журнал. 2001. № 5. С. 43–74.
17. *Иодковский И. И.* Церкви, приспособленные к обороне в Литве и Литовской Руси // Древности. Т. 6. М., 1915. С. 249–311.
18. *Кацэр М. С.* Белорусская архитектура. Минск, 1969.
19. *Кораћ В., Ковачевић М.* Манастир Хиландар: Конаци и утврђење. Београд, 2004.
20. *Лабынцев Ю. А.* Об одном важном спорном моменте в судьбах белорусской православной культуры XVI столетия в связи с историей Супрасльского Благовещенского монастыря // ЕЛПИС: Czasopismo Katedry Teologii Prawosławnej Uniwersytetu w Białymstoku. Białystok, 2000. R. 2 (13). Z. 2 (15). S. 159–173.
21. *Макарий (Булгаков), митроп.* История Русской Церкви. Кн. 5. М., 1996.

22. Манастир Хиландар. Београд, 2000.
23. *Модест (Стрельбицкий)*. Супрасльский Благовещенский монастырь // Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. Г. 4. Кн. 7. Т. 3. Отд. 2. Вильно, 1865/1866.
24. *Модест (Стрельбицкий)*. Супрасльский Благовещенский монастырь // Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. Г. 5. Кн. 2. Т. 1. Отд. 2. Вильно, 1867.
25. *Модест (Стрельбицкий)*. Супрасльский Благовещенский монастырь // Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. Г. 5. Кн. 6. Т. 2. Отд. 2. Вильно, 1867.
26. *Модест (Стрельбицкий)*. Супрасльский Благовещенский монастырь // Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. Г. 5. Кн. 7. Т. 2. Отд. 2. Вильно, 1867.
27. *Модест (Стрельбицкий)*. Супрасльский Благовещенский монастырь // Литовские епархиальные ведомости. 1865. № 3. С. 75–76.
28. Монашество и монастыри в России XI–XX вв.: Исторические очерки. М., 2002.
29. *Морозова Н. А., Темчин С. Ю.* Об изучении церковнославянской письменности Великого княжества Литовского // Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne. Т. 2. Kraków, 1997. С. 23–35.
30. *Морозова Н. А., Темчин С. Ю.* Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1500–1532 гг.) // Z dziejów monasteru supraskiego. Supraśl; Białyсток, 2005. С. 117–140.
31. *Ненадовић С.* Осам векова Хиландара: Грађење и грађеване. Београд, 1997.
32. *Николай (Далматов)*. Супрасльский Благовещенский монастырь. СПб., 1892.
33. *Обнорский С. П.* К литературной истории Хождения Арсения Солунского // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1914. Т. 19. Кн. 3. С. 196–205.
34. *Петковић С.* Нектарие Србин, сликар XV в. // Сборник за ликовне уметности. 1972. № 8. С. 211–225.
35. *Петковић С.* Српска уметност у XVI и XVII веку. Београд, 1995. (Српска књижевна задруга. Коло 88, књ. 589).
36. *Петров Н. И.* Западнорусские полемические сочинения XVI века // Труды Киевской Духовной Академии. 1894. № 2. С. 154–186.
37. *Петров Н. И.* Западнорусские полемические сочинения XVI века // Труды Киевской Духовной Академии. 1894. № 3. С. 349–380.
38. *Петров Н. И.* Супрасльский монастырь как защитник православия в XVI и в начале XVII века // Виленский календарь на 1896 год. Вильно, 1895. С. 164–179.
39. *Петрушевич А.* Холмская епархия и святители ее. Львов, 1867.
40. *Покровский Ф.* Археологическая карта Гроденской губернии. Вильна, 1895.
41. *Покровский Ф.* Послание Василия, пресвитера Никольского из Дольней Руси, об исхождении Святого Духа // Известия Отделения русского языка и словесности. 1908. Т. 112. Кн. 3. С. 91–126.
42. *Покрышкин П. П.* Благовещенская церковь в Супрасльском монастыре // Сборник археографических статей поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911. С. 222–237.
43. *Попов А.* Обличительные списания против жидов и латинян: По рукописи имп. Публичной библиотеки 1580 г. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1879. Кн. 1. С. 1–41.
44. Прадмова да Памянніка ці Сінодыка з Супрасльскага манастыра 1631 г. // Рэлігійнае пісьменства кірылічнай традыцыі XI–XV стст. Мінск, 2013.

45. *Рогов А. И.* Литературные связи Белоруссии с балканскими странами в XV–XVI вв. // Славянские литературы: VIII Международный съезд славистов, Загреб-Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 187–194.

46. *Рогов А. И.* Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 321–334.

47. *Рогов А. И.* Фрески Супрасля // Древнерусское искусство: Монументальная живопись XI–XVII вв. М., 1980. С. 345–371.

48. Русская историческая библиотека. Т. 4: Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1. СПб., 1878.

49. Русская историческая библиотека. Т. 19: Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 3. СПб., 1903.

50. *Тахиаос А. Е.* Улога светога Саве у оквиру словенске књижевне делатности на Светој Гори // Међународни научни скуп Сава Немањић Свети Сава: Историја и предање. Децембар 1976. Београд, 1979. С. 85–89.

51. *Темчин С. Ю.* Афоно-сербский оригинал супрасльского рукописного комплекта служебных миней середины XVI в. и его дальнейшая судьба // Афон и славянский мир. Афон, 2014. С. 184–192.

52. *Темчин С. Ю.* Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1500–1532 гг.): Новые данные // Современные проблемы археографии: Сб. статей по материалам конф., проходившей в Библиотеке РАН, 25–27 мая 2010 г. СПб., 2011. С. 131–137.

53. *Темчин С. Ю.* О хиландарском происхождении афонско-сербского оригинала супрасльских рукописных служебных миней середины XVI века // Колофонца: Науковий збірник з історії церковної монодії та гимнографії. Ч. 6. Львів, 2012. С. 15–20.

54. *Темчин С. Ю.* Послесловие к четъему «Апостолу» 1183 года монаха Исайи в супрасльском списке Матвея Десятого 1502–1507 года // Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne. Т. 6. Kraków, 2011.

55. *Турилов А. А.* Антоний Супрасльский // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 680.

56. *Турилов А. А.* Житие преподобномученика Антония Супрасльского и славянские жития балканских новомучеников XVI в.: К постановке проблемы // Hagiographia Slavica. München; Berlin; Wien, 2013. S. 265–273 (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband. Bd. 82).

57. *Турилов А. А.* Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV – первой половины XVI в. – парадоксы истории и географии культурных связей // Славянский альманах-2000. М., 2001. С. 247–285.

58. *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.

59. *Ульяновский В. I.* Історія церкви та релігійної думки в Україні у трьох книгах. Кн. I: Середина XV – кінець XVI століття. Київ, 1994.

60. *Фотић А.* Света Гора и Хиландар у Османском царству XV–XVII век. Београд, 2000.

61. *Церетели Е.* Елена Иоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская, СПб., 1899.

62. *Чантурия В. А.* История архитектуры Белоруссии. Минск, 1969.

63. *Щавинская Л. Л.* Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв.: Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря. Минск, 1998.

64. *Щавинская Л. Л., Лабынцев Ю. А.* Литература белорусов Польши XV–XIX вв. Минск, 2003.

65. *Alexandrowicz S.* Nowe źródło ikonograficzne do oblężenia Połocka w 1579 r. // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. R. 19. Z. 1. Warszawa, 1971. S. 19–22.
66. *Grala H.* Kołpak Witoldowy czy czapka Monomacha? (Dylematy wyznawców prawosławia w monarchii ostatnich Jagiellonów) // *Katolicyzm w Rosji i prawosławie w Polsce (XI–XX w.)*. Warszawa, 1997. S. 51–67.
67. *Historica Russiae Monumenta*. Vol. 1. Petropoli, 1841.
68. *Jasnowski J.* Chodkiewicz Aleksander // *Polski Słownik Biograficzny*. T. 3. Kraków, 1937. S. 354.
69. *Kochanowski W.* Pobazyliński zespół architektoniczny w Supraślu // *Rocznik Białostocki*. 1963. № 4. S. 355–396.
70. *Lebiedzińska Z.* Freski z Supraśla: Katalog wystawy. Kraków, 1968.
71. *Lietuvos Metrika: 1499–1514*. Kn. 8. Vilnius, 1995.
72. *Luba-Radziwiński Z.* Sprawa odrębnego pochodzenia Chodkiewiczów litewskich i białoruskich // *Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego*. T. 8. R. 1926–1927. Kraków, 1928. S. 109–132.
73. *Mironowicz A.* Ewangelizacja «prostą mową» w XVI wieku // *Latopisy Akademii Supraskiej*. Vol. 3. Białystok, 2012. S. 9–18.
74. *Mironowicz A.* Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów. Białystok, 2003.
75. *Mironowicz A.* Literatura bizantyjska w Kościele prawosławnym na terenie Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku // *Търновска книжовна школа: Търново и идеята за християнския универсализъм XII–XV век*. Т. 9. Велико Търново, 2011. С. 692–704.
76. *Mironowicz A.* Literatura bizantyjska w Kościele prawosławnym na terenie Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2009. № 31. S. 145–147.
77. *Mironowicz A.* Największa fundacja Aleksandra Chodkiewicza: Spór o charakter fundacji // *Władza i prestiż: Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku*. Białystok, 2003. S. 529–550.
78. *Mironowicz A.* Nieznane losy pierwszych ihumenów supraskich. Białystok, 2015.
79. *Mironowicz A.* O początkach monasteru supraskiego i jego fundatorach. Supraśl, 2013.
80. *Mironowicz A.* Sobory wileńskie 1509 i 1514 roku // *Synody Cerkwi prawosławnej w I Rzeczypospolitej*. Białystok, 2014. S. 71–82. (*Latopisy Akademii Supraskiej*. Vol. 5).
81. *Mironowicz A.* Subotnik ili Pominnik monasteru supraskiego. Białystok, 2015.
82. *Mironowicz A.* Summariusz dokumentów do dóbr supraskich. Białystok, 2009.
83. *Mironowicz A.* Święty Antoni Supraski // *ΕΛΠΙΣ: Czasopismo Katedry Teologii Prawosławnej Uniwersytetu w Białymstoku*. R. 17 (28). Z. 29 (42). Białystok, 2015. S. 11–24.
84. *Mironowicz A.* Związki literackie Kijowa z monasterem supraskim w XVI wieku // *Slavia Orientalis*. 1989. T. 38. № 3–4. S. 541–542.
85. *Mironowicz A.* Związki monasteru supraskiego ze Świętą Górą Athos w XVI wieku // *Święta Góra Athos w kulturze Europy. Europa w kulturze Athos*. Gniezno, 2009. S. 122–134.
86. *Mironowicz A.* Życie monastyczne na Podlasiu. Białystok, 1998.
87. *Mironowicz A., Mironowicz M.* Św. Antoni Supraski. Białystok, 2014.
88. *Morelowski M.* Zarys syntetyczny sztuki wileńskiej od gotyku do neoklasycyzmu z przewodnikiem po zabytkach między Niemnem a Dźwiną. Wilno, 1939.
89. *Naumow A.* Monaster supraski jako jeden z głównych ośrodków kulturalnych w Rzeczypospolitej // *Z dziejów monasteru supraskiego*. Supraśl; Białystok, 2005. S. 105–116.
90. *Papée E.* Aleksander Jagiellończyk. Kraków, 1949.

91. Rękopisy supraskie w zbiorach krajowych i obcych. Białystok, 2014.
92. Siemaszko A. Freski z Supraśla: Unikatowy zabytek XVI-wiecznego pobizantyńskiego malarstwa ściennego. Białystok, 2006.
93. *Siemaszko A.* Malowidła ścienne cerkwi Zwiastowania w Supraślu: Rekonstrukcja programu ikonograficznego // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego: Prace z historii sztuki*. Z. 21. Kraków, 1996. S. 13–58.
94. *Stawicki St.* Czy Nektarij autor «Typika» był autorem malowideł supraskich? // *Biuletyn Historii Sztuki*. 1972. R. 34. № 1. S. 30–35.
95. *Szymański S.* Freski z Supraśla: Próba rekonstruowania genealogii // *Rocznik Białostocki*. T. 11. Białystok, 1972. S. 161–181.
96. *Szyszko-Bogusz A.* Warowne zabytki architektury kościelnej w Polsce i na Litwie // *Sprawozdanie Komisji do badań nad historią sztuki w Polsce*. T. 9. Z. 3–4. Kraków, 1914. S. 333–342.
97. *Tachiaos A. E.* Le monachisme serbe de Saint Sava et la tradition hésychaste athonite // *Hilandarski sbornik*. Vol. 1. Beograd, 1966. P. 83–89.
98. *Trajdos T. M.* Metropolici Kijowscy Cyprian i Grzegorz Camblak a problemy Cerkwi prawosławnej w państwie polsko-litewskim u schyłku XIV i w pierwszej ćwierci XV w. // *Balcanica Posnaniensia: Acta et studia*. T. 2. Poznań, 1985. S. 211–234.
99. *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895.
100. Ο νεομάρτυς Αντώνιος ο Καρεώτης. Άγιον Όρος, 2006.
101. *Ταχιάος Α. Α.* Ένα άγιορειτικό μοναστήρι πού χάθηκε: Η παλαιά Μονή Ρωσιχού, όπως την περιγράφει ο Βασίλειος Γρηγορόβιτς Μπάρσχυ // *Άφιέρωμα στή μνήμη τού Σωτήρη Κίσσα*. Θεσσαλονίκη, 2001.
102. *Χρήστο Παν. Κ.* Το άγιον Όρος. Αθήνα, 1987.

Цикл миниатюр с образами евангелистов и их символов – новый памятник новгородской миниатюры XV века

*канд. искусствоведения
ГРМ
email: dri2004@mail.ru*

В собрании Русского музея хранятся четыре двусторонние миниатюры с изображением евангелистов и их символов. Стилистические особенности и иконография этих произведений свидетельствуют об их связи с новгородской книжностью последней четверти XV в. В данном случае новгородец скорее всего работал по московским образцам. Об этом свидетельствуют также изображения символических существ – Ангела, Тельца, Льва и Орла. Их независимое по отношению к портретам евангелистов размещение и полнофигурные изображения являются иконографической особенностью рассматриваемого ансамбля. Их иконография восходит к подобным изображениям в рукописях Евангелия Успенского собора Московского Кремля и Евангелия Хитрово рубежа XIV–XV вв., которые новгородец творчески переработал. Эта линия не стала основной. Иконография и примеры совмещения образов евангелистов и их символов в XVI–XVII вв. демонстрируют иные решения.

Ключевые слова: Новгородская книжность, московская книжность, пятнадцатое столетие, евангелист, Евангелие, рукопись, образец, символ, иконография, миниатюра.

В Русском музее, в Отделе древнерусского искусства хранятся четыре двусторонние миниатюры с изображением евангелистов и их символов (рис. 1, 3, 5, 7). Их исследование привело к заключению, что они являются произведениями новгородской книжности. Миниатюры поступили в музей в 1958 г. от Ф. А. Каликина наряду с иконами и еще несколькими рукописями, в основном старообрядческими. Ф. А. Каликин – выходец из старообрядческой семьи, иконописец и реставратор, в 1920–е–1930–е гг. – сотрудник Петроградского отдела по охране памятников искусства и старины и Отдела музеев Главнауки, обследовавший и ставивший на учет произведения старины в Петрограде и в монастырях Северо-Запада. В послевоенное время Ф. А. Каликин продавал произведения из своего собрания также в Эрмитаж и Музей истории религии; в БАН и Пушкинский Дом поступило около 300 книг. Зачастую их происхождение уста-

новить затруднительно – владелец не сообщал об этом, либо осторожно скрывал, тем самым продолжая традиции дореволюционных коллекционеров [9; 12; 8: 450–451].

Миниатюры Русского музея выполнены на слабо вержированной бумаге с неясными, не прочитываемыми водяными знаками. Листы имеют размер около 20,5 × 15,0 см и выраженный вертикальный формат композиций. Миниатюры имеют хорошую сохранность, за исключением мелких выкросшек красочного слоя и диагональных заломов на изображении евангелистов Матфея, Марка и Иоанна, прочерчивающих фигуры в нижней левой части средников. Технологические исследования¹ позволяют прийти к выводам о их одновременном создании мастером, который использовал одни приемы и технику. Подготовительный рисунок выполнен черной краской штифтом и полностью соответствует живописи, за исключением незначительных правок на изображении архитектуры. Набор пигментов традиционен и мастер не был стеснен в материалах. Это свинцовые белила, охры, киноварь, азурит, медесодержащая зеленая, аурипигмент. Авторская живопись и неполированное золочение выполнено по полименту – тонкослойному полупрозрачному слою охры. Для миниатюриста характерно использование сложных, крупнотертых красочных смесей, что особенно заметно в составе санкиря, которые придают колориту неоднозначность, нюансированность цветовых тонов. В составе золота ощутимо присутствие ртути – на разных участках в разных количествах, что придает разные оттенки золотому покрытию на фонах и нимбах.²

Несомненно, изначально эти миниатюры предназначались для декора Евангелия и были вставными, что характерно для новгородской книжности XV в. Как были размещены в книжном блоке эти двусторонние миниатюры, позволяют судить остатки клея с правого края листов, то есть изображения прообразованных существ предшествовали образам евангелистов. Традиция, прослеживаемая по памятникам XVI в., позволяет предположить, что миниатюрам предшествовали тексты Предисловий, составленные блаженным Феофилактом епископом Болгарским. Именно согласно этим толкованиям соотнесены образы четырех евангелистов и их символов. Поэтому можно сделать вывод о создании нашей серии миниатюр для рукописи Четвероевангелия.

Евангелисты Матфей, Марк и Лука изображены в идентичных позах за письмом на больших белых листах. Они восседают на одинаковых се-

¹ Техничко-технологические исследования проведены в ГРМ в 2017 г. О. В. Голубевой, В. Н. Петровой, С. В. Сирро.

² Так же, возможно, были использованы листы из разных «книжек». Благодарю за дополнительную консультацию Э. Н. Добрынину.

далищах с подножиями перед столами, на которых помещены лишь два сосуда – чернильницы и подставки с двумя каламами. Евангелисты облачены в традиционные хитоны с клавами и гиматии. Фонами служат столпообразные палаты с высокими проемами, «мраморированная» колонка и башенки; перекинутые киноварные велумы почти касаются верхней границы рамок. Палаты соединяют высокие массивные стены. Поземы залиты ровным зеленым тоном с «мраморировкой» ближе к стене. Апостол Иоанн благословляет удерживаемый между колен закрытый кодекс и обращает лик к нисходящему из верхнего левого угла Божественному лучу, достигающему контура его нимба. На отдельном седалище, на фоне черной пропасти пещеры изображен пишущий юный Прохор. Склоны высоких горok с широкими лещадками с «пяточками», но без кустиков, оттененные зелеными и красными тенями, тянутся к небесному лучу. Миниатюры обрамлены одинаковыми киноварными рамками, два тона которых делятся белильной линией с повторяющимися тремя черточками. Углы декорированы трилистниками, черные контуры которых расцвечены зеленой и красной темперой и дополнены травками тех же цветов.

Именования авторов священных текстов написаны крупными киноварными полууставными буквицами на золоте фонов. Обращает внимание развернутая титулатура и ее грецизированная форма: «(О(ГИОС) ЕВАНГЕЛИСТИС МАТФЕОС», «(О(ГИОС) ЕВАНГЕЛИСТИС МАРКОС», «(О(ГИОС) ЕВАНГЕЛИСТІС ЛОУКАС», «(О(ГИОС) ІСѠ ОФЕОЛОГОС». Также очень подробно и ясно читаются начальные тексты Евангелий, которые демонстрируют размышляющие за письмом их авторы, что усиливает дидактический характер изображений, подчеркивает тему евангельской проповеди. Тексты соответствуют зачалам как на миниатюрах Евангелий тетр, так и апракос, что, однако, не редкость в иллюстрировании разных по содержанию кодексов [14: 366]. Все тексты начинаются с прописанного золотом инициала. Миниатюра «Евангелист Матфей»: «КНИГА РО/ДСТВ/ІС ХС /СНА/ДВД/ВА». Миниатюра «Евангелист Марк»: «ЗАЧАЛО Е/ВГЛІА ІС ХВА/СНА БЖІА». Миниатюра «Евангелист Лука»: «ПОНЕЖЕ/ОУБОУ М/НОЗИТ/НАЧ/АША/ЧИНІТІ/ПОВЕСТ/ОН ЗРЕ/СТОВАН». Миниатюра «Евангелист Иоанн»: «ІСКОНИ/БЕ С».

Стиль миниатюр свидетельствует о новгородском происхождении их автора, который, несомненно, был опытным, сложившимся мастером. Для его почерка характерно создание плотных, уравновешенных и статичных композиций, в которых решающая роль принадлежит рисунку. Крупные фигуры евангелистов и все композиционные детали очерчены лаконичными, четкими контурами. Складки драпировок ложатся структурно ясными складками. Используя плотные, насыщенные оттенки цветов, в моделировке объемов автор избегает контрастных высветле-

ний и пробелов. Моделировка ликов обобщенная, в ней последовательно соблюдены все слои личного письма, проработаны все детали. Массивные архитектурные фоны, как и горки, подчеркнута геометризированы. При ракурсной передаче деталей, задники все же оставляют впечатление плоскостной декорации – они как будто находятся в едином пространстве с сидящими евангелистами.

Вместе с тем, всем миниатюрам присуща определенная унификация: повторяются позы и движения евангелистов, выражения их ликов. Унифицированы предметы мебели, архитектурный стаффаж и элементы его декора, общий рисунок присущ складкам велумов. Совершенно совпадает разметка надписей на фонах, идентичны рамки миниатюр. Подобная общность живописных приемов и композиционных построений отнюдь не свидетельствует о примитивности или упрощенности, но может быть скорее объяснена профессионализмом миниатюриста и отнесена к его творческому почерку. Этот лаконизм, сдержанность, стремление к «подобию» во всем хочется определить как «новгородский классицизм». В композициях миниатюр и их художественном решении достигнуты такие гармония и соразмерность, что они предстают как в полной мере классические образцы новгородского письма последних двух десятилетий XV в. Автора миниатюр Русского музея определенно можно представить и в качестве опытного иконописца, способного на создание живописи царских врат и иконных образов.

Изображения самоуглубленных, занятых письмом евангелистов характерны для искусства XV в., как, впрочем, и первой половины XVI в., и имели хождение как в Новгороде, так и в Москве. В качестве новгородских примеров могут быть приведены: Шереметевское Евангелие-апракос второй четверти XV в. (ГИМ, Музейское собр., № 364) [10: 29–30, 67, ил. 28, 29; 14: 280–296, кат. 5], Уваровское Евангелие-тетр второй четверти XV в. (ГИМ, собр. Уварова, № 95-1°) [14: 297–311, кат. 6], Евангелие-апракос ключника Пимена 1468 г. (Музей «Новый Иерусалим», инв. № 7344/Б 651 3.В.70) [14: 353–366, кат. 11]. Но можно предположить, что в данном случае новгородец скорее работал по заимствованным из московской книжности образцам. Это Евангелие-тетр середины XV в. из Кирилло-Белозерского монастыря (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 44/49) [14: 296], Евангелие-тетр 1470-х гг. (ГИМ, собр. Уварова, № 484) [13: 204–205, кат. 516; 11: ил. 22, 23], Евангелие-тетр (РГБ, ф. 173/1, № 1) [11: ил. 24], Евангелие-тетр в собрании РГБ (РГБ, ф. 173/1, № 2) [11: ил. 33, 34], Апостол конца XV в. (ГИМ, Чудовское собр., № 46) [13: 205, кат. 517]. Изображение сидящего и обернувшегося к Божественному гласу Иоанна Богослова и сидящего на фоне пещеры Прохора встре-

чается в новгородских рукописях последней четверти XV в.: Евангелие-апракос 1480 – начала 1490-х гг. (БАН, 13.1.26) [14: 428–455, кат. 16], Уваровское Евангелие-тетр второй четверти XV в. (ГИМ, собр. Уварова, № 95-1°) [14: кат. 6]; а также в первой половине XVI в.: Евангелие-апракос 1523 г. из Коневецкого монастыря (РНБ, НСРК, F.299) [14: 162–163], но также более характерно для московских лицевых Евангелий [14: 292, кат. 4, 6, 10]. Как будто в пользу московского образца свидетельствуют и надписи с именами евангелистов, за которыми опосредовано угадывается греческий источник.

На другой стороне листов в круглых медальонах на золотых фонах помещены образы четырех символических существ. С евангелистом Матфеем соотнесен Ангел, с Марком – Орел, с Лукой – Телец и с Иоанном – Лев (рис. 2, 4, 6, 8). Они торжественно несут перед собой закрытые кодексы с обильным золотым ассистом. Ангел облачен в зеленый хитон и красный гиматий. Фигуры животных, как и крылья Ангела, объемно моделированы несколькими оттенками темных охр и лежащими по форме пробелами. Любопытно, что эти образы не сопровождаются надписями, а также лишены нимбов (кроме Льва), что, возможно, отображает трактовку образов живых существ как символов Евангелий, но не евангелистов. Два тона зеленых рамок, как и на миниатюрах евангелистов, поделены белильной линией с черточками. Крупные размеры круглых клейм с образами символических существ, их размещение строго в центре листов уравнивает их с образами канонических авторов. Именно миниатюры с символами евангелистов, их независимое по отношению к портретам евангелистов размещение и полнофигурные изображения являются своеобразной иконографической особенностью рассматриваемого ансамбля.

Полнофигурные изображения символических существ, особенно Ангела в рост, не характерны для декорации древнерусских рукописей, что отмечалось неоднократно. Самым ранним примером, как известно, являются миниатюры величественных кодексов московских кремлевских соборов рубежа XIV–XV столетий: Евангелия-тетр Успенского собора и Евангелия-апракос Хитрово, которые восходят к общему, видимо, греческому оригиналу и приписываются творчеству Андрея Рублева и иконописцев его круга [4: 107, кат. 58, 59; 1: 480, кат. 37, 38]. Изображения евангельских символов: Ангела, Тельца, Орла и Льва – в этих рукописях очень близки, но и имеют различия в деталях. Иконография этих миниатюр занимает особую нишу в древнерусской книжной традиции. Представляется, что именно эти миниатюры стали теми образцами, которые оказались в руках новгородского изографа, либо его заказчика. Сопо-

ставляя изображения Русского музея с миниатюрами этих двух шедевров не приходится говорить о том, что они выполнены по прорисям столичных рукописей, но они несомненно были использованы и творчески переработаны. Ближе всего можно сопоставить миниатюру с шагающим Ангелом из Евангелия Хитрово. Более трансформированными оказались образцы с изображением трех других прообразованных существ.

Миниатюры из собрания Ф. А. Каликина предстают и как один из ранних примеров включения сюиты изображений евангелистов и их символов в новгородские рукописи Евангелия-тетр. Эти образцы не были забыты и позднее. Об этом свидетельствует рукопись Евангелия-тетр, датируемая серединой XVI в. (но, может быть, последней четвертью этого столетия) и входившая в собрание Соловецкого монастыря. Она украшена крупными круглыми медальонами, на золотом поле которых размещаются крупные фигуры символических существ (РНБ, Соловецкое собр., № 144/144, л. 11, 93, 146, 230). Ощутимо их родство с изображениями символов на листах Русского музея, но так же, как и в случае с прорисями миниатюр Евангелия Хитрово, они претерпели серьезную переработку [2: 403]. Однако, эта иконографическая линия не стала основной.

Примеры совмещения образов евангелистов и их символов в рукописях учащаются с конца XV в., вслед за ними распространяются в гравюре, на иконах царских врат, окладах кодексов и литургических сосудах, что особенно ощутимо по сохранившимся произведениям середины – второй половины XVI в. В рукописях 1490-х гг., причем связанных с московскими и среднерусскими скрипториями, появляются большие заставки перед зачалами евангельских текстов, которые венчают поясные или полнофигурные образы Ангела, Льва, Тельца и Орла. Им предшествуют Толкования Феофилакта Болгарского. Это Евангелие-тетр (ГИМ, собр. Донского монастыря, № 2-1^о) [11: 89, ил. 89], Евангелие-тетр (РГБ, ф. 37, № 18) [11: 156, ил. 92], Евангелие-тетр (РНБ, F.I.14) [15: 442–444, кат. 21], Евангелие-тетр (РГБ, ф. 113, № 17) [5: 250–251, кат. 68], Евангелие-тетр первой трети XVI в. (РНБ, собр. Титова, № 32) [16: 174–175], Евангелие-тетр 1555 г. (ГЭ, инв. № ЭРБ-31) [8: 453–455, кат. 2], Евангелие-тетр 1560-х гг. (НБ СГУ, № 2).³ На миниатюрах упоминавшейся рукописи из Соловецкого собрания в композиции выходных миниатюр включены изображения символов в виде тетраморфов. Те же образы находим на миниатюрах Евангелия около 1577 г., происходящего из Вологды (ГИМ, собр. Уварова, № 972/69) [3: 78–79, ил. 55], на окладах Евангелий около этого же времени [6; 7: 123–130]. К миниатюрам Евангелий восхо-

³ Сообщено А. А. Туриловым и Л. В. Мошковой, за что выражаю особую благодарность.

дят изображения в клеймах царских врат из Пскова середины – второй половины XVI в. [17].

Завершая, хочется отметить, что целью статьи является стремление привлечь внимание к ранее не публиковавшемуся памятнику новгородского искусства последних двух десятилетий XV в. и представить его одним из звеньев никогда не замиравших поисков воплощения литургических образов.

Литература

1. Андрей Рублев: Подвиг иконописания. М., 2010.
2. *Братчикова Е. К.* Сийское Евангелие XVII века – «редчайший образец иллюстрированного апракоса» (особенности текстовой и изобразительной композиции) // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов. СПб., 2010. С. 162–171.
3. *Вздорнов Г. И.* Вологда. Л., 1972.
4. *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV в. М., 1980.
5. Дионисий «живописец пресловущий»: К 500-летию росписи Дионисия в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Выставка произведений древнерусского искусства XV–XVI веков из собраний музеев и библиотек России. М., 2002.
6. *Зюева С. Г.* Оклад Евангелия из Музеев Московского Кремля: Неизвестный памятник искусства Северной Руси XVI века // Древнерусская скульптура. Проблемы иконографии. Вып. 6. М., 2009. С. 108–117.
7. *Игошев В. В.* Строгановские мастерские серебряного дела в Сольвычегодске в XVI–XVII вв. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2017. № 2. С. 122–144.
8. *Касцова А. С.* Древнерусская живопись в собрании Эрмитажа: Иконопись, книжная миниатюра и орнаментика. XIII – начало XVII века. СПб., 1992.
9. *Поньрко Н. В.* Федор Антонович Каликин – собиратель древних рукописей // ТОДРЛ. Т. 35. Л., 1980. С. 446–450.
10. *Попов Г. В.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV – начала XVI века. М, 1975.
11. *Попов Г. В.* Рукописная книга Москвы: Миниатюра и орнамент второй половины XV – первой половины XVI столетия. М., 2009.
12. *Принцева М. Н.* Коллекция медного литья Ф. А. Каликина в собрании отдела истории русской культуры Эрмитажа // ПКНО. М., 1984. С. 396–408.
13. Россия. Православие. Культура: Выставка посвящается 2000-летию Рождества Христова и наступлению третьего тысячелетия. Каталог выставки. М., 2000.
14. *Смирнова Э. С.* Искусство книги в Средневековой Руси: Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М., 2011.
15. *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV в. М., 1994.
16. *Чумичева О. В.* Символы евангелистов в русской рукописной традиции // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов. СПб., 2010. С. 172–180.
17. *Шалина И. А.* Псковские царские врата середины – второй половины XVI века // Искусство христианского мира. Вып. 12. М., 2012. С. 212–230.

Об особенностях иллюминации псковских рукописей Священного Писания XVI в.: мотивы орнамента и «иконография» инициалов

ГИМ

email: serebrjakova@nm.ru

В статье рассматриваются особенности орнаментики группы литургических рукописей XVI в. предположительно псковского происхождения. Их объединяет своеобразная стилизация неовизантийских элементов в заставках, изобилие растительных, зооморфных и антропоморфных инициалов. Как и в Библейском сборнике Матфея Десятого 1502–1507 гг., часть мотивов восходит к Остромирову Евангелию 1056 г. и к группе роскошных московских Евангелий кон. XIV – 1-й четв. XV в. Обращение к общей «иконографии» инициалов может свидетельствовать об использовании в скрипториях образцов орнамента из древних почитаемых памятников разного времени и происхождения.

Ключевые слова: рукописная иллюминация, Псков, Библия Матфея Десятого, неовизантийский стиль, заставки, иконография инициалов.

В процессе продолжающейся работы по каталогизации хранящихся в ГИМ памятников XVI в. с неовизантийской орнаментикой нами была выделена небольшая группа рукописей, которую мы условно назвали «псковской». Ее составляют несколько роскошных литургических рукописей Священного Писания (Евангелия, Апостол, Псалтирь), очень близких между собой по стилистическим признакам и особым приемам исполнения украшений. По показаниям филигранной бумаги эти рукописи можно датировать от первого десятилетия и примерно до середины XVI в., но, к сожалению, в них нет записей писцов о конкретном времени и месте создания. На признаки бытования в Пскове указывают встречающиеся в них косвенные данные: вкладные и продажные записи, или же памяти месяцевелов. Все кодексы происходят из частных коллекций и имеют поздние переплеты. Гипотезу о возможной принадлежности рукописей к псковскому книжному наследию, подвергнутому, как давно отмечено исследователями [7; 9], постепенному «распылению», начиная

с XVII в. и особенно на протяжении XVIII–XIX вв., могут подтвердить описи книжных собраний Псково-Печерского [8: 264–267], Снетогорского и Спасо-Елеазарова монастырей [16], извлеченные из писцовой книги по Псковскому уезду Г. И. Мещанинова-Морозова и И. В. Дровнина 1584–1586 гг. (РГАДА, ф. 1209, кн. 827, 830). В первых строках описей, как правило, фигурируют напрестольные Евангелия и Апостолы, «характерные» или «на бумаге», часто сопровождаемые примечаниями о «заставицах на золоте». Из оставшихся в псковских пределах хорошо известно исследователям иллюминированное Евангелие 1532 г. из Спасо-Елеазарова монастыря, ныне находящееся в экспозиции ПГИАХМЗ [1: 10–11; 2: 6–8], по характеру убранства вполне совпадающее с рассматриваемой группой (о нем см. ниже).

Художественное оформление рукописей «псковской группы» представляет определенную параллель убранству Библейского сборника Матфея Десятого 1502–1507 гг. (далее БМД). Это касается в первую очередь «иконографии» инициалов, в которых, как и в БМД, обнаруживаются растительные, зооморфные и антропоморфные мотивы, восходящие к Остромирову Евангелию (далее ОЕ), а также повторы некоторых композиций инициалов роскошных московских пергаменных Евангелий кон. XIV – нач. XV в. [6]. Особым изобилием подобной орнаментики отличается Апостол-апракос из собрания П. И. Щукина (ГИМ, собр. Щукина, № 313) [19: 12–13]. Рукопись на 261 л. форматом «в большой лист» (36,0 × 25,0) имеет единственную филигрань «двуручный кувшинчик под короной с 4-лепестковой розеткой» (близки: Брике № 12861 – 1517–1518 гг. [20]; POL № 31801 – 1516 г.¹). Переплет XVIII в.: доски в коже, переплетные листы с гербом Ярославля и литерами ЯМЗ (Клепиков № 786 – 1748 г. [3]). На л. 261 об. запись скорописью XVIII в.: «Купил сию книгу Иван Васильев олончанин у вдовы Петропавловского собора с Бую умершаго попа Тимофея у жены его Федосьи Стефановой». Соборный храм Петра и Павла с Бую – один из древнейших «кончанских» храмов Пскова, возведенный в 1373 г., подвергшийся ряду перестроек в XVI–XIX вв. Почерк в рукописи один – профессиональный крупный полуустав с легким «разгонистым» наклоном вправо, с широкими междустрочными интервалами (19 строк на странице). Большие поля листов, немного обрезанные при новом переплете, подчеркивают монументальность рукописи.

В Апостоле более четырехсот крупных многоцветных инициалов; среди них «парафразами» ОЕ можно назвать «личины» в виде объемных голов с темной зеленовато-коричневой карнацией (анфас и в пол-оборота)

¹ POL: www.piccard-on-line.de/detailsicht.php...31801 от 26.02.2013.

в петлях В (л. 40 об., 48; рис. 1); небольшие синие лики в профиль под перекладинами Б (л. 70 об., 93, 124); малиновые профили в виде «двуликого Януса» в инициале Д (л. 188), все с золотой обводкой (отметим характерный рисунок губ в виде двух параллельных штрихов-«палочек»). Из ОЕ позаимствованы также огромные драконьи головы с длинными пастями и высунутыми языками, прикрепленные к низу или к верху мачт (л. 13, 50; рис. 2). Инициал В (л. 7) в виде змеи, кусающей свою шею, с огромной драконьей головой в коронке из листьев (рис. 3), явно восходит к древним образцам (схожие силуэты буквниц нередки в пергаменных рукописях XII–XIII вв.). Создается впечатление, что в некоторых инициалах использован арсенал тератологии XIII–XIV вв. (например, «змее-птица» с оплетенными жгутом ногами на л. 220), но часть животных и птиц «освободили» из тенет и поместили у подножия неовизантийских цветочных мачт, а геометрические плетеные элементы (ромбы, шары, ступенчатые решетки) вошли в самостоятельные композиции. Некоторые узнаваемые персонажи тератологии привносят сюжетное начало: например, перед чтением в понедельник сырной седмицы инициал С – сидящий музыкант в тюрбане, трубящий в рог (л. 193 об.); или инициал Б – шагающий «птице-человек» в колпачке (л. 169). Многочисленные варианты подобных фигур из новгородских и псковских рукописей XIV в. воспроизведены в альбоме В. В. Стасова [15]. Многие растительные инициалы в Апостоле представляют собой вариации «многослойного» полулиста из ОЕ.

Вторая значительная группа инициалов Щук. 313 – композиции с клубящимися змеями и крылатыми драконами типа инициалов Евангелий «группы Хитрово-Андроникова»; чаще всего повторяется (в разной раскраске) «падающий вниз головой» дракончик с лапками (л. 3, 49, 145, 152 об., 159 и др.; рис. 4). Наконец, встречаются фантастические гибриды, условно говоря, «остромировских» и «андрониковских» элементов: например, над изящной змеей, обвившей мачту, нависает крупный коричневый профиль (л. 185 об.), или стебель, вырастающий из клюва птицы, заканчивается огромной темной «личинкой» (л. 190 об.). Цветовая гамма ярчайшая, с резкими красочными контрастами (светло-бирюзовый, травянисто-зеленый или молочно-голубой рядом с оранжевым, ярко-синим и малиновым). Туловища змей, драконов и птиц с графической прорисовкой чешуи или оперения белилами и чернилами усыпаны цветных «бусинами», у всех тварей – крупные черные зрачки в «ресницах». Инициалы обведены золотым контуром, окружены «сиянием» из золотых лучиков, в просветы петель и мачт иногда включено серебряное или золотое тонкотравье.

При сравнении инициалов БМД и Щук. 313 можно констатировать обращение к некоему общему для обеих рукописей «иконографическому

набору»: не говоря уже о включении личин, драконьих голов (намеков на них в БМД), птиц на вершинах мачт, очень близки очертания многих растительных инициалов, в которых угадываются одинаковые «узлы» и сочетания элементов. Конечно, основное различие – в цветовом наполнении: инициалы БМД живописно-небрежны, в них велика роль мягкого красочного пятна, а в Апостоле Щук. 313 все детали графически-четкие, с точной сухой «ювелирной» проработкой. Кроме того, как доказано в исследовании Ф. В. Панченко, в декоре БМД гораздо более важную роль играет непосредственное влияние конкретных западноевропейских образцов [6: 179–182].

Пять гигантских неовизантийских заставок (л. 1, 48, 93, 124, 155) Апостола Щук. 313 удобны для рассмотрения формальных примет художественной манеры, на уровне «школы», мастерской, или даже одного мастера (?), узнаваемой и в других рукописях группы. В классические схемы кругов или арок вписаны строго симметричные композиции из синего стебля; плотный блестящий золотой фон художественно активен, сияние его открытых участков подчеркивают как бы срезанные и «утраченные» в золоте короткие отрезки стебля. Выработана своеобразная схема изображения традиционного византийского «крин»: нижняя пара лепестков прорисована тонкой диагональной линией и похожа на «лежачую восьмерку», а верх цветка превращен в подобие «зонтика». Сердцевидные листья и бутоны обведены четким замкнутым контуром, их цветковые плоскости расчерчены белильными или чернильными «гребешками», «елочками», «ячейками». Углы заставок украшены удлиненными развевающимися листьями; вертикальные побеги, фланкирующие торцы заставок, нагружены набором растительных форм с почти обязательным «лежачим» византийским бутоном в основании (который может восприниматься как своеобразный «маркер» группы); в наверху встречаются геральдически-симметричные «павлины» с хвостами из заостренных перьев, бутоны в виде церковной главки с крестиком.

Самый ранний пример подобного варианта неовизантийского орнамента и аналогичную манеру исполнения элементов можно видеть в заставках Евангелия-тетр из собрания Е. Е. Егорова (РГБ, ф. 98, № 20), датированного 1490-ми – началом 1500-х гг. Оно включено в каталог новгородских рукописей Э. С. Смирновой, характеризующей Егор. 20 как «последний памятник, замыкающий эволюционную линию XV в.», добавляя, что «орнамент вновь преобразился, усилилась его плоскостность, силуэтность, графическая прорисовка», и называет его «новым витком стилизации, кажется, не без влияния народного искусства...» [14: 180–181]. Важно, что Э. С. Смирнова подчеркивает отличие данного стили-

стического варианта от орнаментики знаменитых роскошных рукописей новгородского книжника Закхей и предполагает здесь творчество особой «маленькой школы», сформировавшейся в конце 1490-х гг., считая ее также новгородской [14: 182]. По нашему мнению, памятником, чрезвычайно схожим с Евангелием Егор. 20, можно назвать лицевое Евангелие-тетр из того же собрания (РГБ, ф. 98, № 82), происходящее из Псково-Печерского монастыря. Евангелие датируется началом XVI в., на полях л. 11–141 имеет пространную запись 1692 г., из которой следует, что кодекс «...строен при игумене тоя же обители Корнилии...» и некогда имел золотой чеканный оклад с чернью; в 1682–1692 гг. после замены оклада Евангелие было «...положено в той же церкви преподобных отец Антония и Фодосия где по пренесении положены мощи преподобнаго игумена Корнилиа в память трудов его». Почерк Печерского Евангелия очень близок (если не аналогичен) почерку Евангелия Егор. 20; то же можно сказать о вязи заглавий – «узкой и тесной», по выражению Э. С. Смирновой. В заставках Евангелий Егор. 20 и Егор. 82 находим одинаковый рисунок схем, те же «кринь» в виде «восьмерок» с «зонтиком», «лежачие» бутоны, что и в заставках Апостола Щук. 313 из собора Петра и Павла с Бую. Большие инициалы перед Евангелиями в Егор. 20 и Егор. 82 весьма схожи между собой и состоят только из растительных элементов; инициалы же Апостола Щук. 313, как мы видим, аккумулируют самые разнообразные мотивы, частично восходящие к древним образцам (как и в инициалах БМД), и обнаруживают «фольклорные» черты, которые могут восприниматься в контексте народной «смеховой культуры».

Еще одна рукопись, отнесенная нами к условной «псковской» группе, – Евангелие ГИМ, Музейское собр., № 4059, также упомянутое Э. С. Смирновой при анализе убранства Евангелия Егор. 20 [14: 186]. Рукопись происходит из собрания ОЛДП, куда она поступила как дар князя П. Д. Волконского; записей о создании или бытовании в ней нет [5: 252–253]. Э. С. Смирнова датировала это Евангелие нач. XVI в., Л. М. Костюхина более широко – XVI в. [4: 265]. И заставки, и инициалы Евангелия Муз. 4059 «родственны» Апостолу Щук. 313: вновь нас встречает инициал В – кусающая себя за шею большеголовая змея в лиственной коронке, аналог инициала на л. 7 об. Апостола; всего в Муз. 4059 четыре таких «змей», одинаковых по рисунку, но разных по расцветке и мелким деталям (рис. 5). В растительных инициалах вновь находим многочисленные варианты и трансформации сложного полулиста ОЕ, но есть дополнительные элементы, близкие инициалам БМД, – суставчатые ветки-жезлы, или вырастающие при основаниях инициалов большие и малые цветки на тонких стеблях. Особенно схожи с БМД вольные раскидистые формы с «выбро-

сом» на поле удлинённых листьев, их настойчивое расчерчивание «гребенками», сетками или решетками – возможно, подражание западноевропейской гравюрной штриховке, как бы «прорастание» гравюрного аканта в трансформированных византийских листьях и цветках, или же «византинизация» аканта яркой темперной раскраской (рис. 6). В заставках Муз. 4059 опять видим четкие сухие схемы неовизантийского орнамента на фоне плотного полированного золота (частью выполненные по графье), с «утопленными» в золоте срезами стебля, «восьмерками» и «зонтиками» кринов, «лежачими бутонами» на стержнях у торцов заставок.

Одна из заставок Муз. 4059 (л. 127), заполненная гирляндами вьюнка с узкими треугольными листьями, позволяет привлечь к рассматриваемой группе лицевую Псалтирь нач. XVI в. Научной библиотеки МГУ из собрания В. В. Величко, № 21, также без каких-либо записей о месте изготовления [13: 124–125]. Она также приведена Э. С. Смирновой в качестве стилистической параллели художественному оформлению Евангелия Егор. 20 [14: 226, 468, 506]. В заставке на л. 4 помещена фигура царя Давида в рост среди гирлянд вьюнка, аналогичных по рисунку заставке на л. 127 Евангелия Муз. 4059. Особенно важно, что среди 187 инициалов Псалтири много зооморфных и антропоморфных мотивов, идентичных Апостолу Щук. 313 и Евангелию Муз. 4059: головы дракона типа ОЕ, «личины», птицы-«павлинь».

В напестольном Евангелии-апракос с точной «привязкой» к Пскову, написанном и украшенном для псковского Спасо-Елеазаровского Трёхсвятительского монастыря в 1532 г., шесть неовизантийских заставок, которые по схемам, характерному рисунку «кринов», павлинам на углах заставки можно отнести к той же традиции; 383 красочных инициала изобилуют зооморфными и антропоморфными мотивами [1: 10–11]. И. А. Шалина в исследовании о декоре псковских царских врат XVI в. отметила его общность с инициалами Елеазаровского Евангелия [17], что в определенной степени подкрепляет предположение о существовании псковской «школы» рукописной орнаментики, культивирующей устойчивую «иконографию» и художественную манеру, находящую отклик в других сегментах псковского прикладного искусства.

Необходимо напомнить, что в роскошных рукописях 1530-х гг., созданных при архиепископе Макарии в Новгороде (Боровское Евангелие 1532–1534 гг., ГИМ, Музейское собр., № 3878, или Евангелие Александрo-Свирского монастыря 1534 г., ГИМ, Музейское собр., № 352) господствует совсем иной стилистический вариант неовизантийского орнамента – с усложненными схемами и размельченными формами цветочного наполнения, с широкими обрамлениями из монохромного «тонкотравья»

и гравюрного аканта с акварельной подцветкой [11]. Возможно, влияние этих особенностей к середине XVI в. распространяется и на Псков. Еще одно роскошное Евангелие-апракос из собрания А. Г. Черткова (ГИМ, собр. Черткова, № 159), датированное 1550-ми годами [18: 34], мы относим к «псковской» группе, так как оно содержит в Месяцеслове псковские памяти: 24 сентября – «Знамение от иконы Святой Богородицы обители Святаго Спаса над Мирожеею»; 27 ноября – «Обретение мощем благовернаго князя Всеволода Псковскаго чудотворца»; 11 февраля – «Преставление благовернаго князя Всеволода»; 15 мая – «Преставление преп. Ефросина Псковскаго чудотворца»; 16 июля – «Знамение Святой Богородицы в Чирсках». Его девять заставок переполнены разнообразием пышных цветочных форм, в обрамления включены вьющиеся золотые травы, но при этом есть и геральдические «павлины», и «лежачие» бутоны у торцов заставок. Главное то, что 392 инициала Евангелия Чертк. 159 сохраняют верность все той же растительной, зооморфной и антропоморфной «иконографии». Крупные объемные синие «личины» в инициалах Евангелий от Иоанна (л. 7; рис. 7) и Луки (л. 148), фантастические твари, большие головы драконов типа ОЕ в низу или на верху мачт (л. 24, 70 об., 78 об., 116) перекликаются с подобными в Апостоле Щук. 313 и в Евангелии Муз. 4059; есть вариации инициалов «группы Хитрово-Андроникова» – обвивающие стволы змеи, орел, клюющий верхушку ствола (л. 18 об.; рис. 8).

К памятникам с устойчивым следом той же традиции добавим еще Псалтирь начала 1550-х гг. из собрания П. М. Мальцева (ГИМ, Музейское собр., № 3440) с миниатюрой царя Давида и с записью 1688 г. о продаже Псалтири в Мирожский монастырь [10]. На л. 23 под верхней перекладиной неовизантийского инициала Б помещен серо-коричневый человеческий профиль с золотой обводкой, со знакомым приемом изображения губ двумя «палочками». Хотя в Псалтири преобладают растительные инициалы, более изящные по рисунку и сдержанные по колориту, чем «развесистые» инициалы Щук. 313, Муз. 4059 или Чертк. 159, но композиции практически повторяются; из «группы Хитрово-Андроникова» есть единственный инициал В с «падающим вниз головой» драконом (л. 107).

Своеобразие и самостоятельность псковского книжного искусства XVI в. ярко демонстрирует Евангелие-апракос 1560-х гг. (ГИМ, Музейское собр., № 1154), купленное в 1909 г. в Москве на торгу у Сухаревой башни, с вкладной записью 1567 г. Троицкого дьякона Афанасия Петрова в псковский храм «Великого Богоявления в Бродах». Красочный неовизантийский орнамент с рассмотренными выше «псковизмами» (кринь в виде «восьмерок» и «зонтиков») имеется здесь в единственной заставке

перед «Соборником 12 месяцев». Остальные семь заставок представляют оригинальный вариант рисованного черно-белого «старопечатного» орнамента, не похожего ни на заимствования из «мекенемовского» Алфавита в московских рукописях 1-й пол. XVI в., ни на ксилографические заставки анонимных дофедоровских изданий, или Апостола Ивана Федорова 1564 г. В «картушах» и «волютах» заставок Евангелия Муз. 1154 угадывается скорее знакомство с орнаментикой изданий Франциска Скорины. Декор Евангелия храма Богоявления в Бродях можно оценить как живой отклик псковских мастеров на новые технические и художественные возможности украшения литургической книги, появившиеся с введением книгопечатания [12].

Заключения исследователей о том, что многие особенности художественного оформления БМД 1502–1507 гг. восходят к книжному искусству Новгорода и некоторых московских памятников последней четверти XV в. вполне справедливы [6: 186–188, 193–194]. Но, возможно, к художественной среде, повлиявшей на стиль убранства БМД, следует присоединить и гипотетический «псковский» вариант книжной орнаментики, который мог возникнуть в Пскове как достаточно самостоятельном в своем творчестве крупном книгописном и художественном центре. Гипотетическая мастерская (может быть, «отпочковавшаяся» от Новгорода на рубеже XV–XVI вв.?) могла работать в собственной манере над заказами литургических книг для псковских храмов сравнительно долгое время, создав художественную традицию, сохранившуюся в убранстве дошедших до нас более поздних, чем БМД, рукописей и дожившую (в неизбежных модификациях) до 3-й четв. XVI в. Важно, что наряду с оригинальной интерпретацией византийских растительных мотивов в заставках, в них активно использована богатая «иконография» инициалов, почерпнутая из арсенала разновременных литургических памятников. В связи с этим вновь возникает вопрос (не раз уже выдвигаемый исследователями) о хождении в книгописных мастерских орнаментальных образцов-подлинников, возможно, содержащих прориси с орнаментов почитаемых древних и авторитетных пергаменных манускриптов, хорошо известных в профессиональной книжной среде; но эта тема требует дальнейших изысканий и уточнений.

Литература

1. Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV – начало XX вв.). Псков, 1991. Ч. 1.
2. Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV – начало XX вв.). Псков, 1991. Ч. 2.

3. *Клепиков С. А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959.
4. *Костохина Л. М.* Нововизантийский орнамент // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 265–294.
5. *Лопарев Хр.* Описание рукописей Императорского Общества любителей древней письменности. Ч. 1: Рукописи в лист. СПб., 1892.
6. *Панченко Ф. В.* «Еже не съкрыти таланта от Бога преданного ми»: Материалы к творческому портрету Матфея Десятого // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. М., 2015. С. 171–194.
7. *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзор пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916.
8. Псковский Печерский монастырь в 1586 году // Старина и новизна: Исторический сборник. СПб., 1904. Кн. 7. С. 255–272.
9. *Розов Н. Н.* Искусство книги Древней Руси и библиогеография (по новгородско-псковским материалам) // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 24–51.
10. *Серебрякова Е. И.* Лицевая Псалтырь XVI века из Музейского собрания ГИМ (Муз. 3440): Происхождение, кодикология, иконография // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Забелинские научные чтения 2012. М., 2015. С. 84–101. (Труды ГИМ. Вып. 199).
11. *Серебрякова Е. И.* Об орнаментальном убранстве рукописей Макариевской книгописной мастерской // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 426–439.
12. *Серебрякова Е. И.* «Старопечатный» орнамент в псковских рукописях второй половины XVI века: Стиль и источники // 450 лет Апостолу Ивана Федорова. История раннего книгопечатания в России: Памятники, источники, традиция изучения. М., 2016. С. 326–335.
13. Славяно-русские рукописи XV–XVI веков Научной библиотеки Московского университета: Поступления 1964–1978 годов. М., 1981.
14. *Смирнова Э. С.* Искусство книги в Средневековой Руси: Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М., 2011.
15. *Стасов В. В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887.
16. *Французова Е. М.* Материалы для реконструкции книжных собраний двух центров письменности Псковской земли XVI века // АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 336–343.
17. *Шалина И. А.* Псковские царские врага середины – второй половины XVI века // Искусство христианского мира. Вып. 12. М., 2012. С. 212–230.
18. *Шульгина Э. В., Черниловская М. М.* Описание рукописей собрания Черток-ова. Новосибирск, 1986.
19. *Яцимирский А. И.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. Вып. 2. М., 1897.
20. *Briquet C. M.* Les filigranes: Dictionnaire historique des marques du papier des leur apparition vers 1281 jusqu'a 1600. Geneve, 1907. Vol. 3.

Об одном малоизвестном Четвероевангелии конца XV в. из собрания Государственного Исторического музея (Чуд. 30)

*Всероссийский художественный
научно-реставрационный центр им. акад. И. Э. Грабаря
email: catherine-moro@yandex.ru*

В статье речь идет о московской рукописи Евангелия 1470–80-х гг. из собрания ГИМ (Чуд. 30), украшенной 4 миниатюрами евангелистов. Установлено, что кодекс служил наместольным Евангелием, возможно, в одном из храмов Чудова монастыря. Художественные особенности миниатюр позволяют отнести их к одному из центральных направлений московского искусства втор. пол. XV в. Изображения евангелистов составляют устойчивую иконографическую серию, воспроизведенную еще в 3 рукописях посл. четв. XV в. Ближайшей аналогией являются изображения евангелистов в новгородской рукописи того же времени (ГИМ, Муз. 328).

Ключевые слова: Московские лицевые рукописи, московские миниатюры, живопись конца XV в., иконография евангелистов, Чудов монастырь, наместольное Евангелие

Лицевая рукопись Четвероевангелия из библиотеки московского Чудова монастыря, ныне хранящаяся в Государственном Историческом музее (Чудовское собр., № 30), принадлежит к числу малоизвестных книжных памятников второй половины XV в. Кодекс никогда не становился объектом специального исследования, а немногочисленные высказывания о нем в научной литературе отличаются краткостью формулировок.

Библиография

Впервые рукопись упоминается в описании книгохранилища Чудова монастыря, составленном П. Н. Петровым в 1879 г. [4: 147–148]. Автор относит кодекс к XV в., не приводя никаких подробных сведений о нем. В каталоге Чудовского собрания ГИМ 1980 г. содержится более детальная информация о рукописи [9: 19–20]. Составитель описания Т. Н. Про-

тасьева датирует манускрипт 1470–1480-ми гг. на основании анализа водяных знаков бумаги, дает краткую кодикологическую и палеографическую характеристику, определяет текстовый состав списка.

Другие упоминания Чудовского Евангелия, встречающиеся в специальной литературе, относятся преимущественно к стилю его миниатюр. Так, в третьем томе «Истории русского искусства» манера письма миниатюр оценивается В. Н. Лазаревым как «сухая и графическая»; кроме того, отмечаются «необычные» для более ранней живописи «бирюзовые цвета, указывающие на дионисиевское время» [1: 537].

Более развернутую характеристику стилистических особенностей миниатюр дает Г. В. Попов [5: 68; 7: 19]. Считая изображения евангелистов Чуд. 30 близкими к миниатюрам другой московской рукописи – Евангелия 1480-х гг. из собрания РГБ (ф. 173 (МДА), № 2), исследователь отмечает «общую тенденцию к минимальной выявленности объема и высветлению гаммы». «При этом графический элемент оказывается в них преобладающим, – отмечает Г. В. Попов, – но определенность фактуры моделировки придает им заметную жесткость, редкую для московской живописи». Однако представленная характеристика большей частью относится все же к миниатюрам МДА 2. Миниатюры же Чудовского Евангелия, как далее пишет Г. В. Попов, «продолжают скорее линию икон предшествующего периода, около середины столетия (типа “Вознесения” из ГТГ)» [7: 19].

История рукописи

Известно, что Евангелие поступило в ГИМ в 1920 г. в составе Синодальной (Патриаршей) библиотеки, частью которой оно стало в 1899 г. наряду с другими рукописями Чудова монастыря [11]. На обложке верхней крышки переплета в левом нижнем углу имеется экслибрис Патриаршей библиотеки: «Собр. Чудовское. № 30». На л. 1, 10, 20 кодекса имеется владельческая запись Чудова монастыря, датированная 1857 г. Других помет, свидетельствующих о принадлежности рукописи Чудову монастырю или иному владельцу, нет. Отсутствуют также любые указания на факт продажи, покупки, вклада и пр., которые могли бы пролить свет на происхождение и историю кодекса.

Однако обращает на себя внимание бумажная наклейка, расположенная в верхней части корешка. Она содержит помету «Евангелие на престолное писменное», сделанную полууставом предположительно XVII в. и свидетельствующую об особом статусе рукописи.¹

¹ Наклейка ранее не привлекала к себе внимание исследователей.

Переплет

Этот статус подтверждает и сохранившийся переплет, характер оформления которого, без сомнения, позволяет назвать его роскошным. Деревянные переплетные крышки обтянуты двухцветным бархатом, узор которого составляют крупные растительные мотивы золотисто-желтого цвета на малиновом фоне. Примечательно, что некоторые детали растительного орнамента были выполнены металлизированными нитями (судя по сохранившимся фрагментам, серебряными); однако в настоящее время металлическое покрытие почти полностью исчезло, обнажив нитяную основу.

Верхняя крышка переплета была украшена металлическими накладками, выполненными в технике чеканки и представляющими изображение евангелистов (по углам) и Распятие с предстоящими (в центре). К настоящему времени большая часть накладок утрачена; сохранился лишь средник и левый верхний наугольник с изображением Иоанна Богослова и Пророка.

Заметим, что дошедший до нас переплет Чудовского Евангелия не современен рукописи, является вторичным и представляет собой результат позднейшего ремонта. Блок обрезан и перешит на четырех шнурах, рельеф которых отчетливо читается на корешке. От первоначального шитья в корешке блока сохранились треугольные пропилены.

В каталоге Т. Н. Протасевой переплет датирован XVII в. и имеет характерный для этого времени вид. Переплетные доски значительно выступают за края блока и по внутренней стороне имеют скосы вдоль обреза. Переплетная ткань по характеру узора и по цветовому сочетанию также может быть датирована периодом не ранее XVII столетия.

В качестве форзацев (л. I–II нач., I–II конечн.) при установке существующего переплета были использованы листы старопечатных изданий XVII в. Л. I–II нач. и I конечн. происходят из экземпляра Евангелия учительного (Московский Печатный двор, 1652 г.); л. II конечн. представляет собой фрагмент корректурного экземпляра Минеи служебной на июнь (Московский Печатный двор, 1646 г.).²

На основании приведенных данных можно предположить, что рукопись ремонтировалась не ранее второй половины — конца XVII в. Причиной ремонта, вероятно, послужило неудовлетворительное состояние прежнего переплета. Блок рукописи имеет затеки от воды и следы ржавчины вдоль корешка и нижнего обреза. Защитные листы, установленные при последнем переплете, таких повреждений не имеют,

² За помощь в определении фрагментов старопечатных изданий сердечно благодарим сотрудника Отдела рукописей РГБ Ю. С. Белянкина.

что свидетельствует о том, что они были вшиты в рукопись после того, как она пострадала от затопления.

Гипотеза о происхождении рукописи

В связи с тем, что сведения о раннем периоде бытования Чудовского Евангелия отсутствуют, одной из возможных версий о происхождении рукописи может быть та, согласно которой кодекс был создан в Чудовом монастыре и никогда не покидал его стен, будучи на престольном Евангелием одного из монастырских храмов. Невозможно обойти вниманием тот факт, что предположительное время создания рукописи (конец 1470-х – 1480-е гг.) совпадает со временем строительства Алексеевской церкви Чудова монастыря в 1483 г. Примечательно также, что в 1680–1686 гг. при архимандрите Адриане Алексеевская церковь была перестроена и обновлена. Такое событие могло стать поводом для замены ветхого переплета на престольного Евангелия новым роскошным.³

Подчеркнем однако, что все вышесказанное представляет собой лишь гипотезу, основанную на ряде совпадений и пока не подтвержденную документально. Тем не менее, мы сочли необходимым ее высказать.

Кодикология

Кодекс *in folio* имеет вытянутый по вертикали формат. При создании рукописи была использована бумага двух сортов с водяными знаками «голова быка под короной» и «голова быка под цветком, с треугольным щитом внизу». Филигрانی указывают на конец 1470-х–1480-е годы.⁴ Первый знак является преобладающим, второй встречается лишь на некоторых листах.

Блок рукописи состоит из 48 тетрадей, большая часть которых представляет собой кватернионы. Тетради имеют слепую разлиновку под текст, нанесенную острым предметом по оборотной стороне каждого листа.

Текст написан полууставом в один столбец, двумя писцами. Первый писец переписал основную часть текста (л. 1–269 об., 274–347 об.); вто-

³ Отметим, что в стенах Чудова монастыря, возможно, были переписаны и украшены еще две лицевые рукописи посл. четв. XV в., хранящиеся ныне в ГИМ (Четвероевангелие, собр. Уварова, № 97, и Апостол, Чудовское собр., № 30). Подробнее об этом см.: [3].

⁴ Первый знак (преобладающий) – голова быка, с глазами и ушами, под 5-рожковой короной на 1-контурной штанге; корона увенчана 6-лепестковой розеткой на 1-контурной штанге ([2: 1189] – 1481 г.; [12: 14573] – 1487 г.; близкий знак: [13: XV, 211] – 1479 г., 1480 г.). Второй знак – голова быка, с глазами и ушами, под 1-контурной штангой с 7-лепестковой розеткой; к морде быка снизу подвешена штанга с пустым треугольным щитом под двумя перекладинами ([2: 1185] – 1481 г.; [12: 14883] – 1476 г.; близкий знак: [13: XII, 753] – 1474 г., 1478–1481 гг., 1475–1477 гг.). По данным Н. П. Лихачева, на бумаге с аналогичными водяными знаками выполнен список Пролога, созданный в Коломне в 1481 г. (РНБ, F. I. 311).

рой – л. 270–273 об. (оглавление и предисловие Евангелия от Иоанна) и 348–365 об. (указания евангельских и апостольских чтений, последние три тетради кодекса).

По составу кодекс представляет собой Четвероевангелие, снабженное литургическими указаниями, то есть изначально предназначенное для богослужебного использования.

Декорация

Рукопись украшают 4 миниатюры в полный лист с изображениями евангелистов (л. 76 об., 106б об., 169б об., 273б об.; рис. 1–4), 4 большие неовизантийские заставки с символами евангелистов в центре, 4 больших киноварных инициала, малые киноварные инициалы, заголовки.

Листы с миниатюрами являются частью бифолиев и входят в состав тетрадей. Три из них (л. 76, 169б, 273б) имеют филигрانی первого типа, аналогичные филиграмм тетрадей, к которым они принадлежат. Все листы с миниатюрами имеют разлиновку под текст, идентичную по типу и способу нанесения разлиновке всего блока.

Все миниатюры заключены в одинаковые рамки с пышными неовизантийскими бутонами по углам и голгофскими крестами по центру. Говоря о композиции разворотов, отметим, что размер и расположение каждой миниатюры, а также стиль и характер ее обрамления соотношены с параметрами заставки и текстового поля на смежном листе. Не возникает сомнений, что миниатюры были изготовлены одновременно с рукописью и включены в состав блока изначально.

Миниатюры отделены от текста завесами из золотисто-желтого шелка. Оформление завес не характерно для московских рукописей этого периода: их размер равен размеру листов с текстом и они лишены бумажной рамки, имевшей одновременно функциональное и декоративное значение.⁵

Стиль миниатюр

Художественные особенности миниатюр позволяют отнести их к одному из центральных направлений московского искусства второй половины XV в.

Все четыре миниатюры рукописи характеризуются уравновешенностью композиции, выверенностью пространственного построения, сдер-

⁵ Справедливо могло бы возникнуть предположение о позднейшем происхождении завес и возможности их появления в рукописи при последнем ремонте. Однако эта гипотеза опровергается наличием на всех завесах затека от воды, который имеется во всем блоке кроме защитных листов, вставленных при переплете в XVII в. Таким образом, завесы могут считаться первоначальным элементом декорации рукописи.

жанностью и даже статичностью поз евангелистов, несмотря на присутствие элементов движения в иконографии.

В стиле миниатюр Чуд. 30 отразилась характерная для живописи второй половины XV в. тенденция к уплощению объема, удлинению пропорций и обобщенности силуэта. Фигуры евангелистов – тонкие и хрупкие – лишены тяжести и пластической полновесности. Использование приемов линейной стилизации и каллиграфически тонко выполненный рисунок одежд могут восприниматься как проявление сухости и графичности. Однако, несмотря на очевидное преобладание графической разделки, живопись миниатюр Чуд. 30 отличается сложностью и многослойностью. Одежания евангелистов написаны с использованием нескольких оттенков цвета, положенных последовательно и дополняющих друг друга.

Лики евангелистов, моделированные рельефно и красочно, сохраняют индивидуальность выражений, лирическую утонченность образного строя.

Светлый колорит, в котором преобладают холодные оттенки (голубой, бирюзовый, светло-зеленый и даже розовый), отличается нежностью и деликатностью цветовых сочетаний, что также является характерной приметой стиля конца XV в.

Миниатюры Чудовского Евангелия написаны, скорее всего, двумя художниками: один из них выполнил первые три миниатюры, второй – изображение евангелиста Иоанна. Живописные приемы последней миниатюры представляются упрощенными по сравнению с тремя другими. Главным образом, это касается приемов письма лика, в котором отсутствует красочная лепка формы, а рельеф предстает плоским. Приемы письма ликов трех остальных евангелистов создают не гладкую, а чуть вибрирующую, неровную поверхность. Вместо нежных розовых тонов в лике Иоанна преобладают светло-желтая охра и красная подрумянка.

Иконография

Рассматривая композиционные особенности описанных миниатюр и пытаясь выявить иконографические аналогии, мы обнаруживаем, что изображения евангелистов в Чуд. 30 составляют устойчивую серию. Она воспроизведена еще в трех известным нам Четвероевангелиях, которые на основании иконографических признаков представляется возможным отнести к одной группе. Прежде всего, следует назвать Евангелие ГИМ, Музейское собр., № 328, 1480-х гг. новгородского происхождения и московское Евангелие Британской библиотеки, Egerton 3045 первой четверти XVI в. со вставными миниатюрами второй половины XV в. Третья рукопись – Евангелие, хранившееся в начале XX в. в Саввино-Сторожевском монастыре и в настоящее время считающееся утраченным.

Его миниатюры известны по единственной черно-белой публикации 1915 г. [8]. Рукопись содержала на последнем листе запись, датирующую ее 1470 г. и называющую имя заказчика – Владимира Григорьевича Ховрина. Однако характер орнамента рамок миниатюр, насколько можно судить по воспроизведению, позволяет отнести их ко времени не ранее конца XV – начала XVI в. Возможно, миниатюры этой рукописи также были вставными.

О существовании рассматриваемой серии миниатюр упоминают Г. В. Попов в связи с Лондонским Евангелием [6: 154–155] и Э. С. Смирнова в связи с Евангелием из Музейского собрания ГИМ [10: 264–268]. Более того, Э. С. Смирнова отмечает, что данная серия сложилась на основе образцов, позаимствованных из разных серий и ранее не составлявших цикл. Однако ни один из исследователей не приводит в качестве аналогии миниатюры Чудовского Евангелия.

Случаи воспроизведения одних и тех же иконографических схем в московских рукописях второй половины XV в. нередки. Существование же серии из четырех изображений, полностью воспроизведенной в нескольких рукописях, напротив, явление редкое, если не уникальное. Очевидно, образцы существовали не в виде устойчивых наборов, составленных из определенного количества изображений и повторяющихся от рукописи к рукописи в неизменном постоянстве своего состава, а в виде отдельных изображений, которые можно было свободно комбинировать, разрознивая одни циклы и создавая новые.

Так, одним из наиболее часто встречающихся в московской миниатюре второй половины XV в. композиционных вариантов является изображение евангелиста Матфея, разворачивающего свиток.

Кроме Чудовского Евангелия и рукописей его группы данная иконография воспроизведена также в Евангелии НБ МГУ 2 Ag 78 1470-х гг., Евангелии из Николо-Песношского монастыря 1490-х гг. (СПМЗ), а также в Евангелии Феодосия 1507 г. (РНБ, собр. Погодина, № 33). При сопоставлении миниатюр трех названных рукописей становится очевидным, что несмотря на явное иконографическое сходство, изображения не повторяют друг друга буквально и имеют ряд существенных отличий (варьируется набор и форма архитектурных деталей, положение свитка и ног евангелиста).

Изображение Матфея в Чудовском Евангелии (рис. 1) и других рукописях этой группы представляет еще один вариант данной иконографической схемы. При этом сходство изображений внутри группы таково, что не было бы преувеличением предположить, будто все они восходят к одному образцу. Однако при более внимательном рассматривании

и здесь обнаруживаются отличия. Особенности изображения Матфея в четырех рукописях группы позволяют выделить два иконографических извода. В первом случае (Саввинское и Лондонское Евангелия) присутствует изображение веллума, переброшенного между двумя архитектурными сооружениями; ножка пюпитра прямая, в виде балясины; на пюпитре лежат листы с написанным на них текстом; на столике стоит чернильница. Во втором случае (Евангелия Чуд. 30 и Муз. 328) веллум и чернильница отсутствуют; ножка пюпитра имеет форму дельфина; на пюпитре лежат два свернутых свитка.

Кроме того, миниатюра Чудовского Евангелия имеет ряд индивидуальных особенностей. В частности, отсутствует текст на свитке, который держит евангелист. Во всех миниатюрах на гиматии Матфея отчетливо виден клав, здесь же он хотя и присутствует, но не выделен цветом.

Существование двух иконографических изводов внутри рассматриваемой группы подтверждается и анализом трех оставшихся изображений евангелистов. Так, в миниатюрах с Марком (рис. 2) специфическими деталями являются наличие или отсутствие чернильницы на столике евангелиста и свернутые свитки или листы с текстом на пюпитре, а в миниатюрах с Лукой (рис. 3) – чернильница и декор палаты.

Что касается Иоанна (рис. 4), то в данном случае мы имеем возможность сравнить между собой лишь три изображения этого евангелиста, поскольку последняя миниатюра Лондонского Евангелия утрачена. Принципиальной чертой иконографии Иоанна в миниатюрах рассматриваемой группы является отсутствие Прохора. Однако в миниатюре Саввинского Евангелия этот персонаж все же представлен – в очень мелком масштабе внутри пещеры. Данная особенность, а также ряд деталей, отсутствующих в изображениях Иоанна Чуд. 30 и Муз. 328, вновь позволяют отметить ближайшее сходство двух последних миниатюр.

Итак, иконографический анализ дает основания утверждать, что в рассмотренной серии миниатюр намечаются две линии: одна линия представлена Лондонским Евангелием и рукописью из Саввино-Сторожевского монастыря, вторая – Евангелиями Чуд. 30 и Муз. 328. В двух этих вариантах иконографической серии различаются незначительные детали, однако, их воспроизведение убедительно свидетельствует о существовании двух наборов образцов. Примечательно, что при копировании воспроизводились не только изображения евангелистов, но и (в трех случаях, за исключением Саввинского Евангелия) рамка миниатюры. Миниатюры трех рукописей имеют идентичное и очень характерное обрамление с пышными неовизантийскими бутонами по углам и по центру рамки, а в Чуд. 30 и Муз. 328 повторяется также крест в навершии рамки.

Ближайшей иконографической аналогией миниатюрам Чуд. 30 следует считать изображения евангелистов Муз. 328. Тот факт, что иконография миниатюр московской и новгородской рукописей обладает столь разительным сходством, еще раз свидетельствует о взаимном влиянии этих двух культур и, по-видимому, об отсутствии жестких границ между ними.

Литература

1. *Лазарев В. Н.* Живопись и скульптура великокняжеской Москвы // История русского искусства. Т. 3. М., 1955. С. 71–214.
2. *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1–3. СПб., 1899.
3. *Морозова Е. И.* Инок Лонгин и рукописи Чудова монастыря // Материалы Международной научной конференции «Десятые Загребинские чтения» (Санкт-Петербург, 29–30 октября 2015 г.): К 1000-летию преставления князя Владимира и убийства его сыновей Бориса и Глеба. СПб., 2016. С. 72–78.
4. *Петров П. Н.* Книгохранилище Чудова монастыря // ОЛДП. Памятники древней письменности и искусства. Вып. 5. СПб., 1879. С. 141–199.
5. *Попов Г. В.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV –начала XVI века. М., 1975.
6. *Попов Г. В.* Московская рукопись с миниатюрами конца XV в. из Британского музея (Egerton 3045) // *Попов Г. В.* Рукописная книга Москвы. Миниатюра и орнамент второй половины XV –XVI столетия. М., 2009. С. 151–164.
7. *Попов Г. В.* О декорации московских рукописей конца XV в.: Предварительные замечания // *Попов Г. В.* Рукописная книга Москвы. Миниатюра и орнамент второй половины XV –XVI столетия. М., 2009. С. 9–26.
8. *Протасов Н. Д.* Лицевое Евангелие 1470 года Саввина монастыря близ Звенигорода // Светильник: Религиозное искусство в прошлом и настоящем. М., 1915. № 9. С. 15–25.
9. *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980.
10. *Смирнова Э. С.* Искусство книги в средневековой Руси: Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М., 2011.
11. *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н.* Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958.
12. *Briquet Ch. M.* Les filigranes: Dictionnaire historique des marques du papier des leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Genève, 1907.
13. *Piccard G.* Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg. Stuttgart, 1966.

Художественные традиции оформления библейских книг в Эфиопии (на примере парадного Восьмикнижия Эф. 100 из собрания ИВР РАН)

*ИВР РАН, РНБ
email: ekater-ina@mail.ru*

Восьмикнижие (አርቲ) является достаточно редкой в эфиопской рукописной традиции книгой. Причиной этому служит в первую очередь ее значительный объем и, как следствие, высокая цена на пергамен и писчий материал в целом. Рукописи такого класса были доступны лишь крупным монастырским центрам или церквям. Еще более редки библейские книги, снабженные иллюстрациями к тексту. С этой точки зрения Эф. 100 из коллекции ИВР РАН абсолютно уникальна и заслуживает детального рассмотрения.

Ключевые слова: Эфиопские рукописи, библейские книги, Восьмикнижие, художественное оформление, миниатюры.

В обычных приходах Эфиопии не только Восьмикнижие, но и Четвероевангелие встречаются крайне редко. Простые же люди, как правило, за всю жизнь могли себе позволить приобрести (а чаще заказать) только одну рукопись среднего формата и объема, что само по себе считалось роскошью.¹

Рукописи Восьмикнижия на эфиопском языке, таким образом, редки и в собраниях отечественных и зарубежных библиотек, куда они попадали из натуральной среды своего бытования.² Так, например, в коллекции Британского музея из 398 рукописей, в большинстве своем привезенных в 1868 г. из Макдалы (Эфиопия) и описанных в соответствующем каталоге в 1877 г., встречается только четыре Восьмикнижия [11: 1–7]. В катало-

¹ В народе было принято заказывать «магические» свитки, которые, как считалось, имели целебные и защитные свойства. В них также вписывались молитвы наравне с магическими заклинаниями. И хотя они запрещались церковью, эти свитки находились на грани магии и религии. Как правило, они составляли единственную форму «писания», доступную большинству простых эфиопов.

² О составе эфиопских церковных библиотек см.: [4: 156–173].

ге Национальной библиотеки Франции того же 1877 г. из 170 описанных томов мы встречаем полный список Восьмикнижия единожды [12: 4–6]. Стоит отметить, что речь идет о богатейших европейских собраниях эфиопских рукописей. Для сравнения скажем, что в коллекции ИВР РАН хранится 112 кодексов, свитков и фрагментов эфиопских рукописей, среди которых имеется только одно Восьмикнижие – Эф. 100. В других российских собраниях, насколько нам известно, рукописей Восьмикнижия нет.

Обратимся к рассматриваемой нами рукописи. Она составляет часть коллекции эфиопских рукописных книг Института восточных рукописей РАН, самой многочисленной в России.³ Ниже приводим содержание Эф. 100, которая состоит из традиционного для Восьмикнижия набора ветхозаветных книг, а именно:

- Книга Бытия (л. 7–42 об.);
- Исход (л. 43–72 об.);
- Левит (72 об.–96 об.);
- Числа (97–129 об.);
- Второзаконие (130–159);
- Книга Иисуса Навина (160–180 об.);
- Книга Судей (180 об.–199);
- Книга Руфь (199 об.–201 об.);
- Колофон (201 об.)

Колофоны в эфиопских рукописях редки и, естественно, придают рукописи еще большую ценность в качестве исторического источника. Колофон открывает для исследователя дату создания рукописи (которую зачастую практически невозможно определить из-за чрезвычайной консервативности и склонности к традиционализму эфиопских писцов и книжников), место ее переписки, имя переписчика (которое, впрочем, зачастую не дает дополнительной информации) и прочие подробности. Колофон в Эф. 100 гласит:

ተፈጽመ፡ አራት፡ ቼ፡ <...> ወስብሐት፡ <...> በዓመተ፡
 ምሕረት፡ ፫፻፵፯፡ ወአበቅቴ፡ ፳፬፣ ወመጥቅዕ፡ ፯፡ በወር፡
 መጋቢት፡ ፳፬፣ በእብረተ፡ መንግሥቱ፡ <...> ላዕለ፡ ኩልነ፡
 ይኩን፡ ምሕረተ፡ እግዚአብሔር፡ ለዓለመ፡ ዓለም፡ አሜን።

Закончено Восьмикнижие... и слава... в 167 году милости (1515 г. – *Е. Г.*), эпакта 23, золотое число 7, в месяце мэггабите 21 (числа) (= 30 марта. – *Е. Г.*), в череду царствования... и над ними всеми да будет милость Господня во веки веков. Аминь.

³ Хотя и уступающей многим зарубежным собраниям.

Имя царя в колофоне стерто, что является досадным, но обычным фактом в бытовании рукописей. Имена царей, ушедших из жизни или оставивших престол, стирали, чтобы затем вписать имя нового монарха и снискать таким образом его милость на себя и свою обитель, а также благословение Господа на нового царя. Стоит отметить, что такая сложная датировка свидетельствует о высокой образованности переписчика рукописи, составившего этот колофон. Такие начитанные и сведущие в церковных науках люди обычно служили при больших монастырях.

В рукописи имеется несколько приписок, которые, наравне с колофоном, представляют особую ценность для исследователя. Они будут нами рассмотрены отдельно.

На л. 201 об.:

**ዘይሠውዕ፡ ለአማልክት፡ ዘእንበለ፡
ለእግዚአብሔር፡ ባሕቲቲ፡ ይሠር፡**

– (Да истреблен будет приносящий жертву богам, кроме единого Господа!). Это подтверждает тот факт, что в начале XVI в. в Эфиопии еще было широко распространено многобожие. Судя по всему, это беспокоило автора этих строк, несомненно члена монастырской общины. Монастыри в Эфиопии изначально основывались в отдаленных от центра областях с целью распространения среди населения, по большей части поклоняющегося языческим богам, христианской веры. Ниже мы подробно остановимся на геополитической и этно-конфессиональной ситуациях в Эфиопии в описываемый период, а именно в первой половине XVI в.

На л. 202 дарственная надпись чернильной ручкой на английском языке читается плохо. Последняя цифра года в нижнем правом углу, которым датирована надпись, неоднозначна. По нашему мнению, она может читаться как 3, 0 или 6.

Donated to my personal friend... K<...>lov... the minister of USSR in personal friendship...

Signature... April, 17-th

194<...> (рис. 1).

Обратимся к физической стороне рассматриваемого нами кодекса. Пергамен хорошо выделан, но пожелтел от времени. На некоторых листах присутствуют следы грязи и плесени. При изготовлении и подготовке пергамена для рукописи такого значительного формата разрывы на пергамене тщательно зашивались. Дыры на пергамене в тех местах, где близко к коже животного располагались кости, а также зашитые на местах надрывов, присутствуют на многих листах. Переписчик обхо-

дил такие дыры и швы в процессе переписки текста. Тетради усилены защитными лентами пергамена, что часто делалось для рукописей такого большого формата.⁴ Многие листы надорваны в процессе использования рукописи.

Размер кодекса 42,5 × 32,8 см. Она состоит из 204 л., 27 тетрадей. Написана в 2 столбца по 37 строк. Структура рукописи: тетради: 1ii, 2iv, 3–12viii, 13x, 14–24viii, 25vi, 26iv, 27x (iv/vi). Первая тетрадь сделана из другого, плохо выделанного пергамена; последние два листа последней тетради одиночные, жесткие, вшиты в нее в последний момент. Л. 3 меньшего формата (узкий); л. 159 короткий (отсутствует нижняя часть). Первые две тетради не заполнены текстом.⁵ На листах видна мистара – механическая рельефная разлиновка страниц. Почерк каллиграфический, свойственный для писцов крупных монастырских центров, где они получали прекрасное церковное образование.⁶

Переплет традиционный эфиопский, состоит из двух деревянных досок, обтянутых темно-коричневой кожей⁷ с тиснением (изображение латинского креста в середине лицевой стороны переплета, обрамленного пятью рамками геометрических орнаментов); с оборотной стороны кожа с простым тиснением, под кожу была подложена цветная ткань; 42,5×32 см. Корешок с тиснением.

Художественное оформление: миниатюра на л. 129 об.: Фараон со своим войском тонет в Черном море и Моисей с израильтянами (Исх. 12:37), помещенная после окончания Книги Чисел (рис. 2). Полихромные заставки обрамляют с трех сторон текст на л. 7, 43, 97, 130, 160 (рис. 3). Односложные полихромные заставки на л. 72 об., 180 об., 199 об. Полихромные и черно-белые заставки в качестве художественного оформления текста часто встречаются в эфиопских рукописях. Иначе дело обстоит с иллюстрациями к тексту. Это чрезвычайная редкость в эфиопской рукописной традиции.

Красными чернилами написаны строки через одну в начале текстов, разделители глав, стихов, цифры, знаки препинания, некоторые строки. Красными чернилами выписаны и декоративные значки на полях многих листов и между столбцами текста. Значки на полях – не зна-

⁴ См. о процессе изготовления рукописей в Эфиопии: [6].

⁵ Первую тетрадь называют «защитной». Обычно ее не заполняли основным текстом. Она служила для защиты кодекса, поэтому для нее использовали пергамен худшего качества. Позднее она обростала разного рода приписками. Такие тетради могли вшиваться как в начале, так и в конце (или с обеих сторон).

⁶ О традиционном образовании в Эфиопии см.: [3].

⁷ В. М. Платонов в каталоге приводит цвет кожи переплета как красный [5: 31].

ки эфиопского силлабария, которые никогда не выступали в качестве инициалов, а особые элементы, вероятно, восходящие к византийским инициалам (разумеется, через долгую рукописную традицию). Сами художники вряд ли понимали их смысл и лишь машинально копировали увиденное сочетание линий. Постепенно инициалы изменили свою прежнюю форму и потеряли изначальную смысловую нагрузку. В. М. Платонов определил подобные элементы как «петлистые кресты (сгух ansata) коптского типа»; см.: [1].

Ценность данного списка обусловлена еще и тем, что это один из древнейших списков в собраниях Санкт-Петербурга. Она была переписана во время правления царя Эфиопии Лебна Дэнгэля (Давида III; 1508–1540), на царствование которого выпало несколько печально известных в истории этой страны событий. Во-первых, в первой половине XVI в. народ оромо, или галла, как его называли средневековые эфиопы,⁸ начал массовое переселение во внутренние районы Африканского Рога, сопровождавшееся вооруженными столкновениями с местным населением. Кроме того, в этот же период началось нашествие мусульманских войск султанатов, расположенных на юго-востоке Африканского Рога под предводительством Ахмада б. Ибрахима аль-Гази по прозвищу Грань, то есть «Левша» (ок. 1506–1543).⁹ Этот мусульманский полководец имел намерение под знаменами священной войны завоевать Эфиопию и установить мусульманскую гегемонию на территориях, известных с первых лет зарождения Ислама. Именно в Эфиопию прибыли первые мухаджеры – мусульмане, которые были вынуждены покинуть Мекку.

Противостояние мусульманскому вторжению и неконтролируемой миграции воинственных кочевников оромо длилось около 30 лет и также наложило глубокий отпечаток на все стороны жизни Эфиопии того времени, включая рукописное дело. И те, и другие жгли церкви и монастыри, убивали или уводили в плен священников и монахов. Вместе с монастырями горели их библиотеки, сокровищницы рукописных фолиантов. Эти события поставили под угрозу само существование Эфиопии как христианского государства. Именно по этой причине до наших дней

⁸ Сейчас этноним галла (галласы) воспринимается как уничижительный, и его употребления стараются по возможности избегать даже в научной литературе. Это обусловлено соответствующим характером его использования в эфиопской традиции. Относительно возникновения данного названия общепринятой точки зрения не существует и, несмотря на многочисленные попытки лингвистических реконструкций, его этимология не установлена; см.: [8].

⁹См. о нем: [7; 9]. Некоторые из сочинений по истории оромо посвящены также и Ахмаду Граню, практически одновременное вторжение которых в Эфиопию связалось в умах современников в одно событие и имело для них, судя по содержанию данных работ, сходное значение.

сохранилось очень небольшое количество рукописей, датируемых XVI в. и предшествующим периодом.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что перед нами подносной («парадный») список, записанный в одном из крупных монастырских центров на севере Эфиопии.

Кроме того, это одна из редких рукописей, которые приводят дату и место переписки в колофоне и приписках (л. 159: написана в местечке Бора, называемом Гадабра), по всей видимости, на севере Эфиопии, в провинции Тиграй, недалеко от региона Эндарта. Стоит отметить, что север Эфиопии славится древними монастырскими центрами.

Сходная по содержанию и дате переписки рукопись (переписана несколько раньше) хранится в библиотеке Фортегуэрриане в Пистое, Италия. Она датирована 1437–1438 гг. и также снабжена миниатюрными заставками и иллюстрациями к тексту [10: 7]. 1426 годом датируется лицевое Четвероевангелие РНБ, собр. Дорна, № 612. Оно включает в себя одну миниатюру, на которой изображен апостол Иоанн. Эти рукописи уникальны уже исходя из своей древности и художественного оформления.

Рукопись Эф. 100 также является ценным образцом почерка XVI в. и, таким образом, представляет особый интерес с точки зрения эфиопской палеографии.

Что касается поступления этого ценного фолианта в ИВР РАН, то, согласно каталогу В. М. Платонова, рукопись была пожертвована Азиатскому музею эфиопским министром почты и телеграфа в 1946 г. (см. приписку на л. 202 и [5]). Нам этот факт кажется сомнительным. В. М. Платонов не дает ссылок на источники, кроме самой рукописи. Основываясь на этой надписи, которая носит очень личный, неформальный характер, можно сказать, что рукопись была передана Азиатскому музею позднее, возможно, как раз в 1946 г. (хотя точная дата и не читается в самой рукописи). Подарена же она была частному лицу, вполне вероятно, Виктору Семеновичу Козлову (1905–1984), который в 1944–1946 гг. был чрезвычайным и полномочным посланником СССР в Эфиопии.¹⁰ А от него рукопись, в свою очередь, могла поступить в ИВР РАН. Официальные дипломатические отношения Советского Союза с Эфиопией были установлены в 1943 г.

В преддверии Второй мировой войны, в которую была вовлечена и Эфиопия, эта страна была осаждена войсками Бенито Муссолини (Вторая Итало-эфиопская война 1935–1936 гг. [2]). Затем последовала оккупация. В 1941 г. началось наступление британских войск, в результате чего

¹⁰ С 9 марта 1944 г. по 28 февраля 1946 г. См. <http://www.knowbysight.info/KKK/03759.asp>.

к концу 1941 г. итальянские войска были изгнаны с территории Эфиопии. Советский Союз оказывал разного рода поддержку Эфиопии, в частности, предлагал установить эмбарго на поставки нефти и нефтепродуктов итальянцам. Эфиопия была благодарна СССР; Россия не раз приходила на помощь Эфиопии и ранее.¹¹ Таким образом, рассматриваемая нами рукопись является свидетельством дружественных отношений между двумя странами в середине XX в.

Литература

1. *Гусарова Е. В.* Византийское влияние в миниатюрах эфиопских рукописей (на примере коллекций Российской национальной библиотеки и Института восточных рукописей РАН) // Византия в контексте мировой культуры. Материалы конф., посвящ. памяти А. В. Банк (1906–1984). СПб., 2015. С. 225–234. (Тр. Государственного Эрмитажа. Т. 74).
2. *Корсун Н. Г.* Итало-абиссинская война 1935–1936 гг. М., 1939.
3. *Платонов В. М.* Традиционное образование в Эфиопии // Страны и народы Востока. Вып. 27. М., 1991. С. 221–244.
4. *Платонов В. М.* Традиционные библиотеки в Эфиопии // История библиотек: Исследования, материалы, документы. Вып. 2. СПб., 1999. С. 156–173.
5. *Платонов В. М.* Эфиопские рукописи в собраниях Санкт-Петербурга: Каталог. СПб., 1996.
6. *Платонов В. М., Чернецов С. Б.* Эфиопская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 1. М., 1987. С. 201–240. (Культура народов Востока. Материалы и исследования).
7. *Чернецов С. Б.* Ахмад Ибрахим аль-Гази // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 209–210.
8. *Baxter P. T. W. Galla* // Enciclopedia Aethiopica. Vol. 2. Wiesbaden, 2005. P. 660–661.
9. *Muth Fr.-Ch. Aḥmad b. Ibrāhīm al-Ġāzī* // Enciclopedia Aethiopica. Vol. 1. Wiesbaden, 2003. P. 155–158.
10. *Pietruschka U.* Octateuch // Enciclopedia Aethiopica. Vol. 4. Wiesbaden, 2010. P. 6–7.
11. *Wright W.* Catalogue of the Ethiopic Manuscripts in the British Museum acquired since the year 1847. London, 1877.
12. *Zotenberg H.* Catalogue des manuscrits éthiopiens (gheez et amhariques) de la Bibliothèque nationale. Paris, 1877.

¹¹ Например, в Первую Итало-эфиопскую войну 1895–1896 гг. и послевоенный период.

От миниатюр немецких изданий XVI в. «Liber de arte distillandi» к «чудищам» русского Травника

канд. филол. наук

БАН

email: olsapoj@mail.ru

Статья посвящена особенностям оформления рукописи 1620-х гг. – Травнику Строгановых-Шелонина (БАН 17.4.12). По мнению автора статьи, его иллюстрировали не менее четырех художников. Каждый из них работал в своей манере, которые условно можно назвать «копийной», «геометрической», «фряжской» и «смешанной». В последней манере работал художник, который подписывал свои рисунки строчной буквой «т», – по-видимому, начальной буквой своего имени. «Фирменным знаком» бригады были фантастические животные или чудища, в которые превращались под пером иллюстраторов корни и ветви растений при помощи пририсованных к ним глаз, ушей, копыт, рогов. Оформление Травника Строгановых-Шелонина близко к рисункам Травника 1650-х гг. ГИМ, Увар. 387-Ф.

Ключевые слова: Травник Строгановых-Шелонина, Иероним Бруншвиц, немецкие гравюры, Строгановы, история русской медицины, иллюстраторы древнерусских рукописей, фряжский стиль.

Исследования декора древнерусских рукописей учеными XIX в. дали импульс для идей художников начала XX в., прежде всего, мирискусников, например, для исторических стилизаций Ивана Билибина [2]. Элементами балканского и фряжского стилей художники и прикладники нового времени стали насыщать книжные иллюстрации, театральные декорации, экслибрисы, ткани, бижутерию. Так, знаменитым элементом старопечатного стиля – акантовой листвой – украшали свои буквицы художники Александр Могилевский, Дмитрий Бажанов, Павел Кузаян. А в 1940-х гг. художник отдела новых шрифтов НИИ полиграфического машиностроения Николай Яковлевич Караванский разработал наборный орнамент «РСФСР» [6; 10]. Витые «фряжские» травы XVI столетия соединились в нем с символикой советской эпохи: пятиконечной звездой, серпом и молотом, пшеничными колосьями и развевающимся стягом. Столь творческое и, казалось бы, неожиданное воскрешение и использо-

вание фряжского стиля для любой орнаментики обусловлено его универсальностью и возможностью сочетания его элементов в бесконечность неповторяющихся вариантов. При условии, конечно, фантазии исполнителей. Древнерусские художники, творчески воспринявшие и развившие сюжеты «Большого прописного алфавита» Исраэля ван Мекенема, эту фантазию обнаружили столь ярко, что повторяющиеся схемы в древнерусских книгах можно встретить очень редко – как правило, лишь в заставках и инициалах изданий одной типографии, если, конечно, печатники использовали одни и те же гравировальные доски. Фряжский стиль органично вошел в русскую культуру и в XVI в. стал принадлежностью элитарных книгописных школ (великокняжеские мастерские, скрипторий Чудова монастыря, московские писцы братья Басовы), обслуживавших знатных заказчиков, а в XVII в. его элементы превратились в типичные украшения, которые способны были воспроизвести в черно-белом несложном сочетании писцы провинциальных скрипториев.

Предшественниками советского художника, творчески приспособившего когда-то модный стиль для новых задач, были, на наш взгляд, миниатюристы, взявшиеся за не совсем обычную для оформителей древнерусских рукописей XVI – сер. XVII в. работу: иллюстрирование книги медицинского содержания. Учитывая специфику этого издания, можно говорить об иллюстрировании ими преимущественно объектов изучения наук ботаники и зоологии: растений и животных.

В XVI в. на Руси впервые начинают переводиться с европейских языков целые научные медицинские книги, а не только отдельные сочинения, которые уже с самого начала русской письменности были известны в переводах с греческого в составе сборников и компиляций, например, это выдержки из трактатов и пересказы теорий Гиппократ и Галена, сведения по анатомии (о строении человека) в «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского. Изменение ситуации с переводными текстами естественнонаучного содержания объясняется прежде всего потоком изданий, которые прибывают на Русь в багажах иностранных специалистов: медиков, рудников, военных (в том числе и пленных), а также потребностью русского общества в усвоении научных и технических достижений Европы и доступностью печатной продукции.

Первый известный русский перевод медицинской книги готовился для великого князя Василия Ивановича с благословения митрополита Даниила. Перевод выполнил к 1534 г. «литовский полоняник» Николай Любчанин с издания: Johannes von Cube «Hortus Sanitatis» (Lubeck, 1492). Травники ученой традиции, то есть переводные, изначально предназначались для элитарной аудитории: перевод и оформление такой книги было

сложным и дорогостоящим мероприятием, к тому же, как все новое, – опасным. Не случайно в записи к Травнику подчеркивается, что перевод был выполнен по благословию митрополита. Оригинал перевода, как выяснили исследователи, сохранился: ныне он находится в собрании Харьковского университета (ЦНБ Харьковского нац. университета им. В. Н. Каразина, № 159/С, 579 л., in folio (24,7×18 см)), см.: [8]. Рукопись насчитывает 542 рисунка. По версии Б. Н. Морозова, именно этот Травник и назван в описи «постельной казны» Ивана Грозного [9], что кажется абсолютно правдоподобным, поскольку у Ивана IV и должна была сохраниться книга из имущества его отца. Во второй половине XVI в. европейские медицинские издания становятся более привычным для древнерусского общества явлением: приглашенных Иваном Грозным аптекарей и врачей становится все больше, и все они приезжают со своими книгами, лекарствами, инструментарием. Более того, европейские издания переводят служилые и пленные специалисты, и делают они это уже по инициативе русской знати. Таким примером является Травник воеводы Бутурлина 1588 г., выполненный с польского издания (Spiczynski Hieronim «O ziołach tutesznych i zamorskich». Kraków, 1542) носителями языка; оригинал XVI в. не сохранился, иллюстрированных списков не выявлено. В этом же ряду стоит и перевод «Книги о дистилляции» немецкого врача Иеронима Бруншвига – «Liber de arte distillandi de simplicibus. Das Buch der rechten Kunst zu distillieren die eintzigen ding von Hieronymo Brunschwiggk» (первое из многочисленных впоследствии изданий вышло в Страсбурге в 1500 г.). Перевод на русский был выполнен, как предположил еще историк медицины Л. Ф. Змеев, в XVI в., поскольку самый ранний его список датируется рубежом XVI–XVII вв. [3: 107–109]. В настоящее время можно говорить о том, что эта сенсационная для своего времени медицинская энциклопедия действительно была переведена в России в XVI в. и, возможно, еще при жизни Ивана Грозного. Перевод же имеет отношение к знаменитым своими богатствами и библиотеками соляным магнатам Строгановым, которые целенаправленно выкупали в большом количестве инженеров, медиков и других специалистов, необходимых для выполнения высококвалифицированной работы на их многочисленных промыслах (разведение жемчуга, железодутное производство, ювелирное дело). Стоит обратить внимание на то, что переводчик великокняжеского Травника 1534 г. был «полонянником», а это значит, что пленные врачи могли привлекаться как к переводным мероприятиям, так и к обучению отечественных лекарей. Вывод о том, что оригинал перевода связан с именитыми людьми Строгановыми, основан на изучении недавно введенного в научный оборот (хотя и упоминавшегося ранее в каталогах медицинских рукописей) списка русского перевода

1620-х гг. – БАН 17.4.12. Прочтение в ультрафиолетовом свете затертых владельческих записей позволило реконструировать его происхождение и бытование на протяжении полутора веков [12]. Самая ранняя скрепа на листах Травника свидетельствует о необыкновенном факте: о принадлежности рукописи человеку, который скончался за сорок лет до ее создания. «Сия книга, глаголемая Вбдошник, Семена Аникиевича Строганова». Семен, «Аникиев сын», Строганов скончался в 1586 г., поэтому не мог быть владельцем Травника 1620-х гг., но мог быть владельцем его оригинала. Случаи, когда копировались скрепы из рукописи-антиграфа (так называемые «ложные субскрипции»/ *unrichtig Unterschriften*), известны славянским и другим рукописным традициям. В том числе подобный факт был известен из биографии соловецкого книжника Сергия Шелонина, который, как оказалось, является переписчиком и этого рукописного Травника БАН 17.4.12. Так, в 1630-е гг., скопировав текст Лествицы, он скопировал и скрепу на нижних полях антиграфа, свидетельствующую о принадлежности ее митрополиту Новгородскому Исидору († 1619), что ввело в заблуждение ряд исследователей, датировавших рукопись на основании этой записи самым началом XVII в. Травник 1620-х гг. также принадлежит перу Сергия Шелонина. На настоящий момент это самая ранняя из известных его рукописей. Список, им изготовленный, остался в семье Строгановых и находился в их богатой библиотеке вплоть до кончины одной из наследниц в 1680-х гг.

Для специального выделения списка перевода «Книги о дистилляции» Иеронима Бруншвига 1620-х гг. среди других копий этого перевода (сейчас их известно 4, еще один список исчез) предложено название для него по владельцам и его создателю – Травник Строгановых-Шелонина. Травник написан на 355 л. форматом *in folio*, проиллюстрирован 288 миниатюрами. После исчезновения из поля зрения исследователей уже в XX в. списка с 90 миниатюрами из собрания Вяземского (РНБ, собр. Вяземского, F.105), только Травник Строгановых-Шелонина содержит такое внушительное количество рисунков. Кроме этого списка, еще одна рукопись, также выполненная Сергием, но уже в 1650-х гг. (РНБ, Q.IV.7), содержит рисунки – всего 10 [7].

Учитывая наличие скрепы, свидетельствующей о принадлежности Травника Семену Строганову, жившему в XVI в., и близость рисунков миниатюрам немецких изданий «Книги о дистилляции», было сделано предположение, что перед нами самая близкая и самая полная к оригиналу перевода копия. Более ранний список этого перевода рубежа XVI–XVII вв. (РНБ, Q.VI.29) содержит только первую часть, собственно Травник, Лечебник же в нем отсутствует, как и отсутствуют иллюстрации.

По неизвестным пока причинам Строгановы для создания копии с оригинала, вероятно, уже ветхого, обратились именно к Сергию Шелонину. Известно, что Строгановы делали богатые вклады в Соловецкий монастырь, а, значит, знали в какой-то степени руководство монастыря, но кто мог порекомендовать им молодого еще тогда переписчика или как и когда они могли познакомиться с монахом Сергием, – интересные, но, скорее всего, неразрешимые вопросы. При переписке Сергей, по всей видимости, скопировал разлиновку и расположение текста из оригинала и оставил места для рисунков таким же образом, как это было осуществлено в его антиграфе. Примечательно, что число строк на листах Травника Строгановых-Шелонина (37) совпадает с числом строк в оригинале Травника Николая Любчанина 1534 г. Более того, оба Травника по расположению и соотношению на листе текста и рисунков одинаковы и вместе значительно отстоят от принципов оформления немецких изданий книги Иеронима Бруншвига, где текст располагался в два столбца и гравюры были мельче. Это позволяет задуматься над вопросом, не могли автор и оформители русского перевода книги Иеронима быть знакомыми с Травником 1534 г. либо с его копиями, либо же – с неизвестной нам, но уже распространенной к тому времени традицией оформления подобных текстов.

После того, как весь текст был переписан Сергием и несколькими его помощниками, которые помогли ему составить указатель, тетради были отданы бригаде художников. Поскольку речь идет о Строгановых, то можно предположить, что это были художники высокого класса: Строгановы были любителями иллюминированных рукописей, понимали толк в книжной миниатюре, по их заказам с XVI в. работали лучшие мастерские столицы, лучшие переписчики (в том числе уже упоминавшиеся братья Басовы [1]). Больше Сергей Шелонин переписанный им Травник не видел. Утверждать это позволяет отсутствие его подписей к изображениям, тогда как известно, что Сергей любил подписывать рисунки, схемы в переписанных им или его помощниками книгах, также он сделал и в Травнике 1650-х гг.: названия «трава из цвету малого проскурника», «трава кошкина» и т. д. выполнены его рукой. Сергию, скорее всего, в качестве оплаты достался ветхий оригинал XVI в., а переписанная им рукопись начала свою жизнь среди людей «круга Строгановых», следующим ее владельцем был будущий губернатор Москвы Алексей Петрович Салтыков, а затем и столичные чиновники [13].

Все рисунки Травника Строгановых-Шелонина выполнены в черно-белом цвете с использованием кисти и пера, черных чернил, разбавленной в разной степени черной краски, в результате чего рисунки по-

лучились подцвеченными разными оттенками серого. Практически все изображения в Травнике Строгановых-Шелонина находят соответствие в немецких изданиях (пока не удастся точно определить, какое именно из 20 вышедших к тому времени изданий было в руках у русского переводчика). Только некоторым рисункам не было найдено никаких соответствий ни в одном из доступных изданий и это возможно объяснить следующим. В разделе «Книги о дистилляции», посвященном собственно изготовлению лекарств из конкретного сырья, так называемом «Гербарии», где описываются преимущественно свойства растений и их применение, гравюрой сопровождается не каждая статья. В русском же переводе, во всяком случае, в копии 1620-х гг., иллюстрациями снабжены практически все статьи. Значит, русские художники восполняли «лакуны», или отсутствие изображений, по своему усмотрению, в соответствии с содержаниями статей, своими знаниями и со своей манерой изображать людей, растения, животных. Следует отдать должное их находчивости: те главы, которые в немецких изданиях либо не имели миниатюр (например, изображение росы), либо были иллюстрированы примитивно по причине сложности передачи в рисунке содержания статей (например, изображение меда, куриных потрохов), – в Травнике Строгановых-Шелонина были сопровождаемы буквально зарисовками с натуры из жизни людей Древней Руси. Так, например, в главу «О росе», которая, как говорилось, не имеет в немецких изданиях иллюстраций, помещено изображение, по-видимому, лекаря, который собирает, согласно тексту главы, утреннюю росу полотенцем (рис. 1). Среди других примеров назовем еще статьи с подписанными изображениями: «О курином пупке», где изображен человек, потрошащий петуха, и «О меду пресном», на котором русский художник изобразил бортника, собирающего специальным приспособлением мед диких пчел [11]. Изображение элементов одежды на этих рисунках соответствует типичным для русской иконографии XVI–XVII вв. изображениям русских людей: длинная рубаха с кушаком, сапоги двух видов (с каблуком и без), порты. Сопоставляя немецкие гравюры с рисунками Травника 1620-х гг. можно сказать, что их авторы преимущественно избрали иную манеру, нежели в европейских изданиях. О русских иллюстрациях Л. Ф. Змеев написал так: «Перевод грубоват, зато рисунки наши мягче». Немецкие гравюры можно назвать «реалистичными»: очень сухо и строго они изображают минимальное количество деталей, необходимых для передачи морфологии растения (внешнего вида), то есть для узнавания объекта в природе.

В Травнике Строгановых-Шелонина каждый черно-белый рисунок занимает примерно треть листа, в большинстве случаев рисунки распо-

Рис. 1. Статья «Мейдаву ватер, сиречь вода перепущена из росы утряные». Подпись к рисунку: «Вода из рось собранная». Травник Строгановых-Шелонина (БАН. 17.4.12). Л. 191

Рис. 2а. «Blou Korn BlumenWasser».
Liber de arte distillandi. Strassburg, 1521. F. 66r

Рис. 2б. «Корн бломен ватер». Подписи:
«По-русски "роза"», «Огородная». Травник. Л. 89

ложены по одному на листе, иногда – по два. Детали рисунков зачастую «задевают» строку, то есть написаны немного поверх букв, что еще раз доказывает, что Сергей Шелонин переписывал текст, оставляя «окна» для иллюстраций, а художники уже после него приступили к работе (также делали и художники Травника 1534 г.). Травник оформляли несколько художников, не придерживавшихся единой манеры. Несмотря на то, что перед ними был, по-видимому, оригинал перевода с рисунками, достаточно точно воспроизводящими немецкие гравюры, которые профессионалам не представляло труда скопировать, каждый из них, однако, работал в привычной для него манере и интерпретировал антиграф по-своему.

В настоящее время можно с уверенностью говорить о четырех манерах, которыми были выполнены рисунки.¹

¹ Благодарю Игоря Борисовича Вишню за консультации по методам определения индивидуального стиля древнерусских художников.

Первую манеру можно условно назвать «копийной». Художник, работавший в ней, достаточно точно копировал оригинал: его рисунки воспроизводят немецкие гравюры, поэтому узнать в русском изображении конкретное растение, которому посвящена статья, достаточно просто (рис. 2а, б). Этот художник-копиист (хочется сказать «реалист») сначала выполнял рисунок тонкой кистью разбавленными, светло-серыми чернилами, а потом для подцветки и передачи фактуры растений работал тонкой кистью черными чернилами. Несмотря на то, что он перерисовывал не с немецкого издания, а с русского списка, степень близости изображений рисунков этого художника к печатному оригиналу очень велика.

Второй художник работал в жесткой «геометрической» манере (рис. 3а, б). Его четкая контурная линия всегда изображает цветы, листья, плети, корни более заостренными, нежели они переданы на немецких гравюрах. Штрихами он превращает детали растений в геометрически правильные элементы, при этом его рисунки тоже достаточно близки к немецким гравюрам. Этот художник рисовал все детали пером черными чернилами, а затем немного подцветывал их бледно-серой краской или разбавленными чернилами, по-видимому, кисточкой.

Третий художник работал во «фряжской» манере. Изображе-

Рис. 3а. «Menwell Wurtzel Wasser». Liber de arte distillandi. Strassburg, 1508. F. 90r

Рис. 3б. «Меньвел вуртъзелен ватеръ». Поздняя подпись к рисунку: «Большой лапушникъ». Травник. Л. 193

Рис. 4а. «Von Brun Wurtz Wasser». Liber de arte distillandi. 1508. F. 40r

Рис. 4б. «Брунвуртсь ватер». Травник. Л. 74

ния цветов, даже хорошо известных, мало узнаваемы благодаря привычной, по-видимому, для него манере изображения деталей фряжского орнамента: округлые лепестки заостряются, листья самых разных растений становятся похожими на листья аканта с перистыми краями, плоды – виноградными гроздьями, ветки превращаются в причудливо изогнутые ветви заставок и рамок рукописей XVI–XVII в., украшать которые русские специалисты по старопечатному орнаменту были большими мастерами (рис. 4а, б). Шедевры декора в собраниях тех же самых Строгановых – неизменно в центре внимания исследователей книжности XVI в.

Манеру четвертого художника условно можно назвать «смешанной», она включает приемы остальных трех художников, но все же ближе к «фряжской» благодаря использованию орнаментальных элементов, украшающих изображения растений (рис. 5а, б). Для передачи объема и структуры цветов этот мастер различными способами подцветчивает и оттеняет рисунок. Его рисунки кажутся самыми мягкими и искусными на фоне трех остальных и самыми неяркими, потому что художник, используя множество оттенков, избегает черного, как будто он был более привычен к живописной манере и не был склонен к жесткой контрастности. Более того, рисунки, выполненные

ные этим четвертым художником, можно выделить без труда: автор по примеру западноевропейских гравиров подписывал свои рисунки инициалом – строчной буквой «т», по-видимому, первой буквой своего имени. На настоящий момент подобный факт – знак авторства к древнерусской миниатюре, как кажется, выявлен впервые! Не исключено, что обнаружение такого примечательного явления привлечет внимание исследователей и будут обнаружены еще всякого рода знаки к миниатюрам в древнерусских рукописях, а указанное явление окажется достаточно распространенным. Свое «клеймо» (букву «т») четвертый художник помещал внутри рисунка, под рисунком, с боку от него (рис. 6а, б, в). В устной беседе И. Б. Вишня высказал предположение, что так называемый «мастер “Т”» мог быть западноевропейским художником, который по традиции указывал на свое авторство. Если это так, то представляется странным, что европейский мастер-художник, знакомый с тиражируемыми клеймами, автографами, монограммами (например, он не мог быть незнакомым с монограммой Дюрера), использовал строчную букву (без каких-либо оригинальных деталей), а не, например, прописную по типу инициала с особенным росчерком, отростком и т. д., но гипотеза И. Б. Вишни заслуживает внимания.

Рис. 5а. «Von DenmarckWasser». Liber de arte distillandi. 1508. F. 58v

Рис. 5б. «Денемаркен Вуртель Ватер». Поздняя подпись к рисунку: «Велериановъ корень». Травник. Л. 112

Рис. 6а. Подпись мастера «Т»

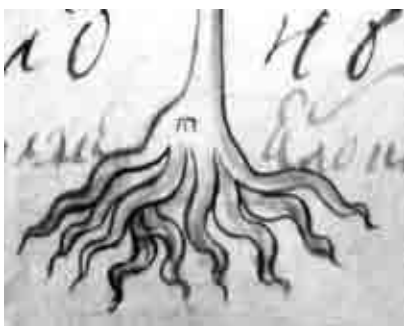

Рис. 6б. Подпись мастера «Т»

Рис. 6в. Подпись мастера «Т»

Особую возможность выделять разные манеры в оформлении Травника предоставляют случаи, когда изображение одного и того же растения дублировалось или даже выполнялось трижды, при этом разными художниками. Это происходило в тех случаях, когда подряд помещалось несколько статей, посвященных одному растению, но разным его частям. В немецких изданиях в таких случаях помещалась гравюра только к первой статье, русские же художники помещали одно и то же изображение к каждой статье, но при этом они иногда помечали в подписях к изображениям: «цветь», «корень/коренья», «листья», «травя», чтобы было понятно, какая часть растения имелась в виду, изображения же были одинаковыми, если не принимать во внимание манеру исполнения. Например, на рис. 7а, б, в можно увидеть изображения одного и того же растения – лилии, но первый рисунок выполнен мастером «геометрического» стиля, а два других – мастером «Т». Рисунки позже были подписаны: «Лилеи белые», «Лилеивые коренья», «Из лилеи с травой».

Необходимо отметить, что все рисунки являются зеркальной интерпретацией немецких гравюр. Возможно, что тот оригинал XVI в., с которого они были срисованы, содержал уже только зеркальные изображения.

Интересны и такие наблюдения: художник, работавший в «ко-

Рис. 7а. «Венсь гилген ватер». Мастер «геометрического» стиля. Поздняя подпись: «Лилей белые». Травник. Л. 273

Рис. 7б. «Билбен гилген ватер». Мастер «Т». Поздняя подпись: «Лилейвые кореня». Травник. Л. 275 об.

пейной» манере, выполнил меньше всего рисунков, не больше 10, – возможно, его манера не получила одобрения или просто на его долю пришлось меньшее количество рисунков. В итоге возобладало «орнаментальное» или «художественное» направление, в которых мастер «Т» и мастер «фряжского» стиля выполнили больше всего рисунков: эстетика взяла верх над реалистичностью. Замысловатые завитки, сплетающиеся ветви, усики, заостренные лепестки, листья аканта, края которых становятся от рисунка к рисунку все более перистыми, отличают оформление Травника Строгановых-Шелонина от всех других известных иллюми-

Рис. 7в. «Билбен гилген ватер». Мастер «Т». Поздняя подпись: «Из лилей с травой». Травник. Л. 276

нированных рукописей этого жанра. Строгие и схематичные (можно сказать, научные) изображения немецких гравюр превратились под кистью русских художников в насыщенные элементами старопечатного стиля рисунки, порой совершенно неправдоподобные, но изящные. Можно сказать, что русские художники в процессе копирования немецких гравюр добавили «художественности» в изображения растений, абсолютно не заботясь о достоверности.

Бригада, которая работала над этой рукописью, имела своеобразный «фирменный знак»: иногда к корням и ветвям растений пририсовывались глаза, уши, хвосты, копытца, пасти, и они превращались в фантастических животных или нестрашных «чудищ» (см. рис. 8а, б, в). Всего в рукописи около 20 растений-«монстров». Насколько данный прием был распространен среди миниатюристов Древней Руси, сказать трудно, – по-видимому, этот факт вводится в научный оборот впервые, но, тем не менее, это, как оказалось, не единственный случай. Удалось обнаружить такой же прием в рукописи середины XVII в., и также – в Травнике. Речь идет о копии-редакции Травника Николая Любчанина 1534 г. (ГИМ, собр. Уварова, № 387-1^о, 746 л., ок. 300 рисунков). Художник этой редакции, который мог бы быть тем самым «реалистом», оформлявшим Травник Строгановых-Шелонина (его рисунки очень правдоподобны), превратил корни некоторых растений в «чудищ» тем же способом: эффект объемного изображения корня, к которому пририсованы части тела, не оставляет ни у кого сомнений, что это сознательное изображение фантастического зверя. Возможно, это, действительно, один из художников, работавших в составе команды, оформившей Травник 1620-х гг., или же человек, знакомый с этим приемом. Однако первое предположение имеет дополнительные доказательства. Между Травником из собрания БАН и Травником из собрания ГИМ, оригиналы которых выполнены с разных немецких изданий, существует еще одна интересная связь. Предисловие, предваряющее рукопись сер. XVII в. из собрания Уварова, считалось оригинальным русским сочинением, что, по-видимому, соответствует действительности. При этом оно отсутствует в рукописи-оригинале Травника Любчанина 1534 г., и впервые встречается именно в Увар. 387, в связи с чем было сделано исследователями предположение, что это самый ранний список предисловия (П. Строев [14], Л. Ф. Змеев [3], Т. А. Исаченко [5]). Однако сопоставление текстов позволяет утверждать, что Предисловие 1650-х гг. восходит к Предисловию Травника Строгановых-Шелонина. Гуморальная теория Гиппократата, кратко пересказанная в Увар. 387, дословно совпадает со строками из предисловия Травника Строгановых-Шелонина.

Работ, посвященных иллюстрациям переводных Травников, пока не существует, не заинтересовала эта тема и искусствоведов. Однако творческое восприятие гравюр русскими художниками заслуживает внимания, поскольку исследователи располагают возможностью сопоставлять иллюстрации древнерусских рукописей (начиная с 1534 г.!) с гравюрами их оригиналов – конкретными европейскими изданиями. Возможно, иллюстраторы переводных Травников использовали общие приемы изображения растений и были осведомлены о работах и достижениях друг друга. В настоящее время исследовательница А. Б. Ипполитова работает над традицией оформления народных Травников, которая известна только с XVIII в. и существенно отличается от приемов иллюстрирования переводных представителей этого жанра [4].

Рис. 8а–в. «Фирменный» знак художников Травника Строгановых-Шелонина: чудища и монстры (фрагменты, угол рисунков изменен)

Литература

1. *Анисимова Т. В.* Рукописи московских писцов братьев Басовых (80-е годы XVI – нач. XVII века) // О древней и новой литературе: Сб. ст. в честь О. А. Белобровой. М., 2006. С. 587–608.
2. *Домбровский А.* Искусство первой буквы // Наука и жизнь. 2008. № 5. С. 19.
3. *Змеев Л. Ф.* Русские врачевники: Исследование в области древней врачебной письменности. СПб., 1895.
4. *Иттолитова А. Б.* К вопросу об истории русской ботанической иллюстрации // ВИБЛЮИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2018. Vol. 6. [в печати].
5. *Исаченко Т. А.* Переводная московская книжность XV–XVII вв. М., 2009.
6. *Караванский Н. Я.* Принципы и методы разработки рисунков орнаментов серии «РСФСР» // Сборник трудов НИИПолиграфмаш'а. Вып. 5. М., 1957. С. 228–242.
7. *Коваленко К. И.* «Сказание о пропущении вод»: Особенности перевода, списки, редакции // Рябининские чтения–2015: Материалы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 485–487.
8. *Морозов Б. Н.* Вертоград здравью: Травник из библиотеки Ивана Грозного // Родина. 2004. № 4. С. 11–22.
9. *Морозов Б. Н.* Травник из постельной казны Ивана Грозного? Харьковская рукопись 1534 г. – новый памятник книжной мастерской митрополита Даниила (Первые итоги изучения) // АЕ за 2003 г. М., 2004. С. 73–85.
10. *Немировский Е. Л.* Орнамента первых московских печатных книг // Сборник трудов НИИПолиграфмаш'а. Вып. 21. М., 1962. С. 47.
11. *Сапожникова О. С.* Лицевой Травник Сергия Шелонина: Список с перевода русского врача XVI века // Вестник Альянс-Архео. Вып. 15. М.; СПб., 2016. С. 11–40.
12. *Сапожникова О. С.* Стольник, лекарь, почтмейстер, стряпчий и подпоручик // Петербургская библиотечная школа. 2017. 2 (58). С. 45–58.
13. *Сапожникова О. С., Макаров А. Г.* Лицевой Травник Строгановых-Шелонина и род Салтыковых // Национальное культурное наследие России: Региональный аспект. Материалы V Всерос. науч.-практ. конф. 29 марта 2017 г. Самара. Самара, 2017. С. 30–48.
14. *Строев П.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. М., 1848.

Роспись церкви Успения на Волотовом поле в системе богослужения

*д-р ист. наук
Санкт-Петербургский институт истории РАН
email: elisaspb@mail.ru*

Со времени открытия в 1893/94 г. росписи в церкви Успения на Волотовом поле был создан внушительный исследовательский фонд, в котором были поставлены и во многом решены разнообразные проблемы стилистического анализа. В настоящей статье система волотовской росписи впервые рассматривается в контексте богослужебного последования. *Ключевые слова:* Роспись церкви Успения на Волотовом поле, система богослужения.

В научной литературе о волотовской росписи поставлены и обсуждаются самые разные проблемы ее изучения. В пространственной конструкции храма выстраиваются расположенные в системе евангельского и протоевангельского циклов девять регистров росписи, определяются композиционные, масштабные, ритмические, стилистические особенности, уточняются цветовые акценты живописного ансамбля, предполагаются связи с еретическими выступлениями XIV в. и, несмотря на летописную дату росписи, выполненную повелением архиепископа Алексия в 1363 г. [25: 368], обсуждается время ее возникновения [33; 22; 37: 86, 91, 92, 121–122; 20: 176–190; 21: 47–48, 52–63; 29; 27; 3; 16; 19].

Отдельное место в волотовской библиографии занимает монография Г. И. Вздорнова [6]. Этот монументальный труд представляет собой энциклопедию, в которой собраны исчерпывающие сведения и материалы по истории уникального памятника. Книга представляет собой неопределимый вклад в историографический фонд новгородской культуры XIV в.

Со времени открытия волотовских фресок в 1893/94 г. создана внушительная библиография, в которой, тем не менее, отсутствует исследование фрескового ансамбля в системе богослужения, обусловленной в данном случае посвящением храма Успению Богородицы. Между тем именно в этом направлении необходимо искать путь к пониманию волотовской росписи, система которой представляла собой иллюстрированное воспроизведение ритуала.

В соответствии с уставом служба в волотовском храме начиналась в притворе, где совершалось всенощное бдение, переходившее в утреню. В первый период этого действия читались паремии, притчи из книг Ветхого Завета [24: 213–215]. Успенские паремии идентичны паремиям на Рождество Богородицы, и эта образная и фактическая связь двух праздников [30: 59–60] определяет содержание волотовской живописи.

Роспись притвора располагалась на боковых стенах в четырех регистрах (см. схему). Замком композиции служил находившийся в шельге свода образ Богородицы Знамение, олицетворенный храм Слова и смысловый центр храмовой росписи в целом.

На южной стене притвора, в четвертом регистре располагается первая паремия «Сон и видение лестницы Иаковом» (Быт. 28:10–17) [6: 58–59, ил. 190]. Трехчастную композицию открывает устроенная на земле и достигающая неба лестница, по которой восходят и нисходят ангелы, внизу изображен спящий Патриарх. У подножия представлен Иоанн Лествичник, показавший человеку небесную лестницу, Славу Божию Богородицу. Справа изображено «Единоборство с ангелом», и в память об этой победе Иаков поставил камень, и место назвал «Дом Божий», ибо он здесь видел Бога «лицом к лицу...» (Быт. 32:22–32, 31:44–47). В правом верхнем углу, возможно, изображен евангелист Иоанн, в благовестии которого сообщается об отверстом небе и восходящих и нисходящих по нему ангелах (Ин. 1:51) [6: 58, 65, 92, ил. 190–192].

Вторая паремия через пророка Иезекииля устанавливает связь с ветхозаветными образами, обещая пленным израильтянам освобождение и восстановление разрушенного храма. Иезекииль видел и описал храм с затворенными восточными воротами (Иез. 41), и чтобы стать перед лицом Бога, ему было дозволено пройти в храм через притвор воротами северными (Иез. 43:27, 44:1–4).

Вторая паремия в росписи не иллюстрирована, но о ней свидетельствует изображение Иезекииля в нартексе, на южном склоне западной подпружной арки, при выходе из притвора в основное пространство храма [6: 38–39, 63, 94, ил. 36]. Открывая вход в храм, Иезекииль соединял прообраз Богородицы, одним из атрибутов которой являются затворенные ворота, с лестницей Иакова, по которой Господь сошел на землю.

Напротив Иезекииля, на северном склоне западной арки изображен праведник Иов [6: ил. 38], упоминаемый в книге Иезекииля (14:14) и призванный в акафисте «...на светлую жизнь за гробом Давиду, Исаии, Иезекиилю и иным пророкам равный» [1]. Эта двоица, как будто, завершает тему второй паремии.

Третья паремия «Премудрость созда себе храм» располагается на южном склоне свода, во втором регистре, (Притч. 9:1–11). Содержание ее, как воплощение Слова Премудрости через телесный храм в образе Девы Марии раскрывается в текстах на свитках Соломона «Премудрость созда себе храм и сооруди столпов седмь», и Космы Маюмского «Всевиновная и подательная жизни, безмерная Мудрость Божия...» [6: 57, 59, 65–67, 82, ил. 181]. Эта тема в волотовской росписи развивается последовательно и детально, и аллегорические фигуры Софии Премудрости у изображений евангелистов Матфея, Луки и Марка в подкупольном пространстве не «нюанс содержания росписи» [6: 62], но неотъемлемая часть системы, охватывающей храмовое пространство от притвора к куполу, к образу Богоматери как «вместилищу» Божества.

Три обязательных паремии открывают цикличность богослужебного действия, продолженного в истории пророка Моисея. Во втором регистре северной стены притвора изображен исход израильтян из Египта и сооружение скинии Завета на горе Синай (Исх. 19:17–20) [30: 59–60; 6: ил. 193].

Эта композиция открывает еще одну особенность успенской службы. Совершаемая по чину на Великую Субботу, она называется Богородичной или Второй Пасхой [32]. В книге Исход подробно рассказано, как Господь установил Пасху, и в ночь бдения Моисей объявил старейшинам повеление Господа о начале исхода. В этот самый день Господь вывел сынов Израилевых из земли Египетской «по ополчениям их» (Исх. 12) [10].

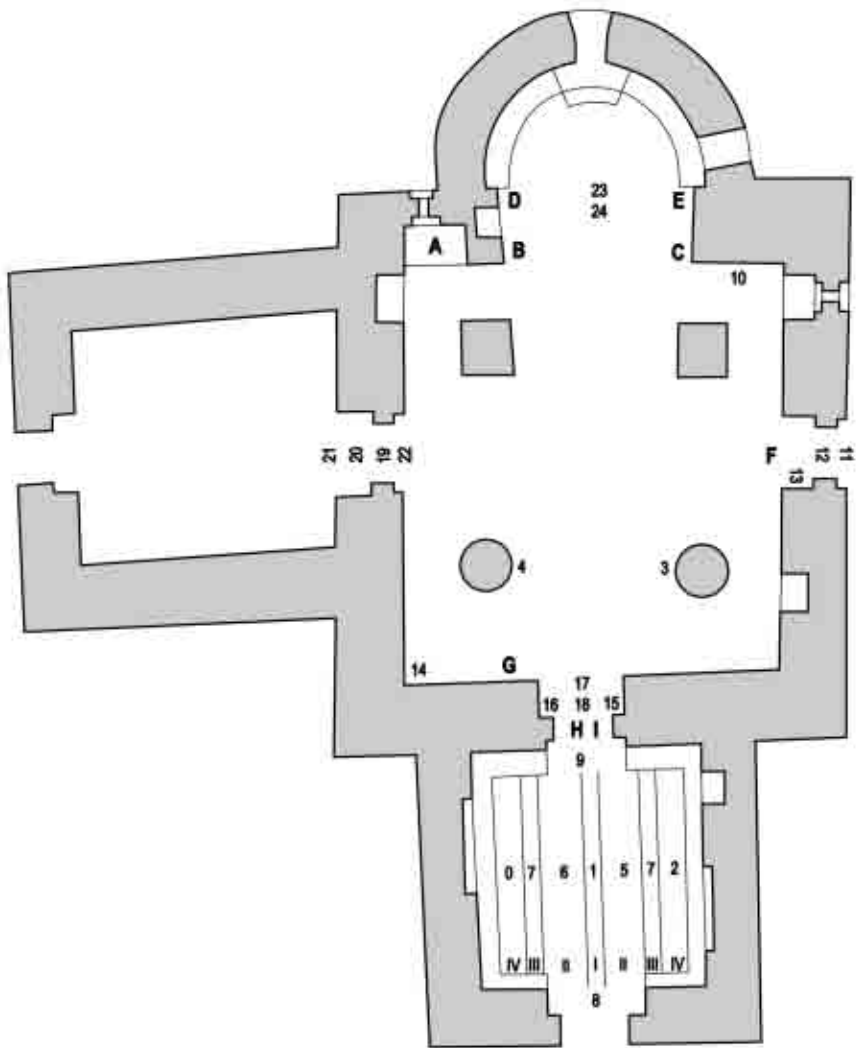
Фриз с двенадцатью медальонами,¹ на которых представлены родоначальники израилевых колен из племени Левита, разделял композиции на южной и северной стенах притвора.² Экзегетическая традиция рассматривала Патриархов как ветхозаветный прообраз почетной храмовой стражи новозаветной церкви [34: 234, 240]. Присутствие их в притворе церкви напоминало также о наказании этой части левитов, уклонившихся от Бога, за что они навсегда были осуждены служить сторожами у ворот храма (Иез. 44:10–16).

Уцелевший фрагмент с изображением Богоматери в четвертом регистре на северной стене притвора³ дает основание полагать, что здесь могло быть представлено видение Моисеем Неопалимой Купины на горе Хорив. В толковании Космы Индикоплова видение горящего негоряемого тернового куста предвестило исход израильского народа из Египта

¹ Четыре медальона на северной стене утрачены; см.: [6: ил. 193].

² См. чертежи В. В. Сулова: [6: 57].

³ [6: 61, 48]. Схема росписи церкви Успения Богородицы в селе Волотово. Разрез по KL. Чертеж В. В. Сулова.

Богородичный, протоевангельский цикл

- A. Рождество Богоматери. Восточная стена северного рукава креста, над аркой в проходе в жертвенник. VI регистр (54).
- B. Принесение даров. Северная стена восточного свода. V регистр (49)
- C. Отвержение даров. Южная стена восточного свода. V регистр (50)
- D. Благовестие Иоакиму. Северная стена вимы. VI регистр (51)
- E. Благовестие Анне. Южная стена вимы. VI регистр (52)
- F. Введение во храм. Южная стена южного рукава креста. VII регистр
- G. Встреча Иоакима и Анны у Золотых ворот. Западная стена северного рукава креста. VI регистр (53)
- H. Моление о жезлах. Западная стена западного рукава креста, над хорами. VII регистр (56)
- J. Обручение Марии. Западная стена западного рукава креста, над хорами. VII регистр (57)

Праздничный отдел службы по Евангелию Апракос

- 1. Богоматерь Знамение. Притвор, шельга свода. I регистр (180)
- 2. Сон и видение лестницы Иаковом. Иаков у подножия столпа-памятника. Борьба с Ангелом. Притвор, южная стена. IV регистр (190–192)
- 3. Пророк Иезекииль. Притвор, западная подпружная арка, южный склон. V регистр (36)
- 4. Праведник Иов. Притвор, западная подпружная арка, северный склон. V регистр (38)
- 5. Премудрость созда себе храм. Притвор, южный склон свода. II регистр (181)
- 6. Моисей на горе Синай и народ израильский у подножия горы. Притвор, северная стена. II регистр. (193)
- 7. Медальоны с полуфигурами сыновей Иакова. Притвор, южный и северный склоны. III регистр (182–183; 184–189)
- o. Пророк Моисей на горе Хорив, Видение Непалимой купины(?). Притвор, северная стена
- 8. Встреча Марии и Елизаветы. Притвор, люнет западной стены. (173)
- 9. Воскресение Христово. Притвор, тимпан восточной стены. (170)
- 10. Благовещение Марии. Восточная стена северного рукава креста. VI регистр (54)
- 11. Рождество Христово. Люнет южной стены, восточный и западный склоны южного свода. V регистр.
- 12. Крещение. Южная стена южного рукава креста. VI регистр. (61)
- 13. Сретение. Западная стена южного рукава креста. VI регистр (60)
- 14. Зосима, причащающий Марию Египетскую. Часть северной стены и северный склон арки, соединяющий северо-западный угол церкви под хорами с северным рукавом креста
- 15. Воскрешение Лазаря. Южный склон западного свода. V регистр (64)
- 16. Преображение. Северный склон западного свода. V регистр (62)
- 17. Вход в Иерусалим. Люнет западной стены. V регистр. (63)
- 18. Богоматерь Знамение. Замок западного свода. V регистр (48)
- 19. Распятие и Оплакивание (Положение во гроб). Северная стена северного рукава креста. VII регистр (65, 66)
- 20. Сошествие во ад. Северная стена северного рукава креста. VI регистр (67)
- 21. Вознесение. Люнет северной стены и склоны северного свода. V регистр (68)
- 22. Успение. Северная стена северного рукава креста. VIII регистр (69)
- 23. Сошествие святого Духа. Восточный люнет. V регистр (70)
- 24. Души праведных в руце Божией. VI регистр. (71)
- 25. Богоматерь Живоносный источник. Южная стена, над выходом из храма. VIII регистр.

и освобождение его от рабства фараона, и Моисей именно тогда получил пророческую миссию (Исх. 3:1–22; Деян. 7:30–36) [10: 167].

После всенощного бдения начиналась утренняя. Как иллюстрация первого обязательного евангельского чтения в богородичные праздники (Лк. 1:39–56) [30: 31] при входе в притвор в люнете западной стены изображено Целование Марии и Елизаветы [6: 55, 56, 65, 79, 80, 81, ил. 173].

В продолжение утрени, в ознаменование того, что Мироносицы первыми получили весть о Воскресении Господа, в тимпане восточной стены притвора располагается Воскресение Христово [24: 626–627]. Принятый церковью образ Пасхи в иконографии Воскресения Христова раскрывает сотериологический аспект Успения. Подчеркивая смысловую наполненность службы, художник обратился к развернутой иконографии совершаемого действия. Христос стремительно покидает гроб, к его ногам припала Мария Магдалина, вокруг лежат поверженные стражи, ангел с широко расправленными крыльями сидит, указывая Женам Мироносицам на пустой гроб [6: 56, 78, 81, 85–86, 95, ил. 170].

В завершение утренней службы святитель со всеми церковнослужителями, с крестным победным знаменем и песнопениями выходил из притвора в церковь [24: 626–627].

Волотовские фрески представляют собой уникальный пример включения храмовой росписи в систему богослужения. Здесь нет следования двенадцатых праздников. В соответствии с посвящением храма, особое место занимает богородичный цикл, источником которого являлось хорошо известное на Руси протоевангелие Иакова. Но в отличие от храмовых росписей, где этот цикл располагался в изолированных компартиментах, в Волотове он соединяется с христологическим в единой системе богослужения.

Как отмечает Г. И. Вздорнов, для понимания и правильной оценки волотовской росписи особое значение имеют гимнографические источники [6: 82]. Храм, действительно, наполнен песнопениями. Поэты Косма Маюмский и Иоанн Дамаскин сопровождают службу на великой вечерне и открывают начало литургии в алтаре.

В многоголосии храмовых пений отдельное место занимает творчество Андрея Критского [18], одним из источников которого служило протоевангелие Иакова. В его Слове на день Рождества Богородицы сказано: «Настоящий праздник есть для нас начало праздников. Служа пределом закону и прообразованиям, он вместе служит дверью к благодати и истине. Он может называться средним и последним. Его начало – окончание закона, середина – соединение крайних точек, конец – откровение истины» [15: 44–54]. Кажется, что именно в таком неуловимо

обязательном порядке располагается живописная система в волотовском храме.

Рождество Богородицы открывает последовательное развитие росписи, сюжетная линия которой складывается из периодов, где Богоматерь выступает главным образом духовного воплощения.

Рождество Богородицы (8 сентября) изображено на восточной стене северного рукава креста, над арочным проходом в жертвенник. Девятого сентября следует поспразднество Рождества и отмечается день праведных Иоакима и Анны. На склонах восточного свода, над алтарем, в пятом регистре вимы изображены Принесение даров и Отвержение даров, выше, в шестом регистре – Благовестие Иоакиму и Благовестие Анне [6: 39, 40, 79, 81, 95, ил. 49, 50].

Благовестие Анне примыкает к Благовещению Марии, расположенному на восточной стене южного рукава креста, над проходом в диаконник. Отсюда протоевангельский цикл в соответствии с годовым течением службы включается в систему храмовой росписи.

На южной стене, в седьмом регистре изображено Введение Богородицы во храм [6: ил. 55], и в Слове на день Рождества Богородицы Андрея Критского сказано: «Поспешим за текущими девами: внидем в Святая святых..., посему девы ликовствуют, предустроя будущее; посему дочери Сионовы идут за Нею... Храм отверз священные врата, чтобы воспринять всецарственную славу...» [15: 54].

От Введения Богородицы (21–25 ноября), изображенном в пятом регистре в люнете южного свода и на его склонах, до отдания Рождества Христова (31 декабря) звучат ирмосы из Рождественского канона Космы Маюмского, «Христос рождается, славите...». Так период Введения Богородицы выступает предпразднеством Рождества Христова (25 декабря). Ниже, в шестом регистре располагаются Крещение (6 января), и на западной стене к нему примыкает Сретение (2 февраля) [6: ил. 59, 60, 61]. В основе этого «неисторического» порядка лежит древнейший круг чтений, совершаемый по Евангелию-апракос в последовательности от Иоанна, Матфея, Луки и Марка. В этом ряду Крещение служит календарным началом периода, общий и первый круг которого определен зимне-весенними праздниками.

Представляя собой иллюстративную параллель этого круга, роспись располагалась на сводах и стенах ветвей конструктивного креста, образуя единый служебный круг [12]. Исходным примером этой круговой системы в древнерусской монументальной живописи могут служить росписи Преображенского собора в Мирожском монастыре (1140-е гг.) и церкви Спаса Преображения на Нередице (1199 г.). О. Демус противопоставлял

«магический» цикл росписи крестовокупольного храма прямолинейному движению «от входа к апсиде, от начала к концу» в западной базилике [13: 31–34; 38: 199–236].

В следующую неделю после Рождества Христова церковь отмечает память Свв. Богоотец. В Слове на день Рождества Богородицы Андрей Критский вопрошает: «Кто же эта (Дева), и от каких произошла родителей, – и продолжает – Мария, слава всех, родилась от племени Давидова, от семени Иоакима. Она происходила от Евы, а была чадом Анны..., светлое и явное нисхождение Божие к людям должно иметь радостное начало, вводящее в нас великий дар спасения. Таков и есть настоящий праздник, имеющий началом Рождество, а концом соединение Слова с плотью» [15: 44–54]. Как образ свершения Слова в зачатии Богородицы, на западной стене северного рукава креста, в шестом регистре изображена Встреча Иоакима и Анны у Золотых ворот [6: ил. 53].

На этот период приходится и память Иосифа Обручника, «избранного хранителя Пресвятой Девы Марии, «представителя всего человеческого рода в отношении к Богомладенцу...» [5: 268]. На западной стене хор изображены Моление о посохах и Обручение Марии, где действующим лицом является Иосиф [6: ил. 56, 57].

Как продолжение празднования Рождества Христова, день памяти Иосифа Обручника, вместе с Собором Богородицы, отмечается 26 декабря, и еще на 32-ю неделю по Пятидесятнице, по Богоявлению [26: 310–311], завершая тем самым рождественский период, после которого начиналась подготовка к Великому посту.

Из четырех подготовительных недель – о Мытаре и фарисее, Страшном суде, Блудном сыне и Сыропустной – в волотовском храме, очевидно, отразилось лишь воспоминание о Страшном суде. На северном склоне западной подпружной арки, внизу изображен пророк Иоиль [6: 39, 63, ил. 39], книга которого проникнута ожиданием божественного наказания. Вместе с тем в ней же предвосхищается радостное спасение Господом Его народа и предсказано Сошествие Св. Духа (Иоиль 2:1–28).

За подготовительными неделями следовал Великий пост, в развитии которого имелись свои исторические особенности. В первую неделю совершалось Торжество православия, установленное царицей Феодорой в 842 г. в память о восстановлении иконопочитания. Этот чин, когда в середине храма ставили иконы Христа и Богородицы, совершался архиереем в кафедральных соборах. В монастырских, городских и сельских храмах совершалось лишь молебное пение [24: 586–589]. Вторая неделя Великого поста установлена в память Григория Паламы после его канонизации в 1368 г., то есть после того, как была расписана

волотовская церковь. В волотовской росписи эти недели не нашли отражения.

В третью, Крестопоклонную неделю на малой вечерне устанавливался крест и возглашались соответствующие молитвы и стихиры [24: 590–592]. На северной стороне юго-восточного столпа в верхнем регистре изображен Феодор Студит [6: 50, 51, ил. 118]. Его канон на Крестопоклонную неделю [28: 150–161; 17: 123–125], видимо, заменял собой отсутствующее в росписи изображение Воздвижения Креста.

Период Великого поста в росписи храма представлен четвертой, пятой и шестой неделями, изображения которых располагаются в нартексе. В четвертое воскресенье Великого поста вспоминается Иоанн Лествичник, показавший лестницу как последование добрых дел, приводящих верующих к престолу Божию [24: 592–593]. Эта его роль была раскрыта в паремийной композиции в притворе. В основном пространстве храма он изображен на южной стороне северо-западного столпа как представитель совершаемого действия [6: 51, 92, ил. 159, 190].

В северо-западном углу храма помещены две сцены. Одна из них – «Ангел, наставляющий Пахомия монастырскому уставу», вторая – «Зосима, причащающий Марию Египетскую» [6: ил. 164, 165]. Г. И. Вздорнов включает эти изображения в одну характерную для волотовской росписи большую группу отшельников, аскетов, столпников, монахов и соотносит эту тему с монастырским назначением храма, с которым прежде всего связано изображение Пахомия, создателя устава общего монастырского жития [35: 31]. В эту группу входит и Слово о некоем игумене в западном углу храма, притча о нищелюбии и милостыне, как проявлении монашеской нравственности [6: 26, 51, 54, 55, 63, 64, 66, 76, 79, 81, 82, ил. 163, 164].

Вместе с тем фреска с изображением Зосимы и Марии Египетской должна быть отнесена к дням Великого поста, когда в четверг пятой недели, на утрени читается Великий канон Андрея Критского и канон, называемый «стояние Марии Египетской» [24: 592–598].

Кульминацией растянутого на несколько недель действия была последняя, шестая седмица поста с предшествующей ей Лазаревой субботой. И как начало периода на южном склоне западного свода, в пятом регистре изображено Воскрешение Лазаря. Напротив, на северном склоне располагается Преображение, день которого наступит только 6 августа. Между этими сценами, в люнете западной стены представлено главное событие периода – царский Вход Господень в Иерусалим, неделя Ваий [6: 24, 42, 79, 83–85, 88, 89, 91, 95, ил. 64, 62, 63].

Такая перестановка евангельских сцен в порядке апракосных чтений была принята в храмовых росписях и нередко в праздничных ря-

дах иконостасов. На утрени среды недели Ваий полагалось чтение 12-й главы Евангелия от Иоанна, когда торжественно встреченный народом, уверовавшим в воскрешение Лазаря, Христос в воспоминание о просиявшем свете Преображения в последней проповеди говорил: «...еще на малое время есть свет с вами; ходите пока есть свет..., доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света (Ин. 12:35–36, 45–47) [11: 225–228; 12]⁴.

Эту композицию в пятом регистре дополняет изображение пророка Захарии Серповидца на южном склоне западной подпружной арки [6: 39, 81, ил. 37]. «Видевший будущее яко суща», пророк предсказал Вход Господень в Иерусалим: «Ликуй от радости дщерь Сиона, торжествуй дщерь Иерусалима, се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, сидящий на ослице и молодом осле...» (Зах. 9:9).

В замке западного свода содержание западной композиции собирает Богоматерь Знамение, медальон которой обрамляет надпись «Всевиновная и подательная жизни...» [6: 57, ил. 48]. Медальон с текстом из канона Космы Маюмского располагается на этот раз над Входом в Иерусалим, когда на утрени в великий четверг полагалось пение этого тропаря [9: 104–106].

Воскрешение Лазаря, Преображение, Вход в Иерусалим вместе с канонем «Всевиновная и подательная жизни...», раскрывая вдохновенные подробности Божественного проявления Христа, выступают торжественным величанием предстоящей службы Страстной недели.

Этот период представлен в росписи на северной стене в трех регистрах над входом в храм, в тимпане и на склонах свода. Последование начинается в восьмом регистре в двух сценах: «Распятие» и «Положение во гроб» («Оплакивание») [6: 24, 43, 77, 81, 84, 89, 95, ил. 65, 66]. Всю эту неделю читаются Евангелия, с полагающимся последованием Страстей Господних. В шестом регистре изображено Воскресение («Сошествие во ад») [6: 24, 43, 84, 94, ил. 67], когда идут пасхальные службы на Великую Субботу и Светлое Воскресение.

Круг апракосных чтений в люнете северной стены и на склонах северного свода, в пятом регистре завершает «Вознесение» [2: 61]. Этот праздник всегда приходится на шестую неделю по Пасхе, заканчивая триодный цикл службы.

В роспись на северной стене включена храмовая композиция «Успение Богородицы» [6: 24, 33, 41, 44–45, 51, 58, 65, 84, 88, 95, 96, 103,

⁴Объединение этих композиций могло быть связано также с литургией Преждеосвященных даров, совершавшейся исключительно в дни Четырдесятницы.

ил. 69]. Но, как и в притворе храма, Успение и представляет здесь Вторую, Богородичную Пасху.

На 50-й день по Пасхе приходится прославление Троицы и Сошествие Св. Духа, и начинается период Пятидесятницы. Над алтарем, в пятом регистре восточного люнета изображено Сошествие Св. Духа, первый праздник этого продолжительного периода. В шестом регистре, над аркой, ведущей в апсиду, его дополняет композиция «Души праведных в руке Божией» (Прем. 1:2) [6: 24, 45–46, 59, 63, 79, 82, ил. 70, 71].

За первой неделей по Пятидесятнице следуют недели Всех святых, восполняя чествование тех, кто по многочисленности, а иногда и неизвестности не были удостоены отдельного праздника. Как сказано в Типиконе: «...В один день собрати, да явятся о едином Христе подвизавшаяся» [24: 650–655]. Этот период службы представлен на столбах, сводах и склонах в изображении святых отцов, мучеников, воинов, избранных обителю в соответствии с календарем.

В завершение на западной стене, при выходе из храма, в восьмом регистре изображена «Богородица Живоносный источник». Служба на обновление храма Живоносного источника в Царьграде написана Никифором Каллистом в XIV в., и волотовская фреска, видимо, является одним из первых памятников почитания этого образа. Служба совершается после Пасхи в пятницу Светлой седмицы, и в данном случае представляет собой выходную композицию, по сторонам от которой были изображены стражи – архангел Михаил в полном военном вооружении и Столпник [6: 53–54, ил. 168].

Система и структура волотовской росписи уникальна. Вместе с тем художник, вероятно, знал роспись церкви Богородицы Перивлепты в Охриде (1295–1311). В нартексе сербского храма в паремийной системе размещены входные композиции: пророк Иезекииль, Моисей дает закон, Лествица Иакова и его борьба с ангелом, поэты Косма, Иосиф. Но евангельский и протоевангельский циклы размещены там в исторической последовательности. Богородичный цикл выделен в самостоятельный, средний регистр росписи и последовательно располагается на южной, северной и западной сторонах храма [23: 43–51, сх. I, II, pl. XVII–XXI].

Создатель волотовской росписи, скорее всего, не был новгородцем, но его пребывание в Новгороде пришлось на время оживления русско-византийских отношений [4: 79–96; 36]. В 1347–1349 гг. Стефан Новгородец совершил путешествие в Царьград, где в Студийском монастыре встретился с новгородцами, Иваном и Добрилой, которые переписывали уставы, триоди и иные книги [31: 5–82; 14]. В 1337–1338 гг. в Новгороде некий Исайя Гречин вместе «с други» по велению архиепископа Василия «подписал» церковь

Входа в Иерусалим в кремле [25: 348]. В 1370-х гг. Феофан Грек расписывал церковь Спаса Преображения на Ильине улице [8; 7]. В этом временном интервале в Новгороде трудился и создатель волоотовской росписи, теологическая эрудиция и художественное воображение которого позволили соединить строгое правило богослужения с живописной системой росписи.

Литература

1. Акафист праведному Иову // oornm.ru/wp-content/uploads/2017/06/bs-npd S-05-13/pdf
2. *Алексеев А. А.* Библия в богослужении: Византийско-славянский лекционный. СПб., 2008.
3. *Алпатов М. В.* Фрески церкви Успения на Волотовом поле. М., 1977.
4. *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М., 1986.
5. *Булгаков С. Н.* Купина Неопалимая: Опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери. Париж, 1927.
6. *Вздорнов Г. И.* Волоотово: Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. М., 1989.
7. *Вздорнов Г. И.* Феофан Грек: Творческое наследие. М., 1983.
8. *Вздорнов Г. И.* Фрески Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. М., 1976.
9. *Гордиенко Э. А.* Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житии и мистерирах: XI–XVI вв. М.; СПб., 2010.
10. *Гордиенко Э. А.* Миниатюры рукописи // *Гордиенко Э. А., Семячко С. А., Шибяев М. А.* Миниатюра и текст: К истории Следованной Псалтири из собрания Российской национальной библиотеки. СПб., 2011. С. 170–172.
11. *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001.
12. *Гордиенко Э. А.* Праздничный отдел службы в системе храмовых и иконописных композиций XII–XVI вв. // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2012. № 2 (48). С. 24–34.
13. *Демус О.* Мозаики византийских храмов: Принципы монументального искусства Византии. М., 2001.
14. *Дмитриев Л. А.* Стефан Новгородец // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 1: XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 447–448.
15. *Избранные слова святых отцев в честь и славу Пресвятой Богородицы.* СПб., 1898.
16. *Иоаннисян О. М.* Роспись церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода: К проблеме связи новгородского и палеологовского искусства // *Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР.* Л., 1977. С. 62–65.
17. *Карабинов И.* Постная Триодь: Исторический обзор ее песен, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910.
18. *Кириллин В. М.* «Великий покаянный канон» святителя Андрея, архиепископа Критского, в древнерусской переработке // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2003. № 3 (13). С. 54–79.
19. *Колтакова Г. С.* О композиционных особенностях росписи храма на Волотовом поле // *Древнерусское искусство: XIV–XV.* М., 1984. С. 179–195.
20. *Лазарев В. Н.* Живопись и скульптура Новгорода: XIV век // *История русского искусства.* Т. 2. М., 1954. С. 72–283.
21. *Лазарев В. Н.* Феофан Грек и его школа. М., 1961.

22. *Мацулевич Л. А.* Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Волоотове // Памятники древнерусского искусства. СПб., 1912. С. 1–34.
23. *Мильковик-Пепек П.* Дело на зографите Михаило и Еутихиј. Скопје, 1967.
24. *Никольский К.* Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. СПб., 1907.
25. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
26. *Пентковский А. М.* Типикон Патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.
27. *Порфиридов Н. Г.* Следует ли отказываться от летописной даты волоотовской стенописи // Культура средневековой Руси: Сборник статей к 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 186–188.
28. *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1876. Т. 1. Ч. 2.
29. *Сидорова Т. А.* Волоотовская фреска «Премудрость созда себе дом» и ее отношение к новгородской ереси стригольников в XIV в. // ТОДРЛ. Т. 26. Л., 1971. С. 212–231.
30. *Скабалланович М. Н.* Успение Пресвятой Богородицы: Служба Успению Пресвятой Богородицы. Киев, 2004.
31. *Сперанский М. Н.* Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934.
32. *Стародубцев О. В.* Особенности песнопений службы Успения Пресвятой Богородицы // <http://www.pravoslavie.ru/38885.html>.
33. *Суслов В. В.* Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Волоотово, близ Новгорода, построенная в 1352 г. М., 1911.
34. *Успенский Л.* Вопрос иконостаса // Вестник русского западноевропейского патриаршего экзархата. 1963. № 44. С. 223–255.
35. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Историческое учение об Отцах Церкви. Киев, 2008.
36. *Шевченко И. И.* Некоторые замечания о политике Константинопольского Патриархата по отношению к Восточной Европе в XIV в. // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время: Сб. ст. к 70-летию акад. Г. Г. Литаврина. Вып. 6. М., 1996. С. 133–139.
37. *Шмит Ф.* Заметки о поздневизантийских храмовых росписях // Византийский временник. Т. 22. Вып. 1–2. Пг., 1916. С. 62–126.
38. *Demus O.* The Mosaics of Norman Sicily. London, 1949.

О времени создания Симоновской Псалтири (ГИМ, Хлуд. 3). Взгляд искусствоведа

*д-р искусствоведения, проф.
МГУ
email: engelina32@mail.ru*

Симоновская Псалтирь (ГИМ, Хлуд. 3) последнее время привлекает особое внимание исследователей. Специалисты предлагают различные датировки рукописи с начала XIV в. до его последней трети. В статье приводится последовательная система искусствоведческой аргументации в пользу датировки Псалтири второй четвертью XIV в.
Ключевые слова: Симоновская Псалтирь, древнерусское искусство, иконография, орнаментальный декор.

В последние годы Симоновская Псалтирь все сильнее привлекает внимание палеографов и историков искусства. Назовем работу О. С. Поповой о самой первой миниатюре рукописи «Явление Христа Марфе и Марии» [2], статью А. А. Турилова о датировке этой Псалтири [10], публикации автора этих строк об иллюстрациях к Библейским песням [5; 14], статью Е. В. Ухановой [11], еще не опубликованные этюды Е. В. Гладышевой о связи палеосных миниатюр со святоотеческими Толкованиями на Псалтирь. Перечисленные авторы имеют разные мнения о датировке рукописи. О. С. Попова придерживается формулировки «начало XIV века» по отношению как к рукописи, так и к первой миниатюре, которую она считает вшитой, инородной; но она же настаивает на стилистическом сближении миниатюры с фресками Кахрие Джамии, которые датируются временем между 1315 и 1321 гг. А. А. Турилов предложил убедительную, на наш взгляд, датировку Псалтири второй четвертью XIV в. на основании разнообразных палеографических особенностей. Эта же датировка была – без возражений – принята мною в статье об иллюстрациях к Библейским песням и в ряде устных выступлений, еще не попавших в печать.

Между тем, Е. В. Уханова выступает за другую, более позднюю датировку рукописи – последней третью XIV в. Она опирается на две груп-

пы свидетельств: на палеографические признаки и на художественные особенности декора. Не будучи специалистом по палеографии, я не могу оценить ее доводы в этой области, однако ее аргументы в сфере художественного оформления вызывают серьезные возражения.

Начнем с орнамента. Симоновская Псалтирь украшена орнаментом двух видов: тератологическим и «балканской плетенкой». В первом из них, тератологическом, используются очень пышные и сложные, богатые композиции заставок и изобретательные конструкции инициалов, имеющих усложненные силуэты. Е. В. Уханова считает это поздним признаком, по аналогии с поздней «пламенеющей готикой». Однако, по нашим наблюдениям, тератологический орнамент новгородских рукописей развивается по другой парадигме: во второй половине – конце XIV в. он сильно упрощается, в некоторых произведениях оказывается совсем схематичным и сухим, например, в оформлении миниатюры и заставке Службника 1400 г. из Хутынского монастыря, ГИМ, Синодальное собр., № 600 [12: 179]. В начале XV в. он иногда еще встречается в более живой, но геометризированной, упрощенной форме (например, в Евангелии апракос, РНБ, Ф.п.1.19) [6: 30, 31]. Обзор памятников приводит к заключению, что как раз первая половина XIV в. была временем его расцвета. Одну из композиционных и стилистических параллелей тератологии Симоновской Псалтири (хотя и не столь пышную) мы находим в переписанном «рабом Божиим Иродионом игумену Моисею» Евангелии ГИМ, собр. Хлудова, № 29, 1323 г. [4: 233–235], то есть той поры, к которой мы склонны относить Симоновскую Псалтирь (рис. 1, 2).

Еще один аргумент в пользу датировки тератологии Симоновской Псалтири именно второй четвертью XIV в. – это близость и даже просто совпадение мотивов ее тератологических заставок с заставками так называемой Псалтири Марины, до 1343 г., ГИМ, Синодальное собр., № 235 [4: 569]. Так, например, совпадает пара начальных заставок обеих Псалтирей, хотя они используются для разных текстов [9: 387–388, ил. 2, 3]. В одном случае это заставка перед молитвой, помещенной перед Пс. 1, в другом – перед Молитвой Св. Троице, также в начале текста. Сравнение показательное, хотя и слегка затруднено поздними золотыми контурами и пятнами, внесенными в заставку Симоновской Псалтири. В обоих случаях заставка имеет силуэт, подобный завершению трехкупольного храма. В пространстве под центральной главкой, опирающейся на трехлопастную арку, изображена птица в профиль, ее голова обращена влево (от зрителя), крылья приподняты, силуэт хорошо просматривается. По сторонам от центральной фигуры изображены симметрично птицы в профиль, так что образуется осмысленная композиция, как бы трехфигурный «чин».

Обратимся к «балканской плетенке». Это всего две заставки – на л. 272 об. и 283. Не исключено, что этот орнамент, сравнительно лаконичный, избран для экономии места, которого явно не хватало писцам и художникам в конце рукописи. В обеих «балканских» заставках Симоновской Псалтири композицию образуют изгибающиеся белые ленты, обведенные тонкими киноварными линиями, с подцветкой фона бледно-голубым (не всюду). Орнаментика такого рода, с изгибом дуг и колец, отражающим свободное движение руки мастера, с относительно широкими, мощными лентами, с формами рисованными, а не начерченными, известна в мире славянской письменности. Она формируется уже в XIII в., примером чего является декор болгарского Добрейшова Евангелия (София, Национальная библиотека «Кирилл и Мефодий», cod. Slav. 17) [1: 183–187, ил. 250–251]. Еще ближе к заставкам Симоновского Евангелия стоит орнамент сербского Манойлова (Мостарского) Евангелия (Белград, Архив САНУ, cod. 343), первой трети XIV в. [3: 260–262, кат. 12; 11: ил. 5м]. Между тем, во второй половине XIV в. этот тип орнамента меняется, его формы становятся более мелкими и геометричными.

Разумеется, и в балканской, и в русской книжности могут встречаться какие-то архаические повторения старых форм «балканской плетенки» (например, в псковском Евангелии ГИМ, Синодальное собр., № 71, 1409 г.) [11: ил. 5и], но эти образцы грубее и архаичнее нашего памятника; нет никаких оснований видеть в них доказательство позднего возникновения Симоновской Псалтири.

Е. В. Уханова, анализируя орнамент Симоновской Псалтири, упоминает особую разновидность «балканской плетенки»: тот декор, который строится на геометрически точных, «циркульных» переплетающихся кругах. Он известен в XIV в. в южнославянских рукописях, но особенно широкое распространение получает в XV в., когда он становится популярным и на Руси, включая Новгород. Однако он не имеет никакого отношения к Симоновской Псалтири и должен остаться за пределами нашего внимания.

Обратимся к миниатюрам Симоновской Псалтири. Е. В. Уханова справедливо заметила особую выделенность большой миниатюры на л. 285 об., которая содержит три сцены, связанные с образом Иоанна Предтечи (рис. 3). Она соотносит эту миниатюру не с циклом предыдущих текстов и иллюстраций, а с совсем отдельным текстом «Канона к Господу...» (л. 286–291), которым завершается вся рукопись [11: 372–373]. Обратив внимание на большой размер миниатюры, которая, в отличие от почти всех других, занимает целую страницу книги, Е. В. Уханова выдвигает предположение, что композиция связана с тем неизвестным

нам монастырским храмом, для которого была предназначена вся рукопись Симоновской Псалтири и который был посвящен Рождеству Иоанна Предтечи. А поскольку Предтеченский монастырь в Новгороде на Росткиной улице был незначителен, и к тому же точное посвящение его храма неизвестно (Рождеству Предтечи или другому событию), то автор предполагает, что Симоновская Псалтирь была предназначена не для новгородского, а для псковского монастыря – женской обители во имя Рождества Иоанна Предтечи, основанной в 1243 г. княгиней Евпраксией Рогволдовной [11: 373].

Представляется, что в рассуждения исследователя вкралась ошибка. Обсуждаемая миниатюра на л. 285 об., перед заключительным Канонем к Господу (л. 286–291), связана не с этим Каноном, а с основным текстом Библейских песен – большим разделом, завершающим нашу Псалтирь, до Канона. Это Молитва Захарии (л. 285), отца Иоанна Предтечи, помещенная после 9-й Библейской песни (Богородичной).¹ Расположение миниатюры не *до* соответствующего текста, а *после* него может объясняться острой нехваткой пергамента на завершающем этапе работы над Псалтирью, трудностью рассчитать остающееся пространство для писца и художника. Предыдущие две сцены – миниатюры к Богородичной песни на л. 284 – совсем маленькие и зажатые.

Следует заметить, что в миниатюре к молитве Захарии подчеркнут именно образ Захарии, а не самого Иоанна Предтечи. В просторном верхнем ярусе представлено Благовестие Захарии. Под трехлопастной аркой, у престола под тонким киворием стоит Захария, слева к нему приближается ангел с благовествующим жестом. Надпись: «ЗАЧАТИЕ СТГО». Важно, что показаны не Захария с Елизаветой (как бывает в других вариантах «Зачатия Иоанна Предтечи»), а только Захария. Ниже – две сцены: Рождество Иоанна Предтечи (с вполне традиционной, лапидарной иконографией) и Наречение имени Иоанна. Здесь перед сидящим Захарией изображены пришедшие к нему первосвященники.

Поскольку миниатюра в нашей рукописи относится к тексту Молитвы Захарии, то акцент и сделан именно на образе Захарии, а не Предтечи. Поэтому мы снимаем вопрос о некоем Предтеченском монастыре как адресате этой рукописи.

Интересно, что миниатюры в Симоновской Псалтири в основном маленькие, они, как правило, или занимают часть страницы, или вытеснены на поле. В редких случаях целый лист отведен группе сцен из истории царя Давида. Наша же миниатюра – листовая – сближается не с такими

¹ См.: <https://azbuka.ru/bogosluzhenie/psalm/pesni.shtml> (сост. о. Тимрот).

«серийными» композициями, а с тремя начальными, парадными, так называемыми «выходными» миниатюрами этой рукописи (с изображениями Христа с Марфой и Марией; Давида, «составляющего» Псалтирь в сопровождении музыкантов; Давида, пишущего Псалтирь). Отметим, что все три начальные миниатюры рукописи исполнены разными мастерами, а наша композиция с Захарией – еще одним, четвертым мастером. Его же руке принадлежат, очевидно, сцены «Благовещение» и «Встреча Марии и Елизаветы», иллюстрирующие Песнь 9, Богородичную, на л. 384.

Как же можно объяснить создание такой – выразительной и крупной – композиции, прославляющей пророка Захарию, в конце Симоновской Псалтири? Нам представляется, что есть смысл вспомнить об имени Захарии, выдающегося новгородского писца как раз второй четверти XIV в., написавшего уже упоминавшуюся Псалтирь княгини Марины, ГИМ, Синодальное собр., № 235, до 1343 г. А. А. Турилов отмечает, что почерк основного писца Симоновской Псалтири близок, но не идентичен почерку Захарии – писца Псалтири Марины, а также писца Новгородской Первой летописи старшего извода (ГИМ, Синодальное собр., № 786), но что писцом Симоновской Псалтири Захария не был [4: 584, № 384]. Нет ли параллелей между почерком Захарии и почерком Канона к Господу (л. 286–281), завершающего рукопись Симоновской Псалтири? Вспомним, что в Лаврашевском Евангелии раннего XIV в. писцом был Иев, и последняя миниатюра изображает праотца Иова.

Разумеется, могут быть и другие объяснения большого формата нашей миниатюры. Захарией могли звать или игумена монастыря, для которого исполнена рукопись, или какого-то другого новгородского церковного деятеля.

Обратимся к первой выходной миниатюре Симоновской Псалтири, с изображением Христа и двух жен-мироносиц – Марфы и Марии (рис. 4). По мнению Е. В. Ухановой, лик Христа близок к образам Спасителя в русском искусстве конца XIV – начала XV в., а именно в миниатюре Переяславского Евангелия, РНБ, Ф.п.І.21 и в иконе «Спас» из Звенигородского чина (ГТГ).

Однако они похожи только тем, что во всех случаях изображен Иисус Христос. Лик Христа в Симоновской Псалтири впечатляет энергичной лепкой форм, силой тени и света, вдохновенной энергией. Образ из Звенигородского чина имеет другие пропорции, мягкое и нейтральное выражение, все формы словно отделены от зрителя некой дистанцией, что свойственно уже искусству XV в. В Переславском же Евангелии мы видим преувеличенную энергию позднепалеологовской миниатюры, утрированно резкую лепку,

В поисках аналогий для образа Христа в Симоновской Псалтири права О. С. Попова, сравнившая его с искусством Кахрие Джамии в Константинополе, 1315–1321 гг., в частности, с образом Христа из фрески «Сошествие во ад» [2: 125]. Можно предложить и другую аналогию из того же ансамбля, с более сдержанной характеристикой одухотворенного лица, а именно фреску из «Страшного суда» [15: 375]. Именно византийское начало сказывается и в постановке фигуры Христа – ее асимметрии, свободном распределении драпировок

Художественная концепция 10–20-х гг. XIV в., отразившаяся в ансамбле Кахрие Джамии, вполне могла всплыть – в творчестве выдающегося, но не известного нам художника – в Новгороде во второй четверти XIV в., времени, к которому мы продолжаем относить Симоновскую Псалтирь и эту миниатюру.

Обратимся к общей композиции первой миниатюры Симоновской Псалтири. Если в фигуре Христа ощутимы легкое движение, свободный ракурс, разнообразие силуэтных линий, то в композиции в целом мы видим симметричную схему. Она выявлена и центральной осью, на которой расположена главная фигура, и большими кругами, в которые заключены буквы, именующие Христа, и двумя растениями с их яркими и плоскими цветами и листьями, и тяжелыми фигурами Марфы и Марии, где силуэты почти одинаковы.

Композиция выполнена двумя мастерами. Один – приглашенный – написал фигуру Христа, а другой спланировал композиционную структуру и написал все остальное. Это был, надо думать, один из мастеров, работавших над декором этой Псалтири. Он написал Деисусный чин с апостолом Симоном и миниатюру к Библейской песни пророчицы Анны (рис. 5). Совпадают тяжелые фигуры в названных композициях и обеих св. жен в первой миниатюре, простота контуров, малахитово-зеленый цвет некоторых форм.

Об участии в первой миниатюре русского мастера-«традиционалиста» говорят и изображения растений, подобные тем, которые мы видим в миниатюре Симоновской Псалтири (рис. 6). Если учесть, что и надписи на первой миниатюре писал мастер из группы, работавшей над Псалтирью (установлено А. А. Туриловым), то наличие «коллектива» авторов первой миниатюры становится особенно заметным.

В мире византийского и древнерусского искусства при работе двух или более живописцев над единым ансамблем каждый художник, по традиции, писал свою композицию или даже их группу. Правда, как напомнила мне Э. Н. Добрынина, работа двух мастеров в пределах одной композиции встречается в миниатюрах Чикаго-Карахиссарской группы XII – раннего XIII в. Однако там «второй мастер» – лишь помощник, при-

рисовывающий схематичные архитектурные фоны к великолепным образам евангелистов [13: ill. 397–400].

Кто по происхождению был мастер, написавший фигуру Христа в первой миниатюре? По мнению О. С. Поповой – русский. Действительно, в линейности силуэта, драпировок, кистей рук слегка проступает нечто общее с русской художественной традицией. Но основа образа, бесспорно, византийская. Во второй четверти XIV в. русско-греческие контакты только еще начали возрождаться (в Новгороде упомянем новый стиль Васильевских врат 1336 г., появление греческих художников («Исайи Гречина с други») в 1338 г. для росписи церкви Входа в Иерусалим в Детинце, иконы праздников 1342 г. для Софийского собора, а в Москве – греков митрополита Феогноста в 1340-х гг.). Для русского художника, пожалуй, еще не было условий так проникнуться духом столичного византийского мастерства, как это видно по изображению Христа в первой миниатюре. Возможно, это был, напротив, грек, успевший воспринять некоторые особенности русской художественной традиции. Существуют аналогии такому явлению в искусстве второй половины XIV в. (иконы Высоцкого чина в ГТГ и ГРМ) и в более позднем [8].

Во второй четверти XIV в. новгородскую архиепископскую кафедру занимали, сменяя друг друга, два архиепископа: Моисей (1325–1330), Василий (1331–1352) и опять Моисей (1352–1359). При ком из них была создана Симоновская Псалтирь? Архиепископ Василий считается более причастным к художественным новшествам, а Моисей – якобы консервативным. Но именно с Моисеем, сохранявшим активность даже в 1330-х гг., в перерыве между пребываниями на кафедре, связана икона «Спас на престоле», исполненная в 1337 г. неким художником Михаилом, скорее всего, греком, и вывезенная в XVI в. из Новгорода в Москву (Благовещенский собор Московского Кремля) [7] (рис. 7). Именно эта икона, со специфическим жестом Христа, указующего перстом на строки Евангелия, находит параллель в одной из миниатюр Симоновской Псалтири (рис. 8).

Еще один аргумент в пользу нашей датировки Симоновской Псалтири. Некоторые серии миниатюр этой рукописи ориентированы на глубокую древность: иллюстрации к Библейским песням – на византийские образцы IX–XI вв. [5; 14], а часть маргинальных миниатюр содержит тему христианского просвещения «языков», что ведет нас в XI в., в эпоху вскоре после крещения Руси. Это говорит о весьма давнем возникновении прототипа Симоновской Псалтири, который в конце XIV в. уже вряд ли сохранял свою авторитетность.

Мы утверждаем, что ансамбль декора Симоновской Псалтири был создан во второй четверти XIV в. (возможно, в 1330-х гг.), когда новые

контакты с византийским художественным миром только еще начинались, а не в последней трети столетия, когда они активно захватили русскую живопись, а ее художественные интонации получили – и это важно – новое наполнение.

Литература

1. Джурова А. В света на ръкописите. София, 2007.
2. Попова О. С. Новгородская миниатюра раннего XIV в. и ее связь с палеологовским искусством // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 105–139.
3. Свет српске рукописне књиге (XII–XVII век). Београд, 2016.
4. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1: Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская. М., 2002.
5. Смирнова Э. С. Иллюстрации к Библейским песням в Симоновской Псалтири (ГИМ, Хлуд. 3, вторая четверть XIV в.) в контексте византийской традиции // Современные проблемы археологии. Вып. 2: Сборник статей по материалам конф. к 300-летию Библиотеки Российской академии наук 21–24 октября 2014 г. СПб., 2016. С. 345–362.
6. Смирнова Э. С. Искусство книги в средневековой Руси: Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М., 2011.
7. Смирнова Э. С. Новгородская икона 1337 года «Спас на престоле» в Благовещенском соборе и ее история // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники. М., 2009. С. 184–205.
8. Смирнова Э. С. Произведения русских иконописцев последней четверти XV века в монастыре Путна (Румыния) // Древнерусское искусство: Искусство средневековой Руси и Византии эпохи Андрея Рублева. М., 2012. С. 161–175.
9. Смирнова Э. С. Тератологический орнамент в русских рукописях первой половины XIV в.: Некоторые наблюдения // Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в средние века. К 70-летию Б. Н. Флори. М., 2008. С. 383–392.
10. Турилов А. А. Об одной группе каллиграфических рукописей первой половины – середины XIV в.: К вопросу о датировке Симоновской Псалтири // Искусство рукописной книги: Византия. Древняя Русь. Тезисы докладов междунар. конф. Москва, 17–19 ноября 1998 г. М., 1998. С. 35–38.
11. Уханова Е. В. К вопросу о датировке и происхождении Симоновской Псалтири // Современные проблемы археологии. Вып. 2: Сборник статей по материалам конф. к 300-летию Библиотеки Российской академии наук 21–24 октября 2014 г. СПб., 2016. С. 363–388.
12. Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольищенко В. С. Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея. Часть 1: Русские рукописи // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 135–231.
13. Christou P. K., Mavropoulou-Tsioumi Chr., Kadas S. N., Kalamartsi-Katsarou E. Treasures of Mount Athos: Illuminated Manuscripts. Vol. 4. Athens, 1991.
14. Smirnova E. Illuminations of Bible Odes in the Simonov Psalter of Novgorod, Moscow, State Historical Museum, Chlud. 3, and the Byzantine Tradition // Travaux et Mémoires: Mélange Catherine Jolivet-Lévy. Paris, 2016. P. 537–554
15. Underwood P. A. The Kariye Djami. Vol. 3: The Frescoes. New York, 1966.

История Иосифа и его братьев в Тихонравовском хронографе

канд. ист. наук

РГБ

email: tanisim@yandex.ru

В статье исследуется и публикуется состав оригинального рассказа Тихонравовского хронографа об Иосифе и его братьях, основанного на 22-х извлечениях из апокрифических «Заветов 12 Патриархов». Текстологическое сопоставление его с Толковой Палеей дает основание для гипотезы о том, что сокращение толковой версии апокрифа могло быть вызвано соседством с компилятивным рассказом о Иосифе и его братьях в некоем прото-хронографе – чтобы избежать в нем значительных повторов.

Ключевые слова: Тихонравовский хронограф, ветхозаветные апокрифы, библейская экзегеза, конец XV – начало XVI веков, прото-хронограф, «Заветы 12 Патриархов», Толковая Палея, сравнительная текстология.

Тихонравовский хронограф (далее ТХ) сохранился в единственном списке рубежа XV–XVI вв. в составе собрания рукописных книг Н. С. Тихонравова (РГБ, ф. 299, № 704). Рукопись не избалована вниманием исследователей. Хотя некоторые ее статьи и использовались текстологами, комплексное исследование памятника ограничивалось обзорной работой В. М. Истрина 1912 г. [7] и выборочным исследованием его хронографической части О. В. Твороговым [8: 65–67, 72–73, 82–85, 91–94]. В последнее время было предпринято издание хронографической части ТХ [1; 2] и обнаруженных в составе его библейской части семи фрагментов «Послания митрополита Климента Смолятича к пресвитеру Фоме» [4]. Также изучен сходный с ТХ текст библейской истории в интервале от смерти Авраама до Моисея, обнаруженный в библейском сборнике-конволюте из собрания Троице-Сергиевой Лавры (РГБ, ф. 304/1, № 730; далее Тр 730) в списке кон. XV в. Удалось понять, что обе рукописи восходят, независимо друг от друга, к общему источнику: некоему прото-хронографу, отразившемуся в ТХ вплоть

до Книги Чисел [3]. В данной работе объектом исследования является входящая в состав ТХ и Тр 730 история о Иосифе Прекрасном и его братьях, а точнее – входящие в ее состав извлечения из апокрифических «Заветов 12 Патриархов» (далее – Заветы).

Еще В. М. Истрин указал на тот факт, что Заветы читаются в ТХ «два раза: в редакции Толковой Палеи Коломенского типа и в виде выдержек из Заветов Иссахара, Левия и Иуды в редакции Архивского хронографа», отметив, что «в Завете Иуды вставлено толкование эпизода с Фамарью, но толкование особое, не Палейное. Такого же характера следующая затем история Иосифа» [7: 16–17].

Тихонравовский хронограф действительно использует оригинальную версию данной истории (см. Приложение). Помимо Книги Бытия и «Послания митрополита Климента Смолятича пресвитеру Фоме», она сформирована, главным образом, за счет 22 извлечений из «Заветов 12 Патриархов»: Рувима (фр. 4), Левия (фр. 10), Иуды (фр. 3, 11, 13, 15), Исахара (фр. 5, 7), Завулона (фр. 26, 29), Нефталима (фр. 8, 20), Гада (фр. 2, 28) и Иосифа (фр. 32–36). Еще три небольших фрагмента Завета Иуды вставлены во фр. 16 ТХ. Все они, хотя и переданные с некоторыми сокращениями, находят соответствие с пространной редакцией, читающейся в Тр 730 (л. 58–110) и в Архивском хронографе 60-х гг. XV в. (РГАДА, ф. 181, № 279, л. 69а–89б; далее Арх 279), наиболее близкой, как показал в 1970 г. Э. Турдеану [11], к греческому оригиналу. Для избежания значительных повторов эти обширные заимствования из «Заветов 12 Патриархов» могли в принципе повлечь за собой и сокращение их полного варианта. И действительно, ТХ (в отличие от Тр 730) использует далее краткую редакцию Заветов в версии Толковой Палеи Коломенского типа [9: 96–145]. Возникает вопрос: не могла ли последняя быть следствием создания компилятивного рассказа о Иосифе и его братьях в прото-хронографе, отразившемся в ТХ и Тр 730? Как показало предварительное исследование, эта гипотеза не лишена смысла.

Для начала заметим, что 12 из 19 ее фрагментов вообще не имеют пересечений с толковой версией: фр. 3, 11 (Завет Иуды), фр. 5, 7 (Завет Исахара), фр. 8 (Завет Нефталимов), фр. 26, 29 (Завет Завулонов) и фр. 32–36 (Завет Иосифа), а три извлечения из Завета Иуды во фр. 16 вошли в нее лишь начальными фразами.

Фр. 2, 4, 13, 15, 20, 28, хотя и имеют сюжетные совпадения с Толковой Палеей, выглядят в этих местах существенно переработанными либо сокращенными. Приведем лишь три примера (подчеркнуты параллели):

Завет Гадов

ТХ 2 (полная ред.)

и пасе съ братьею своею до 30 днии, младъ и сыи, огорѣ от зноя. и възвратися в Хевронъ къ отцю нашему, яко любляше зѣло отець. и рече Иосифъ къ отцю нашему, яко сынове Зельфини и Валини заколають добръишая и ядятъ отаи Июды и Рувима. видѣ бо брата нашего Гада, яко из(ъ)я агнецъ из оустъ мѣдвѣдица, и снеде агнецъ, а ону оумори, яко скорбяше ногама. и храня ношьноюу паствиноу, егда приидяше левъ или волкъ, или рысь, или мѣцка къ стаду, и сии постигаше ю и емь за ногу, раздѣраш(е) ея и вержаше мяса за два престрѣла, и тако убиваше их -:- (л. 85)

ТХ 51 (толковая ред.)

Призва оубо Гад сыны своя и рече: азъ девятый сынъ Иаковль, родихся и бѣх крѣпокъ, о паствиѣ азъ храня ношю стада, или приходящи ношю левъ, или инь звѣрь, и оубивах я, и единою же исторгохъ агнецъ от оустъ зверей, и заклавъ и снидох. -:- **О гневѣ Гадовѣ.** -:- Видивъ же братъ мои Иосифъ, поведя отцю, рекъ: заклавъше паствиноу, не дадятъ сынове Зельфини и Валины, и гнѣвень бых о словеси семь на Иосифа, и доухъ гнѣвень бѣ на мнѣ, и не хотяъ ни очима видѣти его, ни слухомъ слышати Иосифа. и хотѣхъ от земля потеряти живѣть его, и якоже питираеть телець злакъ земны (л. 125)

Завет Рувимов

ТХ 4 (полная ред.)

соущимъ намъ в Гадори близъ Еоуфрафы Вифлеома. Вала же быше наложница отца нашего, оупилася и спавше не покрывшися, легши въ хлевинѣ своеси. и влѣзь Рувимъ и видѣ нагоу ея, и створи безаконіе, и оставивъ ю спящу, изыиде. -:- **Явися аггель Божіи Иакову о безаконіи сына его, яко хотяше господь оубити сына его, аще не бы отецъ нашъ помолился за ны 7 мѣсяць и болѣ до смерти и 7 лѣт вина и олу и мяса не вниде въ оуста его, и всякого хлѣба по воли не вкуси, понеже ложе отца оскверни, донелиже показа Еолоу господь, яко отецъ много молися за нь, яко всѣхъ любяше ны** -:- (л. 86 об.)

ТХ 43 (толковая ред.)

Посемъ же въ второе лѣто Рувимъ, старшей сынъ Иаковль, впаде в болезнь и призва к себѣ братъ(а) и чада своя, простре к нимъ словомъ покаанію. и рече: сыгрѣших с Валою рабоу отца своего. то аще отецъ мои не бы молилъ бога, то аггель господень оубил бы мя. азъ же за 7 лѣт вина и олоу не вкоусих, и мясо не вниде въ оуста моя за 7 лѣт блуднаго ради сыгрѣшенія. нынѣ же послушайте мене, чада Рувимова, отца своего. еже видѣхъ 7 доухъ прелестныхъ, посылаема суть от врага... (л. 107 об.)

Такой «умеренный» повтор вполне уместен в контексте общего повествования хронографа, поскольку братья Иосифа, рассказывая о своей жизни и каясь в прегрешениях, не могли не упомянуть, в чем именно последние заключались.

Несколько сложнее обстоит дело с Заветом Левия (фр. 10, л. 87 об.–89 об.), хотя и в данном случае размер двух его дублей не столь уж велик относительно всей величины завещания этого Патриарха (ср.: Арх 279, л. 71 об.–78 об.). Первый повтор: «бывшую ми въ Влесемаоуле ... яко от тебе и от Иуды явится господь челоувѣком, спаса събою весь родѣ челоувѣческѣи» (л. 87 об.–88) выглядит в ТХ простым сокращением про странной редакции, сходной в данном конкретном случае с толковой.

Происхождение второго дубля уже не столь очевидно, в связи с чем нам придется подключить здесь к текстологическому сравнению и полную редакцию Завета Левгия в варианте Архивского хронографа и Тр 730:

ТХ 10 (л. 88 об.–89) и Тр 730 (л. 19)

И видѣхъ семь
моужъ въ одежи бѣли,
глаголюще ми: вѣставъ,
облечися въ одеждоу
святительства
и в венецъ праведных
и въ плащеницю
разума и въ оноуцю
истинны
и в ѡфудъ пророчества,
и кождо от них кождо
носящи, възложиша на мя.
и рѣша: отнынѣ боуди
жрецъ господень ты и
племя твое до вѣка.

и первыи помаза мя
масломъ святымъ
и да ми жезлъ помазаніа.

Тр 730 (л. 67–67 об.) и Арх 279 (л. 72 г)

видѣхъ 7 мужъ въ одежи
бѣлѣ, глаголюще ми:
вѣставъ, облечися въ
одежду святительства
и въ вѣнецъ правды,
и въ плащаницю
истинны¹ и разоума
и въ онуцу мира²,
и въ завѣсу вѣры, и въ
остежь напръстную
и въ ефуд пророчствіа,
и кто от них кождо
носяще, възложіша на мя.
и рѣша: отнынѣ буди
жрецъ господень живвыи,
племя твое до вѣка.

И пръвѣи помаза мя
масломъ святымъ,
и да ми жезлъ помазаніа.

ТХ 95 (л. 113–114):

толковая ред. видѣ
семь моужъ въ одежи
бѣлѣ, глаголющи:
вѣстани и облечися

в завѣсу вѣру и въ
остежну присною
и в ѡфудъ пророчствіа,
и киждо от них кождо
нас аще възложиша
на мя.
и рѣша: отсюдо боуди
жрецъ господеви
ты и сынове твои
и племя твое к нему
от вѣка. -:-

Первыи помаза мя, рече,
масломъ святымъ,
имъже мажутся

¹ Тр 730: святая.

² Арх 279: правды.

и вторыи мя омыи
водою чистою

и напита мя хлѣба внѣ
спасаа³ святыхъ,

възложи на мя одеждоу
славну и святоу;

третии же вусину
ми наложи подобноу
ефудоу;

четвертыи поасомь мя
яко
багряннымъ опоаса;

вторыи омыи мя водою
чистою;

третіи вусуну⁴ ми
наложи подобну ефуду;

четвертыи поясом мя
опояса подобнымъ
багру;

хрестъяне, стоаще оу
святои купели, тогда
обещаетея господеви,
и жизнь вѣчноую
приемлють. :-
вторыи же омыи
мя водою чистою,
сирѣчь три кратымъ
погружениемъ и во имя
отца и сына и святого
доуха, и напита мя, рече,
хлѣба животна въ святаа
святыхъ, сирѣчь святого
комьканія въ церкви
господни,
и възложи на мя
одеждоу святоую
и славную, сиречь
небеснаго царя
знаменіе крещеніе.
сію бо одеждоу видѣвше
аггели небесніи,
възрадовашася; сію
бо одеждоу видѣвше
славную полци
дѣмоньстіи побѣжаются.
:-

Третіи же, рече, висинну
ми началоподобную
ефиду, потому
іерѣиствовати до
времени, а на вѣки
вда ми ся, сиречь
единъ бо есть в вѣки
пребываа Ісоушь богъ по
чиноу Мелхиседекову
іерѣиства. :-
Четвертыи поасомь
поаса (м)я не посредѣ,
но по долнѣи части тѣла
моего, подобень же

³ Арх 279: истины.

⁴ Арх 279: вусину.

<p>пяты вѣтвени масличну поидеть насыщенія;</p>	<p>пяты вѣру⁵ ми масличною подасте насыщенія;</p>	<p>поась бысть багру. -:- Пяты вѣроу ми подасть насыщеніе, сиречь егуа(гге)льских словесь и апостольских словесь; ти оубо слышастіи моученици на опольченіе врагу подвизашася.</p>
<p>6(-и) вѣнецъ ми на главу възложи;</p>	<p>шестыи вѣнецъ ми на главу възложи;</p>	<p>шестыи же венець ми на главу възложи; ти мученици подвизашася поистиннѣ вѣрѣ и величашася. -:-</p>
<p>7(-и) свясло чистительства на мя възложи, исполни оуши мои темъана, яко жрети ми господеву.</p>	<p>седмыи оувясло чистительства възложи на мя и испльніи руцѣ мои фѣмiana, яко жрети ми господеву.</p>	<p>Седмыи оувясло чистительства на мя възложи, исполни ми руцѣ темъана, яко жрети ми господеву.</p>

Очевидна разница между полным и толковым повествованиями, причем эти расширения (за счет толковых комментариев, маркированных, как правило, словом «сиречь») имеет сокращенная толковая редакция. Отметим, что одно из ее первичных чтений, отсутствующих в Арх 279 и Тр 730, читается и во фр. 10 ТХ: «и напита мя хлѣба внѣ, спасаа святых, възложи на мя одеждуу славному и святоу» (ср. с греч.: καὶ ἐψώμισέ με ἄρτων καὶ οἶνον, ἄγια ἀγίων, καὶ περιέθηκέ μοι στολήν ἁγίαν καὶ ἔνδοξον [10: 33]). Маловероятно, чтобы оно появилось в ТХ результате сверки его составителем двух версий Завета Левия: поскольку на остальных различиях этот процесс никак не отразился. Значит, общая ошибка Тр 730 и Арх 279 возникла, скорее всего, в их общем протографе.

Итак, сопоставление толковой и пространной версий «Заветов 12 Патриархов» с компиляцией в рассказе о Иосифе и его братьях ТХ и Тр 730 обнаруживает либо отсутствие ее фрагментов в толковой версии (15 из 22), либо их явную переработку и (или) сокращение в толковой редакции (6 из 22). Исключение составляет первый дубль в извлечении из Завета Левия (фр. 10), который сам подвергся сокращению. Является ли случайностью выявленная закономерность, покажут дальнейшие исследования.

⁵ Арх 279: вѣтвь.

Приложение
Состав рассказа об Иосифе и его братьях
в Тихонравовском хронографе⁶
(РГБ, ф. 299, № 704, л. 84 об. –130 об.)

1. оусели же ся Іаковъ, идѣже обѣта отецъ его в земли Ханаони... и запрети емоу отецъ, да не повѣсть братіи своеи. – Быт 37:1–2, 5–7, 9–11 (л. 84 об.–85)

2. и пасе съ братьею своею до 30 дніи, младѣ и сыи, огорѣ от зноя... и вержаше мяса за два престрѣла, и тако убиваше их. – Завет Гадов (л. 85)

3. Іюда же, братъ нашъ, и тѣи силенъ бѣше, ловы дѣя... а отецъ нашъ Іаковъ Раваиль. – Завет Иудин (л. 85–86 об.)

4. соушимъ намъ в Гадори... яко всѣхъ любяше ны. – Завет Рувимов (л. 86 об.)

5. И Рахиль любляше ны... и мене дѣля работа отцю моему лѣт 14? – Завет Исахаров (л. 86 об.–87)

6. и ты бо веси, колико притерпѣ Іаковъ от отца нашего... и обогатися Іаковъ овцами паче отца нашего Лавы. – Быт 37:6–8, 11; 36:38–39, 43 (л. 87)

7. и възлюбилъ мене паче тебе... яко хотѣвши яблокъ неизыгрызенныя вдаа в домъ господень. – Завет Исахаров (л. 87–87 об.)

8. И паки Рахиль ревнующи вдасть в себѣ мѣсто... кромѣ спѣха моего дще. – Завет Нефталимов (л. 87 об.)

9. И дасть Ла(ва) Ліи рабоу Зельфоу... И посла к нимъ отецъ нашъ Левгіа, брата нашего, да обрѣжются. (л. 87 об.)

10. бывшо ми въ Влесемаоуле... и не мози, чадо, гнѣва имѣти на никогоже въ сердци. – Завет Левиин (л. 87 об.–89 об.)

11. Сътвори же миръ отецъ нашъ съ Исавом... и пояхъ жону, та же бѣше от Хананѣи. – Завет Иудин (л. 89 об.–90)

12. Влезохъ к неи, заченъ, роди сынъ... жону, сиже имя Фамара. – Быт 38:2–6 (л. 90)

13. от Межюрѣчіа дщерь Арамовоу. бѣ же Иръ лоукавъ... от нея имѣти чадо. – Завет Иудин (л. 90)

14. рече же Іюда къ Анану... не въсхоти еа. азъ же – Быт 38:8–9 (л. 90)

15. оуневѣстѣхъ емоу Фамару... И ходящю же ми нѣгде, – Завет Иудин (л. 90–90 об.)

16. рекохъ Фамарѣ, невести своєї: дондеже великъ боудеть Силомъ... и потомъ не прилипихъ к неи в животѣ моемъ. – Послание Климента Смолятича, фр. I с тремя вставками из Завета Иуды⁷ (л. 90 об.–91)

17. Смотри же, како ти Фамара взимаеть от Іюды законъ... Зара же – иже от языкъ, – Послание Климента Смолятича, фр. II (л. 91–91 об.)

18. вѣрноу облѣжаху добротою. :- [Т]ако же Іаковъ Ізраиль поиме Лію... того ради отца идолы окраде. – Послание Климента Смолятича, фр. III (л. 91 об.–92)

⁶ Текст передан в упрощенной орфографии, с раскрытием титлов. Полуужирным шрифтом выделены киноварные заголовки в рукописи.

⁷ 1) «приведе сыну своему Силомоу жену от земля Ханаоньски... и оумре въ лоукавствѣ сыновъ своих» (л. 90 об.); 2) «седе пред градомъ въ вратехъ... не познахъ еа от пѣнства» (л. 90 об.); 3) «призвавъ ю, слыша словеса, юже глаголахъ лежа с нею... не прилипихъ к неи в животѣ моемъ» (л. 91).

19. И виждь, како ти оправдається Июда Фамора... и оудалившюся от бога, к себѣ приближить его приведе. – Послание Климента Смолятича, фр. IV (л. 92)

20. И виждь смотри хитреца бога, како створи чловѣку 5 чювьствъ въ главѣ... молно вы помазати Мафары, како зачатъ от Июды Зара и Фареса. – Завет Нефталимов с доп. (л. 92)

21. пишеть бо еѡнгелистъ: Июда роди Захара и Фареса... Въозь роди Овида от Руфы. – Послание Климента Смолятича, фр. V (л. 92–92 об.)

22. [Т]аже не потязаетъ божественое Писаніе... Но да заградятся оуста глаголющимъ на бога неправдоу. – Послание Климента Смолятича, фр. VI (л. 92 об.)

23. Магѣфи бо и Лоука, честнаа еѡнгелистиста... пречистая девица і владычица наша богородица приснодевы Маріа. – Послание Климента Смолятича, фр. VII (л. 92 об.–93)

24. сіа же доселе писана быша, яже от Заре и Фарісеа, яко нѣ(ц)и потязаютъ рожество ею от Мафарь. (л. 93)

25. Си же вся быша в Сухуме и Июдѣи живоущи... яко звиріе дівии, и въсхотѣша его оубити. – Ефрема Сирина «Слово о Иосифе Прекрасном» (л. 93–93 об.)

26. бяху бо ся свещали на ны, и яко приде Симеонъ и Гад... приставиша блюсти его, дондеже проданъ бысть. – Завет Завулонов (л. 93 об.)

27. пьющимъ же им и веселящимся в радости велице. ...извлекоша его изо рва, яко звѣріе дівии. – Ефрема Сирина «Слово о Иосифе Прекрасном» (л. 93 об.–94)

28. шедше Семеонъ и Гад продасть измалитомъ на 30-тих златицах, и 10 скривъшая, а 20 показаша намъ. – Завет Гадов (л. 94)

29. и рекохом к себѣ: не изъядимъ их, яко цена есть крови брата нашего, но купимъ себѣ сапоги... и створиша тако, якоже Данъ рече. – Завет Завулонов (л. 94)

30. И слышавъши же Вала, наложница Іаковля... и быша три печали Іакову въ единъ мѣсяць. – апокрифическое «Бытие Исавле» (л. 94)

31. Измаилить же, поимаше Иосифа, доидоша мѣста подрома... и текъ, паде на гробѣ, плачася. они же въздвигше и емше его съ гнѣвомъ, – Ефрема Сирина «Слово о Иосифе Прекрасном» (л. 94)

32. приведоша въ Егѣпетъ и сваряхуся о мнѣ... не видѣ, что глаголеши. Петефрии же рече: – Завет Иосифов (л. 94–94 об.)

33. да како есть оу тебе отрокъ жидовининъ... яко на сребрѣ его проданъ еси намъ. и онъ отпусти ны – Завет Иосифов (л. 94 об.–95)

34. възвѣсті же Мемфию моужю еа, да мя купить... да не бьень будетъ емнух. – Завет Иосифов (л. 95–95 об.)

35. пришедшо же ми в домъ Петефреевъ... съхраних ея на обличеніе твое, – Завет Иосифов (л. 95 об.–96 об.)

36. да некогда видѣвши ея, покаешися... яко господа ради моего глаголахъ се, а не она деля – Завет Иосифов (л. 96 об.)

37. и аще же сердце еа пребываше въ блуженіи... онъ же всади его в темницю (л. 96 об.–97)

38. по сих же старишина хлѣбарекъ и старешина меда... и дааше имъ пше ницу и хлѣбъ до сытости. – краткий пересказ Быт 40:1, 3, 22; 41:1–34, 37–42:3, 9; 43:15; 45:4, 18, 21–23; 46:5–7, 26; 47:11–12 (л. 97–97 об.)

39. И призва Иаковъ сына своего Иосифа, и рече ему... яко послѣдній законъ боли перваго есть. – Толковая Палея (благословение Иаковомъ сыновей Иосифа) (л. 97 об.–98 об.)

40. по семь оубо рече Иаковъ къ възлюбленному сыноу своему Иосифу: собери ми братью свою... бысть же оубо всѣхъ днѣи жѣтіа Иако вля лѣт 100 и 40 и 7 лѣт. – апокриф «Благословение Иаковле сыновъ своихъ» в редакціи Толковой Палеи (л. 98 об.–104 об.)

41. сынове Израилеви, вся его серъдоболя, погребоша Израила своего въ гробъ в пещери Сугуби... жить же Иосифъ лѣт 100 и 10, и видѣ Ефремля дѣти до третьаго род(а) сыны Махеровы сына Манасиина. – Толковая Палея (разговор Иосифа с братьями) (л. 104 об.–105 об.)

42. и видѣвъ Иосифъ день, недалече отстояща от себе... жить же Иосифъ лѣт 100 и 10 и оумре. – Завет Иосифов (Толковая палея) (л. 105 об.–107 об.)

43. По семь же въ второе лѣто Рувимъ... оумре Рувимъ, первенець сынъ Иаковль единъ, живъ лѣт 100 и 20 и 5. – Завет Рувимов (Толковая палея) (л. 107 об.–108 об.)

44. Бысть же оубо Семеонъ вторыи сынъ Иаковль... принесоша в рать егѣпетскоую отаи. – Завет Семионов (Толковая палея) (л. 108 об.–110 об.)

45. **о Левгѣи и о виденіи его.** -:- По семь же Левгѣи, тре(те)и сынъ Иаковль... и послѣ же положень в Хевронѣ, идеже Аврам, Исакъ, Ияков. – Завет Левгѣин (Толковая палея) (л. 110 об.–116 об.)

46. По семь же Июда, четвертыи сынъ Иаковль... и погребоша и в Ховроне съ отци его. – Завет Иудин (Толковая палея) (л. 116 об.–120)

47. **завѣтъ Сахаровъ о доброуміи.** -:- По семь оубо Сахаръ призва сыны своя... живъ лѣт 100 и 20 и два. – Завет Исахаров (Толковая палея) (л. 120–121)

48. **завѣтъ Зауолонъ о милосердіи.** -:- Призва оубо Зауолонъ сыны своя... и положиша в тои пещерѣ съ отци моими. – Завет Зауолонов (Толковая палея) (л. 121–122)

49. **з(а)вѣтъ Дановъ о ярости.** -:- Призва оубо Данъ сыны своя... бысть же всѣхъ лѣт живота его 100 и 20 и 5. – Завет Данов (Толковая палея) (л. 122–123 об.)

50. **В писаньи завѣта Невталима, сына Иаковля осмаго сына Валина, раби Рахилины, о естественнѣи благодати.** -:- Нача оубо глаголати: послушайте мене, Невталима... погребенъ бысть в Хевронѣ в тои же пещерѣ. – Завет Нефталимов (Толковая Палея) (л. 123 об.–125)

51. **Вписанье завѣта Гадова о ненависти.** Призва оубо Гад сыны своя... и се бысть Гад сынъ Зельфинъ первыи. – Завет Гадов (Толковая палея) (л. 125–126)

52. **завѣта Асирова⁸ о злобѣ и о доброуміи.** Послушайте, рече, чада, Асирова, отца вашего... Асиръ, сынъ Иаковль, десятыи сынъ Зельфинъ. – Завет Асиров (Толковая палея) (л. 126–127 об.)

53. Призва оубо Венъямины сыны своя... и бысть всѣхъ лѣт его 100 и 20. – Завет Вениаминов (Толковая палея) (л. 127 об.–129 об.)

54. вси же сынове Ияковли сконъчашася въ Египтѣ... разсыплотся в пагу-боу и оукору азыкомъ. – заключительная статья «Заветов 12 патриарховъ» (Толковая Палея) (л. 129 об.)

⁸ В ркп.: Фсирова.

55. [С]ынове же Иосифови бѣша въ Егюптѣ доушь 500, а всѣхъ 70 тысушен и 5. – (л. 129 об.)

56. и всели (и)х Иосифъ в земли Арамасинѣ въ Егуптъ... и скончяся Иосифъ, и погребоша его в рацѣ въ Егуптъ. – Быт 47:11–14, 17, 20–24, 26, 28–29; 48:21; 49:1–2, 33; 50: 2–5, 7–8, 10–11, 15–22, 24–26 в сокращ. (л. 129 об.–130 об.)

57. и плакашася по немъ братіа его и оба сыны *Иосифовы*.⁹ и фараонъ съ всѣми людьми плакашася по немъ, поминая его вся добраа делеса. (л. 130 об.)

Литература

1. *Анисимова Т. В.* Тихонравовский хронограф: Исследование, публикация текста. Часть 1 // Летописи и хроники: Новые исследования. 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 1–166.

2. *Анисимова Т. В.* Тихонравовский хронограф: Исследование, публикация текста. Часть 2 // Летописи и хроники: Новые исследования. 2016–2017. М.; СПб., 2017. (в печати).

3. *Анисимова Т. В.* Фрагмент Тихонравовского хронографа в библейском сборнике Троице-Сергиева монастыря // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. (в печати).

4. *Анисимова Т. В.* Фрагменты «Послания митрополита Климента Смолятича к пресвитеру Фоме» в Тихонравовском хронографе // *Palaeoslavica*. 2017. (в печати).

5. *Грищенко А. И.* Славяно-русский апокриф «Благословение Иаковле сыном своим»: Текстологические и лингвистические наблюдения // *Slavëne*. Вып. 1. М., 2015. С. 129–158.

6. *Грищенко А. И.* Тексты-связки между апокрифическими «Благословениями Иакова» и «Заветами двенадцати патриархов» в Палеях и отдельной редакции «Заветов» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 35–36.

7. *Истрин В. М.* Особый вид Еллинского летописца из собрания Тихонравова // *ИОРЯС*. 1912. Т. 17. Кн. 3. С. 1–30.

8. *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. М., 1975.

9. *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. Т. 1. СПб., 1863.

10. *Jonge M.* The Testaments of the Twelve Patriarchs: A Critical Edition of the Greek Text. Leiden, 1978.

11. *Turdeanu É.* Les testaments des Douze Patriarches en slave // *Journal for the Study of Judaism*. 1970. № 1/2. P. 148–186.

⁹В ркп.: его Осифъ.

Новгородско-литовские отношения и судьба Виленского списка Летописи Авраамки*

*д-р филол. наук
ИРЛИ, СПбГУ
email: abobrov1960@yandex.ru*

Статья посвящена истории открытия рукописи (БАН Литвы, F 22-49) и кодикологическим свидетельствам ее бытования. На основании наблюдений за сменой чернил и сортов используемой бумаги сделано предположение о том, что сохранившийся список – это писцовая копия с чернового автографа Летописца (предположительно, Пахомия Серба), создававшаяся в три этапа: часть до конца основного источника (1446 г.), часть до декабря 1462 г., часть с конца мая 1463 г. до 1469 г. Перерыв в работе между второй и третьей частью летописи коррелирует с предполагаемым временем отъезда Пахомия Серба из Новгорода в Москву и Кирилло-Белозерский монастырь. Перемещение официального экземпляра новгородской летописи за пределы республики, в Литву, весьма вероятно, было связано с отъездом с новгородского княжения Михаила Ольельковича (1471 г.).

Ключевые слова: Летописание, кодикология, Великий Новгород, Пахомий Серб, Литва, князь Михаил Ольелькович.

Сборник, именуемый «Летописью Авраамки» (совр. шифр: БАН Литвы, F 22-49; далее ЛА), впервые был опубликован в серии «Полное собрание русских летописей» А. Ф. Бычковым и К. Н. Бестужевым-Рюминым [6]. Виленский (Вильнюсский) список Летописи Авраамки сохранил, наряду с другими литературными памятниками, единственный полный текст последнего периода новгородского летописания – с 1447 до 1469 г. Он создавался в кругах, близких двум новгородским архиепископам: Евфимию II Вяжищскому и Ионе Отенскому. Для него характерно, как отметил А. А. Шахматов, описание «только тех событий, в которых то или иное участие принимал новгородский владыка» [8: 239].

Первые издатели датировали весь Виленский сборник по записи 1495 г. смоленского книжника Авраамки, однако исследования послед-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10137.

них десятилетий показали, что рукопись состоит из двух разновременных частей. Как отметила в своей статье 1995 г. Н. А. Морозова, «впервые на это указывал Б. Клосс; А. Турилов подтвердил его предположение при знакомстве с рукописью *de viso* в октябре 1995 г. и датировал “русскую” часть последней четвертью XV в.» [5: 26]. Впоследствии Н. А. Морозовой было установлено, что вся древнейшая часть рукописи (л. 1–435 об.) датируется по филиграням еще более ранним временем, чем думал А. А. Турилов, – рубежом 1460-х и 1470-х гг. [4: 75–79]. В связи с отнесением древнейшей части сборника к концу 1460-х – началу 1470-х гг. было высказано предположение, что, поскольку летописный текст доведен до 1469 г., столь ранняя датировка списка позволяет считать дошедшую до нас рукопись если не самим оригиналом, то его непосредственной копией, очень близкой к нему по времени создания [2: 230].

В своей начальной части (до 1309 г.) ЛА является компиляцией, соединяющей различные источники, в том числе родственные Кирилло-Белозерскому своду 1472 г., Краткому новгородскому летописцу, Новгородской пятой и Рогожской летописям. С конца статьи 1309 г. вплоть до известия 1446 г. о дороговизне ржи в Новгороде ЛА близка к Новгородской пятой летописи. Текст основного источника ЛА – Новгородской пятой летописи – заканчивается на середине статьи 6954/1446 г. (о дороговизне ржи), здесь же обнаруживается смена пера и чернил, свидетельствующая о перерыве в работе книжника. Со следующего л. 268 сменяется и сорт использованной бумаги: вместо филиграни «Якорь» появляется филигрань «Голова быка». А. А. Шахматов показал, что далее создатель ЛА вновь «приступил к списыванию Новгородской 4-й летописи» вплоть до известия 6955/1447 г. «о прибытии в Новгород псковских послов и о заключении мира по старине» [8: 239]. После этого небольшого фрагмента весь дальнейший текст ЛА, от известия о закладке церкви Богоявления (6955/1447 г.) до пожара на Щеркове улице (6977/1469 г.), не находит соответствия в других памятниках и содержит единственную полную версию официального новгородского летописания почти за четверть века (см. табл. 1).

**Таблица 1. Соотношение содержания сборника ЛА
и водяных знаков бумаги**

№	Содержание	Филигрань
1	Л. 1–267: ЛА от Адама до 1446 г.	«Якорь» (первая пол. 1460-х гг.)
2	Л. 268–313: ЛА за 1447–1469 гг.	«Голова быка» (1466, 1473)

№	Содержание	Филигрань
3	Л. 314–364: Летописный отрывок за 945–988 гг. типа Новгородской четвертой летописи.	«Голова быка» (1466, 1473) + в конце «Корона» (1464)
4	Л. 365–434: Родословные списки типа Комиссионного списка Новгородской первой летописи младшего извода.	До л. 387 «Якорь» (первая пол. 1460-х гг.) + в конце «Корона» (1464)
5	Л. 435: «Повесть о тверском епископе Арсении»	«Корона» (1464)
6	Л. 436–450: «Летописец великих князей литовских», 1495 г.	«Голова быка» (1493–1503)

В рукописи уникальная часть ЛА занимает около 50 листов (л. 268–313), при этом сам летописный текст за 1447–1469 гг. также неоднороден, в нем обнаруживаются важные отличия между двумя частями. Первая часть охватывает 1447–1457 гг., а вторая – 1458–1469 гг. Если за период 1447–1457 гг. мы имеем всего 20 точных дат, то последние годы (1458–1469 гг.) наполнены точными календарными указаниями: встречается 76 таких дат за 12 лет. Заметно изменяется не только количество, но и характер употребления точных дат. В известиях 1447–1457 гг. почти всегда указывались дни недели, в которые происходили описываемые события и указывалась датировка по подвижным праздникам, а во второй части, в тексте за 1458–1469 гг., это делалось существенно реже. Уточнение времени описываемых событий в первой части производилось исключительно описательно (порану, по обеде, на ночь) и никогда не указывался «час», а во второй части неоднократно используются указания на точный час происходивших событий. Граница между двумя вариантами количественных и качественных характеристик упоминания точных дат находит соответствие в смене новгородских архиепископов в 1458 г.: 10 марта умер Евфимий II, а 19 марта был избран его преемник Иона. Это наблюдение приводит нас к выводу, что дошедший до нас уникальный фрагмент владычного летописания за 1447–1469 гг. создавался по меньшей мере двумя авторами, один из которых работал при владычестве архиепископа Евфимия II (ему принадлежит текст до конца годовой статьи 6965/1457 г.), а второй – с 6866/1458 г. до конца текста – при архиепископе Ионе. Одно из них мы называем «летописец Евфимия», а другого – «летописец Ионь».

Летописец Евфимия работал, очевидно, в Юрьевом монастыре. Он проявил детальное знание юрьевской топографии и времени начала пожара в монастыре, указал место захоронения и точную дату похорон

в Юрьевом монастыре княгини Марии, жены князя Александра Чарторыйского, при этом не упомянув ни места, ни времени, ни обстоятельств ее смерти. Ясно, что летописец Евфимия видел и описывал современные события, глядя на них из Юрьева монастыря, причем непосредственный источник ЛА, Новгородская пятая летопись, создавалась, судя по ее специфическим чтениям, в соседнем Пантелеймоновом монастыре, исторически тесно связанном с Юрьевым монастырем [2: 221].

Летописец Евфимия описывал события, связанные как с архиепископом, так и с княжеским домом (точные даты он проставлял намного чаще при описании последних). Такое необычное соединение двух летописных традиций оказалось возможным благодаря присутствию в Великом Новгороде в конце 1440-х – середине 1450-х гг., причем именно в Юрьевом монастыре, семьи и двора великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки. Когда во время феодальной войны Дмитрий Юрьевич искал для своей семьи безопасное место, он, как мы узнаем из летописи Евфимия, обратился к новгородцам с просьбой принять «княгыню и сына Ивана». В ответ на просьбу Шемяки «архиепископъ владыка Еуфимии и Великия Новъгородъ приаща княгиню великую Софью и сына Ивана в честь, и въѣха в осенинѣ въ Юрьевъ манастырь». Таким образом, текст владычного новгородского летописания за 1447–1457 гг. принадлежит перу книжника, который трудился при архиепископе Евфимии II, судя по всему, в Юрьевом монастыре, и в равной степени описывал события как связанные с архиепископом, так и с княжеским домом, создавая тем самым своего рода совместное «владычно-княжеское» летописание. Хотя имеются веские основания утверждать, что летопись велась в стенах Юрьева монастыря, вовсе не обязательно причислять ее автора к черному духовенству. Он мог быть иноком, но мог быть и дьяком великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки или архиепископа Евфимия II; можно предположить и совместное ведение летописи владычным и княжеским книжниками [1].

Совершенно иной характер имеет дальнейший текст летописи. После окончания текста, созданного летописцем Евфимия II, следующее известие ЛА открывает новую статью 6966/1458 г.: «Преставися преосвященный архиепископъ Великаго Новагорода и Пьскова владыка Еуфимей мѣсяца марта въ 10, 2 часа нощи, на память святого отца Софрония архиепископа Ерусалимьскаго... Мнимъ его свята...». Все хронологические признаки этого известия (указание на день, месяц и час события, указание на неподвижный праздник памяти святого, отсутствие указания на день недели и на подвижный праздник) говорят о том, что его автором является уже не летописец Евфимия, а его преемник – летописец Ионы. С литературной точки зрения летопись за 1458–1469 гг. является незаурядным

произведением. Летописец Ионы охотно использует риторические приемы, выработанные представителями школы «плетения словес»: нанизывание эпитетов, троекратные повторы, эмоциональные восклицания. Автор заключительного новгородского текста ЛА за период до 1469 г. был весьма искусственным в литературе официальным владычным летописцем: на смену «деловому» стилю новгородского летописания предшествующих веков он принес ярко окрашенный «экспрессивно-эмоциональный» стиль, наполнив свою летопись молитвами, восклицаниями и обширными цитатами из священных текстов.

Неоднородность уникального текста ЛА, который «начиная с 1458 г. становится более литературно отделанным», позволила допустить возможность участия в создании его заключительной части Пахомия Серба [2: 233], который как раз в 1458 г. вернулся в Новгород и выполнял литературные заказы архиепископа Ионы. Анализ упоминаний монастырей в части ЛА за 1458–1469 гг. подтверждает нашу мысль о тождестве летописца Ионы и Пахомия Серба. Для летописца Ионы характерен особый интерес к двум находившимся неподалеку друг от друга монастырям: Хутынскому Спасо-Преображенскому и Николо-Островскому. Если Хутынский монастырь и его основатель преподобный Варлаам часто упоминаются летописцем в первой половине повествования, то события в Николо-Островской обители привлекают его внимание начиная со второй части произведения.

Говоря о благополучном возвращении в Новгород из Москвы владыки Ионы в 1459 г., летописец замечает: «преподобнаго Варлама молитвою». Далее в статье 1460 г. находится текст Чуда Валаама Хутынского об умершем отроке. Из Жития архиепископа Ионы известно, что владыка повелел именно Пахомию Сербу «въсписати чудо сие преподобнаго Варлама». Согласно Л. А. Дмитриеву, Пахомий в 1470-х гг., перерабатывая собственную более раннюю редакцию Жития Варлаама Хутынского, включил в нее дополнительные чудеса, в том числе и переработанное им Чудо об умершем отроке [3: 31]. Наконец, в статье 1462 г. описание пожара в Хутынском монастыре показывает прекрасное знание летописцем точных обстоятельств и мельчайших подробностей этого события («възгорѣся огонь у гроба святого Варлама отъ свѣщи... всяку ютварь, злато, и сребро, и камень, и жемъчюгъ, и паволока, и жезль святого Варлама, и свѣщи, и все драгое, вся огнемъ сожъже»).

Если 8 июня 1462 г. летописец Ионы еще находился в Хутынском монастыре, то 1 апреля 1464 г. он, судя по всему, уже был свидетелем чуда в соседнем только что основанном Николо-Островском монастыре, который появляется как в летописях, так и в актовом материале только на-

чиная с 60-х гг. XV в., сразу выступая в качестве заметного книжного центра. Автору летописи известна такая подробность, что явления Николая Мирликийского давно болящему Николо-Островскому старцу Акинфу («в тяжкъ болезни издавна въсклоншуся ко концу») происходили «в полуноши», в первый раз – «ударившю в бѣло трижды», а следующей ночью – «такоже въ скепь по прежнему клепанью». Известия, связанные с Николо-Островским монастырем, обнаруживаются в ЛА уже со статьи 6971/1463 г. («Того же лѣта подписываша церковь святого Николы на Островкѣ, повелѣниемъ и тцаниемъ и вѣрою еже къ святому Николѣ, рабомъ Божиимъ Пуминомъ, ключника владычня архиепископа Ионы, но не успѣша написать зимы ради»).

Именно под этим 6971/1463 г. в ЛА имеется так называемая «дублировка» – две разных статьи под одним и тем же годом. В первой из них говорится о событиях осени 1462 – зимы 1463 гг.: пожар (2 сентября 1462 г.), отливка колоколов (октябрь), поновление церкви Бориса и Глеба (осень), разные беды (осень), освящение церковей Дмитрия на Славкове улице (26 октября), Трех святителей в Отней пустыни (21 ноября), пожар (7 декабря), отъезд Ионы в Москву (22 декабря), возвращение Ионы в Новгород (9 февраля). После записи о возвращении Ионы в Новгород 9 февраля 1463 г. в рукописи вновь сменяются перо и чернила (л. 304 об.; см. рис. 1). Далее говорится о строительстве церкви Евфимия Великого на Вяжищах и освящении этой церкви (29 июня). Вторая годовая статья того же 6971/1463 г. начинается с известия 29 мая 1463 г., но в любом случае смена пера и чернил летописцем коррелирует с почти четырехмесячным перерывом в многочисленных датированных записях. Поскольку палеографический «шов» почти точно совпадает с границей повторяющихся годовых статей 6971/1463 г., можно сделать следующий вывод: между записью о событии 9 февраля 1463 г. и последующими записями конца мая – июля 1463 г. в работе летописца случился очевидный перерыв. Предположение о тождестве летописца Ионы и Пахомия Сербя интересным образом соотносится с тем фактом, что около 1462–1463 г. писатель действительно покидал Великий Новгород: он совершил поездку в Кирилло-Белозерский монастырь для сбора сведений о преп. Кирилле. Поскольку отъезд новгородского посольства в Москву датируется 22 декабря 1462 г., то соблазнительно думать, что Пахомий отправился в путь вместе с данным посольством. Если это так, то последняя до перерыва протокольно-этикетная запись 9 февраля 1463 г. о возвращении посольства в Новгород могла быть сделана в его отсутствие, что раздвигает возможное время поездки писателя в Кирилло-Белозерский монастырь до шести месяцев.

С отмеченным перерывом в работе соотносится и смена обители: летописец после возвращения оказывается уже не в Хутынском, а в Николо-Островском монастыре. Вернувшись к работе над незаконченной рукописью, книжник дописал остававшуюся пустой половину л. 304 об. с соблюдением полей, как это было ранее во всему тексту, но уже начиная со следующего л. 305 он пишет вообще без полей, используя все пространство листа, более небрежно (рис. 1). В его тексте появляются явные признаки «черновой» работы. Например, вслед за известием о строительстве церкви Анастасии 3 июля 1463 г. читается явно «вспомогательная» заметка о псковичах: «Зри лѣта 69-го о Псковичахъ, како отъ того лѣта по князя великого Ивана Васильевича рукѣ и по архиепископа Великого Новагорода и Пскова владыкѣ Ионы благословениемъ и всего Великого Новагорода здоровьемъ и печалованьемъ о своемъ братѣ мнимемъ Псковѣ, како бы кровь крестьянскаа не излилася, и ти смотри назадъ лѣта 69-го и чти внимая лѣто 71-е да прииде к лѣту 71-му» (л. 305 об.). Возможно, это была помета на полях, внесенная при переписке в основной текст.

В ряде случаев книжник оставил свободными части строки, предполагая позже вписать неизвестную ему на момент написания текста информацию: псковичи «взяша у князя великого у Ивана Васильевича воеводу князя [...] и с нимъ вои», л. 306; «Той же зимы, мѣсяца [...], приѣха митрополить в Великий Новгородъ именовъ Иосифъ», л. 307; «приспѣ приѣхати епископъ Вымскый владыка Ивона в Великий Новгородъ мѣсяца [...]», л. 312; «а от житыхъ [...] и съ своимъ дворомъ», л. 313. Встречаются также приписки и исправления текста (зачеркнуто ошибочное имя игумена «Федосѣю», исправлено на «[Де]сефѣю», л. 307 об.).

Рассказ летописи за 1463–1469 гг., безусловно, принадлежит современнику описываемых событий, но, если считать автором текста Пахомия, то следует предполагать наличие у него секретаря-нотария, поскольку отождествление почерка писца ЛА и сербского писателя представляется затруднительным. Оригиналом же, который столь тщательно, вплоть до пробелов и записи на полях, копировал писец ЛА, был, скорее всего, автограф сербского писателя.

Летописца Ионы и Пахомия Сербя объединяет целый ряд общих для них характерных черт. Как и Пахомия Сербя, летописца Ионы интересовала агиография, о чем свидетельствуют его регулярные ссылки на дни памяти святых, а также включение в летопись многочисленных описаний чудес, свойственных агиографическому жанру. И Пахомий, и летописец Ионы охотно использовали риторические приемы, выработанные школой «плетения словес», особенно нанизывание эпитетов, ритмизацию повествования и глагольные рифмы; им обоим свойствен «экспрессивно-

эмоциональный» стиль, насыщенный молитвами, цитатами из церковной службы и Священного Писания, наставительными авторскими замечаниями и похвальными восклицаниями. Известно, что Пахомий находился в Новгороде в начале архиепископства Ионы, но около 1462–1463 г. он совершил поездку в Кирилло-Белозерский монастырь для написания Жития основателя этой обители. После возвращения он снова обнаруживается в Новгороде, где выполняет литературные заказы архиепископа Ионы, причем приблизительно ко времени поездки Пахомия в Белозерье относится фиксируемый палеографически перерыв в работе над созданием ЛА. Наконец, как Пахомий, так и автор заключительной части ЛА были тесно связаны с Хутынским и Николо-Островским монастырями: сербский писатель создал, используя рассказы хутынских старцев, целый цикл сочинений о Варлааме, в том числе несколько редакций его Жития, а позже, видимо, записывал устные рассказы Николо-Островского игумена; летописец Ионы обнаруживает особый интерес к событиям в тех же обителях. Совокупность косвенных данных позволяет предположить, что летописец Ионы и Пахомий Серб – это одно лицо. В таком случае заключительная часть ЛА – это беловой оригинал летописи, писцовая копия с чернового автографа святогорского старца, создававшаяся поэтапно, с перерывами в работе: первая часть до конца основного источника (1446 г.), вторая часть до зимы 1462/1463 гг., третья часть с конца мая 1463 г. до 1469 г.

Последующие события – смерть Ионы 5 ноября 1470 г., приезд на княжение 8 ноября того же года Михаила Олельковича – в ЛА уже не описаны. Всего через четыре дня после смерти владыки Ионы в Новгород приехал «на столь князь Михаило Олелковичъ князеи киевских ис королевы руки новгородци испросень, а с ним на похвалу людей много силно; и новгородци и приаше честно» [7: 172]. Как известно, Михаил Олелькович провел в Новгороде более 4 месяцев и «отъехал» 15 марта 1471 г. (за четыре месяца до Шелонской битвы 14 июля 1471 г.).

С отъездом с новгородского княжения Михаила Олельковича, весьма вероятно, и было связано перемещение официального экземпляра новгородской летописи за пределы республики, в Литву. Узнав о смерти своего старшего брата – киевского князя, Михаил Олелькович покинул Новгород, причем по пути пограбил Старую Русу и окрестности, «неизрѣченно чкоты почини Новгородской волости» [7: 175]. Это позволяет предположить, что расставание князя с новгородцами было в той или иной мере конфликтным. Возможно, что князю и его дружине не предоставили обещанных средств на их содержание, или были иные причины разногласий, обозначенные в Особой редакции Жития Варлаама Хутынского как «мя-

тежи и межъусобная рать» [3: 80]. В этом контексте предположение о вывозе Михаилом Олельковичем из Новгорода рабочего экземпляра владычной официальной летописи кажется вполне вероятным. Скорее всего, таким образом летопись попала на территорию Литовского государства, а в 1495 г. оказалась в Смоленске в руках у книжника Авраамки, давшего сборнику свое имя.

Литература

1. *Бобров А. Г.* Летописец новгородского владыки Евфимия середины XV века // Летописи и хроники: Новые исследования. 2008. М.; СПб., 2008. С. 124–151.
2. *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
3. *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973.
4. *Кобяк Н. А., Морозова Н. А., Турилов А. А.* Кириллические рукописные книги XV–XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы // *Krakowsko-Wilenskie Studia slawistyczne*. Krakow, 1997. Seria poswiecona starozytnosciom slowianskim. T. 2. S. 41–112.
5. *Морозова Н. А.* Виленский список «Летописца великих князей литовских»: Языковые особенности и состав // *Slavistica Vilnensis*. Serija «Kalbotyra». 1995. № 45 (2). S. 26–45.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889.
7. Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.
8. *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.

Избранные общехристианские святые, почитавшиеся в Троице-Сергиевом монастыре XV–XVI вв.

канд. ист. наук

*Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»
email: rost-vest@rambler.ru*

В работе впервые определен состав избранных особо почитавшихся общехристианских святых в Троице-Сергиевом монастыре XV–XVI вв. Число этих святых было ограниченным. Оно во много раз уступало общему количеству подобных святых, которые были известны монахам данного монастыря. Установлена иерархия избранных святых в представлении монастырского сообщества. Самые почитаемые из них наделялись эпитетом великий. На выбор указанного сообщества именно этих великих святых повлияли их иконы в иконостасе, созданном между 1422 и 1427 гг., в Троицком соборе названного монастыря и Житие Сергия Радонежского.

Ключевые слова: XV–XVI века, Россия, Троице-Сергиев монастырь, почитание святых.

Вполне очевидно, что почитание святых занимало очень большое место в религиозной жизни людей Древней Руси. Но мы еще слабо представляем конкретные черты этого явления, поскольку в науке лишь только начали вырабатываться подходы к выбору и анализу источников по данной проблеме. На настоящем уровне знаний следует начинать с рассмотрения почитания святых в отдельных сообществах того времени, и в первую очередь в тех, от которых до нас дошло необходимое количество соответствующих источников. К таким сообществам относится монашество Троице-Сергиева монастыря.

Недавно уже была изучена история почитания избранных русских святых в этой обители XV–XVI вв. [7; 8]. Встает вопрос: кого из общехристианских святых в нем тогда почитали особо? Судя по месяцесловам, прологам, минеям и другим книгам, происходящим из названной обители [2: 61, 69; 3: 6–9, 79–83, 132–133, 159, 160, 162, 164, 165, 169, 171, 173–179, 182, 185, 191, 192; 4: 109–112, 141–143; 6: 1–44; 10], ее насельники тогда были осведомлены о большинстве из этих угодников Божиих и, вероятно, в той или иной степени их почитали. Но каковы были в данном

отношении предпочтения монастырского сообщества? Кто из большой массы вселенских святых в глазах его представителей обладал наивысшим статусом?

Основными источниками по избранной теме являются Житие Сергия Радонежского (далее Житие), три столовых обиходника Троицкого монастыря, его Кормовая книга 1592 г. и памятники иконописи. По поводу этих обиходников надо добавить следующее. Первый из них, по мнению архимандрита Леонида, был составлен между 1445 и 1533 гг., второй – между 1533 и 1547 гг. [12: 16]. Третий обиходник точно датирован 1590 г. и опубликован под названием Указ о трапезах [13: 215].

К сожалению, на поставленные выше вопросы перечисленные источники редко отвечают прямо и определенно. Поэтому при раскрытии избранной темы приходится опираться в основном на их косвенные свидетельства.

В Житии неоднократно встречаются упоминания о вселенских святых. Это пророки Давид, Иеремия, Илия, Исаия, Самуил, Иоанн Предтеча; апостолы Петр и Павел; великомученик Феодор Тирон; святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Никола Чудотворец, Феодор Едесский; преподобные Алимпий Столпник, Антоний Великий, Евфимий Великий, Ефрем Сирин, Пахомий Великий, Савва Освященный, Феодосий Великий и Феодор Сикеот [1: 268, 270, 272, 277, 278, 294, 322, 326, 338, 340, 344].

Но можно ли полагать, что все или некоторые из них особо почитались в Троицком монастыре? Ответить на этот вопрос помогают упомянутые обиходники. Они представляют собой разновидности уставов, регламентировавших те или иные стороны внутримонастырской жизни. В частности, в обиходниках описываются «кормы», иначе говоря, пиршества, полагавшиеся в дни праздников избранных святых.

Практика данных «кормов» свидетельствует об особом признании в Троицком монастыре соответствующих угодников Божиих. Они в глазах его насельников стояли выше всех остальных подвижников благочестия, в праздники которых «кормы» не полагались. Значит, указания на эти «кормы» позволяют установить состав избранных особо почитавшихся святых в монастырском сообществе.

Надо полагать, чем более значим был святой в глазах троицких насельников, тем более богатый стол полагался в день его праздника. Это предположение частично подтверждается свидетельством монастырской Кормовой книги 1592 г., в которой сказано: «На память святых великих: хлебы белые, да рыба, да по три меры меду...» [5: 46].

Значит, в названном монастыре имелось ясное и осознанное представление о соответствии значимости святого и обилия стола в день

его праздника. Причем данное представление возникло задолго до 1592 г., поскольку в первых строках упомянутой Кормовой книги говорится, что ее содержание «выписано из должных книг по старым книгам по уложению игумена Серапиона Курцова с братьею» [5: 45]. Серапион Курцов был троицким игуменом в 1549–1551 гг. [11: 8.]

Как видим, самых значимых святых в этой обители наделяли эпитетом великий. Подобное определение имеют некоторые святые, упомянутые в Житии [1: 270, 322, 352, 366, 388, 390, 406], и в том числе Сергей Радонежский [1: 406]. Следовательно, святых тогда делили на великих и всех остальных.

«Кормы» в дни памяти общехристианских святых не были одинаковы, напротив, они отличались по количеству и качеству блюд и напитков. Так, согласно первому из упомянутых обиходников, в праздник Рождества Иоанна Предтечи монастырской братии полагались «рыба свежая да колачи, да по три меры меду» [12: 21]. Как видим, данный стол соответствовал «корму», который требовалось подавать в праздники «великих» святых. Заметно менее богатым был «корм» в праздник св. Симеона Столпника: «рыба да пиво сыченое» [12: 17]. Еще беднее – в праздник евангелиста Луки: «ества обычная, капустаники да пиво обычное» [12: 16].

Приведенные выше три примера представляют три основных варианта «кормов», предлагавшихся в монастыре в праздники избранных общехристианских святых по первому и второму обиходникам.

Причем если блюда от праздника к празднику в той или иной степени варьировались, то три вида спиртных напитков – мед, пиво сыченое и пиво обычное – вполне определенно маркируют статус культа того или иного святого в представлении насельников монастыря. Более всего как напиток ценился мед, меньше – пиво сыченое, еще меньше – пиво обычное.

Следовательно, по разнице в богатстве «кормов» можно определить различия в степени почитания упомянутых подвижников благочестия или, иными словами, их иерархию в представлении монастырского общества.

По первому обиходнику, на высшей ступени этой иерархии стояли великие святые: ап. и ев. Иоанн Богослов, вмч. Димитрий Солунский, свт. Никола Чудотворец, свт. Василий Великий, свт. Григорий Богослов, свт. Иоанн Златоуст, вмч. Георгий, прор. Иоанн Предтеча, ап. Петр и ап. Павел [12: 17, 18, 19, 20, 21, 22].

Ступенью ниже пребывали святые прп. Симеон Столпник, прп. Харитон Исповедник, ап. и ев. Матфей, мч. Евстратий и прочие (здесь, очевидно, подразумевались мученики Авксентий, Евгений, Мардарий, Орест), прп. Савва Освященный, свт. Савва Сербский, прп. Антоний Ве-

ликий, вмч. Феодор Тирон, 40 мучеников Севастийских и прп. Онуфрий Великий [12: 16, 17, 18, 19, 21].

На нижней ступени иерархии – святые: ап. и ев. Лука, ап. Андрей Первозванный, свт. Стефан Сурожский, свмч. Игнатий Богоносец, прп. Феодосий Великий, ап. и ев. Марк, прп. Симеон Дивногорец и прор. Илия [12: 17, 18, 20, 21]. Вероятно, к этой же группе следует присоединить прп. Алексея, человека Божия, в праздник которого полагались кроме обычной еды блины с медом без спиртного [12: 19].

По второму обиходнику, на высшей ступени этой иерархии стояли великие святые: ап. и ев. Иоанн Богослов, вмч. Димитрий Селунский, ап. Филипп, свт. Никола Чудотворец, свт. Василий Великий, свт. Григорий Богослов, свт. Иоанн Златоуст, вмч. Георгий, прор. Иоанн Предтеча, ап. Петр и ап. Павел [12: 23, 25, 27, 29, 31, 37, 38, 40, 43].

На второй сверху ступени – прп. Симеон Столпник, прп. Харитон Исповедник, мученики Евстратий, Авксентий (Евгений, Мардарий, Орест), прп. Савва Освященный, мч. Елевферий, свт. Стефан Сурожский, прп. Феодосий Великий, свт. Савва Сербский, прп. Антоний Великий, прп. Евфимий Великий, свмч. Харлампий, свмч. Власий Севастийский, 40 мучеников Севастийских, прп. Симеон Дивногорец, прп. Онуфрий Великий, прп. Петр Афонский и прор. Илия [12: 22, 24, 27, 30, 31, 33, 34, 39, 40, 41].

На нижней ступени – ап. Кондрат, ап. и ев. Лука, свт. Иоанн Милостивый, ап. Андрей Первозванный, ап. и ев. Марк, 12 апостолов [12: 23, 24, 25, 26, 37, 40] и, очевидно, прп. Алексей, человек Божий, в день памяти которого по-прежнему подавались блины с медом [12: 34].

Согласно обиходнику 1590 г., великими святыми считались ап. и ев. Иоанн Богослов, вмч. Димитрий Солунский, ап. Филипп, свт. Никола Чудотворец, свт. Савва Сербский, прп. Антоний Великий, прп. Евфимий Великий, свт. Василий Великий, свт. Григорий Богослов, свт. Иоанн Златоуст, вмч. Георгий, прп. Онуфрий Великий, прор. Иоанн Предтеча, ап. Петр и ап. Павел [13: 216, 217, 218, 219].

На второй ступени сверху в интересующей нас иерархии находились прп. Симеон Столпник, праведные Иоаким и Анна, прп. Харитон Исповедник, ап. и ев. Лука, ап. Иаков, бессребреники Козма и Дамиан, свт. Иоанн Милостивый, прп. Алимпий Столпник, ап. Андрей Первозванный, прп. Савва Освященный, мученики Евстратий (Авксентий, Евгений, Мардарий, Орест), свт. Стефан Сурожский, прп. Феодосий Великий, вмч. Феодор Тирон, 40 мучеников Севастийских, ап. и ев. Марк, свт. Афанасий Александрийский, прп. Симеон Дивногорец и прор. Илия [13: 215, 216, 217, 218, 219].

Ниже всех стоял прп. Алексей, человек Божий [13: 218].

Итак, мы видим, что число особо почитавшихся общехристианских святых в Троице-Сергиевом монастыре на протяжении всего рассматриваемого периода было подчеркнуто ограниченным, тогда как в месяцесловах и других богослужебных текстах обители XV–XVI вв. числилось неизмеримо большее число угодников Божиих.

В первом обиходнике, составленном до 1533 г., обозначены 10 великих святых. По второму обиходнику, то есть к середине XVI в., к ним добавился ап. Филипп. К концу того же столетия состав великих святых пополнился свт. Саввой Сербским, прп. Антонием Великим, прп. Евфимием Великим и прп. Онуфрием Великим.

С течением времени расширялся и список святых, занимавших вторую ступень в иерархии избранных монастырских угодников Божиих. По первому обиходнику, их числилось 13 плюс 40 мучеников Севастийских, по второму обиходнику, – 20, по третьему – 24 с добавлением в обоих случаях тех же 40 мучеников. Согласно первому обиходнику, на нижней ступени в монастырской иерархии святости находились 9 святых, по второму обиходнику – 6 плюс 12 апостолов, по третьему – 1.

В общей сложности по первому обиходнику в обители особо почитались 32 святых плюс 40 мучеников Севастийских, по второму обиходнику – 37 плюс 12 апостолов и 40 мучеников Севастийских, по третьему обиходнику – 40 плюс те же 40 мучеников.

Чем же был обусловлен состав избранных великих святых первого обиходника? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к дошедшему до нас иконостасу Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря, созданному по заказу преподобного игумена Никона между 1422 и 1427 гг. [9: 32, 45–50].

Оказывается, все десять интересующих нас великих святых представлены в деисусном чине этого иконостаса. Получается, что на каждой службе в своем соборе насельники монастыря видели изображения упомянутых святых Иоанна Предтечи, Петра и Павла, Иоанна Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Николу Чудотворца, Дмитрия Солунского и Георгия, которые представлены молящимися за людей вместе с Богоматерью, архангелами Михаилом и Гавриилом, а также с ап. Андреем Первозванным перед Иисусом Христом.

Значит, названные десять святых воспринимались в XV и на протяжении первой трети XVI в., да и в последующем как самые могущественные общехристианские небесные заступники за Троицкий монастырь. По той же логике ап. Андрей Первозванный должен был иметь в нем аналогичный статус. Но почему-то в глазах троицких монахов апостол Андрей сто-

ял ниже этих десяти великих угодников Божиих. Но важно, что все святые, представленные в деисусе, были актуальны для монахов обители.

Характерно, что в состав великих святых кроме ап. Филиппа, получившего этот статус между 1533 и 1547 гг., во второй половине XVI в. были включены свт. Савва Сербский, а также преподобные Антоний Великий, Онуфрий Великий и Евфимий Великий. Первый из них, очевидно, являлся самым почитаемым на Руси того времени славянским святым. Второй и третий были монахами-отшельниками, а Евфимий Великий – одним из основателей монашеского общежития.

В данном подборе явно прослеживается тенденция особо выделять и почитать святых, близких по духу троицким монахам, то есть преподобных. В связи с чем важно подчеркнуть, что до середины XVI в. в состав упомянутых великих святых входили пророк, апостолы, великомученики и святители, но среди них не было ни одного преподобного.

подавляющее большинство всех рассмотренных чтимых святых делится по ликам на четыре группы: апостолы, великомученики и мученики, святители, преподобные. К первой из них принадлежали 8 угодников Божиих плюс собор 12 апостолов, ко второй – 7 плюс 3 группы мучеников, к третьей – 8, к четвертой – 12. Собору 12 апостолов и каждой из трех групп мучеников посвящено соответственно по одному празднику. Поэтому неправильно суммировать, например, индивидуально почитавшихся 7 мучеников с сорока Севастийскими мучениками, что создало бы превратное представление о необыкновенно большом числе чтимых святых данной категории.

Среди апостолов в монастыре выделяли и почитали четырех евангелистов.

Из пророков в монастыре особо почитали только Иоанна Предтечу и Илию. И подобным образом не почитали ни одного общехристианского юродивого.

Вернемся к тексту Жития. Получается, что 13 святых из 22 упомянутых в нем особо почитались в Троицком монастыре XV–XVI вв. В частности, Иоанн Предтеча, Петр, Павел, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и Никола Чудотворец считались великими святыми на протяжении всего рассматриваемого периода. Более низким статусом в монастыре до середины XVI в. обладали Феодор Тирон, Алимпий Столпник, Антоний Великий, Евфимий Великий, Савва Освященный и Феодосий Великий. К концу этого столетия статус Антония Великого и Евфимия Великого был повышен до уровня великих святых. Судя по этим наблюдениям, Житие оказало некоторое влияние на выбор особо почитавшихся святых в названной обители.

Надеюсь, проведенное исследование приблизило нас к пониманию специфики религиозности и корпоративного самосознания сообщества Троице-Сергиева монастыря XV–XVI вв.

Литература

1. Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 2000. С. 254–411.
2. *Иларий, Арсений, иером.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 1. 352 с.
3. *Иларий, Арсений, иером.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 2. 240 с.
4. *Иларий, Арсений, иером.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 1879. Ч. 3. 267 с.
5. Кормовая книга XVI века, библиотеки Троицкой Сергиевой лавры № 812 л. 92 / Публ. архим. Леонида // *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры с приложением архимандрита Леонида. М., 1890. Ч. 2. С. 45–64.
6. *Леонид, архим.* Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. С. 1–49.
7. *Мельник А. Г.* О почитании избранных русских святых в Троице-Сергиевом монастыре в последней трети XV – первой половине XVI в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2010. С. 15–23.
8. *Мельник А. Г.* Троице-Сергиев монастырь как центр почитания русских святых во второй половине XVI в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2013. С. 49–55.
9. *Николаева Т. В.* Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977.
10. *Понеску Т. А.* Рукописи первой половины XIV – XV в. в собрании Троице-Сергиева монастыря по описям и окладным книгам // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2002. С. 195–207.
11. Список настоятелей Троице-Сергиевой обители / Публ. архим. Леонида // *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры с приложением архимандрита Леонида. М., 1890. Ч. 2. С. 7–12.
12. Троицкие столовые обиходники XV и XVI века / Публ. архим. Леонида // *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры с приложениями архимандрита Леонида. М., 1890. Ч. 2. С. 16–44.
13. Указ о трапезах Троицкого Сергиева и Тихвинского монастырей // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1846. С. 215–220.

Канонические книги Супрасльского монастыря XVI века

д-р ист. наук

БАН

email: mkorogodina@rambler.ru

Статья посвящена попытке реконструкции канонических книг, хранившихся в библиотеке Супрасльского Благовещенского монастыря. На основе сведений описи 1557 г., сопоставления помет и иных признаков можно указать три рукописные книги (Кормчую, Пандекты Никона Черногорца и полемический антилатинский сборник), которые, предположительно, находились в библиотеке Супрасльского монастыря в середине XVI в. Кроме того, можно полагать, что с Супрасльским монастырем связано создание списка Кормчей 1620-х гг. *Ключевые слова:* канонические книги, славянские рукописи, книжность, археография, Супрасльский монастырь.

Супрасльский Благовещенский монастырь, возникший в конце XV столетия, уже в первой половине XVI в. стал одним из наиболее значительных западных православных монастырей, чему способствовала как местная элита, так и афонские иноки, бывшие первыми насельниками обители. Быстрый расцвет монастыря привел к тому, что уже спустя полстолетия он обладал богатой библиотекой. Сергей Кимбар, третий по счету игумен обители, непрестанно заботившийся о ее процветании, в 1557 г. подготовил монастырскую опись, в которой при описании книжного собрания особо выделил те книги, которые появились в монастыре благодаря его трудам [1: 53–55]. Значительная часть первоначальной библиотеки сохранилась и реконструирована С. Ю. Темчиным и Н. А. Морозовой, которые выделили древнейшую «Ионинскую» часть собрания (появившуюся до иг. Сергея Кимбара) и более новую «Кимбаровскую» часть библиотеки (книги, написанные или вложенные в монастырь благодаря иг. Сергию) [9; 20; 21; 19].

Ранняя и достаточно подробная монастырская опись, несомненно, облегчает задачу исследователей по реконструкции библиотеки; однако остается ряд трудноразрешимых проблем. Одна из них – отсутствие систематических монастырских записей на книгах Супрасльского монасты-

ря. В отличие от насельников некоторых иных обителей, книгохранители Супрасльского монастыря не оставляли в XVI–XVII вв. систематических записей о принадлежности книг. Достоверно известно о том, что книга находилась в монастыре, по редким писцовым, вкладным или читательским записям. Порой записи о принадлежности оставлялись в XVIII в.; но была ли книга XV или XVI столетия в Супрасльском монастыре с самого своего создания, или появилась в монастыре в начале XVIII в., остается вопросом, на который трудно найти ответ.

Некоторый намек на возможное супрасльское происхождение книги дают записи о принадлежности Жировицкому монастырю, в который поступила библиотека Супрасльского монастыря. В 1758 г. все книги Жировицкого монастыря были пронумерованы и подписаны [7; 8]; однако принадлежность Жировицкому монастырю не указывает непременно на принадлежность Супрасльскому.

Задача реконструкции библиотеки осложняется также тем, что многие книги, однажды попав в монастырь, не оставались в нем навсегда (такова тенденция собирания библиотек в крупных окраинных обителях, например, в северорусских монастырях), но легко меняли место. Это связано с особенностью жизни монастыря, который в первые десятилетия своего существования состоял во многом из насельников, приходящих в него на время, а затем уходящих в место пострига или в иную обитель, — уходящих, возможно, вместе с теми книгами, которые они приносили с собой. С другой стороны, Супрасльский монастырь был тесно связан с другими православными центрами, с которыми, несомненно, обменивался книгами. Это означает, что книга, оказавшаяся в Супрасльском монастыре и внесенная в опись или получившая характерную помету, могла в скором времени уйти из монастыря, так что дальнейшая ее история не была связана с этой обителью.

Наряду с другими книгами, в описи 1557 г. упоминаются и канонические книги, в том числе Кормчие, которые обычно указывались как «Правила». В описи «Правила» названы дважды: в конце старого «Ионинского» собрания кратко записано две книги: «Книги 2 великих правил церковных»; еще одна книга открывает «Кимбаровское» собрание, что придает ей особую значимость: «А то книги новыя, што за мене, Сергия, прибавлены церкви светой: книга правила светых отцев зуполные» [1: 54]. Обращает внимание то, что новая книга названа «зуполной», что следует понимать как «полная по составу». С. Ю. Темчин отметил, что в описи книги часто противопоставляются друг другу [9: 125–126]; это позволяло кратко, но емко охарактеризовать отличия сходных по содержанию книг. Очевидно, здесь мы наблюдаем ту же ситуацию: «зу-

полная» Кормчая Кимбаровского собрания, надо полагать, была полнее, нежели перечисленные выше две «великие» Кормчие Ионинского собрания. Старые книги могли отличаться значительными утратами, что не позволяло рассматривать их как полноценные сборники церковных правил.

Попытка определить, какие рукописные Кормчие находились в Супрасльском монастыре, была предпринята Е. В. Беляковой при исследовании циклов поучений Киевских митрополитов, прибавленных к Западнорусской редакции Кормчей. Циклы поучений известны в трех списках: двух рукописях третьей четверти XVI в. и списке первой половины XVII в., сохранившем копияную запись о создании антиграфа в 1553 г. [10]. Опираясь на последнюю дату, Е. В. Белякова предположила, что рукопись 1553 г. упомянута в описи 1557 г. иг. Сергия Кимбара как «новонаписанная», а два других списка входят в Ионинское собрание Супрасльского монастыря [2; 3]. Это позволило исследовательнице говорить о редактировании поучений Киевских митрополитов в Супрасльском монастыре и завершении в этой обители работы над циклом в целом. Однако датировка списков Кормчей Западнорусской редакции третьей четвертью XVI в. [6: 239–255] не позволяет отнести их к Ионинскому собранию, вобравшему книги до 1532 г.; а создание утраченной ныне книги в 1553 г. не кажется достаточным основанием для отнесения ее к Кимбаровскому собранию. Иных аргументов в пользу супрасльского происхождения рукописей с циклами поучений Киевских митрополитов Е. В. Беляковой предложено не было. Между тем, запись 1553 г., скопированная в рукописи XVII в., определенно указывает на то, что первоначальный список был подготовлен по заказу светского лица, «христолюбивого к[ня]з[я] (?) в. т. Богдана», что исключает монастырское происхождение книги.

В настоящее время у нас нет возможности отождествить «Правила» Ионинского собрания с известными списками Кормчих книг; однако относительно «зуполной» книги, появившейся в Супрасльском монастыре благодаря Сергею Кимбару, можно высказать догадку. Н. А. Морозовой была выявлена характерная преимущественно для супрасльских книг помета, сходная с пробой пера, но, очевидно, предназначенная для маркировки книг одного круга и оставленная на многих рукописях Супрасльской обители: «3 митрополитом Киевским, Галицким».¹ Подобная помета есть на Кормчей книге РГБ, собр. Рогожского кладбища, № 252, где она трижды повторена на обороте нижней крышки переплета. Рукопись по водяным знакам датируется серединой XVI в. [15: 180–181].

¹ Сердечно благодарю Н. А. Морозову и С. Ю. Темчину за сведения об этой характерной помете.

Разумеется, помета, больше похожая на пробу пера, чем на маркирующий знак, не может служить единственным доказательством принадлежности Супрасльскому монастырю. Однако рукопись из Рогожского собрания имеет еще одну особенность, которая выделяет ее среди иных Кормчих книг и заставляет относить именно к Супрасльскому монастырю. Эта книга является Кормчей Сербской редакции в 64. III главах, то есть устойчивым по своему составу сборником канонического права. Полностью следуя обычному составу Кормчей книги, рукопись Рогож. 252 имеет вставку в середине книги, включающую несколько текстов, чужеродных для Кормчей. После главы 54 (толкование проскомидии) в рукопись вклеены листы, на которых писцовым почерком переписана группа текстов, озаглавленная «Уставъ изведенъ от греческия книги от божественныхъ Евангелии. Зри, священниче, и внимаи опасно» (нач.: «Божественнаа литургия о сицевыхъ да есть...», л. 393–396 об.), с подзаголовками: «Аще кто прѣставится на святое въскресение или в кои день Свѣтлыя седмици до Фомины недѣли»; «Сии же суть таинства церковнаа», «Зри и се, о священниче», «Сказание о святѣи литургии», «О степенехъ». Выписки завершаются указанием на обстоятельства их появления: «Сия преведошася Гаврииломъ священномнихомъ и прое протомъ Святѣя Горы от гречьска въ сербьско и дадеся въ церкви священныя обители великие лавры сръбские въ монастырь глаголемый Хиландарь в лѣто 7043-е» (л. 396 об.). К переводам прота Гавриила прибавлено еще две выписки: правило архиеп. Илии Новгородского и Белгородского епископа, хорошо известное как по Кормчим книгам, так и по сборникам, и чин погребения младенца (л. 396 об.–398 об.).

Переводы прота Гавриила представляют собой несколько кратких статей об особенностях литургии Преждеосвященных даров и о погребении на Пасху [5: № 404; 18: CCLI–CCLII; 12; 14; 13; 17; 4: 76; 23: 206; 22: 218]. Отсутствие издания переводов затрудняет их сопоставление; переводы неизменно сопровождаются записями, называющими имя переводчика, место и время его трудов – Хиландарский монастырь, 7043 (1534/35) г. Временной промежуток между 1535 г. (временем создания переводов) и серединой XVI в. (временем создания списка Рогож. 252) не столь уж велик, так что мы можем предположить, что переводы были включены в Кормчую впервые непосредственно в списке Рогож. 252.

Очевидно, для Супрасльского монастыря сочинения прота Гавриила имели особое значение, поскольку его послание к венгерскому королю Яношу Запойяи входило в еще одну супрасльскую рукопись – антилатинский сборник БАН, собр. Доброхотова, № 31 [11; 16: 121–124]. В этой рукописи сочинение прота Гавриила находится сразу вслед за «Повестью

о Ксиропотамском монастыре», принесенной, согласно включенной в заглавие повести сопроводительной записи, в 1546 г. из Афона в Супрасльский монастырь: «Сиа повесть принесена бе ись Святое Горы калугери у монастырь Супряслский в лето от сздания миру 7054-е и в то же лето в сию книгу вписана» (л. 41). Подобная запись сохранилась в ряде списков «Повести о Ксиропотамском монастыре», но изучение водяных знаков рукописи Доброх. 31 показывает, что эта книга действительно относится к 40-м гг. XVI столетия, причем наиболее близкие аналогии находятся среди филиграней документов, написанных в Вильно.² Это показывает, что именно в данном регионе имела хождение подобная бумага; следовательно, датировка виленских документов наиболее приближена к датировке рукописного кодекса. Это заставляет нас считать, что «Повесть о Ксиропотамском монастыре» не была скопирована в рукопись Доброх. 31 с более ранней книги, а что именно этот кодекс является «сей книгой», в которую была переписана повесть после ее приноса в монастырь афонскими монахами. Таким образом, заглавие повести содержит в себе писцовую запись, фиксирующую время и место создания рукописи – Супрасльский монастырь, 1546 г. Поскольку вся рукопись написана одним почерком на одной, постоянно чередующейся бумаге, она, несомненно, была создана одновременно в 1546 г. В этой рукописи мы также обнаруживаем характерную помету на обклейке нижней крышки переплета: «3 митрополитом», подобную помете в Кормчей книге Рогож. 252. Возможно, именно эта книга упоминается в описи 1557 г. как «книга соборникъ новописанный» [1: 54].

Соседство послания прота Гавриила с «Повестью о Ксиропотамском монастыре», принесенной с Афона в Супрасльский монастырь в 1546 г., позволяет предположить, что тем же путем в Благовещенскую обитель попало и послание прота Гавриила, а вместе с ним его переводы. Таким образом, перед нами открывается единый круг сочинений почитаемого афонского монаха-книжника, воспринятых в Супрасльском монастыре.

Таким образом, на основании маркировочной записи и наличия переводов прота Гавриила мы можем предположить, что Кормчая книга Рогож. 252 имеет супрасльское происхождение, и ее можно атрибутировать как упомянутые в Кимбаровском собрании «зуполные Правила». В первой четверти XVII в. рукопись была переписана. Ее копия 1620-х гг. хранится в БАН (собр. Каликина, № 189) и имеет те же дополнения в виде переводов прота Гавриила, что и супрасльский оригинал (л. 297 об.–

² БАН, Доброх. 31. Филиграния, чередуются четыре формы Кабанов, близкие к представленным в альбомах: 1) Piccard, XV, II, 86 (1544, 1545 гг., Вильна); 2) Piccard, XV, II, 89 (1541 г., Вильна); 3) Piccard, XV, II, 87 (1543 г., Oels); 4) Piccard, XV, II, 91 (1542 г., Вильна).

301 об.). Многочисленные оставленные на полях пометы, отражающие полемику между католиками, униатами и православными, говорят об активном использовании книги в церковной жизни; а вписанный между строк автограф «грешного ермонаха Иосафата» заставляет предполагать, что Кормчая могла принадлежать известному архиеп. Полоцкому Иосафату Кунцевичу. Отсутствие каких-либо помет о принадлежности Супрасльскому монастырю не позволяет говорить о том, связано ли бытование этой книги с данной обителью, однако близость к рукописи Рогож. 252 заставляет полагать, что Кормчая Калик. 189 является копией супрасльской Кормчей.

Упомянутый выше антилатинский сборник Доброх. 31 в настоящее время хранится в собрании еп. Павла (Доброхотова), долгое время бывшего ректором Виленской духовной семинарии и собравшего в Вильно немало книжных памятников. В его коллекции находилось много рукописных книг из Жировицкого и Супрасльского монастырей. В собрании еп. Павла (Доброхотова) хранится еще одна каноническая книга середины XVI в. – Пандекты Никона Черногорца (БАН, собр. Доброхотова, № 14). Подобно антилатинскому сборнику Доброх. 31, ближайшие аналогии водяным знакам Пандектов находятся среди виленских документов,³ а на последнем листе рукописи Доброх. 14 читается едва заметная, полустертая запись: «3 митрополитом Киевским...». Это позволяет нам осторожно предположить, что именно этот список был назван среди рукописей Кимбаровского собрания как «книга Никон новописанная» [1: 54].

Сопоставление помет и иных признаков позволяет нам дополнить реконструкцию библиотеки Супрасльского монастыря тремя рукописями середины XVI в., которые, как можно полагать, входили в Кимбаровское собрание: «зуполной» Кормчей книгой (Рогож. 252); Пандектами Никона Черногорца (Доброх. 14) и антилатинским сборником (Доброх. 31). Кроме того, с Супрасльским монастырем, возможно, связано создание списка Кормчей 1620-х гг. (Калик. 189).

Литература

1. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Т. 9. Вильна, 1870.

2. *Белякова Е. В.* Поучения киевских митрополитов как источник по истории образования духовенства // *Europa Orientalis: Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich.* 2015. № 6. P. 133–153.

³ БАН, Доброх. 14. Филигранные: чередуются три формы Кабанов; два из них близки к представленным в альбомах: 1) сходный: Лауцявичюс 3695 (1545 г.), Piccard. XV, 3, 2. № 94 (1543 г., Вильна); 2) отдаленно сходный: Лауцявичюс, № 3656 (1545 г., Вильна).

3. *Белякова Е. В.* Циклы поучений священникам в Кормчих Западнорусской редакции // Slavistica Vilnensis. Vol. 61. 2016. С. 187–255.
4. *Бурковий Т. Т.* Хиландар у доба Немањића: Повест о чудотворној икони Пресвете Богородице Тројеручице. Београд, 1998.
5. *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание рукописей Синодальной библиотеки. Т. 3. Вып. 1. М., 1869.
6. Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. Вып. 1: Апостол – Кормчая. М., 2006.
7. *Морозова Н. А.* Библиотека Жировичского монастыря: История книжного собрания // Славянская письменность Великого княжества Литовского: Характерные черты и специфические особенности. Вильнюс, 2014. С. 169–204.
8. *Морозова Н. А.* Предварительный список рукописей, принадлежавших библиотеке Жировичского монастыря // Славянская письменность Великого княжества Литовского: Характерные черты и специфические особенности. Вильнюс, 2014. С. 205–224.
9. *Морозова Н. А., Темчин С. Ю.* Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1500–1532 гг.) // Z dziejów monasteru supraskiego: Materiały międzynarodowej konferencji naukowej «Supraski monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historycznarola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państw». Supraśl–Białystok, 10–11 czerwca 2005 г. Białystok, 2005. S. 117–140.
10. *Мошкова Л. В.* Западнорусская Кормчая особого состава // Хризограф. Вып. 2. М., 2005. С. 231–240.
11. *Покровский Ф. И.* Послание Василия, пресвитера Никольского // ИОРЯС. 1908. Т. 13. Кн. 3. С. 86–126.
12. *Радојичић Ђ. Сп.* Друго «Посланије» светогорског проте Гаврила угарском краљу Јовану Запољи (из 1545 год) // IV Међународни конгрес слависта у Москви. Реферати. 6. Београд, 1958. С. 167–178.
13. *Радојичић Ђ. Сп.* Јужнословенско-руске културне везе до почетка XVIII в. // Зборник Матице Српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1965. Књ. 23. № 2. С. 261–309.
14. *Радојичић Ђ. Сп.* Стари српски писци руске народности (од краја XV до краја XVII века) // Годишњак Филозофског Факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1960. Књ. 5. С. 200–203.
15. Собрание Рогожского кладбища. Ф. 247. Опись (XIV–XX вв.). Машинопись / Сост. И. М. Кудрявцев, Ю. А. Неволин, Н. Б. Тихомиров, Я. Н. Щапов, Е. П. Маматова. М., 1968.
16. *Срезневский В. И., Покровский Ф. И.* Описание рукописного отделения Библиотеки имп. Академии наук. Т. 2. Пг., 1915.
17. Српске посланице XVI в. / Приредио Ђ. Трифуновић. Крушевац, 1988.
18. *Сырку П. А.* Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII вв. СПб., 1901.
19. *Темчин С. Ю.* Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1500–1532 гг.): Новые данные // Современные проблемы археографии: Сборник статей по материалам конф., проходившей в Библиотеке РАН (25–27 мая 2010 г.). СПб., 2011. С. 131–137.
20. *Темчин С. Ю.* Рукописи Кимбаровского собрания Супрасльского Благовещенского монастыря (1532–1557 гг.) // Кныготыра. 2010. Т. 54. Р. 173–185.
21. *Темчин С. Ю.* Сколько книг было в Супрасльском Благовещенском монастыре в 1532 году // Здабыткі: Дакументальныя помнікі на Беларусі. Вып. 12. Мінск, 2010. С. 68–75.
22. *Трифуновић Ђ.* Стара српска књижевност. Основи. Изд. 3. Београд, 2009.
23. *Турилов А. А.* Гавриил // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 205–206.

Православные монастыри на территории Великого Княжества Литовского в XVI веке как культурные и духовные центры

*д-р ист. наук
Белостокский университет (Польша)
email: upraw@uwb.edu.pl*

В формировании духовности и культуры последователей Православия невозможно игнорировать роль монастырей на территории Великого Княжества Литовского. Площадь Великого Княжества Литовского в XVI в. была богата монастырями, очень важными для формирования культуры Восточной Церкви. Следует подчеркнуть, что монастыри, которые были основаны в XVI в., в основном служили культурными центрами не только местного значения. Среди этих групп монастырей появились монашеские центры общего антихристианского, общеславянского или европейского характера. Конечно, самые важные функции молитвы, аскетичности и духовности были направлением развития всех оставшихся монастырей, особенно тех, которые были в городах или у богатых, процветающих магнатов. Великое Княжество Литовское, расположенное на перекрестке восточной и западной традиций христианства, породило на своей территории монашеские центры, в которых встретились культурные влияния Востока, Балкан и Западной Европы. Это процесс, который развился в архитектуре, иконографии, литературе, иконопочитании и образовании. Богатство монастырей, которые находились до 1569 г. в Великом Княжестве Литовском, было духовным и культурным наследием, которое они продолжали в XVI в. Недавно основанные монашеские центры были основаны на сложившейся традиции монашеской жизни и присоединились к духовному, интеллектуальному и культурному наследию Православной Церкви.

Ключевые слова: Монастырь, Великое Княжество Литовское, XVI век, культура, духовность.

Монашество является добровольным подвигом, усиленным обетом нестяжания, целомудрия и послушания, сознательно избранным для того, чтобы посвятить себя Богу. Иноки и инокини в течение веков неустанно трудятся, посредством аскетизма молитвы, духовных упражнений, постнического воздержания, отшельничества для достижения спасения и Царствия Божия. Невозможно обойти вниманием роль монастырей в формировании духовной культуры православных верующих в истории Великого Княжества Литовского. Земли Великого Княжества Литовского в XVI в. обогатились развитием монастырей, которые сыграли важную роль в формировании культуры Восточной Церкви. Необходимо

подчеркнуть, что монастыри, которые были построены в XVI в., в своем большинстве играли роль культурных центров всего региона. В среде этих монастырей появились обители, значение которых имело общеправославный, общеславянский или даже общеевропейский характер. Несомненно важнейшее служение молитвенное и аскетическое, духовное определяло направление развития всем другим функциям служения монастырей, в особенности же тем, которые размещались в городах, либо в частных землях влиятельных и состоятельных магнатов. Великое Княжество Литовское, расположенное на стыке соприкосновения восточного и западного христианства, необыкновенным образом создало на своих землях монастыри, в которых находили свое отражения культурные влияния как Востока, Балкан, так и Западной Европы. Этот процесс нашел свое выражение в архитектуре, иконографии, развитии письменности, развитии культа икон или образования. Богатство монастырей, которые оказались в границах Великого Княжества Литовского после 1569 г., было тем духовным и культурным наследством, которое продолжали укреплять в XVI в. Строящиеся новые обители брали за основу уже существующую традицию монашеской жизни, добавляя свой духовный, интеллектуальный, культурный вклад в наследие Православной Церкви. Важно помнить, что развитие монашества на этих землях уходило своими корнями в древние монастыри Полоцка, Смоленска, Турова, Лаврышева, Гродно, Пинска, Витебска, Мстиславя, Минска, Слуцка, Вильна, Кобрыня, Бреста, Браслава, Новогрудка, Черяя, Мозыря, Трок, Лохойска.¹

¹ Спасский, Полоцк (женский, ок. 1126 г.), свв. Бориса и Глеба, Смоленск (мужской ок. 1137 г.), свв. Косьмы и Дамиана, Смоленск (женский, ок. 1146 г.), Успения Пресвятой Богородицы, Смоленск (мужской, XII в.), Пресвятой Богородицы, Полоцк, (мужской, ок. 1160 г.), св. Николая, Туров (мужской, XII в.), свв. Бориса и Глеба, Туров (мужской, вторая половина XII в.), св. Варвары, Туров (женский, XII в.), свв. Бориса и Глеба, Полоцк (мужской, сер. XII в.), св. Николая, Минск (мужской, XII–XIII вв.), Святого Духа, Смоленск (мужской, XII в.), Поднесения Животворящего Креста Господня, Смоленск (мужской, XII–XIII вв.), Покрова Пресвятой Богородицы – Спасо-Авраамиевский, Смоленск (мужской, нач. XIII в.), «Отроч», Смоленск (мужской, 1206 г.), св. Иоанна Предтечи на острове, Полоцк (мужской, XIII в.), св. Николая, Полоцк, (мужской, 1260–1271 гг.), Пресвятой Богородицы, Лаврышев (мужской, ок. 1263 г.), «малый поповский монастырь», Гродно (мужской, XIII в.), Успения Пресвятой Богородицы, Пинск (мужской, XIII–XIV вв.), Святой Троицы, Вильно (мужской, 1347–1350 гг.), Святого Духа, Витебск (мужской, первая пол. XIV в.), Успения Пресвятой Богородицы, Пустыньки Мстиславские (мужской, 1380 г.), св. Онуфрия, Мстислав (мужской, 1380 г.), св. Иоанна Предтечи, Лохойск (мужской, до 1387 г.), свв. Апостолов Петра и Павла, Полоцк, (мужской, вторая пол. XIV в.), Святой Троицы, Полоцк (мужской, XIV в.), Архангела Михаила, Мстислав (мужской, XIV в.), Пресвятой Богородицы, Витебск (мужской, XIV в.), «Добеевский», Витебск (мужской, XIV–XV вв.), Вознесения Господня, Минск (мужской, XIV–XV вв.), Рождества Пресвятой Богородицы, Троки (мужской, XIV–XV вв.), свв. Апостолов Петра и Павла, Мозырь (мужской, нач. XV в.), Пресвятой Троицы,

Известны 43 монастыря, среди которых доминировали мужские обители, женских было только четыре. В XVI в. к этой группе монастырей в Великом Княжестве Литовском прибавились известные, недавно созданные 23 обители в Супрасле, в окрестностях Браслава, в Лоске, Ольшанах, Витебске, Мороче, Полоцке, Пинске, Вильне, Нобеле, Соломерече, Клецке, Жировицах, Хрозове, Дятловицах, Могилеве и Новогрудке.² Среди этих монастырей было только два женских.

В XVI в. монастыри сыграли важную роль в усилении позиции Православной Церкви в Речи Посполитой. В стенах виленского монастыря Св. Троицы в начале XVI в. дважды собирался Поместный Собор. Собор, собиравшийся в 1509 г., равно как и Собор 1514 г., встали на защиту догматов и канонов веры. В вышеупомянутых Соборах участвовала церковная иерархия, представители духовенства, церковных братств, светские элиты православной общественности. В первом Соборе, который открылся 15 декабря 1509 г. участвовал митрополит Иосиф Солтан (1509–1521), семь епископов, настоятели монастырей: Киево-Печерской Лавры, Супрасльской Лавры, виленского Свято-Троицкого, монастыря Лаврышевского, слущкого Свято-Троицкого, минского Вознесенского, полоцкого Архангело-Михайловского, смоленского Свято-Духовского, полоцкого, св. Иоанна Крестителя, полоцкого свв. Апп. Петра и Павла [15: 71]. Важным достижением Собора было принятие 15 принципов, призванных урегулировать отношения между церковной иерархией и светской властью. Целью принятых решений было укрепление престижа духовной власти, а также четкое определение компетенции светской власти

Слущ (мужской, сер. XV в.), Пресвятой Троицы, Черя (мужской, 1454 г.), Преображения Господня, Кобрынь (мужской, ок. 1465 г.), свв. Бориса и Глеба, Гродно (мужской, ок. 1480 г.), Архангела Михаила, Смоленск (мужской, XV в.), Архангела Михаила, Полоцк (женский, XV в.), св. Илии, Слущ (мужской, XV в.), св. Симеона Столпника, Брест (мужской, XIV–XV вв.), Рождества Пресвятой Богородицы, Брест (мужской, XV в.), свв. Бориса и Глеба, Новогрудок (мужской, XV в.), св. Иоанна Предтечи, Браслав (мужской, XV в.).

² Благовещения Пресвятой Богородицы, Супрасль (мужской, 1498 г.), Успения Пресвятой Богородицы, около Браслава (мужской, 1503 г.), св. Николая, Лоск (мужской, нач. XVI в.), св. Николая, Хольшаны (мужской, нач. XVI в.), Рождества пресвятой Богородицы, Витебск (женский, нач. XVI в.), св. Николая, Мороч (мужской, до 1508 г.), св. Михаила, Полоцк (мужской, до 1511 г.), св. Параскевы, Полоцк (мужской до 1512 г.), св. Варвары, Пинск (женский, 1520 г.), св. Георгия, Вильно (мужской, до 1524 г.), Нобель (мужской, до 1524 г.), свв. Косьмы и Дамиана, Полоцк (мужской, ок. 1534 г.), Покрова Пресвятой Богородицы, Соломерече (мужской, до 1540 г.), Воскресения Господня, Полоцк (мужской, до 1552 г.), св. Георгия, Полоцк (мужской, до 1552 г.), св. Параскевы, Клецк (мужской, до 1552 г.), Успения Пресвятой Богородицы, Жировице (мужской, ок. 1554 г.), св. Иоанна, Хорозово (мужской, до 1557 г.), Преображения Господня, Дятловиче (мужской, 1560 г.), Преображения Господня, Могилев (мужской, до 1568 г.), Вознесения Господня, Полоцк (мужской, XVI в.), Покрова Пресвятой Богородицы, Полоцк (мужской, XVI в.), Пресвятой Троицы, Новогрудок (мужской, XVI в.).

в отношении духовенства. Постановления Собора касались также и монашеской жизни, регулировали отношения внутренней монастырской жизни. Правовую силу принятых постановлений, по просьбе митрополита Иосифа Солтана, 2 июля 1511 г. подтвердил король Сигизмунд Старый. Одновременно на Сейме в Бресте король подтвердил автономию церковного суда и юрисдикцию митрополита в суде над духовенством по вопросам веры.³ Виленский Собор обратил особое внимание на положение над рекой Супрасль монастыря, который был подчинен Константинопольскому Патриарху в силу выданного Патриархом Иоакимом томоса. Монастырь, построенный Александром Ходкевичем, с самого начала, согласно с уставом, данным ктиторм и епископом Иосифом Солтаном (1492–1509) должен был быть обителью с усиленным аскетизмом, представляющим высокий духовный и нравственный уровень иноков. Работа иноков для монастыря должна была служить примером для православных верующих, а также повысить авторитет Церкви в среде иноверцев [14: 34–35]. Значение этого монастыря подчеркивал выбор Собором игумена Пафнутия Шегеня владими́ро-брестским епископом.

На Поместном Соборе 2–5 февраля 1514 г., который состоялся в монастыре Святой Троицы в Вильне, столице Великого Княжества Литовского в XVI в., присутствовали митрополит Иосиф Солтан, епископы, настоятели монастырей и светские представители православной общности [21: 92]. Собор рассматривал вопросы внутренней жизни Православной Церкви. На Соборе состоялся акт канонизации игумена Елисея Лаврышевского,⁴ кроме того, митрополит Иосиф Солтан отрекся от многих прав относительно супрасльского монастыря в целях обезопасить патриарший монастырь от возможного вмешательства будущих киевских митрополитов во внутреннюю жизнь обители. Митрополит Иосиф Солтан также стремился обезопасить супрасльский монастырь от действий иноверцев, которые согласно праву «ктиторства» или «патроната» обладали влиянием на выбор настоятелей монастырей [15: 77]. Стоит обратить внимание, что в Вильне XVI в. дошло до не имевшей места ранее и в позднейшее время встречи такого множества вероисповеданий и ре-

³ Kopia przywileju królewskiego Zygmunta Starego z 2 lipca 1511 r. Biblioteka Narodowa PAU i PAN w Krakowie, sygn. 5006, k. 152.

⁴ Елисей проводил отшельническую жизнь, которая привлекла к нему других отшельников. Были построены церковь Вознесения Господня и монастырские здания в Лаврышеве в 40-х гг. XIII в. [5: 39]. Легенда гласит, что игумен имел дар борьбы с нечистыми духами и сам был убит 23 октября 1250 г. одержимым человеком. Одержимый был исцелен, а над могилой св. Елисея имели место многочисленные исцеления. Св. Елисею вменяется в заслугу защита лаврышевского монастыря перед татарами в нач. XVI в. Митрополит Иосиф Солтан добился канонизации игумена Елисея на Соборе в 1514 г, в день смерти святого, 23 октября.

лигий. Это был век необыкновенного культурного творчества и развития города. Вильно стал важным центром Реформации, что активизировало также и католичество, приобретающее новых верующих, и православие, укорененное в традиции города еще до внутренних реформ. В результате это привело к интеллектуально конкуренции Церквей и их верующих [21: 91]. Монастырь Св. Троицы в Вильне в начале XVI в. изменил свой внешний облик. Константин Иванович Острожский (1460–1530), в то время опекун и протектор Православной Церкви, построил в 1514 г. на месте деревянного храма новый каменный монастырский собор. Архитектурный стиль новой церкви сочетал старорусскую и византийскую традицию с готической [18: 120–121; 5: 50–51]. Готический стиль в сочетании с византийской архитектурой стал феноменом для всей европейской культуры. Благодаря королевским привилегиям Острожский перестроил в Вильне в таком стиле также и соборную церковь Пречистой Богородицы и церковь св. Николая.⁵ В том же стиле в это время были построены и другие церкви в Великом Княжестве Литовском: в Сынковичах, Моломожейкове, а также монастырский храм Благовещения Пресвятой Богородицы в Супрасле. Игумен Пафнутий Шегень обратился к королю Сигизмунду Старому с просьбой о позволение строительства каменной церкви в начале 1509 г. В 1516 г. супрасльский монастырь построил церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.⁶

Несомненно, Соборы повлияли на усиление власти митрополитов и епископов в Церкви над приходским и монастырским духовенством, но ослабили влияние светских православных верующих на внутренние дела Православной Церкви. В XVI в. монастыри проявили себя как духовная опора православия в моменте «борьбы за души» накануне подписания брестской унии в 1596 г. Вновь виленский монастырь Св. Троицы встал во главе защиты догматов веры и религиозной самоидентичности. Наряду с виленским монастырем борьбу за православие предпринял так-

⁵ Великий Гетман Литовский Константин Острожский перестроил в готическом стиле виленские и новгородские церкви. Затем он привнес готический стиль на свою малую родину, в Острог и Междуречье на Волыни. Соединение готического и византийского архитектурных стилей стало феноменом для всей европейской культуры. Думаю, что следовало бы подтвердить его уникальность и провести исследования в других регионах, расположенных на стыке латинской и византийской культур: в Молдавии, Волощизне, Сербии и Хорватии. Готический Вильно был наиболее северо-восточным городом с такой культурой. Можно, даже, назвать его границей европейского значения, взаимопроникновения латинского и византийского культурного наследия, дававшим, также, возможности развития других религий и вероисповеданий, различным народам, также и в последующие века. Ср.: [20: 8; 10; 9: 21]

⁶ Archiwum Państwowe na Wawelu, Kraków. Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów, syg. 36, nr 29, k. 3.

же супрасльский монастырь. В столичном Вильне антиуниатские деятели были особенно активны. В период глубоких богословских диспутов, особенно в конце XVI и в начале XVII в., для защиты догматов веры была подготовлена только часть духовенства, преимущественно монастырско-го. Монастырь Св. Троицы и братская виленская школа, основанная при монастыре в 1584 г. на основании привилегия короля Стефана Батория, в конце XVI и в XVII в. были теми центрами, которые негативно относились к идее церковной унии [1; 2]. В то время преподавателем в братской школе был известный антиуниатский проповедник Стефан Зизаний. Преподавателями школы были также Кирилл Лукарис, Иов Борецкий, Мелетий Смотрицкий, Феофил Леонович. Школу виленского братства закончили многие выдающиеся церковные и культурные деятели, такие, как Афанасий Брестский, Сильвестр Коссов, Иосиф Нелюбовь Тукальский, Феодор Василевский [22: 64]. На православном Соборе в июне 1594 г. инициировано создание братских типографий в Вильне и Львове [13: 55–56; 19: 241]. Виленское братство в 1586 г. получило позволение киевского митрополита Онисифора (1579–1588) на издание литургических книг. В 1588 г. братство получило право печати церковной литературы от Константинопольского Патриарха Иеремии II, посетившего Православную Церковь в Речи Посполитой. В следующем году права братства на типографскую деятельность подтвердил король Сигизмунд III. Типография была закрыта в 1610 г. королевским декретом после публикации антиуниатского полемического трактата Мелетия Смотрицкого «Тренос, то есть lament Единой Святой Соборной Апостольской Восточной Церкви». Типография в Вильне прекратила свою деятельность на пять лет. На это время типография была переведена в Евье под опеку трокского подкоморного Богдана Огинского [12: 66]. Руководителем типографии, а также ректором братской школы был Леонтий Карпович (1580–1620), который за работу над вышеупомянутым трактатом был в 1610 г. арестован по распоряжению короля Сигизмунда III Вазы и властей города Вильны и пребывал в заточении два года, под постоянным прессом изнурительных допросов. Причиной заточения Леонтия Карповича было письмо короля Сигизмунда III Вазы, в котором он распорядился закрыть братскую типографию в Вильне, уничтожить ее публикации, а также арестовать ее работников и авторов публикаций. Типография была закрыта на пять лет, а Карпович был освобожден после двух лет.

Супрасльский монастырь также стал опорой православия в период религиозных диспутов и полемик. В скриптории обители переписывались литургические книги, создавались и редактировались привезенные, например, из Киева, полемические трактаты. Трактаты распространялись

на всей территории Великого Княжества Литовского и за его пределами. Известны восемь трактатов, созданных в супрасльском монастыре, информация о которых содержится в кодексе, который находился в библиотеке монастыря св. Михаила в Киеве. Среди этих трактатов было, в том числе, «Послание латинникам» от 1581 г., обращенное против посланий Петра Скарги, а преимущественно против трактата «О единстве Церкви Божией», изданного в 1577 г. [16: 542]; «Повесть о опустошении Горы Афон латинниками в 1276 году», переписанная в супрасльском монастыре в 1546 г. [16: 541].

Супрасльские монахи были вовлечены в реформу Православной Церкви. Их позиция была очень важна, потому что наряду с архимандритами – противниками унии Киево-Печерской Лавры в следующую очередь перечисляли архимандритов монастырей в Супрасле, Пинске, Дермане, Дубне и т. д. [11: 331].

Супрасльский монастырь наиболее известен именно благодаря своей библиотеке, которая в исторической литературе в сравнении с другими монастырскими библиотеками описана наиболее подробно. В этом месте не буду углубляться в тему книжных собраний библиотеки, а обращусь к описям. Наиболее старший инвентарь-каталог библиотечного собрания, составленный архимандритом Сергием Кимбаром, датируется 1557 г. До 1877 г. хранился в супрасльском монастыре, затем в Вильне. В настоящее время его судьба неизвестна. Следующие известные инвентари датируются XVII и XIX вв. Стоит однако подчеркнуть, что близкие контакты супрасльского монастыря с подобными ему обителями в Речи Посполитой, в том числе с монастырями в Киеве, Слуцке, Вильне, а также обителями на Балканах, Святой Горой Афон, монастырями в Москве, Сербии, Волощизне и Болгарии, повлияли на создание библиотеки с богатым культурным наследием не только славянских народов. Влияние культуры восточнославянских, южнославянских и балканских народов принесло свои плоды в архитектуре и иконографии, фресках и внутреннем убранстве монастырской церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в Супрасле.⁷ Собранием супрасльской монастырской библиотеки в XVI в. пользовались, в том числе, старец Артемий, князь Андрей Курбский, литовский канцлер Остафий Воллович, трокский каштелан Георгий Ходкевич и многие другие духовные особы и политические деятели. Ценность собрания оценил пользовавшийся им историограф Матфей Стрыйков-

⁷ Автором фресок был Нектарий и, по всей видимости, его группа иконописцев прибыла из Сербии, так как стиль фресок очень близок к сербской школе, которая оказала большое влияние на соседние земли. Похожие фрески можно встретить в сербских монастырях: в Манасии, в Раваднице, в Каленице, в Охриде [23: 161–181].

ский, готовивший к изданию «Хронику польскую, литовскую, жмудскую и всей Руси».

Библиотеки находились и в других монастырях Великого Княжества Литовского, например, вышеупомянутый виленский монастырь, или слуцкий Свято-Троицкий монастырь, жировицкий Успенский, лецинский около Пинска, лаврышевский. Монастырские библиотеки существовали в XVI в., однако об их собраниях можно судить на основании информации последующих веков. Например, на основании составленной в 1800 г. описи библиотеки жировицкого монастыря можно получить информацию о хранении 3867 печатных книг и 537 рукописей. Среди них находилось Жировицкое Евангелие, называемое Евангелием Сапегги. Украшение рукописи выполнено в византийском стиле, который появился в восточнославянских рукописях в начале XV в. и был привнесен с Балкан и Болгарии. Белорусский историк искусства В. Шматау считает стиль рисунков этой рукописи несравнимым с другими памятниками подобного типа на территории Великого Княжества Литовского, стиль, который не встречается где-либо еще [7: 32]. В собраниях была уникальная инкунабула Часослова, напечатанная Швайполтом Фиолом в Кракове в 1491 г., а также иные ценные книги [4: 80–87].

Монастыри Великого Княжества Литовского в XVI в. играли также важную роль как места культа чудотворных икон. Среди икон, находящихся в монастырях Великого Княжества Литовского, особо почитаема была супрасльская икона Богородицы, а также жировицкая икона Божией Матери. Согласно утверждению архимандрита Николая Далматова, супрасльская икона Богородицы могла быть написана по заказу смоленского епископа Иосифа Солтана в начале XVI в. (ок.1503). Она должна была быть точной копией смоленской иконы Богородицы, почитание которой было очень распространено на землях Великого Княжества Литовского. Основывая супрасльский монастырь и передавая в него копию смоленской иконы Пресвятой Богородицы, смоленский епископ отражал православную традицию этого региона и утверждал ее в наиболее западном монастыре Литовского Княжества. Нет задокументированной «книги чудес», имевших место перед супрасльской иконой Богородицы, но ее значение для верующих было очень большое, о чем свидетельствуют многочисленные копии иконы, в том числе белостокская, ходышевская, варшавская. Икона Божией Матери в Жировицах появилась во второй половине XV в., либо после 1514 г., когда, согласно легенде, пастухи увидели на дикорастущей груше блестящий образ Богородицы. Многочисленные исцеления перед жировицкой иконой распространили ее почитание на все Великое Княжество Литовское. По всей вероятности, будущая

игуменья, Раина Войнянка, была исцелена в детстве перед жировицкой иконой в 1558 г. По всей видимости, это повлияло на дальнейшую жизнь Раины, которая в 1580 г. получила королевский привилей на игуменство в монастыре св. Варвары в Пинске. С этим монастырем в XVI в. была связана копия иерусалимской иконы Божией Матери, характер письма которой указывает на иконописца, связанного с землями Великого Княжества Литовского. Почитание этой иконы еще не подтверждено в источниках. Важным монастырем, в котором писались иконы, была обитель свв. Бориса и Глеба в Гродно. Иконописцем монастыря был архимандрит Иона, известный с середины XVI в. Другие монастыри также обладали иконописными мастерскими, известен, например, иконописец Навоша из лещинского монастыря в XVI в. Этот монастырь был местом паломничеств, так как в нем находилась чудотворная икона Успения Пресвятой Богородицы XIV в. Почитание иконы Божией Матери с Богомладенцем было отражено в источниках XVI в. в кобрыньском монастыре. Почитание чудотворных икон не только отвечало духовным нуждам верующих, но также усиливало общественное самосознание и культурную самоидентичность жителей Великого Княжества Литовского. Развитие особого почитание Богородицы было естественной формой проявления набожности, а также оригинальным и автономным явлением в европейской культуре. Привязанность к почитанию икон Божией Матери в Великом Княжестве Литовском уходит корнями в средние века (почитание икон смоленской, корсунской, купятицкой) и стало традицией, перенимаемой в последующие века и по сегодняшний день. Другим проявлением духовной и религиозной жизни является почитание святых. В XVI в. в монастырях развивалось особое почитание известных святых, живших в различных местах и канонизированных в разное время. Духовная традиция формировалась, основываясь на особом почитании св. равноапостольных великого князя Владимира и княгини Ольги, свв. преподобных Антония и Феодосия Печерских. Распространялось почитание святых, связанных с отдельными местами региона: свв. виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. В Полоцке особо почитались святые епископы Мина (1105–1116), Дионисий (1166–1187), Симеон (1266–1289) и такие святые как св. Евфросиния Полоцкая, св. Кирилл Туровский, св. Авраамий Смоленский. С XV в. на землях Великого Княжества Литовского распространилось почитание многих балканских святых, в том числе св. Параскевы Пятницкой (Тырновской), святителя Саввы Сербского, св. Симеона Сербского, св. Иоанна Сучавского (небесного покровителя Молдавии). В суспрасельском монастыре находился кодекс, в котором находилась служба в честь св. Арсения, преемника св. Саввы на сербской архиепископской

кафедре.⁸ Кодексы, составленные в монастырях Великого Княжества Литовского, содержат жития общецтимых восточных и западных христианских святых, в том числе в рукописях виленского Свято-Троицкого монастыря находились жития св. Иоанна Златоустого, св. Василия Великого, св. Григория Нисского. Кроме житий общехристианских и мсестночтимых святых монастырские кодексы содержат жития египетских, греческих и сирийских святых. Необходимо указать также на святых, которые подвизались в монастырях Великого Княжества Литовского в XVI в. Известны два святых этого периода, а именно св. Антоний Супрасльский⁹ и св. Геннадий Могилевский.¹⁰ Почитание чудотворных икон повлияло на развитие различных форм набожности, от наиболее распространенных паломничеств в монастыри, участия в богослужениях, до письменности и различных литературных произведений. Универсальность и всеобщность почитания чудотворных икон подтверждает культурное единство Великого Княжества Литовского.

В монашеское служение всегда входило обучение, которое в XVI в. играло роль элементарного образования. Монастырские школы организовывались церковными братствами, как например Свято-Троицким братством в Вильне.¹¹ По примеру Вильно создавались школы в других монастырях. Обязанность обучения накладывалась на духовенство. Мелетий Смотрицкий в предисловии к «Грамматике», изданной в 1619 г., написал о системе образования, которая существовала уже долгое время. Согласно этой информации, обучение начиналось с изучения алфавита, затем Часослова и Псалтири, затем письма. Затем обучали чтению Апостола и арифметике. Перечисленные этапы обучения, по всей вероятности, не были единственными в системе образования в XVI в. [6].

Монастыри в XVI в. были духовными и культурными центрами, которые были не только местом паломничеств, богослужений, образования, но и объектом попечения влиятельных магнатов, которые стремились к тому, чтобы там было место их погребения. В супрасльском монастыре,

⁸ Lietuvos Mokslo Akademijos Biblioteka, Vilnius, [LMAB], F. 19-145.

⁹ Житие св. Антония было написано в одном из монастырей на Святой Горе Афон на основании свидетельства афонских монахов. Сохранилось Житие св. Антония, датированное XVI в., в рукописи Пролога, ГИМ, собр. Уварова, № 56-1, л. 478–479 об. [17: 9].

¹⁰ Св. Геннадий известен как опекун церквей и монастырей, иконописцев, исцелявший больных и предвидевший будущее. Родился в начале XVI в. в Могилеве, умер 23 января 1565 г. Провел свою жизнь, развивая иночество в великорусских монастырях. Житие св. Геннадия написал один из его учеников, Алексей, в 1584–1586 гг., который написал также несколько других произведений, посвященных святому [3: 182].

¹¹ Братская школа в Вильне была создана в 1584 г. на основании привилея короля Стефана Батория [1].

согласно своей воле, был похоронен смоленский воевода, минский и пинский староста Василий Тышкевич, а также жена Александра Ходкевича Василиса Иоанновна Ярославна-Холовчинская, слуцкий архимандрит Никандр. Все они были погребены в крипте церкви Благовещения Пресвятой Богородицы. Подобным образом волю своего погребения в монастыре выразил князь Матфей Никитич-Холовчинский, который в 1536 г. собрал фонд для виленского Свято-Троицкого монастыря и записал для него, вместе с женой, фольварк Святинники, а в 1539 г. имение Пурвинники. Развитие монашеской жизни в XVI в. было также продиктовано политикой литовско-русских сановников, которые по причинам престижа охотно создавали новые монастыри и финансово поддерживали уже существующие. Опекуню православия была жена Александра Ягеллончика княжна Елена, которая поддерживала минский Вознесенский, виленский Свято-Троицкий, супрасльский Благовещенский монастыри. Многочисленные пожертвования внес также король Сигизмунд Старый, например, в пользу смоленского Спасского монастыря (1507, 1508 гг.), новогрудского монастыря свв. Бориса и Глеба (1517 г.), или виленского свято-Георгиевского (1524 г.). Кроме духовной и культурной функции монастыри выполняли политическую роль. Например, лаврышевский и лецинский монастыри были убежищем для литовских князей. Виленский Свято-Троицкий монастырь, в свою очередь, был местом нахождения мощей святых виленских мучеников, а развитие их почитание связывало общими нитями Византию, Великое Княжество Литовское и Московское государство. Необходимо также помнить, что в то время церковная иерархия выходила из монастырской среды, в том числе из супрасльского Благовещенского и виленского Свято-Троицкого.

Литература

1. Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею. Т. 3. № 144. СПб., 1848.
2. Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею. Т. 4. № 25. СПб., 1851.
3. *Мельников А. А.* Путь непечален: Исторические свидетельства о святости Белой Руси. Минск, 1992.
4. *Морозова Н. А.* Из истории библиотеки Жировицкого монастыря: Жировицкие рукописи в Библиотеке Академии наук Литвы // *Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры.* Минск, 2006. С. 80–87.
5. *Слюнькова И. Н.* Монастыри восточной и западной традиций. М., 2002.
6. *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в. Отношение их к инославным религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты веры и церкви. Казань, 1898.
7. *Шматаў В.* Жыровіцкае Евангелле // *Беларускі гістарычны часопіс.* 2004. № 7.

8. *Ярушевич А.* Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461–1530) и православная литовская Русь в его время. Смоленск, 1896.
9. *Boras Z.* Poczecet hetmanów polskich i litewskich. Poznań, 2008.
10. *Fijalek J.* Opisy Wilna aż do połowy wieku XVII-go // Ateneum Wileńskie. 1924. R. 2. Z. 5–6. S. 140–146.
11. *Gudziak B. A.* Kryzys i reforma: Metropolia kijowska, patriarchat Konstantynopola i geneza unii brzeskiej. Lublin, 2008.
12. *Mironowicz A.* Bractwa cerkiewne w Rzeczypospolitej. Białystok, 2003.
13. *Mironowicz A.* Drukarnie bractw cerkiewnych // Prawosławne oficyny wydawnicze w Rzeczypospolitej. Białystok, 2004. S. 52–68.
14. *Mironowicz A.* O początkach monasteru supraskiego i jego fundatorach. Supraśl, 2013.
15. *Mironowicz A.* Sobory wileńskie 1509 i 1514 roku // Synody Cerkwi prawosławnej w I Rzeczypospolitej. Białystok, 2014. S. 71–82. (Latopisy Akademii Supraskiej. Vol. 5).
16. *Mironowicz A.* Związki literackie Kijowa z monasterem supraskim w XVI wieku // *Slavia Orientalis*. 1989. T. 38. № 3–4. S. 537–542.
17. *Mironowicz A., Mironowicz M.* Święty Antoni Supraski. Białystok, 2014.
18. *Pawluczuk U. A.* Architektura cerkwi monasterskich w Wilnie // Актуальные направления научных исследований XXI века: Теория и практика. 2016. № 3 (23). С. 120–126.
19. *Pawluczuk U.* Drukarnia barci Mamoniczów w Wilnie // Берасцейскія кнігазборы: Брэсцкая Біблія – унікальны помнік культуры XVI стагоддзя да 450-годдзя выдання. Брэст, 2014. С. 213–219.
20. *Pawluczuk U. A.* Osiemnastowieczne Wilno-miasto wielu religii i narodów. Białystok, 2015.
21. *Pawluczuk U.* Wilno w okresie soboru 1514 roku // Synody Cerkwi prawosławnej w I Rzeczypospolitej. Białystok, 2014. S. 83–102. (Latopisy Akademii Supraskiej. Vol. 5).
22. *Pawluczuk U.* Wykładowcy greccy w szkołach bractw cerkiewnych we Lwowie i Wilnie // Kościół prawosławny na Bałkanach i w Polsce: Wzajemne relacje oraz wspólna tradycja. Białystok, 2011. S. 59–70. (Latopisy Akademii Supraskiej. Vol. 2).
23. *Szymański S.* Freski z Supraśla: Próba rekonstruowania genealogii // Rocznik Białostocki. 1972. № 11. S. 161–181.

Источники по истории религиозных движений на Руси в конце XV – начале XVI в.: новый взгляд

д-р ист. наук

РНБ

email: a.alexeev@nlr.ru

В статье излагаются результаты изучения основных источников по истории ереси жидовствующих в России конца XV – начала XVI в. Предложен новый взгляд на текстологическую и творческую историю «Книги на еретиков» Иосифа Волоцкого. Установлено первенство пространной редакции памятника в списке ГИМ, Епархиальное собр., № 340 перед списком краткой редакции в списке РНБ, Соловецкое собр., № 326/346. Приведены аргументы в пользу зависимости антиеретических посланий Иосифа Волоцкого от текста «Просветителя». Все новоустановленные факты заставляют по-новому оценить информационную ценность сведений «Просветителя» как трактата, написанного в период сохраняющегося влияния жидовствующих и отражающего реалии начала решающего этапа напряженной борьбы с ересью.

Ключевые слова: Ересь жидовствующих, Иосиф Волоцкий, «Просветитель», антиеретические послания, текстология древнерусской литературы.

Жидовствующими или «жидовски мудрствующими» принято обозначать еретическое движение последней трети XV – начала XVI в. в Новгороде и в Москве [4; 8: 215–250; 10]. Название ереси указывает на ее связь с иудаизмом. Научное издание основных источников [11; 18] и появление фундаментальной монографии Я. С. Лурье [12] на долгие годы сформировали подход в отношении восприятия ереси в исследовательской среде, который может быть определен как скептический. С достаточной долей условности начало формирования скептического подхода следует возводить к работам В. Н. Перетца [17].

Я. С. Лурье делил противоеретические произведения на две группы: обличительные, которым отказывал в доверии, и полемические, дающие более убедительные представления о взглядах еретиков [12: 122–127, 154–178]. Он полагал, что более-менее ценная информация может быть извлечена из посланий архиепископа Геннадия Гонзова, а все обвинения в «жидовстве», которые адресовал еретикам Иосиф Волоцкий, являют-

ся недостоверными. По этой причине он ввел в научный оборот термин «новгородско-московская ересь». В статьях, посвященных методологии критики источников, он предпринял попытку обосновать как сам принцип разграничения прямых и косвенных показаний источников, так и принцип их использования исследователем [13]. Я. С. Лурье попытался подвести теоретическую и идеологическую базу под свои методы источниковедческой критики, позволяющие ему игнорировать прямые показания источников ссылкой на их пристрастность, противопоставляя принцип «презумпции достоверности» источника эмоционально окрашенному принципу «презумпции невиновности» «жертв инквизиционных процессов» [14].

Критическая оценка результатов исследований Я. С. Лурье была дана в статье Ш. Эттингера, который отметил тенденциозность его основных выводов. Израильский историк писал: «У Лурье источник становится клеветническим, только когда упоминается еврейское влияние или тенденции к переходу в жидовство. Доверие к одному и тому же источнику в одном случае и объявление его “клеветническим” – в другом представляют собой весьма искаженный, или, если воспользоваться выражением самого Лурье, “ненаучный” подход. Вторым недостатком данной школы является упорное нежелание исследовать возможные источники с целью выявления внешних влияний на движение и его идеи. Такое нежелание связано с верой в “порождение ереси народом”» [20]. По словам Ш. Эттингера, «если не считать средневековые судебные документы историческим источником из-за того, что мнение судей было пристрастным, то это, в сущности, означает полный отказ от попыток разобраться и понять еретические или революционные движения того времени». Применительно же к ситуации с ересью жидовствующих в России конца XV – начала XVI в., исходя из логики Я. С. Лурье, следует считать, что «в России вообще не было никакой ереси (большинство обвиняемых отрицали свою вину и уверяли, что являются православными христианами), и что вся история была сфабрикована несколькими церковниками по политическим и личным причинам». Причины подобной предвзятости советского исследователя Ш. Эттингер усматривал в «горьком опыте сталинских процессов 1930-х гг.», который проецировался на любую сходную ситуацию в изучаемом материале.

Обратившись к истории ереси жидовствующих, постараемся оперировать достоверно установленными фактами и результатами исследования основных источников. В те годы, когда архиепископ Геннадий требовал принять меры к еретикам (по большому счету безуспешно), в Москве в соборах Кремля служили обвиняемые им в еретичестве протопоп Алек-

сей (в Успенском соборе) и поп Денис (в Архангельском соборе), а одним из самых приближенных к Ивану III лиц являлся дьяк Федор Васильевич Курицын, которого Геннадий прямо обвинял в еретичестве. В то же время сам новгородский архиепископ находился в положении защищавшейся стороны: он был вынужден оправдываться от обвинений в издоимстве и связях с Литвой (политическое обвинение!), а новопоставленный митрополит Зосима затребовал от него исповедание веры, что глубоко оскорбило Геннадия. Учитывая эти обстоятельства, необходимо признать, что послания архиепископа Геннадия были написаны в период, когда еретики пользовались поддержкой великого князя, а новгородский владыка испытывал явно выраженный дефицит доверия со стороны носителя высшей власти. Сведения о ереси, содержащиеся в посланиях новгородского митрополита, следует признать заслуживающими доверия.

Главным источником наших знаний о ереси жидовствующих является «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого, получившая позднее наименование «Просветитель». Длительное время считалось, что первоначальной является Краткая редакция «Просветителя» в объеме 11 «слов», представленная списком РНБ, Соловецкое собр., № 326/346. Как установил Г. М. Прохоров, одним из писцов основной части рукописи был Нил Сорский († 2 мая 1508 г.), следовательно, список следует датировать временем не позднее 1508 г. [19]. Так же не было сомнений в том, что древнейший вид Пространной редакции «Просветителя» (16 «слов») представлен двумя списками: ГИМ, Епархиальное собр., № 340 и № 339.

Сопоставление текстов древнейшего вида Пространной и Краткой редакций «Просветителя» позволило обнаружить, что в совпадающей части обеих редакций памятника можно указать не менее 25 примеров того, как правка, содержащаяся на полях списка Епарх. 340, учтена в тексте Солов. 326/346 [2; 3; 7; 6; 9]. Я. С. Лурье утверждал, что в тексте «Сказания о новоявившейся ереси» также содержались аннотации 11 «слов» «Просветителя». Тексты «Сказания» отсутствуют в обоих епархиальных списках, но при обращении к древнейшему виду «Сказания», представленному списками Солов. 326/346 и Соф. 1462, оказывается, что в них содержатся аннотации 12-го и 13-го «слов» «Просветителя». Последним исследователем, который обратил на это внимание, был Ю. Мияно, задавший вопрос: «Почему эта часть, соответствующая по содержанию 12-му и 13-му словам Пространной редакции “Книги”, находится в “Сказании”, предваряющем Краткую редакцию, в которой нет 12–13-го слов?» [16: 381]. Таким образом, даже в списках, представляющих Краткую редакцию, обнаруживаются следы того, что в первоначальном виде трактат Иосифа Волоцкого состоял, по крайней мере, из 13 «слов».

Тот факт, что Краткая редакция «Просветителя» в составе 10 или 11 «слов» представлена списками, происходящими не из Иосифо-Волоколамского монастыря, заставляет признать, что первоначальный текст подвергался редакторскому вмешательству книжников, которые разделяли далеко не все взгляды Иосифа Волоцкого.

Принципиально важными для датировки «Просветителя» являются следующие сделанные мною на основании текстологического анализа выводы (рис. 1):

1. «Сказание» и «слова» об иконах, встречающиеся в списках, переписываемых отдельно от «Просветителя», не являются его источником, а, напротив, вторичны по отношению к тексту 5-го, 6-го и 7-го «слов» в составе «Просветителя».

2. «Сказание» и «слова» на тему «о скончании седьмой тысячи» в списках, имевших распространение независимо от «Просветителя», не являются его источником, а вторичны по отношению к 8-му, 9-му, 10-му «словам» «Просветителя».

3. «Сказание об иноческом жительстве» является сокращением текста 11-го «слова» «Просветителя».

4. «Слово об осуждении еретиков» является вторичным по отношению к тексту 13-го «слова» в составе «Просветителя».

5. «Слово о благопремудростных коварствах» является вторичным по отношению к тексту 14-го «слова» в составе «Просветителя».

6. «Послание о соблюдении соборного приговора 1504 г.» было написано с использованием текстов 15-го и 16-го «слов» «Просветителя» в 1504–1505 гг., но еще до того, как эти тексты окончательно оформились.

7. Послание архимандриту Вассиану о Троице текстологически зависит от 1-го, 5-го, 6-го и 7-го «слов» «Просветителя» и написано не ранее весны 1502 г.

8. Источниками Послания Иосифа Волоцкого епископу Нифонту Суздальскому послужили тексты «Сказания о новоявившейся ереси» и 12-го, 13-го и 14-го «слов» из состава «Просветителя». Послание написано в период между весной 1502 и летом 1504 гг.

9. Послание архимандриту Митрофану Андронниковскому обнаруживает зависимость от 12-го, 13-го, 14-го «слов» из состава «Просветителя» и написано после Пасхи 1504 г.

10. Послание Иосифа Волоцкого Ивану Ивановичу Третьякову написано с использованием текста 12-го «слова» «Просветителя».

11. Послание Нила Полева старцу Герману написано с использованием 12-го «слова» «Просветителя».

12. В «Ответе кирилловских старцев» опровергаются аргументы, использованные в 13-м «слове» «Просветителя».

Выявленные факты взаимоотношений «Просветителя» и указанных сочинений позволяют по-новому представить творческую историю этого памятника. Связь между обличительными посланиями Иосифа Волоцкого и «Книгой на еретиков» оказывается обратной: сначала появился трактат на еретиков, а затем, когда появилась возможность вступить в открытую борьбу с еретиками, текст «Просветителя» был использован в посланиях к влиятельным иерархам.

Послания Иосифа Волоцкого, посвященные обличению ереси жидовствующих, были написаны в промежутке между весной 1502 г. (Послание брату Вассиану) и весной – летом 1504 г. (Послание архимандриту Митрофану Андронниковскому). В этих посланиях был использован текст «Просветителя», который, следовательно, уже существовал к 1502 г. и состоял из 13 «слов». Послания брату Вассиану, архимандриту Вассиану, архимандриту Евфимию, епископу Суздальскому Нифонту знаменовали собой переход в фазу открытой борьбы с ересью. Эта борьба началась уже после первого свидания Иосифа Волоцкого с великим князем, имевшим место весной 1502 г., вероятнее всего в апреле, после ареста Дмитрия-внука и Елены Волошанки. Трактат Иосифа, посвященный обличению ереси жидовствующих, должен был уже существовать на момент свидания. В противном случае, нельзя понять интерес, который великий князь проявил к игумену скромного монастыря из пределов Волоцкого княжества, с которым его разделял давний конфликт из-за монастырских сирот. Инициатива привлечения Иосифа Волоцкого к обличению ереси исходила от великого князя: «Коли, господине, был есмь на Москве, ино, господине, государь князь великий, Иван Васильевич всеа Руси, говорил со мною наедине о церковных делех. Да после того почял говорити о новгородцких еретикех, да и молвил мне так: “И яз, деи, ведал новгородцких еретиков, и ты мя прости в том, а митрополит и владыки простили мя”» [18: 174].

«Просветитель» должен был получить значение программного документа, санкционированного церковной иерархией. Для этого Иосиф Волоцкий в первую очередь должен был заручиться одобрением заволжских старцев, которые не раз в лице Паисия Ярославова и Нила Сорского выступали в качестве влиятельных советников великого князя. По-видимому, список «Просветителя» в составе 13 «слов» и в том виде, который он имел в промежутке между первым и вторым этапами правки списка Епарх. 340, был отправлен на Белое озеро весной – летом 1502 г. Можно предполагать, что в заволжские скиты список доставили иконописец Дионисий или ученики волоцкого игумена Нил Полев и князь-инок Дионисий Звенигородский. Я. С. Лурье верно отмечал: «Готовность Нила

взяться за перо, чтобы изготовить парадный список «Просветителя», свидетельствует о том, что книга эта была ему близка и дорога» [15: 118]. Это высказывание совершенно справедливо относительно первых 11 «слов». Утверждения Иосифа Волоцкого о недейственности проклятия святителя-еретика и требование смертной казни по отношению к еретикам, содержащиеся в 12-м и 13-м «словах», задевали интересы влиятельной Кирилло-Белозерской корпорации и были отвергнуты. Позиция заволжцев нашла отражение в тексте «Ответа кирилловских старцев», в котором опровергаются аргументы 13-го «слова». Именно в этой ситуации я усматриваю истоки зарождения знаменитой полемики между иосифлянами и нестяжателями [1: 212–222].

Полученные результаты текстологического исследования заставляют признать, что два основных комплекса антиеретических сочинений (послания архиепископа Геннадия, «Просветитель» и послания Иосифа Волоцкого) разделяет период более десятилетия (1490–1502 гг.), который не оставил никаких следов полемической борьбы. На соборе 1490 г. во главе с чернцом Захаром и попом Денисом были осуждены первые последователи ереси жидовствующих, преимущественно выходцы из Новгорода. Из четырех лиц, которым адресованы главные обвинения в тексте «Просветителя», в тексте Соборного приговора фигурировал лишь поп Денис. В то же время сохраняли свое высокое положение при московском дворе великокняжеские дьяки Федор и Иван Волк Курицыны, а митрополичий престол занял рекомендованный великому князю протопопом Алексеем архимандрит Симонова монастыря Зосима. Даже после отставки Зосимы, которая, судя по всему, не была связана с обвинениями в ереси, второй по значимости пост в новгородской иерархии занимает архимандрит Кассиан, а сам Зосима сохраняет значительную часть своего авторитета и влияния, проживая на покое в Симоновом и Троице-Сергиевом монастырях [5]. Только после разрешения династического кризиса в пользу княжича Василия в апреле 1502 г. появляются полемические послания Иосифа Волоцкого с призывом начать борьбу с жидовствующими. Приблизительно в это время появляются и переведенные с латыни в кружке архиепископа Геннадия антииудейские трактаты Николая Лиры (в 1501 г. «Против коварства иудеев» («*Contra perfideam judeorum*»)) и Самуила Евреина (в 1504 г. «Обличения на иудейские блужения» («*Epistola contra Judaeorum errors*»)). Все это заставляет по-новому оценить информационную ценность сведений «Просветителя» как трактата, написанного в период сохраняющегося влияния жидовствующих и отражающего реалии начала решающего этапа напряженной борьбы с ересью.

Литература

1. *Алексеев А. И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 2016.
2. *Алексеев А. И.* К изучению творческой истории «Книги на еретиков» Иосифа Волоцкого // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 5–15.
3. *Алексеев А. И.* К изучению творческой истории «Книги на еретиков» Иосифа Волоцкого // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 60–71.
4. *Алексеев А. И.* Жидовствующие // Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2008. С. 193–194.
5. *Алексеев А. И.* Зосима // Православная энциклопедия. Т. 20. М., 2009. С. 355–360.
6. *Алексеев А. И.* О первенстве Пространной редакции «Просветителя» Иосифа Волоцкого // Religion und Integration im Moskauer Russland: Konzepte, Potentiale und Grenzen 14.–17. Jahrhundert. Wiesbaden, 2010. S. 297–320. (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 76).
7. *Алексеев А. И.* О «Просветителе» и посланиях Иосифа Волоцкого // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 121–220.
8. *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV – XVI в.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012.
9. *Алексеев А. И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010.
10. *Дмитриев М. В.* От антииудаизма к иудантизму в православной культуре Востока Европы в конце XV – XVI в. // Polystoria: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе. М., 2016. С. 209–210.
11. *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л., 1955.
12. *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960.
13. *Лурье Я. С.* О некоторых принципах критики источника // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. С. 94–96.
14. *Лурье Я. С.* О путях доказательства при анализе источников (на материале древнерусских памятников) // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 61–68.
15. *Лурье Я. С.* Русские современники Возрождения. Л., 1988.
16. *Мияно Ю.* К вопросу о месте Кирилло-Белозерского списка «Книги на еретиков» Иосифа Волоцкого в истории текста ее краткой редакции // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 364–395.
17. *Перетц В. Н.* Новые труды о «жидовствующих» XV в. и их литературе. Киев, 1908.
18. Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959.
19. *Прохоров Г. М.* Автографы Нила Сорского // ПКНО. 1974. М., 1975. С. 37–54.
20. *Эттингер Ш.* Влияние евреев на «ересь жидовствующих» в Московской Руси // Jews & Slavs. Vol. 4. Jerusalem; St.Petersburg, 1995. P. 9–27.

Евангелие от Марка в старопечатных изданиях богослужебных Четвероевангелий

*д-р богословия
Христианская Богословская Академия в Варшаве (Польша)
email: jostap@wp.pl*

Статья основана на текстологическом исследовании девяти литургических зачал Евангелия от Марка, проведенного на основе 75 старопечатных кириллических Четвероевангелий. Распределение всех исследованных тетров (среднеболгарского и сербского изводов и восточнославянских) на группы основано на текстологических разночтениях.

Ключевые слова: Евангелие от Марка, четвероевангелие, кириллическая старопечатная книга, текстология.

Текстологические исследования церковнославянских рукописных Евангелий указали на существование в их тексте большого количества разночтений. К выделенным Г. А. Воскресенским четырем редакциям церковнославянского перевода Евангелий (древнейшей югославянской, преславской, русской XIV в. и русско-болгарской) [2: 1] в последнее годы были добавлены и другие: афонские редакции А и В [4: 14–16]. Выработанный на Св. Горе Афон текст, отличающийся очень высокой стабильностью и вытеснивший другие разновидности текста (поэтому он и называется «вувльгатой»), лег в основу печатных изданий кириллических Евангелий [4: 14, 17].

Богослужебное Четвероевангелие было впервые напечатано в 1512 г. в Тирговище. Другие кириллические издания, в которых кроме всех четырех Евангелий находились и ветхо- и/или только новозаветные книги, начали издаваться позже. Только в 1580 г. был напечатан Новый Завет с Псалтирю, в 1581 г. Библия, а в 1623 г. Новый Завет без книги Псалтирь. Подобные издания, в сравнении с старопечатными Четвероевангелиями, выходили реже. До 1800 г. Библия была издана 18 раз, Новый Завет – 51 раз [7: 148–153], а литургические Четвероевангелия – около 120 раз [7: 137–148]. Апракосы в эпоху книгопечатания издавались только четыре раза [7: 155–

164]. Из этого видно, что кириллические старопечатные богослужебные Четвероевангелия являлись самым популярным изданием книги, содержащей евангельский текст, в них находились все указания, необходимые для совершения ежедневных богослужений священниками.

Текстологические исследования евангельских чтений после праздника Пятидесятницы четырех старопечатных апракосов [8] и шести зачал Евангелия от Матфея [6] в 23 Четвероевангелиях указали на существование небольших различий в литургической традиции и разночтений в евангельском тексте. На их основании было выполнено предварительное распределение исследуемых тетров по нескольким группам [6: 283–284]. Полученные результаты нельзя признать окончательными [6: 284]. Увеличение в исследовании количества старопечатных Четвероевангелий может не только подтвердить полученные результаты, но и категорически их опровергнуть или указать на совсем новые группы и существующие между ними сходства.

В настоящем исследовании сравнение первых девяти зачал кириллического текста Евангелия от Марка проводилось на 75 старопечатных Четвероевангелиях. Это значит, что использована более чем половина источников, а точнее 65 %. 13¹ из них печатались в XVI в., 23 в XVII в. и 29 в XVIII в. Это значит, что использовано 87 % Четвероевангелий, вышедших в XVI в., 64 %, выпущенных в XVII в., и 60 %, вышедших XVIII в.

Исследованные тетры были изданы в:

- Тирговище в 1512 г.;
- Руяне в 1537 г.;
- Сибиу в 1546 г.;
- Белграде в 1552 г.;
- Брашове в 1561/1562 г.;
- Мръшиной Церкви в 1562 г.;
- Вильнюсе² в 1575, 1600 (без сигнатур), около 1620³ (с сигнатурами) и 1644⁴ гг.;
- Шебеш в 1579 г.;
- Монастыре св. Иоанна возле Бухареста в 1582 г.;
- Шебеш или Брашове в 1583 г.;

¹ В сохранившемся фрагменте тетра из города Сибиу 1551 г. на церковнославянском и румынском языках находится только часть Евангелия от Матфея [3: 25]. Таким образом, использование этого тетра в исследованиях Евангелия от Марка не было возможно.

² Виленское издание 1790 г. было в действительности напечатано в 1801–1803 гг., на бумаге 1801 г.

³ Виленское издание 1600 г., так называемое с сигнатурами, было напечатано, как доказали филиграноведческие исследования, в конце 1610-х – начале 1620-х гг. [1: 300–301, 303; 5: 212].

⁴ Некоторые экземпляры этого издания имеют на титульном листе место выхода Вильнюс или Евье.

– Львове в типографии Успенского Братства в 1636, 1644 (михѣиль слюска типографъ двѣ), 1670, 1690, 1704, 1722 и 1743 гг. и в типографии Михаила Сльозки в 1665 г.;

– Киеве в 1697, 1712, 1733, 1737, 1746, 1752, 1759, 1771, 1773 и 1784 гг.;

– Почаеве в 1759, 1768, 1771 и две в 1780 (1° и 2°) гг.;

– Клинцах в 1786 г. (это перепечатка московского издания 1648 г.);

– Москве, 38 изданий, в 1553/1554 (узкошрифтное), 1558/1559 (среднешрифтное), 1563/1564 (широкошрифтное), 1606, 1627, 1628, 1637, 1640, 1644, 1648, 1651, 1657, 1663, 1681, 1688, 1689, 1694, 1703, 1716, 1717, 1744, 1745, марте 1748, 1753, 1762, январе и мае 1771, 1774, 1775, июне и августе 1779, 1784, 1785, 1786, сентябре и ноябре 1789, 1791 и 1796 гг.

К сожалению, в исследовании не были использованы тетры, напечатанные в Белграде, то есть в Алба Юлии в 1579 г., и Брашове после 1582 г. [3: 532–533, 657–658]. Также в исследование не вошел материал из более чем 30 московских тетров.

Текстологические разночтения, выявленные в исследовании евангельского текста старопечатных Четвероевангелий, дали возможность распределить исследованные тетры на несколько групп.

Часть из них выявлена только в девяти тетрах среднеболгарского и сербского изводов, напечатанных⁵ (в Сербии, Черногории, Молдавии, Валахии) в XVI в. (то есть в 1512, 1537, 1546, 1552, 1561/62, 1562, 1579, 1582 и 1583 гг.). Среди них можно указать следующие разночтения:

Четвероевангелия		
все восточнославянские		1512, 1537, 1546, 1552, 1561/62, 1562, 1579, 1582 и 1583 гг.
1:1	ЗАЧАЛО ЕВАНГЕЛИЯ ІС (ІСА ИЛИ ІІСА) ХВА СНА БЖІА	ІУ ⁶
1:6	ОБЛОЧЕНЪ ВЛАСТІ ВЕЛБОУЖДЪИ И ПОЛСЪ ОУСМВНЪ О ЧРЕСЛЪХЪ ЕГО	ОУСНІАНЪ
1:7	ЕМОУЖЕ НБСМЪ ДОСТОИНЪ ПРЕКЛОНЪ СЯ РАЗДРЪШИНТИ РЕМЕНЬ САПОГЪ ЕГО	ПОКЛОНЪ СА
1:17	И СЪТВОРЮ ВДСЪ БЪІТИ ЛОВЦА ЧЛОВЪКОМЪ	ВА
1:27	ІАКО ПО ОБЛАСТИ И ДУХОВОМЪ НЕЧИСТЫМЪ ВЕЛИТЪ	ДОУХОМЪ
1:36	И ГНАША ЕГО СИМОНЪ	ПО НЕМЪ
2:9	ЧТО ЕСТЬ ОУДОВЪЕ РЕЦИИ РАСЛАБЛЕНОМУ	ОСЛАБЛЕНОМУ

⁵ Сербские и черногорские издания подражали церковнославянскому языку сербского извода, а молдавские и валашские издания – церковнославянскому языку среднеболгарского извода.

⁶ Чтение подтверждено в виленских изданиях 1575, 1600 и ок. 1620 гг.

2:12	и <u>взста</u> двие. и <u>вземъ</u> одръ	взста ⁷
2:22	просадитъ вино новое мѣхы и вино <u>пролиетъ</u> са	пролѣтѣ са

Часть чтений выявлена не во всех Четвероевангелиях среднеболгарского и сербского изводов, а только в шести, в тетрах, напечатанных в 1512⁸, 1537, 1546, 1552, 1562 и 1583 гг. Все восточнославянские Четвероевангелия и остальные три среднеболгарского извода 1561/1562, 1579 и 1582 гг. этих чтений не подтверждают. Такое сопоставление Четвероевангелий позволяет выявить следующие разночтения:

	Четвероевангелия все восточнославянские и 1561/62, 1579 и 1582 гг.	1512, 1537, 1546, 1552, 1562 и 1583 гг.
1:22	іпсуріт: въ врѣмѣ оно <u>ѹловѣкъ</u> <u>нѣкъи бѣ въ сонници подѣвистѣ</u>	бѣ в сонници подѣвистѣ ѹловѣкъ (кроме тетра 1583 г.)
1:26	сѣтрѣсе его доухъ нечистыи и <u>възопи</u> гласомъ великомъ	възъпивъ
1:36	симонъ и <u>иже</u> съ нимъ.	соущи
1:42	двие отъиде отъ него прокажение и <u>чистъ</u> <u>выстѣ</u>	очисти се
2:3	носаще <u>раслаблена</u> <u>жилами</u>	раслаблена (жилами опущено)
2:14	и глагола емоу, <u>по мнѣ</u> <u>грѣди</u>	послѣдствоуи ми
2:21	возметъ <u>конецъ</u> его новое отъ ветхаго.	кончиноу

Иная, уже более объемная, часть чтений выявлена только в других трех тетрах среднеболгарского извода, а именно в напечатанных в 1561/1562, 1579 и 1582 гг. Все тетры восточнославянские и шесть остальных среднеболгарского и сербского изводов 1512, 1537, 1546, 1552, 1562 и 1583 гг. этих чтений не подтверждают. Такое сопоставление Четвероевангелий позволяют указать следующие разночтения:

	Четвероевангелия все восточнославянские и 1512, 1537, 1546, 1552, 1562 и 1583 гг.	1561/62, 1579 и 1582 гг.
1:2	се азъ <u>посылаю</u> аггела моего предъ лицемъ	*посла (<посла или после)

⁷Чтение подтверждено и в львовских тетрах 1644 и 1665 гг.

⁸Евангелие 1552 г. считается перепечаткой тетра 1512 г., а Евангелие 1662 г. перепечаткой тетра 1552 г. [3: 25, 137].

1:4	проповѣдала крещение покаяния <u>въ отъпущение грѣховъ</u>	въ оставленіе
1:5	и крѣщахуъ са вси въ <u>иордани рѣцѣ</u>	въ иорданствѣ рѣцѣ
1:7	проповѣдала глагола, <u>градеть</u> крѣплии мене въ слѣдъ мене	градѣи
1:13	и въ тоу въ пустыни дѣи <u>четырѣдесате</u> (или <u>четырѣдесать</u>)	ѣ (буквой) (и в тетре 1583 г.)
1:25	и <u>запрѣти</u> емоу їс глѣ, оумолчи. и <u>изыди</u> из него	изыде
1:26	и <u>свѣтрасѣ</u> его доухъ нечистыи	свѣтрасѣ
1:29	и <u>двие</u> из сѣнница исходяще <u>придоша</u> въ домъ	опущено придоша (и в тетре 1583 г.)
1:31	и пристоупль <u>воздвиге</u> ю	добавлено їс после пристоупль
1:34	исцѣли многы <u>злѣ</u> страждущаа <u>различными недуугы</u>	азами
1:43	и <u>запрѣщѣ</u> емоу <u>двие</u> (или и двие ⁹) изгна его	и
1:44	ѣже <u>повелѣ</u> моиси	повелѣ моиси въ законѣ
1:45	въ свѣдѣтелство имъ проповѣдати много и <u>проносити</u> слово.	приносити
2:1	и <u>слышано бысть</u> ѣко въ домоу естъ	слоухъ бысть
2:3	и <u>придоша</u> къ немуу носацие <u>рслаблена</u>	ослаблена
2:4	свѣсиша одръ на немже <u>рслабленыи</u> лежаше	ослабленыи
2:5	видѣвъ же їс въроу ихъ, <u>глагола</u> <u>рслабленомуу</u>	рече ослабленомуу
2:7	что сеи (или съ) тако <u>глаголетъ</u> хоулы	что съ тако глаѣтъ хоуль
2:10	глагола <u>рслабленомуу</u>	ослабленомуу
2:11	въстани и <u>возми одръ</u> твои и иди въ домъ <u>твои</u>	свои
2:17	не <u>придохъ</u> призвати праведники но <u>грѣшники на покаяние</u>	въ покаяніе
2:18	и <u>придоша</u> и <u>глаголаша</u> емоу	рѣша

Одно Четвероевангелие 1583 г., напечатанное в Шебеш или Брашове и подтверждающее все разночтения (кроме одного в инципите) первой подгруппы богослужебных Четвероевангелий среднеболгарского и сербского изводов и некоторые второй, имеет уникальные разночтения, которые не подтверждены ни в одном из других исследованных тетров,

⁹Только в тетрах московских начиная с 1606 г., киевских и почаевских.

и необычные элементы композиции. Среди характерных только для Четвероевангелия 1583 г. различий можно указать следующие:

	Все восточнославянские Четвероевангелия и тетры 1512, 1537, 1546, 1552, 1561/62, 1562, 1579 и 1582 гг.	Четвероевангелие 1583 г.
1:9	взистъ <u>въ онѣхъ днѣхъ</u>	по днѣхъ тѣхъ
1:16	видѣ симона и андреа брата <u>того симона</u>	того
1:37	и обрѣтше его, глаголаша емоу, яко вси тебе <u>ищюутъ</u>	ищемъ
1:42	и <u>рекшоу</u> емоу, абие отъиде отъ него прокажение	рекше

Некоторые чтения находятся только в семи львовских (без тетра 1743 г.) Четвероевангелиях (1636, 1644, 1665, 1670, 1690, 1704 и 1722 гг.) и одном виленском 1644 г. Все тетры среднеболгарского и сербского изводов, московские, первые три виленские (1575, 1600 и ок. 1620 гг.), киевские, почаевские и единственный львовский 1743 г. этих чтений не подтверждают. Такое сопоставление Четвероевангелий позволяет выявить следующие различия:

	Четвероевангелия среднеболгарского и сербского изводов, московские, первые три виленские, киевские, почаевские и одно львовское 1743 г.	львовские (без издания 1743 г.) и виленское 1644 г.
1:13	и въ <u>тоу</u> въ поустыини	тамо
1:33	и въ весь градъ <u>сѣбралъ сѧ</u> къ дверемъ.	сѣбранъ
1:35	и иде въ поусто мѣсто и <u>тоу</u> молитвоу дѣлаше	тамо
1:38	идемъ въ ближняя веси и грады да и тоу <u>проповѣмъ</u>	проповѣдаю
1:42	и <u>рекшоу</u> емоу, абие отъиде <u>прокажение</u>	проказа
1:43	и <u>запрѣши</u> абие	запрѣтивъ
2:3	и приидоша къ нему носаче <u>рѣславлена</u>	рѣславленнаго ¹⁰
2:6	и вѣщи отъ книжникъ <u>тоу</u> сѣдаше	тамо

¹⁰ Чтение подтверждено и в киевских тетрах 1697 и 1712 гг.

2:14	и глагола емоу, по мнѣ гради	гради по мнѣ
2:14	и възставъ въ слѣдъ его иде	послѣдоваше емоу
2:16	и книжници и фарисее видѣвше	книжници же ¹¹
2:21	и никтоже приложена плата невѣлена пришиваетъ къ ризѣ ветѣ	приложение ветѣи

Другая часть чтений выявлена только в двух львовских Четвероевангелиях, напечатанных в 1644 и 1665 гг. Тетры восточнославянские, кроме двух 1644 и 1665 гг., и все тетры среднеболгарского и сербского изводов этих чтений не подтверждают. Такое сопоставление Четвероевангелий позволяет выявить следующие разночтения:

	Четвероевангелия восточнославянские, без двух львовских 1644 и 1665 гг., и все среднеболгарского и сербского изводов	львовские издания 1644 и 1665 гг.
1:1	зацало еваггелиа ꙗс (ꙗ ¹² или ꙗса ¹³) хѣва (или хрѣта)	ꙗса ¹⁴ хѣ
1:13	и бѣ <...> въ поустыини <...> искоушдаемъ сатаню	ѡ сатаны
1:19	прешедъ мало отъ тоудоу, оузрѣ иакова зеведеева	видѣ
1:22	и дивлахоу са о оучении его. бѣ во оуча	оудивлахоу са
2:6	бахоу же нѣцыи отъ книжникъ	бѣша
2:12	и възста авие. и вземъ одръ	въставъ ¹⁵
2:13	изыде паки къ морю. и весь народъ идаше къ нему	ввесь (двойное в) [6: 282]
2:22	и вино пролиетъ са и меси	мѣхи

Другая часть чтений выявлена только в Четвероевангелиях среднеболгарского и сербского изводов, львовских и виленском 1644 г. Все восточнославянские тетры кроме львовских и виленского 1644 г. этих чтений не подтверждают. Такое сопоставление Четвероевангелий позволяет выявить следующие разночтения:

¹¹ Чтение подтверждено и в киевских тетрах 1697 и 1712 гг.

¹² Чтение подтверждено и во всех тетрах среднеболгарского и сербского изводов и первых трех виленских (1575, 1600 и ок. 1620 гг.).

¹³ Чтение подтверждено во всех московских тетрах начиная с 1657 г., киевских и почаевских.

¹⁴ Чтение подтверждено и в киевском издании 1712 г.

¹⁵ Чтение подтверждено и во всех тетрах среднеболгарского и сербского изводов.

Четвероевангелия восточнославянские, без львовских и виленского 1644 г.		львовские, виленское 1644 г. и среднеболгарского и сербского изводов
1:23	исурит: въ врьма оно чловѣкъ нѣкъин бѣ въ сонмици <u>подѣистѣ</u>	подѣистѣ ¹⁶
1:27	и доуховомъ нечистымъ велитъ	повелѣваетъ ¹⁷
1:28	изыде же слоухъ его абие въ всю страну <u>галилеискую</u>	галилеискую ¹⁸
1:41	иже милосердовавъ простеръ роукоу, <u>косноу</u> его	косноу са ¹⁹
2:4	и не <u>могущемъ</u> приближити са	могуще (без тетра 1743 г.) ²⁰
2:14	и <u>мимоградъи</u> видѣ левно алфеова	после мимоградъи добавлено иѣ (без тетров 1636 и 1743 гг.) ²¹
2:18	<u>а твои</u> оученицы не постантъ са	твои же

Другая часть чтений выявлена только в Четвероевангелиях, издаваемых в Москве с середины XVII в., Киеве и Почаеве, а также во львовском 1743 г. Тетры среднеболгарского и сербского изводов, московские до середины XVII в., виленские и все львовские, кроме издания 1743 г., этих разночтений не подтверждают. Такое сопоставление Четвероевангелий позволяет определить следующие разночтения:

Четвероевангелия среднеболгарского и сербского изводов (иногда только некоторые), московские до середины XVII в., виленские и львовские, кроме 1743 г.		московские с середины XVII в. (начиная с 1657 г.), все киевские, почаевские и львовское 1743 г.
1:4	взять иодннъ <u>крста</u> в поустъини	крстѣи
1:16	въметajúща мрежа въ море <u>вѣста во рыбаѣра</u>	[вѣста во рыбаѣра]
1:26	и оужасоша са вси <u>яко</u> ²² стасати са имъ къ севѣ	якоже

¹⁶ Чтение подтверждено в тетрах среднеболгарского извода 1561/1562, 1579 и 1582 гг.

¹⁷ Чтение подтверждено в тетрах среднеболгарского и сербского изводов 1512, 1537, 1546, 1552, 1562 и 1583 гг., и во всех почаевских.

¹⁸ Чтение подтверждено в тетрах среднеболгарского извода 1561/1562, 1579 и 1582 гг.

¹⁹ Чтение подтверждено в тетрах среднеболгарского и сербского изводов 1512, 1537, 1546, 1552, 1562 и 1583 гг., киевских 1712 и 1759 гг. и всех почаевских.

²⁰ Чтение подтверждено и в тетрах киевских 1697 и 1712 гг. и всех почаевских.

²¹ Чтение подтверждено в тетрах среднеболгарского и сербского изводов 1512, 1537, 1546, 1552, 1562 и 1583 гг.

²² Чтение яко подтверждено только в тетрах 1561/1562, 1579 и 1582 гг.

2:3	и приидоша къ немуъ носацие <u>рѣслабленна жилами</u>	[жилами]
2:5	глагола рѣслабленомуъ чѣдо <u>отъпоуцаютъ ти са грѣси твои</u>	отъпоуцаютъ са ти (в тетра 1663 г.) отъпоуцаютъ са тебѣ (начиная с тетра 1681 г.)
2:9	что естъ оудобѣе рѣци рѣслабленомуъ <u>отъпоуцаютъ ти са</u>	отъпоуцаютъ са тебѣ (начиная с тетра 1663 г.)
2:10	власть имать съинъ члѣтескын на земли отъпоуцати грѣхы <u>глагола</u> <u>рѣслабленомуъ</u>	[глагола рѣслабленомуъ]

Большинство разночтений этой группы касается написания имени Иисус, то есть не іс, а иісѣ, или простой и членной формы местоимений: се – сіе (два раза в 1:26; 1:38).

В двух киевских четвероевангелиях (из восьми исследованных), изданных в 1697 и 1712 гг., находятся чтения или добавленные на полях слова или выражения, не подтвержденные во всех других Четвероевангелиях.

	Четвероевангелия среднеболгарского и сербского изводов, московские, виленские, львовские, почаяевские и шесть киевских кроме изданий 1697 и 1712 гг.	два киевские 1697 и 1712 гг.
1:6	и іадыи <u>акриды</u> и <u>медѣ дивии</u>	mg: зеліе вкуошенію пріятное, днскій лѣсный
1:19	и та въз корабли <u>строаца</u> мрежа	строахоу
1:24	гѣла, <u>остаби</u> что намѣ и тебѣ	mg: ѣа (только в 1697 г.)
1:34	и не оставлаше глаголати <u>бѣсы</u>	mg: бѣсомѣ
1:45	не моци <u>емоу</u> іавѣ во градѣ внити	mg: иісѣ
2:22	но вино ново въз <u>мѣхы</u> новы възліати	влиано быти иматѣ

Четвероевангелия, напечатанные во второй половине XVIII в. в Почаеве, разделяют некоторые чтения, характерные для тетров львовских (за исключением издания 1743 г.) и виленского 1644 г. Эти разночтения иногда встречаются и в киевских тетрах 1697 и 1712 гг.

Четвероевангелия среднеболгарского и сербского изводов, московские, первые три виленские, львовский 1743 г. и киевские по 1733 г.	львовские (без тетра 1743 г.), виленское 1644 г., киевские 1697 и 1712 гг. (иногда и позднейшие) и почаяевские
---	---

1:10	ВИДѢ РАЗВОДАЩА СЯ НЕБЕСА. и <u>ДѢХЪ</u> ЯКО ГОЛОУБА СХОДАЩЬ	ДѢХА ЯКО ГОЛОУБА СХОДАЩА ²³ (киевские 1697, 1712 и 1759 гг.; почаевские 1771 и два 1780 гг.)
1:11	ТЪЗІ ЕСИ СІНЪ МОИ ВОЗЮБЛЕННЫИ <u>О НЕМЖЕ</u> БЛАГОВОЛИХЪ	ВЪ НЕМЖЕ (в киевских нет; почаевские 1759, 1768 и 1771 г.)
1:16	ВИДѢ СИМОНА. и АНДРЕА БРАТА <u>ТОГО СИМОНА</u> ВЪЗМѢТАЮЩА МРЕЖА	его ²⁴ (в киевских нет)
1:27	и ДУХОВОМЪ НЕЧИСТЫМЪ <u>ВЕЛИТЪ</u>	повелѣваетъ (в киевских нет) ²⁵
1:35	и ОУТРО <u>НОЩИ</u> СОУЩИ СЪБЛО:	нощи соущей ²⁶ (в киевском 1759 г.;
1:38	ВЪСТАВЪ ИЗЫДЕ ИДЕМЪ ВЪ БЛИЖНАЯ ВЕСИ и ГРАДЫ ДА и ТОУ ПРОПОВѢМЪ	в почаевских 1771 и двух 1780 гг.) ТЯМО (в киевских 1746, 1752 и 1759 гг.)
1:41	ІС ЖЕ МИЛОСЕРДОВАВЪ ПРОСТЕРЪ РОУКОУ; <u>КОСНОУ</u> ЕГО	косноу са ²⁷ (в киевских 1712 и 1759 гг. и даже львовском 1743 г.)
1:43	и ЗАПРѢЦЬ ЕМОУ АВИЕ <u>ИЗГНА</u> ЕГО	отъпусти (в киевских 1697 и 1712 гг.;
2:4	и не <u>МОГОУЩЕМЪ</u> ПРИБЛИЖИТИ СЯ	могуще (в киевских 1697 и 1712 гг.) ²⁸
2:22	АЩЕ ЛИ ЖЕ НИ ПРОСАДИТЪ ВИНО НОВОЕ МѢХЫ	же ли ни ²⁹ (в почаевских 1759 и 1768 гг.; в киевском 1722 г.)

Во всех московских и киевских Четвероевангелиях второй половины XVIII в., а точнее – начиная с московского 1762 г.,³⁰ находятся вынесенные на поля пояснительные тексты. В исследованном фрагменте Евангелия от Марка они находятся только в двух местах, то есть в:

- 2:21: возметъ конецъ его новое отъ ветхаго. и горши дира боудеть – mg: ѿторгнетъ приставление его новое (нѣчто) ѿ ветхаго, и горша дира вѣдетъ;
- 2:22: но вино ново въ мѣхы новы вѣлиати – mg: подоваетъ.

Исследование, проведенное на первых девяти зачалах второго Евангелия, выявило текстологические варианты для 75 старопечатных Четвероевангелий, что дало возможность проведения следующей группировки печатанных до 1800 г. богослужебных тетров по годам или местам их изданий:

1) Четвероевангелия среднеболгарского и сербского изводов XVI века (то есть с 1512, 1537, 1546, 1552, 1561/62, 1562, 1579, 1582 и 1583 гг.), которые можно разделить на две подгруппы:

²³ Чтение подтверждено и в тетре московском 1657 г.

²⁴ Чтение подтверждено и в тетре 1537 г.

²⁵ Чтение подтверждено в тетрах: 1512, 1537, 1552 и 1562 гг.

²⁶ В двух львовских тетрах 1644 и 1665 г. поставлено в скобках.

²⁷ Чтение подтверждено и в тетрах 1512, 1537, 1546, 1552, 1562 и 1583 гг.

²⁸ Чтение подтверждено во всех тетрах среднеболгарского и сербского изводов.

²⁹ Без львовских 1636 и 1644 гг. и виленского 1644 г. В львовском 1665 г.: же ни.

³⁰ Пояснительные тексты, вынесенные на поля, находятся уже в Евангелии 1757 г., которое не было использовано в текстологическом исследовании.

а) тетры 1512, 1537, 1546, 1652, 1562 и 1583 гг. (Тирговище, Руян, Сибиу, Белград, Мръкшина Церковь и Шебеш или Брашов), из которых выделяется последнее – 1583 г.;

б) тетры 1561/1562, 1579, 1582 гг. (Брашов, Шебеш, Монастырь св. Иоанна возле Бухареста);

2) семь львовских Четвероевангелий 1636, 1644, 1665, 1670, 1690, 1704 и 1722 гг. (только иногда вместе с последним изданием 1743 г.) и виленское 1644 г., из которых можно выделить одну подгруппу:

а) тетры 1644 и 1665 гг.;

3) Четвероевангелия московские до середины XVII в. и первые три виленские (то есть с 1575, 1600 и ок. 1620 гг.);

4) Четвероевангелия московские с середины XVII в. (прежде всего начиная с тетра с 1657 г.), все киевские, почаевские и львовское 1743 г., из которых можно выделить:

а) тетры киевские 1697 и 1712 гг.;

б) тетры московские и киевские после 1762 г.

Разночтения евангельского текста указали на сходство:

– Четвероевангелий среднеболгарского и сербского изводов XVI в. с семью львовскими (кроме издания 1743 г.) и виленским 1644 г.;

– почаевских Четвероевангелий и киевских 1697 и 1712 гг. с изданиями львовскими (без одного тетра 1743 г.) и виленским 1644 г.

Литература

1. *Бондар Н. П.* Порівняльний аналіз філіграней вільнюських видань Євангелій 1575, 1600 та 1644 рр. як джерело з історії побутування паперу // Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. Вип. 40. Київ, 2014. С. 295–304.

2. *Воскресенский Г. А.* Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по сто двенадцати рукописям Евангелия XI–XVI вв. М., 1896.

3. *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог. М., 2003.

4. Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Е. И. Ванеева, А. М. Пентковский, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачева. СПб., 1998.

5. Кириллические издания XVI века из коллекции Центральной Научной Библиотеки имени Якуба Коласа Национальной Академии Наук Беларуси: Каталог / Отв. сост. Е. П. Титовец. Минск, 2017.

6. *Ostapczuk J.* Евангелие от Матфея в старопечатных изданиях Четвероевангелий: Предварительные замечания // Современные проблемы археографии. Вип. 2. СПб., 2016. С. 275–286.

7. *Ostapczuk J.* Sobotnie i niedzielne perykopy liturgiczne z Ewangelii Mateusza w cerkiewnosłowiańskich lekcjonarzach krótkich. Warszawa, 2013.

8. *Ostapczuk J.* Stabilność cerkiewnosłowiańskiego tekstu Ewangelii w cyrylickich starzych drukach lekcjonarzy // Starodruki cyrylickie w zasobach parafialnych pogranicza polsko-słowackiego. Gorlice, 2014. S. 10–24.

Брестская и Острожская Библия: влияние национальной традиции при переводе священных текстов (на примере античной реалии гиматий в Четвероевангелии Брестской и Острожской Библий)

*Центральная научная библиотека
им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси
email: pani.sokolovi4@yandex.ru*

В статье рассматривается история Брестской и Острожской типографий; описывается история создания двух важных для славян переводов Священного Писания. На примере реалии *і́матіюв* показывается разница между подходами к переводам.

Ключевые слова: Библия, Брестская Библия, Острожская Библия, переводы, Брестская типография, Острожская типография, древнегреческий язык, античные реалии, история переводов.

До середины XV в. книги распространялись путем переписывания монахами, соответственно были немногочисленными и дорогими. Изначально книгопечатание у всех народов, в том числе и у славян, развивалось под религиозной эгидой. С момента изобретения Иоганном Гутенбергом печатного станка распространение текстов приобрело новую сторону: христианские просветители начинают активную работу по передаче знаний Священного Писания более широкой части населения, печатая книги на своем национальном языке. Без сомнения, печатный станок Гутенберга – одно из важнейших изобретений, которое, по сути, открыло эпоху информационной революции [8: 18].

Книгопечатание у славян появилось сравнительно рано. Первой славянской книгой считается чешская «Троянская хроника», изданная в 1468 г. [6: 10]. Во второй половине XVI в. издаются книги в Несвиже, Слуцке, Бресте и других городах Беларуси на польском и латинском

языках. Эти книги были рассчитаны не только на католиков и униатов, но и на православных. Также участие белорусов в издании, печатание видными деятелями культуры и науки своих трудов на латинском и польском языках дает нам основание полагать, что использование этих языков было распространенной практикой [9: 97], что, в свою очередь, говорит о высоком уровне образования населения. Примечателен факт, что, хотя книгопечатание в большинстве своем происходило на латинском языке, славяне стремились издавать на национальных языках. А. Анушкин приводит следующую статистику: «С 1525 по 1599 г. в Великом Княжестве Литовском издано 50 книг на русском (белорусском) языке, 3 – на литовском, 114 – на польском, 1 – на латышском, 1 – на итальянском, 1 – на греческом, 151 – на латинском» [1: 13]. Эта тенденция вполне понятна: распространение книг на родном языке способствовало просвещению.

Тем более, учитывая приведенные выше цифры, уже не кажется чем-то из ряда вон выходящим издание перевода Священного Писания на польском языке в Бресте в 1563 г. Также издание Библии на польском языке соответствовало нуждам правящей элиты белорусского и литовского народа. Типография в Бресте считается первой крупной типографией в Беларуси. Она была основана по инициативе и на средства брестского старосты Николая Радзивилла Черного (1515–1565) [2]. Руководителем типографии Радзивилл назначает в 1553 г. ученика Эразма Роттердамского – Бернарда Воевудку из Кракова. Этот год считается датой принятия магнатом протестантизма [12: 86]. Брестская типография действовала до 1570 г. За время ее работы вышло приблизительно 25 книг, среди которых есть абсолютно разные произведения [8: 21].

За первый год со станков типографии вышло 5 книг разного содержания: катехизис, молитвы, псалмы [12: 87]. Основываясь на том, что они были небольшого формата, можно сделать вывод, что они были для более широкого использования. В 1554 г. Бернард Воевудка погиб, и о том, кто руководил и действовала ли вообще типография в последующие 4 года, нет точных сведений. Следующим типографом, о котором есть подтвержденные данные, был Станислав Мурмелиус. Весь типографский инвентарь хранился у Мурмелиуса. Его издательская деятельность началась с печатания кальвинистских «Pieśni chwał boskich», которые содержали множество разнообразных, с любовью собранных в одном издании произведений. Всего за время его деятельности в Бресте (1558–1562) было издано около 16 книг [8: 21].

В дальнейшем среди изданных Брестской типографией книг появляется один из ценнейших фолиантов – Радзивилловская Библия (1563 г.). До нашего времени дошло около 40 экземпляров, перенесших цензуру,

войны и огромное число поколений читателей. Искусство, с которым была отпечатана Библия (многочисленные гравюры, инициалы на каждой странице текста, изысканный и понятный готический шрифт) явно свидетельствуют о присутствии первоклассного специалиста в типографии. Ученые до сих пор спорят о личности издателя, так как точные сведения о его имени отсутствуют. Издание протестантской Библии в Бресте было следствием принятия кальвинизма Николаем Радзивиллом Черным, по инициативе которого вышла книга. В целях распространения реформационных идей был задуман перевод Священного Писания. Судя по всему, идею эту Радзивилл носил уже долгое время. Не исключено, что именно с этой целью был приглашен в Брест Бернард Воевудка, однако воплотить ее в жизнь не смог. Сам перевод выполнялся с древнееврейского (Ветхий Завет) и древнегреческого (Новый Завет).

Судьба этого фолианта складывалась как ни у какой другой библейской книги. Эта книга имела около 4 наименований: Пинчувская, Кальвинистская, Брестская (далее ББ), Радзивилловская [11: 225]. Первое она получила от города Пиньчув (Pińczów) в Малой Польше. Здесь активно укоренялось учение Жана Кальвина, хотя католицизм прочно занимал позицию правящей религии. В 1551 г. в Пиньчуве была организована школа «Aten sarmackich» (или «Aten innowierców»), одним из первых ее ректоров был Петр Статорий (ок. 1530 –1568/1569), который прибыл из Женевы и поддерживал переписку с Кальвином. Именно из Малой Польши, в частности, Пиньчува, Николай Радзивилл Черный получал средства и людей для пропаганды кальвинизма. Чаще же эту Библию называют по имени главного инициатора Радзивилловской или по месту издания Брестской. ББ богато иллюстрирована: гравированный титульный лист, гравюры в тексте, инициалы (по 2–3 на странице), заставки, концовки. Издание высоко ценилось среди кальвинистов Великого Княжества Литовского и было широко распространено. К сожалению, после перехода сыновей Николая Радзивилла Черного Юрия Радзивилла (1556–1600) и Николая Кристофа Радзивилла Сиротки (1549–1616) в католическую веру экземпляры ББ постигла жестокая участь. Юрий и Николай, как ревностные сторонники католичества, активно боролись с врагами своей веры, не пощадив и знаменитую протестантскую Библию отца. И. Чистович указывает, что «Николай Сиротка истратил более 5000 червонцев на то, чтобы скупить экземпляры Библии, изданной отцом его и предать их пламени» [5: 94].

Выдающейся фигурой в славянском книгопечатании является Иван Федоров (1525–1583), который заканчивал начальный этап в данной отрасли культуры. В типографии в Украине в г. Остроге при поддержке князя Константина Острожского он издает шедевр кириллической

печати – Острожскую Библию (далее ОБ). Идею издания полного церковнославянского перевода Священного Писания князь вынашивал много лет. Для подготовки книги в начале 1570-х гг. Михаил Гарабурда привозит в Острог текст Геннадиевской Библии (ГБ) прямиком из Москвы. Примерно к 1575 г. [4: 4]. Иван Федоров прибывает к князю для работы в типографии, частично из-за финансовых вопросов, частично с просветительской целью. В то же время при поддержке Константина Острожского в Остроге создается кружок ученых, состав которого был весьма разнороден. В основном это были противники католицизма. Некоторые его члены упоминаются в ОБ как редакторы, авторы послесловий, граверы и пр. (напр., Герасим Смотрицкий). Имя Ивана Федорова также упоминается в издании как имя печатника и издателя, что служило свидетельством начала новой эпохи – эпохи европейского и начального славянского Возрождения.

Для работы над ОБ были организованы поиски полных оригинальных текстов Священного Писания. К сожалению, единственным полным текстом оказалась именно ГБ – первый перевод на церковнославянский язык, выполненный примерно за 80 лет до ОБ. Острожские переводчики имели в своем арсенале также древнееврейские, древнегреческие, латинские тексты, но ни один из них не был полным. В связи с чем основой для ОБ послужил перевод на церковнославянский язык – ГБ. Работа проводилась при сверке ГБ с текстами оригиналов, которые удалось найти и привезти в Острог. С учетом того, что перевод выполнялся для православного населения, приоритет отдавался греческому тексту. Случаи использования католического текста (Вульгаты) по возможности замалчивались [4: 9]. Издание ОБ можно рассматривать как ответ на местами агрессивную политику насаждения католицизма православному населению восточных славян. Судя по всему, выход в свет полного церковнославянского перевода Библии поддерживал Иван Грозный, так как именно от него был привезен текст ГБ. Также сразу после издания Константин Острожский отправил царю экземпляр ОБ [6: 34]. По тому, сколько экземпляров сохранилось на сегодняшний день, можно предположить, что Библия вышла большим тиражом.

ОБ содержит большое количество заставок (81), концовок (68), инициалов (1339). Композиция некоторых заставок напоминает композицию украинского орнамента и заставок украинских рукописей [6: 34]. В плане содержания текста издатели стремились следовать греческому оригиналу, в языковом же плане стремились к архаизации для создания эффекта более древнего текста. Церковнославянский язык ОБ более нормативен, чем язык ГБ; в нем менее заметно влияние Вульгаты.

В данной статье мы рассмотрим особенности перевода реалии «гиматий» на примере Евангелий в текстах ББ и ОБ. Для сверки использован греческий оригинал XVII в. [13] и текст Вульгаты [10].

Упоминание одежды, в частности *гиматия*, в библейских текстах встречаем довольно часто, как следствие встречаем множество вариантов перевода. *Τό ἱμάτιον* – 1) ткань, холст, полотно; 2) гиматий, плащ, (верхняя) одежда, платье, носившееся поверх хитона; 3) тога (у римлян) [3]:

- 1) *plaszcz* – плащ, пальто (ББ);
- 2) *szata* – 1) одежда, наряд; 2) покров (ББ);
- 3) *suknia* – платье (ББ);
- 4) *odzienie* – одежда, платье (ББ);
- 5) *ryza* – одежда, платье, верхнее платье, плащ (ОБ).

Однако там, где в греческом оригинале стоит только один эквивалент, в Вульгате уже встречаются варианты.¹ Именно латинский текст повлиял на текст перевода в Бресте. Но систематичность отсутствует: к примеру, *vestimentum* переводится в тексте как *plaszcz*, *szata*, *odzienie*; но также для *plaszcz* соответствует и *pallium*. Из этого можно сделать вывод, что переводчики в Брестской типографии при работе над текстом стремились передать понятие не просто буквально, а подобрать максимально адекватный вариант в зависимости от контекста. В тексте кальвинистской Библии можно отметить свободу при выборе языковых эквивалентов, переводчики не ограничиваются одним понятием в языке для понятия из оригинала. Издатели в Остроге, можно предположить, стремились создать перевод, «близкий» к греческому, чем можно объяснить наличие лишь одного эквивалента – *ryza*. Стоит отметить факт, что как в греческом языке *ἱμάτιον* довольно абстрактное понятие, так и *ryza* – общее обозначение одежды у славян. Оба перевода в случае с рассматриваемой реалией не используют прием транслитерации, были подобраны именно эквиваленты, близкие и понятные народу, для которого они выполнялись. Оба издания вышли в свет при поддержке князей, которые были заинтересованы в защите своей веры (кальвинизма и православия), что в некотором роде объединяет эти книжные шедевры. При изучении этих изданий в настоящее время мы имеем возможность оценить и изучить богатство языка XVI в., на котором, несомненно, оставила свой отпечаток история Беларуси, Украины, России.

¹ К примеру, в тексте Вульгаты мы встречаем следующие варианты: *vestimentum* – одежда, платье; *tunica* – нижняя одежда римлян, поверх которой мужчины надевали *togu*; *vestitus* – одежда, платье, наряд; *pallium* – просторный греческий плащ.

Литература

1. *Анушкин А.* На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс, 1970.
2. *Березкина Н. Ю.* Из истории Брестской типографии (1553–1570) // Брестская Библия: К 450-летию издания. Минск, 2013.
3. Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958. Т. 1–2.
4. *Исаевич Я. Д.* История издания Острожской Библии // Острожская Библия. М., 1990. С. 3–16.
5. *Чистович И.* Очерк истории западнорусской православной церкви. Ч. 1. СПб., 1882.
6. Книга і друкарство на Україні. Київ, 1964.
7. *Мароз В. В.* Радзівілаўская (Берасцейская) Біблія ў еўрапейскай прасторы культурнага і духоўнага ўзаемадзеяння // Берасцейскія кнігазборы: Матэрыялы і даклады міжнар. круглага стала. Брэст, 29–31 мая 2013 г. Брэст, 2014.
8. *Саверчанка І.* Aurea mediocritas: Кніжна-пісьмовая культура Беларусі. Адраджэнне і ранняе барока. Мінск, 1998.
9. *Шматаў В. Ф.* Мастацтва беларускіх старадрукаў XVI–XVII стст. Мінск, 2000.
10. Biblia sacra vulgatae editionis. Antverpia, 1608.
11. *Kossowska M.* Biblia w języku polskim. T. 1. Poznań, 1968.
12. *Topolska M. B.* Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku. Wrocław, 1984.
13. Ἡ θεία γραφή: Δηλαδὴ, παλαιᾶς, καὶ νέας διαθήκης ἅπαντα. Ἐνετήσι, 1687.

Книги Библии в коллекции кириллических изданий XVI в. Центральной научной библиотеки НАН Беларуси

*канд. ист. наук
Центральная научная библиотека
им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси
email: titowiec@list.ru*

В статье рассматриваются особенности экземпляров книг Библии из коллекции кириллических изданий XVI в. Центральной научной библиотеки НАН Беларуси. Анализируются вставки и восполнения, владельческие знаки и переплеты экземпляров. Раскрывается история бытования книг, затрагиваются некоторые аспекты процесса их издания.

Ключевые слова: Кириллические издания, особенности экземпляров книг Библии, владельческие знаки.

Коллекция кириллических изданий XVI в. Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси насчитывает 25 экземпляров 20 кириллических изданий XVI в. Это религиозные издания, преимущественно предназначенные для богослужения. Среди них 11 экземпляров 9 изданий книг Библии: первая полная славянская Библия (Острог, 1581); отдельные книги Ветхого Завета: Псалтирь (Вильна, 1576), Псалтирь с воследованием (Острог, 1598); книги Нового завета: Евангелие (Москва, 1558/1559), Евангелие (Вильна, 1575 – 2 экземпляра), Евангелие (Вильна, «1600»), Апостол (Вильна, после 1595 – 2 экземпляра), Апостол (Москва, 1597) и Новый Завет с Псалтирью (Острог, 1580).

Книги поступили в фонд Отдела редких книг и рукописей в 1965–1987 гг. из дублетных фондов Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ныне РГБ) – 2 экземпляра,¹ основная же часть (9 книг) поступила от частных лиц. 6 экземпляров были куплены у потомственно-го российского старообрядца Михаила Стефановича Севастьянова (1928–

¹ Псалтирь (Вильна, 1576), Псалтирь с воследованием (Острог, 1598).

2006),² один экземпляр у жителя города Дукштас³ старообрядца Никона Мироновича Сорокина (1904 или 1905 – 1974),⁴ два у других (неизвестных) лиц.⁵ Таким образом, основная часть книг (виленские, московские, острожские издания) поступила из России. 10 экземпляров зафиксированы в сводном каталоге А. А. Гусевой [6], один экземпляр не отмечен.⁶

Полное научное описание экземпляров Библии и других изданий представлено в недавно вышедшем каталоге [10]. В данной статье изложены некоторые результаты книговедческих исследований, касающиеся экземпляров Библии.

Все экземпляры неполные, дошли до нашего времени с утратой листов. В некоторых экземплярах утраченный текст был восполнен от руки, в некоторых появились дополнительные тексты, орнаментальные украшения и иллюстрации. Изучение этих вставок и восполнений дает ценный материал об истории бытования книг.

Примечательна судьба виленских изданий, среди них три книги известного белорусского печатника Петра Мстиславца: Евангелие 1575 (2 экземпляра) и Псалтирь 1576. Экземпляр Псалтири содержит наибольшее количество вставок и восполнений. Вероятно, к XIX в. он уже утратил часть объема: гравюру с изображением царя Давида, а также листы 1–16, 246–250 и фрагменты листов 17–203, 231, 237, 244, 245. В первой половине XIX в. была проведена реставрация книги, во время которой листы 17–245 были обрезаны по краям и вклеены в бумажные рамки. Утраченные листы были восстановлены рукописными на бумаге русского производства первой половины XIX в.

На рукописных листах, кроме восполнения оригинальных текстов, появились новые. В начале книги – молитвы к чтению Псалтири. В сохранившихся экземплярах Псалтири 1576 г. этот текст отсутствует, но, возможно, такое предисловие в издании было изначально [9: 191–193].

Между 203 и 204 печатными листами были вплетены три листа с дополнительными текстами молитвословий. В конце книги приплетено 57 листов с тестами, связанными с религиозным обрядом чтения Псалтири над покойником и при последующем его поминовении.

² Евангелие (Москва, 1558/1559); Евангелие (Вильна, 1575, экз. К16–18/Ср143); Новый Завет с Псалтирью (Острог, 1580); Библия (Острог, 1581); Апостол (Вильна, после 1595, экз. К16–18/Ср144); Апостол (Москва, 1597).

³ Город в Игналинском районе Литвы, где с XVII в. проживают старообрядцы поморского согласия.

⁴ Евангелие (Вильна, «1600»).

⁵ Евангелие (Вильна, 1575, экз. К16–18/Ср239); Апостол (Вильна, после 1595, экз. К16–18/Ср292).

⁶ Апостол (Вильна, после 1595, экз. К16–18/Ср292).

На листе 42 (после 245) помещен отрывок из «Скитского покаяния», которое появилось в русской православной духовной традиции в конце XV в. как устав исповеди для монахов-отшельников. В XIX в. текст активно использовался в старообрядческой среде: у беспоповцев как устав исповеди, в других старообрядческих согласиях – как очистительная молитва перед причастием [14]. На листах 51–57 помещен канон молебен за творящих милостыню. Этот канон впервые появился в московском издании Псалтири следованой 1625 г., а старообрядцы добавляли текст к Псалтири простой [4: 168].

Вышеперечисленных текстов не было в оригинальном издании 1576 г., они появились позже, были взяты из московских дореформенных изданий и популярных старообрядческих произведений [5].

Бывшие владельцы позаботились и о декоративном оформлении книги. Украшают рукописные листы миниатюра «царь Давид», исполненная в лубочной манере черной тушью и акварельными красками, заставки старопечатного стиля, рисованные инициалы, а также маргинальные украшения, вязь.

Можно заключить, что в первой половине XIX в. экземпляр находился в среде старообрядцев, вероятно, поповцев (в дополнительных рукописных текстах есть указания для попа). Вероятно, после 1845 г. (сохранилась поминальная запись о смерти рабы Божией Феодосии в 1845 г.) экземпляр был конфискован у бывших владельцев-старообрядцев и стал собственностью Синодальной библиотеки (сохранился штамп). Из Синодальной библиотеки наш экземпляр, вероятно, попал в библиотеку Московской Духовной Академии (сохранился штамп). В 1919 г. библиотека Московской Духовной Академии была полностью передана Румянцевскому музею [15: 95, 101, 160–162].

Интересная деталь выявлена на переплете (конца XVIII – первой четверти XIX в.) книги, выполненном из досок в коричневой коже с блинтовым тиснением. На верхней крышке, на уровне нижней застежки, видны следы закрепления книги (к престолу церкви или к подставке-держателю).

Судьба двух экземпляров Евангелия на престольного 1575 различна. Первый экземпляр (К16–18/Ср143) примечателен ранней вкладной записью, оставленной в 1575–1587 гг. в игуменом Евфимием в селе Ангелове на поминовение своих родителей и своей души «в животе» за здравие, а по смерти за упокой. Было установлено, что пожертвовал книгу в храм Успения Пресвятой Богородицы игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Елеазар Иванович Турков (ранее 1524 – после 01.10.1587) [16]. Он известен как один из талантливейших писателей своего времени,

примечательно, что постриг под именем Евфимий он принял 26 июля 1575 г. по требованию самого Ивана Грозного [7: 839].

Экземпляр Евангелия с вкладной записью игумена, очевидно, и после смерти вкладчика некоторое время находился в богатом книжном собрании Иосифо-Волоколамского монастыря, которое в конце XVI в. было в Русском царстве третьим по величине после Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей. Известно, что к XVIII в. книжное собрание обители значительно сократилось и состояло всего из нескольких десятков книг, в основном печатных [1]. Возможно, ко времени секуляризации 1764 г. и последующего обеднения монастырских владений книги в Иосифо-Волоколамском монастыре уже не было.

Дальнейшая судьба экземпляра была связана со старообрядцами. В XX в. на книге появился штамп: «СОБСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ СТАРОПЕЧАТНЫХ и РУКОПИСНЫХ КНИГ Стефана Федоровича СЕВАСТЬЯНОВА». Его владельцем стал житель Ростова-на-Дону старообрядец С. Ф. Севастьянов (1872–1944), а потом и его сын Михаил. Оригинальный переплет книги не сохранился, о его красоте можно судить по сохранившемуся золотому обрезу с чеканом.

Если первый экземпляр Евангелия 1575 вскоре после выхода книги из типографии в Вильне переместился на российские земли, то второй (К16–18/Ср239), как мы предполагаем, остался на территории бывшего Великого Княжества Литовского. За время своего бытования он сменил несколько переплетов. При очередном переплетении подрезались листы книжного блока, в результате размер листов экземпляра значительно уменьшился. Теперь высота листа составляет всего 282 мм, ширина – 180 мм (в первом экземпляре 293 мм и 193 мм). Последний переплет, который второй экземпляр получил, вероятно, на рубеже XVIII–XIX вв., имеет необычный для православного издания вид. На верхней крышке средник золотого тиснения в форме солнца (овал в окружении исходящих лучей), в центре которого изображены крест, орудия страстей и буквы «IHS». На нижней крышке средник аналогичной формы с надписью вязью «MARIA». Возможно, книга получила такую «одежду» в одном из иезуитских коллегиумов, которых было много на белорусских землях.

Последующий владелец книги, очевидно, не разделял религиозных взглядов предыдущих, поэтому столь заметный и узнаваемый символ решил закрыть. На верхнюю крышку переплета была прибита прямоугольная пластина, скрывающая золотое тиснение. Накладка не сохранилась, о ней напоминают следы гвоздей, которыми она была прикреплена, и прямоугольный участок кожи более яркого цвета в центре верхней

крышки. Судя по записи в инвентарной книге отдела редких книг и рукописей (№ 91 от 08.10.1974, протокол № 468), экземпляр был подарен библиотеке частным лицом, его фамилия не указана.

Остальные три экземпляра двух виленских изданий были напечатаны в типографии Мамоничей уже после ухода Петра Мстиславца. Достичь его уровня мастерства в художественном оформлении книг типографам не удалось, что наглядно демонстрируют хранящиеся в ЦНБ НАН Беларуси два экземпляра третьего издания Апостола (после 1595) и Евангелие «1600». Что касается бытования книг, экземпляр Апостола (К16–18/Ср144), судя по рукописным записям, находился в России уже в XVII в. В 1820 г. книга принадлежала московскому купцу Василию Прокофьевичу Прокофьеву, затем Никифору Козмичу Бухову (1845). Один из владельцев книги посчитал необходимым оставить на форзаце в начале книги пространную запись о погоде и природных явлениях, которые он наблюдал с ноября 1847 по апрель 1848 г., в частности, резкое потепление, наступившее в марте 1848 г., что повлекло раннее вскрытие льда на Москве-реке и значительный подъем уровня воды.

Переплет книги (конца XVIII в.) из досок, покрытых темно-коричневой кожей с блинтовым тиснением, очевидно, подвергся воздействию высокой температуры (находился вблизи огня), отчего кожа растрескалась. В верхней части корешка сохранился фрагмент бумажного ярлыка со следами рукописного номера – 25×28 мм. Форзацы из бумаги голубого оттенка с филигранями: «ГБФ», «1797» [11: № 161]. Экземпляр был приобретен в 1973 г. у М. С. Севастьянова.

Примечательные события в истории второго экземпляра (К16–18/Ср292), вероятно, начались еще в Вильне в типографии Мамоничей. В экземпляр третьего издания Апостола, которое известно тем, что состоит из нумерованных листов, попали нумерованные л. 65–72. Возможно, листы из предыдущего издания были вставлены непосредственно в типографии, так как Мамоничи использовали практику включения в тираж последующего издания листов предыдущего [2]. Подобный «гибридный» экземпляр Апостола хранится в Академической библиотеке Латвийского университета [13]. На экземпляре ЦНБ НАН Беларуси сохранился маленький фрагмент записи XVII в., срезанной при переплете, и запись XVIII в. о том, что книга принадлежит Аникию Дековскому. Переплет на экземпляре не сохранился, книга была куплена в 1987 г. у частного лица.

Не менее интересна судьба Евангелия «1600». После ухода из типографии Петра Мстиславца Мамоничи издавали Евангелие наместоленное еще 2 раза: первый раз с действительной датой «17 июля 1600 г.» – Евангелие «без сигнатур», второй раз напечатали Евангелие

«с сигнатурами» на рубеже второго и третьего десятилетий XVII в., но с той же датой выхода – «17 июля 1600 г.» [6: № 170]. Эти Евангелия, за исключением послесловия и некоторых других особенностей повторяли книгу Мстиславца, но их оформление получилось более грубым и упрощенным [8: 210].

«Секрет» так называемого Евангелия «с сигнатурами» с указанной в выходных сведениях датой «1600» г., а в действительности вышедшего на рубеже второго и третьего десятилетия XVII в., был раскрыт Э. Лауцявичюсом. На основании исследования бумаги экземпляров он определил, что издание появилось в 1610–1624 гг. [12: 15–16, 157]. Анализ филигранной экземпляра ЦНБ НАН Беларуси подтверждает наблюдения исследователей Э. Лауцявичюса и Н. П. Бондар [3].

Книга в переплете конца XIX – начала XX в. из досок, обтянутых зеленым бархатом. На верхней крышке следы от накладных украшений, которые когда-то составляли богатое покрытие книги.

Ранее экземпляр хранился у старообрядцев Литвы. Его последним владельцем был Никон Миронович Сорокин из города Дукштас (оставлена владельческая запись). Книгу Никон Сорокин, вероятно, приобрел у Федота Архиповича Захарова (имеется владельческая запись). Экземпляр приобретен в 1973 г. у Н. М. Сорокина.

Таким образом, нам удалось проследить судьбу шести экземпляров четырех виленских изданий книг Библии, хранящихся в ЦНБ НАН Беларуси. Особенность экземпляра Апостола (после 1595, экз. К16–18/Ср292) обозначилась уже в типографии на стадии сборки, брошюровки кодекса, когда в книгу была вставлена тетрадь из другого издания. Экземпляр Псалтири 1576 показателен как книжный продукт не только XVI в., но и последующих эпох. При бережном сохранении и реставрации традиционного текста, книга была дополнена новыми вставками, с которыми она активно использовалась в XIX в.

Книжные знаки (записи, штампы) свидетельствуют о пребывании трех экземпляров виленских изданий в России (Псалтирь 1576, Апостол, после 1595, экз. К16–18/Ср144, Евангелие 1575, экз. К16–18/Ср143). Самая ранняя запись 1575–1587 гг. свидетельствует о том, что Евангелие напрестольное 1575 было вывезено туда почти сразу после издания. Экземпляр Евангелия с ложными выходными сведениями (Евангелие «1600») некоторое время хранился в Литве. И только один экземпляр, возможно, находился на белорусских землях (Евангелие 1575, экз. К16–18/Ср239), его необычный переплет свидетельствует о том, что православные кириллические издания Библии изучались не только православными, но и представителями других конфессий.

Четыре книги имеют свидетельства пребывания в старообрядческой среде (Евангелие 1575, экземпляр К16–18/Ср143; Псалтирь, 1576; Апостол, после 1595, экземпляр К16–18/Ср144; Евангелие «1600»).

Литература

1. *Алексеев А. И.* Волоколамский (Волоцкий) в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь // Православная энциклопедия. Т. 26. М., 2011. С. 91–122.
2. *Бондар Н. П.* Некоторые замечания о бумаге кириллических изданий литовского Статута // Статут Вялікага Княства Літоўскага ў гісторыі культуры Беларусі: Матэрыялы IX Міжнар. кнігазнаўчых чытаньняў. Мінск, 18–19 крас. 2013 г. Мінск, 2013. С. 78–85.
3. *Бондар Н.* Порівняльний аналіз філіграней вільнюських видань Євангелій 1575, 1600 та 1644 рр. як джерело з історії побутування паперу // Наукові праці Нац. б-ки України ім. В. І. Вернадського. Вип. 40. Київ, 2014. С. 295–304.
4. *Вознесенский А. В.* К истории славянской печатной Псалтири: Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтирь. М.; СПб., 2010.
5. *Вознесенский А. В.* Об особенностях бытования старопечатных книг // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965–2005). Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 175–184. (Книга и литература).
6. *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог. М., 2003. Кн. 1–2.
7. Духовная грамота и исповедь Евфимия Туркова / Подгот. текста, пер. и коммент. Л. А. Ольшевской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб., 2005.
8. *Зернова А. С.* Типография Мамоничей в Вильне (XVII век) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 1. М., 1959. С. 167–223.
9. *Каратаев И. П.* Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Т. 1: С 1491 по 1652 г. СПб., 1883.
10. Кириллические издания XVI века из коллекции Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси: Каталог. Минск, 2017.
11. *Клетиков С. А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959.
12. *Лауцявичюс Э.* Бумага в Литве в XV–XVIII веках. Вильнюс, 1979.
13. *Морозова Н. А.* Московский «Апостол» Ивана Федорова и Петра Мстиславца в книжных собраниях Риги // Берковские чтения–2017: Книжная культура в контексте международных контактов. Материалы IV Междунар. науч. конф. Полоцк, 24–25 мая 2017 г. Минск; М., 2017. С. 236–243.
14. *Петров А. Е.* «Скитское покаяние» в русской духовной традиции // http://pstgu.ru/download/1235162501_2.pdf.
15. Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Указатель. Т. 1. Вып. 2: 1917–1947. М., 1986.
16. *Титовец Е.* Владельцы и читатели экземпляра Евангелия 1575 года (из фондов ЦНБ НАН Беларуси) // Dawna surylicka księga drukowana: Twórcy i czytelnicy. Białystok, 2016. С. 51–61. (Latopisy Akademii Supraskiej. Т. 7).

A. A. Alexeev

Evolution of the Slavonic Bible from the Manuscript to Printing Epoch

*HD, Philology
SPbSU*

e-mail: alexeev.anatoly@gmail.com

Two main types of the book are typical for the oldest period of Slavonic culture – a liturgical miscellany and exegetical miscellany. The main method of their production was compilation. Through rise of cenobite monasteries with their libraries and influence of European printing the circle of readers arose and the Biblical volumes spread. The miscellany of Matthew the Tenth 1502–1507 combines the features of both epochs: it was a Biblical collection of a random composition.
Keywords: manuscript, miscellany, compilation, Biblical volume

N. A. Elagina

The «Bible historiale» of Guyart des Moulin in the collections of the National Library of Russia

NLR

e-mail: manuscripts@nlr.ru

The article is devoted to one of the most significant monuments of medieval French literature – the «Bible historiale» of Guyart de Moulins. The original work created by the Picardie cleric became widespread in the late Middle Ages, as it turned out to be the one and only illustrated work in French language based on the Bible and perfectly met the demands of the wealthy secular reader. Paris was the main center for the production of the «Bible historiale» in the XIV century. One of the exquisitely illustrated Parisian Bibles, dating from 1350–1355, is kept in the Department of Manuscripts of the National Library of Russia. The author gives the description of the codex, specifies the features of its illustrative cycle, dwells on the history of the manuscript, which in the XIV–XVI centuries belonged to the influential Gascon family of d'Albret, whose representatives ascended the throne of Navarre, and later of France. The article also contains the brief information about the printed editions of the «Bible historiale» of the second quarter of the XVI century which are stored in NLR.

Keywords: National Library of Russia, illuminated manuscript, the «Bible Historiale», Guyart des Moulins, the «Historia scholastica», Petrus Comestor, the «Bible du XIIIe s.», the «Bible Historiale complétée», miniatures, Jean Le Noir, history of the manuscript, House of Albret, Peter P. Dubrovsky, The Imperial Hermitage Museum.

O. N. Bleskina
**The Bibles for the «poor man's» in the Department of Manuscripts
of the National Library of Russia**

PhD, History
NLR
email: bleskon@mail.ru

In the late Middle Ages in the West Europe was produced a new type of illustrated books of the moral-didactic genre based on the biblical texts. The Department of manuscripts of the National Library of Russia preserved the four copies of such works – «Speculum humanae salvationis» and «Biblia pauperum». The codex of the «A Mirror» written on parchment (NLR, Lat. O.v.XIV.7) from P. P. Dubrovsky's collection was made in 14th c. in England. What puts the this copy is a class by itself is that it has'nt the illustrations, but there are the references to illustrations. The second copy Lat. F.I.694 on paper was produced in Germany in the 15th c. It is illustrated by 192 drawings with pen and colours. The manuscripts Lat. F.I.650 and 651 copied from the Netherlandish block-books in 1779–1780 by famous Parisian copyist Leclabart. Each codex is interesting on account of their individual peculiarities characteristics and needs further textual and iconographic studies. *Keywords:* The manuscripts, the blockbook editions, the woodcutting, the «Pauper's Bible», the «Mirror of Human Salvation», Leclabart, the illustration, the National Library of Russia.

G. N. Pitul'ko
**Western European Bible's editions of the end of the XVth – first half
of the XVIth centuries in the funds of the Library of the Russian
Academy of sciences**

PhD, History
RASL
email: pitulgal@yandex.ru

Article is devoted to the review of the most rare Bible's editions of the end of the XVIth and the first half of the XVth centuries. There are some examples of the most interesting editions, including Johann Gutenberg's and Anton Koberger's ones. It should be noted, that printed Bible plays important role in the period of the Reformation and the Counter-Reformation in Europe. The author considers this theme on the basis of book collection of the Library of Russian Academy of Sciences. *Keywords:* incunabulae, Anton Koberger, Biblia Latina, paleotypes, rarities.

S. A. Semjachko
Prefaces to Biblical Songs: New Materials, Old Questions

HD, Philology
IRL RAS
email: svetlanasm08@mail.ru

The article presents new manuscripts of prefaces to bible songs and defines their place in the textological scheme. On the basis of the analysis of these manuscripts the author raises questions of existing of bible songs in illuminated Psalters.

Keywords: Bible songs, prefaces, Simple Psalter, Augmented Psalter, illuminated Psalters, Kiev Psalter, Uglich Psalter, Godunov's Psalters.

M. Garzaniti
Bible translation and use in the Maxim Greek's work

full prof., Philology
University of Florence (Italy)
email: marcello.garzaniti@unifi.it

In the Bible and patristic translations as in the use of Biblical quotations in his original writings, Maxim Greek has exploited the knowledge gained during his stay in Italy and is well acquainted with the debate on utilisation of Hellenistic culture sources and on the question of the Old Testament originals. Biblical quotations are mostly used as a controversial argument for the purpose of moralizing Russian society and monastic life.

Keywords: Bible translation, biblical quotations, Maxim Greek, Russian publicism of the fifteenth and sixteenth centuries.

T. V. Pentkovskaya
The translations of Homilies on Gospel of Matthew and John made by monk Silvan and Maximus the Greek in the context of the early period of the translation activity of Maximus the Greek in Russia

HD, Philology, prof.
MSU
email: pentkovskaia@gmail.com

The present paper examines the linguistic features of the translations of Homilies on Gospel of Matthew and John made by Maximus the Greek and his disciple monk Silvan. These features can be found also at the previous translations of Maximus and ascend to the translation practice of the 14th century. The targeted selection of the exegetical texts for the collective translation could be the first stage of the preparation to the large-scale Bible revision. The comparison could be made with the situation of the second half of the 17th century, when the Bible revision made by Epiphanius Slavinetzky and his environment started from the translation of the Homilies to the Epistles.

Keywords: Maximus the Greek, homilies, grouping of the translations, linguistic features, Athonite and Tarnovo book revision, Early modern period.

A. A. Pichkhadze
**«Řecko-staroslověnský index» as a tool for researching
the Cyrillo-Methodian translations**

HD, Philology
Vinogradov Russian Language Institute RAS
email: rusyaz@yandex.ru

This article discusses the question of what conclusions for grouping the Bible translations into Old Church Slavonic may be drawn from the «Greek-Slavonic Index» which is being published in Prague and comprises the texts of the Old Church Slavonic canon. Analysis shows that the data drawn from the «Index» confirm the conclusions that E. Bláhová has reached in her recent studies: the Gospel translation differs from all the other translations preserved in the manuscripts of the Old Church Slavonic canon. The text closest to the Gospel in terms of its translation characteristics is the Slavonic Psalter, and the Apostolos and Parimejnik stand at the opposite extreme from the Gospel. The similarities of the Apostolos and Parimejnik with the parts of the Gospel which were not read in the liturgy, and which are opposed to the modes of translation characteristic of the lectionary portions of the Gospel, are of particular interest. These observations constitute evidence either that the original Slavonic translation of the Bible texts was made by different translators, or else that the principles of translation evolved during the course of the work.

Keywords: Cyrillo-Methodian translations.

V. S. Tomelleri
**Bruno of Würzburg's Commentary on the Lord's Prayer
in the translation by Dmitry Gerasimov. Interlinear edition**

HD, Philology, prof.
Macerata University (Italia)
email: vittorio.tomelleri@unimc.it

Among the texts contained in the commented Psalter of Bruno, bishop of Würzburg, both in the Latin original (11th century) and in the Church Slavonic translation, carried out by Dmitri Gerasimov in the first half of the 16th century, we find the Lord's Prayer with a commentary by the author of the Latin compilation himself. It is just the presence of a rather simple and often tautological commentary, clearly serving a didactic-catechetical purpose, which makes this theological work extremely interesting among the East Slavs. The interlinear edition of both texts is preceded by a short introduction, in which some textual and linguistic questions are briefly presented.

Keywords: Bruno of Würzburg, *Expositio psalmoreum*, Latin, Dmitry Gerasimov, Church Slavonic translation, Lord's Prayer.

M. B. Plyukhanova
Citation of the Old Testament in the Multisyllabic Scroll

PhD, Philology, prof.
University of Perugia (Italy)
email: maria.plioukhanova@unipg.it

The Mnogoslozhnyi Scroll (or the Mnogoslozhnyi Epistle) – the Slavonic translation of the Greek Message of the Patriarchs to the Emperor Theophilus – contains more biblical quotations than in the available Greek editions. A fragment of the introductory part of the Mnogoslozhnyi Scroll, which differs from the Greek original and contains quotations from Psalm 44 and the Book of the Prophet Isaiah, is analyzed in the article. The author suggests that the Old Testament quotations, not used in the original, were added during the translation in order to emphasize and strengthen the images of the greatness of the tsar's power. It is naturally that well known phrases from the Mnogoslozhnyi Scroll passed to the Message to the Ugra and to other texts that formed the Russian doctrine of the tsars' power.

Keywords: Psalm 44, Isaiah's book in the Slavic tradition, Mnogoslozhnyi Scroll, Message of the Patriarchs, Message to the Ugra, Russian ideology of the tsars' power.

S. A. Frantsouzoff
The Complete Copy of the Bible in the Arabic Language
in St. Petersburg: Problem of its Dating

HD, History, prof.
IOM RAS
email: serge.frantsouzoff@yahoo.fr

The article examines the earliest complete copy of the Bible in the Arabic language (shelf-mark D 226, t. 1–3) from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, donated by the Patriarch of Antioch Gregory IV al-Ḥaddād to Nicolas II in AD 1913, with its textological and codicological peculiarities, including notes and pagination. On the basis of a study of the colophons of the copyist Pimen of Damascus, attested at the end of 6 veterotestamental books, the dating of that manuscript from the turn of the twenties of the 16th century AD is well-founded, not from the 2nd half of the thirties of the 13th century AD, as suggested by the Russian Arabists Ignace Kratchkovski and Valéry Polossin.

Keywords: the Bible, the Old and New Testaments, translations of the Bible, Christian Arabic literature, Arab Orthodox tradition, the Antiochian Church, the Patriarch Gregory IV, Ignace Kratchkovski, colophons, dating of manuscripts

F. V. Panchenko
Concept of decoration Biblical miscellany of Matthew the Tenth

PhD, Art History
IRL RAS, RASL
email: pflorentina@mail.ru

The article is devoted to the art decoration of the Bible miscellany of Matthew the Tenth. The opinion of Matthew the Ten as the author of the codex decoration program and its main executor is presented on the base of the codikological study of the Miscellany. The carried out researches of techniques and methods of work on the design of the manuscript show that the whole idea of it was formed for Matthew the Tenth only after the completion of texts copying. Matthew the Tenth in the manuscript decoration used a rich arsenal of expressive means, synthesizing the traditional Slavic-Byzantine books ornamentation with modern tendencies of Renaissance art.
Keywords: Matthew the Tenth, codicology, ornamentation of medieval manuscripts, Suprasl monastery, liturgical books.

V. V. Kalugin
Index of Matfey X «Ot prorochestv poslovicei» and it's Russian sources

HD, Philology, prof.
MSU
email: vasilykalugin@mail.ru

Index of Matfey X contains the results of his textual and lexicographical observations of the Explanatory Prophecies' copies. Matfey X poses the most important from his point of view variant readings in his index, including even undoubted mistakes. He puts there also various marginalia, found on the margins of the other manuscripts of EP. Matfey X used as a main copy a Russian (most likely from Novgorod) manuscript, and not the Southern Slavic (Serbian) one, which was written not earlier than in the late 15 century. This manuscript dates back to the EP of Upir Likhoy from 1047, through the common Eastern Slavic protograph.
Keywords: Biblical books in the index of Matfey X, Explanatory Prophecies, manuscript sources, protograph, antigraph, copie, variant readings, glosses, index-dictionary.

A. E. Zhukov
Did Mathew the Ten have a disciples?
To the characteristic of the Suprasl miscellania's of 1507 calligraphy

PhD, History
RASL
e-mail: artemnovgor@inbox.ru

The question about the features of the calligraphy of the Suprasl miscellania of 1507 contained the texts of the biblical books was considered in the article. Another researcher believes that the two penmen created this manuscript. The first was the famous scribe Mathew the Ten. The second was his disciple. The author examines the handwriting of all Suprasl miscellania and concludes, that this manuscript was written only by Mathew the Ten. His writing was changed. But we haven't the bases to assume, that the part of the manuscript was created by another scribe. Moreover the author concludes, that the half-board didn't the habitual scribe system for Mathew. His autographs could be found in the documents and acts, but not between manuscript books.

Keywords: Mathew the Ten, Bible, paleography, half-board.

V. A. Romodanovskaya
Typology of marginalia in the Bible miscellany of Matthew the Tenth

PhD, Philology
IRL RAS
email: romodan@list.ru

The records on the margins of the Biblical miscellany of Matthew the Tenth are analyzed and attempts to classify them are made in the article. The composition of marginalia, containing references to parallel readings of the biblical text, makes it possible to identify sources that were in the hands of the suprasal scribe.

Keywords: the Bible, manuscript sources, parallel readings, marginalia.

V. G. Podkovyrova
The Revelation of John the Theologian in the Miscellany
of Matthew the Tenth (BAN, Srezn.II.75)

PhD, Philology
RASL
email: vera.podkovyrova@gmail.com

The genre definition of the manuscript: BAN, Srezn.col. II.75. 1507. and its correlation with the composition of the Bible are the subject of the article. The text of the Revelation of John the Theologian is regarded as a special part of the Collection and is associated with the specific structure of the book, its writing and decor. The place of the instance copy of the Apocalypse from the manuscript is corresponded with its origin and determined among the editions of the text.

Keywords: Miscellany of Matthew the Tenth, Apocalypse, Bible, Textology

L. V. Osinkina

**On the Old Testament book of *Ecclesiastes* in Sbornik of Matfey Desjaty
in comparison with two other collections of Biblical books**

PhD, Philology

Oxford university (United Kingdom)

email: lyubov.osinkina@wolfson.ox.ac.uk

The paper briefly touches upon the textual tradition of Ecclesiastes. The Church Slavonic translation of Ecclesiastes survives in Cyrillic manuscripts in three distinct types: a continuous version of the text, a fragmentary commented version, a fragmentary commented insertion. Ecclesiastes surfaces as a complete text relatively late: the earliest extant Cyrillic manuscripts are from the XV century. Like many other texts which might have originated in Bulgaria, Ecclesiastes has been preserved exclusively in East Slavonic manuscripts. Yet in view of the absence of manuscripts prior to the XV century, it is difficult to date the translation with any degree of precision. In addition, a linguistic analysis, when it is carried out on this particular text, is apt to be limited by the largely standardized character of Church Slavonic. The lexicon appears to be neutral with the result that it cannot be pinned down to any particular period. The textual analysis of the continuous text of Ecclesiastes indicates that all the extant Cyrillic manuscripts come from a single translation; this translation was made at some time between the 10th century and the beginning of the 15th century. The absence of glosses or comments on the text of Ecclesiastes may serve as an indication to its marginal status.

Keywords: Collections of biblical books, Church Slavonic, Medieval translation, East Slavonic Cyrillic manuscripts.

A. A. Romanova

Calendar-chronological tables in the Suprasl's manuscript

HD, History

RASL

email: anastasiya_roman@mail.ru

The article deals with calendar and astrological tables and comments to them from Suprasl' Bible of 1507, f. 474v–476r. The author compares tables from Suprasl' manuscript with the similar tables from the Bible of archbishop Gennadii, 1499, and other calendar tables and texts of the XIV – early XVI century.

Keywords: Slavonic manuscripts, calendar, Easter computus, calendar tables, Bible, medieval chronology and astrology.

A. V. Mironowicz

**Suprasl monastery at the end of the XV – the middle of the XVI century
as a religious and cultural center**

*HD, History
University of Białystok (Poland)
email: amir@uwb.edu.pl*

Suprasl monastery had good contacts with the leading Orthodox centers in the country and abroad in the XVI c. Close contacts with Kiev, Slutsk, Moscow, Serbia, Wallachia, Bulgaria and Greece made it possible to concentrate the cultural heritage of many peoples in the monastery. The Suprasl Lavra became a main center of theological thought. Suprasl's monks remained open to new philosophical and religious currents though they defended the canons of the Orthodox Church. The location on the border between Lithuania and Poland and, consequently, at the junction of various religious and philosophical currents of Eastern and Western Christianity, had influenced on the open nature of the monastery. The East Slavic and Balkan cultures feature can be seen finly in the monastery library collection, architecture and iconography. In 1532 under Archimandrite Sergii Kimbara the monastery library consisted of 129 books including 5 printed ones.

Keywords: Suprasl monastery, religious center, cultural contacts, book collection.

I. D. Solovieva

**The cycle of miniatures with images of evangelists and their symbols
is a new monument of the XVIII century Novgorod miniature**

*PhD, Art History
SRM
email: dri2004@mail.ru*

Preserved in the Russian Museum collection are four double-sided miniatures depicting evangelists and their symbols. Stylistic features and iconography of these works are evidence of their close relation with Novgorod book art of the last quarter of the 15th century. In this case, probably the artist from Novgorod worked after a Moscow patterns. This is evidence of the images of the symbolical creatures – Angel, Bull, Lion and Eagle. Their position independent of the evangelist's portraits and full-length figures can be considered as the iconographic peculiarity of the ensemble. Such iconography type derives from the similar miniatures of the manuscripts in the Gospels of the Dormition Cathedral in Moscow Kremlin and in the Khitrovo Gospels of the turn of the 14th–15th centuries. But the Novgorod artist has creatively remade the Moscow patterns. But this line of iconography development has not became the leading one. Iconography and examples with the evangelist images combined with their symbols in 16th–17th centuries usually show another artistic decision.

Keywords: Novgorod book art, Moscow book art, 15th centuries, evangelist, Testament, manuscript, patterns, symbol, iconography, miniature.

E. I. Serebrjakova
**On the illumination of the Pskovian manuscripts of The Holy
Scripture of the XVIth century: The motives of the ornament
and the «iconography» of the initial letters**

SHM

email: serebrjakova@nm.ru

The article deals with characteristic features of the illumination of some liturgical manuscripts of the XVIth century, probably of the Pskov origin. There are almost identical schemes of the headpieces with a very specific stylisation of the byzantine floral elements, and a lot of vegetable, zoomorphic and anthropomorphic initials letters. As in the Bible of Matfey Desyatyi of 1502–1507, the part of its motives went back to the Ostromir Lectionary of 1056 and to the group of the Moscow luxurious Lectionaries of the end of XIVth – first quarter of the XVth centuries. The similar «iconography» of the initial letters probably can be explained with the usage in the professional book-workshops of the Novgorod and Pskov some «exempla», or patterns, copied from the well known and venerated ancient manuscripts.

Keywords: manuscript's illumination, Pskov, the Bible of Matfey Desyatyi, neo-byzantine style, headpieces, iconography of initial letters.

E. I. Morozova
**A Little-Known Late 15th Century Tetraevangelion
from the Collection of the State Historical Museum (Chud. 30)**

Grabar Art Conservation Centre

email: catherine-moro@yandex.ru

The article examines a Moscow Tetraevangelion dated 1470–80 (SHM, Chud. 30) containing 4 evangelist miniatures. The codex was used as an Altar Gospel; probably, in one of the Chudov Monastery churches. Analysis of the artistic features shows that the miniatures belong to one of the mainstream traditions of the Moscow art of the 2nd half of the 15th c. The miniatures constitute a stable iconographic series represented in four more manuscripts of the last quarter of the 15th c., the closest analogs being the evangelist images from a contemporary Novgorod manuscript (SHM, Mus. 328).

Keywords: Moscow illuminated manuscripts, Moscow miniatures, painting of the late 15th c., iconography of the evangelists, Chudov monastery, Altar Gospel.

E. V. Gusarova
**Artistic decoration of Byblical books in Ethiopia (the example
of ceremonial Octateuch Eth. 100 from the collection of the IOM RAS)**

IOM RAS, NLR
email: ekater-ina@mail.ru

Octateuch (አርቲ፡-) is quite a rare book in Ethiopian manuscript tradition. The reason of that is, first of all, its considerable size and volume and, as a consequence, high price of the parchment and writing material in general. Manuscripts of this class were available to big monastic centers and churches only. Much more rare are Byblical books with illustrations. From this point of view, Eth. 100 from the collection of IOM RAS is absolutely unique and deserves to be examined in details.

Keywords: Ethiopian manuscripts, Byblical books, Octateuch, artistic decoration, miniatures.

O. S. Sapozhnikova
**From miniatures of German editions of the XVI century
«Liber de arte distillandi» to «monsters» of Russian Herbal**

PhD, Philology
RASL
email: olsapoj@mail.ru

The article is devoted to the peculiarities of the design of the manuscript of the 1620s. – Herbal manuscript of Stroganovs-Shelonin (BAN 17.4.12). According to the author of the article, it was illustrated by at least four artists. Each of them worked in his own way, which can be conditionally called «copy style», «geometric», «fryazhsky» and «mixed». In the last manner, the artist worked, who signed his drawings with the lowercase letter «т», – apparently, the initial letter of his name. «Brand name» of the brigade were fantastic animals or «monsters», in which the roots and branches of plants with eyes, hooves, horns turned to them. The design of this Travnik is close to the drawings of the Herbal manuscript of the 1650s. GIM, Uvar. 387-F.

Keywords: Stroganov-Shelonin's Herbal manuscript, Hieronimus Bunschwig, German engravings, Semjon Stroganov, History of Russian medicine, illustrators of Old Russian manuscripts, fryazhsky style.

E. A. Gordienko
**The monumental painting in the church
of the Dormition-in-Volotovo-Field in the system of divine servic**

HD, History
Saint-Petersburg Institute of history RAS
email: elisaspb@mail.ru

Since the discovery in 1893/94 year of the monumental painting in the church of the Dormition-in-Volotovo Field an impressive research fund had been created, which raised and answered many questions of stylistic analysis. In the present article the peculiar properties of this unique ensemble for the first time are examined in the system of divine service.

Keywords: The church of the Dormition-in-Volotovo Field, the system of divine service.

E. S. Smirnova
About the time of the creation of the Simonovsky's Psalter
(GIM, Khlud., 3). The art critic's view

HD, Art History, prof.
MSU
email: engelina32@mail.ru

Simonovskaya Psalteri (GIM, Khlud 3) attracts special attention of researchers recently. Specialists offer a different dating of the manuscript: starty from the beginning of the XIV century, ending with his last third. A reasoned system of art criticism in favor of dating the Psalter by the first quarter of the 14th century is presented in the article.

Keywords: Simon's Psalter, Old Russian art of XIV, iconography, ornamental decoration.

T. V. Anisimova
The story of Joseph and his brothers in Tihonravov's chronograph

PhD, History
RSL
email: tanisim@yandex.ru

In the following article analyzed and published the composition of the story about Joseph and his brothers in the Tihonravov's chronograph, based on 22 extracts from the apocryphal «Testaments of the Twelve patriarchs». Textual comparison with the Palaea Interpretata provides a basis for the hypothesis, that the reduction of the Testaments in the Palaea Interpretata could be caused by proximity to their compilation in the history of Joseph and his brothers in some proto-chronograph – in order to avoid within it significant duplications.

Keywords: Tihonravov's chronograph, Old Testaments pseudepigrapha, Biblical exegesis, the late XV – early XVI centuries, proto-chronograph, «Testaments of Twelve Patriarchs», Palaea Interpretata, comparative textual criticism.

A. G. Bobrov
**The Novgorod-Lithuanian Relations and the Fate of the Vilna Copy
of the «Avraamka Chronicle»**

*HD, Philology
IRL RAS, SPbSU
email: abobrov1960@yandex.ru*

The article is devoted to the history of discovery of the manuscript (BAN of Lithuania, F 22-49) and the codicological evidences of its existence. Based on observations of changes ink and grades of paper used, it is assumed that the surviving copy is a scribal reproduction of the draft autograph of the chronicler (presumably – Pachomius the Serb). The manuscript was established in three stages: part to the end of the main source (1446), part until December 1462, part from the end of May, 1463 to 1469. The break in work between the second and third part of the chronicle correlates with the expected time of departure of Pachomius the Serb from Novgorod to Moscow and Kirillo-Belozersky monastery. Moving the official copy of the Novgorod chronicle outside the Republic, to Lithuania, very likely was due to with the departure from the Novgorod of Prince Mikhail Olelkovich (1471).

Keywords: Chronicles, codicology, Novgorod the Great, Pachomius the Serb, Lithuania, Prince Mikhail Olelkovich.

A. G. Mel'nik
**Selected general Christian saints, worshiped in the Trinity-Sergius
Monastery of the XV–XVI centuries**

*HD, History
The State Museum-Reserve «Rostov Kremlin»
email: rost-vest@rambler.ru*

The work for the first time determined the composition of selected especially worshiped general Christian saints in the Trinity-Sergius Monastery of the XV–XVI centuries. The number of these saints was limited, many times less than the number of all-Christian saints who were known to the monks of this monastery. The hierarchy of selected saints in the monastic community's view is established. The most revered of these saints were endowed with the epithet «great». The choice of the monastic community of these great saints was influenced by icons depicting them in the iconostasis (created between 1422 and 1427) of the monastery Trinity Cathedral, as well as the Life of Sergius of Radonezh.

Keywords: XV–XVI century, Russia, Trinity-Sergius Monastery, veneration of saints.

M. V. Korogodina
Nomocanons of Suprasl monastery of the 16th century

HD, History
RASL
email: mkorogodina@rambler.ru

The paper contains a reconstruction of manuscripts with church laws which were kept in the Suprasl monastery in 16th century. The inventory of 1557 tells about manuscript collection in the monastery. Matching the inventory with the glosses in the manuscripts let us to name three manuscripts (a Nomocanon, Pandektes of Nikon of the Black Mountain, and a polemic antilatyn miscellany). Probably these manuscripts were in the library of the Suprasl monastery in the middle of the 16th century. Besides the research let us to suppose that one more Nomocanon was written in the Suprasl monastery in 1620th.

Keywords: Nomocanons, Slavic manuscripts, medieval literature, archeography, Suprasl monastery.

U. A. Pawluczuk
Orthodox monasteries on the territory of the Grand Duchy of Lithuania
in the XVIth century as cultural and spiritual centers

PhD, History
University of Bialystok (Poland)
email: upraw@uwb.edu.pl

In shaping the spirituality and culture of the followers of Orthodoxy, it is impossible to overlook the role played by monasteries in the territory of the Grand Duchy of Lithuania. The area of the Grand Duchy of Lithuania in the XVIth century was rich in the development of monasteries very significant for shaping the culture of the Eastern Church. It should be emphasized that the monasteries, which in the XVIth century were founded, mostly served as cultural centers of not only local importance. Among these groups of monasteries emerged monastic centers of general anti-Christian, general Slavic or European character. Of course, the most important functions of prayer and ascetic and spiritual were the direction of development for all remaining tasks of the monasteries, especially those that were in cities or in wealthy, prosperous magnates. The Grand Duchy of Lithuania, situated at the crossroads of the Eastern and Western tradition of intermingling the traditions of Western and Eastern Christianity, has produced in its territory monastic centers in which cultural influences from both the East, the Balkan and the West of Europe have reached. It is a process that has evolved in architecture, iconography, literary development, the development of icon worship, and education. The richness of the monasteries that came within the borders of 1569 in the Grand Duchy of Lithuania was the spiritual and cultural heritage that they continued in the XVIth century. The newly founded monastic centers were based on the established tradition of monastic life and joined their spiritual, intellectual and cultural heritage into the heritage of the Orthodox Church.

Keywords: monastery, The Grand Duchy of Lithuania , century XVI, culture, spirituality.

A. I. Alekseev
**Sources on the history of religious movements in Russia
at the end of 15th – in the beginning of 16th centuries: A new vision**

HD, History
NLR
email: a.alexeev@nlr.ru

The results of the study of the main sources on the history of the heresy of the Judaizers in Russia of the end of 15th – beginning of 16th centuries are listed in the article. A new vision of textological and creative history of the «Book of the Heretics» by Joseph Volotskiy is proposed. The primacy of the long redaction of the monument in the manuscript of the State Historical Museum, Eparchial Collection, № 340 over the short redaction of the monument in the manuscript of the National Library of Russia, Solovets Collection, № 326/346 has been attested. The arguments for dependence of anti-heretical Epistles of Joseph Volotskiy on the text of «Enlightener» have been formulated. All the newly stated facts permit to estimate in a different way the informational value of the data conserved in the «Enlightener» as in a Treatise, compiled during the period of still strong influence of the Judaizers, that reflects the realities of the beginning of the decisive stage of the intense struggle against the heresy.

Keywords: heresy of the Judaizers, Joseph Volotskiy, «Enlightener», anti-heretical Epistles, textology of the ancient Russian literature.

J. Ostapczuk
The Gospel of Mark in early printed liturgical tetras

PhD, Theology
Christian Theological Academy in Warsaw (Poland)
email: jostap@wp.pl

The article is based on textological research of nine liturgical chapters from the Gospel of Mark carried out on seventy-five early printed Cyrillic tetragospels. Classification of all researched tetragospels (of Bulgarian, Serbian and east Slavonic redaction) was based on textological variants.

Keywords: Gospel of Mark, tetragospel, Cyrillic early printed book, textology.

A. V. Sokolovich
**Brest and Ostroh Bible: Influence of National Tradition in Saint Texts
Translation (on example of ancient realia ἱμάτιον
in Brest and Ostroh Bible's Gospels)**

The Yakub Kolas Central Scientific Library of National Academy of Sciences of Belarus
email: pani.sokolovi4@yandex.ru

The article discusses the history of Brest and Ostroh printing-houses; describes the history of creation of two important for the Slav the Saint Texts' translations. The difference between the ways of translation is shown on example realia ἱμάτιον.

Keywords: Bible, Brest Bible, Ostroh Bible, the translations, Brest printing-house, Ostroh printing-house, Ancient Greek, the ancient realias, history of translations.

E. I. Titovets

Books of the Bible in the collection of the Cyrillic editions of the 16th century of the Central Science Library of NAS of Belarus

PhD, History

The Yakub Kolas Central Scientific Library of National Academy of Sciences of Belarus

email: titowiec@list.ru

The article examines the distinguishing characteristics of the books of the Bible in the collection of the Cyrillic editions of the 16th century of the Yakub Kolas Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus. The analysis of the insertions and replenishments, ownership signs and bindings of exemplars is given. The publication reveals the history of existence of the books, touches upon some aspects of the process of their printing.

Keywords: Cyrillic books, distinguishing characteristics of the copies of the books of the Bible, ownership signs.

Список сокращений

- АЕ – Археографический ежегодник
БАН – Библиотека Академии наук, Санкт-Петербург
ГИМ – Государственный Исторический музей, Москва
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва
ГРМ – Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея, Москва
ГЭ – Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
ИВР РАН – Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности
ИПБ – Императорская Публичная библиотека, Санкт-Петербург
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург
Лауцявичюс – *Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967*
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук, Санкт-Петербург
МГУ – Московский государственный университет
НАН Беларуси – Национальная академия наук Беларуси
НБ МГУ – Научная библиотека Московского государственного университета
НБ СГУ – Научная библиотека Саратовского государственного университета
ОЛДП – Общество любителей древней письменности
ПГИАХМЗ – Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПКНО – Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва
РГБ – Российская государственная библиотека, Москва
РНБ – Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СПМЗ – Сергиево-Посадский музей-заповедник
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
ЦНБ – Центральная научная библиотека

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских

IOM RAS – Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

IRL – Institute of Russian Literature («Pushkinsky Dom») RAS, St. Petersburg

MSU – Moscow State University

NLR – National Library of Russia, St. Petersburg

RASL – Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg

Piccard, XV – Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Bearb. von Gerhard Piccard. Findb. XV: Wasserzeichen Vierfüßler; 1996

RSL – Russian State Library, Moscow

SHM – State Historical Museum, Moscow

SPbSU – Saint-Petersburg State University

SRM – State Russian Museum, St. Petersburg

Отв. ред. А. А. Алексеев;
ред. колл.: Ф.В. Панченко, В.Г. Подковырова,
В.А. Ромодановская

Славянская Библия
в эпоху раннего книгопечатания:
К 510-летию создания Библейского сборника
Матфея Десятого

Подписано в печать с оригинал-макета 18.12.2017.

Формат 145x210. Печать цифровая.

Тираж 100. Заказ № 80173.

Отпечатано в типографии «Любавич».

ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»,
Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 60, лит. «У».

Тел.: (812) 603 25 25.

Иллюстрации к статье Н. А. Елагиной

Рис. 1. Северная Франция. Провинция Артуа. Карта

Рис. 2. Петр Коместор. «Схоластическая история». XIII в. (ОР РНБ, Lat. Q.v.I.229)

Рис. 3. Гийар де Мулен. «Историческая Библия». 1350–1355. (ОР РНБ, Fr. F.v.I.1/1–2)

Рис. 4. «Историческая Библия». Книга Бытия. (ОР РНБ, Fr. F.v.I.1/1, л. 4 об.–5)

Рис. 5. Жан Ле Нуар (?). Фронтиспис к «Исторической Библии» РНБ (Т. 1)

Рис. 6. Герб дома д'Альбре. «Историческая Библия» РНБ (Т. 2, л. 124 об.)

Рис. 7. Владельческие подписи представителей дома д'Альбре. «Историческая Библия» РНБ (Т. 2, л. I-I об., II)

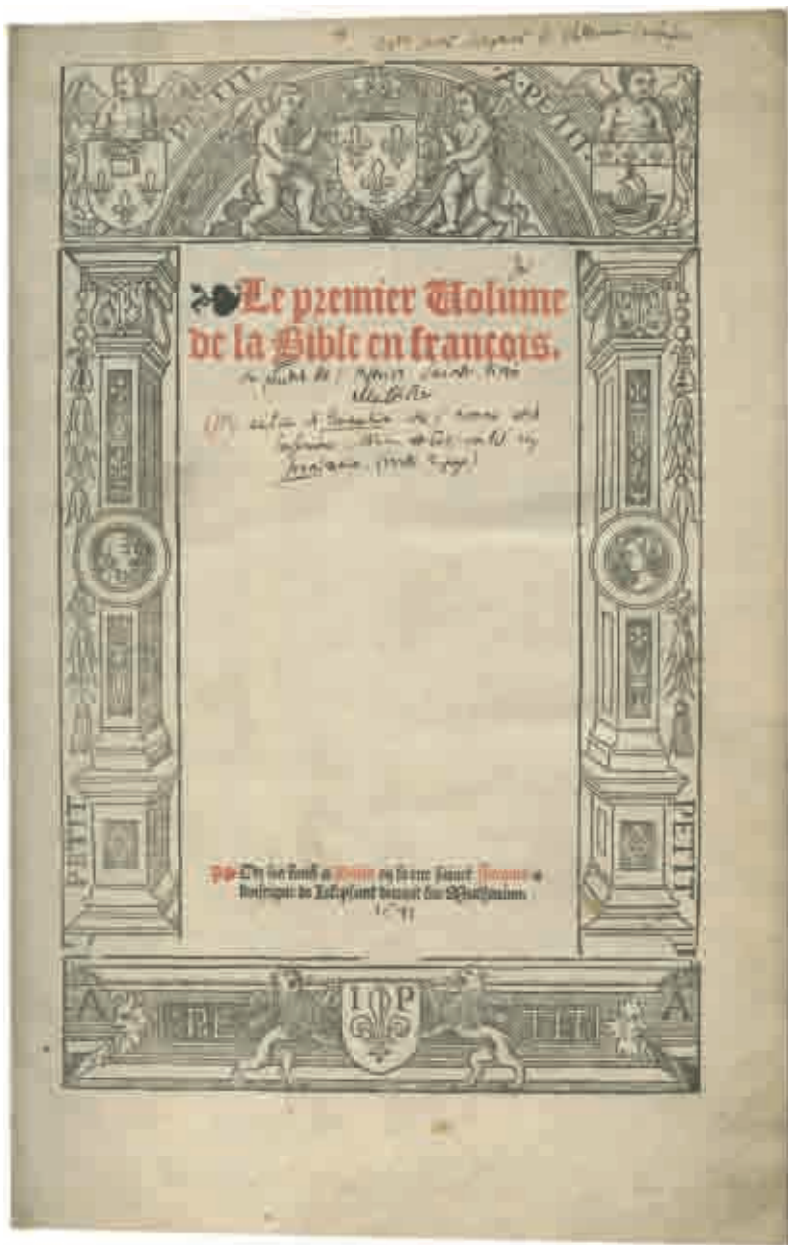

Рис. 8. «Историческая Библия». Париж, 1541. Титульный лист (РНБ, 17а.17.2.66)

Иллюстрации к статье О. Н. Блескиной

Рис. 1. Блокбук «Апocalypsis». Ок. 1474 г., Германия. РНБ, Отдел редкой книги

Рис. 2. Speculum humane salvationis. Сер. XIV в., Англия. РНБ, Lat. О.в. XIV.7, л. 40 об.-41

Рис. 3. Speculum humanae salvationis. 2-я пол. XV в., Германия. РНБ, Lat. F.I.694, л. 38 об.–39

Рис. 4. Speculum humanae salvationis. 2-я пол. XV в., Германия. РНБ, Lat. F.I.694, л. 91 об.–92. Иллюстрированный текст главы «Чудо о страданиях Христа»

Рис. 8. Biblia pauperum. 1330–1331 гг., Австрия. Национальная библиотека Австрии, Cod. 1198, л. 2

Иллюстрации к статье Г. Н. Питулько

Рис. 1. Первый лист латинской Библии Антона Кобергера с иллюминированными геральдическими инициалами и владельческой записью Джона Оливера, датированной 1479 годом

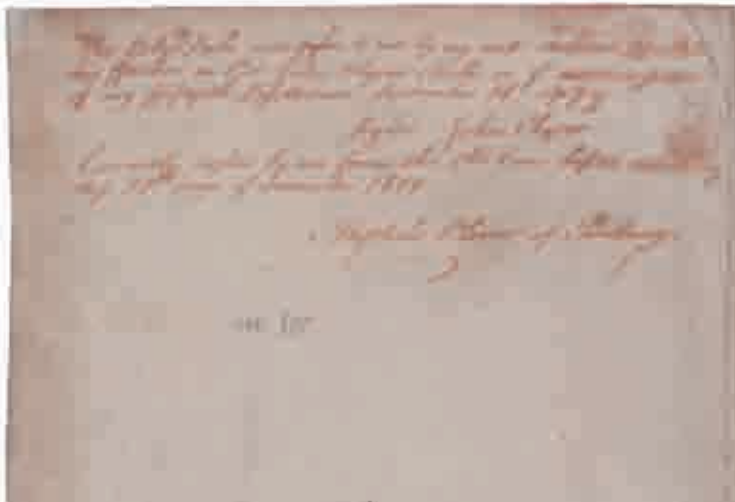

Рис. 1а. Заверительная записка Оливера Лорнкоута 1699 года о первом владельце «семейной Библии» 1478 г.

Иллюстрации к статье С. А. Семячко

Рис. 1. РГБ, ф. 37 (собр. Большакова), № 432, л. 126 об.–127.
Начало предисловия ко второй библейской песни

Рис. 2. РГБ, ф. 37 (собр. Большакова), № 432, л. 23

Oratio dñica

tus est. qñ gl'ia regis dicit isrl. cui dia sperat. et ex quo pñciatus aduenit. pñti deo reuelatio quas vñsare et illustrare pñt dignatus e. a. Hieropolis. In orone dñica quot pentiden habent. Idagiter. septes.

que est prima. M sanctificet nomē tuū. M hoc qđ in capite e. Pater nr̄ qđ es in celo quō intelligitur. M Ibi est invocatio diuinitatis est dom̄ pñem nos hñc pñtunt deb. quia omnes fratres in unū. et deb pñem habemus in celo. b. O In prima petibē quā dicitur quid intelligendū est. M I xpo est spñtus dertuas. et id dñ spñtus conuirtit xpi nomē tenemus. et suppliamus. et opa xpi facere valemus. et nomē isrl p ope ra bona nra: in nobis sanctificet.

que secūda petitiō. M Adueniat regnū tuū. M Quid ibi intelligendū e. M Quoniam est vt xps regnet in nobis. et nō dia bolus. i. eccia xpi semper crescit. in q̄ regnat deus. et hinc iudicij adueniat. qz ille diabolus regnare in mūdo desistit. et xps cum sanctis suis in eternū regnabit. b. O que est tertia. M Fiat volūtas tua sicut in celo et in terra. M Quō intelligenda. M Sicut angeli in celo tunc obedunt volūtatī. ita et iusti in terra faciūt. et sicut in sanctis. ita et in peccatōrū tua volūtas implet. e. O que est quarta. M Domē nostrū quotidianū da nobis hodie. M Quid in ea intelligitur. M hoc loco ponit p oibz dñis sacros. ne dñis vineat debeamus: pñamur enā p assumptōe corpore xpi petimus deniqz vt nobis scipsum tribuat qđ e panis viuus. f. O que e in tertia. M As dimitte nobis debita nostra sicut et nos dimittimus debitoribus nostris. M Quid in illa sentiendū est. M Pecca-

mur enā vt sic dimitat nobis petā nostra. f. cur et nos dimittimus debitoribus nostris. g. O que est sexta. M Erne nos inducas in tentationem. M Quō hoc intelligitur. M Non petimus vt non tentemur. quia qđ non est tentatio nō est pñam. sed peccatur ne nos inducat in tentatō. quā iudicare nō possumus. i. nō sicut nos in tentatōne peccare. In dicitur est dicit deus et auxiliū subtrahit. h. O que e septima. M Sed libera nos a malo. M quō est intelligendū. M id e a peccatō. a peccō et ab e malo tentamento. M Amen qđ in fine e quō intelligit vt cur Amen dicit. M Amen beatae dicit qđ in tūa verū vere et fideliter intelligitur.

ne gentiū: et gloriā plebis. Oratio dñica - tue isrl. Math. vj. et Luc. xj.

Pater noster qui es in caelis. Sanctificet nomen tuū. Adueniat regnū tuū. fiat volūtas tua sicut in celo et in terra. Panem nr̄m quotidianū da nobis hodie. Et dimitte nobis debita nra: sicut et nos dimittimus debitoribus nris. Et ne nos inducas in tentationē. Sed libera nos a malo. Amen

Symbolū aplos. Redo in deum pñem omnipotentē: creatorē celī et frē. Et in iesum xpm filiū eius vñicū: dñm nr̄m. Qui conceptus est de spū sc̄rō: natus ex marie v̄rgine

que quinta. M qui sicut nobis oēs nos per fidem saluari creditus. rogo vt dicit m̄ hi. quō sicut tuā intelligas: et enā in quō credas. M ego credo in deum patrem omnipotentem. creatorē celī et terre.

que sexta dicit omnipotentem: quare creator. M Omnipotens dicitur: quia omnia potest quecumqz vult. creator eo qz oia creauit celū et terram et mare et omnia. b. O credo in iesum xpm. M Quō credo in iesum xpm filiū et vñicū dñm nr̄m qui est verus deus et verus homo. M Quō deo. et quō verus hō. M Quō verus est. qz de spū sc̄rō conceptus e. hō verus. quia ex maria v̄rgine natus est. c. O ecce illum natū. qđ postea factum e. M Quō sanctū est. quō natus est etate et sapia crescenti triginta annos impleuit. In qua etate a iohanne baptista dignatus e baptizari. et post baptismum tribus annis et dimidio docuit. M perdidit omnia que

Иллюстрации к статье Ф. В. Панченко

Рис. 1. БАН, Срезн. II.75, л. 180 об.

Рис. 3в

Рис. 3а

Рис. 3б

Рис. 3г

Рис. 3д

Рис. 3е

Рис. 3. БАН, Срезн. II, 75, а – л. 208 об., б – л. 136 об., в – л. 211 об., г – л. 196; Spätgotisches Musterbuch des Stephan Schriber. Urach, 1494. BSB Cod. icon. 420, д – л. 14, е – л. 4

Рис. 4а

Рис. 4б

Рис. 4в

Рис. 4г

Рис. 4д

Рис. 4е

Рис. 4. БАН, Срезн. II.75, а – л. 180, б – л. 379 об., в – л. 3, г – л. 304 об., д – л. 158 об., е – л. 354 об.

Рис. 5а

Рис. 5б

Рис. 5в

Рис. 5г

Рис. 5д

Рис. 5е

Рис. 5ж

Рис. 5з

Рис. 5и

Рис. 5. БАН, Срезн. II, 75, а – л. 331 об., б – 389 об., в – л. 197, г – л. 364,
д – л. 23 об., е – л. 163, ж – л. 205, з – л. 213, и – л. 199

Рис. 6а

Рис. 6б

Рис. 6в

Рис. 6г

Рис. 6д

Рис. 6. а – Псевдо-Цицерон. «Риторика для Геренния». BL, Arundel 271, f. 3; б – БАН, Срезн. II.75, л. 3, в – л. 242, г – л. 478, д – л. 255

Рис. 7. Псевдо-Цицерон. «Риторика для Геренния». BL, Arundel 271, f. 3

Рис. 8а

Рис. 8б

Рис. 8в

Рис. 8г

Рис. 8д

Рис. 8е

Рис. 8ж

Рис. 8з

Рис. 8и

Рис. 8. БАН, Срезн. II. 75, а – л. 16, б – л. 108, в – л. 157 об., г – л. 179 об., д – л. 194 об., е – л. 331 об., ж – л. 307, з – л. 402 об., и – л. 479 об.

Рис. 9. БАН, Срезн. II, 75, л. 173 об.

Рис. 10. БАН, Срезн. II.75, л. 174

Иллюстрации к статье А. Е. Жукова

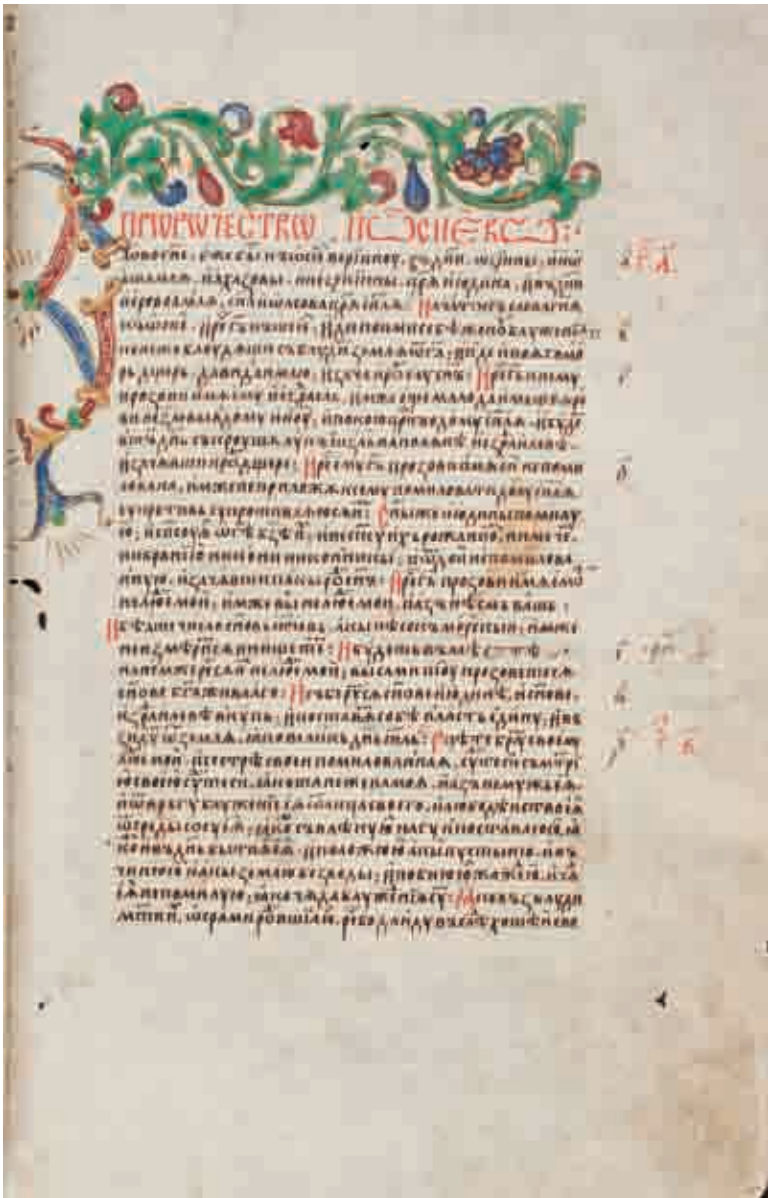

Рис. 1. БАН, Срезн. II, 75, л. 3

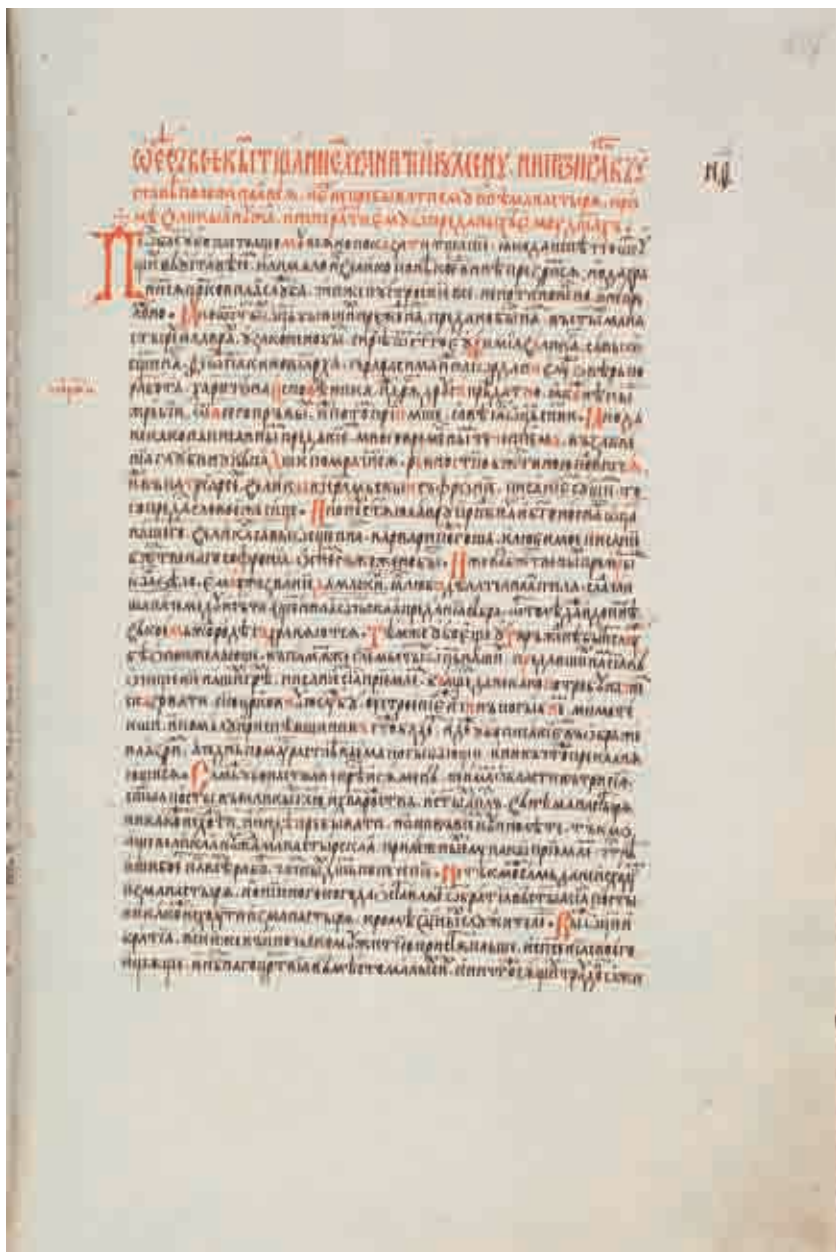

Рис. 5. БАН, Срезн. II, 75, л. 407

Рис. 6. БАН, Срезн. II.75, л. 391 об.

Рис. 7. БАН, Срезн. II.75, л. 478

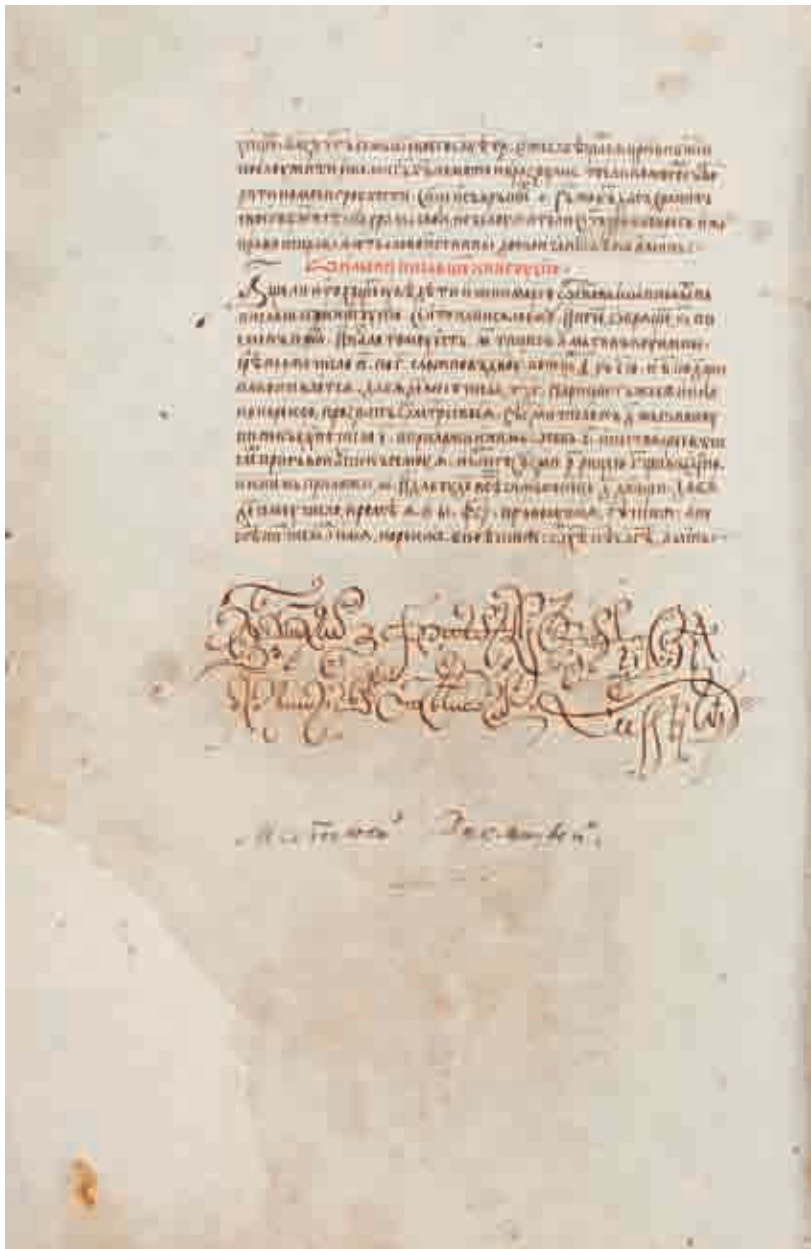

Рис. 8. БАН, Срезн. II.75, л. 477 об.

Иллюстрации к статье А. А. Романовой

руководитель	А	В	С	Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я
руководитель	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я	
руководитель	Г	Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я		
руководитель	Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я			
руководитель	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я				
руководитель	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я					
руководитель	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я						
руководитель	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я							
руководитель	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я								
руководитель	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я									
руководитель	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я										
руководитель	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я											
руководитель	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я												
руководитель	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я													
руководитель	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я														
руководитель	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я															
руководитель	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я																
руководитель	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я																	
руководитель	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я																		
руководитель	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я																			
руководитель	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я																				
руководитель	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я																					
руководитель	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я																						
руководитель	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я																							
руководитель	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я																								
руководитель	Ъ	Ы	Э	Ю	Я																									
руководитель	Ы	Э	Ю	Я																										
руководитель	Э	Ю	Я																											
руководитель	Ю	Я																												
руководитель	Я																													

Рис. 1. БАН, Срезн. II, 75, л. 475 об.

Иллюстрации к статье И. Д. Соловьевой

Рис. 1. Евангелист Матфей. Миниатюра. Последняя четверть XV в. ГРМ, др. гр. 99

Рис. 2. Ангел. Миниатюра. Последняя четверть XV в. ГРМ, др. гр. 99 об.

Рис. 3. Евангелист Марк. Миниатюра. Последняя четверть XV в. ГРМ, др. гр. 100

Рис. 4. Орел. Миниатюра. Последняя четверть XV в. ГРМ, др. гр. 100 об.

Рис. 5. Евангелист Лука. Миниатюра. Последняя четверть XV в. ГРМ, др. гр. 101

Рис. 6. Телец. Миниатюра. Последняя четверть XV в. ГРМ, др. гр. 101 об.

Рис. 7. Евангелист Иоанн. Миниатюра. Последняя четверть XV в. ГРМ, др. гр. 102

Рис. 8. Лев. Миниатюра. Последняя четверть XV в. ГРМ, др. гр. 102 об.

Иллюстрации к статье Е. И. Серебряковой

Рис. 1. Апостол-апракос
1-й четв. XVI в. ГИМ,
собр. Щукина, № 313, л.
40 об. Инициал В

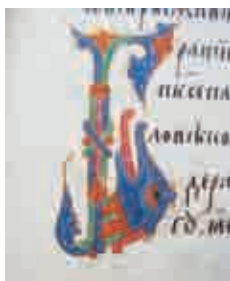

Рис. 2. Апостол-апракос
1-й четв. XVI в. ГИМ,
собр. Щукина, № 313, л.
50. Инициал Б

Рис. 3. Апостол-апракос
1-й четв. XVI в. ГИМ,
собр. Щукина, № 313, л.
7 об. Инициал В

Рис. 4. Апостол-апракос
1-й четв. XVI в. ГИМ,
собр. Щукина, № 313, л.
3. Инициал В

Рис. 5. Евангелие-апракос
1-й четв. XVI в. ГИМ,
Музейское собр., № 4059,
л. 17 об. Инициал В

Рис. 6. Евангелие-апракос
1-й четв. XVI в. ГИМ,
Музейское собр., № 4059,
л. 203 об. Инициал В

Рис. 7. Евангелие-
апракос сер. XVI в. ГИМ,
собр. Черткова, № 159,
л. 7. Инициал В

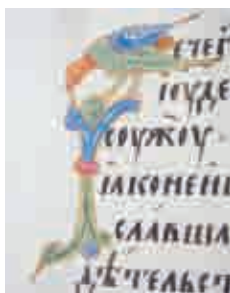

Рис. 8. Евангелие-
апракос сер. XVI в. ГИМ,
собр. Черткова, № 159,
л. 18 об. Инициал Р

Иллюстрации к статье Е. И. Морозовой

Рис. 1. Четвероевангелие. 1470–1480-е гг. ГИМ, Чудовское собр., № 30, л. 7б об. Евангелист Матфей

Рис. 2. Четвероевангелие. 1470–1480-е гг. ГИМ, Чудовское собр., № 30, л. 106б об. Евангелист Марк

Рис. 3. Четвероевангелие. 1470–1480-е гг. ГИМ, Чудовское собр., № 30, л. 169б об. Евангелист Лука

Рис. 4. Четвероевангелие. 1470–1480-е гг. ГИМ, Чудовское собр., № 30, л. 273б об. Евангелист Иоанн

Иллюстрации к статье Е. В. Гусаровой

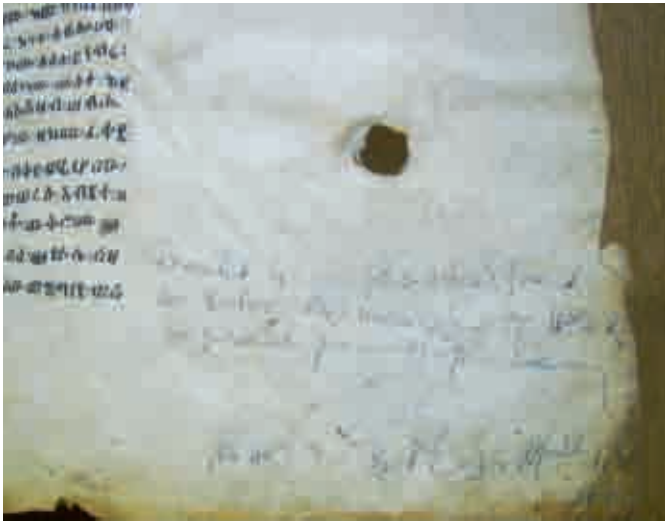

Рис. 1. ИВР РАН, Эф. 100, л. 202. Дарственная надпись на английском языке

Рис. 2. ИВР РАН, Эф. 100, л. 129 об. Фараон со своим войском тонет в Черном море, Моисей и израильтяне

Рис. 3. ИБР РАН, Эф. 100, л. 7. Полихромная заставка, обрамляющая текст с трех сторон

Иллюстрации к статье Э. С. Смирновой

Рис. 1. Заставка перед кафизмой 10. Симоновская Псалтирь. Вторая четверть XIV в. ГИМ, собр. Хлудова, № 3, л. 125 об.

Рис. 2. Заставка перед Чтениями на Пасху. Евангелие. 1323 г. ГИМ, собр. Хлудова, № 29, л. 1 об.

Рис. 3. Благовестие Захарии и Рождество Иоанна Предтечи. Миниатюра после Песни пророка Захарии в Симоновской Псалтири. Вторая четверть XIV в. ГИМ, собр. Хлудова, № 3, л. 285 об.

Рис. 4. Христос с Марфой и Марией. Выходная миниатюра Симоновской Псалтири. Вторая четверть XIV в. ГИМ, собр. Хлудова, № 3

Рис. 7а. Проповедь Христа перед «языками» («Оущенье языкъ»).
Миниатюра перед Псалмом 66 в Симоновской Псалтири. Вторая четверть XIV в. ГИМ,
собр. Хлудова, № 3, л. 115

Рис. 7б. Спас на престоле. 1337 г. Художник Михаил. Благовещенский собор Московского Кремля

Иллюстрации к статье А. Г. Боброва

Рис. 1. БАН Литвы, F 22-49, л. 304 об.-305

ISBN 978-5-87781-054-9

9 785877 810549